

Алан Коул Кристофер Банч История воина

Далекие Королевства – 2

<http://www.bomanuar.ru/>
«Коул А., Банч К. История воина: Фантастический роман»: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; Москва; 1996
ISBN 5-7632-0141-8

Аннотация

Очередной роман из цикла об Антеро известных американских фантастов Аллана Коула и Кристофера Банча вновь увлекает читателя в волшебную страну магии, демонов и необыкновенных героев. На этот раз в центре событий – сестра Амальрика Антеро, женщина-воин Рали. Одолев в изнурительной войне своих заклятых врагов ликантианцев, она вместе со спутниками отправляется в погоню за властителем Ликантии архонтом – злобным суперволшебником. Рали попадает чуть ли не на край света, побеждает архонта и находит свою необыкновенную любовь – прекрасную принцессу Ксиа.

Алан КОУЛ, Кристофер БАНЧ ИСТОРИЯ ВОИНА

СЮЗАН И КАРЕН

Книга первая ПОГОНЯ

Глава первая ДЕМОН У ВОРОТ

Я – бывший капитан маранонской гвардии Рали Эмили Антеро. Я солдат и останусь

солдатом, пока старуха с косой не придет за мною. Как и большинство солдат, я молюсь о твердой земле под ногами, о хорошо сделанном и хорошо заточенном оружии, о горячей бане и горячей еде после долгого марша. Короче, я больше доверяю здравому смыслу, чем магической чепухе.

Однако два года мне пришлось топтать деревянную палубу линейного корабля, сражаться ржавым оружием и радоваться, что хоть оно у меня есть, пришлось мыться холодной морской водой, есть редко и что придется. Мы носились по таинственным западным морям и сомневались, что когда-либо снова увидим дом. А что касается здравого смысла, то он едва не погубил меня, если бы магия и чародейство не принесли спасение.

Мои подвиги – и подвиги моих солдат – восхваляли многие. Историки уже сложили роскошные мифы о нашей необыкновенной многомильной погоне, положившей конец величайшему в мире злу. Они пишут, что на карту было поставлено само существование рода человеческого. Выдумка почти победила правду в мифах, и кровавые уроки были забыты, а ведь без них, без накопленного опыта, мы останемся безоружными, если зло и тьма вернутся снова. Кроме того, я считаю, что правда окажется более интересной, чем ее красивая сестра – ложь.

Но мне надо предупредить вас, до того как вы углубитесь в чтение: я – женщина. Если вам это не по нраву, захлопните книгу и уходите, я не стану по вас скучать. Все остальные – добро пожаловать к моему очагу. Если вам холодно, разведите огонь и согрейтесь. Если вы испытываете жажду – вот рядом с камином кувшин подогретого вина. Если вы голодны, позовите ленивого официанта – он принесет вам заказанное мною холодное мясо. Я рада, что вы здесь.

Мой писец только что посоветовал мне упомянуть в этом месте повествования богов и богинь, покровительствующих писателям и поэтам. Но я поклоняюсь другим богам, и они ревнивы. Я сказала старому дурню, что меч всегда победит перо, поэтому изнеженным богам чернил и бумаги придется отойти в тень. Мои молитвы тем, кто не дает пролиться моей крови, кто хранит мою плоть и мои кости.

Приступая к повествованию, я даю писцу еще один наказ. Слова, которые он пишет, должны быть моими, и только моими. Мне нет дела до того, нравятся ему мои фразы или нет. Я буду говорить только правду – неприкрашенную, как лысина писца, как его лицо, лишенное подбородка. Правде не нужно цветистое красноречие, чтобы облегчить путь. Но этот писец упрямый и склочный, он похож на трех его предшественников, которых я выгнала. Я сказала ему, что, если он будет упрямиться, я отрежу ему голову и насажу ее на шест у моей входной двери как предостережение его преемнику. Писец говорит, что он больше боится за свою репутацию, чем за свою голову. Он что-то бормочет об искусстве. Он говорит, что это история, а не байки, рассказываемые в казарме.

Я не согласна с ним и не стыжусь этого. В казарме все началось и в казарме закончится. В середине будет много убитых воинов, которых я оплакиваю, и много подвигов, которые я восславлю.

Плохая примета – убивать писца. Кроме того, он принадлежит моему брату, и я обещала Амальрику вернуть его в хорошем состоянии. В интересах семейного согласия я оставляю его в живых. И тем самым я возлагаю на себя все последствия, которые вызовет моя повесть.

Я начинаю ее.

Некоторые люди утверждают, что, когда моя история только начиналась, в тот день поутру много нехороших знамений наполнили сердца людей страхом: испортилось молоко у кормящих матерей, свинья владельца таверны родила двухголового поросенка, в оружейной заточенные накануне мечи без видимой причины затупились, стаканчик для бросания костей у одной гадалщицы раскололся, едва она встряхнула его. И даже будто бы один воскреситель сошел с ума и превратил свою жену и тещу в пару волков.

Я не могу на это ничего сказать. В тот день я проснулась после страшного похмелья.

Долго и болезненно я осознавала, где нахожусь. В более счастливые времена я бы лежала в огромной, мягкой постели в уютном доме, который полагался мне как командиру маранонской стражи. Рядом со мной лежала бы прекрасная Трис. Потом после объятий и поцелуев следовал бы обильный завтрак и час воинских упражнений вместе с могучими женщинами, из которых состояла стража. Вместо этого я проснулась в маленькой холостяцкой комнате в караулке – я спала, скрючившись на каменном лежаке. И... я была одна. Я ушла из собственного дома три недели назад после нашей последней, самой злой из всех, ссоры. А за день до того я увидела свою теперь уже бывшую любовницу в компании своей подчиненной, у которой была нехорошая репутация. Некоторые считали ее привлекательной, но мне она казалась жирной, нуждающейся в продолжительном мытье, и на верхней губе у нее пробивались усики. Она без сомнения растоптала бы мою невинную Трис.

Я попыталась вылечить разбитое сердце сначала одной кружкой горячего ароматного вина, потом другой, пока вечер не сменился ночью, смутными воспоминаниями о пьяной песне, шаткой походке, кажется, драке и в конце – бессознательным падением на это жесткое ложе.

Я люблю крепкие напитки, но не чрезмерно. Богиня благословила меня быстрым, сильным телом, глазами, которые могут сосчитать блох в перьях летящего воробья, и трезвой, ясной головой. Это не похвальба, все, о чем я говорю, было дано мне от рождения. Я ничего не сделала, чтобы заслужить эти дары, поэтому всегда считала своим долгом держать свое тело в хорошей форме, как и оружие, которое я ношу. Вино – страшный враг тела, такой же, как грязь и ржавчина – враги оружейной стали.

Все это я сказала себе, когда госпожа Стыд подняла меня с постели и я опустила голые ступни на холодный каменный пол. Словно тысяча солдат маршировала в моей голове, другая тысяча колола бесчисленными копьями мой язык, а в желудке поднялось восстание, и мне пришлось срочно отступить к ночному горшку, где я освободилась от вчерашней пищи. Когда я стояла возле горшка на коленях в позорной позе пьяницы, мне в голову внезапно пришло, что сегодня день пира в честь моей матери. Каждый раз на годовщину ее смерти моя семья собирается на вилле Амальрика, чтобы почтить ее память. Меня опять вырвало, а мадам Стыд уколола меня снова.

– Напиться в такой день! Пить все эти дни! – шипела она.

– Я не пьяна, проклятье! Я только страдаю с похмелья. Это Трис виновата, дрянная такая!

– Давай, давай, обвиняй бедную девочку, – ухмыльнулась госпожа Стыд. – А тем временем дух твоей матери бежит от твоего зловонного дыхания, не видя вокруг ни одного знакомого лица. Она, ее душа, будет бродить по свету, оплакивая свою падшую дочь.

– Прочь, прочь! – закричала я. Потом живот свело новой судорогой, и мне снова пришлось склониться над горшком. В этот момент за моей спиной открылась дверь.

– Смотрю, поклоняешься фарфоровой богине, – раздался ехидный голос. – Ты служишь примером всем нам, капитан.

Я вытерла подбородок, встала на ноги и с достоинством обернулась. За моей спиной стояла Корайс, одна из моих легатов. Она была тонкой и жилистой и напоминала кошку – особенно когда улыбалась и играла со своими жертвами, перед тем как расправиться с ними. В тот момент я была ее мышью, и ей нравилось играть со мной.

– Выйдите вон, легат, – проворчала я. – Я не в настроении для шуток.

Ухмылка Корайс стала еще шире, за ее чувственными губами сверкнули белые зубы, темные глаза засветились от удовольствия.

– Надо же, а я бы никогда не подумала – так хорошо ты скрываешь свои беды. Наверное, ни одна женщина в гвардии и не подозревает, что Трис спит теперь с другой.

Я еще ниже склонилась над проклятым горшком, мне хотелось провалиться от унижения.

– Только не говори мне, – простонала я, – что я кричала вчера об этом с крыш городских зданий.

– Ну-у, не совсем так, – ответила Корайс. – Но вчера ты была, без сомнения, в голосе. И, несмотря на то, что крыши нашего славного города были вчера в безопасности, Полилло пришлось стащить тебя с водонапорной башни на землю.

Не успела я оправиться от нового удара, как из коридора раздался могучий голос, напоминавший далекий гром:

– Кто упомянул мое имя? – Послышались тяжелые шаги, и в дверном проходе возникла необъятная фигура. – Клянусь богиней, сотворившей меня, если я поймаю ту, кто говорит обо мне за моей спиной, я отрежу ей левую грудь и сделаю из нее кошелек.

Это была Полилло, одна из моих легатов, как и Корайс. Она, пригнувшись, вошла в комнату. Полилло была более семи футов ростом, ее гармоничная фигура с удивительно длинными, красивыми ногами поражала мягкостью очертаний, скрывающих железные мускулы, которые вздувались громадными узлами, когда она поднимала свой боевой топор. Ее кожа была почти так же прекрасна, как и моя, а ее волосы, в отличие от моих – золотых, по цвету были близки к светло-коричневому. Если бы она стала куртизанкой, а не воином, то очень скоро добилась бы успеха.

Когда она увидела, что это я сижу на кровати, она мгновенно отпрянула назад.

– Ох, простите, капитан. Я не знала...

Я махнула рукой.

– Это мне надо просить прощения. Но если ты и вправду хочешь извиниться – очередь начинается у ночного горшка.

Полилло гулко расхохоталась и хлопнула меня по спине, от избытка чувства юмора едва не сломав мне плечо.

– Хорошая драка – вот что вам нужно, капитан. Это приведет вас в чувство. А если эти сопливые ликантианцы не струсят, вы скоро получите ее.

Упоминание о ликантианцах напомнило мне о моих обязанностях. Я со стоном поднялась на ноги, скинула ночную тунику и заковыляла к ванной. Пока я спала, в комнату тихо вошел слуга, и теперь все было готово: ванна оказалась до краев полна еще горячей водой, смешанной с очистительными благовониями. У подножия ванны стояла переносная ступенька.

Я спросила Корайс через плечо, не оборачиваясь:

– Что нового?

В зеркале я увидела, как Корайс пожала плечами.

– Почти ничего. Много слухов... некоторые хорошие... некоторые – не очень. Ясно одно – скоро быть войне.

Три недели назад архонты Ликантии бросили нам вызов – послали свой военный флот, чтобы рассорить нас с союзниками и захватить наши торговые корабли. Это случилось как раз в тот день, когда я разошлась с Трис. И теперь, когда я говорю эти слова писцу, я понимаю, что это не было совпадением. Моя профессия – война, и вести из Ликантии обрушились на нас как удар меча.

– Война будет, в этом нет сомнения, – мрачно заявила я Корайс, – но, кажется, наше безмозглое начальство не потребует службы от маранонской стражи.

Полилло сплюнула.

– Но мы же лучшие солдаты в Ориссе. Любая из нас выстоит против десяти мужчин из казарм. Почему, во имя Маранонии, они не дадут нам сражаться?

Она совсем немного преувеличила наши возможности, а ответ на ее вопрос я видела перед собой в зеркале, где отражалось мое тело. В душе я была воином. Но в мире, где правят мужчины, тело значит больше, чем душа. Я видела изгиб своей шеи и понимала, что она кажется очень изящной – если не вспоминать, как на ней вздуваются жилы, когда мне приходится действовать топором. Своей кожей я всегда гордилась: она приятна на глаз и на ощупь и в то же время прекрасно защищает меня от жары и холода. Несмотря на то, что я видела уже тридцать зим, моя грудь высока и упруга, соски розовые, как у девственницы, талия тонка, бедра хотя и узки, изгиб их крут, и между бедрами я видела золотистый

треугольник, обозначающий мой пол.

Вероятнее всего, Магистрат не позволит нам сражаться по трем веским – для них – причинам: 1) мы – женщины, 2) мы – женщины, 3) мы – женщины.

Все в Ориссе знают о маранонской страже, но почти никто не знает многого – кроме разве очевидного факта, что все стражницы – женщины. Мы являемся элитным подразделением, история которого уходит далеко в глубь забытого прошлого города. Обычная численность стражи – пятьсот душ, но в военное время наш состав удваивается. Мы поклоняемся и служим Маранонии, богине войны. Мы не принимаем мужчин в наши ряды, тем более что для большинства из нас это не большая потеря. Я не одинока в своем пристрастии к женской компании и женской любви. И кроме того, в цивилизованном мире, в котором мы живем, стража – единственное убежище для тех женщин, кто не хочет быть женой, матерью или шлюхой. Для тех, кому нужно спать с мужчиной, игра вряд ли стоит свеч.

Я молчала, а Полилло продолжала ворчать. Когда я закончила умываться и оделась, она продолжала обсуждать все ту же тему, как уличная собака, грызущая кость.

– Но они, конечно, разрешат нам маршировать с мужчинами, – настаивала она. – Ведь так, Корайс?

Корайс в очередной раз изящно пожала плечами. Она всегда так отвечала на вопросы, для которых еще не придумала ответа. Она была невысока, тонка, смуглое лицо ее было красиво. Корайс вовсе не была слабой, но ее козырем была скорость, вернее – скорость и хитрость. Только одна я в страже лучше ее владела мечом – и я не хвастаюсь: за все годы моей службы я так и не встретила фехтовальщика, способного одолеть меня.

– Если мы будем маршировать, значит, будем, – ответила я. – Если нет, значит, будем выполнять все, что они прикажут нам. Мы должны быть готовы ко всему.

Мое внешнее спокойствие было напускным. В душе у меня бушевал огонь, как после бокала крепкого вина. Маранонская стража редко участвовала в дальних походах, и это несмотря на то, что стража не раз показывала свою силу, защищая город. Магистрат и воскресители упрямо отказывали на наши многочисленные просьбы дать нам возможность участвовать в боях вместе с нашими братьями. Мы были последним резервом, говорили они нам. Нашей священной задачей было охранять Ориссу. Но любая стражница знала, в чем была настоящая причина – наш пол, который делал нас существами второго сорта – красивыми игрушками, которые следовало беречь, – так думали наши вожди. Полилло гневно топнула ногой.

– Я буду сражаться! – заявила она. – И ни один мужчина в городе не остановит меня!

– Ты поступишь так, как тебе прикажут, – оборвала ее я. – И, если хочешь остаться легатом, оставь свои заявления при себе. Мне не нужны бойцы, раздражающие всех бесконечными речами.

– Да, капитан, – согласилась Полилло, опустив голову. Ее полные губы дрожали. – Но это несправедливо.

Корайс успокаивающе похлопала ее по плечу.

– Почему бы тебе немного не поработать топором? – проговорила она весело. – Мы можем написать на учебных манекенах имена членов Магистрата, и ты будешь развлекаться, отрубая им головы.

Полилло вытерла глаза и улыбнулась. Она легко выходила из себя – иногда это было опасно для окружающих, – но шутка могла так же легко успокоить ее.

– Ты хорошая подруга, Корайс, – сказала она. – Ты всегда знаешь, как развеселить меня.

Но шутки быстро были забыты. Полилло спросила меня:

– Почему бы вам не поговорить со своим братом, капитан? Может быть, он сможет переубедить кого-нибудь из Магистрата?

– Я не люблю пользоваться семейными связями, – ответила я. – Стража победит или проиграет, рассчитывая только на себя.

Полилло нахмурилась, но Корайс дернула ее за локоть и увела. Я закончила одеваться в одиночестве. Времени у меня было достаточно, чтобы успеть добраться до виллы Амальрика, где проходил праздник в честь моей матери. Я надела свою парадную форму: сверкающие башмаки, короткую белую тунику, полированный ремень, на котором висели ножны с мечом и кинжал, поверх туники – плащ золотого цвета, по полдюжине золотых браслетов на руки и широкую золотую повязку на голову. Побрызгавшись апельсиновыми духами, я вставила в уши свои любимые сережки: они были тоже золотыми и украшены драгоценными камнями – левая изображала копье моей богини, а правая – ее факел.

Потом – последний оценивающий взгляд в зеркало. Рассматривая себя, я задумалась, а когда очнулась, то обнаружила, что машинально поглаживаю болтающийся в ухе факел – символ поиска мудрости. Может быть, Полилло была права? Моя гордость не должна стоять на пути гвардии к славе, которой она заслуживала.

«Очень хорошо, – решила я, – поговорю с Амальриком. Если кто-нибудь и сможет заставить шевелиться толстые туши в Магистрате, так это он – мой младший брат».

Город был объят предвоенной лихорадкой. Война еще не была официально объявлена, но людские эмоции опередили формальности. Я ехала по улицам и смотрела на возвышающийся на холме храм Воскрешения. Из трубы над залом заседаний валил черный дым – в этом зале члены Магистрата совещались с воскресителями, ища у них магической поддержки и совета. На рынке люди бешено хватали товары, наполняя мешки и тележки тем, чего, как они считали, скоро будет недоставать. Юные храбрецы шатались по городу верхом и пешком, выкрикивая военные лозунги и глупо хвастаясь, как славно они будут побеждать всякого встречного врага.

Из окон и дверей домов выглядывали красивые девушки, и я не сомневалась, что вскоре большинство из них ускользнет от родительского ока, чтобы встретиться с юнцами до наступления утра. В тавернах было полно народу, на рынке у палаток гадалщиц стояли очереди, а старые ведьмы бросали кости или рассматривали окровавленные органы животных в поисках знамений будущих событий. Из оружейных кузниц доносился непрерывный звон молотов, и я знала, что в подвалах дворца воскресителей кипит такая же горячая работа, волшебники плетут нити заклинаний и заговоров – готовится волшебное оружие. Одного я не могла понять – почему наши вожди занимались обсуждениями, вместо того чтобы приступить к делу.

Как большинство солдат, я фаталистка – что будет, то будет. Я не люблю политиков, потому что они могут красивыми словами скрыть предназначение судеб. Они ведут себя так, словно в жизни есть выбор, когда нужно просто плыть по течению и принимать все, что тебе ниспослано. Если ты видишь перед собой горный перевал, за которым лежит сокровище, можешь быть уверен, что рано или поздно через него пойдут люди с жадностью в сердце. Если видишь хорошее место для засады, пусть даже вокруг дикая пустыня, я готова спорить, что кровь там уже была или будет пролита.

По моему глубокому убеждению, все ликантианцы были нашими злейшими врагами и должны быть посланы к праотцам как можно скорее. Мы из разных миров. Орисса – торговый город, в ней полно жизни, смеха, мы гордимся любовью к искусствам. Мы речные люди и, как любой речной народ, любим мечтать. Мы не боимся грести против течения, чтобы добиться своего, потому что знаем, что скоро то же самое течение будет охотно нести нас домой.

Ликантия – город, рожденный на неприветливом берегу суровым морем. Его жители никому не доверяли и завидовали всем. Они добровольно подчинялись двум архонтам, и любое их слово, какое бы зло оно ни несло, было законом. Ликантианцы тоже любили мечтать, но они мечтали о завоеваниях, они видели сны о добыче, ворочаясь ночью на своих жестких ложах на морском побережье. Они мечтали об огромном королевстве, в которое вошли бы наши земли и земли других народов, а мы все должны были бы стать их счастливыми рабами.

Много веков мы сражались с ликантианцами. Мы сражались хорошо и умело, а они

готовы были понести любые потери в лобовых атаках, лишь бы добиться победы. В последний раз мы почти выбили их из их логова, но воздержались от окончательного, смертельного удара. Вы, может быть, согласитесь с утверждением наших политиков, что слабая Ликантия – это лучше, чем никакой Ликантии, они, конечно, враги, но без них наши границы оказались бы открыты для нападений других народов. Вы, естественно, не удивитесь, что я была с этим не согласна. И вот почему: 1) их архонты начали строить против нас козни с первого дня после поражения; 2) Амальрик и ныне покойный – чему я весьма рада – Янош Серый Плащ едва избежали смерти, путешествуя к Далеким Королевствам: засады ждали их буквально на каждом углу; 3) когда Амальрик и Янош обнаружили страну, которую мы теперь называем Ирайя, они открыли там заговор архонтов и принца Равелина против родного брата принца – короля Ирайи Домаса.

Вам этого недостаточно? Жалкий червяк, который служит у меня писцом, говорит, что, независимо от последствий, решение не разрушать Ликантию было гуманным и поэтому правильным. Итак, я продолжаю свой список: 4) мой брат вернулся из Далеких Королевств не только с выгодными торговыми договорами, но и с удивительными магическими познаниями, которыми король Домас согласился поделиться с нами; 5) архонты Ликантии поняли, что наше новое знание может помешать им возродиться из пепла и погубить нас; 6) они немедленно приступили к работе над новым магическим оружием; факты под номерами 7 и 8 были более очевидны и случились одновременно и не так давно.

Наши руководители были достаточно мудры, чтобы повсюду вокруг границ Ликантии – у перешейка полуострова, на котором стоял город, – расставить тайные патрули, которые донесли до нас ошеломляющую новость: великая стена Ликантии стояла снова! Она была построена много веков назад, еще тогда, когда ликантианцы не помышляли об образовании империи, с тех пор они укрепили ее, используя не только труд тысяч и тысяч рабов, но и магию архонтов. Но во время последней войны – в ней сражался и мой отец, Пафос Антеро, – все воскресители Ориссы объединились и создали могучие чары, и стена рухнула за одну ночь. Теперь она снова стояла – очевидное доказательство, что архонты имели с принцем Равелином более близкие отношения, чем мы думали, и часть его черных секретов перешла к правителям Ликантии.

Одного этого было бы достаточно для войны, но архонты – и это последний мой аргумент – разорвали все существующие между нашими городами мирные соглашения и послали свой военный флот, чтобы перехватить наши торговые корабли и корабли наших союзников. Это было объявлением войны, хотя я лично предпочла бы назвать это пиратством, потому что ликантианцы – настоящие бандиты.

Мой писец одобрительно кивает. Если даже этот грызун понял мои рассуждения, значит, вы и подавно поддержите меня. Когда Ликантия пала, мы должны были сжечь город, продать жителей в разные концы света, посыпать солью проклятую ликантианскую землю, чтобы само имя «Ликантия» ничего не говорило последующим поколениям.

О чем это я? Ах да, политики занимались политикой, воскресители колдовали, юнцы хвастались, девушки строили глазки, а Орисса готовилась к войне. А я ехала на виллу моего брата, чтобы почтить память своей матери.

Когда я приехала, вся семья, кроме Амальрика, уже собралась у часовни в саду. Был святой час Молчания, и мой запоздалый приход был встречен суровыми взглядами моих братьев и приглушенным презрительным фырканьем их жен. Но мне было наплевать на них, их души были подлы, и иногда я сомневалась, были ли они настоящими Антеро. Может быть, мой отец зачал их с какой-нибудь вонючей шлюхой? Омери махнула мне рукой, и я с радостью проскользнула между рядов братьев, кузенов и другой родни, чтобы сесть с ней.

Омери наклонилась ко мне и прошептала:

– Амальрик в храме Воскрешения. Он должен скоро вернуться.

Я в ответ молча кивнула. Неудивительно – мой младший брат всегда находится в центре событий. Голова моя пухла от аргументов, которые я собиралась привести, чтобы убедить его помочь мне, но скоро тишина, мирные запахи и шелест сада заставили меня

думать о другом.

Моя мать, Эмили, была скромной женщиной и считала, что разукрашенные часовни и алтари ни к чему. Я была подростком, когда она умерла, а отец был слишком подавлен горем, чтобы удовлетворить ее нужды в послежизни. Амальрик тогда еще только начинал ходить, а другие мои братья – особенно старший, Порсемус, – хотели выстроить что-то вроде храма в ее честь. От имени моей матери я противилась этому и в конце концов одержала верх. Вместо храма под розовым кустом установили один-единственный камень без рисунка вроде того, что был на памятнике моему умершему брату Халабу. Моя мать любила звук журчащей воды, поэтому я попросила одного из воскресителей, и он своим волшебством создал маленький ручеек, который сбегал по могильному камню и стекал в небольшой бассейн, где всегда плавали лепестки роз.

Я смотрела на камень и вспоминала с гордостью, как тогда, двадцать лет назад, я одержала первую настоящую победу. Я была непослушным ребенком, любила носиться по лесу, швырять камни в птиц и драться с мальчишками, которые, скривив губы, называли меня девчонкой. Все постоянно жаловались на мои безобразия – все, кроме отца и матери. Отец говорил, что скоро я перерасту их и буду вести себя, как любая хорошенькая девушка. Мать ничего такого не говорила, и, когда я хулиганила в ее присутствии, она только улыбалась и делала вид, что не обращает на это внимания. Она всегда хотела дать мне образование и заставила отца нанять мне учителя – обычно учителей нанимали для мальчиков из богатых семей. И однажды душным вечером, когда тишина, казалось, была насыщена секретами и тайнами, я призналась ей, что хочу быть солдатом. Мать не упала в обморок, и не разрыдалась, и даже не очень удивилась, а только сказала мне, что хотела в жизни добиться многого, но не все ей удалось из-за ее пола.

– Ну почему, – экспрессивно воскликнула я, – мы были рождены женщинами, мама?! Разве не могли мы родиться мужчинами?

Тогда она удивилась.

– Я не это имела в виду, – пояснила она. – Я никогда не жалела, что я не мужчина. Как мне кажется, от пениса никакой пользы – он только ослабляет мозг. Нет, дорогая, не надо молиться, чтобы стать мужчиной. Молись, чтобы получить такую же свободу, какую имеют мужчины, и, если получишь ее, удовлетворишься этим. Я скажу тебе кое-что. Мне кажется, когда-нибудь наше время придет и тогда выяснится, что женщины гораздо лучше могут управлять миром, чем мужчины.

– Но я не могу ждать так долго, – закричала я. – Тогда я буду старой, а старух не берут в солдаты.

Мать внимательно посмотрела на меня и покачала головой.

– Если ты действительно этого хочешь, то тебе не придется долго ждать.

Через неделю отец нанял отставного сержанта, чтобы тот учил меня искусству боя. Он был очень молчалив и только улыбался, когда я жаловалась на царапины и на ушибы, нанесенные деревянным мечом за день обучения. Через год его улыбка стала еще шире, когда я превзошла его, моего учителя, во всех воинских искусствах и стала искать более опасного противника. К тому времени, когда мать умерла, я билась лучше, чем любой юноша из города, по крайней мере, лучше, чем все те, кто осмеливался помериться силами с девушкой-воином. Мне сравнялось шестнадцать, и я вступила в маранонскую гвардию. И я ни разу не пожалела об этом.

Мелодичные звуки лиры вывели меня из задумчивости. Омери, которая незаметно отошла от меня, сидела на стульчике возле могилы и тихо перебирала струны своего любимого инструмента. Она посмотрела в мою сторону через головы других и начала петь грустную песню. Я знала, что поет она для меня. Я смотрела на волну ее рыжих волос – почти таких же ярких, как у Амальрика, – и думала, что брату повезло, что он нашел такую женщину. У меня когда-то была любовница, которая так же много значила для меня, как Омери для моего брата. Не Трис, Отара, ее глубокий горловой смех, мягкие руки и пальцы, которые могли прогнать дурные мысли из моей головы. Она была со мной много лет и во

многом заменила мне мать... А потом она умерла.

Прости, я плачу, писец. Но не ухмыляйся, говоря, что это свойственно женщинам. Берегись! Если ты осмелишься сделать это – или хотя бы об этом подумать, – я забуду свое обещание и ты не выйдешь из этой комнаты. Отара живет в моем сердце, а слезы несвойственны мне, но до того, как книга будет написана до конца, слез еще будет немало – и часть из них прольете вы, читатель. А теперь я вытру глаза и соберусь с мыслями...

Пока Омери пела, я оплакивала Отару, но вот мелодия изменилась, и я почувствовала, что моя душа очистилась. Новый мотив был мажорным, и я вспомнила смех матери, машинально посмотрев на могильный камень. Я смотрела, как вода стекает в бассейн, журча, и мне казалось, что рябь на поверхности бассейна и лепестки роз составляют лицо матери. Она была живой – ее глаза открылись, губы шевелились. Воздух наполнился хмельным запахом сандалового дерева – любимый аромат матери. Я почувствовала, как теплая рука коснулась моей шеи, и услышала шепот – это был голос матери. Я не могла разобрать слова, но знала: если прислушаюсь, то обязательно пойму... На мгновение мне стало страшно... Но это все ерунда. Законы природы остаются в силе. Мать была такой же смертной, как и я сама. Не надо играть с духами. Я отбросила голову назад. Шепот оборвался. Запах исчез, и, когда я посмотрела на воду, лицо матери пропало. Омери прекратила играть. Я видела, что она хмурится и качает головой. Мне показалось, что я упустила что-то важное, и чувство потери причиняло боль.

А потом все мысли о потерях, любовницах и призраках исчезли. Раздался топот копыт за воротами.

Амальрик вернулся из храма Воскрешения.

Он принес весть: война объявлена. Остаток дня был отравлен страхом и волнением. Этим вечером все граждане Ориссы должны были собраться в Большом Амфитеатре, чтобы выслушать публичное заявление, которое, без сомнения, будет сопровождаться представлением для поднятия боевого духа.

Мой брат поздоровался со всеми, никого не забыв, терпеливо отвечал на глупые вопросы родственников: сколько, по его мнению, продлится война, какие финансовые трудности ждут наш род, какие товары могут исчезнуть из продажи, чтобы можно было заранее запастись и спекулировать некоторое время спустя. Несмотря на то, что Амальрик был младшим из детей моего отца, именно он стал главой семьи. Отец мудро передал управление своей финансовой империей не старшим братьям – слабовольным, ленивым и глупым, – а Амальрику. Понятно, что было много зависти и злобы, но сила личности моего младшего брата, его слава как открывателя Далеких Королевств быстро утихомирила завистников.

Он встретился со мной взглядом, подмигнул в знак того, что нам надо поговорить. Отделавшись от многочисленной родни, он пошел к дому, не забыв на прощание напомнить им об общегородском собрании.

Несколько минут спустя я сидела рядом с письменным столом в его кабинете. По его мрачной улыбке и цвету лица я поняла, что он принес не только новость об объявлении войны.

– О чем ты молчишь, дорогой брат? – спросила я. – Давай... выкладывай самое худшее.

Он засмеялся, но невесело.

– Я никогда не мог ничего от тебя скрыть, правда, старшая сестра?

– Это потому, что у меня большой опыт, дружок, – ответила я. – Помню времена, когда ты еще был мальчиком, и довольно безответственным, – я ловила тебя с ящерицами в кармане, а позже гоняла подружек из твоей постели.

Брат был так молод, что после смерти матери мне пришлось его растить. Мы всегда доверяли друг другу, делились секретами, которые таили от всего остального мира.

– Ладно, Амальрик, – сказала я. – Расскажи-ка своей мудрой сестре, почему паникуют эти глупцы в храме и Магистрате.

Амальрик мрачно улыбнулся.

– Несмотря на то что мы были предупреждены давно, наши войска не готовы к войне.

– Это неудивительно, – заявила я. – Хотя мои женщины подготовлены прекрасно. С тех пор как мы услышали бряцание мечей из Ликантии, мы удвоили часы тренировок. Кроме того, я без приказа начала вербовку новых рекрутов в женских лицах, на базаре, платя за их содержание из неприкосновенных фондов. За такую инициативу меня могут разжаловать.

Мое признание встревожило его. Он пристально посмотрел мне в лицо.

– Все остальные наши войска теперь будут делать то же, – произнес он наконец. – Особенно после того, как Магистрат уволит негодных командиров.

– Если даже Магистрат зашевелился, значит, проблема действительно серьезна.

Амальрик вздохнул.

– Это еще не все. Тут замешана магия.

– Можно было догадаться. Но все они – трусливые дураки. Что, перестали верить в собственные заклинания? Или они поленились воспользоваться секретами, которые ты привез из-за моря?

– Разумеется, нет. Но архонты тоже времени даром не теряли, – заметил Амальрик. – И похоже, что от принца Равелина они получили больше черных тайн, чем мы предполагали. Наши воскресители боятся, что они ни в чем нам не уступают. Взять только эту проклятую стену через полуостров, которую архонты восстановили. Один воскреситель сказал мне, что во дворце никто, даже Гэмелен, не сможет совершить такое чудо за одну ночь.

– Ну и что? – усмехнулась я. – В конце концов сталь решает, кому достанется победа. Говоришь, их архонты нашли способ защищаться от наших заклинаний? Ну, значит, наши колдуны придумают что-нибудь посильнее, и эта гонка будет продолжаться долго, пока наконец в дело не вступим мы, солдаты, и не начнем вести войну старым, добрым способом – топорами, мечами и луками. Не беспокойся. Мы всегда побеждали их в прошлом. Магия не может ничего изменить.

– Вообще-то ты права, – охотно согласился Амальрик – Я многое узнал о военной магии от Яноша Серого Плаща. Он был не только великим волшебником, но прежде всего – здравомыслящим воином.

Он налил себе вина в бокал. Я отрицательно мотнула головой, когда он предложил налить мне тоже, и вместо этого глотнула холодной воды.

– Однако на этот раз, – продолжал он, – постоянно доходят слухи об ужасном оружии, которое придумали архонты. Я понимаю, что перед началом войны сплетни множатся быстрее, чем мухи в навозе. Но сам Гэмелен отметил странные колебания магического эфира, поэтому даже он озабочен.

Я замолчала. Если Гэмелен – а он был не только главным воскресителем, но и весьма хладнокровным человеком – озабочен, можно смело начинать бояться.

– Что еще? – спросила я после паузы.

– Архонты пытаются добиться расположения короля Домаса, – ответил брат. – Он хитер, поэтому вряд ли их ждет успех. Разве что они убедят его, что наша карта бита. Тогда он поступит, как любой разумный монарх, – поддержит будущего победителя.

Если это случится, у нас не останется ни единого шанса. Далекие Королевства превосходят и нас, и наших врагов вместе взятых в магических науках. Сейчас Королевства были нашими союзниками – благодаря Амальрику. Но кто знает, что может случиться.

– Нам остается только ждать, – вздохнула я, прикрываясь фатализмом как щитом.

– Я сделаю все, что смогу, – заявил мой брат. – Магистрат приказал мне отправляться в Ирайю. Я должен повлиять на короля и удерживать его от союза с архонтами в течение всей войны.

Выражение его лица было мрачным, и я понимала почему. Ему придется не только пропустить все сражения, но и несколько лет, пока длится война, жить среди иностранцев.

– Когда уезжаешь? – спросила я.

– Через несколько дней. Как только упакую вещи и подготовят корабль.

Я лихорадочно размышляла, чем мне может помочь брат.

– До того как уедешь, не мог бы ты поговорить с Магистратом? В этой войне понадобится каждый меч. Маранонская стража не должна оставаться дома!

Амальрик покачал головой.

– Я уже пробовал протолкнуть эту мысль. И неудачно.

Мое сердце чуть не разорвалось. Я не ожидала, что поражение будет таким скорым.

– Но почему? – крикнула я, хотя прекрасно знала ответ сама.

– Так же, как и всегда, – ответил он. – Пришлось выслушивать их идиотские рассуждения несколько часов.

– Дай-ка я воспроизведу их! – воскликнула я, едва сдерживаясь. – Боги сотворили женщин слабыми, им не пристало быть воинами, они недостаточно мужественны, чтобы сражаться, их настроение зависит от менструального цикла, они не умеют рассуждать, они – жертвы случайных капризов, солдаты-мужчины не будут им доверять, если придется драться рядом, или будут их беречь, подвергая свои жизни и саму победу опасности, они станут шлюхами, так как всем известно, что женщины не могут контролировать свои инстинкты и будут совокупляться с каждым доступным мужчиной. Если их возьмут в плен, то изнасилуют, унижая этим честь города Орисса.

– Ты ничего не пропустила. Последний пункт вызвал особенно горячие возражения.

– Тысяча чертей!

– Я тоже так думаю, – подхватил Амальрик. – Правда, мои аргументы не были такими выразительными и точными. И еще одно. Командовать экспедиционным корпусом будет генерал Джинна. Это он был самым ярким противником участия маранонской стражи в войне.

Моя ярость достигла новых высот. Джинна – главнокомандующий! Это удивило меня, хотя на самом деле удивляться не стоило. Таких вояк, как Джинна, разводится полным-полно в мирное время. Они все одинаковы: из хороших семей, заканчивают хороший лицей, всегда получают очередное повышение в звании, хороши собой и никогда не ввязываются ни в какие скандалы. Во время войны эти положительные качества оборачиваются во вред: они никогда не осмеливаются нарушить инструкции, считая начальство глупее себя и опасаясь его, срывают зло на своих подчиненных. И стараются по мере сил избегать скандалов, не делая ничего, кроме самого необходимого, да и то если есть на кого свалить ответственность за последствия. А что до их смазливых лиц – я ни разу не видела, чтобы красота помогла отразить удар копья.

Короче, генерал Джинна олицетворял собой все недостатки нашей армии, возникшие за долгие ленивые годы мира.

Я никогда с ним напрямую не сталкивалась, но один раз на маневрах, когда мы по диспозиции должны были отступать, я послала своих стражниц в «битву», используя неуставную тактику, которая не только смела его авангард, но и нарушила все расположение войск. Джинна был известен как фанатичный враг всего нового и оригинального, этим он мало отличался от отцов города.

Мой гнев улетучился, и осталось лишь разочарование. Глаза затуманились слезами, но я не позволила себе разреветься. Я слышала, как Амальрик поднялся, и почувствовала на плече его ободряющую руку.

– Только не говори, что сочувствуешь мне, – буркнула я, – или я потеряю остатки достоинства.

Предупреждение было ненужным. Амальрик знал меня слишком хорошо, чтобы заговорить.

Я подумала о той минуте, когда увидела в глубине грота лицо матери, почувствовала запах сандалового дерева и услышала неразборчивый шепот. Почему тогда прогнала ее? Почему я отвернулась? Да потому, что там не было призрака. Видение – лишь результат моей слабости, продукт воображения. Но я тут же возразила себе: воображение или нет, но на секунду я все-таки поверила. Был ли это призрак или игра воображения, я отвергла его. Почему? Я не знаю. Ответ если и был, то находился на дне черной бездны.

Амальрик сказал, словно сумев прочесть мои мысли:

– Мать гордилась бы тобой, старшая сестра.

– Откуда ты знаешь? – чересчур резко спросила я. – Ты же ее едва помнишь.

Амальрик опустился на мягкий ковер и прислонился к моей ноге. Так он сидел когда-то давно, когда был маленьким мальчиком, а я была мудрой и отважной старшей сестрой.

– Ты много мне рассказывала о ней, – ответил он, – я уверен, что это было бы так.

Я фыркнула, но на самом деле была рада.

– Какой же была мама? – спросил он. Голос его зазвенел, как у ребенка.

– Ты уже все знаешь сам.

– Расскажи снова, – попросил он. – Она была красива?

– Прекрасна, – ответила я, вспоминая ее гладкую кожу, большие глубокие глаза и стройное тело.

– Она была нежной и мудрой?

– Самой нежной и самой мудрой из всех матерей.

– Расскажи, почему она решила назвать тебя Рали.

– Ты слышал это уже тысячу раз.

Но брат сжал мою руку, и я принялась рассказывать. Я никогда не могла ни в чем ему отказать.

– В деревне, где она родилась, у колодца стоял древний идол. Это была статуя молодой девушки, она жила очень давно. Ее нашли в лесу, некоторые говорили, что ее вырастили звери. Она не знала, что хорошо, а что плохо, и вела себя так, как подсказывал инстинкт. Она была сильнее любого мальчишки и всегда побеждала их в состязаниях. И она была прекрасна, и все парни за ней бегали. Жителям не нравилось ее поведение, и старейшины изгнали ее. Вскоре после этого на деревню напали враги. Их было много, и все свирепые. Казалось, что поражение неминуемо. Но девушка появилась из темноты на спине огромной черной кошки, а за ними – все животные, обладающие клыками или когтями, с ревом выскочили из леса и растерзали вражеских солдат. А потом все звери исчезли, и девушка с ними. Легенда утверждает, что, если беда придет снова, девушка вернется. Поэтому в деревне стоит эта статуя, напоминая, что чужое и странное – не обязательно плохое и злое.

– И они называли ее... – подхватил Амальрик.

– Да. Они называли ее Рали.

– Почему?

– Потому что... – Я вспомнила, как мать рассказывала мне эту историю в самый первый раз. Я сидела у нее на коленях, и она обнимала меня. Я задавала те же вопросы, а она отвечала так, как я собиралась ответить.

– Мать говорила, что это старое слово... на языке ее деревни «рали» означает «надежда». Это слово пришло ей на ум, когда она в первый раз поднесла меня к груди.

Мы долго сидели молча. Потом Амальрик хлопнул меня по плечу и встал.

– Спасибо за рассказ.

Я усмехнулась.

– Это мне надо благодарить, дорогой брат. Хотя ничто и не изменилось, твой хитрый трюк заставил меня почувствовать себя лучше.

Амальрик не стал возражать. Он взял меня за руку и сказал:

– Я снова подниму этот вопрос в Магистрате.

Я только кивнула. Но в душе проснулась слабая... надежда.

В тот вечер весь город собрался в Амфитеатре. Богачи сидели рядом с нищими, толстые купцы теснились с торговцами рыбой, рыночная гадалка – с тощей длинноносой дамой. На огромном помосте в центре арены стояли наши вожди: магистры, Гэмелен и его воскресители, военные, богатейшие купцы и – немного сбоку, но все равно на почетном месте – мой брат Антеро. Магия увеличила их фигуры и усилила голоса, чтобы народ мог видеть и слышать.

Я знала, что Амальрик, как и обещал, поговорил в Магистрате насчет маранонской гвардии. У него не было времени сообщить мне о результате, но я знала, каким было решение, потому что за час до церемонии в наши казармы пришел скороход. Магистрат просил нас, защитниц Ориссы, принести в Амфитеатр статую Маранонии, чтобы ей были возданы почести и принесены обильные жертвы.

Другими словами, нам сказали «нет» и бросили кость, чтобы мы заткнулись.

Я ни слова не сказала своим стражницам, когда мы строились вокруг статуи на огромной арене Амфитеатра, – их лица сияли гордостью. Улыбка Полилло могла осветить ночь, а Корайс от волнения забыла наорать на одну из своих подчиненных за пятно на золотом плаще. Я и сама гордилась своими солдатами за их воодушевление, профессионализм, преданность, несмотря на то что знала, какое горькое разочарование ждет нас всех через час. Я смотрела в лицо Маранонии, запрокинув голову, и шептала свою молитву, благодаря богиню за то, что она дала мне возможность командовать таким войском. Она мне не ответила, но я с радостью увидела вспышку в ее алмазных глазах. Она казалась еще выше, чем обычно, в одной руке – факел, в другой – золотое копье.

Я опустила глаза. Высокий, неуклюжий Гэмелен шел в центр арены, чтобы вознести моления богам. Его длинные седые волосы и борода развевались от быстрого шага. Он остановился и вскинул худые, костлявые руки, отбросив рукава черного плаща.

– Все поклоняются Тедейту! – закричал Гэмелен.

– Все поклоняются Тедейту! – взревела в ответ толпа.

– О повелитель Тедейт! – раздавались над Амфитеатром слова Гэмелена. – Твой народ собрался сегодня, чтобы попросить помощи в этот тревожный час. Злые колдуны злоумышляют против нас. Они хотят покорить наши земли – твои земли – и поработить нас, твоих преданных рабов. Орисса в смертельной опасности, о повелитель Тедейт. Орисса...

Злобный вой заглушил голос мага. Ясное звездное ночное небо заслонила плотная туча, по краям ее сверкали молнии. Вой перешел в два голоса, выговаривающие нараспев в унисон:

Демон идет,
Пожирает.
Западня хлопнула,
Мыши пойманы.
Демон идет,
Убивает.

Все, даже малые дети, знали, кому принадлежат эти два голоса. Архонты Ликантии нанесли в этой войне удар первыми. Удар мог стать и последним, потому что целый город оказался в Амфитеатре как в ловушке, во власти магии архонтов.

За моей спиной словно ударил гром, я резко повернулась и успела увидеть, как огромные ворота Амфитеатра слетают с петель, сбитые исполинской силой. Ворота еще не успели упасть, как на арену впрыгнул гигантский демон. Он приземлился на четвереньки и покрутил головой, осматривая место своего пира, обещанного ему архонтами. Это существо походило на помесь собаки с большой обезьяной. Оно присело на задние лапы, изготавившись к следующему прыжку, хлеща себя по бокам гибким длинным хвостом. У чудовища были руки, покрытые темной клочковатой шерстью. Они выглядели зловеще, но еще больший ужас наводили его клыки. Собачья морда, маленькие обезьяньи уши, три налитых кровью глаза довершали портрет монстра.

В толпе, вначале окаменевшей от ужаса, началась паника. Раздались визги и крики, люди беспорядочно убегали во всех направлениях. У Гэмелена и других воскресителей совсем не было времени, чтобы придумать защитное заклинание, если оно вообще

существовало против такой могучей магии.

Обезумевшая от ужаса женщина попыталась проскочить мимо чудовища, то с оглушительным ревом подхватило ее пастью, легко вздернув вверх. Несколько секунд человеческое тело билось в жестоких зубах, потом раздался последний крик и все было кончено.

Аппетит приходит во время еды, и демон двинулся вперед.

Не раздумывая я вытащила меч и выкрикнула боевой клич – дикий яростный крик воина Маранонии. Мои сестры не бросили меня, мой призыв был подхвачен, мы стали одним голосом, одним телом, одним разумом.

Демон обернулся и бросился на нас. Мы приняли вызов во имя Орииссы, готовые сражаться до тех пор, пока не падет последняя из нас или не погибнет враг.

Мы стали берсерками, обезумевшие от ярости, нечувствительные к боли. Мы рубили и кололи, чудовище отбрасывало нас, но мы снова поднимались на ноги и бросались в бой. Поначалу, ошеломленный самоубийственной атакой, демон быстро пришел в себя, и через несколько минут десять стражниц были разорваны на куски и еще десять валялись в пыли арены, истекая кровью. Полилло, Корайс и я отступили, а потом снова напали на чудовище. Демон бросился навстречу нам, но промахнулся, приземлился на статую Маранонии, упав вместе с ней на землю. Статуя развалилась на куски. Демон поднялся, его задние ноги попирали останки нашей погибшей богини.

Я рванулась вперед, Корайс дернулась влево, пытаясь обойти чудовище сзади, Полилло метнулась вправо. В этот момент я увидела золотое копьё Маранонии, лежащее на земле. На самом деле оно было каменным, как и вся статуя, и только покрыто позолотой. Сама не зная почему, но я подхватила его на бегу. Копьё богини оказалось совсем легким, как дротик, словно было сделано не из камня. Я почувствовала его баланс в своей руке, как будто его выковал специально для меня мастер-оружейник.

Демон схватил меня, и я не сопротивлялась. Он поднимал меня все выше и выше, и внезапно завизжал от боли – это Корайс рубанула его топором. Значит, эта тварь была смертной! Но боль заставила его только усилить хватку, он тянул меня к своей мерзкой зловонной пасти. Я видела его красные глаза – зрачки были совсем узкие от ярости и боли. Тут демон снова взвизгнул и попытался смахнуть лапой что-то повисшее у него на плече. Я отчаянно боролась, пытаясь высвободиться или хотя бы ударить его копьём. Я видела, как Полилло вцепилась ему в плечо. Она увернулась от его удара и переползла ему на шею, крепко обхватив ее ногами. Она потеряла топор, но мне кажется, что, если бы он и был у нее, она бы все равно попыталась задушить чудовище голыми руками – сила против силы.

Полилло ухватила руками за уши демона и с силой дернула их на себя. Монстр взревел и попытался стряхнуть ее, но она тянула и тянула его чувствительные уши, выкручивая их, пока морда чудовища не задралась вверх. Демон попытался отбросить меня, чтобы освободить вторую лапу, но я сама вцепилась в него.

Я слышала, как Полилло взывает к Маранонии, прося у нее силы, я слышала, как трещат кости и сухожилия от адских усилий, и я видела перед собой незащищенное горло чудовища. Я изогнулась и ударила копьём. Оно легко вошло в мягкую плоть. Огромная туша скрючилась от боли, потом из раны хлынула вонючая пенящаяся кровь.

Демон открыл пасть, издав предсмертный рев, его тело сложилось пополам, а я с силой оттолкнулась ногами от его груди, и земля бросилась мне навстречу.

Я приземлилась на четвереньки и откатилась в сторону, исполинская гора мяса с гулом рухнула на арену, едва не раздавив меня.

Я схватила чей-то меч и бросилась вперед, чтоб прикончить чудовище, но в этом не было нужды – оно было мертво. Демон лежал неподвижно, и глубоко в его горле засело копьё богини.

Я осмотрелась – глаза мне застилал туман. Полилло и Корайс подошли ко мне, и мы обнялись, а потом засмеялись, а потом я слышала, как кричат от радости другие мои сестры. Мы обнимались, смеялись и плакали, да, плакали.

Мы стали героями в тот день. История маранонской гвардии пополнилась новой легендой.

Но пока город праздновал первую победу над архонтами, мы хоронили наших погибших, лечили раненых и чинили оружие. Конечно, приятно, когда тебя восхваляют, но если воин думает, что восторги толпы проживут дольше, чем ранний первый снег, то он жестоко ошибается.

На четвертый день Амальрик прислал ко мне гонца с просьбой встретиться в порту. Я поспешила к докам, зная, что он скоро уедет в Ирайю, на переговоры с королем Домасом.

Корабль уже был готов к отплытию, когда я добралась до порта. Амальрик ходил взад-вперед по палубе. Заметив меня, он закричал, как мальчишка, и побежал навстречу. Мы обнялись – брат и сестра, – чтобы потом расстаться надолго.

Я посмотрела ему в лицо. Теперь он не хмурился, а улыбался.

– У меня для тебя хорошие новости, старшая сестра.

Я замерла. «Рали» означает «надежда», подумала я. «Рали» означает «надежда».

И Амальрик сказал:

– Магистрат передумал. И поскольку я участвовал в этом деле, я решил сказать тебе об этом до официального уведомления. Вы победили. Маранонская стража пойдет на войну вместе с остальными.

Я засмеялась от счастья. Он снова обнял меня.

– Этого ты добилась сама той ночью.

Я пожала плечами.

– Это была всего лишь первая стычка. И мне помогли.

– Ну, теперь дела пойдут легче.

– А тебе было легко, когда ты вместе с Яношем добирался до Далеких Королевств?

– Никогда, – усмехнулся Амальрик. – На пути всегда была следующая высокая гора, через которую требовалось перелезть, бандиты, от которых приходилось спасаться, пустыня, которую надо было пересечь. Я понял, что легче не становится никогда, обычно каждый новый шаг труднее предыдущего, но ты идешь и идешь... до конца.

– Надеюсь, это понимают и другие, а не только мы с тобой, – сказала я.

– Нет, – покачал головой Амальрик, – разве что некоторые. Кое-кто из воскресителей думает, что это и было секретное оружие архонтов. Они были просто в экстазе, когда вы убили тварь. Но Гэмелен охладил их. Это было сильное колдовство, так он сказал. Но...

– Но всего лишь демон, – вставила я.

– Точно. Всего лишь демон.

На корабле ударили в колокол. Мы обнялись и поцеловались в последний раз. Амальрик поднялся на борт, и корабль отплыл от причала. Я стояла и смотрела ему вслед, пока он не исчез за излучиной реки. Последнее, что я видела, – огненная вспышка солнца на рыжих волосах Амальрика.

И прошло много лет, прежде чем я снова увидела брата.

Глава вторая ОСАДА ЛИКАНТИИ

Еще не прошло и двух месяцев с тех пор, как я была приглашена в Цитадель Магистрата на освящение великой фрески. Там мне вручили святой нож, и я принесла в жертву белого буйвола. Это была великая честь, особенно для женщины. Фреску, опоясывающую стены под куполом, освящали уже второй раз – ее пришлось изменить после моего возвращения. Художник изобразил сцены Второй Ликантианской войны, как он их себе представлял, и всякий раз, когда я смотрела на фреску, мне приходилось сдерживать улыбку. По крайней мере, теперь, когда я вернулась из дальнего похода, многим хвастунам придется прикусить язык и многие «правдивые» истории окажутся нелепыми рассказами.

Мой писец, который теперь больше похож не на крысу, а на тараторящую белку,

боится, что я прямо сейчас начну объяснять, почему первый вариант фрески вызвал такой скандал среди магистров и воскресителей. Можешь быть спокоен, бельчоночек. Я слишком опытна в рассказывании преданий войны за кружкой пива в кругу боевых товарищей, чтобы забегать вперед.

Я заговорила о фреске потому, что любое описание войны в картинах, стихах или песнях так же лживо, как ответ отца на вопрос маленького сына: «А откуда берутся дети?»

Экспозиция начинается с изображения зверств ликантианцев и того страшного нападения в Амфитеатре. На следующей картине армия Ориссы стройными рядами браво шагает на войну. Дальше штурм Ликантианской стены – несколько довольно скучных картин, где ориссиане колют, рубят, режут. Заканчивается все изображением последней битвы. По правде говоря, мне следует лучше отзываться об этой мазне, так как там изображены мои женщины, маранонская стража и среди них невообразимо прекрасная воительница, долженствующая изображать меня. Но я поклялась говорить правду и не скрывать своих мыслей, иначе мой рассказ уподобится бредням пьяного солдата, от которых посетители таверны бегут прочь, домой, несмотря на мороз и ветер за окном.

Я хорошо помню ясное весеннее утро, когда мы в блестящих доспехах слаженно маршировали, словно марионетки под управлением искусного кукловода. Мы пели теперь уже забытую песню – о том, как хорошо будет напиться крови ликантианцев и выпустить им кишки. Я заметила, кстати, что такие боевые гимны поются только до первого сражения, а потом слышны только песни о мире и покинутом доме.

Никто, конечно, и не ждал, что художник нарисует наше войско час спустя после того, как последние из провожающих повернули назад в город. Тогда мы скинули тяжелые парадные доспехи и побросали их в обозные телеги. В этой сверкающей броне теперь удастся покрасоваться либо после победы, либо в открытом военном гробу. Мне, однако, не понравилось, что после картины парада сразу шло изображение сцены падения стены – как будто не было ужасной годичной осады.

За этот год погибло слишком много ориссиан. Пало более трети моих стражниц, и мне пришлось научиться искусству, о котором молчат летописцы, – постоянно просить у начальства или у тех, кто обладал хоть крупинкой власти. Просить оружия вместо потерянного или сломанного, припасов и более всего – подкреплений взамен моих бедных убитых, раненых, покалеченных подруг. Прибывали новые рекруты, их приходилось долго обучать, прежде чем они получали шлем стражниц с гребнем, но все равно они не могли сравниться с теми, с кем я вышла из Ориссы.

Еще мне пришлось научиться писать письма матерям, отцам, женихам, где смерть дорогого человека всегда была мгновенной и безболезненной и всегда – во время совершения какого-либо подвига. По большей части это была ложь, но я не сожалею о ней. Гражданским не стоит говорить правды о войне, разве когда их надо запугать настолько, чтобы конфликты перестали бы решать с помощью меча.

Как только мы приблизились к Ликантианской стене, пролилась кровь. Мы атаковали и были отброшены. Еще один штурм с тем же результатом. Мы снова бежали от каменной стены, неприступной как скала. Мы вырубили лес и построили осадные машины, но и они не принесли нам успеха. Несколько раз нам удавалось достичь подножия стены, но мы не могли закрепиться. Воины – мужчины и женщины – погибали, если не убивались вовремя от стены. Но мы продолжали оказывать давление на врагов.

Когда они возвели свой город в незапамятные времена, они построили его как крепость. Город стоял на мысе полуострова там, где вулкан когда-то изрыгал огонь в небо. Море прорвалось в кратер, и образовалась огромная гавань с высокими стенами-берегами. Ликантианцы заперли вход в нее гигантской цепью, чтобы преградить путь врагам (нам например). На склоне кратера стоял чудовищный замок архонтов – там когда-то томился в заключении мой брат. Сам город был построен по берегам гавани и простирался дальше в глубь полуострова. В Ликантии предпочитали строить высокие дома – не как мы строили в Ориссе. В самой узкой части полуострова они возвели стену, за ней начинался глухой лес.

Ни единой ликантианской лачуги в нем не было.

Наша армия отрезала их от остальной земли, но могучий флот ликантианцев все еще был опасен. Мы, речные жители, совсем недавно поняли важность морских сражений, поэтому у нас было мало военных кораблей, строительство настоящего флота еще только начиналось. Особенно много кораблей было заложено на верфи Антеро, которую построил Амальрик, когда вернулся из Далеких Королевств. Мы не могли позволить ликантианским кораблям властвовать на море: они могли напасть на Ориссу или высадить у нас в тылу десант. По крайней мере, их корабли могли подвозить осажденным припасы, и осада длилась бы вечно. Когда стало ясно, что с ликантианским флотом надо сражаться, наши магистры и воскресители приняли нелегкое решение: они наняли морских пиратов. Никто ни секунды не сомневался, что пираты сражаются единственно ради выгоды, поэтому ни о какой самоотверженности не может быть и речи, и если враг предложит заплатить им больше, они не колеблясь перейдут на его сторону. Но другого выхода у нас не было, и флаг Ориссы был водружен на судне, которое еще недавно ходило под черным знаменем анархии. После пьяных «выборов» командование над ними принял «адмирал» Холла Ий, здоровенный бык, в котором все – смазанные салом и зачесанные назад волосы, шелковое платье, три или, как говорили некоторые, четыре кинжала, спрятанные на теле, высокие сапоги со шнуровкой и загнутыми носами – все говорило о том, что он заправский корсар. Необходимо признать, что, судя по последующим событиям, Холла Ий мог держать под контролем свою банду. Он начал свое правление с возведения нескольких виселиц вокруг пиратского лагеря и потом постоянно следил, чтобы на них болтались свежие трупы нарушителей порядка. И еще он нападал быстро и неожиданно и сумел загнать ликантианские корабли обратно в их гавань, потопив и захватив тех, кто осмелился сопротивляться. Великая цепь, запирающая гавань Ликантии (она простиралась от замка архонтов до сторожевой башни на другом берегу), остановила наши корабли, но теперь Ликантия была заперта не только с суши, но и с моря.

Битва у стены продолжалась. Магия воссоздала эту стену до начала войны, но, как я и говорила Амальрику, она пала под напором стали, лишь слегка подкрепленной волшебством. Весьма наблюдательный офицер из отряда пограничных разведчиков (этот отряд стал почти таким же элитным подразделением, как и мои стражницы) заметил, что один участок стены слабо охраняется. Спустя неделю наши катапульты стали изредка, чтобы не привлекать внимания архонтов, обстреливать это место стены. Когда каменная кладка частично разрушилась, был отдан приказ о штурме.

Генерал Джинна разрешил разведчикам быть первыми в штурмовых колоннах, несмотря на то что я отчаянно упрашивала поставить на это место стражниц.

Гэмелен находился в шатре Джинны, когда я спорила с генералом. Гэмелен предпочел покинуть Ориссу, чтобы возглавить экспедицию воскресителей. Многие называли это патриотизмом, но циники утверждали, что наши воскресители просто боятся секретного оружия, которое архонты могли придумать, используя знание волшебства принца Равелина. Но потом я узнала, и вы тоже узнаете в свое время, что Гэмелен покинул Ориссу по другим причинам.

Он вмешался и заставил нас обоих замолчать, когда спор стал таким громким, что стал слышен охране у входа в шатер. Тогда мне это не очень-то понравилось, но на самом деле он, вероятно, спас меня от разжалования и бесславного возвращения домой, так как я как раз собиралась назвать Джинну тупым вараном. Гэмелен предложил нам компромисс: как только разведчики захватят стену, мои стражницы пойдут во второй волне. Я буркнула слова благодарности, вежливо изогнула бровь, как этого требовал этикет, раздраженно стащила с головы шлем и вышла из шатра. Гэмелен последовал за мной и, когда мы оказались за пределами слышимости охраны, дотронулся до моего плеча. Я едва не рывкнула на него в раздражении, но вовремя вспомнила, что с магами нужно быть поосторожнее, а то он еще сотворит заклинанием специальных невидимых вшей для меня, чтобы поучить вежливости.

С тех пор как мы разбили лагерь у стены, Гэмелен заходил ко мне в палатку несколько раз. Никто не знал почему, и даже Корайс не смогла придумать никакой неприличной

причины. Я думала, что это было что-то вроде извинения за то, что он не сразу поддержал Амальрика в его борьбе против коррупции в гильдии воскресителей, или он делал это в память о моем давно умершем брате, убитом предателем, работавшим на принца Равелина. Но все эти теории были слишком неправдоподобны, чтобы удовлетворительно объяснить частые посещения волшебника.

Отблеск лагерного костра упал на его лицо, и я увидела, что Гэмелен слегка улыбается.

– Я понимаю ваше разочарование, капитан Антеро, – сказал он. – Но вы подумали о том, что, если бы генерал Джинна был поупрямее и не согласился со мной и с вами, многие из ваших стражниц остались бы завтра в живых?

Я едва не задохнулась от удивления и, не заботясь более о приличиях, закричала на него:

– Ну и что? Долг солдата – пасть на поле брани. Зачем же тогда они пошли служить, если не понимают этого?

Я услышала приглушенный смехок.

– О мой brave капитан! Ваш ответ – ответ смелого солдата. Но... я ожидал большего от Антеро. Ибо зеркало не всегда отражает только одну реальность.

– Я не понимаю.

Ответа не было, и Гэмелен исчез, растворился в темноте, мне даже показалось, что он использовал для этого магию. Я не долго размышляла над этим. Воскресители всегда вели себя так. Слухи об их волшебной силе возникли частично благодаря старательно нагнетаемой ими таинственности. Потом я подумала о другом: Гэмелен, суровый и безжалостный, как беркут, не только улыбался, но и смеялся – если только шум ветра не обманул меня. Может быть, когда-то давно, когда рыбы умели говорить, Гэмелен был обыкновенным человеком? Смеялся, любил, шутил, пил вино, подмигивал красивой девушке или юноше? «Невозможно», – подумала я и заторопилась: надо было отдавать приказы и готовиться к ночному бою.

Наша атака имела успех – к удивлению всех ветеранов, которые знали, что война – не только кровь, но и бестолковая неразбериха. Воскресители под руководством Гэмелена сотворили небольшое заклинание, нагнавшее тучи и ветер. Над полуостровом поднялось пыльное облако, небо потемнело – этого было достаточно, чтобы скрыть передвижение наших войск.

Атака началась. Разведчики забросили кошки на стены и, оказавшись наверху, прикончили немногочисленных защитников своим любимым оружием – пращами. Подали сигнал второй волне. Мои стражницы бросились вперед, приставляя к стенам штурмовые лестницы. Загорелись факелы, послышались крики, и началась резня. В тишине и скрытности больше не было нужды, к стене выдвинулись могучие тараны и принялись ритмично долбить камень. Ликантианцы наспех подтянули оказавшиеся под рукой подкрепления, но было уже поздно – стена оказалась пробита, и наша армия затопила полуостров. Бои начались на окраинах Ликантии.

Гэмелен зря опасался, что потери среди гвардии будут большими: мы наседали на ликантианцев, не давая им опомниться, зная, что стоит только ослабить натиск – и они соберут силы для контратаки. Мы не давали никому пощады и гнали врага через город. Я читала, что городской бой – самый кровавый из всех: нападающий может потерять контроль над продвижением своих сил, которые могут быть окружены и истреблены прежде, чем командиры поймут, что происходит. Все это верно. Во всех сражениях, в которых я участвовала до и после этого дня, я не видела такого количества крови.

По мере того, как мы наступали к морю, сопротивление ликантианцев становилось все ожесточеннее. Это был настоящий кровавый ужас. Солдаты и демоны выскакивали из странных высоких домов, топча на ходу своих же, чтобы наброситься на нас. Город защищали не только солдаты. Я видела, как дрались ликантианские женщины, вооруженные ножами, привязанными к палкам вместо пик, мечами и кинжалами, взятыми у мертвых. Я видела и других – невооруженных женщин, стариков, детей, которые, крича от страха,

пытались спастись и погибали под ударами солдат, обезумевших от жажды убийства. Даже мои стражники поражали безоружных. Офицеры и сержанты с трудом остановили резню. Бой продолжался всю ночь и весь следующий день, и внезапно мы оказались перед другой высокой стеной.

Это был морской замок архонтов. Там они остановили нас. Снова началась осада. Защитники замка отбивали атаку за атакой. Прошел еще год. Наша кровь и кровь врагов окрасила черные, закопченные пожарами камни стен. Ворота треснули под ударами таранов, но все равно стояли. В любой момент ворота могли открыться и замороженные колдовством архонтов воины Ликантии с яростью бросались на нас. За стеной внутри раздавались крики раненых и жалобные стоны умирающих от голода. Наша армия тоже терпела лишения. Война разорила страну на много миль вокруг. Припасов, которые подвозили корабли, было совершенно недостаточно, а ведь мы еще пытались кормить тех ликантианцев, которых архонты не согласились впустить в замок во время единственного недолгого перемирия. Наши солдаты страдали от голода и болезней, и лекарские палатки были переполнены. Сон никому не приносил облегчения: воздух был пропитан магией и спящих мучили кошмары.

Замок не сдавался единственно из-за упорства архонтов. Воины Ликантии, обладая они собственной волей, давно бы уже отомкнули ворота. Два короля-мага Ликантии с яростью сражались за свою жизнь. Наши воскресители, несмотря на заклинания, которые привез мой брат из Далеких Королевств, ничего не могли сделать против магии архонтов.

Я сказала, что бой на улицах Ликантии был самым ужасным зрелищем, которое я видела за свою жизнь. Но на самом деле осада еще хуже в некотором смысле. Время течет медленно, тебя одолевает скука, но расслабляться нельзя ни на секунду. Стоит только замешкаться на открытом месте, и зоркий лучник пошлет стрелу со стены, и она завязнет у тебя в кишках. Нельзя ни кричать, ни даже говорить громко, потому что враг может выстрелить на звук камнем из катапульты. Надо постоянно прислушиваться к тишине, или пропустишь вылазку врага и окажешься мертв раньше, чем увидишь блеск стали. Нельзя оставлять отбросы и кал незарытыми, иначе полчища мух быстро разнесут заразу по всему лагерю. Надо стараться чаще мыться, иначе грязь с кожи может попасть в рану и та нагноится. Надо быть жизнерадостной, чтобы подбодрить подруг. Надо...

И так далее. Но мой быстроглазый писец напоминает мне, что мы пишем книгу, а не инструкцию для молодых солдат.

Осада продолжалась, и мои отношения с генералом Джинной становились все хуже. Он постоянно посылал стражу в самые опасные места, многие из нас погибли, нас осталось всего около двух сотен, а подкреплений не было. Казалось, Джинна хочет совершенно истребить гвардию. Но в это я отказывалась верить, убеждая себя, что просто расстроена гибелью подруг. Трудно видеть, как умирают лучшие воины, им на смену приходят другие, чтобы тоже умереть. И я ни с кем не делилась мыслями, даже с Корайс и Полилло.

Ходили слухи, что Джинна наживается за счет армии и Ориссы, что у него есть специальные команды, которые собирают золото и драгоценности по брошенным жителями домам, а потом все отправляется в поместье Джинны под Ориссой. Никто, однако, не видел мародеров, поэтому я запрещала сплетничать об этом в моем присутствии. Но на совещаниях я не могла удержаться и внимательно наблюдала за генералом, ища в его лице признаки жадности. Таковых я не увидела, а вот неуверенность от того, что осада затягивается, была. И еще был страх, когда он выслушивал доклады наших разведчиков, которые, используя непроверенные слухи, говорили, что архонты уже почти подготовили свое секретное оружие и Ориссе грозит гибель.

И настал Судный день, но никаких знамений, описываемых в старых легендах, не было.

Генерал отдал приказ об очередном штурме на рассвете. Сержанты усталыми голосами выкрикивали команды, солдаты нехотя строились, ругая командиров и свою судьбу. Голодные волы потащили тяжелые боевые машины через грязь к стенам. У нас были тараны, и осадные башни на колесах, и огромные катапульты. Вперед, но на безопасное расстояние от стен выслали людей со штурмовыми лестницами. Там они дожидались сигнала к атаке,

нервно поглядывая на стены. Противник тоже готовился. Ликантианцы наполняли огромные котлы кипящим маслом и расплавленным свинцом, тащили наверх камни, чтобы обрушить все это нам на головы. Арбалетчики натягивали свое оружие и закладывали стрелы, лучники и копейщики заняли места у амбразур и между зубцов. Наши силы составляли двадцать тысяч. Профессиональных солдат осталось мало, среди них – двести моих стражниц, остальные были лавочники, мясники, рабочие, рабы с ферм. Сколько было врагов, мы не знали – может, десять тысяч, может, больше.

Взревели трубы. Солдаты устало грохнули в щиты мечами – надоевший ритуал начала битвы. Я увела десять своих подчиненных с поля боя. Джинна дал нам специальное задание, по поручению Гэмелена, как он уверял, но я не очень ему верила.

То, что мы должны были совершить, граничило с самоубийством. Поэтому я вела отряд, в который включила лучших бойцов и своих двух оставшихся в живых легатов. Я поклялась привести их всех назад живыми или, если от нас отвернется удача, умереть с мыслью, что мы сделали все возможное.

Мы все покрасили лица и открытые участки тела жженой корой, а на наше оружие наложили заклятье, чтобы оно не отражало солнечный свет и не давало бликов. Мы не надели доспехов, чтобы они не замедляли движений. Наши туники были темные или черные.

От укрытия к укрытию короткими перебежками, командуя жестами, я вела свой отряд к первой цели. Это была полуразрушенная сторожевая башня – она постоянно переходила из рук в руки. Наконец мы добрались до нее. Полилло встала под стеной, я взобралась ей на плечи, и она толчком своих мощных рук забросила меня вверх, где я смогла уцепиться за обломок балки пола второго яруса. Я подтянулась, стараясь, чтобы мусор не очень сыпался на, головы моих подруг, повернулась на бок и сняла с плеча веревку. Вербку я дважды обернула вокруг балки и длинный конец спустила вниз. Первой наверх ловко поднялась Корайс, за ней – остальные. Когда лезла Полилло, я с трудом держала свой конец – она весила вдвое больше любых двух женщин, взятых вместе, но через несколько секунд и она была наверху. Все было сделано почти бесшумно, если не считать поскрипывания кожаных ремней и ботинок и изредка – глухого бряцания оружия, обернутого тряпками.

Полилло сказала, поглаживая топор:

– Голубчик проголодался, давно не пил ликантианской крови.

– Наша задача сегодня не в том, чтобы убивать ликантианских крыс, легат, – сурово напомнила я ей. – Любая неосторожность приведет к провалу операции.

Полилло угрюмо замолчала, надув свои прелестные губки, как ребенок.

Корайс хлопнула ее по спине.

– Я поймаю одного для тебя, – пообещала она. – Можешь сломать ему шею.

Руками она показала, как это надо делать, при этом по-особенному прищелкнула языком, имитируя звук трескающейся кости.

Полилло оглушительно захохотала, но тут же оборвала смех, виновато оглядевшись по сторонам, – высокие стены замка были очень близко.

– Ах, Корайс, как грустно мне было бы без тебя!

– Если так тебя можно развеселить, дорогая, я поймаю тебе двоих, и пусть твои глазки всегда сияют.

Я не обращала особого внимания на эту болтовню перед боем, внимательно разглядывая стены замка, – не было никаких признаков, что мы обнаружены. Потом я посмотрела назад. Там кипела битва. Воскресители соорудили платформу, я видела, как они колдуют, делая пассы. Среди них был Гэмелен. Вот он произнес заклинание, и его голос, тысячекратно усиленный магией, донесся даже до нас.

Но стены замка в ответ, казалось, сами исторгли ужасающий вопль – это была магия архонтов. Земля содрогнулась. Потом нас оглушил ужасающий хор завывающих глоток, мы зажмурились и заткнули уши, бросившись ничком на землю.

Прошло несколько мгновений, прежде чем мы поняли, что ведем себя глупо, как молодой рекрут, которому кажется, что все стрелы направлены ему в грудь. Я снова

обернулась, чтобы посмотреть на бой. Утреннее небо потемнело, над полем сражения сверкали магические огни, в воздухе с воем схватились два легиона демонов. На земле битва тоже не прекращалась.

Я спустила веревку вниз в центральную комнату сторожевой башни. Нам надо было спуститься туда. Теперь наше положение стало более опасным, так как нас мог заметить с нависающей стены замка какой-нибудь внимательный часовой. В этом замке несколько лет назад томились в заключении мой брат Амальрик и Янош Серый Плащ. Сначала их держали здесь, пытаясь сломить магией, а потом перевели в мрачные подвалы. Я невольно вздрогнула, но тут же одернула себя. Мы пришли сюда, чтобы уничтожить это зло, таящееся за огромными серыми камнями стен замка, из которого правили архонты. Было что-то зловещее в окружающем, словно зло излучали сами стены, наполняя им воздух.

Теперь из сторожевой башни наш путь лежал по натеку лавы вдоль стены замка. Он выступал над пропастью в виде карниза не более длины копья в самом узком месте и в две длины в самом широком. Я заметила этот карниз еще раньше, когда из нашего лагеря наблюдала за замком, планируя операцию. Не думайте, что с той стороны можно было атаковать замок. С одной стороны стена, с другой – пропасть с гладкими отвесными краями, совершенно невозможно подвезти осадные машины или хотя бы приставить к стене штурмовую лестницу. Далеко под нами волны ударяли в скалу, покачивались стоящие на якоре корабли.

Я махнула рукой, и Корайс с тремя стражницами бесшумно направились к карнизу. Я услышала приглушенный крик, мгновенно мы все выхватили мечи – очевидно, впереди наши наткнулись на патруль. Полилло бросила свой мешок и взвесила в руке топор. Я ткнула ее в спину – Корайс бы крикнула, если бы ей понадобилась помощь. Полилло что-то буркнула, услышав звон оружия, донесшийся от стены, – я знала, что она жаждет битвы. Через несколько минут появилась Корайс и поманила нас к себе. Полилло зарычала от зависти, увидев ее окровавленный меч. Корайс усмехнулась и пожала плечами: что она могла сделать? Я цыкнула на них: не время устраивать разборки, надо идти дальше.

Почти бесшумно мы обогнули замок и достигли места, которое я присмотрела еще раньше. Здесь лавовый натек резко расширился, места было достаточно для большого штурмового отряда, который, правда, неминуемо был бы уничтожен, едва защитники замка заметили бы нападающих, так как сюда не смогли бы подойти подкрепления. Но я выбрала это место для диверсии не из-за ширины, издалека я разглядела и специальное заклинание, обостряющее зрение подтвердило, что здесь, возле угловой башни, когда-то были ворота. Теперь уже трудно было понять, зачем они прорублены, очевидно, когда-то тут стояла подъемная машина. Может быть, сюда доставляли различные секретные грузы для архонтов, что-нибудь настолько ужасное, что не должны были видеть ликантианские жители.

Когда я рассказала Корайс и Полилло о существовании ворот, у них загорелись глаза. Может, мы поведем отряд в замок через них? Я посоветовала им бросить думать об этом. Я знала, что архонты и их командиры не были дураками и уж конечно позаботились устранить это слабое место в защите замка. Если даже и возможно разбить эти ворота, то тут нужен таран, а как его доставить по узкому выступу скалы? Теперь, разглядывая ворота вблизи, я поняла, что не ошиблась. Они были накрепко зацементированы, и белый цвет известки говорил о том, что это было сделано много лет назад. Но все-таки ворота занимали не последнее место в плане Гэмелена.

Далеко внизу под нами был вход в гавань, и я видела гигантскую цепь, запирающую его. Каждое звено цепи, позеленевшее от времени, было размером с рыбацью лодку. Я часами разглядывала цепь, планируя операцию, прикидывая возможность добраться от замка до скалы, где цепь крепилась огромным крюком, вбитым в камень. Теперь я видела, что, даже если бы удалось это выполнить, пользы все равно никакой. Цепь поднималась и опускалась с помощью магии и специальных подъемников, расположенных в башне на противоположном берегу гавани. Башню ликантианцы защищали так же яростно, как и сам замок.

Тут я почувствовала стыд. Такие мысли присущи отважным новобранцам, мечтающим одним удачным действием покрыть себя славой. Но наш долг сегодня был более прозаичен, мы должны были отвлечь часть сил врага от противоположной стены замка, где уже несколько часов шел бой.

Мурашки побежали у меня по спине. Появилось пренеприятнейшее чувство, будто за нами наблюдают. Я внимательно осмотрела стену над нами и ничего не заметила. Но я научилась высоко ценить свое шестое чувство, поэтому осматривала стену еще и еще раз в поисках окна или бойницы, где мог прятаться наблюдатель. Но ничего не было.

На мгновение мне пришла в голову мысль, что Амальрик был заперт именно в этой угловой башне, – он говорил, что из его камеры он мог видеть гавань и цепь, – но нет, стены башни были слепые, ни единого окна, только гладкая каменная кладка. Камера Амальрика должна быть где-то в другом месте. Неприятное чувство, однако, не пропадало.

А потом я услышала голос, словно шептавший предостережение, но не смогла разобрать ни слова, не поняла даже, кто говорил: мужчина или женщина. Но голос был смутно знаком, и я вздрогнула, вообразив на мгновение, что он принадлежит Халабу, моему давно умершему брату. Амальрик рассказывал, что дух Халаба помог ему во время пребывания в Далеких Королевствах. Я считаю Амальрика здравомыслящим человеком, но, наверное, тогда он находился под влиянием этого негодяя Яноша. Или, может, в Королевствах делают очень крепкое вино.

Я подала сигнал. Полилло забросила мешок на плечо и бросилась вперед. Я побежала вслед за ней, пересекая открытое пространство. Полилло бежала легко, а между тем под тяжестью ее ноши согнулись бы двое здоровых мужчин. Мы остановились по ту сторону площадки, и мой легат открыла мешок. Там были три массивных шарообразных кристалла и непонятное устройство, разработанное нашими магами в их таинственной оружейной. Оно состояло из трехфутового цилиндра с шаром на одном конце. Цилиндр устанавливался на треногу с колесиками. Он мог раздвигаться, становясь примерно вдвое длиннее. Пока я возилась с установкой, через магический туман пробился луч света, высветив все вокруг. Я прокляла свои неуклюжие пальцы, зная, что в любую секунду нас могут заметить. Но наконец все было готово. По моему сигналу Корайс построила остальных в особом порядке, который Гэмелен вдальблывал в нас половину ночи.

Полилло нахмурилась – она так же мало доверяла магии, как и я. По идее, всеми этими делами должен был заниматься воскреситель, Гэмелен и хотел послать с нами кого-нибудь из своих подчиненных, хотя бы самого молодого (и, следовательно, наименее ценного), но Джинна, ничего не объясняя, запретил это делать. Полилло взвесила в руке топор и встала в боевую стойку. Я сняла с пояса небольшой кисет и посыпала сероватым порошком каждую из кристалльных сфер. Порошок был приготовлен из костей павших воинов. Чувствуя дурацкое смущение, я произнесла слова, которые Гэмелен заставил меня запомнить:

Нас мало,
Нас много,
Мы кости,
Мы плоть,
Нас десять,
Нас тысяча.

Я отступила на шаг, вытащила меч и, задрав голову, во всю силу легких прокричала боевой клич маранонской гвардии. Мои сестры подхватили его. Наши голоса слились в могучий хор. Потом наступила тишина. Мы молча ждали – десять человек, уверенные в своей скорой смерти. Я видела воинов, бегущих по стене замка.

Внезапно я ощутила покалывание в теле. Мои волосы встали дыбом, соски напряглись.

Покалывание перешло в тепло, сконцентрировавшееся в животе. Потом я ощутила огонь внутри себя. Я завывала от счастья и силы, переполнявшей меня, я слышала дикие голоса моих сестер. Я чувствовала себя не одним воином, а десятью, а потом эти десятеро превратились в сотню, и я стала одной из сотни женщин, вооруженных сотней сверкающих мечей. А вокруг меня было еще девятьсот сестер, ревавших от ярости.

Гэмелен обещал, что враг увидит нас в виде армии в тысячу воинов, выросших внезапно из земли. Я слышала удивленные возгласы со стены и поняла, что он не солгал. От жажды убийства у меня пересохло в горле, и я чуть было не отдала приказ об атаке, но в последний момент опомнилась.

Вместо этого я махнула рукой Корайс. Она и еще одна женщина бросились к установке и покатали ее вперед. Шар на конце цилиндра ударил в ворота, и хотя он был настолько мал, что не мог оставить на них даже царапины, удар получился таким громким, словно в ворота били огромным тараном. Воздух странно замерцал, и перед моими глазами предстала картина, которую видели ликантианцы со стены: две сотни воинов, атакующие ворота с помощью огромной боевой машины. Казалось, что стена рухнет от второго удара. Остальные восемь сотен в сверкающей броне, вооруженные луками, мечами, копьями, штурмовыми лестницами, представляли собой устрашающее зрелище.

Тревожные крики ликантианцев все усиливались, но в них не было для нас угрозы – на стенах царил паника. Я слышала, как Полилло издевается над их трусостью. Скоро враг оттянет силы от главных ворот, чтобы защититься от нового нападения. В резерве у Джинны были свежие войска, которые в этот момент будут посланы на штурм, и замок архонтов падет второй раз в истории Орииссы.

Тут раздался тревожный крик одной из стражниц. Небо быстро закрывали черные тучи. Они нависли над нами, и оттуда, сверху, донесся жуткий смех, который поразил меня ужасом до мозга костей. Тучи разошлись, и в просвете я увидела гигантское человеческое лицо. Его глаза были черны как ночь и пусты как пропасть, борода походила на густой лес, а полные губы были кроваво-красного цвета. Архонт засмеялся снова, и его смех был так громок, что разрушил колдовство Гэмелена и моя сила внезапно иссякла. Я снова стала одним-единственным воином, осмелившимся бросить вызов могущественным архонтам Ликантии.

Губы архонта шевельнулись, и он произнес, обдав меня зловонным холодным дыханием: «Антеро». Мне показалось, что в его голосе звучало удивление. Его взгляд превратился в червей, ползущих в мою душу, чтобы оставить там грязный, слизистый след. Снова смех. «Женщина!» Его насмешка прозвучала как гром. И он втянул в себя воздух и плюнул.

Его слюна обрушилась на нас с тучи потоком невообразимой грязи. Мы были поглощены и унижены этим зловонным селом. Лицо исчезло среди туч, которые еще продолжали зловеще клубиться какое-то время, а потом втянулись в окно замка – и все исчезло.

Мы вдесятером стояли на голой земле без малейшего укрытия, беззащитные перед врагом. И перед смертью нам приходилось переносить насмешки мужчин. Они издевались над нами, крича со стены грязные оскорбления, они со смехом описывали, что сделают с нашими трупами. Но насмешки оказали на нас неожиданный эффект – вместо страха они вызвали ярость.

Полилло взревела:

– Спускайтесь и сражайтесь, ликантианские подонки! Я отрежу вам руки, ноги и головы, засуну ваши половые органы вам в глотки и в таком виде отошлю вашим женам!

И она швырнула свой топор в ликантианцев. Он немного не долетел и ударился в стену (ни одна из нас не смогла бы кинуть топор и наполовину так далеко). Но топор не упал! Он не воткнулся в стену, а, казалось, просто висел в воздухе, словно его что-то поддерживало!

На стенах появились лучники, и густой дождь стрел взвился в воздух. Навык сильнее страха, и мы бросились на землю, постоянно перекатываясь, пока не оказались у самого

подножия стены. Я лежала рядом с Полилло, изо всех сил вжимаясь в камень. Наша безопасность была иллюзией, лучники смогут стрелять и вертикально вниз, или другие солдаты окатят нас горячим маслом.

Я взглянула вверх и увидела, что нахожусь прямо под топором Полилло. К моему удивлению, оказалось, что топор действительно не вонзился ни в какую щель, он воткнулся в карниз окна, которое даже не было забрано решеткой. Рассматривая стену под разными углами зрения, я увидела в ней несколько окон. Тут явно было какое-то колдовство. В этот момент одна из стражниц вскрикнула. Я обернулась. Она пыталась вытащить стрелу, засевшую в бедре. До нашей гибели оставалось несколько секунд. Я посмотрела на кристальные шары, которые мы бросили на открытом месте, и меня осенила мысль. Я коротко отдала приказание Полилло, ее глаза сверкнули надеждой.

Я вскочила на ноги и зигзагами бросилась прочь от стены, словно пытаюсь спастись. Стрелы густо падали вокруг меня. Я резко развернулась и бросилась назад. В это время Полилло тоже выскочила, но побежала немного в другую сторону. Пока я отвлекала внимание лучников, она бросилась к кристаллам. Подобрал один из них, она бросила его в бойницу, откуда стреляли лучники. Кристалл со свистом, словно был выпущен из катапульты, ударился в стену и взорвался с яркой вспышкой и грохотом. Я догадалась, или, вернее, надеялась, что воскресители придали кристаллам магический заряд, который можно высвободить не только с помощью магии, но и воздействуя на кристаллы физической силой.

От стены полетели осколки кладки. Полилло подхватила второй шар и швырнула его. Он перелетел через стену и взорвался во внутреннем дворе. Третий влетел напрямик в бойницу, и взрыв заглушил крик боли.

Пока враг не успел прийти в себя, мы просились по каменному карнизу назад. Корайс бежала первой, Полилло – последней, неся на плечах раненую подругу. Мы не тратили время на зигзаги, а бежали по прямой, как ласточки, летящие к гнезду. Но даже спасая свою жизнь, я не забывала оскорбления, нанесенного нам, и горечь поражения жгла мое сердце.

Мы без потерь достигли разрушенной сторожевой башни. Несколько выпущенных в нас стрел просвистели мимо.

И когда я взбиралась по веревке, внезапно мне в голову пришла мысль, как решить загадку замка архонтов. Я молилась Маранонии, чтобы она ускорила мой бег и ослепила врагов. Если богиня улыбнется своей дочери, я вернусь.

Глава третья ЧЕТ ИЛИ НЕЧЕТ

Знаешь ли ты, что такое ненависть, писец? Не надо отвечать, краска вины на твоём лице говорит за себя. Хорошо. Значит, тебе не чужды человеческие чувства. Это поможет тебе понять, что происходило между мной и Джинной.

Сначала я думала, что то была просто обоюдная неприязнь. Это бывает не так уж редко. Вполне естественно, что иногда два человека чувствуют отвращение друг к другу с первого взгляда. Я уже упоминала, что меня бесило в Джинне и таких, как он. Я не ждала, что понравлюсь Джинне. Аристократия Ориссы не жаловала купеческие кланы, как семья Антеро например. Деньги, заработанные трудом и торговлей, кажутся им презренными. Они считают себя повелителями нашего общества. Но в Ориссе простой крестьянин благодаря мужеству и уму может пробить себе дорогу в золотые палаты, куда Джинна попал по праву рождения. И еще – именно Антеро, а вернее мой брат, первыми освободили рабов, к великому неудовольствию благородных семей.

Таковы были причины для нашей неприязни, но Джинна был моим командиром, и я, как могла, скрывала свои чувства. Он же, однако, даже не пытался это сделать. Ну и ладно. Я солдат, который гордится тем, что может служить при любых обстоятельствах – даже если это вызывает неудовольствие начальства. Ночью накануне последней битвы, когда я сидела в палатке Джинны и излагала ему свой план, я поняла, насколько глубока была его ненависть.

Но тогда я была слишком захвачена предстоящим боем и не вгляделась в него попристальней. И теперь на моих руках кровь, кровь моих сестер и друзей, пролитых из-за моей ошибки. Их духи слишком добры, чтобы мучить меня. Но я плохо сплю, писец. А когда сплю, никогда не вижу снов.

Мужчины ничего не сказали после того, как я описала, что видела в стене. Генерал Джинна направил на меня свой красивый взгляд. Его бледное высокомерное лицо выражало вежливое внимание, губы сложились в гримасу, очень похожую на улыбку. Пока я говорила, он нетерпеливо барабанил пальцами по украшенному резьбой столу. Его помощники, беря пример с начальства, сидели со скучающим видом, сложив руки. В его палатке было влажно и воняло испорченным мускусом – аромат, который Джинна и, следовательно, его подчиненные предпочитали другим. Здоровяк, сидевший в углу, адмирал Холла Ий, развлекался тем, что раздевал меня глазами. Он похлопывал прутиком по шнурованному ботинку, пока таращился, и изредка приглаживал рукой проволоку, которую он называл волосами. «Ну, замечательно, – подумала я. – Еще один идиот, думающий, что мне нужен *настоящий* мужик, чтобы изменить сексуальные предпочтения». В обычное время я бы научила его вежливости, но тогда я излагала свой план и мне не хотелось отвлекаться. Пришлось не обращать на него внимания. В дальнем углу так же тихо, как и остальные, сидел Гэмелен. Я не видела его лица, но чувствовала, что от него не исходит враждебность.

Джинну поразил приступ зевоты, когда я впервые рассказала ему о топоре Полилло, воткнувшемся в скрытое магией окно, но краем глаза я видела, как приподнялась бровь на ястребином лице Гэмелена. Когда я принялась рассказывать о том, как я собираюсь использовать свое открытие и еще некоторые наблюдения, Джинна снова раззевался. Но я заметила, как напряжен Гэмелен, нервно теребивший бороду.

Капитан Хакс, первый заместитель Джинны, после величайшего усилия высказал подобие умной мысли:

– Не прикажете ли послать разведчиков, господин генерал, чтобы они подтвердили... э-э... необычные наблюдения капитана Антеро? – В его голосе так и сквозило ехидство.

Джинна усердно делал вид, что обдумывает предложение. Мне пришлось вмешаться.

– Это может все испортить. Только Тедейту известно, будет ли у нас еще один шанс проделать это.

Джинна нахмурился.

– Рассмотрев вашу точку зрения, капитан, мне требуется выслушать мнение профессионала.

Я едва удержалась от ругательства, показав вместо этого на свой доклад, снабженный рисунками, которые выполнила Полилло.

– У вас не только мое свидетельство. Мои офицеры тоже подписали это.

Хакс ничего не сказал, только покачал головой. Поняв намек без слов, Джинна произнес:

– Я не хотел бы без особой нужды огорчать своих подчиненных, капитан. Поэтому я не вижу нужды высказывать свое мнение по этому вопросу.

Он взял со стола мой доклад и рассеянно перелистал страницы. Усмехнувшись, он бросил бумаги на стол.

– Но ваш план огорчает меня. Это плод – как бы это сказать – разыгравшегося воображения. – Он повернулся к Хаксу. – Именно об этом я предупреждал на совете.

Я едва сдержалась, чтобы не броситься на него.

– Я говорю не за себя, – процедила я сквозь зубы. – Но я не позволю оскорблять моих солдат. Они служили получше некоторых и терпели те же лишения, что и вся армия.

Глаза Джинны сверкнули, но он остался внешне спокоен.

– То, что вы сказали, капитан, по большей части – правда. Но не все. – Он снова обернулся к Хаксу. – Меня очень беспокоят всякие противоречия.

Потом он снова посмотрел на меня с выражением добродушного превосходства.

– Но приходится делать скидку на физиологические особенности.

Холла Ий расхохотался отвратительным смехом. Этого я не могла вынести. Похлопав рукой по кинжалу в ножнах, я прошипела:

– Берегитесь, адмирал. Разве вы не слышали, что сказал наш генерал? Моей физиологии нельзя доверять.

Его лицо потемнело от гнева, к которому примешивалась растерянность. Как же реагировать на такой вызов? Еще ни одна женщина не говорила с ним таким образом. Пока он напряженно думал, что ему делать, я посмотрела на остальных. Хакс и остальные попритихли. Они знали, как я умею сражаться, некоторые даже видели меня за этим занятием. Они съжились на своих местах, как компания нашаливших мальчишек. Но Джинна не опустил глаз.

– Со всем уважением я прошу пересмотреть ваше отношение к моему плану, – сказала я, чтобы никто не мог обвинить меня в неуважении к начальству. – Мне кажется, он заслуживает более пристального изучения. Если я права, завтра к этому времени война будет окончена, а враг разбит.

– Я уже изучил его достаточно пристально, капитан, – ответил Джинна. – И принял решение.

– Я вынуждена настаивать, чтобы вы пересмотрели его.

Джинна ухмыльнулся:

– Я принял это к сведению, капитан Антеро.

Он поднялся, показывая, что разговор закончен.

– Я хочу, чтобы все это было официально зарегистрировано, – сказала я. – Это мое право, и все, здесь присутствующие, будут свидетелями. Завтра в ОриССу отправляется курьер. Я хочу, чтобы мой протест был отправлен в ОриССу завтра.

– Как?! Вы осмеливаетесь спорить со мной! – взорвался Джинна.

– Я не спорю с вами. Я просто хочу, чтобы мои права соблюдались, если позволите.

– Нет, не позволю! – рявкнул Джинна.

– То есть вы отказываетесь? – спросила я, добавив металла в голос.

Джинна взбесился еще больше, но Хакс дернул его за плащ. Генерала предупреждали, что дело зашло слишком далеко. Война шла без особых успехов, и мой протест некоторые политики могли использовать, чтобы найти крайних.

Джинна глубоко вздохнул и тяжело опустился на походный стул.

– Так что же вы хотите, капитан? – спросил он, пытаясь говорить, как справедливый мудрец, утомленный глупыми вопросами.

– Я хочу, чтобы матери не теряли больше сыновей, господин генерал, – ответила я, – я хочу, чтобы прекратилось кровопролитие и чтобы вы стали героем ОриССы. Я хочу, чтобы вы приказали привести мой план в исполнение.

Он тяжело вздохнул:

– Я не могу этого сделать.

– Почему?

– Ваш план губителен.

– Если это так, – возразила я, – скажите мне, почему. Поделитесь со мной вашей мудростью, генерал, и я отзову свой протест. Скажите, где я допустила ошибку?

Джинна оглянулся на своих прихвостней, ища поддержки, но тут вмешался Гэмелен.

– Да, генерал, – сказал он, – и мне интересно послушать.

Джинна, опешив, уставился на него. Воскреситель пощипывал свою бороду.

– Я просмотрел доклад и не нашел огрехов. Я, конечно, не профессионал, но...

Голос Гэмелена был тих, но теперь, когда он заговорил, все почувствовали его власть. Его взгляд был мягок, но Джинна съжился под ним.

– Очевидно, мне придется просмотреть доклад еще раз, – нервно пробормотал генерал, вручая доклад Хаксу. – Я хочу, чтобы эксперты внимательно изучили его, – торопливо проговорил он, – и дали ответ через неделю.

– Через неделю?! – закричала я, забыв о необходимости держать себя в руках. Но

докладу грозила опасность утонуть в бумажном море. – Да за это время мы потеряем еще тысячу убитыми! – Моя вспышка была ошибкой, я проиграла Джинне очко. Его тонкие губы оттянулись в улыбке.

Но в этот момент Гэмелен заговорил снова.

– Да, да, – произнес он немного рассеянно, словно до того велась спокойная беседа. – Боюсь, это надо делать сейчас или никогда.

Он порывлся в кармане своего черного плаща, и в палатке резко запахло серой. Я видела, как расширились глаза Джинны, когда маг разжал кулак, – на ладони у него лежали пять игральных костей с выгравированными на них загадочными красными символами. Насыщенный энергией воздух потрескивал. Перед нами были игральные кости верховного воскресителя. Я слышала, как Холла Ий шепчет молитву какому-то своему пиратскому божеству. Хакс и другие помощники Джинны были так испуганы, что еще немного – и убежали бы. А я в тот момент думала только о своем плане, поэтому не испытывала даже благоговения.

Глаза Гэмелена пылали желтым огнем. Он протянул кости Джинне.

– Бросайте их, генерал.

Джинна с трудом отвел взгляд от огненных глаз мага. Он облизал внезапно пересохшие губы.

– Но мне казалось...

Гэмелен покачал головой.

– От вас, генерал, зависят наши судьбы.

Поколебавшись, Джинна подставил дрожащую руку, и Гэмелен уронил в нее кости. Джинна машинально зажал их в кулаке. А Гэмелен произнес заклинание:

Кости Судьбы,
Откройте тайну.
Кто победит?
Кто погибнет?
Чью душу алчут демоны?

Джинна вскрикнул от боли и выронил кости на стол. По палатке разнесся запах горелого мяса.

Джинна дул на свою обожженную руку.

– Я... я не могу, – прошептал он.

Я слышала тревожный ропот остальных. Я заставила себя не бояться, заморозив в душе страх. Я позволила себе единственную поблажку – крепко вцепилась в рукоятку меча. Меня не очень успокоило потрясенное выражение лица верховного воскресителя.

– *Это случилось!* — прошептал он.

– Что? – Голос Джинны сел от ужаса.

Гэмелен мотнул головой, приказывая ему замолчать. Маг, склонив голову, внимательно прислушивался к звукам ночи. У меня по коже побежали мурашки, словно кто-то сверлил мне спину взглядом. Где-то далеко волчья стая торжествующе завывала, возвещая об удачном окончании охоты.

Гэмелен резко повернулся к Джинне.

– Архонты близки к победе. Мы должны действовать быстро, или мы погибли.

– Но что... – начал было Джинна.

Гэмелен отвернулся от него, собрал кости и вручил их мне со словами:

– Бросайте, капитан.

Я уставилась на него. Почему он попросил меня сделать это? Если боги покинули нас, как я могу изменить ход событий?

– Давай, Рали, – раздраженно воскликнул Гэмелен. – Скоро будет поздно!

Мне пришлось подчиниться. Я подставила ладонь и замерла, когда Гэмелен вложил мне в руку кости. И клянусь всем, что свято для меня: время в тот момент остановилось и между мной и остальными пролегла тень. Я почувствовала запах сандалового дерева – запах духов моей матери. У меня возникло ощущение, словно я вышла из горячей медово-молочной ванны. Все было таким... отчетливым в этом призрачном мире. Кости удобно лежали в ладони, и их касание было приятным, что немного тревожило меня почему-то.

И снова Гэмелен произнес то же заклинание. Кости не нагрелись, я лишь ощутила слабое пощипывание. Маг читал заклинание, а на ухо женский голос шептал мне: «Рали – значит надежда, надежда».

– Бросай их, – сказал маг.

Я неловко бросила кости. Чувство призрачного мира – по-другому я не могу его описать – исчезло, когда кости ударились о стол и покатались.

В ту же секунду палатку осветила ударившая рядом молния. Через мгновение раскат грома оглушил нас до боли в ушах. Гэмелен, казалось, не заметил ничего. С торжествующим смешком он схватил свои кости. Засовывая их в карман, он странно посмотрел на меня. Я опустила глаза. Честно говоря, я боялась прочесть его мысли.

Маг повернулся к Джинне, который бездумно стоял, открыв рот, как вытащенная на берег рыба.

– Она – наша единственная надежда, генерал. Я не знаю почему, но уверен, что это так.

Во взгляде Джинны мелькнуло сомнение. Он посмотрел на меня, и на короткое мгновение пелена спала с моих глаз, я увидела в его взгляде холодную ненависть. И только тогда я задала себе вопрос: а чем я заслужила ее? И еще я заметила, что в глубине его души гнездится страх. На несколько секунд я потеряла над собой контроль, чувствуя, как во мне растет злоба, я ощутила отчетливое желание перепрыгнуть стол, который разделял нас, и убить его.

А потом палатку осветила новая молния, на мгновение разогнавшая полумрак. Мы все подскочили, когда второй удар грома потряс землю.

Джинна схватил бокал с бренди и одним глотком осушил его.

– Так что же, генерал? – окликнул его волшебник. Джинна слабо кивнул. Его голос был тих, когда он сказал:

– Мы нападём завтра. В сумерках.

На рассвете мы принесли жертву, или, вернее, три жертвы, потому что дело предстояло опасное. Сначала мы послали Маранонии барана. Животное было вовсе не жирное, как подобало бы, но земли вокруг были разорены, поэтому мы смогли отыскать только этого несчастного заморыша. После победы можно будет принести гораздо более щедрые жертвы. Маранония была богиней солдат и должна понимать, что внимание в этом случае важнее всего. Кто-то предложил послать ей ликантианского пленника, но идею сразу же отвергли – не годилось оскорблять богиню темной душой ликантианца. Потом мы принесли жертвы рыбой богам Орииссы, и еще каждый чем мог почтил своих домашних богов. Эта последняя жертва должна была быть особенно действенной, так как не многие смогли бы повторить ее на следующий день.

Остальная часть утра прошла в приготовлениях. В балладах редко упоминаются кузнецы и оружейники, подковывающие коней, чинящие брони и точащие мечи, а ведь без них не была бы одержана ни одна победа.

В нашем лагере суeta продолжалась до полудня. Оружие каждой стражницы было проверено сержантами, проверено второй раз офицерами подразделения и перепроверено Корайс и Полилло. В полдень мы съели обед домашнего приготовления – традиционные жареное мясо и яйца. За ними пришлось послать самых опытных фуражиров, которые достали продукты только после долгих поисков.

Внезапный ливень, насланный двумя воскресителями средней ступени, загнал нас в палатки, где мы переоделись для битвы и облачились в доспехи. От дождя через открытый

вход палатки тянуло свежестью, я вздрогнула, но не от холода.

Я поставила на карту слишком много. Холодная логика войны говорит, что все подразделение целиком не должно посылаться в битву, если надежды на успех мало. Солдатам всегда страшно, когда опасность велика, но когда они узнают, что целый отряд уничтожен врагом, горло сжимают ледяные пальцы ужаса.

Всего лишь несколько стражниц оставались в лагере в тот день. Часть была ранена или больна, остальные – свежие рекруты – только накануне прибыли из Ориссы под командованием лейтенанта, единственного оставшегося в живых офицера, кроме Корайс, Полилло и меня. Наши потери были огромны, поэтому я не успевала продвигать по службе рядовых стражниц.

Эту женщину звали Дика, она была еще моложе меня во времена, когда я только поступила в гвардию. Я подозвала ее и сказала, что, если не вернусь наутро, она станет новым командиром маранонской стражи. Она побледнела, но упрямо сжала губы, и я отметила это – такая решимость означала, что из нее выйдет неплохой солдат.

– Если мы погибнем, – приказала я, – ты должна вернуться в Ориссу и воссоздать гвардию – такова воля Маранонии. В городе много бывших стражниц, которые помогут тебе. Ты должна сохранить наше знамя. Если мы падём, оно должно развеяться над местом нашей гибели – над цитаделью архонтов.

Я отпустила ее и посмотрела на Корайс, которая криво улыбнулась, когда Дика вышла. Корайс прекрасно понимала, зачем и почему я так драматично говорила с лейтенантом.

– Отлично, капитан, – сказала она. – Если нас перебьют, твои слова будут положены в основу новой легенды. Если бы здесь была Полилло, она бы непременно разрыдалась. – Тут она вздохнула. – Ну разве не жалко, что новые легенды будут такие грустные?

Пока ливень продолжался, в наши палатки прислали несколько десятков мужчин. Они должны были ходить по лагерю, готовить пищу, нести караульную службу, – одним словом, делать все, чтобы у наблюдателей врага создалось впечатление, что маранонская стража по-прежнему находится в резерве.

Мы построились в боевой порядок, обогнули лагерь наших войск сзади и вышли на побережье Ликантии, где стояли галеры Холлы Ий. Накануне я попыталась довольно путано объяснить, какие суда нам нужны для нападения. Холла Ий преувеличенно вежливо заверил меня – словно между нами ничего не произошло, – что он понял и не стоит продолжать.

– Довольно часто, капитан Антеро, – пояснил он, – моряки любят плавать скрытно и бесшумно. На каждой галере у меня есть одна-две лодки, идеально приспособленные для этой цели. Я надеялся использовать их для нападения на ликантианские корабли в гавани, но проклятая цепь мешает нам. Может быть, вы... Ну ладно, не будем загадывать, боги любят разочаровывать. Каждая лодка может нести десятерых, на лодке один рулевой и четверо гребцов. Если бы вы могли распределить своих *солдат*, — он не мог удержаться от того, чтобы ехидно не выделить это слово, — на десятки, чтобы они не шумели, как деревенская девка, зовущая гусей домой.

Я холодно кивнула. Адмирал оставался самим собой. Как бы все ни сложилось, этой ночью я увижу его в последний раз, поэтому на его поведение можно не обращать внимания – задача трудная, но выполнимая.

В лагере пиратов мы разделились на маленькие группы. Часть групп я отдала под командование сержанта Исмет. Исмет была самой странной женщиной в страже. Я смотрела на нее, и моя уверенность росла. С такими солдатами мы не можем проиграть.

Видите ли, Исмет была примером для нас всех – от зеленых рекрутов до офицеров. Она была олицетворением – если использовать это затасканное слово – духа маранонской гвардии. Некоторые говорили, что Исмет – земное воплощение Маранонии и поэтому она не постарела за годы службы. Ее смуглая кожа, смуглее даже, чем у жителей северных тропиков, только добавляла таинственности к ее личности. Никто не знал, откуда она родом. Она просто появилась однажды и сказала, что хочет вступить в стражу. На вопросы о ее происхождении она ничего не ответила, только сказала, что или станет стражницей, или

заморит себя голодом. Возник скандал, но в ее словах никто не посмел усомниться. Легенда рассказывает обо всем этом не очень подробно, но, видимо, моя предшественница на посту командира стражи была мягкосердечной или тогда не хватало рекрутов – в общем, ее взяли. Мне почему-то кажется, что кто-то заглянул ей в глаза и *понял*. Исмет показала тогда, что владеет всеми видами оружия. Она приняла присягу и уже через месяц не считалась новичком. Ее несколько раз продвигали по службе, пока она не стала сержантом, от более высоких чинов она отказалась, несмотря на посулы, просьбы и угрозы. Это было два поколения назад. Исмет ни разу не была в отпуске, никогда не искала развлечений вне казарм, ее романы никогда не длились больше недели. Она часто говорила, что стражница должна думать о трех вещах: о себе, о своем отряде и о Маранонии.

После того как мои солдаты были построены, я взяла своих легатов, охрану из четырех человек и направилась в шатер адмирала. Там уже ждал Гэмелен. Он сказал Холле, что хочет говорить только с нами. Пират что-то угрожающе пробурчал, но Гэмелен очень пристально посмотрел на него. Глаза воскресителя больше не казались бездонными – теперь они были горящие, желтые, как у льва, готовящегося прыгнуть. Пират закрыл рот и молча вышел наружу к вытасненным на песок кораблям. Скоро мы услышали, как он раздраженно выкрикивает приказания своим людям.

Гэмелен уже все приготовил для колдовства. Он долго расспрашивал Полилло о топоре, воткнувшемся в стену морского замка. Теперь он держал в руке уменьшенную копию оружия. Он зажег огонь в жаровне и приказал нам опуститься перед ней на колени. Дым от благовонных трав заполнил палатку. Он не раздражал глаза, а, наоборот, ласкал их. Я чувствовала запах маргариток, горных роз и белых лилий. Маг негромко зашептал что-то, и дым разделился на три струйки, протянувшихся к нашим лицам. Из жаровни вытянулся четвертый дымок и коснулся руки Гэмелена, на ладони у него лежал миниатюрный топор – игрушка – точная копия орудия убийства, принадлежавшего Полилло. Гэмелен негромко произнес:

Слепой топор
Увидел цель.
Пусть зрение стали
Будет у девы
И очи ее станут зорче.

Выговаривая нараспев заклинание, он прохаживался по палатке и легонько касался своим топориком наших век. Полилло невольно зажмурилась – она больше, чем кто-либо, боялась магии. Однажды она призналась мне, что видела сон, где волшебство каким-то образом умерщвляло ее.

– Ну вот, – объявил воскреситель. – Теперь вы не должны ничего чувствовать, разве что видите мир немного... четче. – Он ласково улыбнулся. – Это простое, надежное заклинание, оно пригодится в свое время. И оно не очень сильное, не будет привлекать внимания... э-э... нежелательных личностей.

Мои легаты поднялись и отсалютовали, и я отпустила их. Гэмелен потянулся.

– Теперь, капитан, нам остается только ждать. Я, пожалуй, выпью стаканчик адмиральского вина. Вы присоединитесь?

– Я вообще-то не пью перед боем, – ответила я. – Хотя... охотно составлю вам компанию, тем более что хочу попросить вас об услуге.

– С нетерпением жду, – галантно ответил он. – Я мог бы долго разглагольствовать о том, что на вас – все наши надежды и так далее. Но после знака, поданного костями, речи не нужны. Как бы я хотел пойти с вами туда, навстречу опасности! Но мой возраст и... – Он взглядом показал на свои одежды мага.

– Я поняла – присутствие такого могучего волшебника обязательно будет замечено архонтами. Тогда уж можно идти на крепость парадным шагом под грохот барабанов.

Такой оборот разговора как раз подводил нас к моей просьбе, которая не понравилась ему. Он погладил бороду.

– Я удивлен, капитан, или Рали, если позволите. Или вы слишком цинично относитесь к своей собственной тактике, или...

– Я просто стараюсь устранить все неожиданности, – ответила я не совсем правдиво. – Это может каким-то образом повредить моему плану?

– Возможно, возможно, – проворчал он. – Любая магия на вас или ваших солдатах увеличивает вероятность вашего обнаружения архонтами или их помощниками. Хотя... минутку. Я знаю одно заклинание. Очень старое. Очень простое. Его использовали ведьмы во времена моего деда. Оно настолько примитивно, что его не смогут почувствовать архонты, привыкшие к более изощренной магии. Все колдовство займет несколько минут. Если бы вы, Рали, были воскресителем, я бы легко научил вас ему. Но так как это невозможно... Да, амулет! – Он кивнул, довольный выдумкой. – Очень хорошо. Я могу соскоблить со своих гадальных костей немного порошка. Вчера они почувствовали энергию волшебства архонтов, и это может помочь вам. Кажется, все не так сложно. Да, да, – забормотал он, приходя в волнение. – Так и надо сделать. Я должен отставить в сторону, если позволите признаться, растущее чувство симпатии к вам, Рали, теперь вы ни больше, ни меньше – надежда Ориссы, не друг мне, но воин, которого я посылаю почти на смерть.

– Если бы я не выбрала риск в спутники жизни, – засмеялась я, – то сейчас бы сидела в Ориссе с мужем и детьми, носила бы платье и готовила обеды.

Гэмелен криво улыбнулся:

– Если я дам вам этот амулет, он не только окажет желаемый эффект. Он может привести вас прямо в сердце их могущества.

Я сказала:

– Но если вы правы и они собираются нанести Ориссе смертельный удар с помощью магии, разве не придется вырвать это сердце так или иначе?

– Да, все придется уничтожить, но если волшебство не слишком чудовищно, лучше принести эти знания в Ориссу, где им будет найдено достойное применение. – Гэмелен покачал головой. – Но я помню, что Янош Серый Плащ говорил вашему брату: магия становится черной или белой в зависимости от того, как ее рассматривать. Эта циничная мысль не совсем понятна мне. – Он отпил вина. – Очень хорошо, капитан, дам вам кое-что. Когда вы решите использовать это, оно превратится в маленького хорька, который выслеживает зло, и вы неизбежно, если пройдете через тысячи опасностей, выследите свою жертву.

Я с трудом выдавила из себя улыбку.

– Хорьки всегда приносили счастье моей семье. Мой брат уверяет, что призрак этого зверька, который жил у него в детстве, спас его во время боя с Равелином.

– Это доброе знамение, – оживился Гэмелен. – Теперь мне больше не кажется, что я отправляю вас на смерть.

Улыбка на его губах не осветила его глаз. Я поняла, что он хочет подбодрить меня и себя заодно.

Когда солнце склонилось к закату, галеры столкнули в воду и подтянули к низкому молу, с которого мы взойшли на борт. Так как путешествие предстояло недолгое, мы все набились на три пиратских корабля. Восемнадцать легких лодок – или, вернее, семнадцать плюс одна запасная – галеры вели на буксире, прикрывая бортом, чтобы не было заметно из замка. Мы плыли на восток – в сторону Ориссы. Гребцы неспешно шевелили веслами, как будто нас ждал долгий путь.

Я была на первом корабле – адмиральском флагмане – вместе с Корайс и Полилло. Мы стояли на мостике. Море спокойно сверкало красным и золотым в лучах заходящего солнца. Я старалась думать о волнах и о криках чаек, чтобы забыть, что ждало нас в недалеком

будущем. Дельфин показал черную спину из волн и пропал. К нам подошел Холла Ий. Боюсь, я не очень старалась скрыть отвращение в голосе, когда спросила его, почему он решил принять участие в экспедиции. Разве такая ничтожная операция достойна адмирала?

Его глаза сверкнули, он понял насмешку, но заговорил со снисходительной вежливостью.

– Ах, капитан, вы не понимаете проблем, которые приходится преодолевать тем несчастным, которые становятся солдатами не ради славы, а ради более низменных целей. Если мы не будем участвовать в последнем победном сражении, наши достойные наниматели могут постараться сэкономить на нас. А это приведет к разным неприятностям. – Потом внезапно он заговорил более серьезно. – Кроме того, командиры вроде меня получают власть, если только они постоянно находятся на мостике боевого корабля. Таким образом, я убиваю двух зайцев разом.

Он поклонился и ушел вниз на палубу, где сидели гребцы.

– Если он будет постоянно здесь шататься, я могу случайно наступить на него или случайно выпихнуть за борт, – заметила Полилло. – Я слышала, некоторые моряки не умеют плавать.

Корайс показала в улыбке свои острые лисьи зубы.

– Займемся этим потом, дорогая. Когда будем на твердой земле, пригласим его на свидание на утес, пообещав удовлетворить все его самые дикие фантазии, а потом я встану за ним на четвереньки, а ты можешь от всей души толкнуть его.

Когда солнце село, мы свернули паруса, убрали мачты, так что из замка должно было показаться, что мы уплыли за горизонт. В темноте низкие силуэты кораблей были почти невидимы. Галеры развернулись в сторону Ликантии, и гребцы дружно налегли на весла. Мне было непонятно, как люди могут посвящать всю жизнь перемещению вперед-назад куска дерева, я решила, что гребцы – рабы. Но когда я спросила об этом Корайс, которая знала многое, та сказала – нет, они свободные. Галеры, оказывается, ходят на веслах, когда нужна большая скорость, а чаще используют только паруса.

За два часа до полуночи мы подошли ко входу в гавань Ликантии. Я видела в темноте очертания утесов, обступивших залив со всех сторон, и черный силуэт замка. Ночь была тихая, теплая – все благодаря колдовству Гэмелена. Ничего не могло случиться в такой тишине, часовые будут спать до конца своей смены, командиры не часто будут проверять караулы и так далее.

Мы пересели в лодки. Что бы там ни говорил Холла Ий о моих женщинах как о никудышных моряках, не было слышно ни одного звука, никто не потерял оружия, никто не свалился в воду. Мы тихо поплыли ко входу в гавань. Лодки идеально подходили для нашей миссии. Вместо весел с каждого борта у Них было по гребному колесу. «Гребцы», если их можно так назвать, сидели у колес и бесшумно вращали их. Не было ни всплесков весел, ни команд рулевого, характерных для обычных лодок. Однако правильно держать курс при таком способе передвижения было нелегко, колеса должны были вращаться с одинаковой скоростью, или мы принялись бы выписывать зигзаги по воде, как водомерки.

Пока мы плыли, я еще раз перепроверила свой план. Как мне казалось, его большим преимуществом была простота. Изогренная тактика редко выживает под дождем стрел. Я собиралась вместе со своими стражницами вскарабкаться по ликантианской цепи у входа в гавань на скалу, примыкающую к замку. Добравшись до замка, мы должны были постараться найти достаточно большое окно, чтобы можно было влезть. Потом надо было быстро и по возможности скрытно добраться до главных ворот замка. Генерал Джинна к тому времени подведет свой отряд к воротам снаружи. Когда ворота распахнутся, начнется общая атака.

План вовсе не был таким безнадежным, как казалось на первый взгляд. Множество неприступных крепостей было взято именно таким способом. Если мы погибнем, как все предсказывали, что с того? Вдесятеро больше стражниц было убито в ходе безуспешных атак на замок. Джинна, этот самец, вряд ли будет жалеть, что избавился от «слабого» пола – так он нас называл.

Пришло время испытать свой меч, который я выковала сама, – хорошо ли он рубит или только гнется и выщербливается при ударе. И еще у меня была одна цель, ради которой я попросила Гэмелена об услуге, не объясняя, впрочем, зачем мне нужна его помощь.

Гавань внезапно открылась перед нами, как пасть чудовища. Мы поплыли вдоль цепи, находившейся под водой близко к поверхности, к замку. Теперь раздумывать было некогда. Мышцы, тренировка и осторожность – от этого зависела наша жизнь.

В этом месте мой писец недоуменно поднимает бровь, думая, что в свободное время стражницы тренируются лазить по огромным цепям. Наверное, он удивлен, что не видел таких упражнений на наших показательных выступлениях. Но сам процесс залезания на что-нибудь высокое не имеет больших различий, будь то гигантская цепь или искусственное препятствие на праздничном параде. Одна женщина становится у подножия, вторая залезает ей на плечи и помогает залезть третьей. Если не считать нескольких тысяч вражеских солдат над нами и того, что ржавые звенья были усеяны ракушками и обросли водорослями, все было как на тренировке. Полилло и другие стражницы, отличавшиеся силой, составили живую лестницу, а остальные полезли вверх.

Наконец Корайс, Полилло, Исет и я достигли последнего звена, которое прикреплялось к кольцу, вмурованному в стену замка. Я посмотрела вниз, остальные мои подруги ждали каждая на своем звене, напоминая этим украшения гигантского браслета. Я тряхнула головой. Видимо, от близости могучей магии мое воображение разыгралось как у подвыпившего ветерана.

Мы втроем принялись изучать стену башни, а Исет наложила стрелу на тетиву и смотрела только вверх, на самый край стены, на тот случай, если вниз посмотрит часовой.

Заклинание Гэмелена звучало у меня в голове. *Пусть зрение стали... будет у девы...*

Мы внимательно осматривали каменный пояс, шедший вокруг башни. Там были бойницы для стрелков и световые отверстия. Несколько окон не имели ни ставен, ни решеток. Архонты, как многие другие слишком узкие специалисты, чересчур доверяли своему единственному могучему оружию – магии. Высоко наверху я разглядела еще несколько больших окон и решила, что там и была тюрьма, где сидел Амальрик. Но нам не надо было снова упражняться в лазании, потому что в двадцати футах правее и в пятнадцати футах над нами было почти такое же широкое окно.

Полилло радостно и тихо засмеялась, когда Корайс сняла с плеч мешок, где были веревки и абордажные крюки. Я знала, о чем она думала, – столько времени, столько крови, а теперь мы влезем в замок, словно это гора Афена недалеко от Орииссы.

Полилло легко забросила кошку, и две стальные лапы прочно зацепились за подоконник. Дернув несколько раз, чтобы убедиться в надежности захвата, она приступила к единственной сложной задаче – надо было убедиться, что веревки не запутались (к крюкам прикреплялись две параллельные веревки, связанные перпендикулярными отрезками каната, как корабельные ванты). Полилло привязала свободные концы к последнему звену цепи и произнесла заклинание – мы все знали его наизусть. Несколько лет назад, до того как Амальрик и Янош заставили воскресителей рассекретить для солдат несколько заклинаний, с нами бы тут был профессиональный волшебник, но теперь мы обходились без него. Любой сержант, с разрешения воскресителей, мог использовать магию самостоятельно. Полилло говорила:

– Мои слова сказаны другим человеком, и я использую их с его дозволения. Стань твердой, стань прямой, стань как копье!

Веревки мгновенно стали твердыми и прямыми благодаря заклинанию. Теперь к окну вела наклонная плоскость, по которой мог промаршировать батальон. Полилло оглянулась назад и прошептала:

– Я пойду первой.

Но я отодвинула ее и вступила на «мост», держа наготове меч. Быстро добравшись до окна, чтобы не дать врагу лишнего шанса заметить нас, я пролезла внутрь и по-кошачьи бесшумно спрыгнула на каменный пол. Оказавшись в комнате, я отступила от окна вбок в

полумрак и там затаилась. Комната оказалась пустой. В дальней стене я разглядела дверь, засов оказался не задвинут. Стражницы одна за другой проникали в комнату. Тихонько приоткрыв дверь, я вышла в коридор, остальные бесшумно последовали за мной. В коридоре было совершенно темно, тихо и мрачно, но никто из нас не чувствовал страха. Благодаря Маранонии мы оказались в логове архонтов! Я уже ощущала вкус крови, предвещающий битву. Наши отцы разрушили этот замок во время первой войны с Ликантией, мы доказали, что достойны их. Теперь надо сделать так, чтобы не было Третьей Ликантианской войны.

Бесшумно, как текущая смерть, мы спускались по винтовой лестнице на нижний этаж замка. Вот на пути оказался ликантианец, второй, четвертый. Меч каждый раз делал свою работу до того, как они успевали понять, какой смертью умирают. Часть из них были воины, остальные – слуги, не важно. Мы вошли в большую комнату с высоким потолком, на стенах висели гобелены. Свечи в комнате еще не догорели. Я подумала, что мы попали в кабинет для аудиенций, но сейчас, далеко за полночь, никого не было, разумеется. До нас доносились далекие звуки, обычные для осажденной крепости: переключки часовых, глухие команды, изредка – топот сапог. Мирные обыватели обычно думают, что война – ужасно шумная вещь, и это так и есть, но осада – совсем другое дело. Все было тихо, хотя свежий, не привыкший к военной жизни человек услышал бы еще кое-что – неумолчный гул или, вернее, далекий хищный рев, издаваемый двумя огромными армиями, ждущими битвы.

Я подала сигнал замереть. Все задержали дыхание. Если бы кто-нибудь увидел нас в тот момент, то несомненно решил бы, что мы молимся. Но мы не молились. Маранония – добрая и разумная богиня, она знает, что время молитвы – до и после битвы, но не во время ее. Я мысленно представляла себе карту замка, составленную со слов пленников. Да, да. Должно быть, где-то рядом выход во внутренний двор, а оттуда, пройдя сквозь резервные линии обороны замка, можно выйти к воротам. В худшем случае мы находимся на этаж выше.

Полилло и Корайс ждали моего решения. Их глаза сверкнули, когда я коснулась рукой сначала гребня на своем шлеме, а потом – поочередно – на их... Это значило: *теперь вы командуете в соответствии с ситуацией...* Все было оговорено заранее, мы долго тренировались. Я взмахнула мечом.

В атаку!

В этой последней команде не было нужды. Мои легаты и рядовые стражницы были, естественно, удивлены такой неожиданной переменой планов, но они были храбрыми солдатами, поэтому беспрекословно подчинились. Слитный глухой топот множества ног, как будто шел один человек – и я осталась в комнате одна. Одна, если не считать сержанта Исмет. Я не успела прийти в ярость, как она показала два пальца, напоминая мне, что мы всегда, *всегда сражались парами*. Она протянула руку ладонью вверх: *жду ваших приказаний*.

Я улыбнулась. Даже здесь, в замке кошмаров, нашлось время для веселья. Ах ты, глупая капитанша, прослужившая всего лишь пятнадцать лет, неужели ты думала, что сможешь командовать сержантом? Не выйдет, думала я. Мы будем сражаться вместе и вместе умрем.

Теперь пришло время для колдовства Гэмелена. Я вытащила из кошелька амулет – всего лишь две связанные между собой полоски кожи, на которые маг соскоблил пыль со своих игральные костей. Я дотронулась амулетом до своего носа, затем коснулась амулетом каменного пола. Потом я принялась... Ничего.

Хотя нет! Появился новый запах, сладкий, неприятный, похожий на запах мертвечины. Я вспомнила, как Гэмелен говорил, что, может быть, придется увеличить энергию амулета. Я оглянулась. Если я права и это действительно комната для аудиенций, и архонты использовали ее, они должны были стоять... там, на низком каменном возвышении. Я подошла туда и снова коснулась амулетом камней, а потом еще потерла его о гобелен.

Я принялась снова. Теперь запах был сильнее. Я невольно сморщилась. Теперь я знала, куда идти, и обернулась к Исмет. Она стояла там, где должна была стоять, в трех

шагах позади, в трех шагах сбоку, и следила за дверями, не обращая внимания на мои действия.

Мы вышли из комнаты. Нам надо было подняться на четыре этажа, но не по той лестнице, по которой мы пришли, а по другой. По ней можно было шагать широко и не красться – на ступеньках лежали толстые ковры. Я постоянно останавливалась, но амулет вел меня, и запах становился сильнее.

Вдалеке я слышала крики и лязг стали. Бой начался. Я с усмешкой подумала, сколько успели уложить мои стражницы, прежде чем их обнаружили. Замок ожил, удары гонга будили солдат. Я слышала крики: «Измена! Они внутри!» Визжали женщины.

Коридор привел нас на балкон, откуда был виден огромный внутренний двор. На нем могла поместиться целая армия, если бы не сторожевые башни и наскоро возведенные укрепления второй линии обороны. В этом дворе архонты приносили свои чудовищные жертвы, с помощью магии заставляя несчастного медленно разрезать себя на куски. Так они хотели разделаться с моим братом, но его спасло защитное заклинание. Ну а теперь во дворе шел бой. Ликантианцы с факелами в руках бежали к своему оружию и доспехам. Лязг мечей доносился с противоположной стороны. Я едва не засмеялась от радости, видя, что мои женщины уже почти достигли своей цели и были в нескольких шагах от ворот. Стоит только открыть их, и наша армия ворвется внутрь.

Но их обнаружили в самый неподходящий момент. Ликантианцы в самом слабом месте обороны держали особенно много воинов. Наружные ворота узким проходом соединялись с внутренними, по краям проход был ограничен высокими стенами с бойницами. Стражницы успели открыть внутренние ворота, но тут их заметили, и пришлось обороняться. Теперь мои подруги бились у наружных ворот, отражая атаки ликантианцев, стремящихся загнать их внутрь, в проход, где их быстро уничтожили бы лучники со стен.

Но тут случилось кое-что похуже. Я слышала сверху громкое шипение – словно от разъяренной гигантской змеи.

С земли поднялись два смерча, совершенно черные, раза в три-четыре выше человека. Они врезались в толпу сражающихся, подняли стражниц и ликантианцев и ударили их о стену. Я почувствовала новую волну тяжелого запаха магии архонтов и бросилась внутрь коридора. Нам нужно было подняться еще на один этаж. Мне пришлось бросить своих сестер в час величайшей опасности, но нам с Исмет смерть грозила в не меньшей степени.

Я еще раньше тайно решила, что у нас будет два плана. Один – для моих стражниц, а второй – для меня, или, как теперь выяснилось, для меня и Исмет. Я решила – думаю, что вам затея покажется сумасшедшей, – в одиночку напасть на архонтов. Я держала все в секрете, иначе бы меня просто засмеяли. Но я уже тогда понимала, как много может сделать воин, решивший отдать свою жизнь ради последнего подвига. В современной войне, когда мужчины говорят об огромных армиях и десятки воскресителей участвуют в битвах, мои идеи кажутся чепухой. Может, это и так, но я вручила тогда свою судьбу Маранонии, и вот что из этого вышло.

Шипение усилилось, когда я подбежала ко входу в зал архонтов. У дверей не было ни одного охранника, это меня удивило сначала, но кто осмелится беспокоить архонтов?

Из-за двери я слышала обрывки слов: «брат... опасность... всего лишь женщины!» Мне хотелось остановиться на минутку, перевести дыхание, собраться с мыслями, но на это времени не было. Я слышала из зала еще какие-то непонятные фразы: «изнутри», «опасность», когда толкнула дверь и вбежала в апартаменты архонтов.

Я увидела дымчатое стекло, золото, призмы и свитки, горящие конусы с запахом ладана, скелеты и чудовищ, но не стала их рассматривать, потому что у смертного может быть только один шанс, чтобы напасть на магов, да и то если использовать быстроту и неожиданность.

Двое высоких мужчин с хищными, недобрыми лицами резко повернулись ко мне, один показал на меня пальцем, словно выставил копье. Передо мной появилось что-то серо-черное, оно бросилось на меня и выбило меч из моей руки, но я рванулась к архонту и

ударила его наотмашь ребром щита, попала ему в живот и услышала совершенно человеческий крик боли и ярости. Я покатила по полу, увлекая за собой архонта. Его руки были сильнее, чем у любого другого мужчины, с которым мне приходилось бороться. Он опрокинул меня на спину, и его страшные пальцы сомкнулись у меня на горле. Слава богам, он не знал, как сдавливать сонные артерии, но я все равно задыхалась. Мир стал черным, и последним усилием я ударила сомкнутыми пальцами, целясь в глаз архонта. Он взвизгнул, я почувствовала на пальцах что-то влажное и сбросила его. Мы оба мгновенно вскочили на ноги, по его лицу текла кровь и слезы... но некогда рассматривать, и я бросилась на него, ударила кулаками с двух сторон в виски. Архонт изогнулся в конвульсии и упал на спину. Он умер раньше, чем коснулся пола.

В стороне я увидела свой меч, подбежала к нему, подняла, потом – назад к поверженному архонту. Придавив его ногой, как поступают с ядовитой змеей, я рубанула его по шее. Меч отделил его голову и с лязгом и искрами отскочил от каменного пола. Да, один мертв, по крайней мере сейчас, но оставался еще второй. И я развернулась, замахнувшись мечом, готовая продолжать бой.

В этом не было нужды. В зале были только я и сержант Исмет.

– Убежал, – сказала она. – Он протягивал руки к тебе, собираясь что-то наколдовать, но я швырнула в него кинжалом. Он попал ему в грудь и отскочил, как будто на архонте был панцирь.

– Куда он сбежал? В какую сторону?

Исмет показала на маленькую открытую дверь. Там было темно, как в норе. Гэмелен предупреждал меня о чем-то подобном.

– За мной! – приказала я.

– Минутку. Надо доделать дела.

Прежде чем я открыла рот, чтобы рявкнуть «Отставить!», Исмет подняла свой кинжал, опустилась на колени возле обезглавленного трупа и сделала разрез орла. Она встала с колен, держа в руке сочащееся кровью сердце. А потом мы бежали по темному коридору за вторым архонтом.

Этот туннель был специально подготовлен для отступления. По обеим сторонам то и дело попадались альковы и ниши, удобные для засад, но там никого не было. Часто встречались ловушки и разные хитрые устройства для убийства пришельцев, но они не были заряжены. Я лихорадочно размышляла: почему архонт не остался, чтобы помочь брату? Страх? Паника? Вряд ли человек, который правил так долго и так кроваво, испугался бы. Я не знала ответа, и мы продолжали погоню, постоянно ожидая ловушки.

Туннель вел вниз, становясь все уже. Теперь его стены не были выложены камнем, он был пробит в цельной скале. Нам оставалось только молиться, чтобы туннель не превратился в нору, по которой можно только ползти, откуда не было выхода, кроме магической двери. В таком случае мы бы погибли здесь, в ужасном подземелье.

А потом туннель кончился, и я увидела луну и звезды. Я высунула голову. Под нами в десяти футах плескались волны. Над нами на скале возвышался замок. Мы прошли через толщу горы и оказались над гаванью Ликантии. И я нигде не видела архонта. Тут я вздрогнула от оглушающего всплеска. Гигантская цепь, закрывающая вход в гавань, опускалась!

Исмет закричала: «Смотри!» – и я увидела, как взвиваются флаги над ликантианским кораблем, на котором, как мы думали, не было экипажа. Я знала эти флаги. Нижний был длинный, двуххвостый, с красной пантерой. То был флаг нашего кровного врага, Нису Симеона! А верхний флаг – государственный флаг Ликантии, черный двухголовый лев, держащий в лапах перекрещенные меч и скипетр. Каким-то образом архонт добрался до него. Там были и другие корабли, я слышала, как Исмет бормочет «девять», но на них я почти не смотрела. Маленький флот проплывал мимо меня к выходу из гавани. Я застонала, видя, как уходит архонт.

В тот момент к моим глазам словно приставили магическое стекло, я могла видеть

прямо перед собой двух мужчин возле рулевого. Первый был Нису Симеон. Я никогда не видела его раньше, но узнала по обезображенному ожогами лицу, которое когда-то было прекрасным, как у женщины. Это мой брат и Янош Серый Плащ нанесли ему эти раны. А за Симеоном стоял архонт!

Я услышала рев, долетевший с корабля, и поняла, что меня тоже заметили. В меня выпустили несколько стрел, но Исмел втащила меня в туннель, и стрелы безвредно застучали по камням. Я бессильно смотрела, как уплывают корабли. Если бы мы догадались заблокировать выход пиратским флотом! Но кто знал, что все так обернется.

Рев стал громче, из глубины вод высунулось щупальце. Оно обвилось вокруг моей талии и сильно дернуло. Я потеряла равновесие, оступилась, схватилась за выступ в стене, и тут рев перешел в торжествующий вой. Я сопротивлялась изо всех сил, но меня оторвали от спасительного выступа, как ракушку, предназначенную для морского пикника. Я посмотрела вниз, на взбаламученную воду, – там извивалось еще с десяток щупалец, ждущих добычи. И желтый клюв чудовища сухо щелкал, глаза светились холодным огнем.

Мимо моей головы сверкнул кинжал и вонзился в воду. Чудовище окуталось облаком черной мути, и щупальце разжалось. Когда чернота рассеялась, в воде уже никого не было видно.

– Никогда не промахиваюсь больше одного раза, – донесся сзади голос Исмел.

Мы обе оказались забрызганными каплями чернил спрута, которого архонт вызвал из глубин.

– Он ушел, – сказала я.

Девять кораблей Симеона быстро удалялись от берега, ветер раздувал их паруса.

Исмел ничего не ответила, но показала вверх.

Я посмотрела туда. Над бастиями замка поднималось золотое знамя Ориссы.

Один из них спасся, подумала я. Но что может сделать маг, даже такой, как архонт, – без своего замка, без амулетов, без волшебных свитков?

Война была окончена. Орисса победила, Ликантия потерпела поражение.

Власть архонтов уничтожена.

Глава четвертая СЕРДЦЕ КОЛДУНА

Такого великого праздника, как после падения Ликантии, никогда не бывало прежде. И не имело значения, что одному из архонтов и Нису Симеону удалось бежать, – ведь на рассвете солдаты увидели развевающееся над Ликантианским замком у моря знамя Ориссы. Теперь они могли вылезти из своих окопов и свободно гулять под грозными зубчатыми стенами, которые низвергали на них смерть в течение многих месяцев. Солдаты были пьяны от радости. Они кричали, пели, кружили в бешеном танце. Все наши идолы были извлечены на свет и украшены гирляндами, богатыми трофейными нарядами и драгоценностями. Замок был разграблен. Здесь же нашли много напитков, и праздник становился все безудержнее. Богам приносились жертвы: коровы, петухи, свиньи, молодые собаки.

Мысль о том, что и на следующий день, и через день будет жизнь, переполняла души, дисциплина унеслась прочь в вихре радости. Мы, офицеры, мудро решили не пытаться обуздать их восторг, разве только следить, чтобы не пострадали жители и пленные.

Мои девушки праздновали победу так же неистово, как и остальные. Полилло ворвалась в лагерь с трофейными бочонками бренди на плечах. Она вскрыла их топором, и янтарный напиток хлынул в глотки моих сестер. Корайс и Исмел разумно оставались трезвыми, чтобы следить за поведением подруг. Такое беспредельное счастье, смешанное с бренди, могло стать слишком одуряющим для неосторожных, а демоны зла всегда готовы взяться за дело даже по самому ничтожному поводу. Сколько любовных ссор разрешалось с помощью оружия! А на наших руках и так было много крови.

Что касается меня, то я вдруг почувствовала, что стала самой необыкновенной из

людей – героем. Молодой новобранец мечтает об этом. Усталые мышцы дрожат во сне после дня, когда оружий сержант отправляет его с одного нелепого задания на другое: он видит сон о том, как в один прекрасный день он стоит величественный, но скромный и тысячи голосов выкрикивают его имя, а когда он проходит мимо, старые солдаты приглушают голоса. Я видела такие сны, когда была молодой. Но в тот день, когда венок славы лег на мою голову, я не почувствовала радости. Быстрый корабль принес в Ориссу весть о победе, включавшую также красочные описания моих подвигов и подвигов маранонков. Обезображенная битвой земля эхом отзывалась на приветственные крики. Где бы я ни проходила, толпы солдат расступались передо мной. Некоторые тянули руки, чтобы прикоснуться к моему мундиру, как будто он был сшит из священной материи, а не из грубого солдатского полотна. К моему шатру приносили горы подарков, и вскоре их стало так много, что я была вынуждена поставить охрану, которая вежливо отправляла дарителей назад. Десятки мужчин предлагали мне свои руки и сердца, умоляли меня, чтобы я позволила одному из них стать отцом моего ребенка. Женщины, даже те из них, кто когда-то смотрел на меня свысока, теперь поверяли мне свои сокровенные тайны и горячо молили разделить со мной мой шатер. Было объявлено, что один из дней в году будет назван в мою честь со всеми специальными жертвоприношениями и церемониями, которые обычно проводятся в таких случаях.

Мне это не казалось приятным, писец. И сейчас не кажется. Все это как-то фальшиво, смертельно скучно и может превратить счастливого простого смертного в демона тщеславия. Герои принадлежат могиле. Это единственное место, которое может спасти их от самих себя и им поклоняющихся.

Самой плохой стороной моего неожиданного обращения в святые было усиление ненависти Джинны ко мне, как только он увидел, что корона, которую он так страстно желал, была отнята у него. Каким-то образом появились слухи, что Гэмелен заставил Джинну следовать моему плану. Через несколько часов после того, как сдались последние ликантианцы, стали раздаваться насмешки в адрес Джинны. Длительную кровавую осаду стали называть «Глупость Джинны», и находились такие, кто с ненавистью проклинал его за столь долгие страдания, вызванные его нелепыми приказами, стоившими стольких тысяч жизней.

Надо отдать должное ликантианцам, это были очень сильные и жестокие противники, и архонты были близки к тому, чтобы взять верх над нашими воскресителями. Тем не менее было очень много вопросов, на которые Джинна обязан был ответить, – не здесь, конечно, а по возвращении в Ориссу, где он должен был предстать перед Магистратом. Было ясно, что только неожиданное вмешательство какого-нибудь сильного божества могло спасти его от позора. И вот невероятное везение Джинны полностью изменило ему в ту ночь. Началась неистовая буря, утопившая наш лагерь в море грязи. Дождь стоял стеной. Море бушевало, волны, в три раза превышавшие рост самой высокой женщины, бились о скалистый берег. Джинна потребовал, чтобы я немедленно явилась к нему. Не в его шатер, а в замок у моря, в ту самую комнату, где я убила одного архонта.

Я вошла в просторную залу, держась за подаренный Гэмеленом амулет как за единственную надежду на помощь. Меня утешало только то, что больше не было этого ужасно! о запаха, который выдавал присутствие здесь архонтов прежде. Защищая глаза от яркого белого пламени волшебных факелов, зажженных колдовством Ориссы, я стала осматриваться. К моему удивлению, здесь не осталось и следа от битвы, закончившейся всего несколько часов назад. Казалось, что Гэмелен и его воскресители разложили все по своим местам и в прежнем порядке. Послушники с белыми повязками на головах собирали последние кусочки разбитого стекла. Осколки отдавали послушникам с желтыми лентами, которые посыпали их душистым пеплом и шептали над ними заклинания, вследствие чего кусочки соединялись вместе в сосуды, пузырьки, хрустальные кубки, украшенные магическими символами. Маги и их помощники очень медленно двигались вокруг, расставляя предметы на столы, скамьи и полки ручной работы. Всем этим движением

управляли несколько повязанных красными лентами старших колдунов, которые черпали свои указания из пергаментных карт этого помещения, составленных Гэмеленом или одним из его помощников. В комнате рядом с большой золотой урной я увидела Джинну и его свиту. Они наблюдали за Гэмеленом, который устанавливал какой-то странный механизм на переносной алтарь. Как только я вошла, Джинна быстро поднял голову, и взгляд его недобрых глаз, метнувшись по комнате, остановился на мне. Он подал сигнал, похожий на предупреждение. Прежде чем я успела понять его намерение, он язвительно сказал:

– А, капитан Антеро! Герой дня. Пожалуйста сюда. Нам нужна ваша помощь.

Я была уверена, что Джинну переполняли зависть и ненависть, но когда я подошла ближе, я вздрогнула, увидев восторг в его глазах. Я не знала, к чему его можно отнести. Мне вспомнилась наша старая кошка, когда она держала крысу в лапах.

– Генерал, – сказала я, – в чем дело?

– Похоже, что мы выиграли битву, – сказал Джинна со странным удовольствием в голосе, – но не войну.

– Разрешите мне, господин генерал, – произнес его прислужник капитан Хакс. Затем он обратился ко мне: – Мы боимся, что все ваши самонадеянные действия не привели ни к какому результату.

Я взглянула на Гэмелена.

– Архонт? – спросила я.

Гэмелен мрачно качнул головой.

– Генерал послал адмирала Холлу Ий за ним, – сказал он. – Но архонт вызвал этот ужасный шторм и вынудил нас прекратить погоню.

Он продолжил заниматься механизмом, который представлял собой очень сложное сооружение с паутиной трубок, проволоки и стеклянными ретортами, заполненными разноцветными жидкостями. Под воздействием магических сил жидкости кипели, и над ними струился цветной пар, не имевший запаха.

Я пожала плечами.

– Шторм скоро прекратится, – сказала я. – И мы его поймаем. Ни одна земля не согласится принять его, потерявшего свою армию и родину. Наши шпионы очень скоро его разыщут.

Но как только я это произнесла, я почувствовала, как у меня по спине пробежал холодок, и я невольно коснулась амулета Гэмелена. Старый колдун заметил мое движение и покачал головой.

– Мы не можем доверить наше будущее случайности и шпионам, – сказал он. Маг широко развел руками, указывая на убранство комнаты. – Мы восстановили до мельчайшей детали обстановку этой комнаты непосредственно перед твоим появлением. Все вплоть до таракана, исследовавшего содержимое мешка колдуна.

Гэмелен поднял маленькую, богато отделанную кожаную сумку, покрытую магическими символами. Он развязал золотой шнурок, достал щепотку праха и поднес ее к одной из стеклянных реторт.

– Это – один из компонентов колдовства. Он состоит из молотых костей и стеблей нескольких растений. И представляет собой жизни костей и растений, с которыми никто из нас никогда не сталкивался.

Он бросил щепотку праха в кипящую жидкость. Затем откупорил реторту и протолкнул в отверстие свернутый трубочкой кусок меди. Медь покатила по лабиринту труб и стекла, из которых состоял механизм. Гэмелен повернул небольшое молитвенное колесо, прикрепленное к устройству. Мы услышали нежный звук колокольчиков, колесо начало свою автоматическую песню. Тогда я знала о магии очень немного, но почему-то у меня не было сомнений, что эта машина, каким-то образом соединенная с молитвенным колесом, была привезена из Далеких Королевств, открытых моим братом и Яношем Серым Плащом.

Гэмелен не стал ничего объяснять. Он повернулся к нам с таким видом, как будто машина не имела никакого отношения к нашему разговору.

– Скажите ей и остальное, – потребовал Джинна. – Скажите ей.

Без вступления Гэмелен начал говорить:

– У нас есть неоспоримое доказательство того, что архонтам оставалось всего несколько дней до завершения создания страшного оружия, которого мы все так боялись. Хуже всего то, что архонты были готовы к возможному поражению и имели дубликаты всех инструментов и записей. Все предметы были помещены в особые сундуки, в которые невозможно проникнуть ни естественным путем, ни колдовством. Когда наш друг бежал на кораблях господина Симеона, эти сундуки уплыли вместе с ним.

Я не выдержала и гневно произнесла, обращаясь к Джинне:

– Есть шторм или нет, мы должны прямо сейчас отправиться в путь и поймать его. Что заставило Холлу Ий повернуть назад? Симеон не намного опередил его. И я не сомневаюсь, что этот пират выдвигал бури и посильнее.

– Адмирал Холла Ий сделал все, что было в его силах, – сказал Джинна. – Но у него не было никакой возможности ускорить погоню.

– Просто он хотел получить больше денег, я полагаю. – Я даже не старалась скрыть своего отвращения.

Джинна кивнул.

– Естественно. Мы сражаемся за идеалы. Он сражается за деньги. Кроме того, ему нужно больше кораблей, припасов, он нуждается в подкреплении, чтобы достойно завершить погоню поимкой архонта.

Неожиданно мне пришло в голову, что генерал ведет себя как-то несерьезно. Какую цель имела эта встреча? Почему он терял время, рассказывая все это мне? Ведь я была лишь одним из его офицеров. Вместо разговоров о планах на будущее, Джинне следовало бы быстрее отдать необходимые распоряжения, так как экспедиция должна быть отправлена немедленно. Чем большее расстояние отделяло корабли архонта и Симеона от нас, тем труднее становилась задача догнать их. Пока мы разговаривали, командующий Ориссы должен был готовить своих людей к продолжению преследования на кораблях Холлы Ий, так же как мне следовало собрать своих женщин и отправиться маршем домой на случай, если архонт каким-либо образом будет угрожать Ориссе. Эти разговоры о смертоносном оружии и изворотливых колдунах напомнили мне о долге маранонской гвардии перед Ориссой. Постепенно становилось ясно, к чему клонил Джинна.

В качестве вступления Джинна произнес ележным голосом:

– Вам будет приятно узнать, капитан, что я решил оказать честь маранонской страже и поручить ей эту жизненно важную миссию.

– Это безрассудно, генерал, – резко ответила я. – Мои солдаты устали во время битвы больше кого бы то ни было в нашей армии. Или вы уже забыли сегодняшнюю битву?

– Конечно нет, дорогой капитан, – сказал он сквозь зубы. – Ваша и их храбрость в самой большей мере заставила меня принять это решение.

Я немедленно поняла, что он имел в виду. Ход его мысли был прозрачен, как вуаль танцующей куртизанки. Убрав меня со своего пути, он присвоит завоеванную моими стражницами славу.

– Ив самом деле, – продолжил Джинна. – Эта миссия имеет такое огромное значение, что только одной женщине под силу с ней справиться. Героине Ликантианской войны – капитану Рали Эмили Антеро.

Я поняла, что проиграла, но сделала еще одну попытку.

– Я была бы рада оказать вам эту любезность, генерал, – сказала я как можно спокойнее, – и мы все благодарим вас за столь особенную честь, но обязанность маранонской стражи быть дома. Фактически мы собирались выступить уже завтра утром, и я хотела узнать ваши приказания на этот счет.

– Я уже вам дал их, – сказал Джинна. – Только вы отправляетесь не домой. Как я сказал, эта задача только для героев. И героям ее выполнять. У меня нет сомнений, что магистры согласятся со мной, когда я произнесу тост в вашу честь на празднике победы в

Ориссе через несколько недель.

Хакс и другие захихикали.

Следующие слова Джинны имели совершенно категоричный тон:

– Вы и ваша гвардия должны присоединиться к адмиралу Ий на рассвете. Ваше задание – настичь архонта. Вы найдете и убьете его. Вы должны не щадить ни сил, ни денег, ни жизни, пока вы не найдете и не убьете его! Более того, я приказываю вам не возвращаться до тех пор, пока ваша цель не будет достигнута. Я ясно выразился?

Это было изгнанием, которым мои стражницы и я были наказаны за наш успех.

Можешь себе представить, писец, как я была ошеломлена. История, описывающая эти события, не упоминает мотивы Джинны, не так ли? Добро пожаловать в мир, где живут женщины. Здесь очень тесно, в мире мужчин гораздо больше пространства, чем у меня и моих сестер. Здесь очень холодно и неудобно, писец. Топливо для наших огней всегда строго ограничено, ты понимаешь? Можно подумать, что оно нужно только для сохранения детской гордости в наших глазах, способности выигрывать постельные партии, поддержания домашнего очага, воспитания детей и мытья кухни. Мрачная картина. Тебе не нужно много света, так как ты просто отражение мужчины.

У меня не оставалось выбора. Мне хотелось крикнуть, что моя стража – это сухопутное войско и была таковым со дня своего образования. У нас не было никакого опыта хождения по морю. Я хотела проклясть его за попытку украсть нашу славу, которую всего за час до этого презирала. Я хотела молить его – не за свою жизнь, но за жизни моих сестер. Сколько из них надеялись теперь на возвращение к благословенным берегам Ориссы! Но я не могла этого сделать. Приказы были ясны, и не имело значения, что они безумны.

Я не дала ему ни малейшей радости обнаружить мое смятение. Я не щелкнула каблуками и не отдала ему честь. Он не заслуживал такого уважения. Уважение – вот в чем я могла ему отказать.

Поэтому я просто кивнула.

– Отлично, генерал. Если я должна сделать это, то я настаиваю на одном условии.

– Что это за условие, капитан Антеро? – усмехнулся Джинна. Он не осмелился возразить, что я не имею права ни на чем настаивать. Несмотря ни на что, генерал сам назвал меня героиней всей кампании. Кто бы посмел отказать герою!

– Я требую командование этой экспедицией передать мне, сэр. Холла Ий должен быть предупрежден четко и определенно, что любая моя воля должна быть беспрекословно исполнена. Естественно, что я не собираюсь этим злоупотреблять. Вопросы мореплавания я оставляю на его усмотрение. Но что касается самой погони и спорных вопросов, мое мнение должно быть главным.

Джинна неприятно усмехнулся.

– Адмирал и я уже все обсудили, капитан, – сказал он. – Я четко объяснил ему, какую роль он должен играть в этом походе.

Хакс и другие хихикали еще противнее.

– Генерал, я требую, чтобы вы повторили все, что я сказала, адмиралу.

– Если вы считаете это необходимым, капитан, – ответил Джинна, – я буду рад сделать это. – Он повернулся, чтобы уйти. – Я созову всех через час.

Тут я услышала голос Гэмелена.

– Одну минуту, генерал.

Джинна остановился. Он взглянул на старого волшебник? и увидел, как мрачно его морщинистое лицо. Неужели Гэмелен хотел вмешаться? У меня появилась дикая надежда, но Гэмелен немедленно разрушил ее.

– Необходимо, чтобы один из воскресителей принял участие в этой экспедиции, – сказал он.

– Выберите того, кто вам больше нравится, – ответил генерал.

– Да, я это сделаю, – надменно произнес Гэмелен, давая ясно понять Джинне, что выбор воскресителя его и только его право. – Я выбираю себя.

Джинна открыл рот от удивления.

– Но это же... но вы же...

– Слишком стар? – фыркнул Гэмелен. – Вот поэтому я и должен это сделать. Работа, которая останется здесь, доступна и более молодым магам. И только мой опыт может сравниться с искусством архонта. Я уверен в том, что эта экспедиция сможет достичь своей цели только с моим участием.

Я увидела восторг в глазах Джинны: двух врагов одним махом. Он не мог даже и мечтать об этом.

– Да благословит вас Тедейт, – пропел он.

Гэмелен не ответил. Он снова занялся механизмом с таким видом, как будто уже и забыл о присутствии генерала. После долгого замешательства Джинна тряхнул головой и удалился. Его свита толпилась вокруг него, как скальные ящерицы, только что вылупившиеся из яйца, облепляют свою мать при появлении отца, собирающегося пообедать.

Я осталась. Мне казалось, что я начала понимать тайные замыслы старика.

– Спасибо, – сказала я.

– За что, моя дорогая Рали? За то, что я повесил на тебя еще и заботу о такой старой развалине, как я? – Он тряхнул нечесаной бородой. Уютное тепло струилось из его желтых глаз.

– Именно так, – сказала я. – До тех пор, пока вы не высказались, это мероприятие представлялось мне совершенно безнадежным.

– Ты сомневалась в себе?

– Не совсем, – сказала я. – Но даже если и были шансы, то я не думаю, чтобы командующий предполагал мое возвращение. Я думаю, что его волнует только его репутация и карьера, а не безопасность Орииссы.

Желтый огонь в его глазах стал еще заметнее.

– Мне тоже так показалось, Рали, – ласково сказал он.

Только теперь я заметила, насколько близкими стали мои отношения со стариком. Как будто он видел во мне будущего друга. В таком случае я с радостью принимаю это предложение. Хотя как представитель своей семьи я чувствовала некоторую неуверенность. Семье Антеро обычно не везло с колдунами. Но тогда мы не стали это обсуждать. Гэмелен продолжал:

– Недоверие побудило меня настаивать на моем участии. Мы не должны давать архонту ни минуты покоя, или он будет иметь возможность доделать свое оружие. Чем больше мы будем доставлять ему неприятностей, тем меньше времени он сможет проводить за работой. К тому же его брат уже не может ему помогать. Мы обязаны не позволять ему обосноваться в каком-либо одном месте. Или эта наша победа потеряет смысл.

Видя, как я озабочена, Гэмелен рассмеялся. Смех колдуна – очень странная вещь. Я многих из них повидала на своем веку, но это столь естественное для человека явление не просто им достается. Некоторые издают звук, похожий на кваканье занимающихся любовью лягушек. Некоторые завывают, как волки на луну. Когда же он был чему-либо сильно рад (как позже я заметила, очень редкое для Гэмелена состояние), то гудел, как огромная сова на охоте. Впервые с момента нашей встречи мне понравился этот звук.

– Кроме всего прочего, у меня есть еще одна причина, – сказал Гэмелен. – Я должен тебе признаться, она очень эгоистична.

– Что за причина? – спросила я.

– Я помню день, когда я благословил твоего брата и этого мошенника Серого Плаща отправиться на поиски дальних стран. Я сидел на своем троне, чувствуя себя не мудрым старым воскресителем, несущим на плечах тяжелое бремя ответственности и власти, а юным мальчишкой. Сказать по правде, я был готов обменять свой трон и все свои знания и авторитет на возможность отправиться с ними.

Теперь была моя очередь рассмеяться.

– Приключения? Вот ваша слабость, воскреситель?

Гэмелен снова загудел как сова.

– Я рожден для этого, Рали, – сказал он. – Но судьба распорядилась иначе. Мне не повезло, мой волшебный талант стал моим проклятием. Но это уже другая история, которой я тебе еще надоем во время путешествия.

Он тряхнул головой и покрутил бороду, тая от удовольствия.

– Представь, говорить о таких вещах... путешествия, приключения, рассказы. Вот и снова я почувствовал себя совсем юным.

И в самом деле, он выглядел так, как будто за несколько минут помолодел на годы. Щеки над его бородой приобрели румяный оттенок. Его глаза стали яснее. Он выпрямился. Он стал почти красивым. Если бы у моих подруг были другие увлечения, я думаю, что некоторые из них были бы готовы к борьбе за благосклонность этого старика. Клянусь, что, если какой-нибудь миловидной девушке захочется внимания мужчины во время путешествия, я посоветую ей посетить шатер колдуна.

Гэмелен заторопился.

– Ну вот, видишь, я действительно очень стар, – сказал он. – Я почти забыл о работе. – Он снова занялся аппаратом, втягивая носом ничем не пахнущий пар, поворачивая краники, чтобы одна жидкость по каплям вливалась в другую. По ходу дела он рассказывал о своих намерениях. – Спасибо тебе, – говорил он. – У меня есть средства, которыми мы вооружимся против секретного оружия архонта. Эти средства недостаточно сильны, чтобы полностью разбить его, но они ослабят его силы и облегчат нашу задачу.

Он положил украшенную витиеватым орнаментом шкатулку на стол. Она была сделана из черного эбонита и богато инкрустирована. На ней не было видно ни швов, ни замка. Гэмелен провел над ней руками, прошептал что-то и сдвинул ее с боков большими и указательными пальцами обеих рук. Она открылась. Я заглянула внутрь, и меня чуть не вывернуло от увиденного. Там лежал большой кусок плоти. Это был коричневатопурпурный орган со следами начавшегося несколько часов назад гниения.

– Это сердце убитого тобой архонта, – сказал Гэмелен. Он взял его в руки со спокойствием человека, привыкшего иметь дело с мертвечиной, и поместил под большой медный кран, выдававшийся из машины. Он повернул вентиль. Толстые масляные капли яркого зеленого цвета стали медленно падать на сердце. Жидкость расплзлась по органу, окутывая его зеленым глянцем. Гэмелен запел:

Сердце из камня,
Чтобы брат боялся:
Нет ни любви,
Ни слез,
Ни жалости!
Сердце из камня,
Чтобы ненавидеть брата:
Нет ни радости,
Ни тепла,
Ни красоты!
Ненавидеть для ненависти,
Бояться для страха,
Камень к камню:
Брат, найди брата!

Сердце начало сокращаться, стали изменяться его цвет и форма. Оно становилось все меньше и меньше, сначала медленно, а затем я не успела и моргнуть, как от размера в кулак

оно сжалось до величины птичьего яйца. Теперь оно было таким же гладким и черным, как эбонитовая шкатулка. Гэмелен осторожно взял его хрустальными щипцами и поместил назад в шкатулку. Он снова сдавил ее с боков и прошептал заклинание. Шкатулка захлопнулась. Гэмелен поднял ее, держа в ладонях. Он склонил голову, будто внимательно прислушиваясь. Затем кивнул, поднял глаза, и его кривые зубы сверкнули сквозь бороду.

– Работает, – сказал он очень довольным голосом, как будто до этого он сомневался.

Он протянул мне шкатулку. Я отшатнулась.

– Я не хочу прикасаться к этому, – сказала я с испугом.

– Я могу понять тебя, – ответил Гэмелен. – После того, что ты о нем знаешь... Но тем не менее сделай это для меня.

Я взяла шкатулку. Тотчас у меня зазвенело в ушах, как будто кто-то тронул струну какого-то инструмента.

– Что это? – спросила я.

Гэмелен снова издал звук, похожий на гудение охотящейся совы.

– Оно сообщает нам, что его брат все еще где-то поблизости. И нам остается теперь только настичь его и...

Тут восторг перед своей победой переполнил его. Гэмелен высоко закинул голову, и его крик эхом прокатился под сводами огромного зала архонтов:

– Я достал тебя, ты, подонок! Я достал тебя!

Глава пятая В ПОГОНЮ НА КРАЙ СВЕТА

Мы тронулись в путь в первый день месяца урожая в год Оленя. Для жертвоприношения Гэмелен отобрал двух солдат, осужденных за изнасилование ликантианских женщин. Их пропустили между двух жерновов, как это предписывается правилами, но вместо обычного для этого обряда окропления земли кровью жертвы, Гэмелен смазал этой кровью носы кораблей и затем выбросил останки в море, в качестве подарка морским божествам. Все согласились с тем, что это было очень удачным началом плавания.

Возможно, так оно и было. Но прости меня, писец, если я своим богохульством запятнаю страницы твоей летописи, мне казалось, что старый хитрый воскреситель коварно использовал случайное совпадение, чтобы припугнуть адмирала Холлу Ий и его пиратов. Целая армия вышла провожать нас в путь, надев все доспехи, которые Гэмелену и некоторым другим офицерам удалось вырвать из жадных рук Джинны. Церемония так долго и тщательно готовилась, что мы не успели отплыть в утренний прилив. Гэмелен меня успокоил, что у него есть пара штук, которыми он может вызвать прилив снова.

Наша флотилия состояла из пятнадцати галер Холлы Ий, которые были сработаны в виде устрашающих морских чудовищ, производящих впечатление даже на суше. Такой внушительный флот давал нам огромное преимущество перед убегавшим на торговых судах архонтом. Я разделила свой отряд, разместив стражниц на десяти кораблях, плюс еще один корабль занял наш штаб. Остальные четыре судна занимали только люди Холлы Ий. Я бы, конечно, предпочла иметь своих представителей на каждом корабле, так как мало доверяла Холле и еще меньше доверяла его команде, но, к сожалению, даже с новобранцами, привезенными Дикой, моя гвардия все еще была слишком малочисленной.

После большого количества речей и заклинаний – даже Джинна сподобился на вялую похвалу мне и моим девушкам – мы проследовали через ряды приветствовавших нас солдат. Они желали нам успеха и молились за наше счастливое возвращение. Некоторые из наших товарищей по осаде были настолько переполнены чувствами, что не стеснялись слез. Мы построились на площади перед кораблями, раздался грохот барабанов и пронзительные звуки рожков. Холла Ий приветствовал меня. Он был одет в свою самую лучшую – то есть в самую безвкусную – одежду. Медали покрывали буквально сплошным слоем его широкую грудь. Пока я отдавала ему честь, я искоса осматривала его знаки отличия. Многие из них

принадлежали государствам, которым Холла Ий никогда не служил. Я даже сомневаюсь, что эти награды были куплены у торговца. Его мошенническая ухмылка мне совсем не понравилась. Но я решила не придавать ничему значения и спокойно ждать дальнейшего развития событий. Моя голова была очень тяжелой после длительного недосыпания, все звуки и события я воспринимала в каком-то беспорядке.

– Стража! – крикнула я. Полилло и Корайс эхом повторили мой крик. – Подняться на борт! – Зазвенело оружие, и мои подчиненные стали взбираться на сходни.

Я услышала, как выкрикивает приказы капитан корабля, на котором мне предстояло плыть. Это был еще один жулик по имени Страйкер. Как только мы поднялись на борт, раздались звуки труб. Матросы с нездоровым любопытством разглядывали стражниц. Офицеры и солдаты смешались с моряками. Соленый аромат портового воздуха наполнился запахом застарелого пота. Гребцы с огромными руками и широкими грудными клетками встали у своих скамей и положили весла на воду. Матросы образовали пестрые группы, очень сильно отличавшиеся от остальных. В отличие от офицеров почти все были босыми, а их одежда представляла собой причудливую смесь лохмотьев с роскошью награбленных одеяний. Женские кашне и разноцветные туники вперемешку с холщовыми бриджами или даже набедренными повязками. Их шеи, уши, носы, губы были увешаны сверкающими драгоценностями. У некоторых из них на обнаженном торсе я видела даже сверкающие кольца, продетые сквозь соски.

Вид этих дикарей усилил мои сомнения и недоверие ко всему предприятию. Но тут моя гвардия продемонстрировала уровень подготовки. Они построились на палубах, и Гэмелен пропел свои благословения и молитвы, обращенные к Маранонии. Перед тем как отдать сигнал к поднятию флага, он оторвал кусок от своего рукава и бросил его на палубу. В воздухе появился сладкий запах дыма, красные, зеленые и голубые струйки которого потянулись в разных направлениях. Как только знамя было поднято, дым начал взбираться к нему, поднимаясь все выше и выше. Вдруг Гэмелен крикнул что-то, и с берега налетел сильный порыв ветра, натянувший знамя до предела. Разноцветное облако дыма отступило в западном направлении, и перед нами предстала наша богиня во всем ее великолепии. Все в ней, от золотых сандалий до копья и факела в руках, говорило о том, что это женщина-воин. Легкая кольчуга облегла ее белоснежную тунику, из-под заостренного шлема на плечи струились черные как смоль кудри. Я никогда не испытывала большей гордости, чем тогда под развевающимся над кораблем знаменем нашей богини. Я услышала всхлипывания Полилло и увидела, как Корайс вытирает угол глаза. Я и сама почувствовала щекотание в горле, как будто мне что-то мешало дышать.

Галеры были спущены на воду. Страйкер зашептал странным вкрадчивым голосом, слышным за несколько ярдов:

– Можно мне отдать приказания к отплытию, капитан Антеро?

Я могла только кивнуть в знак согласия. Еще раз грянули трубы, снова послышались крики приветствий с берега, и команда корабля закружилась в сумасшедшем прощальном танце. Воздух наполнился неясными звуками приказов и равномерным грохотом весел.

Гэмелен сделал мне знак, и я поспешила к нему. Он протянул мне золотое копьё, точно такое же держала наша богиня. Указав в сторону горизонта, он приказал мне бросить копьё. Внезапно на меня навалилась усталость и мне стало страшно, – мне показалось, что я не смогу достойно выполнить свою задачу. Но Гэмелен крепко сжал мышцы моей правой руки, и я вдруг почувствовала себя очень сильной. Моя правая половина казалась мне натянутой тетивой, готовой к пуску. Я зафиксировала ноги и отклонилась назад для броска. Гэмелен запел:

Эй, копьё!
Лети быстрее
В далекие дали,

Чтобы уже сегодня
Выполнить заветы
Наших богов.

Я вложила в бросок всю силу, и он доставил мне радость. Я размахнулась рукой так, что упала. Но при этом я приземлилась на палубу с ловкостью акробата или танцора. Я увидела, как золотое копьё, стремительно прорезая воздух, удаляется в западном направлении. Траектория его полета была гораздо выше и длиннее, чем мог бы достичь бросок простого смертного. Полет копьё напоминал орла на охоте. Вскоре оно исчезло из вида.

Тут я почувствовала сильный толчок, и наша галера тронулась вслед за копьём. Мы удивительно быстро набрали огромную скорость и в сопровождении остальных галер понеслись в море.

С побережья снова донеслось раскатистое «ура!», и я повернулась, чтобы еще раз взглянуть на оставшихся там товарищей и на землю, которая быстро исчезала из виду.

Тут Полилло тронула мой локоть. Я вспомнила, что смертельно устала. Мои веки были очень тяжелы, я уже не могла с этим бороться. Полилло отвела меня в каюту, где я повалилась на гамак и тут же уснула.

Я видела себя снова в объятиях Трис. Это было накануне моего отъезда в Ликантию, мы простили друг друга и занялись дикой, почти яростной любовью. Теперь время близилось к рассвету и моя голова покоилась на ее мягкой груди. Я знала, что это был сон и что этот сон обманывал меня – мы не встречались, было гораздо меньше объятий и вообще это было уже так давно... Но это была сладкая ложь, и я покорилась ей. Я целовала ее похожие на бутоны розовые соски, ласкала стройные бедра, пока они не раскрылись для моих рук и губ. Мне показалось, что я слышу очень нежную музыку Омери, словно все было наяву. Это было реальностью, наполненной любовью, музыкой и романтическими вздохами.

Вдруг раздался звук сильного удара хлыстом, загрохотали копыта, по дороге пронеслась огромная железная колесница. Одна из стен нашего убежища обрушилась, и я предстала совершенно обнаженной перед восседающим на черной колеснице архонтом. Колесница была отделана острыми стальными шипами и лезвиями, в нее были впряжены два огромных черных коня с гигантскими орлиными крыльями. Вдруг разрушенная комната превратилась в палубу нашего корабля. Архонт насмеялся надо мной, стоя в своей колеснице. Холла Ий и его команда смеялись вместе с ним, показывая пальцами на мое голое тело и глумясь над моей женской любовью к другой женщине. Я увидела, что Трис в плену у архонта и ее руки связаны. Тут архонт натянул поводья, крепче прижал к себе Трис и крикнул лошадям. Я рванулась к ним, но было слишком поздно, лошади взвились ввысь, унося колесницу в небо. Я только услышала пронзительный крик Трис и хохот архонта. И больше ничего. Я проснулась Глаза закрыты. Мышцы дрожат после чудовищного кошмара. Вокруг слышны только шум моря и удары весел. Мой грубый гамак покачивался подо мной. Я почувствовала чье-то присутствие. Опасность? Я медленно открыла глаза.

Надо мной стояла Трис. На ней было легкое, как паутина, белоснежное платье. Она улыбалась мне. Вдруг ее глаза зажглись ненавистью, и я увидела, как в ее руке блеснул серебряный кинжал. Она бросилась на меня. Я попыталась увернуться, но гамак помешал мне. Клинок ужалил меня в руку.

Каким-то образом мне удалось высвободиться из гамака, и я упала на деревянный пол. Трис карабкалась ко мне. Я попыталась подняться, но не могла пошевелиться от усталости. Я так устала! Тут-Ничего. Глаза закрыты. Мышцы дрожат. Звуки моря и ветра. Гамак покачивается подо мной. Я чувствую чье-то присутствие. Опасность? Я снова открываю глаза. Корайс улыбается мне.

– Сладкие сны, капитан?

Тяжело вздохнув, я присела, свесив ноги через край гамака.

– Это было похоже на кошмар собаки после неудачной охоты, – сказала я.

Я почувствовала жжение в руке и увидела каплю крови, медленно собирающуюся под небольшой раной. Потрясенная, я смахнула ее.

– Какой-нибудь матрос потерял швейную иглу, – сказала Корайс и провела рукой по краю гамака, отыскивая ее.

– Да, – сказала я с заметным облегчением. – Так оно и есть.

Корайс с интересом посмотрела на меня.

– Разве это может быть чем-либо еще? – спросила она.

Действительно. Ничего другого и быть не могло. Или сон был вовсе не сном. А это невозможно – не так ли?

Я встала, чтобы приветствовать новый день, и через час настолько ушла в наблюдения за новой для меня необычной обстановкой, что совершенно забыла и о сне и о ране.

Первым делом следовало начать поиск следов архонта. Я собрала всех на борту корабля Холлы Ий. У меня было две причины для этого: во-первых, ему четко объяснили, что тут командовала я, и он был крайне этим недоволен, если не оскорблен. Этой встречей я пыталась подсластить его горькое разочарование. Во-вторых, у него была большая каюта. Если беседа станет слишком жаркой и дело дойдет до рукопашной, мне нужно пространство для нанесения ударов мечом. Конечно, я не думала, что это обязательно должно произойти, но если будет нужно напугать его жестом, например хватанием за рукоятку кинжала, он должен знать, что мне ничто не помешает пустить в ход оружие.

Как только я вошла в каюту адмирала, у меня рассеялись последние сомнения – передо мной пират и наемник. Его жилище выглядело таким же кричащим и непристойным, как гостиная куртизанки – все предметы обстановки были во вкусе уличной девки. Настенные портьеры и ковры резали глаз невыносимыми сочетаниями цветов. Комната была просто набита предметами, инкрустированными драгоценностями, назначение которых было самым разнообразным. Клянусь, что непонятной формы предмет, украшенный перьями и с усеянной редкими камнями ручкой, представлял собой аппарат для занятий сексом. Повсюду лежали покрывала и кружева самого высокого качества. Во всем чувствовалась непристойность и низкий вкус. Драпированные полочки были уставлены статуэтками, многие из которых самым вульгарным образом изображали сексуальные сцены. По всей каюте были разбросаны огромные подушки, которые также были декорированы неприличными рисунками. Один из них был особенно хорош, он изображал двух женщин, занимающихся любовью. Одна из них была невероятно похожа на Трис. В центре каюты стоял широкий стол из темного полированного дуба. Вокруг стола были расставлены кожаные кресла, одно из которых отличалось огромной высотой. Понятно, что оно принадлежало адмиралу. Я прошла к нему и села. Не было смысла особенно радовать Холлу Ий. Он нахмурился, но я с видом полного безразличия и превосходства стала осматривать его владения. Я – дочь моего отца, и хотя я и выбрала солдатское ремесло, я владела и коммерческими уловками, чтобы получить то, что мне нравилось. Адмирал направился к месту по правую руку от меня. Оно было расположено как раз под украшенным витиеватой резьбой окном, и это было для него большим преимуществом, так как его лица во время беседы не было бы видно. Однако Гэмелен одним скачком скользнул в кресло первым. Он подмигнул мне, затем торжественно взглянул на Холлу Ий, с видом мертвенно-бледной статуи, встряхнул головой и обратил свое внимание на Фокаса, капитана корабля Холлы Ий, разворачивавшего большую карту. Чин, который, как и все остальное во флоте, был чем-то совершенно отличным от того, к чему я привыкла. Например, Холла Ий был адмиралом и командовал всеми кораблями. Но на корабле Фокаса он был фактически почетным гостем, а командовал кораблем Фокас. Точно так же и на нашем корабле – Страйкер был капитаном, Клисуре был младше его по званию и выполнял обязанности штурмана, за гребцами следил Дюбан. В чем состояли обязанности Страйкера, помимо принятия благородных поз на юте и упорного усложнения моей жизни, я так и не поняла.

При виде карты Фокаса я тут же позабыла обо всем. Наше предприятие представилось

совершенно невыполнимым. На запад от ОриССы и Ликантианского полуострова простиралась огромная территория, которую я даже не могла себе представить. Я видела подобные карты у моего отца и на уроках Амальрика. Правда, я никогда не могла представить свое положение по этой карте. Я могла найти знакомые названия портов и город, где жила моя семья. Но теперь по воле картографов эти порты и города превратились в маленькие значки, предупреждающие о возможных встречах с демонами зла или обозначающие гиблые места, испорченные чарами черной магии. Но основной причиной моего потрясения было само море. Оно было таким огромным, что, казалось, готово поглотить те маленькие кусочки суши, которые еще сумели устоять перед его величием. Море простиралось до самого края западного участка карты. Земля здесь не была изображена, просто дальше этого места никто не плавал. Расстояние было пугающим.

Фокас нацарапал знак на холсте – всего лишь на ширину пальца на запад от Ликантии. Объяснений не потребовалось – было и так понятно, что это наше положение на тот момент, практически у самой восточной точки карты.

– Они нас опережают на два дня, – мрачно сказал Холла Ий. – Море и ветер все это время были очень благоприятны для них. Тем не менее они не могли уйти дальше этого участка...

Он поместил два пальца напротив нашей позиции. Фокас отметил эту точку, а адмирал, отступив в сторону, обрисовал круг. Где-то внутри этого круга находится наш враг. Но *мы* не можем точно знать, плывем ли мы в правильном направлении или нет. Если нет, то архонт уносится от нас с каждой минутой все дальше и дальше.

– Я думаю, можно быть уверенными, что он все еще(плывет на запад, – сказал Гэмелен. – Колдовство, которым я пытался ускорить наше преследование или задержать их бегство, наталкивалось на противодействие заклинаний, которые могли исходить только от нашего старого друга. И это влияние исходит из той части горизонта, куда мы движемся.

– В этом случае выбор западного направления представляется единственно логичным, – сказала я.

Фокас засмеялся.

– По жребии выходит запад, – сказал он язвительно. И? указав на карту, добавил: – Больше всего вам нравится смотреть на запад.

– Соблюдай приличия, – отрезал Холла Ий.

Фокас побледнел. Адмирал был в бешенстве. После встречи с Джинной я знала, что с подачи Гэмелена и других симпатизирующих мне офицеров Джинна возложил всю вину за бегство архонта на Холлу Ий. Он был обязан заблокировать выход из порта. Более того, Джинна заявил ему, что премия за участие в военных действиях не будет выплачена до завершения экспедиции. Больше того, до нашего возвращения трофейная добыча из Ликантии не распределялась между наемниками. Я ожидала, что он взбесится, услышав последнее решение, но он только обменялся с Джинной странным взглядом и, казалось, вполне держал себя в руках. Возможно, что между ними была личная договоренность. Похоже, что Джинна обещал Холле Ий компенсировать все эти неприятности, в том числе за принятие на себя вины за бегство архонта. По правде говоря, Джинна как командующий заслужил самую низкую оценку в связи с этим провалом. Гэмелен смягчил напряженность.

– Предоставим нашему врагу разрешить эту дилемму, – сказал он.

Маг достал черную шкатулку с талисманом – сердцем архонта.

Холла Ий и Фокас забеспокоились при его появлении. Они слышали о талисмане, и вид предмета такой магической силы испугал их.

– Я бы попросил у вас компас, – сказал Гэмелен.

– Простите? – Холла Ий от изумления раскрыл рот, как будто только что вынырнул на поверхность.

– Будьте любезны, компас, – повторил Гэмелен.

Моментально компас был найден. Гэмелен поместил шкатулку на круг, нарисованный Фокасом, и сверху положил компас. Затем он попросил тишины – онемевшие от потрясения

пираты и не нуждались в предупреждении. Гэмелен не пел и ничего не говорил, по крайней мере вслух, не призывал богов на помощь.

Гэмелен полностью сконцентрировал свой взгляд на шкатулке. Его желтые глаза пылали как солнце, и казалось, вся комната осветилась его внутренним светом. Его тяжелые вздохи, перешедшие в низкое гудение, привели к вибрации шкатулки. Тут шкатулка засветилась своим светом. Стрелка компаса затряслась и бешено закрутилась, один раз, два, на третьем круге в какой-то момент она застыла на полпути, как будто ее остановила чья-то рука.

Гэмелен отступил назад. Свет в его глазах начал блекнуть, пока они не стали своего обычного желтого цвета. Он вытер пот со лба и указал на стрелку компаса, которая трепетала и, казалось, была готова двигаться дальше.

– Следуйте за ней, – сказал Гэмелен, – и мы настигнем нашего врага.

Компас показывал точно на запад. Ий говорил со мной, и я отвечала на все вопросы. Но все происходящее, казалось мне, находилось в каком-то тумане. Я не могла отвести взгляд от стрелки компаса и огромного расстояния на карте.

Я видела все знакомые места. Трос, богатый город, с которым торговали несколько поколений моей семьи. Савиа, известная своими винами. Тырган – город, где умели вытачивать острейшие клинки. Луанджи со своими богатейшими стадами, покрывавшими побережье на протяжении многих миль. За ним лежит Джейпур, портовый город, куда ежедневно прибывают караваны с шелками, пряностями и волшебными сокровищами из мест, о которых можно было бы подумать, что они существуют только в легенде, если бы не эти товары. Следующий город – Лаозия, где семья Джейхана держит в своих руках рынок слоновой кости и прекрасного черного дерева такой прочности, что оно превосходит даже сталь.

На противоположном побережье я увидела Редонду и рядом опоясывающие побережье практически непроходимые горы царства Валарои. За этими горами лежит огромная пустыня, где живут дикие племена наездников. Мы знаем о них только по их богатым коврам и сладко пахнущим маслам, которые мы жжем по случаю праздника. Далее на запад располагается Тигровая бухта, названная так не из-за зверей, а за окраску жемчужин, создаваемых моллюсками, обитающими в этих местах. Бусы из этих камней не имеют равных по красоте. Я знала эти места так же хорошо, как о них знает любой школьник. Но территории, расположенные за этой речкой – Жасминовые острова, Коралловое море, Имбирная река и Лимонное побережье, – все это мне было неизвестно.

Самый прекрасный момент, часто говорил мой брат, когда путешествие начинается. Потом следует скучный период дорожных размышлений, после этого остается только отмечать ежедневные происшествия. Моего брата стоит слушать в подобного рода вещах, так как он был первым человеком, дошедшим до Далеких Королевств. Хотя теперь у меня были хорошие шансы превзойти его.

В тот день в каюте Холлы Ий мои приключения начались на самом деле. В то мгновение я точно знала, что до окончания этого путешествия я увижу все эти места на карте своими глазами. Я перевела глаза на край карты, туда, где еще никто не бывал. И я подумала, что могу увидеть и эти места. Я не испугалась этой мысли, писец. И так как я обещала говорить только правду, должна признаться, что некоторое время я не помнила ни об архонте, ни об угрозе, которую он представлял. Я была полна каким-то приятным томлением. Я хотела узнать, я должна была узнать ответ на загадку, поставленную картой: что лежит вне ее пределов?

Впервые в жизни я поняла, какое счастье и какое проклятие быть путешественником, как Янош Серый Плащ и, увы, мой брат, хотя он себя таковым не считал.

Смущенная открытием в себе таких новых желаний, которые я и не предполагала в себе обнаружить, я взглянула на Гэмелена. Казалось, какая-то тень упала между нами. Эту тень я уже где-то видела, и с запахом, который вдруг ударил мне в нос, я когда-то уже встречалась. Мне показалось, что я слышу женский шепот. Я сильно тряхнула головой, тень исчезла, и ко

мне вернулось нормальное зрение. Я увидела Холлу Ий и Фокаса, поглощенных планом. Но старый колдун не отрываясь смотрел на меня.

– У тебя было видение? – спросил Гэмелен. Я покачала головой, отвечая отрицательно. Но запах сандалового дерева, стоявший в комнате, указывал на то, что это была неправда.

Мы следовали за архонтом, постоянно сверяясь с показаниями волшебного компаса. Когда стрелка отклонялась, мы тут же меняли курс. Когда она возвращалась в прежнее положение, мы делали то же самое. Мы не знали, были ли эти изменения связаны с тем, что наш враг чувствовал, что мы догоняем его, или же это были просто беспричинные изменения курса. Но никто не сомневался, что погоня была настоящей. Архонт был впереди – это мы точно знали; в нескольких милях или в нескольких днях пути.

К сожалению, восторг от погони становился все меньше с каждым днем, и постепенно мы вошли в обычный ритм морской жизни.

Время шло, и я начала понимать, что эти корабли станут нашим полем битвы, а я о них знала так же мало, как о битвах на льду. Я решила стать специалистом в области мореходства. В любой момент, если будет угодно Тедейту, корабли архонта могли появиться перед нами. Самым скучающим человеком на судне был некий помощник капитана – ранг, как я вскоре поняла, аналогичный сухопутному квартирмейстеру. Отличием было только то, что квартирмейстер, кроме болтовни о веревках и чайниках, может заняться еще твоим размещением на постой, этот же молодец занимался только рассуждением обо всем – от канатов до абордажных сабель, – кроме соленого океана вокруг нас.

Для тех, кто хотел бы узнать побольше о мире, в котором мы теперь находились и в котором нам предстояло провести еще неопределенно долгое время, а некоторым из нас и остаток жизни, сообщаю некоторые детали.

Наши галеры были известны под названием «длинные гонцы» и предназначались, как гордо сообщил мне помощник капитана, для самых различных целей – от подъема вверх по рекам до захвата и разграбления торговых судов, набегов на морские порты или совершения долгих морских рейдов в далекие страны. Даже при проходе по мелководью, рассказывал он нам, хотя мы и сами это заметили, эти корабли качает, при любом ветре и любом море. На самом деле их качает даже когда они стоят в доке, поэтому у хорошего галерщика должен быть очень крепкий желудок. Со стороны приступы морской болезни выглядят чрезвычайно смешно, пока это не случится с тобой самим. Корайс поинтересовалась, остаются ли ощущения столь же сильными, если их испытывать через каждые двадцать восемь дней. Но я не ответила на шутку своего легата.

Каждая галера была около ста футов в длину и двадцати футов в ширину. Осадка судна была не более трех футов, что помощник капитана называл плавучестью. На каждом корабле было по три офицера: капитан, штурман и надсмотрщик за гребцами. Ниже их стояли помощники, которые являлись чем-то вроде наших сержантов. «Помощниками» называли также корабельных мастеровых – плотников, столяров и других. Команда гребцов составляла пятьдесят человек, которые в некоторых случаях брали по два весла, и тогда эффект их работы удваивался. Было еще пятнадцать хорошо обученных матросов, которые считали себя элитой и не притрунулись бы к веслу, даже если бы корабль несло на скалы. Кроме того, корабль мог принять почти любое количество солдат для перевоза во время войны, но в мирное время, под которым Холла Ий подразумевал пиратство, только около двадцати пяти моряков – солдат с некоторыми мореходными навыками – принимали участие в плавании в качестве ударной силы.

Каждая галера имела главную палубу, которая была открытой, и нижнюю – для сна и укрытия в плохую погоду. Погода должна была быть очень бурной, чтобы захотелось туда спуститься, так как эта палуба была очень тесной и темной. При росте больше пяти футов там можно было двигаться только в полусогнутом состоянии, иначе был очень хороший шанс удариться обо что-нибудь головой. Мы спали в гамаках, которые приносили вниз каждый день и складывали там. Ночью мы вешали их в самых разных местах, где было больше места. Верхнюю палубу можно было затемнить в жаркую погоду парусиновым

тентом, и самым приятным было лениво развалиться под этой яркой полосатой материей на легком ветерке, и требовались большие усилия, чтобы встать на ноги и снова приняться за выполнение упражнений с мечом или копьем.

Сверху и впереди, над лезвиеподобным носом корабля, на некотором возвышении была расположена еще одна палуба, откуда было удобно начинать атаку в случае битвы. В кладовой, расположенной под ней, хранились оружие, запасной парус, канаты, бочки с водой, пища и другие припасы.

На корме возвышалась еще одна палуба, называемая ютом. Отсюда производилось командование галерой и управление рулем с помощью длинного каната. Под этой палубой располагались роскошные отдельные каюты офицеров.

Длинная узкая палуба около трех футов шириной простиралась непосредственно над главной и соединяла две высокие палубы. Она называлась штормовым мостиком и служила не только проходом над ударяющимися о главную палубу волнами, но и для большей прочности корпуса корабля.

Каждая галера несла две мачты с треугольными парусами, под которыми обычно шел корабль. Если же ветер дул в лоб или было необходимо набрать скорость, паруса опускались и в ход пускались весла.

Камбузом служила постройка на нижней палубе. Пища готовилась одним человеком в огромных котлах, а затем передавалась в кубрики для дальнейшего распределения. В каждом кубрике жило по десять моряков, посуда которых хранилась в большом сундуке вместе с приправами – их каждый был волен выбирать и оплачивать из собственного кармана. Моряк был свободен в выборе кубрика, так же как соседи имели право принять или отказать ему.

Отхожее место представляло собой легкое сооружение, выдвигавшееся над кормой по необходимости. Купание – с ним дело обстояло следующим образом: как сказал помощник капитана, острый нос дает скорость, но благодаря волнам вам покажется, что вы половину времени купаетесь.

Вот и все. Каждая галера была приспособлена только для двух целей – скорость и война. Все остальное ее создателей не интересовало. Я проводила время в прогулках и зарисовках корабля до тех пор, пока не узнала всех деталей его конструкции. После этого меня заинтересовал другой аспект – как этот корабль управляется и используется в битвах. И это исследование продолжалось до окончания нашего похода.

Я собрала всех своих офицеров, и мы приступили к обсуждению ведения битвы с этих галер. Холла Ий и один из его подчиненных выступили, но из их речей мало что удалось почерпнуть. Морская битва ведется так, как если бы каждый корабль представлял собой фургон, набитый пехотой, атакующей другие фургоны, или, что более похоже, группы маленьких вражеских фортов, окруженных рвами. Поначалу мы должны нанести как можно больше повреждений при сближении с противником с помощью наших катапульти и даже волшебства – это дело нашего мага. Затем подходим максимально близко к неприятелю, и по сигналу наши стражницы прыгают на его корабль и бьются с его солдатами. Кто-то из нас одерживает победу, победителю достается корабль, если он еще способен держаться на плаву, а побежденный становится обедом акул, которые уже сейчас шли в кильватере за нами.

Существует несколько приемов: от тарана «вороньим клювом» до забрасывания abordажных сетей, обо всем этом я расскажу в свое время. Но в общем разница между штурмом корабля и штурмом крепости не очень большая. Пехота остается пехотой что на суше, что на море.

Мы с Корайс потом тихо обсуждали то, что нам удалось узнать. Нам казалось, что чего-то недостает. Вся тактика морской битвы напоминала драку двух слепых пьяниц. Мы пытались придумать что-нибудь новое, но не могли.

Как показало время, мы оказались правы, и читатель об этом узнает немного позже.

Если бы не разбойничий вид команды и постоянные упражнения в фехтовании, наше путешествие было бы даже приятным. Спокойное море посверкивало на солнце, легкий бриз

надувал наши паруса, дни тянулись спокойно и лениво, а ночи были чрезвычайно романтичны. Попутный ветер делал греблю легкой. Мы не отставали от врага, но и не догоняли его. Вскоре стало понятно, что проиграет тот, кто допустит первую ошибку. Гэмелен и архонт объявили между собой негласное перемирие, экономя силы для решающей схватки. Гэмелен постоянно ожидал внезапного нападения и уверял меня, что архонт поступает так же. Мы считали, что преимущество на нашей стороне – у нас было больше людей и припасов, рано или поздно должен был настать день, когда им придется пристать к берегу, чтобы набрать воды.

Мои женщины вели себя лучше, чем я рассчитывала. Те, кто тосковал по дому и семье, находили утешение в изучении мореходной науки. Дружба между стражницами укрепилась, многие нашли себе новых любовниц, некоторые оставались верны своим покинутым возлюбленным. Среди приближенных ко мне Исет продолжала довольствоваться своей собственной компанией, Корайс позволяла себе только легкий, несерьезный флирт, а Полилло безумно, с тяжелыми вздохами ухаживала за маленькой блондинкой Невстрией, которая недавно тоже стала легатом. Сначала Невстрия была скромна и застенчива, потом в течение двух дней они пожинали плоды любви в любом мало-мальски уединенном уголке, а потом рассорились и поклялись никогда не разговаривать друг с другом. Последний раз я видела Полилло довольной, когда ей удалось перерезать глотки двоим ликантианцам с интервалом в пять минут. Что касается меня, я не могла позволить себе влюбляться в людей, которыми командовала, да и Трис всегда стояла между мной и любой другой женщиной.

В течение многих дней море оставалось спокойным. Каждое утро мы видели перед собой пустынный горизонт, манивший нас вдаль, и каждый день заканчивался ярким алым закатом. Старые моряки говорили, что такое огромное красное солнце вечером обещает прекрасный день завтра.

Глава шестая

РАССКАЗ ВОСКРЕСИТЕЛЯ

Проходили дни, и я все больше и больше сближалась с Гэмеленом. Поначалу это доставляло мне некоторый дискомфорт, так как я все еще питала недобрые чувства к воскресителям за их участие в убийстве моего брата Халаба. На самом деле Амальрик помирился с магами Орииссы и освободил нас от колдовской тирании, подарив им привезенные из дальних стран знания. Но я с ними не мирилась и сомневаюсь, что когда-либо пошла бы на это, если бы не Гэмелен. Я не из тех, кто легко прощает, особенно если была пролита кровь.

Все изменилось в день, когда мы увидели приближающуюся ледяную глыбу. Такое чудо редко встретишь в наших широтах, но иногда, как рассказывают путешественники, течение выносит их в эти моря с холодного юга, где они рождаются. Глыба была огромной, примерно размером с фермерскую усадьбу. Она имела острую вершину и зубчатую поверхность. С одной стороны теплая вода вымыла в ней огромную розовую полость. Все мы были поражены размерами айсберга. Группа смельчаков отправилась в небольшой лодке и вернулась с большим куском розового льда. Я положила немного льда в бокал вина, и оно весело заискрилось и забурлило.

Пока мы проплывали мимо, я перемещалась по палубе, чтобы получше разглядеть ледяную громадину. Я была настолько поглощена, что чуть не перекувырнулась через Гэмелена, который что-то проделывал на перилах. После взаимных извинений в неуклюжести я увидела два ведра морской воды с несколькими толстыми рыбами. В руке Гэмелен держал крепкую веревку с прикрепленными к ней отвратительными крючками. Колдун быстро нагнул голову, когда я увидела их, но продолжил насаживать наживку.

Я расхохоталась.

– Так вы – рыбак? И, как видно, неплохой! Я думаю, что, когда маги рыбачат – правда, раньше мне не приходило в голову, что они вообще это делают, – они шепчут заклинания.

Или льют какое-нибудь злодейское зелье в воду, для убийства рыб.

– Когда я был учеником, – ответил Гэмелен, – меня учили, что первое правило волшебника – никогда не пользоваться своим искусством без необходимости.

– Еда необходима, – заметила я.

Гэмелен покраснел. Даже несмотря на длинную седую бороду и морщины, он выглядел совершенно как мальчик. И если бы у меня была хоть какая-нибудь склонность к материнству – которой у меня, к великому возмущению Трис, не было, – я бы прижала его к груди. Он пожал плечами.

– Я бы не хотел, чтобы об этом кто-либо узнал, – сказал он, – но мне нравится рыбачить. По правде говоря, я когда-то был рыбаком. Моя семья говорила, что, когда я вырасту, я стану лучшим рыбаком в Ориссе.

Я была удивлена так, как если бы он выхватил из рукава демона и назвал бы его сестрой.

– Рыбак? Вы?

Он улыбнулся и бросил веревку.

– Это действительно выглядит странным? – спросил он. – Как и все, я где-то родился и имею полный набор родителей и родственников.

– Но каким образом рыбак стал волшебником? Более того, верховным воскресителем Ориссы?

Наступила довольно долгая пауза. Я наблюдала, как веревка резвится возле льда. Затем он сказал:

– Мои водные приятели нашли там себе убежище. Как только я увидел этот лед, я знал, что рыбалка должна удался.

Я позволила ему сменить тему. Было ясно, что он чем-то смущен. Я сказала:

– А я думала, что холод должен был бы отпугнуть их.

– Я никогда не сталкивался со льдом, – ответил Гэмелен. – Но когда я увидел эту ледяную глыбу, я подумал, что рыбы должны найти счастье под ней. Не только потому, что там можно спрятаться, но и потому, что там легче с пищей. Не спрашивай, как я об этом догадался. Просто я знал, и все.

– Магия? – настаивала я.

– О нет. Просто я... неожиданно почувствовал себя рыбой. И я знал, что мне бы там понравилось.

Веревка вздрогнула, еще раз и еще. Я не успела и вздохнуть, как он уже боролся с ней. Я потянулась, чтобы помочь, но он действовал так умело, его руки выглядели такими уверенными и сильными, как будто он играл с ней. И я передумала. Через несколько минут на палубе лежала, издавая последние вздохи, огромная рыбина.

– Ну вот видишь? – сказал Гэмелен.

– Я никогда не имею ничего против обеда, – ответила я.

– В таком случае, – сказал он, – почему бы тебе не составить мне компанию сегодня вечером? Обещаю, что обед тебе понравится.

Я приняла его предложение, понимая, что это больше чем приглашение поесть.

Этой же ночью я отправилась в маленькую каюту плотника, которую тот уступил воскресителю. В каюте было множество самых разнообразных странных амулетов, священных книг, пузырьков, кувшинов, мешочков с волшебным содержимым. Но самым интересным здесь мне показался запах рыбы, готовящейся над маленькой жаровней. Я очень проголодалась, и мы принялись за рыбу без всяких предисловий.

Когда мы закончили, я ослабила ремень и вздохнула:

– Если бы вы мне сказали, что в прежней жизни были главным поваром в какой-нибудь богатой ориссианской семье, я бы вам сразу поверила.

Я взяла последний кусок рыбы.

– Я вижу, у вас много талантов, воскреситель.

Гэмелен рассмеялся.

– Я готовил при помощи магии, – признался он. – Я соблазнил маленького демона из кухни одного волшебника за кучу меди. Мы с ним договорились, что я дам ему столько, сколько он сможет унести, а за это он приготовит рыбу.

– Я думала, что колдовство используют только а важных целях, – пошутила я.

Гэмелен улыбнулся сквозь бороду.

– Еда – это очень важно, – сказал он.

Я подняла бутылку бренди, которую принесла с собой.

– Если тут найдутся две кружки, мы сможем отведать и это произведение духов. После нескольких глотков вы, возможно, перестанете стесняться своего рыбацкого прошлого.

– Я не стеснялся, – сказал он, принеся бокалы и наполняя. Мы выпили. – На самом деле, – продолжал Гэмелен после нескольких глотков, – я считал, что беседа должна пройти в более спокойной обстановке. Так как это имеет отношение и к обстоятельствам твоей жизни.

Я удивилась.

– Моей жизни? Каким образом?

– У тебя есть дар, – безапелляционно произнес он.

– Ерунда, – сказала я, несколько рассердившись. Я не нуждалась в объяснении. – Все, что я умею, тяжело давалось мне в физических упражнениях.

– Можешь не соглашаться, если не хочешь, Рали, – ответил Гэмелен. – Я знаю, что это правда. Помнишь бросание костей в палатке Джинны? Это было гораздо больше, чем просто навыки бойца и удача, которая позволила тебе убить одного из архонтов и заставить другого бежать. Говорю тебе, такое обычному человеку не под силу.

– Да я терпеть не могу колдунов, – гневно сказала я. – Включая и эту компанию, если разговор принимает такой поворот.

Гэмелен не обиделся.

– Твой брат Халаб обладал даром. Или ты и это станешь отрицать?

Я не стала спорить. По словам Амальрика, если бы Халаб остался жив, то он стал бы одним из самых великих воскресителей в истории. Но воскресители, до того как Амальрик смирил их, завидовали силе Халаба и постарались, чтобы он провалил смертельное испытание на колдовские умения.

– Он был единственным в моей семье, у кого был дар к магии, – сказала я.

– В самом деле? – усмехнулся Гэмелен. – Я чувствовал небольшие способности и у самого Амальрика. Вот тебе еще один.

Я яростно тряхнула головой.

– Не верю. Кроме того, если это так распространено в семье Антеро, почему таких не было в прошлых поколениях? Таких же сильных, как Халаб?

– А ты уверена, что не было?

– Конечно. Никого в семье моего отца...

Гэмелен прервал меня.

– Я знаю. А что касается твоей матери и ее семьи?

Я промолчала. Я никогда не была уверена относительно матери. Иногда мне казалось, что она живет в некотором отдалении от нас. Как если бы она была на... более высоком уровне? А ее семья... Она редко говорила о своей родне. В той маленькой деревне, где ее встретил и полюбил мой отец...

– Я не знаю, – наконец сказала я. Но мой голос прозвучал так тихо, что я сама с трудом слышала себя.

– А я знаю, – сказал Гэмелен. – Вот почему мои братья волшебники с такой осторожностью относились и к твоей семье. Я гадал однажды и выяснил, что твоя бабушка была известной ведьмой, ее хорошо знали в окрестных деревнях, так же как прежде ее мать.

Я восприняла это как правду. Зачем ему врать? Но мне это не понравилось.

– Тем не менее, – сказала я, – все это не может означать, что и я была этим проклята.

– Ты будешь этим проклята, – ответил Гэмелен. – Если будешь продолжать бороться с

этим. Твое поведение сейчас может привести только к трагедии. И не только для тебя. Но и для окружающих.

Я не отвечала. Что-то оборвалось во мне, я была полна смятения и страха. Я осушила бокал и снова наполнила его.

– Сейчас ты услышишь мою историю, – сказал Гэмелен. – Так как ты должна узнать, что человек, которого ты видишь перед собой, это не тот человек, которым я стремился стать всей душой.

Я выпила... и начала слушать.

– Я родился в рыбацкой лодке, – начал он. – Все в моей семье были рыбаками. Они жили на благословенной реке с тех времен, когда Орисса была еще деревней.

Я знала о людях, которых он описывал. Они проводили всю свою жизнь на реке, выходя на берег только для ремонта лодок, продажи рыбы и покупки необходимых вещей. Ночью они привязывали свои лодки друг к другу, получался такой маленький город на воде, где люди переходили из лодки в лодку так же легко, как от дома к дому. Иногда, поздно ночью, я слышала их смех, звуки их любимой музыки. Они всегда казались такими свободными от забот, что в некоторые моменты я страстно желала присоединиться к ним и оставить город ради реки.

– Река в нашей крови, – продолжал Гэмелен. – Нет, она и есть наша кровь. Река поддерживает нас и бережет от бед. Это наша еда, наше питье, наше... все. И река всегда полна чудес – временами опасных чудес, так что там не бывает скучно. Никогда не известно, что она таит в своих глубинах. Для этой жизни я был рожден. Такой жизни я желал для себя более всего на свете. И до сих пор я продолжаю мечтать о ней.

Он выпил и задумался.

– Но у меня был дар, – сказал он. – Сначала его никто не замечал. Но еще когда я был совсем маленьким, если я дотрагивался до самой запутанной сети, клубки распадались и сеть становилась такой же, как в день, когда ее только сделали. Были и другие знаки, мелкие поначалу. Моя семья и друзья обнаружили, что, если они теряли какие-либо предметы, нужно было только спросить меня и я немедленно находил их. Иногда, когда у меня были минуты детской ярости, огонь в очаге мог подняться до пугающих размеров. Предметы расшвыривались без чьего-либо видимого участия. Стекло могло разбиться безо всякой причины. На дне лодки могли вдруг раздаться какие-то стуки, как будто кто-то сигнализировал оттуда.

– Ну вот видите! – вскричала я. – Ничего подобного со мной никогда не случилось! Так что я не более чем простая смертная.

Гэмелен, не обращая внимания, продолжал. Сначала его семья гордилась, особенно, когда выяснилось, что его прикосновения могли излечивать маленькие раны. Его странный дар плюс многообещающие способности рыбака, всегда возвращающегося с уловом и знающего рыбные заводы в трудные времена, сделались предметом зависти друзей и знакомых. В восемнадцать лет его будущее было обеспечено. Отец намеревался дать ему собственную лодку, и все были согласны, что Гэмелен в один прекрасный день станет первым. Затем он влюбился.

– Я помню Райану как самую красивую девушку, о которой только может мечтать мужчина. Мы верили, что никогда не бывало таких влюбленных, как мы, и могли поклясться, что боги, создавая нас, задумали, что никто из нас не будет целым человеком, пока мы не объединимся навсегда.

Пока он задумался, я снова наполнила бокалы. Затем он сказал:

– Я думаю, большинство людей посчитало бы это обычным проявлением нашего возраста. Но я так не думаю. Скоро выяснилось, что боги солгали. У них были другие планы.

Я подумала о своей давно ушедшей Отаре и чуть не зарыдала, вспомнив, что такое любовь и что такое быть любимой такой полной любовью.

– В один прекрасный день произошла катастрофа. Одна городская девушка, катавшаяся на лодке со своей семьей, свесила руку в воду, в то время как идиот, управлявший их судном,

слишком приблизился к торговому кораблю. Руку оторвало. Моя лодка первой откликнулась на ее крики. Я до сих пор помню ужас и боль на ее лице в потоке крови. Она кричала мне: «Но мне только шестнадцать!» Я увидел оторванную руку, схватил ее и прижал к ране. Затем я стал молиться, о, как я молился! Я не знал кому, но все, о чем я мог думать, это была несчастная девушка, в которой жизнь угасала. Я услышал крик, затем рыдания, открыл глаза и увидел, что она снова здорова. Рука на прежнем месте, и такая же, как и была. Ее семья благодарила меня и просила сказать мое имя. Чудо потрясло меня, я был испуган и, впрыгнув в лодку, помчался прочь так быстро, как только позволял парус.

Через несколько дней Гэмелен впервые встретился с воскресителем.

– Для мальчика с головой, набитой всякими глупыми представлениями, этот человек был не очень привлекательным, – сказал Гэмелен. – Я ожидал увидеть нечто похожее на то, какой я сейчас сам. Старый. Бородатый. С глазами, замораживающими все живое, попадающее на пути.

Я взглянула в странные желтые глаза Гэмелена. Сейчас они были такими же добрыми и теплыми, как огонь в кухонном очаге.

Гэмелен поймал мой взгляд.

– Они слабеют, – сказал он.

Я рассмеялась, затем успокоилась. История становилась все более интригующей, и я забыла о собственных проблемах.

– Но вернемся к моему первому воскресителю, – продолжил Гэмелен. – Он был молод, красив и богат, и он был братом спасенной девушки. Его звали Юлоор, он имел не очень большие способности, но огромные амбиции. Он хотел наградить меня за помощь сестре, поддержав меня перед Советом воскресителей. Вскоре я буду носить рясу колдуна и буду уважаем всеми в городе. Но мне этого не хотелось. Я знал, что, однажды покинув реку, я никогда не смогу туда вернуться. Юлоор выслушал меня, но сказал, что это не большая жертва, что моя семья будет иметь большие выгоды, если я на нее пойду. Гораздо более важен мой святой долг перед жителями Ориссы, я не должен растрачивать свой талант, дающийся столь не многим. Он обхаживал меня и мою семью до тех пор, пока я сам не поверил, что у меня нет иного выхода. Поступить по-другому – это обречь себя и семью на беды и страдания, вызываемые присутствием во мне чудесного духа, который будет рвать и грызть меня изнутри, чтобы выйти на свободу. В конце концов я согласился.

– Я полагаю, Юлоор видел в вас выгоду для себя, – сказала я. – Истинный подарок здесь был сделан ему.

– Совершенно верно, – сказал Гэмелен. – Он стал моим учителем, и, пока я поднимался вверх в познании и обретении силы, он поднимался со мной. Он умер не так давно. Он был счастливым человеком.

– А как же Райана? – спросила я.

– Она была потеряна для меня, – ответил он. – Наш брак был запрещен. Кроме всего прочего, как может воскреситель жениться на рыбачке?

– Вы даже не спорили? – воскликнула я. – Не боролись?

Гэмелен вздохнул.

– Но это было безнадежно. Мне было ясно сказано, что произойдет с ней, если я буду продолжать проявлять неповиновение. Я думаю, что эта потеря – одна из причин того, что я смог достичь столь многого. Я больше никогда никого не любил. Поэтому меня ничто не отвлекало от занятий, пока они не поглотили меня целиком и во мне ничего не осталось от рыбака. Только колдун...

Я сказала:

– И вот такую жизнь вы хотите предложить мне? Я счастлива быть тем, кем являюсь.

– Так ли это, Рали? – спросил он.

Я вспомнила сон об измене Трис. Поэтому я не смогла ответить «да».

– В любом случае счастье рядом, – сказал Гэмелен. – Ты должна следовать своей судьбе, или будешь страдать от последствий.

– Последствий? – взвилась я. – Это то, о чем говорил ваш лживый друг Юлоор?

Гэмелен вздохнул:

– Эта часть его слов совсем не была ложью.

– Я – солдат, – сказала я тихо. – Ничего более. – Мои слова прозвучали невнятно. Я была пьяна. И вовсе не от алкоголя.

– Ты подумаешь об этом? – спросил Гэмелен.

– Это все, что я сделаю, – сказала я. Я была полна злости и ненависти.

– Завтра мы продолжим наш разговор, – сказал Гэмелен.

Я ничего не ответила. Но я думала, что если у меня действительно есть волшебная сила, то завтра никогда не наступит.

На самом деле оно наступило, писец, но день прошел совсем не так, как представлял себе каждый из нас.

Каждый день, после полуденного наблюдения, Гэмелен отправлялся на лодке к галере адмирала, чтобы уточнить курс флота архонта. Навигационные приборы сверялись с магическими действиями Гэмелена, и таким образом устанавливались точные координаты. Сигнальные флаги объявляли курс, и каждый корабль делал необходимые поправки.

В тот день, однако, обычный порядок был нарушен. Мы с Корайс обсуждали успехи новобранцев, как вдруг с наблюдательного поста раздался крик. Я оглянулась и несколько удивилась, увидев, что визит Гэмелена к Холле Ий неожиданно сокращен и его маленькая лодка направляется к нашему кораблю. Мы с Корайс лениво подошли к перилам, чтобы посмотреть на происходящее. Казалось, что стряслось нечто необыкновенное – Гэмелен нетерпеливо показывал на наш корабль и торопил своих гребцов.

– Колдун спешит, – задумчиво произнесла Корайс. – Это редко сулит что-нибудь хорошее.

Я услышала крик Полилло и увидела в пятидесяти ярдах от носа лодки Гэмелена огромную птицу с жесткими крыльями, борющуюся с морским ящером за огромную рыбу. Гэмелен был вне опасности, поэтому я сразу заинтересовалась битвой между двумя столь невероятными противниками. Вся команда была поглощена этим зрелищем.

Ящер был в два раза больше меня, но птицу это не смущало. Она держала рыбу в тяжелом загнутом клюве и была близка к тому, чтобы взвиться вверх со своей добычей. Животные крепко держали рыбу с обоих концов и тащили ее в разные стороны.

– Ставлю на птицу один серебряный, – закричала Полилло.

Но никто не откликнулся, положение крылатого существа всем казалось более благоприятным, каждый кричал и подбадривал его. Мы с сожалением вздохнули, увидев, как птица неожиданно отпустила рыбу.

– Два серебряных против одного. – Полилло подняла ставки, а ящер, крепко зажав рыбу в пасти, отплыл назад. Меня оглушили крики желавших сыграть. Я видела по широкой усмешке Полилло, что она уверена в уме и смелости птицы. Действительно, пока ящер лежал, ошеломленный неожиданной победой, птица снова взвилась над ним и вспорола его белый живот своими крючковатыми когтями. Ящер завизжал, свернувшись в клубок, и забился в агонии. Птица тут же схватила рыбу и унеслась в небо под радостные крики одних и тяжелые вздохи поставивших против нее.

– Я сразу знала, кто победит! – радовалась Полилло, ныряя в толпу своих новых должников. – Посмотрим, что за цвет у ваших монет, друзья. Только белый металл. В моем сердце нет места для меди.

Битва внесла оживление в наши ряды, как будто мы сами в ней участвовали.

– Ну что ж, это хороший знак, если я что-нибудь в этом понимаю, – сказала Корайс.

Я хотела согласиться. Но свойственная мне осмотрительность – в некотором роде цинизм – останавливала меня. Возможно, это был действительно хороший знак. С другой стороны, если посмотреть с точки зрения морского ящера, это могло быть предостережением.

Шелест широкой мантии вернул меня обратно, и я повернулась навстречу Гэмелену,

ковыляющему в нашу сторону настолько быстро, насколько позволяли его старые ноги. Он причалил к нашей галере в середине битвы и поднялся на борт с минимальной помощью или даже вовсе без нее.

– Прости... – начала я, но колдун остановил мои извинения нетерпеливым жестом.

– Флот архонта встал, – сказал он.

Я вытаращила глаза и издала обычный для привыкшего к рутине и забывшего о своей профессии офицера глупый; звук, выражавший изумление.

– Я не знаю, как долго они будут стоять и в чем причина, – сказал Гэмелен, – но все говорит о том, что он затаился или попал в штиль.

– Может быть, он где-то запасается водой и провиантом, – рискнула предположить я. – У них было мало времени для подготовки к бегству.

Гэмелен кивнул, его борода оцетинилась, а желтые глаза вращались, как два солнца.

– То же предполагаем и мы с адмиралом, – сказал он. Он развернул небольшую грубую морскую карту, никогда не виденную мной прежде.

– Капитан Фокас нашел ее среди других карт. Она показывает, что лежит за пределами обычной карты, хотя капитан сказал, что сомневается в ее правдивости, так как он приобрел ее в винном погребе, а не в специальной лавке.

Мы с Корайс склонились над картой. Гэмелен ткнул пальцем в маленькую группу островов у самой западной точки карты.

– Вот здесь его флот должен находиться сейчас. Есть там провизия или нет, никто не знает. Холла Ий говорит, что еще неизвестно, существуют ли сами острова.

Я увидела маленький символ рядом с островами, предупреждающий, что составлявший карту полагался на слухи, а не на факты. Тем не менее у меня застучало в висках.

– Если острова не существуют, что же еще смогло заставить флот остановиться посреди океана?

Колдун радостно покручивал бороду.

– В самом деле, что же еще? – спросил он.

Корайс рассмеялась.

– Если опять увижу спешащего колдуна, больше не буду предрекать беду.

– Не дразни богов, – предупредила я, шутя лишь отчасти. – Прежде всего мы должны настичь его, а затем сразиться с ним.

Полилло, подошедшая сзади, вмешалась в разговор.

– Я слышала, кто-то сказал «сразиться»? Или мне показалось?

– Нет, мой друг, – ответила я. – Тебе не показалось. И в конце концов тебе придется сражаться.

– Хорошо, – ответила она. – А то мне уже стало казаться, что я попала в компанию трусов. Мой топор уже жаждет крови.

Сражение произошло не так уж скоро. Как я и предупреждала Корайс, сначала нам нужно было настичь архонта. Гребцы работали изо всех сил, вокруг нашего флота звучала постоянная барабанная дробь, весла мелькали так часто, что были едва видны. Флотилия скользила по морю с огромной скоростью, казалось, вода сама несла нас. Мы плыли так в течение двух дней, затем, после нескольких часов отдыха, еще два дня.

Напряжение было столь высоким, что никто не заметил, как мы вошли в не обозначенные на картах моря.

На пятый день мы увидели противника.

Глава седьмая МОРЕ В ОГНЕ

Как мы ни выкладывались до этого, теперь мы работали еще сильнее, и через два часа убегающий флот ликантианцев появился на горизонте. Мне даже казалось, что я могу различить паруса отдельных кораблей. Люди столпились на палубе – я, Корайс, Полилло, а

также капитан Страйкер и Гэмелен. Вскоре прибыл и Холла Ий на совещание. Воздух наполнился волнением и напряженностью.

– Они уже заметили нас?

Вопрос Корайс предназначался Страйкеру, но ответил Гэмелен:

– Да, они уже знают. Но не благодаря зрению, а благодаря колдовству. Я уже чувствовал пальцы архонта, протянутые в нашу сторону.

Холла Ий нахмурился, увидев дрожь одного из моряков, которая была вызвана отнюдь не прохладным бризом. Гэмелен понимающе кивнул, и мы прошли назад вдоль штормового мостика, чтобы не было слышно нашего разговора.

– Как скоро мы подойдем к ним? – спросила Полилло.

Холла Ий пристально рассматривал измерительный прибор, чтобы прикинуть время по расстоянию, которое тень фок-мачты прошла по палубе, пока мы собирались, чтобы посмотреть корабли.

– Если ветер будет оставаться благоприятным, – сказал он, – и с той же стороны... и они будут продолжать двигаться все тем же курсом... два, может быть, три дня.

– Если бы я командовал тем флотом, – сказал Страйкер, – и знал, что битвы не избежать, так как они не могут спрятаться от нас, я бы начал обдумывать свою линию в битве и маневрировать в зависимости от погоды.

– Я бы сделал так же, – сказал Холла Ий. – Но если ты уже начал бежать, трудно остановиться. Страх всех нас заставляет делать странные вещи.

– Вы уверены, адмирал, – сказал Гэмелен, – что они испуганы? Что они бегут от нас, а не к чему-либо?

Холла Ий хотел было огрызнуться, но раздумал. Он выглядел несколько озабоченно.

– Но они же идут все тем же курсом, не так ли? – сказал он. – И прежде шли им.

– Вот об этом-то я и думал, – сказал Гэмелен. – Хоть я и не моряк.

– Вы чувствуете что-нибудь, господин Гэмелен? – спросил Страйкер.

– Пока нет, – сказал маг. – Я трачу большую часть своей энергии, пытаюсь установить, какие колдовские фокусы относительно битвы заготавливает архонт, и создать противодейственные заклинания. Однако я попытаюсь найти какие-нибудь лазейки и узнать что-нибудь об этом.

Он пошел по палубе и скрылся в своей тесной каюте. Полилло тряхнула головой.

– Я не люблю переживать из-за колдунов, и не хотела бы быть Гэмеленом. Представь себе: враг, которого ты не можешь ни увидеть, ни услышать, ни убить его мечом.

Корайс приобняла Полилло.

– Не волнуйся, сестра. Уже один архонт жарится в аду, который тоже так думал, пока Рали не научила его другому.

Настроение Полилло изменилось, и она улыбнулась. Пока мы говорили, наши глаза не могли оторваться от крошечных точек у линии горизонта.

В ту ночь мы вошли в чужие моря. Солнце уже погрузилось в океан, но небо все еще было светлым. Когда опустились сумерки, мы увидели, что свет исходил по другую сторону от флота ликантианцев. Он был красным, как если бы там было бушующее над морем пламя. Я слышала о фосфоресцирующих морях и спросила Страйкера, имеет ли это отношение к происходящему.

– Я никогда не слышал о морских огнях такой силы, чтобы осветить целое небо, – сказал он.

– А что, ты думаешь, это может быть? – спросила я.

Страйкер плюнул через борт.

– Я перестал думать, как только мы отправились в это путешествие, капитан, – сказал он. – Иначе, когда мы достанем этого черного колдуна, я буду плохим бойцом от страха.

По мере того как шло время, свет в небе становился все ярче, и к полуночи, когда я заставила себя взобраться в гамак, я различила на небе четыре языка пламени.

Вздвогнув, я проснулась перед рассветом. Меня разбудило ужасное зловоние и крики

на палубе. Сначала я подумала, что нас атакуют каким-то магическим способом, и выкатилась из гамака, царапая по полу рукой в поисках меча. Но это было не так. Воздух, море, целый мир воняли, как грязевые и серные ванны в пригороде Ориссы, куда нас водил отец, когда я была еще ребенком. Я поспешила на палубу, едва не расшибив себе голову в этом отвратительном низком люке. Вероятно, я проснулась одной из последних, так как большинство членов команды уже было там.

Солнце еще не встало, но все вокруг утопало в плотном желтоватом свете, позволявшем все отчетливо видеть. Море покрывала коричневая дымка, и хотя мы должны были приблизиться к ликантианцам на несколько лиг, их корабли все еще были точками, наполовину скрытыми во мгле. То, на что все смотрели, было далеко не сигналом с наблюдательного поста. Незвестная земля была перед нами; это она была источником запаха и жуткого света в ночи. Я считала вершины низких гор, словно выраставших из самого моря, – три, нет, пять вулканов. От каждого из них тянулся столб дыма. И снова и снова вспышки и тусклое пламя. Корайс и Полилло присоединились ко мне, но ничего не говорили.

Я увидела Гэмелена и Страйкера, стоящих на юте, и поднялась к ним. Оба выглядели встревоженными.

– Все выглядит так, – сказала я Гэмелену, – как будто ваши мысли о том, что они бегут к чему-то, были правильными?

Страйкер решил ответить.

– Кажется, так, капитан. Вы полагаете, что они ищут там убежище? Или друзей, способных им помочь? – Он почесал затылок. – Им пришлось бы шить себе одежду из железа, чтобы жить здесь. Так что это не имеет смысла.

Гэмелен вмешался.

– Но это место определенно является их целью, – сказал он. – Наши друзья не слепые, они могли бы изменить курс раньше, если бы думали, что плывут в ловушку.

Я вспомнила, что мне рассказывал Амальрик.

– Однажды мой брат сказал, что клан Симеонов совершал путешествие на запад, но никто не знал, как далеко.

Гэмелен встряхнул бородой.

– Так далеко? Без карты? Я думаю, более вероятно, что эти моря незнакомы Нису Симеоноу так же, как нам, но архонт использовал свои колдовские средства, чтобы узнать, что там.

– Я надеюсь, вы сделали то же самое с помощью своего искусства, – полушепотом сказал Страйкер. – И лучше было бы предупредить нас об этом проклятом море.

Гэмелен взглянул на наемника, его глаза горели. Его голос прозвучал холодно-холодно.

– Как я сказал прежде, мне нужна была вся моя сила для отслеживания архонта и его кораблей. Они бросали множество заклинаний в нашу сторону, чтобы запутать нас и заставить поменять курс или даже вообще сделать наше положение безнадежным. Что касается этих извержений... самая большая опасность для нас создается прямо сейчас, на главном корабле архонта. Даже сейчас Симеон и его матросы шлифуют свое оружие для битвы, а архонт готовит свои магические фокусы.

Затем его зубы блеснули сквозь бороду и он сказал:

– Сосредоточьтесь на своих обязанностях, капитан, а я займусь своими.

Страйкер дрогнул под презрительной усмешкой колдуна, затем опомнился.

– Извините, что высказался вне очереди, господин Гэмелен, – сказал он, повернулся и прошел на главную палубу.

Гэмелен ничего не сказал, только пристально посмотрел ему вслед.

– С каким колдовством мы столкнемся? – спросила Корайс, ломая возникшую напряженность.

– Я точно не знаю, – сказал Гэмелен. – Но мы все можем это себе представить, посмотрев вокруг. Не только на эти странные моря, но и на ухудшающуюся погоду.

В самом деле, мы были так поглощены ревом и кипением, которые эти яростные горы извергали из своих глубин, что не обратили ни малейшего внимания на все остальное.

Солнце уже должно было подняться, но небо было темным из-за серых, быстро темнеющих облаков. Ветер хлестал по гребням наших шлемов и доспехам. По морю гуляли длинные буруны, с огромными промежутками между волнами, такое я видела только в устье реки Ориссы во время зимних штормов.

– Он может напустить на нас любые заклинания, вызвать неразбериху, отчаяние – все, что угодно, – сказал Гэмелен. – Архонт должен или уничтожить нас, или так нас ослабить, чтобы мы не могли больше его преследовать.

– Да, ему ничего другого не остается, – твердо сказала Полилло.

Гэмелен одобрительно улыбнулся.

– Мы все должны набраться такой же решимости, как у вас, легат. Помните, что у нас есть огромное преимущество: войско архонта – это солдаты и матросы, которые случайно оказались на борту кораблей Симеона в момент их отплытия. Напротив, наша гвардия так же сильна, как меч, что вы носите в своих ножнах.

Гэмелен и я обменялись взглядами. Я поняла, что он говорил правду о нашей подготовленности к битве, но я также поняла, что он не упомянул еще о двух истинах: первое – о том, что могло лежать в сундуках архонта, загруженных в замке в Ликантии, и второе – о готовившихся архонтом ловушках. Самый опасный враг – загнанный в угол.

Двумя часами позднее с наблюдательных постов донеслись сигналы тревоги – мы плыли прямым курсом на рифы. Страйкер отдавал приказы к изменению курса и к поднятию сигнальных флажков для остальных кораблей. Затем он крикнул команду, полностью опровергавшую первые.

– Это не скалы, – сказал он. – Или, по меньшей мере, не такие, как вы думаете.

Он не стал давать дальнейших разъяснений, и снова люди собрались на палубе. Как только мы приблизились к рифам, я вздрогнула, увидев, что скалы кажутся поднимающимися и опускающимися вместе с волнами.

Страйкер приказал принести сеть, опустил ее и поднял одну из скал. Это был здоровый камень размером с него, и Полилло почти вскрикнула от восхищения огромной силой офицера, которую тот никогда прежде не демонстрировал. Прежде чем она смогла вымолвить хоть слово, Страйкер вынул камень из сети, повернул и бросил одной рукой в ее сторону.

Полилло раскрыла рот и отпрыгнула прочь. Камень ударился о палубу не сильнее, чем кошка, прыгнувшая с колен старой дамы. Полилло подняла камень и принесла мне. Он весил не больше подушки.

Страйкер объяснил:

– Это называется пемзой. Ее выбрасывают вулканы. Я видел пемзу и прежде – мы проплывали сквозь целые пласты таких вот камней. – Его лицо покривилось. – Конечно, это тоже было рядом с вулканом, отсюда эти штуки вырывались как из нарыва.

Он посмотрел вперед. Теперь вулканические острова были ближе, и я могла различить около полудюжины. Мне хотелось знать, что произойдет, если один из этих вулканов проснется до нашего сближения с кораблями ликантианцев. Я решила, что это в руках богини, и стала молиться Маранонии, надеясь, что ее могущество распространится и на эти горящие моря.

Позднее в тот же день мы увидели еще больше обломков: первые три бесцельно продрейфовали мимо, затем целая группа осколков, выброшенных с земли, которая была видна нам до сих пор только в виде своих пиков. Казалось, что каждая вершина относилась к отдельному острову. Затем мы увидели признаки живого – или того, что когда-то было жизнью. Мы увидели маленькую лодку, ее несло к нам течением. Я приказала своему отряду вооружиться и надеть доспехи. Как только мы подошли ближе, я увидела, что лодка была рыбацким челноком. Я решила захватить этих людей и узнать у них побольше об этих морях. Их было четверо, и все спокойно сидели на своих местах. Мне показалось странным, что

никто из них не встал и не подал нам сигнала или не попытался уплыть от нас. Они даже не меняли свой курс, и их несло на нас, так что нам пришлось повернуть в сторону.

Мы были на расстоянии броска копья от них, когда я поняла, почему рыбаки были столь спокойны, – ничто на земле не могло уже взволновать их. Они полулежали, полусидели на дне лодки, их лица были повернуты к небесам. Они были мертвы, но я не видела никаких следов насилия – трупы казались свежими, как будто люди погибли недавно, не было ни признаков гниения, ни мумификации. Как только их лодка подошла к носу нашего корабля, я увидела нечто ужасное: у них не было глаз. Пустые, с кусками запекшейся крови глазницы были обращены в покрытое облаками небо, пытаюсь увидеть сквозь туман солнце.

– Чайки, – сказал один из моряков. – Эти твари любят это дело. Иногда... когда люди еще не мертвы, просто слишком слабы, чтобы справиться с ними.

Я содрогнулась.

Тяжелый запах становился все сильнее и сильнее при нашем приближении к вулканам, там были корабли архонта. Когда наступили сумерки, я оценила расстояние и решила, что мы подойдем к ним уже на следующий день. Я позволила себе такую роскошь, как надежда, надежда убить Нису Симеона собственными руками. Это было бы концом Симеонов, моя семья наконец будет отомщена за множество их злодеяний, самыми ужасными из которых были заключение и пытки Амальрика и затем попытка его убийства.

Море оставалось все таким же бурным, промежутки между волнами становились все меньше, а ветер превратился почти в ураган, так что Холла Ий просигналил нам плыть к рифам.

– Бурное море – это благо для кораблей архонта, – сказал мне Страйкер. – Такие галеры, как наши, могут перенести любой шторм. Но буря не дает нам двигаться вперед. Если мы не перевернемся или не налетим на мель, то нас понесет в сторону или назад, в зависимости от ветра.

Когда он увидел, что я с интересом его слушаю, он добавил:

– Не бойтесь, капитан, будет завтра буря или спокойное море, у нас больше шансов, чем у него.

Я приказала стражницам быть готовыми к ночной тревоге и расставила отряд на посты с наблюдателями на носу галеры. Я не думала, что архонт повернет и направится к нам для ночной атаки, но было бы глупо не быть готовыми к этому.

Я была на нижней палубе, обдумывая свои планы битвы в десятый или сотый раз – совершенно бесполезное занятие, которое производит каждый командующий, пока не начнется бой, – когда юнга сообщил мне, что Гэмелен ждет меня на палубе. Когда я поднималась вверх, я увидела двух матросов, спокойно разговаривающих у перил. Они стояли спиной ко мне. Я замедлила шаг и прислушалась.

– Черт меня возьми, – сказал первый, – если я не думаю, что мне следовало остаться в Джейпуре и согласиться быть пойманным стражей. В этом случае мне не пришлось бы пять лет провести в этой мясорубке. Я знал людей, которые прошли сквозь это! Вместо того... – Он сплюнул в море. – Нас отправили в погоню без копейки награды, но зато с этими девицами, которые забавляются со своими копьями сами и друг с другом. Мы преследуем этого колдуна, который скорее всего пошлет всех нас в ад завтра же, а если мы и схватим его... даже если мы схватим его, говорю тебе, нам будет нужно еще очень долго возвращаться домой, а эти ублюдки из Ориссы уж постараются оставить нас без нашей кровью добытой награды.

– Тебе не кажется, – сказал другой, – что адмирал тоже думал об этом? Если эти суки убьют архонта и у нас в руках окажется золото, которое должны везти его корабли... Также не забывай, что он везет какие-то волшебные штучки, которые уж конечно стоят чего-нибудь и могут быть проданы кому-нибудь... из ада. Может быть, колдунам из этих Далеких Королевств они покажутся интересными, хотя бы для того, чтобы никто больше не мог владеть ими. Не пой зауспокойную, дружок, еще рано. Завтра все мы будем купаться в

шелках.

Первый хмыкнул, но прежде чем он ответил, я задела ножами о перила, как будто только что подошла. Эти двое повернулись, увидели меня и торопливо ушли. Я ничего не сказала, но подумала, что, очень возможно, нам придется пройти через две битвы вместо одной на завтрашний день, и поклялась подготовить своих солдат к столкновению с предательством. Вероятно, слова пиратов были лишь изъявлением их подлых желаний, но я не сомневалась, что Холла Ий и в самом деле изменит свои планы, если это будет сулить ему больше выгоды.

Я быстро нашла Гэмелена. У него была маленькая палатка, натянутая прямо перед грот-мачтой. Даже в наполненном серой воздухе я чувствовала запах ладана, исходивший от четырех жаровен, защищенных от брызг и расставленных по углам палатки. У мага было плохое настроение, когда я вошла. Он сидел скрестив ноги на ковре, постеленном прямо на палубе. Перед ним лежали его жезл, несколько маленьких пузырьков и пять красных костяшек, которыми он гадал. Четыре ароматные свечи висели на шелковых шнурах, привязанных к крыше палатки. Но что больше всего задержало мой взгляд – открытая эбонитовая шкатулка и черный алмаз, которым стало сердце архонта.

– Я гадаю, – объявил он без вступления, – чтобы узнать планы архонта на завтра. Я чувствую то же неизвестное колдовство, как и в момент последнего штурма Ликантии, но у меня нет никакой возможности узнать, что бы это могло быть.

– Одно понятно – это направлено против нас, – сказала я.

– Странно, но это не совсем так. Что-то готовится, так же как эта буря была подготовлена, но тут нет фокуса. Я не знаю, с чем сравнить, в общем, это похоже на циклон, собирающийся в воздухе, – он невидим, пока не коснется земли. Я хотел бы заглянуть в душу архонта так же легко, как деревенская ведьма смотрит в сердце своего клиента.

– Вы интересовались вчера, – сказала я, – намеренно ли архонт выбрал это место для своей последней стоянки. Что вы чувствуете на этот счет сейчас?

– Да... и нет. Я чувствую черную цель, но я не уверен, целиком ли это его план или он просто воспользовался предоставившимся случаем. Во всяком случае, я не чувствую угрозы от этой земли, что было бы естественным, если бы это было просто магической засадой. – Он расстроенно покачал головой. Затем сказал: – Но я послал за тобой потому, что архонт видит в тебе своего самого большого врага. Он боится тебя.

Я не выразила никакого протеста, чтобы изобразить скромность. Черт возьми, он и должен меня бояться!

– Я полагаю, что он намерен расправиться с тобой в самом начале битвы, – сказал Гэмелен. – Ты и сержант, которая вырезала сердце его брата. Я уже говорил с Иismet и дал ей столько защитных средств, сколько было возможно. Я думаю, что опасность ей угрожает не больше, чем кому-либо из нас, но она, безусловно, огромна. Тебе нужен еще больший щит. Садись напротив меня.

Я сняла свой меч и села, так же скрестив ноги, как и он. Гэмелен вытянул костлявую руку и продекламировал:

Сокол охотится высоко,
Его жертва спокойна,
Хорек не двигается,
Его след потерян.

Когда он закончил, то сказал:

– Я думаю, что архонт мог угадать заклинание хорька, которое я дал тебе перед последней битвой, чтобы сделать тебя охотящимся зверем, поэтому я отнял его.

Я благодарно кивнула, хотя в моем сердце я чувствовала потерянность – Гэмелен до

сих пор не понял, что значили для моей семьи эти маленькие животные и как их духи помогали нам. Если это заклинание исчерпало себя, я собиралась попросить его о другом, дающем мне сходство с другим хищным зверем.

– Что-нибудь другое должно помочь, – сказал он. Он взял маленький золотой серп и положил его против останков сердца архонта. – Вытяни руки ладонями вверх. – Он дотронулся серпом до моих запястий, там, где бешено бился пульс. – Я уже приготовил травы и гадал.

Затем он снова запел:

Нет уже песен, которые можно спеть,
Нет уже слов, которые можно произнести.
Кровь за кровь.
Пусть сейчас умрет кровь этого человека
И станет красным паром,
Чтобы глаза этого человека, все еще живого,
Покрылись облаком из нее.
Пусть его глаза видят,
Но идут дальше,
Не замечая.

Закончив, он произнес нормальным голосом:

– Это все, мой друг. Боюсь, что основную защиту завтра дадут тебе твой меч и твои сестры.

– Более того, – сказала я, – ни один воин не может пожелать большего, чем благословение Маранонии и Тедейта. – Я стала вставать, но тут неожиданная идея остановила меня. – Гэмелен... Я не воскреситель. Но... вы говорили несколько минут назад, что архонт вероятнее всего не направлялся в эти моря в начале бегства, но теперь рассчитывает на какие-то преимущества. Будут ли это – могут ли это быть – вулканы, к которым мы двигаемся?

Я увидела, как побледнело лицо Гэмелена, даже несмотря на мерцающий свет свечей.

– Магия земли, – прошептал он, больше для себя, чем для меня. – Здесь, где она растет из сердца мира? – Он долго думал, затем тряхнул головой, стараясь успокоиться. – Нет, Рали. Даже при помощи волшебных искусств, привезенных из Далеких Королевств и поведенных нам твоим братом, я не думаю, чтобы архонт это смог. Чтобы прикоснуться к этим силам, нужно быть не просто великим воскресителем, работающим на пределе своих возможностей, но нужно пойти на такую жертву, огромную жертву, что нельзя и представить... Но в какую-то минуту я в этом усомнился. Спасибо, Рали. Ты дала мне кое-что важное сейчас. Не только напоминание о том, что моя голова такая же старая, как и мои кости, но также и то, что я провожу слишком много времени, копаясь в своих мыслях, и недостаточно интересуюсь чужими. Пожалуйста, Рали, рассказывай мне о своих представлениях, не важно, насколько мало значения ты им придаешь. Архонта, возможно, просто вынесло в эту бухту, но, как известно, существует огромная разница между отслеживанием зверя в его берлоге и отдыхом на его шкуре перед зимним камином.

– Это вы мне рассказываете? – засмеялась я, вспомнив, как первый раз вышла на огромного бурого медведя с копьём и чем это закончилось. Мне повезло, что попалось достаточно толстое дерево, способное выдержать вес юной девушки, но недостаточное для огромного животного, неожиданно превратившегося в охотника. – И мне понадобится все, что я смогу взять с собой. – Я остановилась. – Удачи вам завтра, Гэмелен. Удачи всем нам.

Я вышла в полную отвратительного запаха ночь, зная, что ни мне, ни кому-либо еще не уснуть, пока архонт не умрет.

Поздно ночью мы изменили курс. Прямо перед нами был первый из огромных вулканических конусов, поднимающихся со дна океана. В красном свете мы увидели огромные буруны, разбивающиеся об основание горы. Оказалось, что другой земли, помимо вулкана, не было. Попытавшись измерить глубину возле него, мы не достигли дна.

Ночное небо было достаточно светлым, чтобы увидеть все десять кораблей ликантианцев. Они тоже поменяли курс, прижимаясь к вулканам. К моменту, когда конус вулкана остался у нас за кормой, уже рассвело, и видимость была очень хорошей.

Впереди, расположенные на одном уровне по отношению к океану, высились еще три вулкана, все они были не такими высокими и не такими пугающими, как тот, что мы только что обошли. Это были не изолированные вершины, они были соединены между собой низкими отрогами, которые шли в сторону горизонта на расстоянии, которое мы только могли видеть. Наконец-то архонт был полностью и по-настоящему в ловушке.

С рассветом корабли архонта и Симеона были выстроены в боевом порядке и опустили паруса – либо ожидали сигнала к атаке, либо подпускали нас ближе. Рассвет был темным – воздух был таким пасмурным и плотным, как в центре лесного пожара. Мне казалось, что я слышала грохотание вулкана позади нас, но более вероятно, это был звук моря, накатывающегося на рифы.

Море было серым, взбудораженным, почти настоящий шторм. Ветер переменялся, теперь он дул не сбоку, а прямо в лицо. Мы опустили мачты на корабли, это всегда делается, когда галеры готовятся к бою, для того чтобы обезопасить гребцов в случае, если мачта опрокинется, а также чтобы обеспечить полную эффективность работы весел. Все скамьи были заняты людьми, звучали боевые барабаны. Глухие звуки разносились ветром от корабля к кораблю, ритм не только помогал ударам гребцов, но и горячил кровь перед надвигающейся битвой. Он заставлял напрягаться мышцы моряков Холлы Ий, но моим девушкам вряд ли было нужно подбадривание. Теперь наконец долгая борьба между Ликантией и Ориссой будет закончена, и не имеет значения, насколько могуществен колдун – последний архонт.

Остальные четырнадцать кораблей нашей эскадры едва виднелись в полумраке, с опущенными мачтами, единственными выступами над боевыми палубами были сигнальщики. Пока сигналы не посылались – наша тактика была разработана задолго до этого момента. Каждая галера должна была выбрать цель, сблизиться с этим кораблем и взять его на абордаж. Капитан Ий и мои сержанты, отвечающие за отделения гвардии на одиннадцати кораблях, должны были следить за тем, чтобы при опасности для кого-либо из ориссиан прийти к ним на помощь, если это будет возможно. Если возникнет ситуация, в которой терпящие поражение ликантианцы будут пытаться бежать, они должны будут их атаковать, не давая пощады.

Ликантианские суда были значительно больше и сильно отличались от наших. Это были скорее корабли, чем галеры; на каждом из них высились две или три палубы над ватерлинией и по три мачты и бушприт с парусом. Они были, как мне сказали, гордостью флота Симеона – быстрые, хорошо вооруженные суда, отличающиеся от военных, пожалуй, только роскошью. Теперь, когда ветер дул сзади, у них было значительное преимущество.

Я увидела, как ликантианские корабли подняли свои паруса, и услышала раскаты торжествующих криков, раздающихся с наших галер.

– Сейчас, – сказал Страйкер, – эти ублюдки попытаются нас таранить, ну и на здоровье, нам не жалко просверлить пару дырок у них под ватерлинией.

Я увидела, как весла ушли в воду и наши галеры двинулись вперед. Еще я видела, но ничего не сказала, как корабли с моими стражницами вышли в первые ряды встречи с врагом; но некоторые другие корабли, в том числе и самого Холлы Ий, казалось, надеялись остаться позади и позволить другим завоевывать славу – и проливать кровь – в первой схватке.

– Капитан Страйкер, – крикнула я, – тот корабль, тот, который сигналил. Там архонт. Нанесем удар по нему!

Страйкер прокричал команды, и наша галера полетела, взрезая воду, к цели. Сигналы видели не только мы одни, другие наши корабли присоединились к атаке. Но первой вступила в бой галера Холлы Ий. Зная о том, что делаю теперь я и кем стал Холла Ий, я не могу не отметить его темперамент фразой, которую он сказал мне перед атакой на Ликантию. О том, как должен вести себя главарь наемников перед всем своим войском, если он не хочет, чтобы его очень быстро выкинули. Я надеюсь, что душу Холлы Ий сейчас разрывают демоны ада, но не могу отказать ему в храбрости. Смелость, я всегда буду это помнить, – качество, принадлежащее не только героям.

Я увидела два ликантианских корабля, идущие наперерез судну архонта, чтобы защитить своего короля-мага. Казалось, что эти корабли способны развить самую невероятную скорость. Хотя ветер и в самом деле был неистовым и дул им прямо в корму, я знала, что их истинный помощник – волшебный ветер.

Вдруг меня окатило волной ужаса. Я почувствовала полную уверенность, что умру – и не благородной смертью, а смертью презренного неудачника, мои кишки вывалятся из меня еще при жизни, и я, корчась в муках, увижу счастливое бегство архонта. Я услышала громкие крики других мужчин и женщин, которых коснулось то же колдовство. Я боролась с этим чувством, пытаюсь найти убедительные слова, но не успела опомниться, как архонт бросил свое второе заклинание – и смятение закружило мою голову. Я больше не знала, какие приказы отдавать или что делать в случае сближения с врагом.

Затем перед носами наших кораблей вдруг возникло огромное кипящее зеленое облако, и тут паника и помешательство отступили. Я увидела Гэмелена, двигавшего руками над арабеской. Он производил ответные заклинания. Обычно волшебство имеет не большое значение в битве. Но в тот день она была особенной. Очень редко на поле битвы физически присутствуют воскресители такой мощи и масштаба, как Гэмелен и архонт. Без сомнения, это была историческая дуэль магов.

Я вдохнула воздух, и то, что он был серным, очень хорошо подействовало на меня. Я посмотрела по сторонам на остальные корабли, как раз в тот момент, когда одна из галер попыталась уйти с пути атакующих ликантианцев. Либо все еще сказывалось действие второго заклинания, либо гребцы не были достаточно опытными, но ликантианский корабль на скорости врезался в центральную часть галеры, разбивая ее на две части. Я услышала крики с галеры, повисшие в воздухе на какой-то момент, а затем звук лопающегося дерева.

Галера пошла в сторону. Нос ликантианского корабля снова ударился в нее, и корабль полез на галеру, погружая ее в глубину вместе со всем экипажем – моряки и стражницы пытались сделать все возможное, чтобы удержаться на плаву, но их тянуло вниз из-за тяжелой одежды и доспехов, они скрывались под пеной волн.

Больше нельзя было ждать, и я понеслась на носовую часть, крикнув своему отряду быть готовыми. Сержант Исмет бежала за мной. В этот момент я снова услышала грохот, и на этот раз я знала, что это не было звуком бушующего моря, этот звук исходил от вулкана позади нас.

Извергайся, будь ты проклят, подумала я. Мой меч быстрее достигнет цели, чем какая бы то ни было лава.

Корайс, Полилло и их отделения ждали. Корайс плотно сжала зубы, усмехаясь. Полилло пела себе под нос. После битвы я у нее спросила, какую песню она посчитала столь воодушевляющей. Она взглянула на меня в смущении, спрашивая, не помешало ли мне это, так как у нее нет ни слуха, ни голоса, и она поет только когда пьяна и в хоре других собутыльников.

Два обороняющихся корабля ликантианцев были только в трех полетах стрелы от нас. За ними стояло судно архонта, и я могла ясно различить знамя Симеона, а над ним двухголового льва архонта. Я не видела корабля Холлы Ий.

Три галеры вырвались вперед и направились прямо к эскورتу архонта. Я увидела дождь из копий и стрел, направленный в сторону самого дальнего ликантианского корабля, который отклонился в сторону, так как его кормчий упал, сраженный стрелой. Две галеры

шли по обе стороны от второго корабля, и я увидела, как мои девушки стояли на палубах, крепко держась за мечи.

Первая галера также подходила к своему дрейфующему противнику, когда архонт вдруг начал атаковать. Как будто из пустоты, с его корабля вдруг поднялась огневая линия, промчавшаяся по воде, как будто выстрелил невидимый стрелок. Нос галеры занялся пламенем. Гэмелен крикнул что-то, и пламя исчезло так же быстро, как и появилось, – но корабль остановился. Медленно он двинулся вперед, я еле сдерживала крик восхищения при виде галеры, не испугавшейся пламени и бросившейся еще раз в сердце ликантианского флота.

Теперь дорога для нашей атаки была свободна.

– Какие будут приказания? – спросила Полилло.

Я раздумывала. На корабле архонта были развешаны огромные сети от мачты до корабельных валов. Вдоль бортов разместились метатели копий, с нетерпением ждущие возможности вступить в схватку. Я увидела стрелков, лежащих на палубе. На передней палубе располагались два требушета, на бизань-мачте – подъемные машины. Задний парус был спущен перед битвой. Мне показалось, что я различаю в самой задней части юта фигуры Нису Симеона и архонта.

Один из наших кораблей шел вдоль борта ликантианского судна, нос к корме, и уже забросил кошки. Но тут рывок вызванного колдовством ветра оттащил нашу галеру назад и она потеряла управление. Одна из подъемных машин ликантианского корабля раскачивалась из стороны в сторону, в ее ковше лежал огромный камень. Тут сеть раскрылась, и валун скатился прямо на галеру. Раздались страшные крики, тут же кошки были срезаны и ликантианский корабль двинулся вперед, оставляя позади себя тонущее судно.

Корабль архонта грозно стоял перед нами. Поняв опасность, они сбросили огромный валун с требушета. Он ударился о воду, очень близко от нас, обдав каскадом брызг солдат, стоящих на носу.

Мне пришла в голову мысль, и я крикнула Гэмелену:

– Остановите этот ветер!

Он услышал и начал сочинять новое заклинание. Я приложила ладони ко рту и крикнула Страйкеру, стоящему на юте:

– Веди нас к их носу!

Я схватила лук и колчан у одной из девушек и перебросила их через плечо.

Не знаю, решил ли он, что я сошла с ума, раз приказала ему таранить корабль архонта, но Страйкер ни минуты не колебался и прокричал необходимые приказы. Его голос был похож на вой морского ветра. Человек у штурвала изменил курс, и Дюбан – надсмотрщик за гребцами – тоже распорядился делать поворот. Внезапно ветра не стало, сработало противодействующее заклинание Гэмелена... Паруса корабля архонта провисли и затихли.

Наша галера шла вдоль борта корабля ликантианцев, который заметно возвышался над нами, затем мы вышли к их носу. Я видела головы врагов, свесившиеся сверху. Копья и стрелы падали дождем. Мы подошли точно к носу их корабля, и я прыгнула, не видя ничего, кроме якорей, свисающих с кат-балки, и затем, ломая ногти, стала взбираться наверх. Мне повезло: якорь, раскачивавшийся на цепи, опустился вниз, и рука Исмет легла в мою – и вот она тоже стоит на ликантианском корабле, неумолимая как смерть. Наша галера отошла, бешено гремя веслами. Страйкер делал все, чтобы вернуться, но безуспешно.

Мы были вдвоем, сверху слышались крики, стрелок на бушприте отпустил тетиву, стрела рванулась вперед. Я натянула тетиву в свою очередь, и моя стрела прожужжала в воздухе. Стрелок, взмахнув руками, упал в море с пробитой грудью. Рядом с ним находились еще два солдата, метившиеся более точно, чем их погибший приятель, но тут и им пришел конец: одного прикончила Исмет, а я, ощутив себя в битве как во сне, не спеша взяла стрелу и безучастно смотрела, как моя рука натягивает тетиву – ее оперение было совершенно, – я потянула еще сильнее, и тут стрела и лук прошептали мне: «отпусти нас», – и стрела ушла в глотку ликантианца, и вокруг никого не осталось, и мы могли вздохнуть спокойно, пока

ликантианцы не нашли путь к борту под сетями, которые были нашим прикрытием в течение нескольких минут.

Галера Страйкера шла прямо на нас, и затем я увидела корабль Холлы Ий, несущийся на полной скорости. Нам очень нужно было подкрепление, чтобы любой ценой захватить главный корабль неприятеля. Я опустила лук, и на руках по канату стала взбираться наверх. Там я нашла твердую деревянную опору и, подтянувшись, поднялась на бушприт.

Писец, я отвлекусь на минуту, чтобы упомянуть о той части настоящей битвы, которая не описывается в сагах. Эта опора была одним из отверстий, вырезанных в борту в качестве отхожего места. Могу держать пари, одна пуговица на твоём мундире против всех богатств Антеро, которые я унаследую, что ни одно из героических описаний этого момента, которые были и ещё будут созданы, не отобразят меня, стоящую на бушприте с руками в дерьме, и рядом – Исмет.

Но это не имело значения тогда, так как нам предстояло идти дальше вверх по очень толстому канату, фок-штанге, доходящему примерно до половины передней мачты. У меня было всего несколько секунд, так как солдаты, увидев нас, столпились наверху с копьями наготове.

Я крикнула нашей галере, прося поддержки огнем, но мой голос затерялся в вихре ветра, который снова поднялся, противодействующее заклинание Гэмелена не выдержало натиска волшебных чар архонта. Но в моем призыве не было нужды, так как стрелы посыпались и с галеры Страйкера, и с галеры Холлы Ий. Солдаты завопили и стали падать под стрелами, так что их внимание было отвлечено.

Мы продолжили взбираться, как обезьяны цепляясь за эту огромную веревку, по направлению к мачте. Фок-штанга заканчивалась крошечной платформой на мачте, которая, как я позже узнала, называлась верхушкой. Нам помогла Маранония, так как платформа была пустой. Наши мечи были вынуты из ножен, и мы прорубили себе путь сквозь бортовую сеть. Мы пролезли сквозь дыры и вышли на рею, огромную перекладину, несущую паруса. Мы рубили эту сеть, пока она не свалилась на палубу, накрыв собой целую кучу стрелков, целившихся в нас. Теперь дорога была свободной.

Галера Страйкера подошла вплотную, кошки были заброшены, и стражницы стали прыгать на ликантианский корабль. За ними подошла галера Холлы Ий, с ее носа большая группа лучников засыпала судно архонта стрелами.

Мы с Исмет воспользовались моментом, чтобы перевести дух. И тут мимо моего уха просвистела стрела, задев руку Исмет, и вонзилась в мачту, за которую мы держались.

– Здесь становится опасно, – заключила Исмет, вытирая кровь с неглубокого пореза на руке. – Что-то я не вижу стрелка, целившегося в нас. Пошли! Мы сочтемся с ним позже.

Ниже, на передней палубе, виднелась толпа дерущихся мужчин и женщин, и я слышала крики битвы. Я узнала Полилло по особой форме топора, она дралась с копьеносцем. Вот она посылает топор со своей невероятной силой, и ее враг повержен. Никто не желал отступить, никто не давал и не просил пощады. Ликантианцы были не только злы и жестоки, но и очень смелы. Я могла поклясться, что этот день, даже если наш город не победит окончательно, будет долго жить в легендах. Слава не достается в битвах с трусами.

Сквозь звуки битвы я вдруг явственно услышала страшный грохот, исходивший от самого ближнего вулкана.

Мы собирались спуститься к дерущимся, но тут появилась более важная задача. Через всю палубу стояла плотная стена солдат, прямо позади главной мачты, сдерживавшая наших воинов перед конечной целью. На юте стоял последний архонт, закрытый одним из ликантианских солдат. Перед тем как подобраться к нему, нам следовало убить этих щенков, стерегущих своего волка.

Перед архонтом стояли два открытых черных сундука, и он доставал из них какие-то предметы и бросал их по ветру, посылая на нас свои заклятья. У меня заболели глаза при виде его, и я отвела взгляд, чтобы найти Нису Симеона. Я хорошо его знала, хотя никогда не встречала прежде, я знала его тонкую фигуру, его белые волосы, волнами ложившиеся на его

плечи, его тонкий клинок в руке, его шрамы, которыми Янош Серый Плащ отметил его когда-то красивое лицо при помощи колдовства, чтобы оно соответствовало чудовищной душе Симеона.

Я вдруг превратилась в нечто, что не совсем можно было назвать капитаном маранонской гвардии Рали Антеро. Лезвие моего меча вспыхнуло, и путь, который проходил от того места, где мы стояли, до главной мачты, стал свободным. Мой меч скользнул в ножны, и я помчалась, видя перед собой только рею. Вот мои ноги уже стучат по ней, я ловлю спасительный канат, взбираюсь выше. Я не позволяла себе ни на секунду задуматься о том, какая отчаянная глупость все, что я делаю. Страшное падение, которое меня ждало, если я поскользнусь, туда вниз, на палубу или, еще хуже, между галерой Страйкера и кораблем архонта. Я рискнула посмотреть вниз. Никто не обращал на нас внимания, включая и Нису Симеона, не отрывавшего взгляда от передней палубы.

Затем я увидела и застыла, как кролик под взглядом удава, что архонт смотрит вверх, изучая мачты. Строчка из заклинания Гэмелена пронеслась в моем мозгу: «Сокол охотится высоко... хорек не двигается...» Я попыталась произнести это вслух один раз, второй – и безуспешно. Ледяной взгляд коснулся меня, но прошел мимо, и я стала надеяться, что защита Гэмелена действует. Но я не могла полагаться на волшебство.

Я видела, как Исмет освобождает себе путь к фок-мачте, – но мое дело с Нису Симеоном и его хозяином не могло ждать. Передо мной снова открылся свободный путь от главной мачты к бизань-мачте, я двинулась вперед.

Теперь прямо подо мной были архонт и Симеон. Только двое солдат охраняли их плюс пара морских офицеров и кормчие стояли рядом.

Я понимаю, что рассказ об этих событиях от момента, когда я прыгнула с нашей галеры, до того, как я стояла над самым страшным врагом Ориссы, звучит как неторопливая история, продолжавшаяся много времени. Так кажется, но в действительности минутная стрелка сделала не более четырех оборотов.

Дорога вниз была легче – по балкам, подвешенным к подъемной машине, – и я спустилась вниз так быстро и легко, как будто была на тренировочной площадке. Вот я уже в десяти футах от них. Я приземлилась как раз позади Нису Симеона.

Он повернулся, раскрыв рот от удивления, но его мышцы отреагировали мгновенно, лезвие его меча блеснуло. Я увидела солдата, бросившегося вперед с копьем. Мой меч остановил его. Я вырвала его, меч освободился, как раз в ту секунду Нису сделал выпад, надеясь, что мой клинок завяз в труп. Я сделала шаг в сторону и ударила. Удар не достиг цели, но заставил его отступить. Позади него я слышала крик архонта и поняла, что у меня есть всего секунда. Но мы были в царстве стали, и магия действовала слишком медленно.

Симеон бросился на меня с мечом, я сделала попытку отвести его удар в надежде, что мой более сильный меч может выбить его двойной клинок. Но он отвернул мой удар в сторону очень хитрым приемом, это был настоящий мастер фехтования.

Я смогла толкнуть его в грудь и почувствовала сталь на ней, он носил кольчугу под своим черным мундиром. Теперь наступил момент, когда наши мечи скрестились, еще раз скрестились, еще раз, затем я поменяла направление, изобразив ошибку. Прежде чем он воспользовался ситуацией, я ударила по его мечу рядом с рукояткой. Легкий удар, но достаточный, чтобы его меч не мог защитить на какой-то момент своего хозяина. Я снова ударила, и мой меч рубанул его по бедру. Я увидела его рот, искривившийся от боли. Он пришел в себя и ударил в ответ. Я остановила его руку, схватив за запястье.

Никто из нас не издавал ни звука, в настоящей битве, когда кровь – единственная цель, нет времени работать языком.

Объектом его следующей атаки было мое лицо, нет сомнения, что для женщины это самое болезненное место. Я увернулась, и его меч промахнулся. Я не дала ему опомниться и ударила туда, где бился его пульс, – рядом с глоткой. Я тоже не достигла своей цели, и секунду мы стояли грудь в грудь, и я чувствовала сладкий запах кардамона в его дыхании. Он попытался ударить головой, я увернулась и плюнула ему в лицо.

Нису Симеон был воином от Бога. Я долго буду помнить момент его смерти. Тогда он непроизвольно зажмурился, затем пригнулся, чтобы защититься от ожидаемой боли, когда понял, что совершил ошибку, и мой меч, пройдя под нижним краем кольчуги, вошел в его живот.

Симеон отшатнулся назад, я выдернула меч и ударила еще раз. Прежде чем он упал, острый клинок разрезал его горло, почти отделив голову, и кровь полилась на палубу. Я почувствовала ужасный запах вылезших кишок.

Он упал, больше не человек, больше ничто, я повернулась назад, слыша радостные крики маранонков и понимая, что они прорвали линию обороны ликантианцев и вышли на главную палубу – там сопротивление ослабло, как только защитники увидели Симеона мертвым, но мне сейчас было не до того.

Напротив меня стоял архонт. За ним стоял последний солдат на юте, но он делал вид, что ничего не видит.

Архонт заслонил весь мир передо мной.

Наконец наша потусторонняя битва с ним станет реальной, а не иллюзиями ощущений. Последнее вызывало чувство, что я увязла ногами в патоке или заблудилась в зыбучих песках, это было сплошным кошмаром.

– Хорек! – зарычал архонт. И он бросил в меня заклятьем: – Сука, хорек! Убийца моего брата, скрытая под обманчивым волшебным покровом, который даже не ею создан. Антеро! На этот раз твоя порода вымрет окончательно, так же как все, что ты сделала! Умри за свою дерзость, умри за свое высокомерие, умри за разрушение, которое ты несешь! Пока ты будешь стоять и ждать своей смерти, а затем я очищу этот корабль и это море от всех ориссиан. Но для тебя, Антеро, способ, которым тебя умертвят, будет самым ужасным, таким ужасным, что только те, кто умер, как избранные, могут это понять: ты умрешь от собственной руки и так, как я этого захочу. И не ищи помощи, сука. Ее не может быть ни от твоего колдуна, ни от твоих девок.

Я знала, что он говорил правду. Все на корабле застыли так же, как и я.

– Ты сейчас будешь смотреть мне прямо в глаза и слушать приказы, исходящие из моего сердца, – приказал он.

Медленно-медленно мой взгляд двинулся вверх, по его костлявой груди, затем по диким зарослям его бороды. Я не могла остановиться и наконец взглянула в страшный омут его глаз.

– Да, в глаза, – сказал архонт почти задумчиво, как будто мы вдвоем сидим в какой-нибудь спокойной, уединенной обстановке. – Твои глаза. Они будут первыми. Брось свой меч и вырви их, сука. Погрузи свои когти глубже. Глубже, сука, и я позволю тебе завопить так громко, как только захочешь, когда закончишь.

Я почувствовала, как моя рука отпустила меч и начала принимать вид когтистой лапы. Но тут, пока моя рука, сопротивляясь, поднималась к моему лицу, я что-то почувствовала, и снова стала сама собой... как будто снова задышала свободно. Я крепко держала свой меч, и моя рука снова была человеческой. Это был Гэмелен, его магия.

– Твой союзник оказался сильнее, чем я думал, но он далеко отсюда, – сказал архонт, и, пока говорил, он наклонился, не отрывая от меня глаз, и его рука, скользя в один из сундуков, взяла оттуда горсть пыли. Он бросил ее в меня.

Пыль вдруг стала твердой, превратившись в крошечные острые дротики. Я попыталась прыгнуть в сторону, но почувствовала, что мои ноги снова стали неподвижными. Мысли вихрем закружились у меня в голове, я приготовилась умереть, но вдруг у меня в голове зазвучал бессмысленный мотив:

Отвернись,
Отвернись,
Вместе с ветром,

Вместе с бурей.

Это выглядело так, как будто я произнесла заклинание, но это должно было быть делом рук Гэмелена. Облако рассыпалось, и его маленькие смертоносные кусочки разлетелись в разные стороны.

Архонт растерялся на какое-то мгновение, затем опомнился.

– Ты умрешь, ты должна умереть, – крикнул он, его голос почти превратился в визг. Он пошарил рукой по сторонам и выхватил меч из рук ликантианского солдата, который стоял застыв от ужаса. – Моя сила становится сталью, становится мечом и достигает твоего сердца, как ты поступила с моим братом.

Он сделал шаг вперед, приготовив меч к удару. Его движения были быстрыми и гибкими, они были похожи скорее на действия молодого воина, чем на старческие.

Я стояла, как бык в загоне, ждущий топора мясника, но как раз тут что-то возникло между нами.

Вот как я могу это описать: присутствие, которое изменялось, как только я начинала вглядываться в него. Сначала мне показалось, что это одетая в кольчугу и шлем Маранония, но затем образ изменился, став похожим на мою давно погибшую, горько оплаканную Отару, и снова изменился, и мне стало казаться, что я вижу Трис, но это было лицо моей матери, а затем передо мной стояла незнакомая женщина в старинном костюме ориссианской деревни... но это оказалось ничем, только морским туманом. Тут новое противодействующее заклинание освободило мне руки, и я швырнула мой меч, как будто это было копье; архонт был почти рядом со мной.

Меч ударил его в правый бок, ниже ребер, в легкое.

Архонт завопил, его мышцы сократились, и он бросил свой меч высоко-высоко, оружие упало в море. Он, спотыкаясь, почти падая, отступал назад, но каким-то чудом – и я знала, что это сила его духа, – он держался на ногах. Мой меч выпал из его тела.

Красная пена выступила у него на губах, он плевал ею. Вся его борода сделалась красной.

Он сделал еще один шаг назад и опомнился, натолкнувшись на крышку одного из своих волшебных сундуков.

– Очень хорошо, очень хорошо. Я боялся этого... и старался это предотвратить своим искусством. Существует много миров, и совсем других миров. Ты хорек, ты ударила меня, но это тебе равным счетом ничего не даст. Ты все равно умрешь сейчас или, может быть, через день, через месяц. А те дни, которые тебе останутся, дадутся тебе в боли и страдании. Но они сочтены, Антеро, и это число ох как невелико.

Он смотрел вверх, на темное бурное небо, и его голос становился все громче, пока не превратился в визг, такой же громкий, как тогда, когда он проклинал меня с облаков рядом с замком, крича на каком-то языке, которого я не знала, какие-то страшные заклинания, которые я не понимала. Но его голос леденил мою душу. И тогда я поняла только несколько его последних слов:

Цена, которую я плачу,
Я требую, чтобы долг мне был
Заплачен кровью!

Вдруг он снова стал сильным и крепким, как будто не было смертельного удара, который я нанесла ему. Он стал увеличиваться в размерах, достигнув роста гораздо большего, чем обыкновенный человек. Колдун тяжело умирает, подумала я, а мои руки нащупали кинжал и освободили его из ножен.

Но прежде чем я смогла атаковать, архонт нагнулся, поднял один из своих сундуков – сундук, который и троим сильным мужчинам было бы очень сложно поднять, – и сделал три огромных шага к борту.

– Кровью оплачена эта награда, – завыл он и прыгнул прямо в бушующее море, стиснув свое волшебное сокровище в руках.

Я бросилась к перилам, всматриваясь в воду, но кроме стремительно несущихся волн и пены, я там ничего не увидела.

Тут я поняла, что архонт на самом деле уже мертв.

Море взбесилось, и я уже знала, что за кровавую награду он просил напоследок. Я поняла слова Гэмелена в палатке прошлой ночью: «Чтобы прикоснуться к этой силе... такая жертва... огромная жертва, я даже не могу и представить».

Архонт заплатил за эту награду, земля выполняла его последнее, самое ужасное заклятье, огонь взвился в небо, разбивая серые облака, два вулкана взорвались, лава брызнула из кратера самого ближнего к нам, дым и огонь рвались в небо.

Я застыла раскрыв рот. Корайс схватила меня за руку.

– Рали! Мы должны бежать!

Я не помню точно, что происходило в следующие минуты и часы, помню только, как меня буквально тащили через палубу к нашей галере мои девушки. Я не помню ни одного ликантианца, оказывающего сопротивление. Может быть, они уже были все мертвы или они, как я, остолбенели перед лицом огненной смерти.

Я помню, как Страйкер выкрикивал приказы занять всем свои места на веслах. Я помню, увидела сквозь серый туман, как корабль Холлы Ий уносился прочь на полной скорости.

Я помню, как ликантианские корабли барахтались в разъяренной пучине, как их в панике покидали матросы.

Огромные камни, какие могли метать только боги, камни гораздо больше любого корабля, падали в море вокруг нас, все вокруг поливалось обжигающим дождем из пыли.

Я помню, как один из ориссианских кораблей, следовавший за нами, отчаянно спасался от извергающих лаву вулканов.

Но не было спасения, мы были в ловушке. Позади нас были вулканы. Впереди – рифы, жуткие скалы, торчащие из грохочущих волн, длинные отмели, ждущие, когда нас вынесет на них взбесившееся море, каменистые островки без бухт, где бы можно было найти спасительное пристанище. Все это делало наше положение безнадежным и отдавало нас на растерзание морю.

Я стояла на юте, Страйкер командовал, ему помогали два самых сильных и толковых матроса.

– Спусти своих женщин вниз, – приказал он.

Я удивилась: зачем? Если один из этих валунов ударит в наш корабль, мы будем обречены, и я бы предпочла умереть здесь, на открытом воздухе, хотя здесь и воняло смесью серы и озона, чем там внизу, во тьме. И тут один из солдат посмотрел назад на вулкан и завопил.

Я обернулась и увидела нечто, что до сих пор меня преследует в кошмарах и заставляет в панике просыпаться. Чудовищная волна, нет, не волна, а настоящая стена из воды неслась прямо на нас. Она была серой, линия грязной пены стояла на ее гребне. Она мчалась быстрее тигра, быстрее брошенного копья, быстрее стрелы, быстрее самой судьбы.

Даже вулкан, давший ей рождение, казался карликом по сравнению с ней, хотя я знала, что это невозможно. Какой она была высоты? Я не знаю, я даже не могу предположить. Гораздо выше нашей мачты. Возможно, в два или три раза – выше ста футов. Она родилась от земли, так как при ее приближении стало видно, что она несет деревья, вырванные с корнем, и даже нечто похожее на хижины и маленькие лодки.

Она ревела громче ветра, громче вулканов. Возможно, я завизжала. Я слышала множество криков, и никто не стыдился их. Я искала убежище, в то время как Страйкер,

человек тверже всех, кого я знала, отдавал последние приказы гребцам – забрать весла. Я опомнилась, в поисках спасения цепляясь за решетку.

Море поглотило нас.

Оно поднимало нас за корму выше и выше, я видела нос корабля внизу и гребцов, распластавшихся на палубе и цеплявшихся за скамьи. Некоторые из них уже были в бушующем море.

Мы поднимались все выше и выше, и на гребне волны я почувствовала на какой-то момент надежду, но, увы, тут же море накрыло нашу палубу. Я не знаю, что происходило, – где был верх, где было небо; вода кидала меня, как будто меня взбивали в ступке. Я захватывала воздух широко раскрытым ртом, мне нужен был воздух, но его не было. Еще немного – и мои легкие бы не выдержали, но я запретила им слабеть, и вот воздух появился, мы соскользнули по противоположной стороне волны.

Я поднялась и осмотрелась: большинство девушек удержались, но некоторых смыло за борт. Страйкер был жив и продолжал командовать, Дюбан тоже. Гребцы сидели на веслах. Тут снова раздался крик: впереди были камни. Мы почти влетели в рифы. Их вершины торчали из воды прямо у нашего носа. И невозможно было ни повернуть, ни обойти их. Тут подошла еще одна волна.

Снова нас подняло и унесло в глубину, и снова мы пережили это, кружась в водовороте океана, в этом аду из волн.

Я помнила о рифе, рифе, который чуть не пронзил нас насквозь, и стала всматриваться вперед в поисках новой смерти, но впереди ничего не было. И я поняла, что произошло – волна перенесла нас через его козеподобные скалы.

Но вокруг нас было еще много скал, и Страйкер отдавал команду за командой, а гребцы старались выполнять их, но третья волна неслась к нам.

На этот раз, когда мы поднялись, я увидела еще два корабля, захваченные волной, – оба были ориссианскими.

Снова мы выжили.

Еще четыре раза волны нагоняли нас в тот страшный день, каждый раз поднимая нас и унося все дальше на запад, дальше в неизведанные моря, дальше от этих рифов, блокировавших единственно знакомый нам путь до Орииссы.

Наконец последняя волна захватила нас и отпустила. Мы вошли в «нормальный» шторм. Сквозь тьму я увидела другие корабли. Среди них была галера Холлы Ий.

Выжили не мы одни.

Ликантианских кораблей не было. Я думаю, они были не такими быстрыми, их разбили эти вулканические волны. Но может быть, кто-то спасся и их вынесло на рифы, а может быть, их ждала смерть на каких-нибудь варварских берегах. Для меня это уже не имело значения. Ликантии пришел конец.

Но мы победили ужасной ценой.

Мы затерялись в каких-то неизвестных морях. Многие мужчины и женщины были мертвы или ранены. Единственное спасение, на которое можно было рассчитывать, была магия. Волшебство нас сюда забросило, и только оно оставалось нашей надеждой.

Окровавленный, возле палатки, где я видела его перед битвой, лежал Гэмелен. Он не двигался, на его лбу был огромный кровоподтек.

Он казался мертвым.

Книга вторая ЧУЖИЕ МОРЯ

Глава восьмая КРИК ЯЩЕРА

Боги на самом деле – злобные негодяи. Я говорю это без страха, потому что боги благословляли и проклинали меня, и я не знаю, что лучше – их благословение или проклятие. Мне кажется, что мы – просто пешки в их игре и их забавляют наши попытки что-нибудь изменить. Я никогда не видела бочки меда без ложки дегтя, и любому человеку, как бы одарен и счастлив он ни был, хоть раз в жизни приходится жаловаться на судьбу.

Когда я вспоминаю день морской битвы, мне всегда кажется, что в чертогах богов звучал издевательский смех в наш адрес. Они еще раз подарили Ориссе победу. И еще раз знамя победы было поднято на оскверненной мачте.

Наши потери были устрашающи: множество погибло, крики раненых разносились далеко над недобрыми водами. Из пятнадцати кораблей у нас осталось девять, из которых два были так повреждены, что должны были утонуть без срочного ремонта. Единственной настоящей удачей было то, что почти все мои стражницы остались целы, но я искренне оплакивала всех погибших и Гэмелена. Но на скорбь времени у нас не было.

Море было еще беспокойно, но я все-таки приказала Страйкеру спустить на воду шлюпку и дать мне лучших гребцов, чтобы те отвезли меня на флагман. Мне нужно было поговорить с Холлой Ий лично, а не с помощью флагов или рупора. С собой я взяла Корайс и Полилло.

Пират был мрачнее тучи, когда я вошла в его каюту, но его настроение мгновенно улучшилось после того, как я заверила его, что стоимость потерянных кораблей Орисса возместит ему сполна. Когда я выразила соболезнование по поводу гибели его моряков, он грубо сказал:

– Пусть это не тревожит ваши сны, капитан, как не тревожит мои. Они знали, на что идут, когда подписывали контракт, кроме того, они – всего лишь пушечное мясо, которое мы легко заменим, когда вернемся в наши моря. И не забывайте, что доля погибших увеличивает долю выживших.

Полилло выругалась. Она презирала пиратов и одному даже проломила голову за приставания, но все равно она считала, что воины, сражавшиеся плечом к плечу с нами, заслуживают большего уважения со стороны их хозяина. Я думала примерно так же, поэтому не стала одергивать ее.

И еще меня насторожило, что Холла даже не попытался скрыть разочарования, когда я поднялась на борт его галеры. Видимо, он надеялся, что я тоже погибла. Пришлось напомнить себе, что эмоции не должны выражаться на лице. Конечно, Холла Ий закатил бы пир, если бы я погибла, и не колеблясь свернул бы мне шею, если бы представилась возможность, но в этих чужих морях каждый меч стоил десяти, я понимала это, и Холла Ий тоже.

Корайс прервала молчание.

– Вы говорите о нашем возвращении, словно это плевое дело. А между тем, – она показала на свиток карты, лежащий на столе, – мы даже не знаем, где находимся. Мы плыли долго, а единственная карта этих морей была у Гэмелена.

– Это не так трудно, как кажется, – ответил он с улыбкой, одновременно подмигивая Фокасу, дескать, какой глупый вопрос. – Мы выясним наше местонахождение, когда окажемся на другой стороне рифов.

Корайс тоже улыбнулась, но ее глаза так сверкнули, что, казалось, осветили каюту.

Я посмотрела через иллюминатор на черные рифы и дымящиеся над ними вулканы. Казалось, что рифы тянутся бесконечно на юг и на север.

– Где-то должны же они кончиться, – заметила я. – Вопрос в том, с какой стороны их лучше обогнуть.

– Плохо, что волшебника с нами нет, – буркнул Фокас. – Мы бы попросили его бросить кости.

Я тоже хотела, чтобы Гэмелен был здесь, но по другой причине. Когда я увидела, что он мертвый лежит на палубе и с его застывшего лица стекает кровь, я почувствовала такую боль, словно умер кто-то из моих стражниц. За короткое время мы стали хорошими

друзьями, и я знала, что мне будет не хватать его, несмотря на то что он все время донимал меня выдумками о моих воскресительских способностях. Матросы, которые должны были готовить мертвецов к похоронам, отказались касаться его тела. Они боялись волшебника даже мертвого. Я приказала отнести его в маленькую каюту, где тело должно было храниться до того, как мы прибудем в Ориссу.

Траур по нему длился бы несколько недель. В храме Воскрешения загасили бы все огни, и маги колдовством затемнили бы небо. Совет воскресителей торжественно выбрал бы нового мага, а в Магистрате произносили бы хвалебные речи в честь покойного. Его имя дали бы улице или бульвару, в его честь принесли бы в жертву стада скота и, может, даже человеческую душу – скорее всего, скорбящего по Гэмелену добровольца...

Резкий голос Холлы Ий прервал мои мысли:

– Нам не нужен колдун, чтобы решить, в какую сторону плыть. Сойдет любая. Какая разница? Плюс-минус несколько дней.

Он вытащил из кармана золотую монету. Эта монета была отчеканена в Ирае, с профилем короля Домаса на одной стороне и солнцем со змеей на другой. Меня удивило, как попала к пирату эта редкая монета.

– Пусть решают боги таверны, – сказал он. – Если выпадет король, плывем на север. Змея – на юг.

Я кивнула. Но когда он подбросил монету и она мелькнула в воздухе, мне внезапно привиделся король Домас. Север. Надо плыть на север. Монета звякнула о стол и замерла змеей вверх.

– Значит, юг, – сказал Холла.

Я едва не вскрикнула: «Нет! Надо плыть на север». Вдоль позвоночника побежали мурашки. Я почувствовала усталость и апатию и сказала:

– Очень хорошо, плывем на юг.

И этим я подписала наш приговор.

И мы поплыли на юг. Цепь рифов казалась нескончаемой, миля за милей острых скал и бесчисленные конусы вулканов. Многие из них курились, некоторые выплевывали лаву, которая изливалась в море. Вода кипела и испарялась. Однажды мы видели тысячи вареных рыб, плававших брюхом вверх. Тучи птиц с радостными криками носились над этим местом, пожирая богатый улов. Ветер переменялся и принес плотное облако дыма и пепла с вершины вулкана. Стая птиц пролетела сквозь это облако, и я с ужасом увидела, что все они попадали в море. А потом едкий дым накрыл нас. От ужасающего зловония многих начало рвать. Корабль медленно уходил из опасного места, ибо гребцы, о писец, едва могли шевелить веслами. И если бы ветер в тот момент не переменялся, вряд ли я надоедала бы тебе своими рассказами.

Мы отплыли на безопасное расстояние и остановились, чтобы глотнуть воздуха. В голове у меня стучало, кости ломило, словно я дралась с великаном. Я судорожно глотала сладкий воздух, и скоро мне стало лучше, головная боль отпустила.

Я отвернулась от борта, чтобы посмотреть, что с остальными, и тут раздался громкий крик:

– Пошел вон, дурак!

Это кричал Гэмелен! Но он же мертв?!

– Клянусь Тедейтом, я превращу тебя в жабу! И твоих родителей тоже!

Я бросилась к каюте, где лежал Гэмелен, оттуда навстречу мне выскочил с безумными глазами коротышка со шрамом на лице. Я проскочила мимо него и вбежала внутрь.

Гэмелен не лежал, а сидел и срывал с себя белый саван. Он посмотрел на меня, когда я вошла.

– Еще один вор! – вскричал он. – Отлично! Тебя я превращу в цаплю, можешь съесть того, первого, и всю его семью. Потом я пошлю демона, который выщиплет тебе перья на стрелы и сдерет с тебя кожу для колчана.

– Вы живы! – обрела я дар речи.

– Ясное дело, я жив, – проворчал маг, избавляясь от погребальных одежд. – Теперь, будьте добры, засветите лампу, чтобы я видел, кого буду превращать, в награду я сделаю это безболезненно.

Я ничего не сказала, уставившись в его широко раскрытые глаза. Желтый цвет вымыло из них, они были темны и пусты. Когда он поворачивал голову, его глаза не следили за предметами. Я опустилась возле него на колени.

Гэмелен понюхал воздух.

– Рали? – Он протянул руку и дотронулся до моей груди.

Я не отстранилась.

– Да, мой друг. Это Рали.

Он смутился, поняв, куда ткнул рукой, и отдернул ее.

– Извини, – сказал он. – Но здесь так темно. Пусть принесут лампы, попроси их, Рали. Ведь ты добрая.

– Сейчас полдень, – мягко сказала я.

Гэмелен притих. Морщинистая рука медленно коснулась глаз. Он вздрогнул. Я схватила его за тощее плечо. Лицо мага окаменело. Потом он улыбнулся и погладил мою руку.

– Я слеп. – Это был не вопрос, а утверждение.

– Да.

– Тогда от меня теперь будет мало пользы. Я знал только одного слепого волшебника, но он потерял зрение, когда был молод. У него была целая жизнь, чтобы научиться колдовать без помощи глаз.

– Вы научитесь быстро, – торопливо сказала я. – Ведь вы – лучший маг.

На этот раз молчание было долгим. Я чувствовала, как Гэмелен борется с потрясением. Когда он заговорил, его голос был обычным, словно он примирился с ужасной потерей, раной, нанесенной не только телу, но и душе. Такой фатализм свойственен старым солдатам. Он вздохнул:

– Нет, теперь я обыкновенный старик. И, пожалуйста, не думай, что это нытье из жалости к самому себе. Я знаю, до каких пределов могу дойти. Я отодвигал эти пределы всю свою жизнь, но теперь с этим покончено.

– Скоро мы будем дома, – сказала я. – Там у вас будут десятки помощников.

Волшебник наклонил голову и принялся, слегка высунув розовый, как у ребенка, язык.

– Мы заблудились, – заявил он.

– Не о чем волноваться, – возразила я. – Нам надо только обогнуть этот чертов риф. Мы очень скоро найдем дорогу.

Гэмелен мотнул головой.

– Я, может, и слепой, но остальные мои чувства говорят мне, что это будет нелегко.

– Боги делают легким путь, только если он ведет в пропасть.

Гэмелен рассмеялся. Я рада была слышать это. Теперь я окончательно поверила, что он на самом деле жив. Он сказал:

– Тогда будем считать мое невезение и невезение других хорошей приметой.

Волшебник зевнул. Я мягко заставила его лечь. Он не сопротивлялся. Я нашла одеяло, укрыла его до подбородка и подоткнула со всех сторон.

– Не давай мне спать слишком долго, – сказал он. – Нам надо о многом поговорить.

– Ладно, – пообещала я, боясь того, что он может спросить меня.

Я повернулась к двери, но он окликнул меня:

– Рали...

– Да?

Гэмелен повернул ко мне невидящее лицо.

– Твой отец гордился бы тобой.

Я не знала, что ответить, поэтому просто вышла и закрыла дверь.

Этой ночью мне снова приснилась Трис. Этот сон я уже видела и раньше, и снова наша любовь была приправлена страхом, потому что я знала, что должно случиться. И снова пришел архонт. Моя нагота была осмеяна. Потом оказалось, что мне снится «сон во сне». Я проснулась во сне и узнала, что Трис снова меня бросила. Мы боролись с ней. Она ударила меня своим серебряным ножичком. А потом я, дрожа, проснулась по-настоящему в своем гамаке. Закрыв глаза, я молилась, чтобы кошмар больше не повторился.

Раздался громкий стук. Полилло выругалась. Я услышала, как заскрипели веревки, когда Корайс слезла со своей койки, чтобы выяснить, что случилось. Но я не открыла глаза, боясь *увидеть*. Я чувствовала боль в том месте, куда пришелся уда? Трис во сне. Снова какой-то шум и голос Гэмелена:

– Рали!

Я открыла глаза. Маг стоял надо мной. Его лицо кровоточило – видимо, он оцарапался, когда выбирался из каюты. Я вскочила.

– Да, друг мой? Что случилось?

– Архонт! – прохрипел Гэмелен. – Он среди нас!

Я почувствовала пустоту и холод и прошептала:

– Я знаю.

– Ты слышишь меня, Рали? – закричал Гэмелен. – Мы не победили его!

– Я слышу вас, маг, – ответила я. – Я слышу вас.

Далеко в ночи разносился крик маленького морского ящера, потерявшего мать.

Глава девятая ВОЖДЬ С ТАТУИРОВКОЙ

Мы плыли на юг несколько дней, запасы пищи и воды быстро подходили к концу, а рифы тянулись бесконечно, и нигде не было пролива, чтобы повернуть к дому. Здоровье Гэмелена заметно улучшилось, но слепота, похоже, должна была остаться навсегда. Мы редко говорили с ним и избегали тем, связанных с архонтом. Наверное, мы оба думали, что его появление – плод возбужденного мозга. Разум говорил мне, что так оно и есть: я сама видела, как архонт умер! Перед смертью он проклял меня, и мне очень хотелось думать, что он действительно умер и проклятие было только плодом моего воображения.

Мои стражницы считали, что мы одержали великую победу, что рано или поздно обогнем риф и найдем дорогу домой, где нас ждет слава. Люди Холлы Ий роптали и смотрели на меня мрачно. Ни Страйкер, ни шкипер Клисуре, ни старшина гребцов Дюбан не пытались остановить недовольство или успокоить своих людей. Это привело к тому, что любой, кто хоть как-то проявлял энтузиазм или надежду, немедленно отвергался большинством.

Это начало меня серьезно беспокоить. Однажды утром мы обнаружили землю. Воздух был насыщен запахами плодородной почвы, незнакомых растений и дыма. Туманная тень, появившаяся на горизонте, говорила о близости острова. Мы увидели плывущее дерево и выловили его. Его листья имели форму вазочек, почки розовые и белые, ствол весь в наростах, мясистые розовые плоды, похожие на маленькие тыквы, в обилии покрывавшие ветви, оказались наполнены сладкой тягучей жидкостью, которая придавала блеск глазам и легкость ногам.

– Где-то здесь должны быть люди, – сказала Полилло. – Такая вкуснятина не может существовать без того, чтобы ее кто-нибудь не ел.

Корайс рассмешило это логическое построение.

– Ты всегда думаешь о желудке, дорогая.

Полилло покраснела и застенчиво улыбнулась, значит – не обиделась. Ничего не сказав, она сорвала плод и поднесла мне, изогнув руку, словно опытный лакей.

Несмотря на размеры и манеры, Полилло была очень женственна и даже изысканна. Именно женственность запомнилась мне в ней больше всего. Когда мы были молодыми, мы

чуть не стали любовницами. Мы вздыхали при луне и прочее в этом роде около недели. Все пошло бы дальше, но наши нежные чувства погибли после того, как мы встретились в паре, упражняясь на мечях. Я дважды обезоружила ее, и... все было кончено. Позже, ночью, мы решили остаться друзьями, но не любовницами, хоть это слово даже не упоминалось. Я первая завела разговор, зная, что Полилло не сможет любить женщину, которая превосходит ее в искусстве владения оружием. Полилло согласилась с видимым облегчением. Но изредка за эти годы мы посматривали друг на друга с оттенком сожаления. Если бы мы были вместе, то не по любви, а подчиняясь вожделению, и ночи были бы жаркими.

Я приняла плод из рук своей подруги и посмотрела ей в глаза, чтобы дать ей знать, что я тоже помню. Сок зажег надежду в сердце и согрел желудок. И Полилло была права.

В этом эликсире был непонятный намек на присутствие людей.

Гэмелен неловко подошел ко мне. Я отрядила двух стражниц, чтобы они заботились о нем, не обращая внимания на его воркотню о том, что его, дескать, держат за инвалида. Даже слепой он был слишком ценен, чтобы потерять его из-за какой-нибудь глупой случайности.

Я предложила ему тыкву, и он сделал большой глоток.

– Интересно, – сказал Гэмелен, передавая тыкву обратно, – почему эти сладкие плоды растут не в наших садах, а где-то далеко за морями и их охраняют демоны?

Я хотела заметить, что пока мы не встречали никаких особенно интересных монстров, но тут раздался крик впередсмотрящего, извещающий о появлении земли.

От острова тянулась длинная коса, словно рука, пытавшаяся обнять нас. Мы вошли в маленький, поросший болотными растениями залив, и я увидела дым костров. Аромат цветов стал сильнее, запахи присутствия человека, одновременно приятные и тревожные, тоже стали отчетливее. Болотные птицы взвились над кустами, и мы слышали тяжелый стук барабанов. Я первая очнулась и закричала Страйкеру, чтобы он остановил корабль и подал сигнал Холле Ий, приглашающий на совещание.

Из камышей вынырнули каноэ. Они были длинные и низкие, на бортах нарисован тростник, поэтому мы заметили их только тогда, когда они подплыли совсем близко. Я крикнула: «Тревога!» – и тут же Исмет приказала стражницам строиться в боевой порядок. Они быстро встали по местам, обнажили мечи, натянули луки. Гребцы начали табанить, и мы быстро остановились. Сигнал тревоги повторили на других кораблях.

Каноэ выстроились в длинную линию и остановились. Одно каноэ продолжало двигаться к нам. Я называю эти лодки каноэ, потому что они действительно напоминали их – формой, но не размерами. Это не те скорлупки, в которых деревенские парни катают своих девушек. В каждой лодке сидело не менее сотни воинов. Выглядели они устрашающе – блеск оружия, разрисованные тела, набедренные повязки. На носу головного каноэ стоял высокий мужчина. В руке у него был длинный, украшенный перьями лесной птицы жезл в форме пениса. Это был, без сомнения, вождь, и его высокий ранг подтверждался яркой раскраской – ярче, чем у всех остальных.

Каноэ подплыли к борту нашего корабля. Вождь прокричал что-то непонятное на своем языке. Впрочем, судя по его тону, это был приказ. Я обратилась к нему на жаргоне торговцев. Он удивился, что к нему обращается женщина, и раздраженно покачал головой, показывая, что не понимает меня. Он начал злиться и снова что-то прокричал, размахивая жезлом.

Я почувствовала толчок. Рядом со мной стоял Гэмелен.

– Делай, как я говорю, – прошептал он. – Быстро.

Я возблагодарила Маранонию, что наш волшебник, несмотря на слепоту, решил использовать свою магию.

– Что я должна делать?

– У нас есть еще эти удивительные фрукты со сладким соком?

Я все еще держала одну тыквочку, которую вручила мне Полилло. Я утвердительно кивнула, забыв, что Гэмелен слеп.

– Отвечай словами, – раздраженно сказал он. – Я не вижу твоих жестов.

– Да, – ответила я, не смутившись от своей бестактности, – тогда было не до того. – Один из них у меня в руке.

– Выпей его, – приказал он.

– Но зачем...

– Выпей его, а потом повтори слова, которые я тебе скажу.

– С удовольствием, – ответила я. Сделав хороший глоток, я спросила: – Что теперь говорить?

Гэмелен схватил меня за руку. Меня удивила сила, с которой он сжал мою кисть.

– Ты сделаешь это сама, Рали, – прошептал он. – Моя магическая сила не вернулась ко мне, если ты на это надеешься. Заклинание языка произнесешь ты сама.

Это ошеломило меня.

– Но я же говорила вам, что у меня нет дара.

– Тогда мы все погибли, Рали. Из оставшихся никто больше не сможет сделать это.

Я хотела сказать: нет! Но вместо этого сказала:

– Я готова. Гэмелен резко начал:

– Слова порождают мудрость...

– Слова порождают мудрость, – повторила я нараспев, старясь подражать его интонациям.

– Слова – источник глупости...

– Слова – источник глупости...

Все это не имело смысла для меня, но я послушно повторяла. Потом он приказал:

– А теперь выпей еще. И *посмотри* внутрь.

Я глотнула сок. Но я не могла видеть того, что не было видно.

– Смотри, Рали, – прошипел он. – Ты видишь дерево, на котором вырос этот плод? – Я затрясла головой, снова забыв, что он не видит. – Дерево, Рали, – настаивал он. – Думай о нем.

И вдруг я увидела его, как оно плывет по волнам, увидела корявые сучья, цветки, длинные изогнутые листья.

– Смотри глубже, Рали! Еще глубже.

Я старалась изо всех сил. В сознании открылась дверь, сверкнул свет, и я увидела, как шевелятся листья. Они превратились в длинные языки, и я услышала слова:

Слова порождают мудрость.

Услышь меня, сестра,

Услышь странника темноты...

Напев захватил меня, сжав сознание сильнее, чем рука Гэмелена. Голова закружилась, страх проник в сердце. Сделав огромное усилие, я вырвалась из незримой хватки. Я пришла в себя и обнаружила, что по-прежнему стою на палубе, дыша тяжело, как после ныряния. Сквозь густую бороду Гэмелена была видна улыбка.

– Теперь можешь с ним говорить, – весело сказал он.

Он взял из моей руки плод и отпил. Потом он передал его Полилло, чтобы она отпила, а потом дала отпить остальным.

Чувствуя себя необычно, я повернулась к вождю. Он терпеливо дожидался окончания разговора между мной и Гэмеленом. В его глазах был интерес, когда он смотрел на меня, видимо, чувствовал, что что-то произошло.

– Я – капитан Антеро из Ориссы, вождь, – наудачу сказала я.

Его глаза расширились от удивления – он понял.

– Ты у ваших главная? – спросил он, не скрывая удивления.

– Да. И я говорю от имени всех. Мы пришли с миром. Мы – друзья.

Вождь засмеялся.

– Вот и у меня появились друзья. Чего еще желать?

– Поднимись к нам на борт, вождь, – сказала я. – Ты увидишь, что мы можем подружиться.

Я не надеялась, что он согласится, по крайней мере – сразу. Но он крикнул своим людям, чтобы они его ждали, и прыгнул на палубу. Вот он уже шагает к нам и кажется еще выше из-за своей раскраски. Он представлял собой типичнейшего дикаря – в волосы вплетены шнурки с драгоценными камнями, странными золотыми фигурками и перьями на концах. На груди была нарисована огромная клыкастая ящерица. Голова ящерицы простиралась до его щеки, из ее пасти вырывались языки пламени, сливавшиеся с его окрашенной красным бородой. На правом бедре вождя была вытатуирована прекрасная женщина, а на левом красивый мальчик протягивал руки к его половым органам, скрытым повязкой. Он остановился передо мной и оглядел меня с ног до головы. Несмотря на его дикарскую внешность, в глазах я увидела холодный ум. Я вызывающе посмотрела на него, намеренно не замечая его наглую позу.

Он нахмурился и стукнул жезлом по палубе.

– Я Кихат. Я король.

– Это большая честь для нас, король Кихат, – ответила я, пытаюсь говорить так, чтобы он понял, что дипломатическая вежливость не означает личного уважения. – Вы должны простить наше невежество, мы здесь чужие. Как вы называете ваши владения?

– Это острова Лонквин, – ответил он. Он оглянулся, разглядывая наши галеры, и его глаза жадно сверкнули. – Шаман не сказал мне, что у вас будут такие хорошие корабли.

– Вы знали, что мы приплывем? – Я не сумела скрыть своего удивления.

– Я знал, – мрачно ответил он. – Мы все знали.

– Раз так, я надеюсь, вы хорошо нас примете, – сказала я, не осмеливаясь спрашивать дальше. – У нас есть богатые дары, они обрадуют короля. Мы хотим купить немного еды, воды и, может быть, попросим предоставить нам участок берега, чтобы починить галеры. Я уверена, ваше величество, шаман сообщил вам, что мы случайно попали в ваши края, по воле моря. Единственное наше желание – как можно скорее вернуться домой.

Он не обратил на мои слова никакого внимания и нетерпеливо спросил:

– Вы с той стороны рифа?

– Да, ваше величество. Мы не хотели заплывать так далеко, но нас унесло течением.

– Вам не повезло, – заметил Кихат.

– Да, – согласилась я, – не повезло.

– Мы – счастливые люди, – сказал король. – Вернее, были ими до недавнего времени. Боги моря рассердились на нас и прокляли нас. Они наслали на наши берега огромные волны. Деревни и поля разрушены. У многих детей теперь нет родителей. У многих родителей теперь нет детей.

– У нас такое же горе, ваше величество, – сказала я. – Мы тоже потеряли многих наших.

Кихат пристально смотрел на меня безо всякого выражения, но я не чувствовала ничего дружеского в его взгляде. Помолчав, он сказал:

– Шаман утверждает, что вы – причина наших несчастий.

– Этого не может быть! – возразила я. – Вообще-то, мы тоже счастливый народ. Если говорить всю правду, когда море напало на нас, мы только что победили страшного врага в такой ужасной битве, что в ней выжили только те, к кому благоволят боги.

Король еще раз посмотрел на галеры и заметил боевые повреждения.

– Может, и так. Мой шаман не сказал мне ничего о ваших кораблях. Но он молод, а его отец – перед тем, как я его убил, – обещал мне, что его сын будет служить мне хорошо.

Я ничего не ответила, так как меня никто не спрашивал, только поклонилась.

– Где ваш шаман? – спросил король.

Я показала на Гэмелена.

– Вот наш маг. В нашей стране он – глава всех воскресителей, он мудр и могуществен.

Гэмелен шагнул вперед, но споткнулся и, чтобы не упасть, ухватился за посох Кихата. Король оскорбленно выхватил его назад. Я заметила, что в руке Гэмелена осталось перо, которое он незаметно спрятал в своих одеждах, потом поклонился не в ту сторону.

– Прошу прощения, ваше величество, – сказал он, смотря в пустоту слепыми глазами. – Из-за ран я стал неуклюж.

Гнев Кихата сменился отвращением.

– Еще одна плохая примета, – буркнул он. – Ваш маг совершенно слеп.

– А ваш слишком молод. Эти недостатки пройдут с течением времени, поэтому мы находимся в равных условиях.

– Неправда, – возразил он. – Вы просите у меня милости.

– Видимо, вы не поняли, ваше величество, – вежливо не согласилась я. – Мы не просим милости. Мы предлагаем за все услуги заплатить.

Кихат молчал. Было видно, что он раздумывает. Чтобы облегчить этот процесс, он почесал себя спереди через набедренную повязку.

Потом он сказал:

– Ладно, посмотрим. Мне надо поговорить со своими советниками.

Он подошел к борту и прыгнул в воду. Подплыв к каноэ, он вручил свой фаллический жезл одному из своих, а потом грациозно и легко взобрался в лодку. Его каноэ тут же присоединилось к остальной флотилии.

Страйкер окликнул меня:

– Адмирал приглашает нас к себе за распоряжениями.

Я еще раз внимательно посмотрела на лодки дикарей. Меня мучило подозрение. С чего это вдруг Кихат решил посоветоваться со своими советниками? Он принадлежит к типу людей, которые совещаются только с собой. Скорее, он приказывает готовиться к битве. И не ради того, чтобы отомстить за причиненные стихией разрушения. Ему нужны галеры.

Из тростника раздался возмущенный крик цапли. Пара этих птиц кружила над зарослями, тревожно крича, словно кто-то залез в их гнездо.

– Нам придется драться, – сказала я Корайс. Потом крикнула Страйкеру: – Сигнализируй адмиралу. Он должен отойти. Мы будем прикрывать тыл.

Флаги еще не успели подняться, как тысячи голосов пронзительно издали боевой клич. Каноэ рванулись к нам. Королевская лодка была впереди.

– С запада, капитан, – крикнула Полилло. Как я и боялась, десяток лодок выскочили из засады с запада.

Черная туча стрел с лодок Кихата накрыла нас, но расстояние было слишком велико, и ни одна не попала в цель. Барабан начальника гребцов гремел в бешеном ритме, мы поспешно отходили. Но каноэ оказались быстрее нашей галеры, и расстояние между нами быстро сокращалось. Глухие удары в борт возвестили, что нас настигли.

– Отбросить абордажников, – крикнула я, и Полилло с десятком копейщиц побежали к борту.

Один дикарь уже взобрался на борт, но Полилло бросилась ему навстречу, вертя огромный топор, как тростинку, между пальцев. Раскрашенный воин с диким криком упал. Подоспевшие копейщицы отбросили остальных.

Я послала лучников на мостик. Дикари дали второй залп – и снова безрезультатно. Я с радостью увидела, что среди воинов Кихата девятеро были ранены ответными выстрелами, а один воин убит. Отряд пращниц, возглавляемый Исмет, метал в нападавших свинцовые шары с четвердека. Галера вздрогнула, задев килем песчаную отмель, я упала. Когда я вскочила, оказалось, мы вырвались из гавани, но каноэ настигли нас, голые дикари прыгали на борт, размахивая дубинками и мечами. Бросив взгляд на уходящие в открытое море галеры, я вытащила меч и включилась в схватку. Мне удалось прорубиться к Полилло, и мы сражались плечом к плечу. Полилло ревела от ярости. Ее топор срубил воина, прыгнувшего мне на спину, я отбила выпад меча, нанесла укол сама, отскочила, рубанула одного справа,

дугой ударила налево, разрубив второму шею под подбородком, снова отскочила, ногой ударила в пах следующего и воткнула ему в грудь меч. Его кровь залила мне глаза, я рубила наугад, пока снова не смогла видеть. Гэмелен вращал над головой своим тяжелым посохом и сбивал с ног каждого, кто приближался к нему. В нескольких шагах от него один гребец подобным образом использовал свое весло с потрясающим эффектом. Полилло с диким смехом расправлялась с противниками. У ее ног валялись и корчились с полдесятка дикарей с перерубленными ногами и разбитыми черепами.

Внезапно потянувший бриз надул наши паруса, и галера рванулась вперед. В несколько минут мы очистили палубу, истребив всех уцелевших дикарей. Их раненых и мертвых мы столкнули в море.

Я взбежала на мостик. Каное отставали от нас. На носу одного из них я разглядела Кихата, потрясающего своим посохом, — видимо, он настаивал на погоне. Из залива десятками выплывали каное. Потеряв преимущество в скорости, Кихат не собирался сдаваться.

Я торопливо обменялась сигналами с Холлой Ий. Ветер отжимал нас к западу, но мы боялись слишком уклоняться от южного направления, чтобы не удаляться от рифа. Холла Ий решил сманеврировать. Мы поплыли на восток, чтобы максимально оторваться, потом попытались повернуть на юг, но когда мы проходили мимо одного из островов, оттуда выскочила новая флотилия каное, заставив нас вновь повернуть на запад.

Значит, Кихатов шаман предупредил и другие племена, и у них всех есть теперь шанс захватить нас.

Проплыв мимо нового острова, мы попали в море мусора. Бесчисленные бревна, доски, деревья, целые дома качались на волнах. Везде плавали раздутые трупы людей, диких и домашних животных. Это были жертвы ярости моря, чуть не погубившего королевство Кихата. Теперь никого не удивляло, почему король нас ненавидит.

Скрытое водой бревно проткнуло дно одной из наших галер, которая очень быстро затонула. Пока мы вылавливали команду, дикари снова нас настигли, каное с легкостью лавировали между бревнами. Снова нас засыпали стрелами и попытались взять на абордаж поврежденную галеру.

Торопясь выбраться из злополучной ловушки, мы ничем не могли помочь погибающим морякам — мы слышали их крики о пощаде.

Опасность на время миновала. Я устало подозвала Страйкера и приказала ему отдать сигнал Холле Ий и другим командирам кораблей. Лодки Кихата скапливались у нас на хвосте. У нас не было выбора — приходилось плыть на запад, в неизвестность.

Король Кихат неустойчиво преследовал нас, как мы до того охотились за архонтом. Целую неделю мы плыли под парусом или гребли безостановочно, если не было ветра. Но стоило нам остановиться, чтобы хотя бы половить рыбы и пополнить быстро истощающиеся запасы пищи, как боевые каное вновь появлялись на горизонте. Погода была неустойчивой — то густые туманы, то внезапные шквалы, поэтому от парусов было мало толку. Однажды, после двух дней непрерывной гребли, мы решили, что спаслись. Царил мертвый штиль, мы остановились, слишком истощенные, чтобы плыть дальше. А на рассвете из тумана выскочили каное, на переднем нам вслед злобно ревел Кихат. Одна галера не успела вовремя убраться, и несколько гребцов были убиты стрелами.

В конце концов я взбесилась. Невозможно было терпеть это позорное бегство и сумрачные взгляды стражниц, которые привыкли сражаться, а не отступать. И чем дальше мы отплывали от рифа, тем меньше шансов было попасть домой.

Я собрала совет: я, мои женщины, адмирал, его люди и Гэмелен.

Первым делом я спросила мага, каким образом Кихат и его люди без устали преследуют нас.

— Это их шаман? — спросила я. — Он что, наложил на них чары, чтобы они стали неутомимыми?

Гэмелен отрицательно покачал головой.

– Это не магия. Такие чары истощают силы самого мага. Невозможно поддерживать их долго.

– Так что же это?

– Мне кажется, дело тут в соке фруктов дерева, которое мы нашли в море. Даже маленький глоток укрепляет тело и мозг.

Я и сама это вспомнила. Мы разделили все фрукты между собой. Я неохотно повторила еще раз заклинание – мне не хотелось связываться с магией, и все отпили по глотку сока, чтобы как можно больше наших людей понимали местные наречия. И даже после небольшой порции, доставшейся на долю каждого, все заметили необычайный прилив сил.

– Я уверен, что, имея большие запасы чудесных плодов, король и его люди еще долго смогут продолжать погоню, – сказал Гэмелен. – Кроме того, им не приходится нагружать лодки большими запасами пищи – только фрукты, оружие и вода. Может быть, по дороге они еще ловят рыбу, чтобы не очень сводило желудки.

– Черт возьми, – рывкнула Полилло. – Я считаю, мы должны остановиться и дать бой. Их не должно быть больше нескольких тысяч.

Корайс тоже так думала, но была более рассудительна:

– Мы можем устраивать засады в тумане. Внезапный наскок – и снова бежать. Очень скоро они запросят пощады.

– Ничего не выйдет, – оборвал ее Фокас. – Наши люди слишком устали.

– Слабаки, – отозвалась Полилло.

– Маленькая ошибка может привести к большой катастрофе, – сказал адмирал. – Их слишком много.

– Труссы, – высказалась Полилло.

Фокас и другие мужчины разозлились.

– Тебе надо выдрать язык, – угрожающе заявил Фокас. Остальные одобрительно заворчали.

Полилло набычилась и злобно улыбнулась.

– Вот он в моем рту, – прошипела она. – Давай-ка попробуй.

Среди мужчин раздался ропот, но дураков выполнить угрозу не нашлось. Фокас отвернулся, сделав вид, что занят разглядыванием карт.

Я сказала:

– Мне кажется, легат Корайс предложила дельный план. Мы можем нападать на них, как лесные волки на стаю кабанов. Прячемся в тумане, выскакиваем, топим пару лодок, если повезет, снова прячемся. Можно придумать еще кое-что. Например, одна галера как бы отстанет, они нагонят ее, потом – неожиданный таран и снова бегство. И так будет до тех пор, пока король не откажется от погони из-за потерь или пока их не останется так мало, что мы сможем уничтожить их в открытом бою.

Холла Ий покачал головой.

– Слишком рискованно. Мои люди откажутся.

Я приподняла бровь.

– Разве вы не адмирал? Кто здесь командует? Холла Ий пожал плечами.

– Командую я, конечно. Но приходит время, когда мои люди перестают мне доверять.

Он говорил так скромно и вежливо, что я ни слову из сказанного не поверила.

– Мои женщины готовы драться, – заявила я.

– Да, мы готовы, – процедила сквозь зубы Полилло. – И если бы вы дали мне один день, чтобы разобраться с вашими мужчинами, они бы тоже стали готовы. Я сделаю их сердца стальными, или они проклянут день, когда родились на свет.

Адмирал не обиделся, а тяжело вздохнул.

– Если вы хотите, чтобы мои люди сражались, – грустно сказал он, – вам придется передать командование экспедицией мне. Честно говоря, они устали от того, что всем заправляет женщина.

Ах так, подумала я. Холла Ий тоже выжидал удобное время для удара, как король

Кихат.

– Они винят в наших несчастьях вас и ваших подчиненных, – продолжал адмирал все так же печально. – И кто сможет доказать, что они не правы? Любой моряк знает, что женщины и корабли – вещи несовместимые. Почему-то богини моря ревнуют, когда вы вступаете на палубу.

Гэмелен расхохотался, и якобы глубокая печаль адмирала выставилась настоящей глупостью. Пират вспыхнул, сжал кулаки, но сдержался и ласково мне улыбнулся.

– Значит, вы отказываетесь сражаться? – напрямик спросила я.

– Вовсе нет, – ответил он, и его улыбка мгновенно пропала. – Я просто говорю, что, если приказания будут исходить от вас, мои люди не станут им следовать.

– А если от вас?

Холла Ий улыбнулся торжествующе.

– В этом случае будут.

Я резко поднялась, опасаясь, что Полилло окончательно взбесится. Признаюсь, тогда я задумала играть по своим правилам.

– Мы еще обсудим этот вопрос? – спросил Холла Ий, когда мы уходили.

– Конечно, – ответила я. – Обязательно обсудим, адмирал.

Я постаралась улыбнуться зловеще и вышла.

В мое время молодые солдаты играли в казармах в одну игру. Она называлась «побеждают проигравшие» или просто «хромота». Играли двое. Играли обязательно босиком. Весь инвентарь состоял из двух ножей. Противники вставали друг от друга в двух шагах. Цель игры – воткнуть нож в землю как можно ближе к ноге соперника и не порезать ее. Каждому давалось три попытки. Проигрывал тот, кто первый промахивался, естественно. Мы играли на деньги, на дежурства и караулы, а однажды – чтобы разобраться в любовном треугольнике. Победительница потеряла в состязании часть большого пальца, и об игре узнало начальство. Ясное дело, игру запретили.

Примерно такая же игра завязалась между мной и Холлой Ий. Мне предстояло споткнуться первой. Я лишалась права командовать.

Признаюсь, писец, когда я, уходя из его каюты в ту ночь, улыбалась зловеще и многозначительно, я блефовала. Но я никогда не блефую зря. Видишь ли, именно я тогда *проиграла* в этой последней игре в «хромоту». Не надо исподтишка смотреть на мои ноги. Я сумела сохранить все свои пальцы.

Наша окончательная ссора с адмиралом была отложена на довольно долгое время. И все из-за Гэмелена.

Через два дня после совещания мы попали в полосу густого тумана. Боясь потерять друг друга, мы остановились. Я приказала подавать сигналы рогом. Приходилось ждать и молиться, что туман остановил Кихата тоже.

Гэмелен вызвал меня в свою каюту. В его волшебной жаровне горел веселый огонек.

– Садись, выпей бренди со стариком, – сказал он.

– Мне надо быть на палубе, в карауле.

– Ерунда, там нечего видеть. Если они решат напасть, мы обнаружим их, когда они уже начнут резню. Садись, я тебе расскажу, как закончить гонку в нашу пользу.

Я неохотно подчинилась, одним глотком осушила бокал, налила еще. Я до сих пор не могла избавиться от видений призрачного мира, который явился ко мне тогда, когда я впервые произнесла заклинание. Я чувствовала себя так, словно я тону, словно меня увлекает в пучину водяной демон, который с каждым часом становится все сильнее. И, к своему ужасу, я понимала, что не хочу сопротивляться. Пучина манила меня, соблазняя волшебными тайнами. Примерно то же самое я ощущала много дней назад, когда смотрела на карту западных морей и страстно желала знать, что лежит за ними.

Гэмелен порывлся в складках своей одежды и вытащил перо, которое он оторвал от жезла Кихата. Неловко он протянул перо мне.

– У нас есть кое-что, что принадлежит королю дикарей. То, что он ценит больше всего

на свете... – Я взяла у него перо дрожащими пальцами, зная, как он закончит фразу: – ...его мужество.

– Я знаю, чего ты хочешь, маг, – сказала я. – И я не могу и не хочу этого делать.

– Ты что, боишься магии, Рали? – спросил он.

– Ты сам об этом знаешь, – ответила я.

– Я не знаю. Расскажи, в чем дело?

– Найди кого-нибудь другого.

– Больше никто не подходит. В чем же дело?

И я рассказала ему.

Эта история не имеет ничего общего с трагической смертью Халаба. Я никому не рассказывала ее, за исключением Отары, а она мертва. Поэтому записывай внимательно, писец. Я рассказываю тебе эту историю только потому, что обещала говорить правду.

Я рано стала женщиной: менархе наступило в десять, к одиннадцати годам у меня уже была грудь, крутые бедра и оволосение на лобке. Тело мое расцветало, а душа оставалась детской. Я много думала о сексе, и это угнетало меня, потому что я связывала свои мечты с мужчинами. На меня часто накатывала горячая волна желания, но если в таком состоянии я видела мужчину, меня тошнило. Все в мужчинах мне внушало отвращение: бороды, грубые формы тела, неприятный запах.

Однажды летом, когда мне было двенадцать, мы гостили у моего дяди. У него было собственное поместье с хорошим садом, оливковыми деревьями, он держал коз. Я ела вдоволь черных оливок, козьего сыра, прекрасных сладких помидоров и лука с хлебом. Однажды после завтрака мы с моим кузенком Вереном отправились в горы, чтоб посмотреть на коз. Верену было пятнадцать, и, хотя он подросток с тех пор, как я видела его последний раз, я все равно была выше и сильнее его, поэтому мы часто ссорились и мирились. Погода стояла прекрасная в тот день, легкий задумчивый ветерок доносил с горных пастбищ аромат цветущих трав.

Мы съели все, что у нас было, напились из ключа, бившего из-под старого дуба, и улеглись в тени деревьев. Приближался полдень, и было жарко. Цикады звенели где-то в траве, изредка над нами пролетали птицы, с гудением на цветок садился шмель. Воздух был насыщен ароматами диких роз и тмина, который начинал цвести.

Верен начал рассказывать глупые истории, я смеялась, а потом он начал щекотать меня, а я – его. Мы забыли, что уже почти взрослые, смеялись до резей в животе, катались по траве и боролись.

А потом детство кончилось. Юбка моя оказалась задранной, трусы он с меня стащил, раздвинул ноги и взобрался сверху. Я пришла в себя и оттолкнула его. Он стоял на коленях с расстегнутыми брюками, и я увидела его член – большой, как у взрослого мужчины, он наливался силой. Меня начало тошнить.

– Убирайся! – потребовала я.

Но Верен упал на меня, схватил меня за руки и завозился, пытаясь силой овладеть мною. Я боролась, и мне удалось высвободить одну руку. Я ударила его изо всей силы, вырвала вторую руку, сбросила его, но тут почувствовала страшный удар по голове.

– Прекрати драться! – закричал он. В его руке был зажат камень.

Я закричала от боли и ярости. Я бросилась на него, он еще раз ударил меня камнем, а потом... я убила его, сама не знаю как.

Да, писец, я убила своего двоюродного брата. Да, я говорю о Верене Антеро, и я знаю, что ты думаешь. Я приказываю тебе молчать и записывать все точно.

Верен был на мне, ударил камнем, а в следующее мгновение я стояла на ногах, а он лежал на земле, со сломанной шеей, в его мертвых глазах застывший страх и боль.

Я была в шоке, и мной владела только одна мысль – моя жизнь кончилась. Теперь будет только плохое.

Откуда-то сзади до меня донесся нежный женский голос. Я повернулась на пятках, как стрелка компаса, притянутая Сиренами юга, которые повелевают сторонами света.

– Рали, – произнес голос, – Ралиии...

Она стояла под дубом у ручья. Она была ошеломляюще прекрасна, прекрасна как богиня. Ее черные как ночь волосы свободно рассыпались по молочной белизны плечам. Темные глаза, опущенные длинными как веер ресницами, притягивали меня так, что я не сразу поняла, что она обнажена. Она ничуть не стеснялась своей наготы, словно это было для нее привычное состояние.

Она поманила меня тонким пальцем.

– Иди ко мне, Рали.

И я подошла к ней, не чувствуя под собой ног, мне казалось, что я лечу над землей. Она обняла меня, и я разрыдалась, сожалея о себе, о Верене и о его поступке. Она подняла мою голову, оторвав мое лицо от своей мягкой груди, и пристально посмотрела мне в глаза. И я утонула в их уютной темноте. Все остальное исчезло из моей души.

– Я люблю тебя, Рали, – сказала она.

Ее слова почему-то не удивили меня. Я знала, что она любит меня.

– Я ждала тебя, Рали, – сказала она. Мне казалось, что я знала и это.

Она взяла меня за руку и отвела туда, где ручей вытекал из-под огромных корней дуба. Мы вошли в маленькую заводь, и перед нами открылись ворота. Мы вошли и оказались перед домом, сплетенным из зеленых ветвей.

– Теперь это твой дом, Рали, – сказала она.

И я жила там с Басаной год без месяца. Мы стали любовниками. Басана сказала, что она – богиня ручья. Она влюбилась в меня два года назад, когда Верен впервые отвел меня сюда. Мне не пришло в голову расспрашивать ее, что она нашла во мне. Юность принимает такие вещи слепо – и это правильно. За исключением Отары, у меня ни к кому не было такого чувства, как к Басане. Я очень страстная по натуре – как и все Антеро. И это наша самая большая слабость. Басана опутала меня любовью: она дарила мне подарки, пела мне песни, кормила сладостями, постоянно восхищалась вслух моей красотой, моим умом – короче, всем. Я забыла дом и свою семью. Это продолжалось долго, но однажды утром я хотела встать со своей постели из лепестков, которые она меняла каждый день, и не смогла. Я была так слаба, что едва подняла руку и едва смогла позвать на помощь. Басана вошла в комнату, и ее ласковая улыбка сменилась голодным оскалом.

Она подошла к моему ложу, опустилась подле него на колени и принялась щипать меня, приговаривая:

– Такая сладенькая.

Я пыталась плакать, поняв, что меня предали, но не могла. Пролилась лишь одна слезинка. Басана хихикнула, заметив ее, и слизнула ее с моего лица.

Поднявшись с колен, она сказала:

– Не плачь, Рали. Я заботилась о тебе почти год. Теперь моя очередь повеселиться.

Я пыталась встать, она легко толкнула меня назад на постель.

– Не надо, дорогая. Никто из нас не виноват в том, что случилось. Просто у меня нет души, и мне нужна душа молоденькой девушки каждые десять лет. Конечно, я не люблю тебя, но ведь ты не знала этого, и тебе было хорошо. Лучшие, самые вкусные души полны счастья и любви, это придает им сладость. Ты даже представить себе не можешь, как они мне полезны. Они дают мне молодость и жизнь!

Сказав, что ей надо подготовиться, она вышла. Пока ее не было, я пыталась успокоить себя тем, что, хоть она и не любила меня, как и всех других девушек, со мной она больше всего приблизилась к этому чувству.

Внезапно я почувствовала запах сандалового дерева, и в комнату вошла моя мать. Она была обнажена, как Басана, и показалась мне еще более красивой. Движения ее были мягки как у кошки, глаза сверкали огнем. В руках у нее был заостренный ивовый прут.

Басана с криком ворвалась в комнату и бросилась на мать. На руках и ногах у богини мгновенно отросли огромные когти, зубы вытянулись в клыки. Мама отступила на шаг и пронзила ее сердце прутом. Из раны брызнула кровь, и Басана мертвой упала на пол.

Мать равнодушно перешагнула через нее и подошла ко мне.

– Я пришла за тобой, Рали.

Я пыталась подняться, но она мягко удержала меня. И она спела мне песню, слова которой я постоянно пытаюсь вспомнить, но они находятся где-то в глубине мозга. Мать положила руку мне на лоб, и я заснула.

Меня разбудил голос Верена. Я открыла глаза и увидела, что лежу рядом с ним под дубом. Все было как прежде. Все тот же солнечный теплый день. Знакомые запахи и звуки. Он сказал какую-то глупость, и я засмеялась. Потом он ущипнул меня, и я дала ему сдачи.

Я слышала, как из-за холма меня зовет голос матери. Верен вскочил, краска вины бросилась ему в лицо. Я тоже встала и крикнула ей в ответ. Мать вышла из чащи и направилась к нам. На ней была голубая короткая туника, голубые походные брюки, заправленные в высокие сапоги. Когда она подошла ближе, я почувствовала запах сандалового дерева.

Она посмотрела на меня своими добрыми глазами и сказала:

– Я пришла забрать тебя домой, Рали.

И мы пошли домой.

Я сказала Гэмелену, что до сих пор не знаю, произошло ли это наяву или во сне. Я больше склоняюсь к мысли, что во сне. Ты, писец, кажется, думаешь так же. Ты, верно, решил, что я сошла с ума, выслушав рассказ до половины, ведь все знают, что Верен Антеро жив, имеет семью и богатство. Значит, это сон. Сон глупой молодой девчонки.

Но иногда мне кажется, что это вовсе не сон. И я на самом деле была похищена лесной феей, а мать спасла меня. С того дня мать стала слабеть день за днем. Год спустя она умерла. Часто ночами я раздумываю, не была ли это сделка с демоном или богом – моя жизнь за ее.

Я рассказала все это Гэмелену.

– И поэтому я не только боюсь того, что вы мне предлагаете, но и отказываюсь наотрез, – заявила я ему.

– Теперь я понимаю тебя, Рали, – ответил он, – мне очень жаль. Но все ли ты рассказала мне? Разве мать совсем покинула тебя? Разве она не приходит к тебе иногда? И ее дух не охраняет ее дитя?

Я промолчала, Гэмелен без слов понял, что его догадка верна.

Он сказал:

– Теперь это не важно. Ты мне объяснила все. Но не забывай, в каком мы находимся положении. Скоро Кихат догонит и убьет нас. Но мы можем остановить его. И прольется только его кровь.

И снова он протянул мне перо. На этот раз я взяла его. Гэмелен улыбнулся.

– Принеси мой сундучок. Нам понадобится масло и еще кое-что.

Я принесла сундучок, нашла в нем бутылочку с маслом, добавила туда, по его указаниям, дурно пахнущего порошка. Потом он приказал мне сосредоточиться, как перед боем.

Под его руководством я нарисовала мелом пентаграмму на палубе вокруг жаровни и полила ее маслом. Пентаграмма окуталась дымом, и из нее выпрыгнул демон. Он был невелик, с зеленой морщинистой кожей, обтягивающей клыкастую лягушачью морду. У него были почти человеческие руки и ноги, если не считать когтей. Он зашипел на меня. Дрожащей рукой я протянула ему перо. Он выхватил его у меня из пальцев и нырнул обратно в жаровню.

Гэмелен предупреждал меня, что это случится, но я долго не могла прийти в себя, глядя на прыгающее пламя. Языки огня потянулись к моему лицу, и я закрыла глаза. Пламя не обжигало, оно было холодным. Я несмело открыла глаза. Все вокруг меня переливалось тысячами красок, а под ногами у меня было дно жаровни. Я дунула, и дым исчез.

Через мгновение я смотрела вниз с огромной высоты на боевые каноэ. Их частично скрывал туман. Я снова дунула, развеяв дымку.

Кихат находился в самом большом каноэ. Ему подносил еду стройный юноша,

совершенно обнаженный, даже без набедренной повязки. У него были груди как у женщины и мужские половые органы. Юноша доставал какую-то пищу из горшка и протягивал ее Кихату. Король открывал рот, брал еду из рук этого существа, а потом облизывал его пальцы. Юноша хихикал, и все повторялось снова.

Издали до меня донесся голос Гэмелена, приказывавший мне действовать.

– Кихат! – крикнула я. Мой голос отдавался эхом, как будто я была в пещере.

Король вскочил, отбросив любовника в сторону, и принялся оглядываться по сторонам.

– Кто зовет короля? – спросил он.

– Кихат! – снова крикнула я.

Вождь бешено вертел головой по сторонам. Потом он принялся подозрительно разглядывать своих воинов.

– Кто говорит? – вскричал он.

Его люди со страхом смотрели на него, думая, что он сошел с ума.

– Кихат!

Он снова вздрогнул. Его любовник-юноша превратился в разукрашенный посох, который мы видели у него на нашем корабле. Кихат затряс им над головой.

– Отвечайте мне, – закричал он на воинов, – или изведаете моего гнева!

Они были слишком испуганы, чтобы выдать хоть слово. Кихат ударил ближайшего к нему воина посохом по голове. Воин вскрикнул и отпрянул, словно обжегшись.

– Это не я, повелитель!

– А кто? Я знаю, вы шепчетесь за моей спиной. Вам не нравится эта погоня!

Воины молчали.

Кихат ударил посохом другого. Тот завыл и принялся молить о пощаде. Но вождь бросил его на дно лодки и воткнул посох ему в живот. Несчастный с воплями бился в агонии, когда обжигающий посох пронзил его насквозь.

– Раб подобен хозяину, – нараспев произнесла я. Мой голос раскатывался словно гром.

Кихат задрал голову, поняв, что голос доносится с неба. Мне показалось, что он смотрит прямо мне в глаза. Он погрозил посохом.

– Я – Кихат! Кто осмеливается грозить мне?

С конца его шеста сорвалась молния, я с трудом удержалась, чтобы не втянуть голову в плечи. Где-то далеко Гэмелен положил руку мне на плечо, и страх исчез.

– Хозяин подобен рабу, – продолжала я заклинание. С каждым новым словом меня переполняла энергия. Я почувствовала головокружение, как при лихорадке. Мне хотелось остановиться, но Гэмелен предупреждал меня, что это опасно. И я продолжала говорить: – Подобное к подобному. Зло к злему. Раб, найди хозяина! Хозяин, найди раба!

Рядом с каноэ вскипела вода, Кихат в ужасе закричал, когда демон с жабьей головой вынырнул из воды. Вождь ударил его посохом, и чудовище взвизгнуло от ожога. Кихат засмеялся и ударил снова, но на этот раз демон исчез, прежде чем посох достиг цели.

Кихат лихорадочно оглядывался по сторонам, ожидая нового нападения. Его люди молчали и не шевелились.

Вдруг Кихат вскрикнул – посох обвился вокруг его руки, как змея. Из набалдашника высунулась жабья голова. Посох снова превратился в его двуполого любовника, но жабья голова осталась.

– Хозяин! – зашипел демон, уродливо пародируя любовный пыл. – Приди в мои объятия!

И Кихат закричал, когда демон погрузил клыки ему в шею.

Воины молча смотрели, как демон грызет их короля. Потом они оба упали за борт. Борьба продолжалась еще несколько минут, затем по воде поплыли кровавые круги.

Я слышала, как один воин сказал:

– Так ему и надо!

А его товарищ отозвался:

– Надо сообщить остальным, братья. Наши жены ждут нас дома.

Меня качнуло, зрение мое затуманилось, а потом оказалось, что я стою на коленях и меня тошнит, а Гэмелен шепчет мне что-то ободряющее.

Когда мне стало полегче, он подал мне платок, смоченный ароматной настойкой какой-то травы. Я вытерла им лицо.

— Отличный первый опыт, — с удовлетворением произнес маг.

Я ничего не ответила, потрясенная. Гэмелен только что сделал меня волшебницей. Лучше бы он сделал меня шлюхой!

На следующий день я послала разведчиков на шлюпках во всех направлениях. Дикарей не было нигде.

Но никто не радовался. Все знали, что мы окончательно заблудились в чужих морях.

Глава десятая **СТРАННИКИ В НЕИЗВЕДАННЫХ МОРЯХ**

Катастрофа оглушила нас, как будто сам демон бури обрушил удар своего молота нам на голову. Онемели все чувства, оцепенели все мысли. Я уверена, что среди живущих на Земле не много найдется тех, кто по-настоящему понимает, что значит потеряться в этом мире, или кто действительно познал весь ужас отчаяния. Для большинства потеряться означает оказаться на маленьком пятне Неизвестного, окруженном громадным Известным. Выход оттуда — дело терпения и удачи. Мой брат однажды спросил у Яноша Серого Плаща, который знал практически все о том, с чем может столкнуться путешественник, сбивался ли тот с дороги когда-либо. После некоторого размышления Серый Плащ наконец сказал:

— Нет. Но я позволял себе иногда пребывать в неизвестности не более одного-двух месяцев.

Наше состояние было чем-то значительно большим, чем просто пребывание в неизвестности. Мы сходили с ума. Неизвестное, в которое мы попали, не имело границ. По правде говоря, почти все морские существа, окружавшие нас, были знакомы нам. Вкус воды был таким же соленым. Ветры дули с тем же постоянством. Солнце вставало и садилось по прежнему расписанию на тех же сторонах горизонта. Даже несколько звезд мы знали, хотя они и были расположены необычно, и поэтому по ним нельзя было ориентироваться.

На какое-то время мы просто оцепенели от этого кошмара, хотя и это слишком слабо сказано. Даже в кошмаре чувствуешь себя спокойно оттого, что ты уже видел его мрачные пейзажи. Друг на друга мы не могли смотреть, не могли думать о чем-либо. Мы сидели, тупо уставившись на пустое море, зная, что ни одной из этих волн, бьющихся о носы наших кораблей, не удастся достигнуть родных нам берегов.

Весь флот был парализован страхом. Сначала моряки и даже мои девушки были абсолютно равнодушны к своим обязанностям, они вяло исполняли приказы своих командиров. Один за другим происходили несчастные случаи, многие из которых заканчивались серьезными травмами, так как никто не был в состоянии сосредоточиться. Постоянно происходили ссоры из-за пустяков. Дружеские отношения подвергались серьезным испытаниям. Влюбленные расставались, даже не пытаясь найти замену друг другу.

Гэмелен, наш бедный, слепой волшебник, первым решил положить конец этой пустоте.

Однажды в сумерки Полилло, Корайс и я стояли, облокотившись о перила, не проявляя никакого интереса к невероятно красивому заходу солнца. Я была поглощена унылыми мыслями о Трис и доме, в то время как они беседовали от скуки.

— Что будет, когда мы умрем? — простонала Полилло. — Наши кости так и не будут знать, в какой земле их зароят. А что же будет с нашими душами? Неужели они затеряются так же, как и мы?

Корайс тряхнула головой, ее обычно горящие глаза были тусклы, как плохая сталь.

— Я не знаю, — сказала она. — Но я слышала, что душа не может обрести покой, если ее занесет в такое вот местечко.

За нашими спинами раздался хриплый голос Гэмелена:

– Кто тебе это сказал?

Мы повернулись, пораженные, что ему удалось так незаметно подойти к нам. Он ткнул своей палкой в направлении Корайс:

– Какой дурак научил тебя всей этой чуши?

Корайс только успела пробормотать:

– Я... Я не... а...

– Говори, женщина, – прохрипел Гэмелен. – Назови имя этого умника.

– Это был мастер Клисуре, вы его должны знать. – Корайс начала приходить в себя, обретая присущую ей горячность. – У него есть тетка, которая служила прачкой у одной колдуньи. Она его практически сама вырастила – я имею в виду тетку, не ведьму, конечно. Поэтому он достаточно осведомлен в этих делах.

Лицо Гэмелена выражало отвращение.

– Прачка у ведьмы, ты говоришь? Скажи еще, служанка у паршивой суки. – Он стукнул палкой по палубе. – Меня поражает, что там, где дело касается мира духов, самые твердые и разумные люди начинают слушать кого попало. Пока слова каждой тупицы с бородавками на носу и хамскими манерами будут приниматься за мудрость – что же, все так и будет.

Он усмехнулся:

– А что, если я скажу тебе, что мой отец был продавцом рыбы у армейского бакалейщика? Это что, могло сделать меня экспертом в мечях и копьях? В этом случае ты могла бы доверить свою жизнь моим знаниям?

Корайс стояла такая же красная, как шевелюра моего брата. Она была не из тех женщин, кого можно легко сбить с толку, и мне стало даже больно при виде ее замешательства.

– Оставьте ее, мой друг, – вмешалась я. – Корайс ничего такого не имела в виду. Она просто поддерживала разговор.

Гэмелен не мог успокоиться.

– Разговор обо всем, что произошло за последнее время, – фыркнул он. – И хныканье по поводу предполагаемого будущего. Лучше бы этот монстр нас настиг. Тогда у меня хотя бы было место, где можно было бы укрыться от этого нытья.

Полилло была смущена не меньше Корайс. Она тоже совсем пала духом. Я пришла к ним на помощь.

– У вас что, кольчуги уже отполированы, а лезвия отточены?!

Они ухватились за это, как кухонные мыши за сыр, и, лепеча извинения, бросились прочь. Я повернулась к старому магу, готовясь стать единственным объектом его гнева.

Но он обратился ко мне вполне дружелюбно:

– Что же делать, Рали?

Я вздохнула.

– Что тут можно сделать? Я не навигатор и еще меньше моряк, спасибо доброй Маранонии, которая имеет достаточно здравого смысла, чтобы предоставить привилегии жить в море богам, любящим ходить мокрыми и предпочитающим старую тухлую рыбу симпатичному поджаристому телячьему филе.

Моя слабая попытка пошутить была прервана нетерпеливым стуком палки Гэмелена о палубу.

– Ты – главная в этой экспедиции, женщина. И должна говорить в надлежащем тоне.

Меня задела его слова.

– Как я могу вести их за собой, если не знаю, куда мы движемся? Если уж адмирал с его офицерами в полном замешательстве, как же я могу разрешить эту задачу?

Гэмелен рассмеялся.

– Ну зачем ты лжешь? У всех хороших руководителей всегда есть сундук, полный отговорок. Вот и для тебя пришло время порыться в этом сундуке. Правда в том, что у нас действительно много проблем. Но как мне это видится, все они могут подождать, пока мы не

справимся с двумя самыми важными. Путь домой – наименее серьезная из последних.

– Если бы мы его знали, – вспыхнула я, – то мы бы и не начинали этот разговор.

– Согласен. Однако если оставляешь надежду найти выход из положения, тогда перестаешь делать необходимые попытки, и тут выхода действительно уже нет. И в этом случае мы будем обречены на прозябание среди чужаков, которые уже не раз демонстрировали свою недружелюбность. Нас либо убьют, либо сделают рабами, либо, и это касается твоих девушек, превратят в наложниц или жен.

– Я не могу с этим спорить, – сказала я. – Но не представляю, какую ложь я должна им предложить, чтобы они снова воспрянули духом. И с какой стати им верить в эту ложь? Я – солдат, а не кудесник.

Гэмелен не отвечал. Он только нетерпеливо постукивал своей проклятой палкой. Я глубоко вздохнула.

– Нет, чародей. Вам не сделать из меня то, чем я не могу быть. И не говорите, что я уже доказала, что у меня есть такие способности. И не пытайтесь очаровать меня своими дедушкиными штучками, от которых я начинаю выбалтывать свои самые сокровенные тайны. С меня достаточно, ясно?

Летучая рыба появилась на поверхности. Она пронеслась над морем с ужасающей быстротой. В том месте, откуда она начала свой полет, я увидела темную враждебную тень. Маг спросил меня, что произошло, и я рассказала ему о замечательной рыбе.

– Вот существо, – сказал Гэмелен, – способное извлечь пользу из страха. Он дал этой рыбе крылья.

Он повернулся и застучал палкой, удаляясь по палубе.

– Ну хорошо, – крикнула я ему вслед. – Я послушаю вас. Хотя бы для того, чтобы прекратить ваше ворчание, я сделаю то, о чем вы просите. Какой трюк мне придется исполнить в этот раз?

Гэмелен живо обернулся.

– Мне нужно больше, чем просто один-два трюка, моя дорогая Рали. Мы не сможем успокоить весь этот флот, только лишь покачав крючком с приманкой перед их носом. Ты должна быть готовой ловить сетями.

Это был тот самый день, когда я по-настоящему приступила к занятиям магией. На первый раз я решила смотреть на это подобающим образом, как на забаву, развлечение, и не более того. И я могу сказать, что между самым великим воскресителем и самым затрапезным факиром совсем небольшая разница. И там и тут дым и зеркала, писец. Я представляю, как вытягивается твое лицо и каким неодобрительным становится твой взгляд. Как увидишь, Гэмелен первым это отметил.

Старик устроил церемонию, великолепие и торжественность которой я не могла себе и представить. Церемония началась в нужный момент, когда малейшая удача казалась, грандиозным достижением.

Сначала были долгие ежедневные занятия по основам, магии. Первое, чему я научилась, было то, что волшебство – трудная наука. Второе – хотя Гэмелен и настаивал, что у меня грандиозный прирожденный талант, у меня не было никакого энтузиазма в этом отношении. Боюсь, что я жаловалась на свою судьбу больше, чем было нужно, потому что Полилло и другие, извиняясь, удалялись при моем появлении после окончания уроков.

– Я стараюсь учить тебя всему, что умею сам, и как можно быстрее, – говорил Гэмелен. – Но похоже, нам придется пропустить правила и основы заклинаний, с которыми обычно знаком каждый начинающий. Правда, после открытий Яноша Серого Плаща многие из этих вещей незаслуженно считаются в лучшем случае старомодными и необязательными, а в худшем – даже вредными.

Мы сидели в тесной каюте, разбирая детали подготовки к церемонии. Мне было приказано заставить кухонного демона Гэмелена работать – смешивать порошки, шить волшебную одежду, молоть кусочки зеркал для специальных заклинаний, которые Гэмелен нашел в толстой старой книге с удивительной черной обложкой, теплой при прикосновении,

как живое существо. Это была, конечно, необычная книга. Открываешь ее, и у тебя перед глазами вихрем несутся краски, буквы и фразы. Этот разноцветный водоворот только и ждет, когда ты перевернешь лист, чтобы тут же ринуться туда. Когда ты произносишь слово, они быстро составляют какую-нибудь форму, указывающую на то, что ты ищешь. Скажи «демон», и страницы бешено зашелестят сначала в одном направлении, затем в другом, и маленькие зеленые существа, несущие в руках нечто похожее на миниатюрные огненные бусинки, станут выпрыгивать оттуда, пытаясь своим писком привлечь твое внимание.

– Взгляни сюда, здесь ты найдешь все, что нужно для разжигания страсти в твоей возлюбленной, о повелительница, – повизгивал один.

Или:

– Наложение проклятия на врагов – наша специальность, хозяйка!

Или даже:

– Гарантируем обыск со взломом у твоего возлюбленного.

Когда ты наконец выбираешь интересующий тебя пункт, ошастливленный тобой продавец с рычанием разгоняет коллег, а затем медленно переползает на нужную тебе страницу. Он приподнимает горящие бусины вверх, и ты видишь разбегающиеся по всей поверхности буквы, похожие на муравьев, испугавшихся начинающейся грозы. По его писклявым приказаниям они занимают необходимые места и открывают тебе свои тайны. Прикажи: «Говори!», и они даже начнут называть себя вслух.

Когда Гэмелен напомнил мне о Сером Плаще, я попыталась в десятый раз по указаниям книги вытянуть нить из пустоты. Это делается следующим образом. Смотри, писец. Сначала я вот так сгибаю свои пальцы. Затем делаю движение, как будто завязываю узел. Затем я толкаю всеми пальцами, вот так, и... Видишь – нить. Яркая красная нить. Вот еще. Возьми конец и тяни. Тяни, тяни еще. Извини, я знаю, что ты не можешь и писать, и тянуть нить одновременно. Но ты видишь, как это просто на первый взгляд. Там еще по меньшей мере целая миля этой нити, в том месте, откуда я ее тяну. Так что тебе придется потратить немало времени, прежде чем дойдешь до ее конца. Но даже такой простой трюк плохо удастся поначалу. Так что я еле-еле шарила рукой тогда, вынимая откуда-то только спутавшуюся дешевую бечеву. Так как у меня все плохо получалось на тот момент, я решила попробовать прием ленивого студента – перевести разговор на предмет, трогающий сердце учителя, и таким образом сделать часовой перерыв.

– Как вы знаете, – сказала я, – я не отношусь к тем, кто восхищается Яношем. Он предал моего брата после всего, что их связывало, и чуть не убил его. Но Амальрик заявлял, что магические таинства, которые Янош завещал нам, превосходят его ошибки и что Орисса обязана воздать ему должное в день его смерти.

– Ту же точку зрения поддерживали мои коллеги-воскресители, – ответил старый волшебник, но его слова звучали горько.

Заинтересованная разговором, я забыла, что это было всего лишь трюком – ленивой беседой для бездельничания.

– Вы не разделяете их мнения? – настаивала я.

– Конечно, разделяю, – ответил он. – Дар Серого Плаща не имел равных в истории. Пожалуй, только приручение огня можно сравнить с ним. От Яноша мы узнали, что магия работает по определенным законам. И с этим знанием мы можем почти все, если есть время и возможность поэкспериментировать.

– Я слышу хвалебные речи, мой друг, – сказала я. – Но чувствую, что вы в действительности так не думаете.

– О нет, – сказал Гэмелен, – я думаю именно так. Если тебе кажется что-то другое, то ты ошибаешься.

Я промолчала. Наконец он вздохнул:

– Что ж, в минуты слабости, особенно с тех пор, как я потерял свою силу, я ненавижу Яноша Серого Плаща за то, что он сделал для всех. Но это только зависть. Когда я был молод и отказывался от жизни, для которой был рожден, и женщины, которую любил, я

думал, что таким образом предназначение будет достигнуто, но этого не произошло. Для меня было определено, что я должен стать самым великим воскресителем в истории Ориссы.

– Ты уже им стал, – сказала я.

– Да, – ответил он. – После Яноша Серого Плаща. Но расстояние между его достижениями и моими такое же огромное, как водная пустыня, в которой мы сейчас пребываем. Я – несмышленное дитя по сравнению с Яношем.

– Перестаньте, – сказала я. – Всем известна ваша сила. Без вас мы никогда бы не победили архонтов.

– Даже если бы это было правдой, – сказал он, – все равно это не имеет значения. Видишь ли, до Серого Плаща мы практиковали магию такой, какой она была с первого дня, когда еще огонь был новостью. Случайно удавшись, заклинания запоминались и передавались из поколения в поколение. Когда была изобретена письменность, они стали записываться в книги, как вот эта. Никто никогда не задавался вопросом «почему это работает?». Мы считали, что результаты получаются из-за вмешательства богов, и это считалось достаточным ответом. Знание не может появиться там, где нет вопросов. Теперь я это знаю. Но прежде не знал. Все, что делалось тогда, было модификациями старых трюков. Сила ограничивалась врожденными способностями, которые у меня были очень большими – по крайней мере, больше, чем у кого-либо другого, кого я знал.

– А что вы скажете о колдунах из Ирайи? – спросила я. – Магия Далеких Королевств, как всем известно, значительно превосходит нашу. Они ушли далеко вперед безо всякого вмешательства Яноша Серого Плаща.

Гэмелен фыркнул от смеха.

– Только потому, что они нашли древние свитки. То, в чем они нас превосходят, – не результат их огромной мудрости. Просто эти трюки были потеряны нами.

– Я бы не стала называть просто трюком превращение дешевого металла в золото, – сказала я. – А они это умеют, в Далеких Королевствах.

Волшебник с силой дернул свою бороду.

– Если следовать Серому Плащу или, по крайней мере, фантазиям твоего брата, с которыми он вернулся, это такой же трюк, как столь трудно тебе дающееся вытягивание нити. Если знать правило, по которому можно сделать что-то одно, ты сможешь так же легко сделать другое. Янош утверждал, что во всем одна и та же естественная сила. И это не боги контролируют магию, а нечто иное, что присутствует в повседневной жизни... тепло от огня, течение воды, то, из чего состоит золото – частицы, как он их называл. То же самое и заговаривание бородавки, и заклинания, вызывающие или прекращающие дождь.

– Я не понимаю, – сказала я.

– Потом поймешь, – ответил Гэмелен. – Чем больше я буду учить тебя, тем больше ты будешь понимать.

– Тогда почему вы завидуете? – спросила я. – Мне кажется, вы говорили, что Серый Плащ научил всех свободно думать, а не просто механически запоминать. И с этой свободой можно очень много сделать даже такого, о чем он и мечтать не мог.

– Все правильно, – сказал Гэмелен. – Но подумай: начинающий маг, юный бунтарь, в какой-то момент мельком уловил то, что Серый Плащ видел отчетливо. Но затем ему показалось, что он дурак, раз может так думать. Как он мог знать больше своих учителей? Или воскресители исчерпали свою мудрость?

– Вы хотите сказать, что узнали те же тайны, что и Серый Плащ? – спросила я.

– Нет. Даже я не столь тщеславен. Гений такой величины, каким был Янош, приходит один раз за столетия. Тем не менее эта мысль преследует меня, и мне часто кажется, что так и было.

– Впереди много других открытий, – сказала я. – Даже самые восторженные поклонники Серого Плаща говорят, что то, что он нам поведал, – это только начало.

– Да, – сказал Гэмелен. – Но это заставляет меня завидовать еще сильнее. Все открытия будут делаться молодыми, не обремененными старыми взглядами. А я слишком стар, Рали.

А теперь еще и слеп. И что хуже всего для такого старика, как я, – когда Янош преподносил свой дар, он отнял у меня богов. Так как это основа его учения. Боги, даже если они существуют, ограничены теми же законами, что и попрошайка у двери какого-либо трапезного трактира.

Пораженная, я сказала:

– Что вы имеете в виду под этим «если боги существуют»? Вы в этом сомневаетесь?

Маг пожал плечами.

– Они слишком часто являлись в нашей истории, чтобы сомневаться в них, – сказал он. – И не только глупцам и лгунам, но мужчинам и женщинам, в словах которых невозможно усомниться. Однако то, что предполагает Серый Плащ, тоже правда. Они не боги, по крайней мере не то, что мы подразумеваем под этим словом, предполагающим поклонение и культ.

Я дико озиралась вокруг, ища место, чтобы спрятаться от удара молнии, так же, как ты сейчас, писец. Но ничего не случилось. Я взяла себя в руки.

– Если они – не боги, – сказала я, – тогда где же цель? Чьей волей, по какому плану мы живем?

И вот что ответил волшебник:

– Если верить Серому Плащу, то цели нет. Наша воля – это наша воля. И плана тоже нет, только то, что мы составляем сами для своей жизни.

– А что в отношении хорошего и дурного? – пробормотала я.

– Тут нет никакой разницы, – сказал Гэмелен.

– Тогда какая от всего этого польза? Может быть, просто отказаться от этого, и все?

– Ты хотела бы этого? – спросил Гэмелен. – Серый Плащ считал, что не имеет значения, какую дорогу выбрать.

Но для моих стражниц это имеет значение, подумала я. Это имеет значение даже для скользкого Холлы Ий и его пиратов. Что самое важное – это имеет значение для меня.

Я встряхнула головой. Затем, помня о том, что он не мог видеть, я громко сказала:

– Нет. И будь проклят этот Янош Серый Плащ.

Гэмелен зло рассмеялся:

– Вполне возможно, он уже... если был не прав.

Он поднял палку и ударил ею по палубе.

– А теперь быстро за работу, женщина. Если бы ты так же ленилась в фехтовании, как в обычном вытягивании нити, твоя голова давно бы болталась на какой-нибудь пике!

Прошло несколько недель, прежде чем мы были готовы. Конечно, у нас было очень мало времени, но настроения в нашем флоте день ото дня становились все мрачней и безнадежней, и мы не могли больше ждать, так как мог наступить момент, когда было бы уже поздно. Гэмелен заставлял меня ежедневно упражняться в бросании костей. Я описывала их расположение, а он объяснял мне, что оно предвещает. Чаще всего они ложились таким образом, что ничего не обозначали, но намекали нам, что следует продолжать. Вся эта процедура представлялась унижительно неясной.

– Вам-то хорошо, – говорила я Гэмелену. – Вы – воскреситель. Вы даже выглядите как воскреситель. Благообразный, седобородый, просто воплощение мудрости. Никому и в голову не придет, что вы занимаетесь глупостями, когда бросаете горсть каких-то старых, дурно пахнущих костей на палубу, затем встаете на колени перед совершенно недостойным предметом, уставившись на него, бормоча что-то непонятное и тряся бородой. Но ведь я выгляжу как... Черт, будь оно все проклято! Не особенно мудрая, абсолютно не благообразная, и я проверяла, у меня на теле есть только одно место с волосами, но и та борода очень короткая.

– Если ты хочешь сказать, что женщине недостает правильной манеры держаться, чтобы быть воскресителем, – сказал Гэмелен, – тогда, пожалуй, лучше все бросить.

– Я этого не говорила!

– Но я это слышал. А теперь я думаю, что все это и в самом деле глупость. Возможно,

женоненавистники и правы. Возможно, справедливо мнение, что у твоего пола нет достаточной силы интеллекта, и я могу добавить... без бороды, ты, вероятно...

– Дайте мне эти чертовы кости, – прошипела я. Я вырвала их из его руки и бросила. – Я продолжаю думать, что это глупо. Следуя тому, что вы наговорили про Серого Плаща и его законы магии, бросание костей не имеет никакого смысла. Как можно предсказать будущее, если нет никакого богом уготованного плана? На самом деле все это упражнение на...

– Что такое, Рали? – спросил Гэмелен.

– Кости, – сказала я.

– Что такое с костями?

– Не знаю, они... показывают что-то хорошее. Я не могу объяснить почему. Просто я знаю!

Я описала их расположение. Гэмелен хохотал.

– Ты совершенно права! Впереди светлые дни, мой друг. В самом деле, светлые дни.

Вот как я стала гадать на костях. За момент до этого я была полностью невежественной в этом, а в секунды стала мудрецом.

Часом позже я услышала крики с дозорной вышки – на горизонте появился остров. Все были воодушевлены. Остров был небольшим, скалистым, с покрытым мелкой галькой побережьем и не сулил ничего экстраординарного. Но сам вид земли пробуждал надежду и мысли о доме. Быстро выслали отряд на разведку, и они сообщили, что остров кажется необитаемым, но, похоже, здесь можно было найти еду и воду. Мы высадились на берег, оставив на судах только небольшую команду.

Однако нашей радости вскоре пришел конец. Едва мы вступили на эту землю, как нас окутал ледяной туман. Там была небогатая растительность, но вся она имела очень болезненный вид. Ветки деревьев могли удержать только несколько горьких орехов. Исхудавшие птицы насмешливо кричали при нашем появлении неприятными резкими голосами. Воду можно было пить, но вкус ее был отвратителен. Она содержалась в шести окутанных паром водоемах, расположенных вокруг небольшого гейзера. Гейзер действовал непостоянно, и его струя была слишком слабой.

Я стояла рядом с гейзером, мрачно размышляя о магии и бросании костей. Кроме моего старого друга волшебника, рядом со мной никого не было. Я слышала проклятия, раздававшиеся в большой группе матросов, собравшихся вокруг одного водоема и наполнявших фляги дурно пахнущей водой. Я не винила их за это, они просто произносили вслух мои мысли. Но я насторожилась, увидев Холлу Ий и нескольких его офицеров, стоявших поблизости. Адмирал обычно очень нетерпимо относился к жалобам.

Один из матросов, здоровый парень с громадным носом, зачерпнул и выпил этой воды и тут же выплюнул ее с проклятиями.

– Что за моча! – крикнул он так громко, что только глухой бы не услышал, и швырнул ковш на землю. – Они заставляют нас пить какую-то мочу, ребята. И если мы это стерпим, они еще заставят нас взять ее с собой, чтоб от нас вскоре ничего не осталось.

Один из его приятелей, высокий костлявый мерзавец с острым, как кинжал, подбородком, подхватил так же громко:

– Все так и будет продолжаться, пока эта больная сука будет командовать нами.

Он повернулся и посмотрел прямо на меня. То же сделали и остальные. Холла Ий и его офицеры двинулись прочь, делая вид, что ничего не слышали. Я услышала, как он засмеялся над каким-то замечанием Фокаса и затем скрылся за скалой. Все эти люди вызывающе смотрели на меня. Без дальнейших слов они потянули руки к ножам.

Чувствуя опасность, Гэмелен потянул меня за рукав и зашептал:

– Нам лучше уйти.

Я знала, что мы не успеем сделать и десяти шагов, как их ножи окажутся в наших спинах. Я была готова схватить меч и вступить в битву и уже почти встала в нужную позу, как вдруг споткнулась о какой-то твердый предмет.

Я посмотрела вниз, думая отбросить все, что могло путаться у меня под ногами, и

увидела пустую раковину размером с детскую головку. Тут на меня снизошло глубочайшее спокойствие. Моя кровь горела, но не яростью вступающей в битву, но силой, похожей скорее на бурную реку, рвущуюся сквозь узкое ущелье.

Вместо меча я подхватила раковину. И обратилась к Гэмелену, но заставила звучать свой голос громко, чтобы было слышно всем.

– Вот еще один моллюск, мой друг. Я ставлю толстый кошелек с золотом против самой мелкой медной монеты, что его мясо такое же вкусное, как было в той раковине.

Гэмелен поднял брови:

– Что ты... – Он оборвал фразу на полуслове. – А...

Я сунула раковину ему в руки, и он ощупал ее форму. Тут его голос тоже зазвучал громко:

– Да, еще одна. Я уверен, что она так же хороша, как та, которую наш повар обычно готовил в праздничные для Ориссы дни. Пища богов.

Я взглянула на людей, широко раскрыв глаза, как будто только сейчас заметила их присутствие. Затем я приняла грозный вид и крикнула им повелительно:

– Эй, вы, там! Оставьте свои дела и сейчас же идите сюда.

Они были настолько поражены, что убрали ножи. Я нетерпеливо помахала им:

– Быстро соберитесь сюда, ребята. У нас есть чем накормить голодных.

Они, спотыкаясь, бросились к нам. Но прежде чем они совсем приблизились, Большой Нос принял важный вид и со своим костлявым дружкой двинулся им наперерез.

Я указала на раковину и приказала:

– Собирайте вот это. Вы можете использовать пустые шлемы в качестве емкостей.

Они были удивлены.

– Не болтайте без дела. Делайте, что я сказала. Я договорюсь с вашими офицерами, так что вам не о чем беспокоиться.

Большой Нос усмехнулся:

– Кому нужна каска с пустыми раковинами? – сказал он и повернулся к своим друзьям. – Потом она еще нас заставит жарить камни.

Все рассмеялись в ответ, но тем не менее эта шутка не произвела предполагавшегося впечатления.

– Не говори глупостей, парень, – парировала я. – Это на самом деле вкусная штука.

Я выхватила нож, висевший у него на ремне, прежде чем он успел моргнуть глазом, и вставила лезвие в раковину, мечтая остаться в живых. Я представила себе водоем, полный плавающей и ползающей живности. Почувствовав, как что-то вздрогнуло под лезвием, я поддела и вытащила на свет извивающееся толстое существо.

– Подождите минуту и сами увидите, – сказала я.

Я встала на колени перед гейзером и подставила свою добычу под горячую воду. Я хотела сварить ее, как поступала моя мама с рыбой. У меня перед глазами стояла не эта серная вода, а тот аппетитный бульон, в котором она готовила. Я не сомневалась в том, что это так и есть. Через несколько секунд я положила мясо на плоский камень и быстро разрезала его на множество кусочков. Воздух наполнился соблазнительным ароматом.

Я подхватила один кусок ножом и съела его.

– Ммм... – восторженно вздохнула я. – Как лучшее блюдо моей матери. – Я не обманывала. Это действительно было так же вкусно. Я взяла еще один толстый кусок и протянула его носатому. – Попробуй, – сказала я.

Усмешка тут же прошла, как только он взял свой нож. Остальные собрались вокруг него.

– Ну давай, Сант, – подгонял его костлявый приятель. – Сними пробу.

Сант сунул мясо в рот и прожевал. Тут же его рот расплзся по лицу в восторженной гримасе.

– Ну и ну, замечательно! – объявил он.

– Похоже, всем достанется по кусочку, – сказала я, указывая на оставшиеся куски мяса.

Толкая друг друга, они бросились на еду, почти вылизав камень.

– А еще тут такое есть, капитан? – спросил Большой Нос. В его голосе слышалось уважение.

– Некоторое время назад мы нашли еще одну такую, – соврала я, – и я уверена, что их здесь еще много. Мы с Гэмеленом как раз обсуждаем, где их лучше всего поискать.

Как только я это произнесла, моя уверенность в себе тут же ослабела. Как же я могу исполнить свое обещание?

Чувствуя мое беспокойство, Гэмелен погладил бороду, принимая мудрый вид.

– Дайте мне раковину, капитан, – сказал он.

Я протянула ее ему, и люди застыли в уважительном молчании, наблюдая, как старик покрутил ее так и эдак и вернул ее мне.

– Приложите ее к уху, капитан Антеро, – сказал он, – и прислушайтесь.

Я с трудом скрыла свое замешательство, изо всех сил жалея, что у меня нет бороды, которую можно, по крайней мере, погладить, чтобы изобразить полное знание о том, что я делаю, и приложила раковину к уху. Я услышала только банальный шум моря, типичный для этих штук.

– Я не знал, что рыбы умеют разговаривать, – с благоговением произнес костлявый.

Я очень хотела ему сказать: «Да и я тоже, брат. Я тоже». Тут я вспомнила один из первых уроков Гэмелена.

– Я не могу научить тебя всем заклинаниям за столь короткое время, – говорил он. – Даже если записать только лучшие из них, получится огромное количество томов. Вместо этого я посоветую тебе пойти путем Яноша Серого Плаща. Он заявляет, что слова, составляющие заклинания, не важны, что они служат только для концентрации энергии. И я должен отметить, что это действительно так. В моем возрасте я не могу поклясться, что слова, которые я произношу, – это заклинания, которые я выучил, а не создал сам. Они просто приходят ко мне, когда мне это нужно.

– Но в моем случае это не получится, – отвечала я. – Слова – ваша профессия. Но не моя.

– Если ты прислушаешься, Рали, – сказал он, – нужные слова сами придут к тебе.

– Прислушаться? – спросила я. – Прислушаться к кому?

– К себе, мой друг. К себе.

Итак, я держала раковину у уха и слушала. Сначала не было ничего слышно, кроме шума моря и ударов моего сердца. Затем я почувствовала, как у меня похолодело в спине. Я услышала голос. Он исходил изнутри этой штуки. Слова наполнили меня, и я разомкнула губы, чтобы позволить им вырваться из меня.

Песок и пена,
Скала и морской цветок;
Я ношу свой щит,
Как я ношу свой дом:
В прибрежной обители,
Где стоит солнце.

Я подняла голову, чтобы посмотреть на солнце.

– Туда, – сказала я. – Как раз за этими скалами вы найдете небольшой пляж, и в стороне от него есть место, где наши соленые приятели строят свои дома.

Ни малейшего сомнения не отразилось на их лицах, и они радостно схватили свои шлемы и толпой понеслись в указанном мною направлении. Мы с Гэмеленом последовали за ними, уверенные в том, что там действительно на берегу есть сотни моллюсков. Я приказала сообщить новость всем, и вскоре берег оказался заполненным толпой голодных мужчин и

женщин, вычерпывающих, выскребающих и вытаскивающих сети до тех пор, пока весь берег не был усыпан раковинами.

Кто-то разжег огромный костер и поддерживал его сухими водорослями. Моллюски, рыба и даже несколько крабов, обернутых в сухую траву, тушились на нем, ароматный пар заставил всех нас забыть обо всех проблемах.

Гэмелен шел ко мне, стуча палкой. Я думала, он идет, чтобы поздравить. Вместо этого он дернул меня за рукав и сказал:

– Сегодня вечером, Рали. Ты должна говорить с ними сегодня вечером. Лучшего момента не будет.

И этой ночью у меня был дебют в роли воскресителя. Я приказала всем собраться на месте, где я нашла первую раковину. Это место выбрал Гэмелен, считая, что наполненная паром атмосфера и шум гейзера помогут мне увлечь публику.

Передо мной собралась толпа угрюмых людей. Общее воодушевление, произведенное моим колдовством, оказалось недолговечным. Еды хватило только на один раз, побережье было обобрано без остатка. На острове больше ничего не было, кроме дурно пахнущей воды. Холла Ий был против церемонии, говоря, что радоваться нечему, что этим можно только разозлить людей. Но Гэмелен настоял на своем, сказав, что не почтить богов было бы дерзостью.

Я стояла на огромном валуне у гейзера и могла всех видеть. Гэмелен был сбоку от меня, чтобы подсказывать мне, если понадобится. Я прочитала заклинание, которое придало моему голосу силы. Я начала с краткого перечисления особенно драматичных эпизодов нашей борьбы, сама удивляясь нашим свершениям. Я говорила о победе над Ликантией, о нашей священной миссии в борьбе с архонтами. Я превозносила всех за героизм, который был проявлен в битве на море, которой закончилось преследование нашего страшного врага. Наконец я сказала о несказанном расположении богов, позволивших нам избежать ужасной участи погибнуть в море. Некоторые из мужчин разозлились, услышав последнее, крича, что это не расположение, а как раз самая ужасная неудача. Они говорили, что это я навлекла на них проклятие архонта.

– Как вы смеете так оскорблять богов? – громовым голосом произнесла я. Мои слова эхом разнеслись по скалам, пугая даже меня саму. – Вы живы, разве не так? Разве этого одного мало? А что касается нашего положения сейчас, то это временно. Нам дан шанс выжить самим великим богом путешественников Тедейтом! Вы смеете предъявлять претензии нашему всемогущему повелителю?

Страх перед проклятием заставил их молчать.

– Никто в нашей истории ни разу не бывал в этих морях, – продолжила я. – Бесчисленные поколения нашего народа мечтали о том, чтобы узнать, что за чудеса и богатства таятся в этих просторах за самым западным краем нашего мира. Вы все знаете, что мой брат Амальрик Антеро вместе с могущественным и мудрейшим Яношем Серым Плащом разгадал тайны Востока, найдя Далекие Королевства. Многие путешественники плакали от зависти, что им уже нечего открывать. И вот вы получили этот шанс. Такое случается раз в тысячелетие. То, что мы найдем здесь, мы принесем к своим очагам. Наши имена будут написаны на скрижалях славы, чтобы все это видели и удивлялись нашим свершениям. И другие будут плакать от зависти, друзья мои. Будут лить безнадежно горькие слезы, что им не удалось разделить нашу великую судьбу.

И впервые за долгое время я увидела, как на лицах появились улыбки, и услышала радостные восклицания. Теперь я держала их на крючке, как сказал Гэмелен, и могла влиять на них.

Призвав на помощь Тедейта и Маранонию, я начала шоу, подготовленное волшебником и мной. Я бросила на землю маленький мешочек, который тут же с громким хлопком взорвался. Мои зрители стояли с широко открытыми глазами, не отводя взгляда от разноцветного дыма. Я высыпала в дым маленькие кусочки стекла, и все это вместе, взрываясь, уносилось вверх мириадами микроскопических звездочек. Еще один взрыв – и

они рассыпались по небу, а затем, переливаясь множеством цветов, в виде нежного дождя стали возвращаться на землю. Касаясь поверхности, они таяли, превращаясь в капельки чудесных духов. Затем я представила фокус с вытягиванием нити, и в этот раз не было ни спутавшихся клубков, ни бечевки. Красные и зеленые нити, проходя через мои пальцы, сплетались в тонкое покрывало, которое развевалось на ветру и укрывало нас магической тканью.

Гэмелен предложил, чтобы следующим номером в программе был огромный взрыв, который вызовет гигантский столб красного дыма, и тогда я смогу обратиться к богам за благословением наших свершений и с просьбой остаться с нами, пока наше путешествие не придет к счастливому и плодотворному окончанию. Я извлекла мешочек с ингредиентами и смешала их в соответствии с указаниями старого волшебника. Их было гораздо больше, чем в первом случае, в связи с чем предстояло более интересное зрелище. Но, прежде чем я исполнила этот фокус, что-то заставило меня остановиться, я почувствовала, как какая-то невидимая рука коснулась меня. Тут я увидела, как забурлил гейзер, и какой-то голос зашептал мне, указывая на него. Я бросила мешочек в один из покрытых паром водоемов.

Вместо взрыва раздался звук огромного горна, такой силы, что он не мог принадлежать ни одному из смертных. Поднялся огромный столб воды, вращавшийся как дервиш, представлявший собой какофонию ярких цветов. К звуку горна присоединились барабаны, трубы. Остальные водоемы вокруг гейзера последовали его примеру, также закружившись в диком танце под музыку призрачных исполнителей. Вдруг в мгновение ока они застыли в виде ровной голубой глади. Гейзер стал такого же оттенка, и в нем, как в гигантском зеркале, отразились наши фигуры. Музыка затихла. Наступила полная тишина, не нарушаемая даже звуком гейзера. Внутри меня зазвучал голос, и я могла поклясться душой своей матери, что он был неподвластен мне. Я прислушивалась к нему, и мои губы сами собой повторяли его слова.

– О, великий Тедейт, защитник странников, властитель горизонтов, ниспошли нам свою милость! Укажи, куда нам идти, о наш господин. Где спрятана наша судьба?

Бурлящий гейзер вдруг застыл, приняв форму зеркала, в котором мы увидели наш флот, бороздящий морские просторы. Во главе его шел мой корабль, над которым реял флаг Маранонии. Мы двигались по направлению к заходящему солнцу, на запад.

Вдруг видение исчезло и гейзер вернулся к своему обычному состоянию.

Я снова повернулась к своим зрителям, преисполненная радости. Слова, которые я произнесла в этот раз, принадлежали мне самой.

– Мы получили ответ, друзья мои. Тедейт указал нам путь домой. Мы идем на запад. И слава Тедейту, мы больше не затеряны в этом мире!

Поднялся радостный гул, эхом отозвавшийся в скалах. Некоторые смеялись и хлопали друг друга по плечу. Другие плакали. Мои девушки радовались больше, чем кто бы то ни было.

Но что касается меня, я чувствовала только жесточайшую слабость в коленях, которая подкосила меня, и я упала на землю. Все вокруг превратилось в тьму.

Когда я пришла в себя, я уже была на борту нашего судна, которое несло на всех парусах, подгоняемое свежим попутным ветром. Я находилась в маленькой каюте Гэмелена. Когда я открыла глаза, он посыпал мой лоб сладко пахнущим целительным порошком.

Он улыбнулся.

– А, ты снова с нами, мой друг, – сказал он. – Как ты себя чувствуешь?

Попробовав встать, я почувствовала, что все еще слишком слаба.

– Наверное, этого можно ожидать, если начинаешь заниматься искусством заклинаний. Я думаю, через несколько часов отдыха я уже буду в порядке.

– Я тоже так думаю, – согласился волшебник. – Ты уже проспала целую неделю.

Потрясенная, с тяжелым стоном, я села.

– Неделю? Как вы могли позволить мне так долго тут оставаться? Слава Тедейту, у меня полно дел. Столько планов предстоит выполнить. Упражнения...

Гэмелен со смехом прервал мое бормотание.

– Теперь у воскресителя не столько обязанностей, сколько было раньше. Когда я был молод, от нас требовали проводить благословения до завтрака, исцелять не менее полусотни больных прежде, чем прозвонит десятичасовой колокол.

– Никому не нужна чушь, – проворчала я.

Гэмелен стал вдруг серьезным.

– Должен тебе сказать, что ты испугала меня своим неожиданным предсказанием будущего. Обращение к оракулам – опасное занятие, особенно для новичка.

Я пожала плечами.

– Но получилось же, не так ли? Боги были достаточно добры, чтобы указать нам путь домой. Мы идем на запад, чтобы снова обрести Ориссу.

Гэмелен тряхнул головой. Не уверен, – сказал он.

– Послушайте, – начала горячиться я. – Видение четко показало, нам надо плыть на запад.

– Конечно, я не мог видеть то, о чем ты говоришь, – ответил Гэмелен. – Но хотя я и слеп, слышу я достаточно хорошо, спасибо тебе. И я ясно слышал, как ты спросила, где наша судьба. Ты ничего не говорила об обретении во время предсказания. Я даже и не знаю, что может значить этот ответ.

Ослабевшим голосом я спросила:

– Путь на запад – это не путь домой?

– Кто знает? – ответил Гэмелен. – Возможно, нашим чаяниям и суждено сбыться. Возможно, двигаясь на запад в направлении, прямо говоря, противоположном Ориссе, мы и встретим кого-либо, кто сможет указать нам путь. Или же мы попадем в какое-либо быстрое течение, которое вынесет нас к дому.

– Значит, мне ничего не удалось сделать, – сказала я, чувствуя себя полной дурой и неудачницей.

– О нет, это совсем не так, – запротестовал Гэмелен. – Остальные поверили твоему толкованию видения. Все убеждены, что ты указала им путь. Не успел я приказать, чтобы тебя отнесли ко мне в каюту, как уже было принято решение сразу же брать западное направление.

Я подскочила в кровати и тут поняла, что практически раздета.

– Где моя одежда? Я должна сейчас же остановить флот. Мы же идем в неправильном направлении!

Гэмелен схватил мою руку и удержал меня.

– Не глупи, – прошипел он. – Ты достигла большего, чем можно было и мечтать. Все переполнены доверием к тебе. Ты позволила им выпрямить спины и с надеждой смотреть в будущее.

– Но это же ложь! – протестовала я.

– Только ты и я об этом знаем, – сказал волшебник. – Да вполне может быть, что это вовсе не ложь. Только богам известен истинный путь. Все еще может закончиться благополучно. Одно я знаю точно: если ты скажешь им правду, они тебя возненавидят за это. И будет еще хуже, чем раньше. И если это случится, не будет никакой надежды на возвращение.

Я снова свалилась на койку и натянула одеяло, так как вдруг стало очень холодно.

– Что же мне делать? – простила я.

– Ничего, – сказал Гэмелен. – Улыбайся, если спросят, снова ври. Все время ври. И, если фортуна нам улыбается, ложь может оказаться правдой.

На следующий день я почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы покинуть постель. Каждый приветствовал меня с огромным энтузиазмом, отдавая мне самую лучшую пищу и бросаясь исполнять малейшее мое желание, отчего я чувствовала себя самой подлой в мире. Но я делала то, что мне советовал Гэмелен. Я улыбалась, отпускала скромные комментарии по поводу всего, что касалось моего восстановленного статуса героини. Когда было

необходимо, я снова повторяла всю ложь.

Через несколько дней все стало немного легче, так как нам вдруг неожиданно повезло. Все дни были солнечными, и ветер был попутным. Наш маленький флот, несомый волнами, шел в направлении, в котором каждый вечер садилось солнце, создавая самое прекрасное зрелище, какое можно увидеть в жизни. Море было переполнено рыбой. И в день, когда я поднялась с постели, мы увидели остров, населенный огромными птицами, ростом примерно с Полилло. У них не было крыльев, кроме того, они без протеста позволяли к ним приближаться. Их белое мясо было вкусней любого другого, которое я ела в жизни. Пресная вода, которую мы нашли на этом острове, была лучше любого напитка. Мы опустошили всю посуду с серной гейзерной водой и наполнили ее заново.

Вскоре мы привыкли к удаче. Я думаю, ребячество – часть нашей натуры. Мы пировали в почти сексуальном экстазе. Но вот отличная еда стала повседневной реальностью, и начались вздохи:

– Что это? Снова язык этой медовой птицы – Лжи?

Лучшего ветра нельзя было и желать, но капитан Страйкер сетовал на его постоянство – из-за этого у него нет возможности отремонтировать паруса. Дюбан, начальник гребцов, был недоволен, что у его подчиненных нет стимула к тренировке. Квартирмейстеры расстраивались, что расплодились крысы из-за огромного количества свежей еды. И смет волновалась, что ее солдаты тренировались с таким энтузиазмом, что выбивались из сил. Мои офицеры ворчали, что что-то неладно, так как моральный дух не может быть таким высоким, каким кажется.

Я не могла позволить себе так расслабиться, и не потому, что была сильнее своих братьев и сестер, просто я знала, что все это было не так.

Но вот ветер прекратился, и с ним ушла наша удача.

Глава одиннадцатая ДЕМОН И ЕГО ФАВОРИТКА

Наутро нашего последнего счастливого дня я проснулась на рассвете от головной боли. Было очень жарко для столь раннего часа, мое дыхание было частым и неглубоким. Воздух был плотным, как густой сироп. В нем стоял затхлый запах гнили. Я услышала, как убрали паруса. Дюбан с проклятиями собирал гребцов. Бил барабан, и его бой усиливал и без того мучительную пульсацию в моих висках. Корабль медленно двигался вперед, время от времени сотрясаясь, так как вода превратилась в густую жижу, с мерзким звуком тершующая о наши борта. Я поднялась, тяжело вздыхая и спотыкаясь, стала одеваться. Проходя мимо гамака Полилло, я услышала жалобный стон. Похоже, не я одна страдала в то жуткое утро.

На палубе я увидела очень странную картину. Все вокруг было освещено тусклым желтым светом, в котором все предметы отбрасывали огромные размытые тени. Гребцы мерно работали под медленный барабанный бой. Их труд был очень тяжел, весла с трудом погружались в воду и выходили из нее. И, несмотря на все их усилия, с каждым гребком корабль продвигался вперед не больше чем на дюйм.

Причина наших проблем была очевидна. Корабли увязли в гниющих морских водорослях. На других кораблях я видела, как висевшие на канатах люди обрезали мясистые водоросли, мешавшие движению. И капитан Страйкер снаряжал подобную команду.

– Это не моя вина, – раздраженно рычал он. – Я говорил, что намечается шквалистый ветер, уже прошлой ночью, и Клисуре согласился со мной, но разве слушает адмирал таких, как мы? Меня, который уже съел пуд соли за все эти долгие годы под парусом. Черт возьми, я уже плавал, когда этот проклятый Фокас был всего лишь влажным пятном в штанах своего отца, прошу прощения, капитан Антеро. Но адмирал слушает только этого бестолкового сына ликантианской шлюхи. И не придает никакого значения моим предупреждениям, что нам нужно было бросить якоря и переждать.

Действительно, ночью меня разбудили порывы ветра, которые, однако, не казались

слишком сильными. Медленное покачивание корабля, звуки падающего дождя и шелест моря убаюкивающе подействовали на меня, и я снова погрузилась в безмятежный сон. Слушая Страйкера, я вспоминала времена, когда малейшая качка заставляла нас, новичков, нестись к поручням, чтобы освободить свой желудок. Я скрыла под кашлем смех и заставила свое лицо принять самое уважительное выражение.

– Вы видели опасность в шторме? – спросила я.

– Каждый дурак мог ее увидеть, – сказал Страйкер. – Меня беспокоила не сила ветра, а видимость. Дождь был круче самых отборных ругательств моей жены, когда я поздно приходил из таверны. И это была самая темная ночь из всех, которые я когда-либо видывал с тех пор, как покинул Перечный берег. Я боялся, что мы потеряем друг друга или, еще хуже, наткнемся на какой-нибудь риф в этой темени. Лучшее, что можно было сделать, это переждать и утром взять новое направление. Но Фокас решил не терять времени, и Холла Ий с ним согласился. Почему, я спрашиваю? Мы же даже не знаем, куда идем! Во всяком случае, мы так переругались, что мне с трудом удалось их заставить вывесить фонари, чтобы хоть как-то видеть друг друга. Затем ветер прекратил свою работу, как шлюха при виде пустого кошелька, и с тех пор его вообще нет. Но это не так уж плохо. Плохо то, что мы запутались в этой дряни.

Мы двигались сквозь водоросли, такие густые, что не было даже видно воды.

– Никогда такого не видывал, – сказал он. – Такие огромные и такие толстые! Но я о них слышал. О да, я слышал такое, что сердце выпрыгивало из груди.

– Надеюсь, вы не станете мне это рассказывать, пока мы не выберемся отсюда, капитан Страйкер, – сказала я. – Не стоит пугать людей без толку.

– Если мы, конечно, выберемся, – мрачно заметил Страйкер.

Я не стала обращать внимания на его хмурые замечания. Он просто старался придать драматизм ситуации.

– Ладно, все будет в порядке, – смягчился он. – Нужно только, чтобы подул хороший ветер, и мы выберемся из этой вонючей кучи.

Но нужного ветра не было. Ни малейшего дуновения ни в этот день, ни на следующий, ни в один из многих дней, последовавших за этим. Стояла страшная жара. Боги вновь оставили нас. Все окутывал желтый туман, от которого, казалось, было еще жарче, и благодаря этому создавалось впечатление, что мы сидим на дне супового котла. Тем временем водоросли становились все гуще и гуще. Вдруг нам показалось, что мы видим нечто похожее на канал, ведущий из этой тюрьмы. Гребцы работали изо всех сил, пока корабли не вышли к нему. Но вместо того, чтобы вывести нас на свободу, канал предоставил нам только возможность плутать по лабиринту, натываясь на тупик за тупиком и возвращаясь постоянно на уже пройденные участки. У нас не было выбора, и мы продолжали свой путь в этом кошмаре, пока снова не вернулись на место, с которого начался наш путь по каналу.

Я пыталась гадать ежедневно, но как я ни старалась, как ни бросала кости снова и снова, постоянно получалось одно и то же. И это, по словам Гэмелена, означало, что никаких перемен в ближайшем будущем не предвидится. В то время как команда работала в изматывающей жаре, протаскивая нас фут за футом сквозь эти водяные заросли, Гэмелен и я всеми известными ему способами пытались вызвать ветер.

Мы достали специальные мешки для вызывания ветров. Это было лучшее из созданного Гэмеленом и его помощниками-воскресителями на момент нашего выхода из Ликантии. Огромный магический талант был вложен в них, но все было без толку. Каждый раз, когда я проделывала все, что предписывалось, и произносила заклинания для вызывания ветра, я открывала мешок, но, кроме горячего, отвратительно пахнущего газа, оттуда ничего не появлялось. Гэмелен решил, что нам мешают козни какой-то очень сильной враждебной магии, преодолеть которую он был не в силах.

Чем больше мы углублялись в эти водоросли, тем больше менялось все вокруг. Впечатление, что все вокруг является слегка колеблющейся плоской равниной, вскоре

оказалось ложным. В одном из каналов водоросли стали образовывать все более и более высокие кучи. Некоторые из них даже доходили до середины мачты корабля. Ветви водорослей, свисая, принимали самые разнообразные странные формы. Некоторые были похожи на башни замков. Другие соединялись в виде фигур людей или зверей. При первом взгляде на одну из них я даже была готова поклясться, что передо мной торс женщины на лошади. У женщины выпирали груди, развевались на ветру локоны, как будто она неслась на своем коне с хорошей скоростью. Полилло сказала, что мне мерещится такое, потому что у меня давно не было любовницы. Я посмеялась над этим, но в глубине души согласилась с ней.

После недельной борьбы нам удалось прорваться в более широкий проток, в котором можно было двигаться немного быстрее. Конечно, это было все равно очень медленно, но чувствовать хоть какое-то оживление в этом болоте уже было приятно. Однако радовались мы недолго. Сант Большой Нос – вот кто положил этому конец. За минуту до этого мы беседовали со Страйкером, и вот следующая минута, и мы несемся со страшной скоростью на крик Сайта. Нам пришлось поработать локтями, чтобы добраться до него через толпу моряков, пока наконец мы не увидели его, белого как полотно и бормочущего бог весть что.

– В чем дело, парень? – спросил Страйкер.

Но Сант все еще пребывал в истерике и не мог отвечать толком.

– Неужели боги не могут простить меня, – рыдал он. – Я был страшным негодяем всю свою жизнь, но даже самые последние мерзавцы не заслуживают такой смерти.

Страйкер схватил его за грудки и грубо встряхнул.

– Заткнись, придурок! – рявкнул он. – Ты все еще жив. И, если я сам тебя не прибью, у тебя нет других причин бояться смерти в данный момент.

Сант до некоторой степени пришел в себя. Он ткнул трясущимся пальцем вправо.

– Смотри, капитан, – заорал он. – Смотри!

Мы повернулись, чтобы посмотреть в указанном им направлении. Я увидела нечто серовато-белого цвета, проглядывающее сквозь сплетения водорослей. Я была потрясена – таким частым вдруг стало дыхание Страйкера.

– Милостью Тедейта, мы прибыли сюда за этим, – почти взвизгнул он.

Мы не отрываясь смотрели на человеческий скелет, в пустой глазнице которого копошился маленький краб. Я присмотрелась и увидела гниющие остатки человеческой одежды. На одной тряпке даже можно было разглядеть приколотую булавку.

– Бедный сукин сын, – пробормотал Страйкер, сожалея об участии этого человека. Он крикнул Сайту и остальным: – Поворачивайте-ка зады и выполняйте свои обязанности, ребята, – прохрипел он. – Тут не на что смотреть, все и так ясно, – он указал на скелет, – это пример того, что бывает с моряками, если они не слушают своего капитана. Поэтому его кораблю пришлось оставить его здесь, на съедение крабам.

Он угрожающе замахнулся, и все вернулись к работе, беспокойно оглядываясь по сторонам.

– Хорошо вы с ними справляетесь, – похвалила я.

Страйкер тряхнул головой.

– Я – лживое дерьмо, и они это знают, – сказал он. – Если бы вы не стали колдовать на том чертовом острове, не о чем было бы говорить, – пожимая плечами, сказал он. – Мы знаем, что боги с нами. Мы это видели. Но эти моряки не так-то просты, капитан Антеро. Черт возьми, они не просты.

Он отправился следить за работой своих людей, оставив меня переживать по поводу своей вины в том, что мое видение было просто фикцией. Наше будущее, по-видимому, действительно было на западе, но только богам было известно, чем все закончится. В тот момент наше будущее могло вполне оказаться похожим на только что увиденную картину. Наши обглоданные кости, в которых кишмя кишат крабы. Я стала искать Гэмелена, чтобы спросить совета, но не успела я его найти, как с таким трудом установленный мир был снова разрушен. С дозорного поста раздался крик. Я не успела даже вслушаться в слова

впередсмотрящего, как сама все увидела.

Оба берега превратились в огромный выставочный зал костей. Бесчисленные скелеты людей и животных валялись тут и там. Некоторые из них были совсем целыми и даже имели на себе остатки одежды, кости других были разбросаны повсюду, при этом некоторые черепа были вскрыты, как будто кто-то добывал оттуда мозг. Многие члены команды плакали, других выворачивало наизнанку, в то время как третьи стояли совершенно белые и бормотали молитвы, обращаясь к каким только можно богам, чтобы те избавили их от такой участи. Пока мы переживали этот ужас, канал повернул, выводя нас в маленькую лагуну, где нас встретило еще более страшное зрелище.

Перед нами предстало кладбище гниющих кораблей всех времен и стран. Некоторые были опутаны водорослями и застряли уже у самого входа в лагуну. Другие смогли выпутаться из страшных зарослей, но тем не менее остались на этой медленно колышущейся равнине. Некоторые из кораблей имели совершенно современный вид, другие же, даже для моего неопытного глаза, были очень древними, имея за плечами столетия. Это место было западней для мореплавателей с древних времен.

Что-то заставило меня нагнуться, и, сделав это, я заметила пронесшуюся надо мной тень. Я услышала душераздирающий крик боли. Позади меня был сражен насмерть моряк. Я упала на палубу и покатилась назад, схватив меч, прежде чем снова встать на ноги. Пронзительный хор боевых криков наполнил воздух. Отовсюду в нас летели тучи тяжелых предметов. Я увидела костлявые обнаженные фигуры дикарей, раскачивавшихся на водорослях вдоль берегов. В руках у них можно было разглядеть самые разнообразные виды оружия. Я еле успела отразить щитом удар ржавого копья, швырнув его хозяина навзничь, и приказала своим женщинам встать к бортам для их защиты.

Палуба вскоре буквально кишела маленькими коричневыми фигурками с такими тонкими конечностями, что казалось, их было можно скрутить двумя пальцами. Но безобидный вид противников совершенно не соответствовал их силе. Тем более на их стороне был эффект неожиданности нападения. Многие из моряков были повержены уже с первых ударов, но как только мои женщины включились в борьбу, команда воспрянула духом и в ход пошло все, что могло подвернуться под руку. Я увидела, как Корайс и Дика, прикрываемые размахивающей топором Полилло, посылали стрелы в атакующих. Трое набросились на меня. Левой рукой я нащупала нож и, встав спиной к мачте, приготовилась к встрече с ними. Стоявший слева от меня поднял трезубец. Быстрым взмахом меча я отвела его удар в сторону, сделала выпад и всадила свой кинжал между его ребер. Он начал падать, я оставила его, быстро развернулась и дважды ударила мечом воина с топором. Мой клинок разрубил его надвое. Кровь фонтаном хлестнула из раны, попав мне в глаза. Пока я отчаянно старалась вытянуть из него свой меч, напал третий. Я кинулась на колени, и он перелетел через меня. Прежде чем он пришел в себя, я успела высвободить свое оружие и поразить его. Мой меч вошел в его живот. Он издал пронзительный вопль и захрипел в предсмертной агонии.

Откуда-то раздался звук горна, и в момент, когда я уже стояла на ногах, наши враги с бешеной скоростью ударили прочь. Многие из них уносили на себе ужасную добычу: руки, ноги и целые тела наших павших товарищей.

Я собрала своих девушек, и мы стали справляться с врагами, которые были не в состоянии покинуть поле боя. Мы успели убить только нескольких из них, как со всех сторон посыпались насмешки от раскачивающихся на толстых пучках водорослей их собратьев. С других кораблей тоже раздавались звуки затухающей битвы, но они были слишком слабы, чтобы заглушить леденящий душу хохот этих мерзких существ. Были хорошо видны целые цепи из их обнаженных тел, двигавшиеся вдоль берега, как муравьиные стаи. Вдруг они образовали одну большую колонну и двинулись прочь. Я вложила свой меч в ножны и влезла на мачту, чтобы посмотреть, куда они отправились.

Я увидела, как высокий костлявый приятель Сайта, съездившись, прячется на самой верхушке мачты. Он бормотал что-то невнятное, но я не обратила на него внимания и

продолжала смотреть на отход этого странного отряда. Вдалеке я увидела огромных размеров странное сооружение. Присмотревшись, я поняла, что это корабль, просто он не был похож ни на один из тех, что я когда-либо видела. Он был таким огромным, что мог бы вместить весь наш флот. Его надстройка чудовищной величины имела три похожие на башни части. Одна из них, занимавшая центральное положение, была в два раза выше остальных. Ее конусообразная крыша была окутана дымом. Колонна странных карликов стала подниматься на этот корабль, и через несколько минут я увидела, как они исчезли в проеме отверстия в его борту.

Я спустилась вниз и приказала своим легатам выставить дозор. Я сделала быстрый смотр войска и послала за Холлой Ий. Пока я ждала его, выяснила, что пострадали всего несколько моих маранонков, и те отделались небольшими ранениями. Бедный Страйкер потерял десятерых человек, их трупы были унесены этими дикарями.

– Но мы им задали круче, чем они нам, – сказал он мрачно, но с удовлетворением.

Наш противник оставил на поле боя тридцать шесть погибших, но тем не менее причин для радости не было. Они вряд ли сильно переживали, имея столь желанную для них добычу – мясо наших товарищей. Не было сомнений, что мы имели дело с каннибалами. Что действительно удивляло, это их изможденный от голода вид, их похожие на тростинки руки и ноги и вздутые животы. Вода, видимо, была главной проблемой в этих заросших морях, но не пища. Многие из этих толстых мясистых водорослей были съедобны, рыбы же было немерено. Но все трупы карликов имели какой-то желтоватый оттенок кожи и вздутые от голода животы. Раны, которые покрывали их тела, вряд ли имели шанс на излечение, даже если бы они остались живы.

Адмирал Холла Ий прибыл совершенно потрясенный от пережитого столкновения.

– Они просто мешки, набитые костями, – пытался шутить он. – Их преимущество была только неожиданность появления. Кто бы мог себе представить, что в этом проклятом месте может кто-либо жить? Или просто это те, кто смог выжить, попав сюда на этих кораблях. К тому же они совершенно не обучены военному искусству. Многие из этих кораблей похожи на торговые. Я согласилась.

– Да, не похоже, что они когда-либо прежде встречались с военным флотом. Если мы попытаемся отступить, они смогут расправиться с нами поодиночке. Но если мы им покажем почем фунт лиха прямо сейчас, они запрячутся в свои грязные дыры, пока мы благополучно не уйдем отсюда.

– Я должен отметить одну вещь, – вмешался Гэмелен, – такое впечатление, что они действовали довольно согласованно и с определенной целью. Это говорит о том, что у них есть лидеры, возможно – даже один хозяин.

Я утвердительно кивнула.

– Вероятно, их начальники располагаются в этом огромном корабле, на который они все отправились. По нему-то, пожалуй, и стоит ударить.

– Похоже на то, – сказал Гэмелен. – Но я не это имел в виду. Мне кажется, что это тот самый шанс, на который мы так надеялись. У меня нет ни капли сомнений, что здесь всем управляет какая-то магическая сила – постоянное отсутствие ветра, эти заросли. Это кем-то создано, а не просто фантазия природы.

– Колдуном? – спросила я.

– Возможно, – ответил Гэмелен. – Может быть и другая причина, но я очень надеюсь, что существует некто, с кем можно было бы поторговаться и выяснить у него путь, ведущий из этого могильника.

– Насколько я в этом разбираюсь, – сказал Страйкер, – у нас нет ничего, что мы могли бы им предложить, за исключением, конечно, наших собственных шкур. Так что торговаться особенно не из-за чего. Я согласен с адмиралом. Нужно давать им сражение.

Но я уже думала только о словах Гэмелена. У меня в голове появился план.

– Я полностью согласна, господа, – сказала я. – Но, возможно, есть хорошие перспективы и у предложения Гэмелена. Я предлагаю постараться попробовать сразу два

варианта. Запугать наших врагов и найти выход отсюда в одно и то же время.

Я изложила свой план. Было высказано несколько ворчливых замечаний, но согласие было достигнуто – мы решили атаковать той же ночью.

Я взяла с собой восьмерых своих лучших воинов, включая Полилло, Исет и Ясену, очень быстрого бегуна, а оставила Корайс для командования остальными. Они должны были ждать нашего возвращения.

Мы оделись, только слегка прикрыв наши тела, которые мы покрасили темной краской, за исключением Исет, которой это не требовалось. Гэмелен помог мне заговорить специальное вещество, которым мы покрыли свои босые пятки, и, когда мы вступили на скользкие ветви водорослей, мы чувствовали себя так же уверенно, как будто двигались по просмоленной палубе. Стояла полная луна, и это было бы очень неприятным обстоятельством, если бы не поднимавшийся с влажных растений туман, который делал нас практически невидимыми. Ясена шла впереди, я – за ней, Исет держалась рядом. Позади всех с огромным топором шла Полилло, прикрывавшая нас с тыла.

Я знала, что если мы выполним задуманное, то наш путь назад будет все равно смертельно опасен. К счастью, Гэмелен дал мне специальную смесь масел, которую Полилло несла в кожаной фляге. Она брызгала ею позади нас. Капельки этого вещества были почти невидимыми, и Полилло ворчала, что ей приходится выполнять совершенно бесполезную работу, но я убедила ее, что в нужный момент это может оказаться решающей мерой предосторожности. Я приказала также вывесить маленькие фонарики на мачте нашего корабля, чтобы было легче найти дорогу назад. Что же касается нашей цели – этого гигантского корабля, – то добраться до него не составляло труда. На самой высокой из его башен горел огромный сигнальный огонь. С корабля доносились звуки дикарской музыки, сопровождаемые холодящим кровь воем. Было похоже, что они празднуют победу. Или, возможно, наши костлявые друзья подбадривали себя, готовясь к новой атаке. В любом случае я была настроена испортить их вечеринку.

Прошло некоторое время, пока мы привыкли пробираться по этой странной местности. Масса под нашими ногами находилась в постоянном движении, вспучивалась и проседала. В местах, где слой растительности был не очень плотным, вода иногда начинала бить гейзером безо всякого предупреждения, и приходилось очень потрудиться, чтобы сохранить равновесие. Еще больше осложняло наш поход то, что ноги можно было ставить только на стволы растений, которые цеплялись и прилипали к ним. В некоторых местах слой водорослей был настолько толстым, что угроза уйти в глубину моря была очень серьезной. Со мной это произошло однажды, а Полилло со своим большим весом испытала прелесть этого путешествия в воду целых три раза. Удовольствие ниже среднего, надо сказать. Вода была теплой и вязкой и кишела мерзкими существами, которые вцеплялись в кожу своими острыми коготками и зубами. Когда я провалилась и ушла под воду с головой, меня обуял ужас – я чувствовала, как кто-то за мной наблюдает. Когда я вынырнула на поверхность, мне показалось, что наблюдатель приближается ко мне. Из всех сил я пыталась не паниковать, чтобы дать моим товарищам возможность спокойно вытащить меня. Когда я уже была в безопасности и лежала на относительно твердой поверхности, из пучины поднялось несколько пузырьков. Лопнув, они наполнили воздух запахом гниения. Я вздрогнула, представив себе, кто мог выпустить эти вонючие пузырьки. В этих глубинах могли скрываться ужасные и отвратительные существа. Мне постоянно казалось, что я не только могу стать чьим-то обедом, но и подвергнусь неслыханным унижениям перед смертью. Каждый раз, когда проваливалась Полилло, она очень переживала, что служит другим обузой – нам приходилось вытаскивать ее объединенными усилиями.

Вскоре мы обнаружили, что лучше всего – довериться инстинкту в выборе направления и передвигаться как можно быстрее. Впереди бежала быстроногая Ясена, мы следовали за ней, прыгая с кочки на кочку, почти не раздумывая, куда поставить ногу. Таким способом за пятнадцать минут мы покрыли куда большее расстояние, чем за час осторожной ходьбы.

Вскоре мы достигли корабля дикарей. Дальше передвигаться можно было только

ползком. Ясена махнула нам рукой – путь был свободен. У меня в голове, не давая покоя, постоянно вертелось напоминание Гэмелена о том, что человеческое коварство может принимать самые различные формы. Я прошептала, чтобы остальные оставались на месте, а сама поползла к Ясене. Ей я жестом приказала остановиться тоже, а сама медленно двинулась вперед, постоянно замирая и прислушиваясь.

Во время одной из таких остановок я почувствовала мягкое прикосновение к щеке, и к коже прилипло что-то, напоминающее паутину. Я отпрянула назад, потом осторожно пошарила впереди рукой, закрыв предварительно глаза и сосредоточившись. Это было нелегко, потому что музыка дикарей звучала все громче, от нее мороз бежал по коже. Наконец я наткнулась рукой на заколдованную паутину. Я замерла, пальцы стали дрожать. Очень медленно я отвела нити рукой, они тихо зазвенели, но подались.

Я вспомнила, как Гэмелен наставлял меня перед вылазкой:

– Я потерял свою силу и не могу сказать, с какой магией ты можешь столкнуться. Но ты должна быть готовой ко всему. Чтобы не попасть в лапы врагов, ты должна мыслить так, как они.

Я махнула остальным, чтобы шли ко мне, предупредив о ловушке. Наконец все собрались вокруг меня. Я вытащила небольшой пузырек с порошком из своей поясной сумки, высыпала его на ладонь и помешала рукояткой ножа. Порошок был приготовлен из рыбьих костей и толченых жуков. Гэмелен мне потом сказал, что туда были также добавлены толченые клювы каракатиц, смешанные с их сушеными чернилами. И еще в порошок подмешали сушеные пчелиные жала того вида пчел, что живут на цветах и умеют принимать их окраску. Я вытянула ладонь и дунула, стараясь попасть в лица подруг. Потом я высыпала остаток из пузырька на себя и прошептала:

Форма и тень,
Тень и форма —
Два крыла, что несут ночную птицу.

Мне показалось, что я стала слабой и униженной. Голод жег мои кишки. Откуда-то изнутри раздался голос: «Я умираю! О, сжался надо мной, повелитель. О если бы хоть немного еды!»

Я слышала, как стонут остальные, подавленные заклинанием. Инстинктивно я боролась со слабостью, но знала, что в нужный момент следует сдаться. И я расслабилась, стараясь только не забыть цели нашей вылазки. И я снова почувствовала слабость и голод, страшный голод. Я просила своего повелителя, своего великодушного, доброго повелителя накормить меня. Что-то темное и отвратительное шевельнулось и сказало, что я должна подчиняться ему во всем. Я мысленно вскрикнула: «Да!» – и темная масса осталась довольна. Мне стало легче – голод отступил, и меня наполнила ненависть. Она дала мне силу, я ненавидела... своих товарищей, оставшихся на кораблях! Они должны умереть! Все до одного! Тогда и только тогда я утолю голод. Я чуть не потеряла сознание от ненависти.

Надо было действовать, но я не владела собой. В отчаянии я попыталась вспомнить, кто такая я на самом деле. Когда надежда уже пропала и я хотела отдаться на волю повелителя, я вспомнила, что мне надо делать. Я схватилась за эту мысль, крепко сжимая кулаки, так что ногти впились в ладонь. Меня бросило в пот, и я почувствовала холод. Сила вернулась, и я встала, взяла за руки своих плачущих подруг и провела их сквозь волшебную паутину. Она отодвинулась, пропуская нас, – почуяла опасность. Мы остановились на другой стороне от нее, чтобы прийти в себя. Я не возражала, когда мои подчиненные выпили по глотку вина из фляжек. Вполне могло случиться так, что нам больше никогда не придется пить.

Через огромное отверстие мы вошли в трюм корабля. Никто не охранял вход. Но очень скоро мы натолкнулись на людей. Они лежали на полу и спали или были заколдованы –

скорее второе. Они стонали и ворочались. Громкие звуки музыки их, казалось, не беспокоили так, как их сновидения. Мы осторожно прокрались между ними, изредка приходилось уворачиваться, когда они размахивали руками в заколдованном сне. Я остановилась у большого деревянного столба, вытянула заговоренную нить и обвязала его. Мы пошли дальше, а я изредка привязывала нить к столбам и выступам стен.

Потом мы отыскивали лестницу и поднялись на следующую палубу, побродили по ней немного и поднялись еще выше. То и дело мы натыкались на спящих, и почему-то одних мужчин. По дороге я не забывала привязывать нить. Наконец мы вышли на главную палубу, недалеко от нас возвышалась центральная башня. Ее обвивала винтовая лестница. На вершине башни светились круглые окна, оттуда и доносилась музыка. Свет из окон был так ярок, что на палубу ложились наши тени. Я оставила Иismet с пятью стражниками охранять тыл и побежала вместе с Ясеной и Полилло к башне. Они обежали ее в противоположных направлениях, чтобы удостовериться, что за ней никого нет, а я вытащила последний моток нити. Ее длина была более чем достаточна для моей цели. Мы обвязали ее вокруг башни – сделали два витка. Я завязала последний узел. Настало время захлопнуть ловушку. Но мне захотелось сначала посмотреть, кто в нее попадется.

Я махнула рукой Полилло, и мы с ней – Ясена осталась внизу – пошли вверх по лестнице. Лестница вывела нас на круглую площадку. Обойдя ее, мы нашли приоткрытую дверь. Через щель я видела неясные танцующие фигуры. С другой стороны были те самые круглые окна. Пригнувшись, мы с Полилло заглянули внутрь. Вдруг Полилло выругалась вполголоса, потрясенная. Не знаю, что мы собирались там увидеть, но то, что там на самом деле было, не стоит рассказывать на ночь.

Перед нами была огромная комната, набитая вещами, награбленными с пойманных саргассами кораблей. Там были кучи драгоценных камней, стопки золотой посуды.

Там и сям лежали кучи дорогих пряностей. На стенах в беспорядке висели картины, гобелены, старое оружие – некоторое такого странного вида, что я с трудом догадывалась о его назначении. В центре комнаты на огне стоял котел, такой огромный, что его содержимым можно было бы накормить целую армию. В котле что-то кипело, вырывались разноцветные языки пламени. Я подумала, что пламя волшебное. Внутри котла в бурлящей воде плавали вареные куски мяса. Вонь стояла такая, что и вспоминать не хочется. Громкая музыка раздавалась непонятно откуда. Время от времени от танцующих отделялся человек, подбегал к котлу, голой рукой, взвизгивая от боли, вылавливал мясо. Потом мясо с жадностью пожиралось, причем, как правило, из-за него возникала свалка.

Я была так потрясена, что сначала не заметила, кто был главный в этом сумасшедшем доме. Хотя его трудно было не заметить сразу. На возвышении, покрытом коврами, возлежал демон. Длиной он был от когтистых ног до рога во лбу, по-моему, не меньше двух копий. Его рог был окрашен красными и белыми разводами. Его руки, длинные как у обезьяны, были вооружены когтями, впрочем как и ноги. Вместо кожи он был покрыт мертвенно-белой чешуей. Его хвост с колючками подрагивал от удовольствия, когда кто-нибудь из людей с воплями вылавливал человечину из котла. В его теле не было ни капли жира – только тугие мускулы, большие узловатые суставы, выпирающие, как шпангоуты, ребра и крепкие кости. Его плоская рогатая голова напоминала штык лопаты, вместо носа – две обведенные красным дырочки, а рот – как щель в твердой кости. Пока я его разглядывала, началась новая драка. Один из варваров так увлекся, что отхватил зубами кусок мышцы своего соперника. Не колеблясь ни секунды, он сожрал кровавое мясо. Чудовище завывало от удовольствия. Именно этот отвратительный звук, заглушавший музыку, мы слышали в начале нашей вылазки. Когда он разинул пасть, я увидела его зубы – острые, длиной в палец, между ними трепетал серый язык.

Надеюсь, никто не в обиде на меня, что я называю демона «он», хотя и не совсем уверена в его половой принадлежности. Может, это была и самка. В жизни я встречала гораздо больше хороших мужчин, чем плохих, и от многих я видела только добро. Поэтому прошу прощения за свое описание, но я до сего дня представляю это чудовище именно так.

Он был обнажен, но я не смогла разобрать, что у него там было между ног. Что-то вроде белой опухоли с красной каймой.

Полилло коснулась меня локтем и показала пальцем. Под возвышением, на котором лежал демон, была ступенька. Именно оттуда звучала музыка. Там была женщина – единственная женщина, которую я видела среди рабов демона. И еще она была единственной жирной в этом царстве худых. Она была обнажена, как и остальные, ее огромные груди свисали на толстый живот, руки и ноги были так необъятны, что казались совершенно бесполезными. Она сидела на гигантских кусках мяса с жиром. А вот ростом она не вышла – по пояс нормальному человеку. С ее маленькой кукольной головки свисали жирные свалявшиеся волосы. Глаза совершенно заплыли жиром. Играя на своем лироподобном инструменте, она презрительно кривила губы. Кстати, струны на ее лире были какими-то странными – по ним стекала слизь, и они жирно блестели. Женщина плавно перебирала их, извлекая нестройные звуки. Рядом с ней стояла деревянная скамейка, на которую были навалены кучи самой разнообразной еды: каша, вареное мясо с жиром, крабы, моллюски.

Демон, видимо, устал от однообразных развлечений. Он ловко хлестнул хвостом женщину. Она повернулась к нему, и ее лицо исказилось в подобии улыбки. Она кивнула ему, словно получила какой-то приказ, и прекратила играть. В наступившей тишине все мужчины немедленно пали перед демоном ниц.

– Мы любим тебя, повелитель, – хором прокричали они. – Ты – все, что у нас есть, ты – воплощение добра.

Демон заговорил:

– Я даю вам еду. – Его голос был сух, как гремучка змеи.

– Да, повелитель, – закричали они. – Ты даешь нам еду.

– Другие не едят, – заявил демон.

– Они недостойны, повелитель, – ответили они хором.

– Я их усыплю, – сказал демон.

– Да, да, подари им сон.

Пока он говорил, женщина набивала свою утробу едой. Она хватала пищу обеими руками, сок стекал по ее лицу на груди.

– Завтра – еще еда, – сказал демон. – Завтра – все едят!

Дикари дико завывали от восторга.

– Завтра, – продолжал демон, – идете к кораблям. Принесете еду для всех.

Я почувствовала, как вздрогнула Полилло. Он говорил о нас. Варвары орали, что перебьют нас всех. Демон выпрямился во весь свой гигантский рост, и они мгновенно замолчали.

– Не убивать всех, – проревел он. – Часть убить. Часть – оставить. Рабы для повелителя.

Варвары немедленно выразили согласие.

Демон повернулся к женщине. Ее рот был набит; почувствовав, что на нее смотрят, она прекратила жевать и сказала голосом маленькой девочки:

– Повелитель есть, да?

– Да. Есть. Хорошая еда.

Женщина стряхнула остатки пищи с рук и поднялась. Она засеменила между коленопреклоненных мужчин, то и дело наклоняясь, чтобы ущипнуть их за ягодицу или плечо. Она обошла всех два раза, чтобы никого не пропустить. Четверых она ударила по плечу.

Они завопили, изображая радость:

– Спасибо, повелитель. Спасибо, что выбрал нас.

Демон махнул им лапой, и они поползли к нему на коленях.

Удар его хвоста бросил одного из них на пол. Потом заостренный хвост погрузился человеку в живот, поднял его, истошно вопящего, и бросил в котел. Демон выл от восторга. Потом он хвостом вытащил еще живого, извивающегося человека, поднес его ко рту и

принялся есть. Он начал с ног, чтобы насладиться агонией умирающего.

Я отвернулась от двери, сдерживая приступы рвоты. Такого я не могла вынести. Полилло побледнела как смерть. Мы не могли произнести ни слова – просто обнялись, чувствуя тепло и безопасность рук подруги. Полилло вытерла слезы и высвободилась.

– Как бы я хотела убить это... существо.

– Обещаю отдать его тебе, – сказала я. – Если только выпадет возможность.

Мы спустились вниз, присоединились к Ясене и остальным и пошли назад. Через несколько минут мы уже пробирались между спящими мужчинами, потом выбрались наружу, с наслаждением вдыхая ночной воздух. Я приказала всем занять места возле входа на корабль. Полилло зловеще улыбнулась, вытащила свой топор и принялась для разминки размахивать им в воздухе. Остальные тоже достали оружие, а я опустилась на колени и начала приготовления. Я раскрутила тонкий лист пергамента, на который по указаниям Гэмелена скопировала символы с его книги. Вместо трута я использовала палочки волшебного ладана, посыпанные порошком угля священного – по словам Гэмелена – дерева.

Я высекла искру кремнем и кресалом. Трут занялся, я осторожно раздула огонь и подожгла верхний слой пергамента. Небольшой кусок красной нити я опустила во флакон с маслом и держала нить над огнем, читая заклинание:

Тот, кто обитает
В огне...
Та, кто спит
В пламени...
Я открываю вам путь!

Я уронила нить в огонь, на лист. Последовала яркая, жаркая вспышка. Я быстро свернула лист в трубку, потом вскочила на ноги и принялась размахивать им над головой, пока он не вспыхнул. Моя рука была в огне, но я не чувствовала ни жара, ни боли. И тогда я бросила горящую трубку в черное отверстие входа на корабль. Она упала возле нескольких спящих дикарей. Ни один из них не пошевелился, когда из свернутого пергамента раздалось шипение. Пламя стало искрить. Я стояла и смотрела без жалости в сердце, как разгорался огонь. Оттуда я видела, как нить, которой я еще раньше обвязала все столбы, начала светиться. Через мгновение деревянный столб вспыхнул. Спящие не проснулись. Я отскочила назад, наблюдая, как моя нить раскаляется, рождая голодное, яростное пламя.

Мы услышали первые крики ужаса, когда центральная башня была уже полностью объята огнем. Я видела, как обнаженные люди выбегают на палубу, но и там уже был огонь. Голые фигурки пылали, корчились, падали обугленные.

Раздался вой боли и ярости, я посмотрела вверх и увидела, как демон выскочил через одно из окон. Потом он наклонился внутрь башни и вытащил оттуда женщину. Он посадил ее себе на плечи и вскарабкался вместе с ней на крышу. Со всех сторон его окружало пламя, он поворачивал голову из стороны в сторону, потом демон посмотрел в нашу сторону. Ой выбросил вперед когтистую лапу и яростно заревел:

– Проснитесь!

Из трюма донеслись вопли – это люди, спящие очарованным сном, проснулись и обнаружили, что окружены со всех сторон пламенем.

– Убивайте их! – выл демон. – Убивайте!

Люди; спотыкаясь и кашляя, выбегали из заполненного дымом трюма, некоторые были объаты огнем, но они не спасали свои жизни, они нападали на нас. Кое-кто из них успел схватить меч, однако они были беспомощны против моих стражниц. Полилло, издав боевой клич, бросилась вперед, размахивая топором. Исмет и остальные, взывая к Маранонии, убивали всех, до кого могли дотянуться мечом. Скоро вся палуба вокруг них была завалена

трупам и стала скользкой от крови. Стражницы отбросили нападавших в огонь. Некоторые пытались спастись, но это никому не удалось.

Я отошла назад, чтобы посмотреть, что делает демон. Он выл в бессильной ярости, призывая своих рабов атаковать. Через крышу прорвался язык пламени, и демон отпрыгнул назад. Женщина свалилась с его плеч и с визгом полетела вниз. Она упала на водоросли, которые смягчили удар, и поднялась на ноги.

– Полилло! – закричала я. Она повернула ко мне забрызганное кровью лицо, я показала на женщину, которая была от нее в нескольких футах. – Поймай ее! – Женщина пыталась убежать, но Полилло бросила ее на землю ударом топора плашмя и взвалила на плечи.

Демон злобно выл. Крыша башни уже почти вся пылала. Но огонь не причинял демону вреда, наоборот, казалось, он становится сильнее от укусов пламени. Его тело светилось от избытка энергии, и он вроде бы стал выше ростом. Свечение превратилось в бронированный панцирь, по бокам которого появились шесть членистых лап. Он принялся стремительно спускаться по стене башни, не обращая внимания на огонь. Его челюсти выросли, приобретая форму мандибул насекомого, с зазубренного хвоста капал яд.

Я приказала отступать, мы все побежали. Я послала Ясену вперед, чтобы предупредить остальных на кораблях. Дорогу находить было легко. Пролитое Полилло масло люминесцировало, тонкая полоска вела нас к кораблям и безопасности.

Я обернулась на бегу. Демон спустился на палубу, призывая своих рабов. Уцелевшие сбегались к нему, выкрикивая угрозы в наш адрес.

А потом демон крикнул:

– Антеро! Я убью тебя, Антеро!

Я в ответ побежала быстрее, перепрыгивая через провалы в водорослях, где чуть не утонули мы с Полилло. Когда я пробежала мимо последнего из них, оттуда высунулось огромное щупальце с присосками. Оно обвилось вокруг Исмет, и та закричала от боли. Я подскочила к Исмет и ударила щупальце мечом. Саргассы под нами заколыхались от движений чудовища. Исмет высвободилась, на ее коже остались кровавые отпечатки от присосок. Мы снова побежали, но время было потеряно, враги настигали. Сзади раздавалось дьявольское шипение и крики демона.

Я увидела наш корабль, и в ту же секунду наши лучницы дали залп. Я слышала, как вопят от боли наши преследователи, пораженные стрелами. Полилло добежала до корабля, перекинула через борт свою пленницу и повернулась лицом к погоне, размахивая топором.

– Давайте подходите, свиное отродье! – крикнула она.

Часть из них попыталась окружить нас, но Полилло легко расправилась с ними, пока Исмет и остальные поднимались на борт. Лучницы выстрелили еще раз. Наконец и я добралась до корабля. Я встала рядом с Полилло, но сражаться было не с кем – демон с шипением приказал своим слугам отступить. Все пространство перед кораблем было усеяно телами, картина мрачно освещалась заревом догорающего логова чудовища. Сам демон принял первоначальную форму и, шипя, уполз вслед за своими рабами в темноту.

– Они сдались слишком легко, – пожаловалась Полилло. – Я только согрелась.

– Не волнуйся, – с трудом переводя дыхание, ответила я. – Они еще вернутся.

Совершенно вымотанная, я влезла на борт, где меня приветствовали мои боевые подруги. Они кричали что-то радостное, похлопывали нас по спинам, предлагали фляги с вином.

Я отпила большой глоток. Холодное вино согрело желудок. Несмотря на усталость, я чувствовала себя хорошо. Сегодня мы не одержали окончательной победы, но для начала действовали неплохо.

Я проспала несколько часов и проснулась освеженная, готовая к новой встрече с демоном. Я не сомневалась, что он появится снова, – ведь у нас была его любимая рабыня в качестве приманки. Ее звали Шахар, и она была не очень рада оказаться в плену. Мне поставили палатку на палубе и привели ее туда для допроса.

– Вы об этом пожалеете, – заявила она, не успев войти. – Мой хозяин Элам любит меня.

Он еще вернется.

Я не сказала ей, что как раз на это и рассчитываю. Я показала ей на подушки, которые специально положили, чтобы она могла на них усесться своей голой жирной задницей. Полилло встала за ее спиной, готовая в случае чего применить пытку. Пиршество демона потрясло ее – да и меня тоже, – поэтому неудивительно, что она пылала ненавистью.

– Отдай мне эту толстуху на полчаса, – прошипела Полилло. – Если она будет молчать, я сделаю из ее кишок сосиски.

Шахар съежилась от страха. Я подмигнула Полилло и сказала:

– Не будем пока торопиться. Может быть, мы действительно неправильно поступили по отношению к повелителю Эламу.

Гэмелен, который тоже присутствовал на допросе, подыграл мне.

– Вы совершенно правы, капитан Антеро. Вы оскорбили несравненного Элама. Мне кажется, он очень добр и простит нас, если мы будем хорошо служить ему.

– Правильно, – сказала Шахар. – Он бывает очень добр. Иногда он сердится, но только оттого, что ему бывает грустно.

– Грустно? – переспросил Гэмелен. – Почему же столь могучий повелитель грустит?

– Он одинок и не может попасть домой, – ответила она.

– О расскажи нам подробнее, дорогая, – подхватила я. – А пока легат Полилло принесет тебе поесть. Ты выглядишь усталой и, должно быть, проголодалась.

– Да, я бы съела чего-нибудь, – обрадовалась она, всплескивая руками. – Было бы невежливо отказаться.

Полилло пробурчала что-то, и мне пришлось подмигнуть ей еще раз. Она молча вышла из палатки. Пока Полилло не вернулась с едой, мы с Шахар болтали о том о сем. Еды было много, и самой разнообразной. Шахар ела обеими руками и громко чавкала.

Когда мне показалось, что она немного насытилась, я возобновила допрос.

– Ты говоришь, твой хозяин не может вернуться домой. А почему?

Шахар вытерла рот.

– Он заблудился, – сказала она. – Понимаешь, он не отсюда родом. Он из... – Она шевелила губами, подыскивая слова. Видимо, ничего на ум ей не пришло. – Он из другого места. Ну, вроде того.

– Ты хочешь сказать – из другого мира? – встрепнулся Гэмелен.

– Да. Не из нашего мира. Из другого. Там его дом.

– Как он попал сюда? – спросила я.

– Э-э... Ну, он объяснял мне, но это трудно понять. И я плохо разбираюсь в таких вещах. Зато я очень хорошо умею угождать повелителю, знаю, чего он хочет, даже если он не говорит вслух.

Гэмелен посмотрел в ее сторону незрячими глазами.

– Так она его фаворитка! – сказал он мне.

– Да, это так! – гордо заявила Шахар. – Он любит меня больше всех остальных.

Гэмелен не это имел в виду. Он хотел сказать, что она служила демону, как магам в нашем мире служат мелкие демоны, например, малыш, который помогает Гэмелену готовить еду и выполняет разные поручения, когда воскреситель ему велит. Я коснулась ее руки.

– Я уверена, что это так и есть, дорогая, – сказала я. – А теперь скажи мне, как повелитель Элам оказался в таком ужасном положении?

– Насколько я помню, он говорил, что его перенес сюда злой волшебник. И этот волшебник был так могуч, что мой повелитель не мог ему сопротивляться. И он попал сюда. И волшебник заставлял его делать разные вещи. А потом волшебник был убит в каком-то сражении, и мой повелитель не знает, как попасть домой. Он здесь уже две сотни лет.

Она сделала широкий жест рукой, имея в виду заросли саргассов.

– Все время он живет тут и заботится, чтобы у него было, что есть, чтобы были рабы. Он говорит, что сам вырастил саргассы. И он постоянно увеличивает их площадь.

Я осмелилась выразить сомнение.

– Не может быть! Никто не может сделать такое. Даже твой повелитель.

Шахар вознегодовала.

– А вот и может! И сейчас он этим занимается. Водоросли растут по его воле и сплетаются между собой. И он делает других счастливыми, даже если причиняет им боль. Он причиняет боль не потому, что он злой. Просто от этого пища становится вкуснее. И он никогда не делает больно мне. Иногда, правда, ему требуется моя кровь для колдовства. Но это не больно. Я делаю небольшой порез и напускаю крови в его чашу, а он потом ее с чем-то смешивает. Смесь воняет, но он позволяет мне тогда есть больше, чем обычно, поэтому я не возражаю.

– А почему он выбрал именно тебя для этого, дорогая? – спросил Гэмелен. – Твоя кровь какая-то особенная?

Шахар потянулась за новой порцией еды.

– Мой отец был колдун, – равнодушно бросила она. Нам пришлось ждать, пока она прожует. – Я не умею колдовать. Но мой отец умел. Потом он умер. Когда он умер, новый колдун устроил из его похорон пышную церемонию. Они построили большую лодку и положили туда его тело и посадили туда меня, мою мать и всех моих братьев и сестер. Нас было десятеро, не считая матери. Лодку пустили по течению, и оно унесло нас очень далеко. В конце концов я попала сюда. И мой повелитель нашел меня.

– Только тебя? – спросила я. – А что случилось с остальными?

Шахар пожала плечами.

– Они умерли, у нас не было еды, поэтому мы ели сначала тех, кто умирал от голода. Потом оставшиеся в живых стали посматривать на меня, потому что я такая пухленькая. И ночью я убила их всех. Ножом. Пока они спали. Потом у меня было много еды. – Она принялась поедать птичью гузку. Потом сказала: – Мать я съела последней. Она была жесткой и невкусной. В общем, так я попала сюда. И, хоть я и не умею колдовать, моя кровь нужна моему повелителю.

Мы слегка опешили после ее рассказа. Гэмелен первым пришел в себя.

– А ты на самом деле не похожа на остальных, дорогая. Скажи, пожалуйста, разве ты не скучаешь по дому?

Шахар гневно тряхнула головой. При этом жир ее тела заколыхался.

– Никогда, – сказала она. – Они плохо относились ко мне. Даже когда я делала им путеводные карты. Охотники просто выхватывали их у меня из рук и обзывали меня плохими словами.

– Путеводные карты? – переспросила я, пытаюсь скрыть волнение. – Какие карты?

– Те, которые отец заставлял меня делать, глупая, – фыркнула она. – Иногда охотникам приходилось далеко плавать в своих лодках, и мой отец давал им карты, чтобы они могли находить места, богатые дичью, а потом возвращаться обратно.

– А почему он тебя заставлял это делать?

Шахар с презрением посмотрела на меня.

– Потому что нужно было их много, они часто терялись и портились. Приходилось делать новые. Отец не успевал, братья и сестры всегда работали, а я часто болела. Поэтому он заставлял меня делать карты. Потом он только заколдовывал их.

– А ты можешь сделать карту сейчас?

Шахар фыркнула.

– Конечно, могу. Может, я не очень умна, но в этом я так поднаторела, что никогда не смогу забыть. Иногда карты снятся мне во сне. – Тут она вздрогнула. – Это плохие сны. О доме.

– Так ты можешь сделать карту сейчас? – настаивала я.

Шахар покачала головой.

– Мне кажется, повелителю Эламу это бы не понравилось.

– Вряд ли он стал бы возражать, – небрежно сказала я. – Ведь после этого мы тебя отпустим.

Шахар с удивлением уставилась на меня.

– Зачем вам нужна карта? Вы все равно никогда не выберетесь отсюда.

– Как бы там ни было, если ты сделаешь нам карту, я тебя отпущу.

Она снова пристально посмотрела на меня, не переставая при этом жевать. Наконец спросила:

– Обещаешь?

– Обещаю, – солгала я.

Она велела принести ракушки, маленькие палочки и нитки. Вся работа заняла у нее около часа. Для такого толстого, ленивого создания, пальцы ее двигались удивительно быстро. Я никогда раньше не видела таких карт, только слышала от путешественников, что примитивные карты дикарей очень точны.

Когда все было готово, она вручила карту мне.

– Мы примерно здесь, – объяснила она, показывая на ракушку вверху карты. – Я не очень уверена, кажется, в эту сторону мою лодку несло течение. – Она ткнула пальцем в дорожку из голубых ниток, натянутую на раму из палочек.

Она показала нам большие острова и сказала, что люди, обитающие там, плохо относятся к пришельцам. Потом она принялась описывать большую группу островов в самом низу карты.

– Это Кония. Там живет много народа. Это далеко, там из наших мало кто бывал, и это было давно. Наши говорили, что там сотни больших островов, населенные тысячами людей. И у них всякие чудесные вещи, и они никогда не голодают, потому что их маги – самые могущественные в мире. И у них есть король и большие дома с очагами, которые не дымят. А еще у них есть штуки, в которые они смотрят часами, они зовут их книгами, а корабли их ходят во все страны. – Она пожала плечами. – Думаю, к нам они не плавают, потому что мы слишком глупы для них.

Полилло улыбнулась первый раз с начала допроса.

– Цивилизация!

Шахар мотнула головой.

– Нет. Я говорю, это – Кония. Не Циви... как ты там сказала. – Она насмешливо посмотрела на Полилло. – Ты, видать, тоже очень глупа.

Полилло расхохоталась. Гэмелен нетерпеливо ерзал на месте. Карта Шахар была как ключ к тайнику с сокровищем, только сокровищем в этом случае было не золото и алмазы, а наши собственные жизни.

Шахар тревожно посмотрела на нас.

– Я сделала то, что вы сказали, – она кивнула на карту, – теперь ваша очередь. Вы ведь отпустите меня, когда Элам придет, правда?

– Совершенно верно, – сердечно сказала я. – Как я могу поступить иначе?

Гэмелен щелкнул пальцами, чтобы привлечь мое внимание.

– Мне кажется, нам с капитаном Антеро стоит это обсудить. Наедине, если не возражаете.

Я оставила Полилло охранять Шахар, прошептав на ухо, что оторву ей голову, если она сделает что-нибудь с толстухой, и вывела Гэмелена из палатки.

Когда мы отошли далеко и нас не могли слышать, он сказал:

– Надеюсь, ты собираешься сдержать обещание.

Я была поражена.

– Ради всех богов, зачем мне это делать? Она послужит приманкой. Демон придет за ней.

– Я вовсе не против некоторых сделок. Но всегда стоит поторговаться, чтобы он не заподозрил, что мы слишком легко с ней расстаемся.

– Маг, кажется, за вашей болтовней стоит какой-то план.

Гэмелен сверкнул улыбкой сквозь бороду.

– Не план, – усмехнулся он, – заговор.

– Расскажите мне подробнее, о мой мудрый друг.

И он рассказал. Все было просто и гениально и... жестоко. Короче, все, что необходимо для приличного заговора. Для колдовства понадобились только несколько высохших конфет, которые я выудила из сундучка Корайс – у нее была слабость к таким вещам, и ее тянуло к сладкому, хоть она и пыталась с этим бороться. Я слегка освежила их, как делают рыночные торговки, и прочитала над ними простое заклинание, которое не буду здесь приводить. Мы возвратились в палатку, и там я предложила конфеты Шахар. Она прямо закудаhtала от радости.

Когда солнце достигло полудня, ее сморил сон. А еще через несколько минут возвратился демон.

Гвардеец Гераса заметила его первой. Я поставила ее наблюдать и дала ей в распоряжение полдюжины наших лучших лучниц на тот случай, если Элам попытается напасть внезапно. Когда раздался ее предупреждающий крик, я посмотрела в ту сторону и увидела только огромную волну, приближающуюся к нам под слоем водорослей. В десяти ярдах от корабля она резко остановилась. На поверхности появился разрыв, в который прорвался черный столб дыма. Мы все испугались, не зная, чего от него ожидать. Дым клубился, выбрасывая искры. Потом он сгустился и мы увидели Элама. Теперь он был вдвое больше. Его глаза сверкали от ярости, хвост гневно подергивался. Понимая, что он не осмелился бы настолько приблизиться к кораблю, не защитив себя магией, я приказала лучницам не стрелять.

Стараясь насколько возможно сохранять спокойствие, я подошла к борту и крикнула:

– Добрый день, повелитель Элам. Вы оказали нам честь своим прибытием.

Его мало заботила моя вежливость.

– Где она? – прошипел демон. Его дыхание было настолько зловонным, что даже на таком расстоянии меня затошнило.

– Видимо, вы говорите о прекрасной Шахар, – догадалась я. – Она здесь и скоро встретится с вами.

Я махнула рукой, и Полилло вывела Шахар из палатки. Шахар зевала и протирала глаза, но увидев Элама, вскрикнула от радости и подбежала к борту.

– Ты пришел за мной, повелитель! – Она зарыдала от радости.

– Вот, вы видите, с ней ничего не случилось, – сказала я Эламу. – Она хорошо провела время с нами, но теперь хочет вернуться домой.

Демон вытянул когтистую лапу.

– Верните ее мне! – заревел он. – Иначе я убью вас всех.

Я покачала головой, слоено его слова оскорбили меня.

– Зачем эти слова об убийстве, повелитель Элам? Мы всего лишь пригласили ее на ужин.

Я погладила Шахар по голове.

– Ведь мы с тобой хорошо обращались, правда?

Она еще рыдала, но кивнула.

– Они не причинили мне вреда, – сказала она демону сквозь слезы. – И они обещали отпустить меня.

Я сильно схватила ее за плечо, и она поморщилась от боли.

– Секундочку, дорогая. Нам надо сначала поговорить с твоим хозяином.

Я обратилась к Эламу:

– Вы получите ее, повелитель. Но сначала выведите нас из этого места.

Демон засмеялся. По крайней мере, больше всего этот звук походил на смех или на лай стаи вурдалаков.

– Нет, – сказал он. – Вы отдаете. Я не убиваю. Будете рабами. Мне нужны рабы. Слишком много сгорело.

Я покачала головой.

– Было очень приятно с вами побеседовать. К сожалению, ваше время истекло. Вам

придется согласиться или...

Я схватила Шахар за волосы, откинула ее голову назад и приставила нож к ее горлу.

– ...или твоя жирная фаворитка распрощается с жизнью.

Шахар вскрикнула.

– О повелитель, не дай им убить меня!

Демон не пришел в ярость, а повел себя как опытный покупатель, торгующийся с неуступчивым продавцом. Он щелчком сбил несуществующую соринку со своего панциря.

– Почему я должен вас отпускать? Она всего лишь рабыня.

– Может, и так, – ответила я, – но мы тут с ней немного пообщались и теперь все о тебе знаем. Ты не из этого мира, и тебе нужна магия ее крови, чтобы жить.

Я с сожалением посмотрела на него.

– Видимо, ты уже начинаешь слабеть. Если мы подождем немного, нам будет не с кем торговаться.

Пугающе широкие плечи демона вздрогнули.

– Я найду другую, – сказал он. Его плоские ноздри раздулись, и он принялся принюхиваться. Мне почудилось, что моего тела касаются призрачные пальцы. Я подавила дрожь и улыбнулась, чтобы показать, что мне вовсе не страшно. Его безгубый рот растянулся от удовольствия.

– В тебе – колдовская кровь. Я подожду. Дам тебе убить Шахар. Ты будешь фавориткой Элама.

– А ты думаешь, у тебя есть время? Скоро у тебя не будет сил. А у нас много воды и пищи. И все мы – воины, а не презренные рабы. Интересно... кто может ждать дольше?

Элам в гневе стал хлестать себя хвостом по бокам.

– Отдай мне Шахар! Отдай! Я так хочу!

– И ты выведешь нас отсюда?

Его глаза коварно сощурились.

– Да, – сказал он. – Вы отпустите Шахар. Я отпущу вас. Договорились?

Я озабоченно нахмурилась и сделала вид, что думаю. Потом сказала:

– Поклянись, что, если я ее освобожу, ты выполнишь свою часть сделки.

Он снова жутко засмеялся.

– Элам клянется. Отпустите Шахар.

Я притворилась, что колеблюсь, потом – с видимой неохотой – толкнула толстую вперед.

– Иди.

Шахар завизжала от радости и с неожиданной ловкостью прыгнула через борт в воду. Она быстро добралась до берега, и Элам поднял ее к себе на плечо. Она обняла его за шею и в восторге засучила ногами.

– Мы выполнили обещание, – крикнула я. – Теперь твоя очередь.

Его смех оглушил меня. Я сделала вид, что поражена отчаянием.

– Разве ты не отпустишь нас?! – Мой голос почти натурально дрожал.

– Я солгал, дура! – рявкнул он. – Я сделаю вас рабами. Или убью. Еще не решил.

Он повернулся и пошел прочь, бросив через плечо:

– Я ухожу. Буду колдовать с кровью Шахар. Стану сильным. Тогда вернусь.

Я громко проклинала его за предательство. Когда он скрылся из глаз, я замолчала. С довольной улыбкой я повернулась к Полилло, которая смотрела на меня с благоговением.

– Тебе бы быть купцом, а не солдатом, – сказала она, – ты стала бы богаче своего брата.

Я со смехом заявила, что и в подметки не гожусь Амальрику. Но мне доставили удовольствие ее слова. Нет, я вовсе не хотела быть купцом, тем более что в Ориссе женщин не принимают в купеческие гильдии. Мне просто нравилось быть солдатом. Однако приятно было думать, что Амальрик – не единственный торговый талант в нашей семье.

– Что будем делать теперь? – спросил Страйкер.

– Дай сигнал адмиралу, чтоб был готов. Если боги на нашей стороне, мы отплываем

через час.

С сомнением покачивая головой, Страйкер пошел исполнять поручение.

Гэмелен хлопнул меня по плечу.

– Отличная работа, Рали. Я еще сделаю из тебя мага.

Его слова испортили мне настроение. Я едва не заорала ему, что, когда мы вернемся, я рта не раскрою, чтобы произнести заклинание. Но он был так горд мной, что я прикусила язык.

Пока я раздумывала, как бы мне ему повежливее ответить, раздался ужасный вопль боли. Я резко повернулась и увидела демона, выбегающего из полусожженного корабля.

Он снова завопил – яд жег ему внутренности. Он бросился к нам, преодолевая боль. Расстояние между ним и нами быстро сокращалось. За ним выбежали уцелевшие рабы.

Я приказала готовиться к бою. Стражницы обнажили мечи и натянули луки. Я видела, как Элам, напрягая все силы, увеличивается в размерах. Остановившись у кромки воды, он лязгал зубами и выпускал когти.

– Вы обманули меня! – выкрикнул он.

– Что вы, повелитель Элам! – в притворном ужасе воскликнула я. – Как вы можете так говорить?

– Вы убили Шахар, – простонал он, борясь с новой волной боли.

– И я очень сожалею об этом, – заявила я. – Но у нас не было выхода. Пришлось отравить ее, чтобы отравить вас. Так что же я могу сделать для вас, о повелитель? Вообще-то, я занята страшно.

Его рабы столпились за его спиной, ожидая приказа к атаке. Он выпрямился во весь рост и проклял нас. Боль скрутила его, и он упал на колени. Рабы взвыли в ужасе.

– Кажется, вас тошнит, повелитель, – сказала я. – Может, вам помочь? Разумеется, если вы выведете нас отсюда. На этот раз, если хочешь выжить, демон, выполняй свою часть сделки.

Он кивнул.

– Да, Элам согласен.

Я посмотрела на Полилло, и она дала мне кожаную фляжку. Я откупорила ее, вытащила нож и сделала себе на руке порез. Кровь потекла в горлышко фляжки, смешиваясь с эликсиром. Я снова вставила пробку и вернула фляжку Полилло.

– Окажите услугу, легат, – сказала я.

Полилло швырнула фляжку на берег. Она упала перед стоящим на коленях демоном. Он наклонился, поднял ее, открыл и подозрительно понюхал содержимое.

– Как вы докажете, что не лжете? – спросил он.

– Никак. Но слушай, этот эликсир не только вылечит тебя, но и свяжет нас клятвой. Если обманешь нас, умрешь в муках через несколько часов. Сдержишь свое слово – будешь жить своей поганой жизнью. Откровенно говоря, я бы предпочла, чтобы ты сдох. Твоя шкура удивительно хорошо смотрелась бы на стене таверны, где над тобой насмехались бы гуляки. Но у меня нет выбора. Чтобы мне и моим товарищам остаться в живых, я дарю тебе жизнь. Так выпей же, демон. Пей до дна и благодари своих темных богов, что спасли тебя от женщины.

Элам, сверкая глазами, смотрел на меня, но новый приступ боли одолел его. Он торопливо выпил эликсир.

– Теперь надо действовать быстро, – крикнула я ему. – Если не поторопишься, лекарство не подействует.

Он какое-то время колебался, посмотрел на своих слуг, словно хотел приказать им напасть на нас. Они смотрели в ответ на него, постанывая, предвкушая убийства. Но демон встал во весь рост и открыл рот. Он с силой вдохнул воздух, и раздался такой звук, словно тысячи привидений стонали в муках. Потом он с силой выдохнул.

Зловонный ураган обрушился на нас. Наш корабль накренился, многие упали. Ветер прекратился так же внезапно, как и начался. Влажный теплый воздух внезапно стал

холодным, и на чистом небе невесть откуда появились черные тучи. Страйкер едва успел отдать приказания, когда нас настиг новый порыв ветра. Море прорвало саргассовый покров, и через секунду мы мчались вперед, паруса потрескивали от ветра. Водоросли разметало в стороны, перед нами лежала чистая полоса воды, ведущая в открытое море. Я слышала ликующие крики на других кораблях, когда там поняли, что происходит.

Я посмотрела назад. Мы быстро удалялись, и темная фигура Элама становилась все меньше и меньше.

Его крик заглушил завывания ветра:

– Ты не обманула меня, Антеро! Не обманула!

Скоро мы были на свободе, в открытом море. И больше никогда я не видела Элама и благодарю богов за это.

В чем дело, писец? Ты хочешь знать, сказала ли я демону правду? Излечил ли его мой эликсир? Ты меня обижаешь. Как ты можешь сомневаться во мне? Ну ладно. Я тебе вот что скажу. Если когда-нибудь попадешь в те края, где море скрыто под саргассами, не упоминай мое имя в молитвах, когда будешь просить тамошних богов о попутном ветре.

Волшебный ветер скоро утих, но его сменил настоящий бриз, ожививший наши надежды. Даже Холла Ий и Фокас выглядели веселыми, когда мы собрались, чтобы изучить самодельную карту Шахар. Фокас заявил, что она точна, по крайней мере те места, которые мы проплыли до встречи с Эламом. Мы решили плыть в королевство Кения и отдаться там на милость туземцев, которые, по словам Шахар, были цивилизованным народом.

– У них обязательно должны быть подробные карты этих морей, – сказал Холла Ий. – Мы соединим их карты с нашими и найдем дорогу домой.

У меня оставались кое-какие сомнения. Шахар была так глупа, она могла ошибаться, считая конийцев добрыми. Но я отбросила дурные мысли и присоединилась к общему веселью. Много вина было выпито в тот вечер.

Мы плыли много недель, и наше доверие к грубой карте росло по мере того, как мы встречали все больше и больше свидетельств ее точности. Однажды утром я проснулась в прекрасном настроении. Я спрыгнула с койки, меня переполняла энергия и желание действовать. Полилло упражнялась, поднимая тяжелую бочку. Это у нее была такая разминка. Увидев меня, она опустила бочку на палубу. Доски жалобно заскрипели.

Она сделала глубокий вдох, раздув грудь до таких размеров, что глаза матросов, наблюдавших за ней, едва не выскочили из орбит.

– Замечательный день! – воскликнула она. – Я не пророк, капитан, но у меня такое чувство, что с нами должно произойти что-то очень хорошее.

Я со смехом согласилась и отправилась к Гэмелену, для совершения ежедневного ритуала бросания костей. Он тоже был в отличном настроении, причесывал бороду и дразнил меня предсказаниями о том, какой могучей волшебницей я стану очень скоро. Для разнообразия я не обиделась. Мы вытащили кости, и я бросила их. Когда я описала их расположение, Гэмелен возликовал, но я не видела ничего особенного.

Час спустя я вышла на палубу и встала у борта, наслаждаясь воздухом и солнцем. Тут впередсмотрящий крикнул: «Земля!» – и я принялась вглядываться в даль.

Я увидела бледное голубое облако тумана, окаймленное снизу темной полосой. Туман быстро рассеялся, и сердце у меня дрогнуло, когда я увидела прекрасный остров. Он был покрыт изумрудной зеленью и манил к своим берегам.

Глава двенадцатая

САРЗАНА

Мы приближались к острову, и наше ликование росло. Казалось, что мы все ближе и ближе к дому. На самом деле это было не так, но после мрачных событий и бед все были рады отсутствию новых несчастий. Море навевало покой, теплый бриз легко шевелил паруса. Я обнаружила, что с улыбкой смотрю на Страйкера, словно он – мой лучший друг.

От этой мысли мне стало смешно, и я улыбнулась еще шире.

Стражницы и кое-кто из матросов – а я-то думала, что их ничем не удивить! – столпились у борта. Около нашей галеры высунул голову любопытный тюлень, потом снова нырнул. Я видела, как он плывет под водой. Мышцы его красиво играли под гладкой черной шкурой.

– Хорошо бы, – задумчиво сказала Корайс, – чтобы дурни, которые верят в переселение душ, оказались правы. Я бы хотела превратиться в тюленя.

У меня на языке вертелось ехидное замечание, что лучше бы ей тогда жить в тех водах, где нет охотников за тюленями, но я промолчала. Корайс редко говорила со мной так откровенно.

Первый раз со дня битвы с архонтом Гэмелен выглядел спокойным. Я рискнула спросить его, не чувствует ли он какой-нибудь опасности от приближающейся земли. Он улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Остров походил на сложенную лодочкой ладонь: пальцы – горы по краям и равнина в центре. Я прикинула, что остров около десяти миль в длину и шести – в ширину. Он был весь покрыт такой яркой зеленью, что становилось больно глазам. На секунду мне показалось, что на вершине плато что-то белеет, но потом я решила, что это обман зрения.

Мы вошли в залив, волн там совершенно не было. Вода приобрела голубой цвет. Одна маранонка указала мне за корму, и я увидела сначала дельфина, а потом дельфиниху, следующих за нами в кильватере. Нас разделяло около тридцати метров, и на таком расстоянии их было нелегко рассмотреть. Мне показалось, что они что-то сжимают в челюстях. И еще я увидела как бы странные поблескивания на их выпуклых лбах, словно они носили драгоценные диадемы. Впереди них блестела стая серебряных рыбок, пытающихся спастись от дельфинов и не стать обедом. Потом они попали в волну от нашего корабля, и из-за ряби их не стало видно.

С адмиральского корабля донесся крик. Это Холла Ий призывал корабли собраться вокруг флагмана. Довольно редко от него можно было слышать приказание, не содержащее сквернословия. Но на этот раз чудесный день повлиял даже на него. За несколько минут наши потрепанные корабли спустили паруса и на веслах подгребли друг к другу. Невысокие волны то и дело открывали ватерлинии наших кораблей, поросшие ракушками и водорослями. Ванты галер здорово обтрепались, краска на бортах облупилась, дерево треснуло во многих местах. Я мысленно прочла короткую молитву, чтобы выглядевший таким мирным остров не обманул наших ожиданий. Нам отчаянно требовалось пополнить запасы воды и пищи, найти гавань, где можно было бы подлатать корабли.

Инструкции Холлы Ий были коротки – построиться в клиновидный порядок: половина галер на острие стрелы, остальные – в линию сзади. Никому нельзя бросать якорь или приближаться к берегу без приказа с флагмана. Потом случилось нечто вовсе необычное – он спросил меня, нет ли у меня каких-либо пожеланий. Видимо, трудное путешествие заставило даже такого упряма, как он, понять – в наших рядах не должно быть места спорам, или нас ждет гибель. У меня было только одно пожелание – чтобы одна галера не заходила в гавань и осталась на рейде на тот случай, если неприятельские корабли захотят запереть нас в гавани, как в ловушке. Холла Ий широко ухмыльнулся и прокричал со своего корабля:

– Хорошая мысль. Ты еще станешь хорошим мореходом, капитан Антеро. Капитан Медудут, ты – впередсмотрящий. Тебе я обещаю особую долю в вине и местную шлюху.

Мои сержанты уже приказали стражницам приготовиться к возможной схватке. Наши галеры на веслах осторожно вошли в лагуну. Поначалу нам казалось, что мы были первыми человеческими существами, оказавшимися в этом раю. В принципе, это было возможно, ведь остров был так далеко в неисследованных водах.

Клисура сказал Страйкеру, что эта гавань будет прекрасной базой для военного флота. Страйкер скривился и ответил:

– Это так, но придется плыть всего лишь пару недолгих лет, чтобы на кого-нибудь напасть.

А спустя несколько минут раздался тревожный крик впередсмотрящего. Мы бросились к бортам.

– Кажется, кто-то разделяет твое мнение насчет удобной военной базы, – бросил на ходу Страйкер.

Через всю гавань тянулась цепь бакенов. Очевидно, их поставили для обозначения подхода к берегу. В этой гавани действительно мог укрыться большой флот. Наш корабль медленно приблизился к бакенам. Вокруг – ни звука, кроме мерных всплесков весел. Бакены оказались обработанными кусками дерева, заякоренными железными тросами. Их поставили не очень давно – тросы покрылись ржавчиной, но не успели еще обрасти водорослями. Видимо, о бакенах никто не заботился, в их стройном ряду были бреши – часть бакенов затонула или оторвалась, но никто их не чинил. Значит, какие-то люди поставили тут эти бакены и уплыли, позабыв о них.

Мы обогнули мыс и увидели то, что и ожидали, – ряды белых каменных домов, заполняющих пространство между прибрежной полосой и каменной стеной у горы невдалеке.

– Военный порт, – заявил Клисура.

Я спросила его, почему он так думает.

– Торговым кораблям нужны причалы, чтобы разгружаться. Военные корабли обычно стоят на рейде, а не у берега – так быстрее можно вступить в бой в случае чего. Но если бы не эти буйки, я бы решил, что это – рыбацкая деревня.

Я поняла, что он имел в виду. Нигде не было никаких следов защитных сооружений или боевых машин.

Меня охватило странное чувство, когда я поняла, что поселение мертво. Не было слышно криков детворы, скрипа деревянных лебедок, ржания лошадей. Никаких признаков жизни. В гавани была только одна лодка – маленький рыбацкий баркас, полузатопленный у пристани.

– Капитан Страйкер, – приказала я, – просигнальте, чтобы остальные корабли остановились и ожидали приказов от адмирала. На берег нужно послать разведывательный отряд.

Зная по опыту, что со мной спорить бесполезно, Страйкер подчинился. Я приказала Полилло снарядить две лодки с пятнадцатью стражницами.

Солдаты часто боятся скуки больше, чем самой ужасной смерти, поэтому я не удивилась, когда добровольцев оказалось вдвое больше, чем нужно. Полилло, Корайс, Исмет, Дика и остальные – все смотрели на меня с обожанием, умоляя послать их на берег.

Я выругалась – командиру всегда приходится в таком случае кого-то обидеть, но, с другой стороны, командир всегда может распорядиться собой как пожелает. Я назначила себя во главе экспедиции, Исмет – своим заместителем, взяла с собой Дику, а Полилло и Корайс оставила на корабле.

Облаченные в доспехи, мы влезли в лодки, и матросы направили их к берегу. Один из матросов выругался:

– Кажется, словно какой-то маг смотрит на нас с неба и ухмыляется. Деревня-призрак.

Исмет злобным взглядом заставила его замолчать.

Киль нашей лодки громко заскрипел по песку. Мы торопливо прыгнули в воду, готовясь отразить неожиданное нападение. Но теплые волны с тихим шуршанием накатывались на мягкий песок. Легкий ветер колыхал развешанные рыболовные сети. Вокруг них не было следов человеческих ног – только отпечатки птичьих лап и тел морских животных, вылезающих иногда погреться на солнце.

Я послала Исмет с семьей стражницами на восток, а сама с оставшимися направилась на запад вдоль берега. Мы не слышали ничего, кроме криков чаек, и не видели никого, кроме разве крыс, изредка пробежавших между камнями. На земле между домами валялись обломки черепицы, сорванные с крыш бурями. Зимними бурями? Но сейчас была весна, значит, деревню покинули несколько месяцев назад.

Если бы не отсутствие жителей, деревня казалась бы совершенно обычным рыбацким поселением. Я зашла в одну лавку, держа наготове меч. Там все было, как я и ожидала, – москательные товары, галантерея, еще кое-какие товары. Вряд ли лавка приносила ощутимый доход своему владельцу, который, наверное, еще работал где-нибудь на полях или выходил в море на ловлю. Тут я подумала об исчезнувших лодках. Может быть, все жители уплыли, спасаясь от какого-нибудь ужаса, который так и не наступил?

Я зашла в помещение за прилавком, где жил хозяин. Там царил ужасный разгром. Все было забрызгано темной, спекшейся кровью – постель, одеяла, пол, стены. Кто-то погиб здесь, отчаянно сражаясь за свою жизнь. Я выглянула через заднюю дверь, которая оказалась открытой, но ничего особенного не увидела. Пожав плечами, я вернулась в лавку, где меня ждали мои стражницы. Я ничего не понимала. Но самым любопытным было то, что я не чувствовала никаких признаков опасности. Мне почему-то не хотелось обнажать меч, и вроде бы незачем было настороженно оглядываться вокруг. Я насильно заставляла себя быть настороже, но ничего не происходило. Мы пошли дальше.

Мы проверили все дома у моря и ничего нового не нашли. Пришлось возвращаться к лодкам, где нас уже ждала сержант Исмет. Обследованная ею часть деревни тоже была покинутой, и она тоже нашла следы боя. Но опять – совершенно нет трупов, нет даже костей! Какой бы там неведомый враг ни напал на деревню, он или забрал трупы с собой, или похоронил останки после резни. Я подумала сначала, что, может быть, это работоторговцы, но нет – они никогда не разорят поселения до основания, чтобы народилось следующее поколение добычи. Хотя что я знала об обычаях этого края?

Я послала Исмет на корабль с докладом и приказами для Страйкера и Холлы Ий. Никакой явной опасности мы не обнаружили, поэтому галеры могли встать на якорь. Но конечно, надо было выставить часовых. В качестве дополнительной меры предосторожности я хотела, чтобы один корабль присоединился к судну капитана Медудута, стоявшему на рейде у входа в залив. Гвардия должна была в полном составе высадиться на берег. Я решила обыскать весь остров. Я сказала Исмет, чтобы она приказала послать на берег водозаборные команды, которым предписывалось вести себя осторожно и взять с собой вооруженную охрану.

Через час мои стражницы все были на берегу. Пираты Холлы Ий могли обеспечить безопасность наших передвижений с моря, а далеко в глубь острова мы и не собирались заходить из опасения нарваться на засаду. В деревне оказалось всего несколько улиц. На какое-то время я решила ограничить область наших поисков и не заглядывать на плато и остальную часть острова. Если мы не обнаружим ничего подозрительного, Холла Ий пошлет матросов валить деревья и чинить корабли, которые можно по два подводить к берегу во время прилива. Когда наступит отлив, матросы осмотрят и очистят днище, а мои женщины тем временем с великим удовольствием поохотятся.

Гэмелен, который без моего согласия попал на берег, стуча палкой, подошел ко мне и попросился с нами. Я подумала сразу о нескольких вещах, но ничего не сказала.

– Может быть, – сказал он, – у меня еще осталась крупица магической силы и я смогу почувствовать что-нибудь опасное в случае чего.

Я не стала с этим спорить и отрядила двух стражниц помогать ему. Мы не собирались делать марш-бросок, ну а если на нас нападут, Гэмелену придется самому заботиться о себе – он сам не раз говорил, что не хочет быть обузой для нашей экспедиции.

Мы вошли в деревню, держа оружие наготове. Я шла впереди, приказав Дике идти рядом. Корайс шла за мной, а Полилло и сержант Исмет составляли арьергард нашего отряда. Мы проходили мимо домов, складов – деревня все-таки была богатой. Я несколько раз заходила в дома, хотела выяснить, насколько жители подготовились к нападению. Я не обнаружила никаких следов паники – не было недоеденной еды или разбросанных вещей – ничего такого, о чем поется в солдатских песнях, которые сложили после нашего возвращения в ОриССу.

Было, правда, одно исключение – таверна. Опрокинутые бочки, разбитые бутылки и

стаканы, столы перевернуты. Здесь я заметила несколько больших пятен запекшейся крови; по моим оценкам, от шести до десяти посетителей, мирно сидевших за пивом, были вероломно убиты. Вспомнив виденные мной раньше разрушения в лавке, я решила, что неожиданная смерть пришла ночью. Мы пошли дальше, готовые отразить неведомого врага. Но чувства опасности не было по-прежнему. словно мы исследовали руины цивилизации, погибшей во времена наших прабабушек.

Посланная мною на разведку стражница вернулась и доложила, что заметила впереди большое здание у подножия горы. Она решила, что это была казарма, то есть первый признак военного присутствия, замеченный нами. Мы направились к горе.

Это и вправду была казарма – длинное двухэтажное здание с будкой для часового у входа. И тут в первый раз я почувствовала тихий шепот подсознания, предупреждавший об опасности.

– Сержант Исмет, ко мне!

Она мгновенно оказалась рядом со мной. Я отобрала еще шестерых стражниц – все они были отличными фехтовальщицами, – и мы вошли в здание.

Там был ад. Трупы солдат – я думаю, их было не меньше двухсот – валялись повсюду. Даже мои закаленные стражницы отпрянули назад, некоторые бормотали молитвы.

Ужасная сцена напомнила мне что-то из далекого прошлого, и не успела я усилием воли отогнать видение, как оно всплыло у меня перед глазами: я, еще очень маленькая, играла в отцовском амбаре с котятками. Они нашли гнездо полевок в сене. И котятки, только что такие ласковые и игривые, превратились в маленьких чудовищ и с диким визгом убили всех мышек. И не просто убили, они играли с умирающими и мертвыми. Часть они съели, других просто изуродовали. То же самое кто-то или что-то сделал с этими солдатами. Некоторые в последний момент своей жизни спали, другие стояли на посту. Я видела сломанные мечи и копья, осколки панцирей, разбитых, как глиняные горшки.

Много времени прошло с того ужасного дня, но ужас вечно живет со мной. Некоторые тела превратились в скелеты, некоторые – мумифицировались, коричневые сухие губы оттянулись, обнажая желтые зубы в ужасной улыбке. Все тела были изуродованы. Может, здесь попиروвали крысы? А может, и не крысы.

Вдруг мы услышали музыку. Флейта. Звуки доносились снаружи. Мы выбежали из казармы.

Флейта играла за казармой, там, где была высокая стена. Я хотела броситься туда, но сдержала себя. Мы построились полукругом – ошестинившийся мечами еж – и медленно пошли вперед. Мы обогнули стену и остановились. Стена переходила в балюстраду, огромная лестница, пробитая в горе, вела вверх, на плато. По обеим сторонам от лестницы росли роскошные виноградные лозы, покрытые яркими цветами.

Музыка доносилась от подножия лестницы. Это действительно была флейта. На ней играло странное существо – не человек и не варвар из племен ледяного юга, которые очень волосаты, как мне говорили. Тварь не была и обезьяной – по крайней мере, не принадлежала ни к одному из известных мне видов. Морда не похожа на обезьянью, а скорее на львиную, с клыками, но без усов. На шее у существа была ленточка с маленьким драгоценным камнем.

Оно со спокойным интересом посмотрело на нас, не выказывая никаких признаков страха и не прерывая игру. Мелодия напоминала пение птиц над морем – словно птицы искали путь к дому, который был безнадежно потерян.

У меня екнуло сердце, когда я поняла, из чего была сделана флейта – из человеческой большой берцовой кости, аккуратно обработанной и отполированной. Боковым зрением я заметила движение сбоку. Это Гераса, моя лучшая лучница, медленно натягивала тетиву.

– Нет! – крикнула я. Она подчинилась и не выстрелила. Но и не опустила лук. – Мы не можем начинать здесь войну. Мы не знаем, кем были эти солдаты, почему их убили. Не знаем, был ли этот уродец убийцей.

Гераса сверкнула глазами в мою сторону, и я поняла, что она думает: солдаты не должны погибать такой смертью, и никакая тварь не смеет оскорблять их память. Но она

медленно опустила лук.

Гэмелен стоял рядом со мной, его сопровождающие – чуть позади. Музыкант играл без устали, я коротко рассказала магу, что вижу сейчас и что видела в казарме. Гэмелен долго молчал, потом слегка повел головой из стороны в сторону, как ищейка, потерявшая след. Затем он улыбнулся.

– Не знаю, как описать это. Моя магическая сила исчезла безвозвратно, но, – я видела, что он с трудом сохраняет спокойствие, – но тут что-то присутствует. Знаешь, если надолго закрыть глаза в темноте, разум иногда говорит тебе, что рядом с тобой кто-то есть. Я чувствую магию вокруг нас, но не пойму, добрая она или злая. Скоро мы встретимся с ней.

Существо прекратило играть, словно ждало этих слов. Оно вскочило на ноги, подбежало к лестнице, вскарабкалось по лозе и исчезло.

Я тоже почувствовала чье-то присутствие – все именно так, как описывал Гэмелен. Мне на секунду показалось, что я – мелкая рыбешка и плыву у поверхности воды, а подо мной, у дна, среди водорослей стремительно несется щука. Но в этом не было никакой угрозы почему-то.

– Поднимемся по этой лестнице, – решила я.

К Холле Ий я послала скорохода с известием о нашем намерении. Поднимались мы, соблюдая дистанцию в шесть шагов, чтобы сидевшим в засаде лучникам – если таковые имелись – было труднее прицеливаться. Ступеньки были аккуратно вырублены в скале, словно поколения каменотесов несколько веков трудились для этой цели. Мы вышли на площадку, здесь лестница уходила в глубь скалы. В ее каменных стенах были высечены барельефы, изображавшие в основном картины сражений. Чем дальше, тем картины становились более замысловатыми и кровавыми. Я не стала на них смотреть.

Мы дошли до второй площадки, лестница снова вывела нас на белый свет из скалы. Над нами ярко сияло солнце, а гора заслоняла полнеба.

Я остановилась и посмотрела назад, проверяя, как идут мои стражницы. Многие явно устали. Я выругалась, поделаться тут ничего было нельзя – морское путешествие расслабляет, как бы ни старались сержанты проводить ежедневные тренировки. Мимо меня прошел Гэмелен. Сопровождающие его девушки слегка запыхались, а он шел себе да шел, словно ему было лет тридцать. Я вернулась во главу колонны.

– В туннеле было лучше, – заявила сзади Полилло. – Там, по крайней мере, никто не свалит на тебя пару камней, оказавшихся под рукой.

Мы еще долго поднимались, мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не считать ступеньки. Наконец мы снова вышли на площадку. Лестница тут заканчивалась.

Перед нами было плато – огромный ровный горный луг, глаз поневоле задерживался на камнях, здесь и там выглядывавших из травы. Кое-где росли деревья. Вдали я заметила озерцо. Но и в этом раю не обошлось без человека – в середине плато стояла большая двухэтажная вилла с пристройками. В центре фасада два многогранных купола соединялись между собой пассажем. Этот домик был получше, чем любое из поместий, которыми владела семья Антеро.

У дома я заметила какое-то движение. Стражницы немедленно выстроились в оборонительный порядок – лучницы на флангах, копейщицы впереди, мечницы – в центре.

Теперь можно было различить, что к нам приближается всадник. Но какой! Вместо лошади была зебра – я такую видела, когда однажды в Ориссе разгружался корабль, привезший экзотических зверей. На спине зебры без седла сидело еще одно невиданное существо. Оно было еще удивительнее, чем музыкант, и носило красные шорты и зеленую рубаху.

Зебра без видимой команды остановилась, и всадник спрыгнул на землю.

Он с любопытством оглядел нас, потом направился прямо ко мне. У этого существа на шее висел камень вроде того, что был у музыканта. Оно мне поклонилось, вытащило из кармана рубашки дощечку слоновой кости и вручило ее мне. На дощечке было только два слова: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

Приветствие было написано на ориссианском.

Существо не стало дожидаться ответа, вскочило на зебру и галопом понеслось не к вилле, а к большому амбару вдалеке.

Я сказала Гэмелену, что было написано на табличке, и спросила, что он чувствует вокруг.

– Ничего опасного, – ответил он. – Я уверен, что нам надо идти к этому дому.

И мы пошли. Я построила солдат боевой колонной, и мы направились к вилле. До нее было не так близко, как раньше казалось, и она на самом деле была гораздо больше, чем я сначала подумала. Подойдя ближе, мы увидели сад, пруды, маленький лабиринт, но ни одного садовника, а ведь их понадобилось бы не меньше десятка, чтобы содержать в порядке все это хозяйство.

Мы вышли на широкую дорогу, посыпанную белыми ракушками. Они с треском лопались под нашими сапогами. Мы приближались к террасе с колоннами, там был вход – двойные двери тридцати футов вышиной.

Я остановила свой отряд, и без моего приказа все построились в шеренгу, словно ожидая смотра, проводимого каким-нибудь принцем.

И тут открылись двери, и оттуда вышел человек.

– Приветствую вас, и добро пожаловать на Тристан, – сказал он на нашем языке. Его могучий голос разносился как звон колокола. – Я – Сарзана, я вас давно жду.

Вчера я выгнала писца, сказав ему, что не держу на него зла, но мне просто надо подумать, как продолжать рассказ. Я не боюсь говорить о том, что произошло дальше. Мы все ошибаемся, и единственный грех – повторять свои глупости дважды.

Мне трудно продолжать и описывать этого человека – а он действительно был велик, ведь этим словом можно называть хорошее и дурное, – мне трудно говорить о нем, потому что я знаю, что произошло потом. Мне же хочется рассказать о Сарзане и об острове, какими они предстали передо мной в тот день.

Сарзану можно было принять за очень богатого купца. Он носил богатую тунiku с широкими рукавами, шаровары – все было пурпурным, и ему очень шел этот королевский цвет. Материал его одежды издали казался шелком, но я не уверена. Его пояс был украшен бирюзой, из-под штанин его шаровар выглядывали сверкающие носки черных туфель.

Сарзана был немного ниже среднего роста и полноват. Видимо, он любил поесть, но не нажираться как свинья, вроде Холлы Йй. Он был чисто выбрит и напудрен. Его напояженные волосы изящно курчавились, словно он за несколько минут перед нашей встречей побывал у парикмахера. Он носил усы, добавлявшие солидности его округлому лицу. Встреть я его в Ориссе на улице, подумала бы, что он – какой-нибудь заезжий богач. Полон достоинства, и кошелек лопається от золота.

Я посмотрела ему в глаза. Клянусь, я ничего не придумываю. Его глаза были полны ума. Они были темными – не могу сказать, темно-зелеными, или синими, или черными, – и в них была властность. Я мысленно сравнила его с орлом, заключенным в клетку, когда он вспоминает, как его могучие когти разрывали добычу. И еще это похоже на блеск в глазах сокола, когда с него снимают колпачок и показывают ему куропатку.

Нет. Даже на людной улице Ориссы Сарзану невозможно было бы пропустить, посмотрев ему в глаза.

Сарзана остановился, спустившись с последней ступеньки, и поклонился.

– Вы в безопасности, – сказал он, и я была совершенно уверена, что он говорит правду. – Ваши корабли могут спокойно пристать к берегу, матросы могут отдохнуть на твердой земле. Здесь нет зла. Я не жду, конечно, что вы поверите мне на слова. Я чувствую, что среди вас есть двое, обладающие даром. Один был тяжело ранен, я это знаю... – Гэмелен вздрогнул, – а женщина молода и еще не нашла свой путь к силе.

Я сняла шлем и поклонилась.

– Приветствую вас от имени Ориссы, – сказала я, не отвечая на его слова о даре. – Я

вижу, вы владеете магией, таких людей мы называем воскресителями. Вы знаете о наших злосчастях?

– Кое-что, – ответил он. – А то, чего не знаю, надеюсь, вы сами расскажете. Я знаю, что вы победили в великой и страшной битве, потом долго скитались по морям. Но теперь вы в безопасности. Можете оставаться здесь сколько захотите. Я буду рад, если смогу помочь вам чем могу. Можете пользоваться любыми материалами для починки кораблей. Живите где хотите. Хотите – в деревне, хотите – здесь, на плато. Тут можно разместить народу в несколько раз больше, чем есть у вас. Вода, злаки, фрукты – все, что растет, – ваше. Можно охотиться и ловить рыбу. Только прошу не трогать существ, которые ходят на задних лапах и носят мой знак – драгоценный камень на головной повязке или на шейной ленточке. Они – мои слуги и друзья, и я поклялся защищать их. Со всей твердостью заявляю, что тот, кто нарушит этот закон, будет наказан, и наказан жестоко.

Его лицо излучало властность.

Я воспользовалась наступившей паузой.

– Мы пришли с миром, и мы не глупцы и не дети. Мы соблюдаем законы принявшей нас страны, – тут я добавила металла в голос, – пока нас принимают как гостей. Если это соглашение нарушено... – дальше продолжать не имело смысла.

– Отлично, – сказал Сарзана. – Я уже послал своего... слугу вниз к вашим друзьям, чтобы пригласить офицеров, и особенно одного, которого вы зовете Холла Ий, ко мне на виллу. Капитан Антеро, вы, конечно, можете распустить солдат и дать им отдых. У вас будет возможность принять ванну перед тем, как мы сядем ужинать.

Я подумала мгновение. Разум говорил, что нельзя слушать его сладкие речи, но в душе у меня царил покой. Я посмотрела на Гэмелена, он слепо смотрел на жаркое полуденное солнце, на его лице играла легкая улыбка.

– Спасибо, Сарзана, – сказала я. – Мы от души благодарим вас за теплый прием в вашем королевстве.

Его лицо омрачилось.

– Королевство? – Голос Сарзаны внезапно сел, словно туча внезапно закрыла солнце. – Когда-то я правил страной, которую нельзя было бы объехать за всю жизнь. Но это не мое королевство. Это мой рок, капитан. Это моя ссылка. Сюда я был послан умереть!

К полудню все наши корабли вошли в гавань, экипажи – отпущены на берег. Сарзана сказал, что приказал своим слугам вынести трупы из казармы. Те из нас, кто стоял с ним рядом и слышал его слова, вздрогнули при мысли о ночи в этом морге. Сарзана заметил это и сказал, что будет рад, если мы переночуем в его доме, – враги, сослав его на остров, настроили более чем достаточно комнат.

Корайс довольно дерзко спросила хозяина, что случилось в деревне.

Сарзана невесело улыбнулся. Он сказал, что мы обо всем узнаем со временем, позже. Или легат боится, что повторит судьбу тех негодяев? Несмотря на резкость его слов, никто почему-то не обиделся. Корайс пожала плечами и сказала, что это его остров. Все мы почему-то считали, что наши беды кончились.

Предложение Сарзаны было заманчивым, но ни я, ни Холла Ий не хотели удаляться от кораблей. Да и матросам, ремонтирующим суда, пришлось бы подолгу ходить вверх-вниз. И вообще не годилось оставлять корабли без охраны.

Мы решили, что небольшой отряд стражниц во главе с Корайс разместится в доме на плато, в основном затем, чтобы следить за Сарзаной. Остальные будут жить в покинутых домах, недалеко от моря, поэтому перво-наперво эти дома надо было подготовить для жилья. Питейные заведения с большими залами решено было сделать штабами для меня и Холлы Ий. В таверне, доставшейся мне, были отличные комнаты на втором этаже. Там я поселила Полилло, Дику, одну комнату отвела для себя. Дику я решила произвести в легаты, если она не погибнет в следующей битве, вообще-то этого нельзя было делать без одобрения старшего офицера, то есть мужчины. Во время долгого путешествия я о многом передумала и решила кое-что изменить в Ориссе, когда мы вернемся.

Сарзана сообщил нам, что собирается отпраздновать наше прибытие. Мы согласились, но сказали, что находящиеся в карауле стражницы и матросы не смогут прийти. Пока они будут питаться только корабельными запасами. Если на следующий день после пира никто из нас не заболеет и не умрет, они тоже смогут попировать. Так всегда делалось у нас, если существовала опасность отравления.

Сарзана нахмурился, когда я сказала ему, что не все смогут воспользоваться его гостеприимством, но я добавила, что у нас тоже есть свои обычаи. Он улыбнулся, не обидевшись, и остатки подозрений у меня рассеялись. Он сказал, что обычаи – хорошая вещь и он лично считает, что любой солдат заслужил отдых и хорошую еду не меньше, чем командир. И он всегда позволял людям получать по заслугам почести, несмотря на происхождение.

Он улыбнулся, но выражение его глаз не изменилось.

Его слова произвели впечатление не только на меня, но и на других стражниц. В маранонской гвардии в боевых условиях все – и солдаты и командиры – ели и спали вместе, но в казармах все было по-другому – отдельно офицеры, отдельно сержанты, отдельно рядовые. Я отметила про себя, что над словами Сарзаны стоит подумать, когда мы вернемся. Давно пора встряхнуть погрязшую в пережитках старого армию, по крайней мере, новые порядки следует установить в гвардии. Холле Ий и его офицерам не понравилось, что им придется сидеть вместе с солдатами на пиру, но они промолчали.

Мы переоделись на кораблях и постарались привести себя в порядок. Наши одежды выцвели и пропитались морской солью, оружие уже не выглядело новым, несмотря на постоянную полировку. Медные части доспехов позеленели, пришлось отдраивать их золой. Кожаные доспехи мы выбелили как могли, я подумала, что до отплытия надо будет запастись шкурами. Наши красивые оперенные шлемы походили на потрепанных бурей птиц. И лишь сталь блестела по-прежнему.

Сами мы тоже выглядели неважно. Полилло посмотрелась в маленькое зеркало, висевшее между двумя окнами, и застонала.

– Это же не волосы, это колтун какой-то грязный, – сказала она мне, показывая на свои локоны.

Я хотела вежливо возразить, но она была права. Мои волосы выглядели еще хуже, потому что я блондинка, а погода не щадит светлые волосы и светлую кожу. Мы причесывались и мылись, натирались маслом. Морская вода и соленый ветер, наверное, смеялись над нашими усилиями. На корабле нам было все равно, как выглядеть, нам было плевать, что думают о нас матросы. Но теперь, когда мы собирались на пир, мы хотели выглядеть наилучшим образом, хоть там и не перед кем было особенно красоваться – только Сарзана и его полулюди.

Итак, мы делали все, что могли. И тогда родилась легенда, которую еще долго будут рассказывать в Ориссе.

Жители Тристана любили чистоту – в каждом доме была ванна, деревянная или даже железная. Двое пиратов Холлы Ий решили помочь нам с туалетом. Один заработал себе сломанную руку – в благодарность от Полилло, второй – сломанное ребро: это Гераса весьма удачно попала в него тупой стрелой.

Те из нас, кто предпочитал иметь ноги без волос, точили маленькие ножи или бритвы. Я порезалась и, ругаясь, жаловалась, почему воскресители до сих пор не придумали заклинания для депиляции, но потом решила, что раз мужчины сами на ногах волосы не бреют, то подумать о нуждах женщин они не способны. Хотя нет, знаменитые куртизанки Ориссы имели тела, начисто лишённые волос ниже шеи, значит, подобное заклинание все-таки есть. Раньше я не думала о применении магии в повседневной жизни, но наука Гэмелена многое изменила.

И из-за этого со мной приключилась беда. Я открыла свою косметичку и едва не застонала. Там почти ничего не было. У остальных оказались те же проблемы. Вся косметика, что у нас была, не выдержала путешествия. Пудра спрессовалась, масло высохло,

крема свернулись, а помада растрескалась. Тут на меня нашло вдохновение. Я позвала своих сержантов и приказала им принести всю негодную косметику, помеченную владельцами, чтобы можно было отличить, где чья. Поколебавшись, я положила и свои вещи в общую кучу. Потом я набрала чистой дождевой воды из бочки, нарвала приятно пахнущих цветов с куста, нашла масло на кухне и вытащила из шкафа брошенный там яркий шарф. Им я коснулась всех составных частей смеси.

Теперь мне нужна была помощь богов. Я подумала о Маранонии, но решила не ввязывать ее в это дело. Ей вряд ли это понравилось бы, и мне грозила опасность превратиться в жабу.

Я попыталась припомнить кого-нибудь еще из пантеона Ориссы, но, к сожалению, я была слишком трезвомыслящей и в свое время уделяла этому мало внимания – знала Маранонию, ну, еще богов города, которым молились на публичных церемониях. Иметь бога или богиню на каждый случай жизни – фи, это для простых крестьян. Я спросила подруг, знают ли они кого-нибудь, кто мог бы нам помочь. Они молчали.

Вдруг Полилло улыбнулась и сказала, что вспомнила свою подругу молодости, которая «была прекрасна как юная лань, но, – тут Полилло вздохнула, – предпочитала только мужчин, чем волосатее, тем они ей больше нравились. На меня она не обращала внимания. И она молилась... секунду... Да, точно! Хелтот! Нет, Хелот. Хелот, я уверена».

К тому времени вокруг нас собралась половина стражи, и я поняла, что, если не хочу опозориться, надо приступить к делу.

И я начала читать заклинание:

Ты была,
И ты есть,
Слушай, Хелот,
Верни,
Верни,
Сделай так,
Как было раньше.

С этими словами я касалась смоченным шарфом каждого из лежащих передо мной предметов – как бы переносила свойства масла, цветов и воды на них. Мне показалось, что уголком глаза я вижу какое-то трепетание. Я посмотрела на свою косметичку. Она выглядела совершенно новой, царапины и вмятины на ней исчезли.

Должна признаться, я весьма обрадовалась – это было мое первое самостоятельное колдовство от начала до конца. Короче, я восторженно завопила:

– Я сделала это!

Корайс первая схватила свою косметичку и открыла ее. Она остолбенела, а потом засмеялась. Ее смех был похож на твяканье лисицы, наблюдающей за своими резвящимися лисятами. У меня мелькнула мысль, что что-то не так, а в следующую секунду я уже открывала свою коробочку. Мое заклинание сработало хорошо. Вернее, слишком хорошо. Внутри находилась смесь ингредиентов, из которых когда-то состояла косметика: миндаль, из которого еще не выжали масло, лепестки роз, металлический порошок, оливковое масло и еще много всякой всячины.

Теперь смеялись все. Я мрачно подумала, что потребуется чрезвычайно много времени, чтобы в маранонской страже забыли, как однажды капитан Антеро повернула время вспять.

До пира я решила поговорить с Гэмеленом. Он тоже надел лучшее, что у него было. Я отрядила двух стражниц помогать ему, строго-настрого наказав не обращаться с ним как с инвалидом, иначе, мол, им несдобровать.

Я спросила Гэмелена, не чувствует ли он магии, направленной против нас.

Он сказал, что ничего нет.

– Но я скажу тебе одну вещь, в которой я совершенно уверен. Кажется, все это уже поняли. Этот Сарзана – могучий волшебник, я чувствую его силу, несмотря на потерю своих способностей. Он самый сильный из всех, кого я встречал или о ком слышал. И я знаю, что он имеет власть над временем.

– Как архонты?

Гэмелен задумался.

– Почти. Трудно объяснить различие. Архонты учились магии, с ее помощью захватили трон – это что-то вроде традиции в Ликантии. Этот человек другой. Я чувствую, что Сарзана – интересно, это имя или титул? – получил власть и магию одновременно и использовал одно, чтобы упрочить другое, и наоборот.

– Почему же он был свергнут? – спросила я.

– Я уверен, что он был великим правителем, это ясно из его речей. Думаю, он правил сурово, но мудро. И я тоже не понимаю, кто и каким образом лишил его власти.

– Может, он сам нам скажет.

– Может быть. Но сначала он скажет, что ему от нас надо. Ибо ни один правитель, как бы богоподобен он ни был, никогда не упускает своей выгоды. Нам придется плыть по течению, что мы, впрочем, и делаем после битвы с архонтом.

– Вы чувствуете его присутствие?

– Нет, – сказал Гэмелен. – Хотя это хорошо. Ни разу... с тех пор как я ослеп, я не чувствовал его. Я почти убедил себя, что это была галлюцинация.

– Почти, – горько повторила я.

Гэмелен замолчал, нахмурившись. Потом взял меня за руку.

– Юная Рали, нас ждет сегодня пир. Сядь рядом со мной, чтобы я не начал есть рыбу ножом. Ты будешь моими глазами.

– Полагаю, – сухо заметила я, – вы хотите, чтобы я стала вашими глазами, только ради этикета?

– Естественно, капитан! – воскликнул он. – Какая еще может быть причина?

Мы рассмеялись. Я ушла отдавать приказания. Наступило время пира.

Мне приходилось есть и более экзотические блюда, но кушанья, поданные нам, были довольно странными. Обеденный зал представлял собой огромную комнату, мраморные стены которой были увешаны гобеленами с героическими и гротескными сюжетами. Рисунки напоминали виденные нами в туннеле барельефы. Места было достаточно для всех – сюда поместилась бы наша экспедиция в полном составе – то есть столько людей, сколько отправились в погоню за архонтом. Роскоши такой я не видела даже в банкетном зале в Цитадели Магистрата в Ориссе. Освещение было яркое, но не резкое. Как я ни оглядывалась, не могла понять, откуда оно исходит, – нигде ни одного светильника или факела. Играла музыка, но нигде не было музыкантов, не было даже занавесок, за которыми они могли бы спрятаться.

Как и обещал Сарзана, матросы сидели рядом с офицерами, солдаты рядом с легатами, а разговор велся гораздо более интересный, чем обычно на банкетах. В общем, я решила, что такие порядки стоило бы ввести в Ориссе.

Я замечаю, что мой писец хмурится, видимо, не понимает, почему я назвала этот пир странным и не объяснила этого. Я могла бы напомнить ему, что только за день до этого мы носились по бурным морям, а теперь Сарзана – единственный обитатель острова – сидит между мной и Гэмеленом, а рядом – Холла Ий и Страйкер. Разве это не странно? Были и еще более удивительные вещи.

Прислуживали нам полулюди вроде того флейтиста, который приветствовал нас. Одеты они были еще более необычно, чем всадник на зебре. Некоторые носили украшенные драгоценностями платья, как у женщин, некоторые были в богатых костюмах, как у наших магистров, а другие щеголяли в позолоченных доспехах, которым позавидовал бы любой генерал.

Сарзана заметил мой интерес.

– Это все мое тщеславие. – Он махнул рукой. – Каждый из слуг одевается, как будто он – мой придворный. Поэтому я окружен господами и дамами, как в прошлом. Разве что, – в его голосе звучала горечь, – теперь мне не приходится опасаться измены, как тогда.

Я молча кивнула, поняв, что, как любому рассказчику, Сарзане нужно вступление к его истории. Непонятно только было, когда он начнет ее рассказывать.

Несмотря на пышные одеяния, полулюди прислуживали очень хорошо – моментально убирали пустые тарелки, быстро наполняли осушенные бокалы из золотых кувшинов.

Я хорошо помню каждую перемену блюд. К каждому полагалось особое, отлично подобранное вино. Мы начали с пищи, возбуждающей аппетит: печеночные паштеты, устрицы в раковинах сами по себе или со свининой и овощами, овощи со специями. Потом подали соловьиные языки в вине, они просто таяли во рту. Далее мы ели только что запеченного лосося, на несколько едоков приходилось по огромной рыбе. К ней можно было добавлять масляный или укропный соус, если хотелось разнообразия. Я предпочитала в качестве приправы лимонный сок. На следующую перемену принесли грибной суп, грибов разных видов было множество, и каждый обладал своим собственным вкусом, словно их готовили отдельно.

Далее шло главное блюдо – дичь с яблочным желе и ягодами, нафаршированная соленой свининой. Я спросила Сарзану, что за мясо мы едим, и он ответил, что это однорогая антилопа, обитающая на севере острова.

– Настоящий вызов охотнику, – добавил он. – Они никогда не ходят стадами, но живут поодиночке. Я и не знаю, как они спариваются.

– А вы сами охотитесь? – спросила Полилло, сидевшая недалеко от нас.

– Я – нет, – ответил Сарзана. – Это делают мои слуги. Охотятся и ловят рыбу. Я бы выглядел глупо на охоте – запыхавшийся и потный, пробирающийся сквозь чащу в изодранной одежде.

– Мы не видели здесь лодок, – заметила Полилло. – Ваши слуги ловят рыбу с берега?

Сарзана улыбнулся.

– Эти, – он обвел рукой зал, – не единственные, кто служит мне. Есть еще дельфины... тюлени... ястребы... и другие, кто решил прийти ко мне на службу.

Тут я вспомнила двух дельфинов, сопровождавших наш корабль, когда мы подплывали к острову. Похоже, они несли в зубах сеть, а на лбах у них вроде блестели диадемы, как у полулюдей.

– Решили прийти? – мягко спросил Гэмелен.

– Признаюсь, – сказал Сарзана, – я немного повлиял на них парой заклинаний. Но что с того? Эти создания сейчас живут гораздо лучше, чем раньше. Они охотились, но на них охотились другие, слабые погибали. Они болели, в бурю были беспомощны. Теперь, в обмен на то, что они и так делали в своем диком состоянии, они счастливы и здоровы.

Я подумала, что они потеряли свободу, но промолчала. Кстати, такие же аргументы насчет счастливой жизни в неволе приводят все владельцы зверинцев. Гэмелен тоже ничего не сказал.

Пир продолжался. Почти все вели себя примерно. Стражницы старались не напиваться. Даже Клингс, которая пользовалась репутацией пьяницы, чинно потягивала вино маленькими глоточками. Зато трое или четверо матросов решили не упускать случая. Они так быстро потопили мозги в алкоголе, что уже через несколько минут с их конца стола донеслась лихая песня. Сарзана не подал виду, что заметил что-нибудь, и наш разговор продолжался. Потом он бросил взгляд в сторону распоясавшихся матросов, и те сразу притихли.

Одна из моих женщин сказала, что видела, как матросов сначала охватила дрожь, а потом она прекратилась, и они мгновенно протрезвели. Сарзана контролировал поведение гостей не совсем обычными методами.

Тем временем принесли десерт: различные торты – фруктовые, ягодные – и сыры, да такие вкусные, каких я никогда в жизни не пробовала.

Как только я расправилась с десертом, послышался шум. Стражницы и матросы начали вставать со своих мест и уходить, словно только что закончился обед в казарменной столовой и последний бокал вина допит. Снаружи доносились крики сержантов, строивших взводы. Потеряв дар речи, я только и могла, что слушать, как они уходят строевым шагом.

В огромном зале остались Холла Ий, Гэмелен, Корайс и я. С облегчением я заметила, что в дверях стоит сержант Бодилон, которую я отрядила оставаться с Корайс, чтобы следить за Сарзаной. Вместе с Бодилоном остались две вооруженные копейщицы. Вид у них был встревоженный.

Сарзана посмотрел на меня.

– Капитан Антеро, прошу у вас прощения за некоторое превышение моих полномочий. Я просто подумал, что вашим женщинам лучше вернуться в казармы. У них был долгий день сегодня, они устали, как, кстати, и ваши матросы, адмирал Ий.

Почему-то никто из нас не протестовал, тревога ушла. Нас охватило теплое чувство – словно в зимний холодный вечер накинули на плечи шерстяной плед.

– Теперь, – сказал он, – мы можем перейти в другую комнату, где продолжим наш разговор. Я знаю о вас почти все. Я знаю вас, откуда вы родом. Я знаю о вашей погоне, битве с врагом, его гибели. Я знаю, что вы встретили бесчисленные опасности. И я знаю, что вас ждет... Но вы ничего не знаете обо мне, – он улыбнулся, – и сейчас мы это изменим... Я расскажу вам мою историю. Вы узнаете, как я стал тем, кем являюсь сейчас, и о зле, сокрушившем меня и великую цивилизацию Конии.

Глава тринадцатая ПРАВИТЕЛЬ КОНИИ

Сарзана повернулся и пошел прочь из банкетного зала. Он не пригласил нас за собой, но мы понимали, что должны идти тоже. Корайс взяла Гэмелена под локоть, и мы пошли следом. Полулюди, занятые уборкой, не обращали на нас внимания.

Мы шли по длинному коридору, напоминающему музей – на каждом шагу попадались статуи, на стенах висели картины и пестрые костюмы, принадлежавшие различным культурам.

Через арку мы попали в круглую комнату с камином посередине. Вечер был жарким, но огонь горел, хотя я и не ощутила исходящего от него тепла. Вокруг камина, на столиках возле удобных кресел, были расставлены стаканы и бутылки.

– Мне пришлось немного поворожить, чтобы узнать ваши вкусы, – сказал Сарзана, пытаясь восстановить атмосферу непосредственности. – Надеюсь, вы простите мне эту маленькую вольность.

Мы расселись, и я узнала фляжку на столе передо мной – она была полна талией, сладким десертным вином, которое в поместьях Антеро уже многие поколения подавалось только самым почетным гостям. Мы не снимали виноград с лозы, пока он не перезревал, потом осторожно собирали его и клали в чан, где он давился собственным весом. На мгновение я забыла, где нахожусь, взор мой затуманился далекими видениями, мне стало страшно. Последний раз я пробовала это вино несколько лет назад – тогда урожай был необычайно обильный, а надо вам сказать, талия – очень дорогое вино, и его производили только в самые урожайные годы. Мы выпили фляжку на двоих с Трис, в те дни еще ничто не омрачало нашей любви.

Я отвернулась, чтобы Сарзана не видел моих слез. Холла Ий, отдуваясь, проворчал что-то насчет того, как он благодарен повелителю Сарзане за напиток его родины – вытяжку из косточек сливы. По его словам, не многие обладали достаточно тонким вкусом, чтобы распробовать его.

– Не надо называть меня повелителем, – сказал Сарзана. – Мое имя одновременно означает и титул, а это для всех конийцев говорит само за себя.

Вот и ответ на один из вопросов Гэмелена.

Я сняла восковую печать с пробки острием кинжала, откупорила фляжку и налила немного вина в бокал для пробы. Вкус был очень похож на талию, но не совсем. Я спрятала улыбку. Магия Сарзаны была не такой уж безупречной. В вине ощущалась кисловатость – в нашей лозе этого никогда не было. Но мне пришлось признать, что сходство было ошеломляющим.

– Эту комнату, – сказал Сарзана, – я использую для воспоминаний. Оглянитесь.

Корайс и Холла Ий оглянулись, но я пристально смотрела на руки Сарзаны и, как учил меня Гэмелен, положила правую руку поверх левой, держа ладони открытыми вверх – так надо делать, когда наблюдаешь за магом. Я видела, как шевелятся губы Сарзаны, но слов не разобрала. Потом я тоже оглянулась, чтобы увидеть, что происходит.

Происходящее захватило меня. Мы оказались свидетелями разграбления прекрасного дворца. Со стен была сорвана обивка, ревело пламя. Я увидела, как красивую, отчаянно кричащую женщину волокут пьяные мародеры. Я видела, как негодяи хватают все, что попадает под руку, и ломают все, что не могут взять с собой, просто из любви к разрушению. Я видела солдат в доспехах. Некоторые были убиты, остальные – предатели – занимались грабежом. Какие-то богато одетые мужчины и женщины поощряли бесчинствующую толпу. Потом я увидела только голые мраморные стены с редкими вкраплениями экзотических минералов.

– Таково было мое падение, – сказал Сарзана. – В тот день моя любимая Копия потеряла последнюю надежду на величие, свободу и мир. – Выражение слабости мелькнуло и исчезло с его лица. – Я всегда помню об этом. Память причиняет боль, но я не хочу снисхождения в ссылке.

– Может быть, – тихо, но настойчиво сказал Гэмелен, – вы расскажете нам о стране, которой правили.

Губы Сарзаны искривились.

– Спасибо, воскреситель Гэмелен. Расскажу. Я не привык, правда, рассказывать и позабыл, что не весь мир знает о Конии и ее прошлом величии.

Он сел на кушетку и налил себе в бокал из кувшина прозрачной жидкости – кажется, это была простая вода.

– Мое королевство, – начал он, – находится далеко к югу отсюда, и, прошу извинить меня за некоторую поэтичность, оно похоже на россыпь драгоценных камней, рассыпанных среди волн. Кония состоит из множества островов, ее столица находится на острове Изольда – самом драгоценном алмазе в ее короне. Острова не похожи друг на друга, есть пустынные, есть атолловые, на самых южных возвышаются горы с нетающими снежными шапками – они еще не исследованы. Изольда отсюда в трех неделях пути при попутном ветре.

– Так много островов, – задумчиво произнес Холла Ий. – И все они обитаемы?

– Большая часть, – ответил Сарзана. – И в этом величайшая трагедия Конии. Иногда создается впечатление, что на каждом острове обитает отдельный народ, непохожий на ближайших соседей. А самое плохое – острова постоянно воюют между собой.

Я заметила улыбку, мелькнувшую на лице Холлы Ий, и поняла, о чем он думает – если соседи затевают свару, они становятся легкой добычей пирата.

– У нас, конийцев, – продолжал Сарзана, – общее только одно – горячая кровь. Мы скоры на гнев, суждения, любовь и ненависть. Есть пословица: «Если рядом с тобой кониец, у тебя будет и друг и враг». Боюсь, что здесь есть правда.

– Трудно править такой страной, – заметила Корайс.

– Очень.

– Вы унаследовали трон? – спросил Холла Ий.

– Нет. Как и ваш воскреситель, я был рыбаком. – Я успела заметить, что Гэмелен на мгновение испугался, но быстро взял себя в руки. – Вернее, не совсем. Моя семья занималась не столько сетями, сколько лодками, и самое главное – рыночным делом. Мы владели пятью баркасами, а десять других семей работали на нас.

– Вы обогнали меня, – вставил Гэмелен. – У нас была одна лодка, и ловили мы в реке, а

не в море, и еще у нас были долги.

– Я был бы счастлив, если бы моя судьба оставила мне рыбацкую долю, – сказал Сарзана, – и я бы не доживал свои дни на этом проклятом острове. Но я говорю наивно, друзья. Если человек рожден для трона, он неизбежно возьмет в руки скипетр. Царствование – судьба, а не профессия.

Холла Ий одобрительно хмыкнул, Гэмелен слегка нахмурился, но все молчали.

– Как я уже сказал, я ничем не отличался от остальных богатых рыбаков моего острова, за исключением одного: моя семья догадалась, что у меня талант к магии. На нашем острове, в отличие от других, деревенского колдуна уважали, особенно если он владел тем, что мы называем «искусством погоды». Но знания я получал нерегулярно – хватал, что подвернется. Специальной школы, как у вас в Ориссе, не было. Если бы у моей семьи было больше денег или мы стояли бы выше по социальной лестнице (правда, на нашем острове не было аристократии), меня бы послали в Конию учиться. Но этого не случилось. Думаю, это к лучшему, теперь я знаю, что случилось с благородными жителями Конии несколько лет спустя. Я достиг юношеского возраста, не очень отличаясь от своих сверстников. Я занимался торговыми делами, нанимал рыбаков и гарпунеров, изредка используя дар к магии, чтобы разнюхать, где удача вернее.

К сожалению, наш остров лежал в богатых водах на пути к самой Конии. Рыбы было видимо-невидимо. Но в нашем море плавало много двуногих акул – пиратов, работорговцев, даже купцов, которым не хватало гребцов. Все знали, что люди с Акульего острова, по их словам, рождаются со скованными ногами и руками, изогнутыми под рукоятку весла.

Каждый год пропадало пятеро, десятеро или даже больше наших рыбаков. Некоторых отпускали домой после одного-двух плаваний, других – нет. – Сарзана вздрогнул. – Я сам десятки раз подвергался опасности плена, но благодаря дару или изменял погоду нужным образом, или притворялся сумасшедшим. И, естественно, никогда не показывал работорговцам, что владею магией. Иначе я был бы для них желанной добычей.

– А разве ваше правительство не защищало вас?

– Правительство? – усмехнулся Сарзана. – Наши правители были далеко, им было все равно, что происходит с нами. О нашем острове вспоминали, только когда присылали налоговый корабль. Подати были тяжелы, хуже всякого пиратства. Кония управлялась или, вернее, не управлялась толком в течение многих веков одной-единственной династией, которая за это время выродилась. Простые люди ничего не видели от властей, кроме притеснений.

– Боги дали людям сталь, – сказала Корайс, – поэтому необязательно терпеть несправедливую власть.

Сарзана с удивлением посмотрел на Корайс.

– Может быть, об этом есть легенда в вашей стране, легат. Но не в моей. У нас говорили, что тот, кто убьет короля, умрет миллион раз, и его душе никогда не будет покоя. Ее будут мучить демоны. Вечно... Но мы уклонились от темы.

Однажды пираты окружили десять рыбацких лодок, сняли с них всю команду, а лодки потопили с идиотской жестокостью. Таково было начало конца. Мы, кораблевладельцы, собрались вместе и решили, что надо что-то делать. В тот день меня коснулась рука богов, потому что я знал, как именно следует поступить. Наверное, тогда я понял, на что способен мой дар. Мы должны отомстить, сказал я, и отомстить жестоко. Если мы будем терпеть такое, то из мужчин превратимся в евнухов, заслуживающих смерти, а наши женщины станут портовыми шлюхами. И наш остров лишится гордого имени повелителя морей и станет называться Медузным. Мой язык работал словно сам по себе, а когда я замолчал, все кричали, а потом несли меня на руках.

Сарзана вздохнул и продолжал:

– Мы организовали отряд. Рыбаки больше не плавали в собственные потайные уловные места. Мы стали выходить в море только группами – не меньше пяти лодок, шли известными маршрутами, и всегда на каждой лодке был наблюдатель, высматривающий вражеский

парус. В каждой лодке под сетями мы прятали оружие. Сначала у нас были только остроги, трезубцы и разделочные ножи, но когда первый пират совершил ошибку и напал на нас, мы обзавелись мечами, копьями и луками. – Он сурово усмехнулся. – Очень быстро мы научились владеть оружием и давали отпор всякому, кто был настолько глуп, чтобы приплывать к нам за рабами. Слухом земля полнится, скоро все узнали, что воды Акульего острова безопасны для всех, кроме торговцев людьми.

Глаза Сарзаны засверкали.

– С других островов к нам приехали рыбаки просить нашей помощи. Всем им мы говорили одно и то же: присоединяйтесь к нам и обретете мир. Никого долго уговаривать не пришлось – выгоды сотрудничества были налицо.

Холла Ий переживал рассказ не меньше самого Сарзаны.

– И вас избрали вождем? – спросил он.

– Естественно. А кого еще? Не прошло и года, как в водах нашего архипелага стало безопасно. Жители островов доверяли мне, поэтому они предложили мне править ими и в обычной жизни, а не только во время стычек. Я отобрал самых храбрых мужчин, и им платили только за то, что они всегда были готовы сражаться. Мы отрегулировали рыночные цены так, что рыбак, вернувшийся с лова, всегда имел достаточно денег, чтобы починить сеть и купить наживку. Споры у нас разрешал выездной суд, а не землевладельцы. У нас был собственный флаг. На нем был символ нашего движения – акула. И у нас был мир. Но ненадолго.

– Думаю, вашим правителям не понравилось, что появилось новое королевство посреди старого, – предположила я.

– Верно. Но все было не совсем так. У нас появился новый деспотизм, гораздо хуже, чем правление вырождающейся династии. Это – сами люди. Старый король умер. Появилась вакансия. На Кониин, на других островах чернь штурмовала дворцы правителей. До нашего острова донеслись вести, что старая династия свергнута в крови и пламени, и головы благородных, торчащие на колах, украшают улицы столицы.

Сарзана вздохнул.

– И тогда пришел страх. Знайте же, милостивые господа, если вам повезло и вы не знали тирании, что нет тирании хуже, чем насаждаемая толпой. Стоит только человеку благодаря уму, находчивости или везению подняться над остальными, как его немедленно устраняют. Так серп срезает прежде всего те колосья, которые выросли выше других. Я понял, что первый принцип монархии – царствовать справедливо, второй – те, кого боги сделали подданными, не должны влиять на решения монарха.

Я искоса посмотрела на Корайс, сохраняя бесстрастное выражение лица. Корайс сверкала глазами, словно ей отдали несправедливый приказ, который тем не менее она должна выполнить. Холла Ий, напротив, кивал, полностью соглашаясь. По лицу Гэмелена понять его мысли я не смогла. Сарзана между тем продолжал:

– Правительство свергли и торжественно собрали то, что они называли народным парламентом. – Он презрительно скривился. – Вообразите этих лавочников, солдатню, чумазных крестьян, шляющихся по дворцам, которые они обагрили кровью. И каждый из этого сброда вопил, что он знает, что надо делать. Они собрали правительство хуже некуда, а всякий, кто был лучше других, уничтожался, чтобы время королей никогда больше не наступило. Самым плохим было то, – мрачно продолжал Сарзана, – что вокруг новых правителей кормилась целая орава льстецов и подвывал, которые не давали понять этим дурням их полную неспособность управлять государством. В начале, когда восстание только началось, бедные землевладельцы, которые ничем никогда не помогали Кониин, а только грабили крестьян, сидя в своих поместьях, поняли, с какой стороны ветер дует, и немало пограбили вместе с чернью. Потом их выставляли напоказ, доказывая некроважность новой власти. Им, конечно, постоянно приходилось унижаться перед новыми хозяевами.

– Мне кажется, – сказал Гэмелен, – что к тому времени Акулий остров рассорился с остальной Кенией.

– Это так, – кивнул Сарзана. – Когда они поняли, что есть и другой путь управления государством, что у нас все свободно платили налоги и еще больше оставляли себе, они собрали карательную экспедицию, чтобы выжечь еретическое гнездо. И я понял, что, когда у народа есть внешние враги, с которыми надо бороться, управлять им значительно легче – Похоже было, что он давно хотел высказать эту мысль. – Они послали огромный флот, приказав полностью разграбить нашу землю. У старого режима, может быть, что-то и вышло бы. Но не у этих голодранцев. Несколько месяцев они набирали солдат, переучивали торговых мореходов в боевых офицеров, а потом у них начались проблемы со снабжением. И все это отняло много времени, времени, которого у них не было. Дело в том, что со мной что-то случилось. Однажды – я решил говорить правду, а то бы сказал, что в этот день сверкала молния и ударял гром, – так вот, тогда я... понял. Я не знаю, каким другим словом это описать. Что, Гэмелен?

– Я понимаю вас, – отозвался воскреситель. – Известно, что у самых одаренных магов иногда внезапно наступает миг прозрения и они за короткое время постигают свое ремесло.

– Верно! – взволнованно воскликнул Сарзана. – Раньше я никогда не говорил об этом с другими. Какое счастье узнать, что ты не один. С тех пор, как я получил силу, я понял, что не могу доверять ни одному магу, который может представлять для меня угрозу. Поэтому я и молчал. Я чувствовал, что мои враги копят силу. Но моя собственная мощь росла быстрее. Иногда мне казалось, что поддержка моих подданных укрепляет меня.

Сарзана замолчал и осушил еще один бокал. С рассеянной, направленной в прошлое улыбкой он посмотрел на нас.

– Когда флот приблизился к Акульему острову, его настиг страшный шторм. Шторм вызвал я, конечно. Всего против нас выслали более двухсот кораблей. Сколько их разбилось о скалы! Когда ветер утих и выглянуло солнце, мы выплыли на своих маленьких лодках против больших многовесельных галер. Мы атаковали их, как барракуды, рвущие на части камбалу. А когда все было кончено, победа осталась за нами, жителями Акульего острова. И мы стали самой могучей силой в Конии. Мы знали, что нам делать. Мы не могли забросить мечи и вернуться к рыбной ловле – негодяи нападали бы снова, пока не одолели бы нас.

Мы собрали свой собственный флот. Корабли были не только с нашего острова. В Конии было много недовольных новым порядком, тех, кто понимал, что такой порядок несет смерть нации. На рейде Изольды стоял флот из тысячи судов. Мы ожидали битвы, но сражаться оказалось не с кем. Чернь не приняла боя. Часть разбежалась, некоторые отреклись, а другие предпочли наложить на себя руки, чтобы не видеть, как в мир возвращается порядок.

Меня несли от порта, где причалил мой флагман, до дворца монархов. Там меня дрожащими руками короновал один из уцелевших членов правящей династии. Это было почти тридцать лет назад.

Сарзана сидел молча, прикрыв глаза, вспоминая славное прошлое. Мы не осмелились нарушить молчание.

Потом он сказал:

– Сначала все шло хорошо. Все были рады, что правление толпы кончилось. Я старался наказывать как можно мягче, не хотел мести. Милосердное правление явилось причиной моего падения.

– Как это? – спросила Корайс.

– Легат, такого вопроса от воина я не ожидал. Позвольте мне привести пример. Повернетесь ли вы спиной к поверженному врагу, если у него на поясе висит кинжал?

– А-а, – кивнула Корайс.

– Ну вот видите. Некоторых из тех, кто посылал флот против меня и тех, кто убивал придворных, я просто выслал на пустынные острова или просто приказал не выходить из их собственных домов. Других, провинившихся серьезнее, я посадил в тюрьму. Только несколько человек были казнены.

И к чему это привело? Сосланные устраивали заговоры, находясь в безопасности,

далеко от моих глаз. Те, кого я казнил, стали страдальцами. Заключенные в тюрьме писали подметные письма, готовя новое восстание. Письма тайно передавали из рук в руки.

– К этому должен быть готов всякий, – цинично заявил Холла Ий, – кто захватывает власть. Я согласен, что вы были слишком мягки. У меня на родине, если кто-нибудь захватывает трон, он первым делом избавляется от братьев и дядьев, чтобы родственники не претендовали на его место.

Тут я не выдержала и сказала:

– Сарзана, послушайте, в моем городе за последние годы произошли большие изменения, но никто не устраивает заговоров против магистров и воскресителей, по крайней мере, я не знаю об этом.

– Мне кажется, капитан, что ваша нация более флегматична, – заметил Сарзана. – Помните, я говорил, что конийцы отличаются горячей кровью и скоры на расправу? Таким народом можно править только жесткой рукой. Конийцы не станут бороться против жестоких, но справедливых законов. Но у меня была еще одна проблема, и благодаря ей возник заговор.

– Аристократия, о которой вы говорили? – наугад спросила я.

– Именно. Сначала знать не могла мною нахвалиться. Но потом я понял, что в их руках находится слишком большая власть, которая мешала моим предшественникам на троне, и этой власти сотни лет. Некоторые из них собирали ренту за земли, которых никогда не видели, другие владели островами и водами, омывающими их, как своей безраздельной собственностью. А рабы оставались рабами без малейшей надежды на освобождение.

При этих словах я встрепенулась, потому что в Ориссе до недавних пор было то же самое, и только благодаря моему брату, Амальрику, все изменилось.

– Более того, у некоторых из них были документы, дающие им право нарушать закон и наказывать всякого, кого они пожелают. Они владели обширными землями и изнуряли крестьян грабительской рентой, а у многих бедняков были лишь маленькие полоски наделов для прокорма. Может, мне не стоило действовать так круто. Но отвращение к несправедливости зажгло огонь в моем сердце и вложило меч мне в руку. Я объявил, что все привилегии знати будут пересмотрены.

Это была искра. И она упала на сухой трут, потому что боги отвернулись от Кониин. Сначала наступили ненастные года – бури обрушились на нашу землю. Потом пришла засуха. Из наших морей ушла рыба. Впервые на памяти людей в Кониин начался голод. Искра стала пламенем. Несколько внешних островов подняли восстание против меня, и я был вынужден послать солдат, чтобы подавить его. К сожалению, командиры отряда были слишком жестоки, по их словам, самый прочный мир царит на кладбище. А мои советники скрывали от меня истинное положение вещей, поэтому я думал, что все идет хорошо.

А потом против меня применили самую черную магию. Каким-то образом мои враги получили силу, превосходящую мою. Не знаю, откуда они ее получили – была ли она врожденная, или они заручились поддержкой могучего демона, или просто продали души миру тьмы, не знаю. Но как я ни сопротивлялся, все было бесполезно. Между мной и будущим пролегла пропасть. Я не мог больше предсказывать, что принесет завтра.

Потом начался мятеж. Мужчины и женщины выходили на улицы, ослепленные гневом. И снова толпа убила Конию. Но на этот раз за ней стояла подлая хитрость. Аристократы направили злобу конийцев против того, кто был их защитником и покровителем. И меня свергли, меня и моих соратников, тех, кого я нашел в разных частях страны и возвысил за их таланты и любовь к народу. И моя родина не ведала большего горя.

Он снова замолчал. На этот раз надолго.

– Они убили бы меня, – тихо произнес Сарзана после паузы, – если бы не их жестокость. Сначала меня приговорили к смерти. Но потом приговор отложили, сказав, что казнят меня позже, когда им этого захочется. Аристократы понимали, что скоро жители очнутся и вспомнят, что я принес им спасение.

– Вы говорили о каком-то проклятии...

– Я случайно узнал, что солдатам, отданным мне как бы в распоряжение, сказали, что они должны быть готовы расправиться со мной. Моя магия якобы меня не защитит, а им не повредит. И никто не узнает, кто был убийцей, а все, наоборот, будут щедро вознаграждены золотом и землями. Я заметил, – цинично усмехнулся Сарзана, – что деньги заставляют людей забыть о далеких богах и об их нестрашных карах за грехи.

– А что думали жители этого острова, Тристана, когда вас сослали сюда? – спросила я. – И... что с ними случилось?

– Сначала они ничего не знали, потому что бойня на Конии обошла их стороной. Они были рады, что здесь строятся новые здания. Этот дворец к тому времени был уже наполовину построен. Его заложил один сумасшедший помещик, имевший много денег и мало дел. Стройка еще не была закончена, когда он в пьяном виде, выкрикивая стихи, свалился со скалы. Новые властители приказали достроить дворец, где я должен был жить, пока меня не умертвят. Также они выслали боевые корабли, которые должны были охранять остров от пиратов.

Сначала жители были рады солдатам. У них были деньги, новые песни и рассказы, а женщины деревни уже устали от своих сельских ухажеров. С этого начались проблемы. Офицеры гарнизона должны были вмешаться, но не сделали этого, предпочитая заниматься своими амурными делами. Я не знал, что делать, но понимал, что меня не выпустят из золотой клетки, пока не придет убийца.

К счастью, мой дар вернулся. То, что застилало мне видение будущего, исчезло, хотя на меня все еще давила моя многомесячная беспомощность. – При этих словах Гэмелен вздрогнул. – Мне нужны были союзники. И мне нужно было упражняться в магии, чтобы восстановить силы.

– Животные? – подсказала я.

– Да. Невинные, не испорченные человеком души. Они всегда страдают от рук людей. Я решил защитить их. Наложил специальные чары. Поэтому, когда солдаты шли охотиться на них, звери узнавали об этом заранее.

– А полулюди?

– Эти созданы мной. Разве они не замечательны?

– Нужна очень сильная магия, чтобы создать жизнь, – произнес Гэмелен. – Некоторые считают это работой тьмы.

– Когда человек сражается за свою жизнь и за жизни других людей, нет места вопросам морали. Пусть историки занимаются ими – в библиотеках люди будут читать о злодее-правителе с окровавленными руками. Я никогда не понимал людей, которые указывают лежащему на арене гладиатору, что и как ему делать, чтобы не потерять достоинства.

С этим я могла бы поспорить, но не стала. Как я могла вмешиваться в воспоминания человека с дурацкими вопросами насчет морали? Это было бы и глупо и опасно. Может быть, он правил суровее, чем правила бы я на его месте (вряд ли, правда, нашлись бы глупцы, способные предложить мне корону, а я бы вряд ли настолько сошла с ума, чтобы принять ее). Но я чувствовала, я была совершенно уверена, что Сарзана хотел добра конийцам, а его безжалостно предали. Эта мысль вызвала почему-то теплоту, и я внезапно поняла, что носящие корону не должны быть судимы нами, простыми смертными.

– Эти создания, – сказал Сарзана, – стали мне лучшими друзьями, чем болтливые щеголи, крутившиеся вокруг моего трона. Они... я не знаю подходящего слова ни в вашем, ни в моем языке... если бы речь шла о людях, я сказал бы «души», а это... духовное воплощение животных, убитых на земле или в море. Я дал им новые тела, оживил их, дал силу и способности, которых у них раньше не было. Они понимают это и не устают меня благодарить. Когда – вернее, если – я смогу выбраться с этого острова, я освобожу их, и они станут владеть этой землей, и будут править более милосердно, чем люди, и между земными и морскими тварями воцарится мир.

Но возвращаюсь снова к моей истории. Я почувствовал однажды, что к острову приближается корабль и на нем находится человек, везущий приказ убить меня. Кажется,

жители деревни тоже что-то заподозрили, потому что, когда я спустился по лестнице к морю, я слышал, как они ропщут против солдат, и рыбаки всячески старались меня подбодрить. Это глубоко тронуло меня, я всегда поражаюсь, как люди, стонущие под железной пятой, могут сохранять в себе человечность. Я вспомнил о своей родной деревне за много миль и лет отсюда.

И настал день, когда курьер прибыл. Я ждал смерти, но ничего не происходило, жизнь текла как обычно, мне только запретили заходить в деревню. Однажды меня грубо схватили и бросили в комнату в подвале. Охранял меня целый взвод. Я подумал, что все кончено. Но на следующий день встало солнце, а я был еще жив, и меня освободили! Теперь я мог свободно гулять по острову, потому что жителей не было!

– Как это? – спросила Корайс.

– Ночью солдаты велели всем садиться в лодки, с собой ничего не брать. Переполненные лодки военные корабли взяли на буксир. Это я узнал из разговоров охраны. Пришлось прибегнуть к гаданию, чтобы узнать остальное. Лодки увели далеко от острова. Солдатам было приказано расправиться со мной без свидетелей, и они с радостью пошли на ужасное злодейство, думая, что таким образом обманут и избегнут кары, предназначенной роком царевубийцам. Огромные корабли таранили лодки, мужчины, женщины, дети – все утонули или были застрелены лучниками. Никто не спасся.

Я знал, что мои дни тоже сочтены. Я был в отчаянии. Я долго думал и вдруг понял, что кровь – великое оружие, усиливающее действие магии. Смерть жителей деревни – а я думал о них как о своих подданных – не должна была быть напрасной. Я сотворил первое из своих великих заклятий. Оно пронеслось в ночи как буря. Солдаты ничего не почувствовали. А звери, мои слуги и друзья, загорелись жаждой мести за поколения их предков, истребленных людьми. И они забыли страх перед человеком, вложенный в их души богами.

И они отомстили – в течение одной кровавой ночи. Должен признаться, я прислушивался к крикам с удовлетворением. Мое заклинание заставило зверей поступить с солдатами точно так, как те поступили с рыбаками. Некоторые умерли легко, во сне, некоторые сопротивлялись и были разорваны в клочья, кто-то пытался спастись на кораблях и был утоплен дельфинами. К рассвету я был единственным человеческим существом на Тристане.

Я приказал сбросить тела со скалы, чтобы их унесло морем. Потом я со своими слугами отвязал корабли в гавани – это было нелегким делом, – и их унесло течением, где-нибудь водоросли или морские чудища утащат их на дно морское. Не осталось ни одного корабля.

Сарзана замолчал. Мы тоже молчали. Его рассказ привел меня в ужас. Конийцы и правда были горячи – и те, кто правил, и те, кем правили.

Потом он снова заговорил:

– Трупы в казармах я не стал трогать, чтобы они служили предупреждением всем, кто приплывает на остров с недобрыми намерениями.

– Это не должно было особенно помочь, – заявил Холла Ий. – Властители Кони должны были послать новых убийц.

– Они так и сделали. Но против них у меня было второе заклинание, сбившее их с пути. Простое заклинание, правда, воскреситель?

– Правда. Но скрыть целый остров очень трудно.

– О нет, я не стал с этим связываться, – в голосе Сарзаны звучала гордость, – просто в четырех-пяти днях от острова корабли настигал магический туман. Штурман начинал сомневаться в картах, капитан переставал доверять своим подчиненным и так далее... Этого было достаточно, чтобы обеспечить мне покой, пока я сам не захочу, чтобы меня нашли. Кроме того, мало кто пытался выяснить, что на самом деле со мной произошло. Легенда о смерти, грозящей всякому, кто попытается убить меня, стала хорошей защитой. А кто станет рисковать навлечь на себя гнев богов, если можно без этого обойтись?

Сарзана встал, потянулся и обошел нас, заново наполняя наши бокалы.

– Уже поздно, – сказал он. – Или, вернее, уже рано. А вам надо много поработать,

чтобы подготовить ваши корабли к плаванию. Всем лучше идти спать.

Мы встали и подняли бокалы в его честь. Когда мы выходили из комнаты, мне в голову пришла одна мысль. Я набралась смелости и спросила:

– Сарзана, вы сказали, что видите будущее. Вы знаете, что вас ждет? Вы так и останетесь один до конца дней?

– Трудно предсказывать для себя, – ответил он. – Я что-то вижу, но, может быть, это просто мечта. Мне кажется, будто я возвращаюсь в Конию. Я знаю, что где бы я ни сошел на берег, люди вспомнят меня. Много утекло воды, и зло аристократов скоро вызовет новое восстание. Может, это глупо или я просто мечтатель, но я надеюсь, что мои острова снова будут жить в мире. И я принесу мир людям. Но вдруг это всего лишь счастливый мираж?

– Почему вы не использовали какой-нибудь корабль, управляемый вашими животными, чтобы вернуться в Конию? – Корайс, как всегда, была практична. – Вы же из семьи рыбаков.

– Я уже сказал, что магическая сила, победившая меня, исчезла, но не окончательно... Или я все еще не могу прийти в себя после своего падения? Я не могу спокойно подумать о морском путешествии. Возможно, на меня были наложены чары... Поэтому я не могу сам выбраться с острова. Меня должен спасти кто-то, кто доверяет мне. О как щедро награжу я человека, который поможет мне вернуться к власти!

Корайс осталась ночевать во дворце, а мы принялись спускаться по огромной лестнице. Ночь была лунная, светлая. Я подождала, пока Холла Ий ушел со своими матросами к шлюпке, вытасненной на берег, и спросила Гэмелена, что он обо всем этом думает.

– Он – король, – ответил воскреситель. – А короли смотрят на мир не так, как я. Я думаю, что он желает добра своему народу. Я не чувствую зла в нем к тем, кто сверг его. Я думаю, что он говорил правду насчет того, что аристократы еще более свирепы, чем он сам или убийцы-солдаты. Но это только мои впечатления, за ними не стоят факты или магия. Если бы мои способности вернулись хотя бы частично, я знал бы о нем больше. А что почувствовала ты?

– Примерно то же самое, – сказала я. – Вернее, даже меньше – я так ничего и не разобрала, что там с аристократами. Но мне тоже кажется, что Сарзана желает людям добра, – я улыбнулась, – насколько это вообще возможно для короля.

Гэмелен усмехнулся и отправился к маленькому коттеджу, который я отвела для него. Он шел к нему, как будто мог видеть, и я с восхищением подумала, насколько он быстро смог приспособиться к своему увечью. У двери он обернулся.

– Было очень интересно поговорить с другим магом, чьи способности оказались не хуже моих... когда они у меня были. Не обижайся, Рали, у тебя еще все впереди. Когда он заговорил о нашем искусстве, мне показалось, что я нахожусь в храме Воскрешения в Ориссе. – Он вздохнул. – Я считаю, нам нужно продолжать плыть по течению, как мы делали раньше. Может быть, Сарзана поможет нам вернуться домой. Он действительно великий маг. Если он согласится помочь, понятно, чего он потребует взамен. Он достаточно ясно намекал в конце рассказа. И мне кажется, игра стоит свеч.

Он пожелал мне спокойной ночи и вошел в дом.

До рассвета оставалось всего около часа. Я подумала, что не усну под впечатлением рассказа Сарзаны, а если даже усну, ничего хорошего это не принесет – буду потом весь день ходить сонная. Лучше прогуляться, чтобы свежий воздух выветрил вино из головы.

Я пошла по песку вдоль моря. По пути мне отдали честь двое часовых. Я не стала беспокоить их разговорами. Ночь была тиха и тепла. Я зашла по колено в теплую воду и ударила рукой по поверхности, разбрызгав лунную дорожку и хихикнув как ребенок. Чувство счастья не оставляло меня. Мне хотелось только одного... Усилием воли я отогнала от себя эту мысль, не успев додумать ее.

Я дошла по берегу до устья залива и наткнулась там на одну из наших лодок. Я решила посидеть там до рассвета, помечтать. Но место было занято. Дика и Исмет, обнаженные, лежали на плаще, обнимая друг друга. Мне стало радостно и грустно одновременно.

Я услышала шаги за спиной и обернулась. Это была Полилло. Она часто стояла на часах в предрассветную смену.

Мы посмотрели друг на друга, потом на женщин, спящих на песке.

Я наклонилась и укрыла их плащом. Дика улыбнулась, но не пошевелилась.

А потом я пошла прочь. Одна.

Глава четырнадцатая В КОНИИ

Наступил день, когда мы были готовы отправиться в путь. Какая работа была проделана перед этим! К тому времени, когда наши галеры, выглядевшие совсем как новые – казалось, что их носы только что были окроплены свежей жертвенной кровью, – стояли на якоре в бухте острова, те из нас, кто мечтал купить лодочку к старости для рыбалки, прокляли свою мечту. Амальрик всегда рассматривал корабли как удобный транспорт для перевозки своих товаров, но я теперь стала относиться к ним по-другому – мне хотелось стать величайшим воскресителем и осушить все моря, чтобы слабоумные – я имею в виду моряков – и все остальные могли использовать воду только для купания.

Может показаться, что я переигрываю, но это так и есть. Послушайте, что нам приходилось делать, чтобы галера снова стала пригодной к плаванию.

Сначала с кораблей свозили все, что можно погрузить в шлюпку, осадка при этом уменьшалась. Потом корабли подводили к берегу, где не было камней, и волоком вытаскивали на сухое место. С боков надо было подкладывать под корпус бревна, чтобы корабль не упал.

Далее мы соскребали с корпуса ракушки и водоросли. Руки при этой работе обдирались мгновенно. Думаю, оторванных от нашей кожи кусочков хватило бы, чтобы сшить пояса для целой армии. Очень скоро все эти ракушки сдохли и начали гнить и вонять. Довольно долго около каждого нашего славного корабля стоял весьма специфический запах. Для очистки корпуса требовались – по словам Клисурь – здоровые мышцы и отсутствие мозгов, поэтому, дескать, стражницы прекрасно подойдут. Я сначала пришла в ярость, но потом, поняв, что это шутка, успокоилась и даже пришла в хорошее настроение. Впрочем, оно быстро улетучилось, когда я поняла, что мне придется работать вместе со всеми.

– Я думала, – пробурчала Исет, ковыряющая корпус по соседству со мной, – мы будем благородными охотницами, а не судомойками при этих гробах.

– Делу время, потехе час, – с достоинством ответила я. Мы не единственные проклинали все на свете – Холла Ий и Клисуря гоняли своих матросов еще больше. И, как оказалось, очистка корпуса – не самая худшая работа. Плохое еще было впереди. Я отрядила провинившихся стражниц, которых недостаточно было наказать оплеухой от сержанта, и они присоединились к проштрафившимся матросам, которых было гораздо больше. Им пришлось снять с кораблей сгнившие канаты, свернуть их в огромные бухты на берегу, а потом расплести каждый канат. Получившуюся паклю с помощью клина и киянки вбивали в щели между досками. Эта работа устраняла течи, поэтому даже ленивейшие матросы работали с рвением. Впрочем, боцман с линьком то и дело похаживал туда-сюда, зловеще поглядывая на работающих. Но он не имел права стегать кого-нибудь из стражниц.

Полилло объяснила это ему очень просто:

– Только маранонка может коснуться маранонки.

Боцман смерил взглядом мышцы Полилло, посмотрел в ее холодные глаза и согласился.

Когда корпуса были проконопачены, наступило время покраски. Краска готовилась из смолы, масел и каких-то ядов, добытых из растений, найденных на острове. Яд должен был какое-то время отгонять от корабля новые ракушки, чтобы те не могли поселиться на корпусе снова. Каждый такой моллюск замедлял движение судна, которое хуже слушалось руля и весел, а некоторые особенно зловредные виды точили

дерево, вызывая течи. Кстати, сгнившие доски пришлось заменить. Нам повезло, мы нашли плотницкую мастерскую с запасами высушенных досок и бревен. Это дало нам возможность также починить сгнившие и сломанные мачты. Доски перед использованием пришлось, правда, просмолить. В деревне мы также нашли пеньку и поменяли весь такелаж.

Потом пришлось очищать корабли от нежелательных пассажиров. Если бы мы были в Ориссе, воскреситель специальным заклинанием извел бы всех мышей, крыс и другую живность. Нам пришлось пользоваться другими методами, по крайней мере сначала. Но после того, как один матрос чуть не умер от отравления дымом серного факела, я решила, что надо что-то делать. Вместе с Гэмеленом мы придумали заклинание, которое, слава богам, сработало хорошо. Для чар понадобилась крысиная кровь, сушеные насекомые с корабля, лепестки очень пахучих ночных цветов, глина с деревенского кладбища и несколько простых слов на древнем ориссианском. Скоро галеры были полностью очищены.

Все было тщательно проверено, заменено или починено. В конце концов все было готово, и корабль спустили на воду.

Это был один корабль. Потом на берег вытащили другой, и все началось сначала.

Работа выматывала, но кое-кто из нас находил время для других дел – хороших и плохих. Я заметила, что Дика все больше времени проводит в компании Исмет. Они спали не в деревне, а куда-то уходили. Я, в общем, не возражала – и разговаривая в постели, можно многому научиться, а наша сержант часто брала молодняк под свое крыло. Кроме того, Исмет знала, каким образом безболезненно закончить роман, при этом не страдали ни дисциплина, ни сердце ее подружки.

У других любовные отношения начинались, возобновлялись или продолжались. Я раньше считала морские путешествия романтичными. Выяснилось, что на военном корабле романтики маловато: уборной – парусиновой палаткой – приходилось пользоваться очень быстро, чтобы не создавать очереди, и трудно остаться наедине со своими мыслями, когда в двух футах от твоей головы болтается гамак соседки.

И еще начались обычные проблемы с мужчинами. То и дело к кому-то из стражниц начинали приставать, иногда вежливо, иногда – грубо, как будто боги дали право морякам владеть каждой встречной женщиной. Я не знаю, почему все мужчины считают, что если женщина предпочитает любить женщину, значит, у нее никогда не было «настоящего парня». И интересно, что не только здоровые мужики так считают. Я слышала, как невзрачный писаришко уламывал высоченную, затянутую в доспехи сержанта, обещая ей «такую ночь любви, что она забудет все эти глупости». Ха! И ведь не только матросы вели себя так, в Ориссе, в казармах, это было постоянной проблемой, там вокруг стражниц все время крутились богатые маменькины сынки.

Хватит об этом. Просто скажу, что этих незадачливых любовников было легко отвести – либо шуткой или насмешкой, либо хорошим ударом ниже живота, туда, где живет их душа.

Когда все основные работы были сделаны, я твердо сказала Холле Ий, что с остальным справятся его матросы. У нас было другое дело – мы должны были обеспечить наш флот провизией.

Я хорошо помню нашу первую великую охоту. Мои женщины кричали и били копьями в щиты, и огромный кабан с фырканием выскочил из кустов... Кабан тогда бросился в мою сторону, сверкая желтыми клыками, из раны на его плече, нанесенной копьем, сочилась кровь. И в мире в тот момент не осталось людей, кроме меня, и огромный зверь грозил ужасными изогнутыми мечами клыков. Кабан напоролся прямо на мое копьё. Удар отбросил меня, я упала на одно колено, успев упереть древко копья в землю. Копье наполовину ушло в тело чудовища. Оно с ревом рассталось с жизнью и упало на бок, так и не успев понять, отчего умирает.

Стражницы нарушили построение и подбежали ко мне, выкрикивая поздравления. Не обращая на них внимания, я вознесла благодарственную молитву Маранонии и попросила ее обращаться с духом погибшего животного хорошо. Этот кабан заставил нас побегать по

крутым склонам дальней части острова. В конце концов обезумевшее от ярости животное попыталось прорваться через линию загонщиков. Обреченный на гибель, кабан храбро сражался и умер в бою. Полилло и другие стражники громко вознесли ему хвалу как павшему воину.

Для них охота была благороднейшим из занятий, уступая первое место только войне, а для некоторых моих женщин, кто был родом из отдаленных провинций, охота была вообще религиозным обрядом. Для меня это был хороший спорт, проверка мышц, умения читать следы, а в конце ждала награда – мясо собственноручно добытой дичи. Но другие забавы нравились мне еще больше – например, ориентирование на местности, скалолазание, отслеживание животных не для убийства, а чтобы посмотреть на них. Охотясь, я предпочитала убивать добычу как можно безболезненнее и, по возможности, неожиданно для нее, чтобы смерть приходила без боли и страха.

Мне всегда было интересно знать, что чувствуют другие и как их чувства отражаются на выполнении необходимой задачи обеспечения экспедиции мясом для засолки. Полилло, как я уже говорила, считала охоту самой веселой забавой. Она любила охотиться одна или в компании одной-двух таких же проворных стражниц. Она поднимала дичь, гнала ее и убивала коротким копьем или даже топором, швыряя его на бегу со смертельной точностью. Раненое животное она добивала ножом.

Корайс считала охоту не только утомительным, но и скучным занятием. Она охотилась одна и ни разу не пришла с пустыми руками. Ее методы отслеживания были просты, но трудоемки. Сначала она несколько раз обходила район будущей охоты – днем и в сумерках, чтобы хорошенько разузнать повадки животного. Потом она находила укромное место и пряталась там в то время, когда добыча спала. Долгое сидение в засаде всегда вознаграждалось – рано или поздно зверь проходил мимо охотницы. Корайс предпочитала пользоваться коротким тугим луком и редко тратила больше одной стрелы за всю охоту.

Другие предпочитали охотиться в группе. И смет любила сама расставлять загонщиков и бойцов, предварительно рисовала схемы на песке, чтобы каждый понял свою задачу. Мне всегда казалось, что охота для нее – игра для ума с точно рассчитанными движениями и перемещениями, а добыча – награда за удачно проведенную партию.

Мы соблюдали запрет Сарзаны и не охотились на его полулюдей – их и так бы никто не стал убивать, – и мы также не трогали животных с диадемами. Конечно, мы соблюдали кодекс охотников и щадили животных с детенышами и беременных самок. Вся дичь, убиваемая нами, использовалась только для еды. Мы не охотились за птицами с великолепными перьями, которыми можно было бы замечательно украсить шлемы, не трогали пушных зверей, шкурки которых здорово смотрелись бы на щитах. После потрошения и снятия шкур мясо или коптилось, или солилось, потом мы клали его в бочки. Иногда мы также ловили птиц сетью.

Рыбалкой мы не занимались – наши мореходы вместе с дельфинами Сарзаны обеспечивали нас рыбой. Я видела, как они это делают – очень интересно. Матросам надо было только зайти по пояс в воду. Дельфины гнали рыбу на них, точно так же, как собаки загоняют овец в стойла в горах Орииссы. Выглядело это так: в заливе вдруг начинались всплескивания, хлопанье рыбьих хвостов по воде, суета. Потом мы видели, как стаи рыб пытаются спастись от старательных дельфинов. Когда косяк подходил близко к берегу, люди окружали его бреднем и выволакивали сверкающую серебром сеть на песок.

Я заметила, что Сарзана сам принимал участие в этих рыбацких вылазках и всегда следил, чтобы часть рыбы доставалась на его долю. Потом он довольно неловко для человека из рыбацкой семьи входил в воду и бросал каждому дельфину одну-две рыбины.

Я рассказала Гэмелену об этих подачках, и он улыбнулся.

– Разве я не говорил, что в магии много от мошенничества? Сарзана весьма неглуп, он не растрчивает понапрасну волшебную силу, когда верность слуги можно обеспечить парой тунцов.

Мы запаслись также овощами – часть засушили, а часть держали свежими – Сарзана

наложил на них специальные чары. В таком виде их можно было хранить месяц или два. Яйца мы сварили в горячем жире, и они не скоро должны были протухнуть.

В конце концов все приготовления были закончены, всем хотелось поскорее выйти в море. Орисса лежала за много лиг от нас, и мы все еще не знали пути домой. Все понимали, что приходится расставаться с гостеприимным островом. Нас ждало море.

На острове Сарзаны мы не только починили корабли и пополнили припасы. Мы хорошо отдохнули, сбросили напряжение безумной погони, битв, пролитой крови, правда, все понимали, что между нами и домом лежит полмира и моря, по которым нам предстоит плыть, мало похожи на мирные деревенские пруды.

Однажды случилось безобразное происшествие, нарушившее наше мирное пребывание на острове.

Я только заступила на ночное дежурство, когда в караулку ввалились две стражницы. Это были Ясена и Эббо, копейщица. Они обе должны были находиться с отрядом Корайс на плато, там, где стоял дворец Сарзаны. Они тяжело дышали и не сразу смогли заговорить. Оказалось, что на них напали.

– Что случилось, конкретнее?

– Мы не знаем всего, капитан, – сказала Ясена. – Мы слышали крики, выбежали из помещения на улицу, легат Корайс и сержант Бодилон уже были там. Легат Корайс приказала нам вооружиться и спешно доложить вам. Она сказала, что сама не ранена, но настаивала на вашем присутствии. Она сказала, что не надо поднимать по тревоге всю гвардию.

– Еще что-нибудь?

Ясена поглядела по сторонам – не подслушивает ли кто – и сказала:

– Легат была совершенно обнажена, если не считать меча.

Я подумала, что Корайс могла быть права, а могла и ошибаться. Я приказала сержанту удвоить караулы. Потом она должна была разбудить стражниц, но очень тихо, чтобы не проснулись матросы. Я передала командование Полилло и, взяв с собой пятерых моих самых надежных женщин из ночного караула, отправилась вверх по огромной лестнице, сопровождаемая Ясеной и Эббо.

Отряд Корайс размещался в небольшом куполообразном каменном павильоне. В нем можно было разместить достаточно воинов. Павильон стоял на небольшом возвышении и из всех построек на плато был наилучшим образом защищен. Несколько факелов освещали здание, я побежала к нему, заметив на ходу, что во дворце Сарзаны тоже зажглись огни.

Женщины Корайс уже подготовились к битве – мечи обнажены, на луки натянуты тетивы, по несколько стрел заткнуто за пояс. Корайс, уже облаченная в броню, сидела за столом около входа. Лицо ее было мрачнее тучи.

Она поднялась и отдала честь, когда я вошла. Я не успела ни о чем ее спросить, как она сказала:

– Капитан, разрешите поговорить с вами наедине?

Я приказала остальным выйти. Корайс посмотрела по сторонам и, видимо, решила, что опасность быть подслушанной не исчезла. Мы вышли за дверь. В неровном свете факелов я видела, как блестят доспехи расставленных Корайс часовых. Мы остановились. Она молчала несколько секунд. Ее лицо было бледным, губы дрожали – такой я не видела ее даже после гибели друзей. Очень ласково я попросила ее объяснить, в чем дело.

Она сказала, что решила этой ночью из-за теплой погоды спать под открытым небом, на раскладушке около входа в павильон. Вряд ли это было неосторожностью, так как с четырех сторон, не очень далеко от нее, были посты часовых. Она чувствовала себя в безопасности.

Она легла в шелковой ночной рубашке с подкладкой, на которую в случае тревоги можно было надеть доспехи.

– Я... мне снился сон, – сказала она и замолчала. Мне хотелось поторопить ее, но я знала, что этого не следует делать. – Мне снились... мужчины, – запинаясь выговорила

она. – Вернее, один мужчина. Во сне я видела его отчетливо, но теперь плохо помню – кажется, он был высокий, мускулистый, с короткими черными волосами, вроде бы чисто выбритый. Его улыбка обещала удовольствия... И он был обнажен. И... у него была эрекция, он шел ко мне. – Корайс вздрогнула. – Я знала, чего он хотел, и мне хотелось того же! Я хотела, чтобы он взял меня!

Она отвернулась, ее начало рвать, словно она хотела очистить не только свое тело, но и разум. Я крикнула Бодилон, чтобы принесла полотенце, тазик и вино. Корайс хотела еще что-то сказать, но я приложила палец к губам, выжидая, пока Бодилон уйдет. Я обтерла ей лицо, заставила прополоскать рот вином, а потом выпить целый бокал.

– Как я могла хотеть этого? – прошептала она, немного успокоившись. – Ты же знаешь, меня всегда воротило от мужчин.

Я и правда это знала. Корайс, как и я, к счастью, никогда не желала оказаться в объятиях мужчины, и наши родители никогда не заставляли нас выйти замуж.

– Он уже почти дотронулся до меня, – сказала она, – но я на секунду пришла в себя, мне казалось, что я задыхаюсь в луже слизи и что я никогда не проснусь.

Но я проснулась и увидела, что я без одежды, и, Рали, я люблю тебя, я люблю гвардию и Маранонию, клянусь всем, что мне дорого, это чудовище не ушло, оно коленом пыталось раздвинуть мне ноги. Я закричала и перевернулась на живот. Мне удалось схватить меч, но...

– Но никого не было, – закончила я за нее. – А часовые никого не видели.

Я знала, что Корайс хочет сказать, и, приложив палец к ее губам, заставила ее промолчать.

– Это был не сон, – сказала я.

– Я-то уверена в этом, но почему ты так думаешь?

Я не знала почему, но была уверена, что это был не сон. Кто-то или что-то пыталось изнасиловать Корайс, и эта тварь была не ночным кошмаром, а настоящим или магическим живым существом, и оно бродило по острову. Писец, не спрашивай, откуда я все это узнала. Мой разум помог мне, знания, полученные от Гэмелена, от богини, от моей веры в Корайс, которая как-то рассказывала мне, что ей снятся только лесные поляны с резвящимися зверьками.

Глаза Корайс были полны слез. Она посмотрела мне в лицо и сказала шепотом:

– Спасибо. Спасибо за то, что поверила мне.

Я хотела что-то ответить, но тут заметила одного из полулюдей Сарзаны в смешном костюме. Он стоял неподалеку. Я подошла к нему, и он вытащил дощечку слоновой кости. Я сделала вид, что не заметила ее.

– Передай мой привет своему хозяину и скажи, что я прошу аудиенции. Через час. Иди!

Существо посмотрело на меня, и я увидела страх в его глазах. Получеловек повернулся и скрылся в темноте. Я вернулась к Корайс.

Час спустя я шла по длинной дорожке к особняку Сарзаны. Меня сопровождали два взвода стражниц с оружием наготове. На крыльце нас ждали два получеловека. С ними я говорить не стала, а просто вошла в зал дворца, не сняв шлема. Сарзана ждал меня. Он был одет в разноцветный халат, словно только что встал с постели.

Не тратя времени на приветствия, я сказала:

– Кто-то пытался напасть на мою подчиненную. На легата Корайс.

– Здесь? В моем доме?! – воскликнул пораженный Сарзана.

Я кивнула.

– Господи! Что она сделала? Что случилось?

– Это не важно, – сухо ответила я. – Она ничего не сделала, и с ней все хорошо. Я знаю, что нападавший – не один из нас. Она его описала, и я уверена, что описание верно.

– Позвольте спросить, кого вы подозреваете? – Я видела, что он начинает сердиться – глаза холодно смотрели на меня, губы сжались в тонкую жесткую линию.

– Я не обвиняю вас, Сарзана, – сказала я. – Мне и в голову не могло прийти, что такой

могучий повелитель опустится до изнасилования. Но ваши слуги? Эти полулюди?

Сарзана замотал головой.

– Невозможно. Абсолютно невозможно. Когда я их создавал, сначала я не отнял у них половых инстинктов, но потом сделал это в качестве подарка. Нет, мои друзья безобидны, как евнухи, что когда-то охраняли мой гарем. Даже более безобидны, потому что нож иногда промахивается. Капитан Антеро... я клянусь, что никто из моих не имеет ничего общего с этим. Когда я слышал крики, я спал. Я пытался магией определить, что произошло, но что-то... что-то затуманило мой взор.

– Вы думаете, нападавший на Корайс был магом?

– Я не знаю. Может, демон? Инкуб? Я слишком мало общался с местными, чтобы узнать, какие демоны населяют этот остров. И сам никогда не пытался выяснить. А видимо, стоило.

Капитан, не могу выразить, как я разгневан. Я принимаю это нападение как вызов. Я обещал вам безопасность и не смог обеспечить ее. Мне стыдно. Но я обещаю, что больше такого не повторится. Я наложу защитные чары на стражниц и на людей Холлы Ий, чтобы они отвели малейшую опасность. Более того, я пошлю своих собственных демонов – а среди них есть глубоко мне преданные – на разведку. И когда я найду нападавшего или нападавших, я подвергну их невообразимым мукам.

Я пристально посмотрела в глаза Сарзаны и поверила ему. Отдав честь, я вышла.

Больше никаких происшествий до конца нашего пребывания на острове не было. Даже приставания матросов внезапно прекратились. Но я больше не разрешала стражницам никуда ходить в одиночку, только парами, и никому не позволяла – включая себя, Корайс, Дику и Исмет, – никому не позволяла спать вне кольца часовых.

Сарзана всегда был рядом с нами, и в то же время он уходил, когда чувствовал, что его присутствие нежелательно. И же он всегда был где-то рядом. Он мог неожиданно подойти к какой-нибудь стражнице, стоявшей ночью на посту в дальнем конце деревни, или помочь матросу, связывающему канаты, подержав узел. Мы, офицеры, часто обедали вместе с ним, хотя и не так роскошно, как на пиру.

Он ни разу прямо не попросил нас увезти его с острова. Но мысль об этом просто витала в воздухе, пока наконец все не подумали, что он отплывет с нами, как о само собой разумеющемся.

Как он нам поможет и как мы поможем ему – это почему-то не обсуждалось. И он оказывал мелкие услуги каждому офицеру. Я впервые увидела это однажды, когда пришла тем в его особняк. Гэмелен попросил узнать у Сарзаны, имеет ли тот власть над духами ветров, как портовые колдуны, нашла Сарзану разговаривающим с Холлой Ий в комнате, где он нам рассказывал историю своего взлета и падения. Когда я подошла, он говорил:

– В ваших словах много мудрости, адмирал. Может быть, если бы в моем распоряжении была команда опытных моряков со своим собственным кораблем, все было бы по-другому – я мог бы вызвать помощь с родного острова и сохранил бы трон. Да, тут есть о чем подумать.

Я кашлянула, перед тем как войти. Сарзана встал и поздоровался со мной. Я задала ему мой вопрос, и он ответил, что это просто и он прямо сейчас может начать колдовать. Когда он ушел, я с деланным недоумением посмотрела на Холлу Ий, понимая, что он знает, что я подслушала часть разговора.

– Ну и что? – нагло сказал он. – Я хочу золота. Разве это плохо только потому, что вы предпочитаете флаг и меч? Я наемник, и мне когда-нибудь придется искать нового хозяина. Когда мы вернемся в Ориссу, Магистрат будет рад отделаться от меня. Да и я не очень-то буду по ним скучать, честно говоря. Я и мои люди – мы считаем, что нас попросту послали на смерть, когда приказали гнаться с вами за проклятым архонтом, и еще при этом не заплатили, как обещали. И какое вам дело, капитан, чем я займусь после того, как честно выполню долг перед Ориссой?

– Никакого, адмирал. Но только когда вы его выполните. После этого, а не до.

– Значит, мы снова друзья, – заявил он и издал оглушительный звук, который он называл смехом.

И еще один пример. Сарзана проводил много времени с Гэмеленом. Казалось, они никогда не разлучаются. Меня почему-то обижало это. В чем дело? Я ревновала? Естественно, великому воскресителю гораздо интереснее проводить время в компаний равного ему по талантам волшебника, чем с начинающей вроде меня, которая знает меньше суповой тарелки. И мои опасения еще больше усилились после того, как я подслушала разговор между Сарзаной и Холлой Ий. Я знала, что Сарзана будет подлизываться к Гэмелену.

В конце концов я прямо спросила Гэмелена об этом. Воскреситель, как всегда, был откровенен:

– Конечно, Сарзана ищет моей поддержки. Он предлагает мне после того, как снова займет трон, воспользоваться его демонами и поможет мне создать чары против других миров так, чтобы моя слепота физическая и магическая исчезла.

– Мы все согласились принять участие в судьбе Сарзаны, хотя никогда этого не обсуждали. Значит, на наше решение повлияла магия, а мне это не нравится, – прямо заявила я.

– Я тоже это почувствовал. Он признался, что имеет власть над подсознанием. Ну и что из этого? Я сомневаюсь, что один человек может иметь достаточно силы, чтобы повлиять на целый флот. Я, конечно, потерял свою силу, но знаю, что наши разумы взбунтовались бы, если бы почувствовали зло, исходящее от него.

Мне в голову пришла мысль, но я не обдумала ее до конца тогда: «Снова это. Снова мы уверены в чем-то, сами не зная почему». Но не успела я высказать ее вслух, как подумала о другом:

– О чем еще он просит? Я имею в виду, кроме вывоза его с острова?

– Я спрашивал его об этом. Он сказал, что почти ничего, только доставить его к группе островов на юго-западе. На них живут те, кто поддерживал его с самого начала, он хочет обосноваться там. Нам придется тайно проплыть мимо первых двух архипелагов, потому что там обитают дикари и стоят сильные гарнизоны аристократов. Когда мы высадим его на дружественных островах, мы можем плыть куда пожелаем. В благодарность он предоставит нам команду опытных навигаторов. Эти люди – опытные моряки, по крайней мере, так он говорит, и хотя бы один из них поможет нам найти дорогу к дому. Сарзана обеспечит нам любую возможную магическую поддержку. И еще он поклялся, что, если архонт еще жив, он соберет магов для битвы с ним.

Я долго думала. Выходило, что выбирать особенно не из чего. Или придется плавать по незнакомым морям, пока не погибнем, или оказать небольшую услугу Сарзане. А что в этом плохого? Ничего. Я вспомнила, какое уважение внушил мне Сарзана при первой встрече. Если Кония должна управляться твердой королевской рукой, кто, как не он, больше всего подходит на роль короля? Он будет править, более милосердно и справедливо, чем жадные аристократы, стремящиеся поработить народ.

– Спасибо, Гэмелен, – сказала я. – Твоя мудрость снова открыла мне глаза.

На следующий день, совершая предобеденную прогулку по берегу моря, я встретила Сарзану. Я знала, что это произошло не случайно. После обмена приветствиями он спросил, можно ли ему проводить меня. Я согласилась. Мне было очень любопытно, что он может предложить и насколько хорошо он узнал меня. Как оказалось, очень хорошо.

– Вы знаете, капитан, я уже говорил с другими членами вашей экспедиции.

– Я знаю.

– Тогда вы должны знать, что я предложил некоторым из них работу и посильную помощь. Мне хотелось бы предложить кое-что вам.

Я молчала.

– Но я не настолько глуп, – продолжал он. – Я хорошо изучил вас, капитан Антеро, и считаю, что вы – самая замечательная женщина из всех встреченных мною. Царствование –

жестокое и циничное дело, и я всегда считал, что у каждого человека есть своя цена. Но вы – исключение.

– В этом я не уверена, – резко ответила я. – Но я знаю, что лестью меня точно не купить.

– Я не собираюсь льстить. – Его голос так и дышал честностью. – Я понимаю, мои слова похожи на лесть, но это не так. Я просто огорчен, что не могу предложить вам того, чего бы у вас уже не было.

Я остановилась и в упор посмотрела на него. Боюсь, у меня был удивленный вид в тот момент. Что у меня было? Я спала одна, и мне было тяжело. Любимая женщина была за много лиг отсюда. Люди, которых я называла семьей? Но я любила только Амальрика. Богатство? Наверное, я была богата, если учитывать мою долю во владениях Антеро. Но здесь я владела только своим оружием, доспехами, одеждой и какой-то мелочью в сумке.

В голове внезапно мелькнула мысль. Нет, я была богата даже здесь. Меня уважали, мне подчинялись, меня любили мои солдаты. Что мне еще было нужно?

– Именно так, – мягко произнес Сарзана. – Если у вас есть цена, капитан, она гораздо выше всего, что я могу предложить. Поэтому я хочу попросить об одолжении. Если я верну трон, я повелю основать отряд, подобный маранонской гвардии. Они поклянутся в верности не мне и не моим наследникам, а Конии. Это будет сила, стоящая выше людской суеты. Они будут охранять стабильность. Мне кажется, большей силой будет обладать отряд, в котором воины предпочитают свой пол.

– Не понимаю.

– Я имею в виду мужчин, которые предпочитают мужчин, и женщин, которые предпочитают женщин, как ваши стражницы.

Я была потрясена.

– Вы что, хотите сказать, что наша стража стала стражей только из-за того, с кем мы спим?

– Нет, нет, конечно нет, – торопливо сказал он. – Я вас обидел, простите. Я, наоборот, пытаюсь сказать, что не знаю, что делает вас и ваших стражниц теми, кто вы есть. Но мне кажется, я обязан это выяснить. Это пригодится не только мне, но и Конии. Мы должны научиться служить высшим целям, а не только собственной выгоде. И вот моя просьба. Когда вы вернетесь в Ориссу, можно ли будет мне послать к вам двух или трех моих самых умных министров и одного-двух военных, о которых я думаю, – если аристократы не расправились с ними, – чтобы они поучились у вас? Предупреждаю, они будут расспрашивать обо всем, чтобы привезти мне ответы на все ваши загадки.

Мой гнев утих. Сарзана криво улыбнулся.

– Видите? Если человек – правитель или был им, это еще не значит, что он не может ненамеренно нанести обиду. Поэтому мы, короли, и окружаем себя людьми с хорошо подвешенным языком, которые не скажут чего-нибудь такого, из-за чего потом может начаться война. Еще раз прошу прощения, Рали, вернее, капитан Антеро. Больше я ничего не скажу. Но когда найдете время, не подумайте ли вы о моей просьбе?

Я уже не сердилась, а, наоборот, испытывала к Сарзане теплое чувство. Я не сказала ни «да», ни «нет», а через несколько минут с какими-то просьбами к Сарзане пришли его полулюди, и он ушел с ними.

Я смотрела ему вслед. Действительно необычный человек, особенно для короля. Правитель великого народа, человек, который иногда ошибается и не боится признаться в своих ошибках.

Той ночью мне долго не спалось. Я была так бодра, словно уже поспала свои обычные четыре-пять часов, позанималась гимнастикой и сделала двухмильную пробежку. Я тихо оделась и вышла из дома. Секунду постояв в нерешительности, я пошла прочь от моря к огромной лестнице в горе. Я проскользнула мимо часовой. Она не спала, но если настанет день, когда я не смогу обхитрить собственного солдата, я подам в отставку. Я нарушала свои собственные приказы, но с моим мечом и кинжалом я ничего не боялась.

Я поднялась до того места, где лестница выходила из горы на открытый воздух. Подойдя к перилам, я взглянула на юг. Луна была в четверти, но светила ярко, и видно было хорошо. Далеко внизу была гавань, а черные пятна в ней – наши корабли. А там дальше лежат земли, из которых мы приплыли сюда, направляясь в сторону, противоположную им. Я долго смотрела туда. Сначала океан был темен, но потом появилась линия горизонта, отделяющая воду от неба.

Может быть, то, что я видела, – это просто фосфоресцирующее море. Может, это было видение. Я до сего дня не знаю и позволю читателям или тебе, писец, решать, что это было. Я ограничусь тем, что расскажу, что видела своими собственными глазами. Сначала появились разбросанные тут и там огоньки, словно я летела над землей, видя зарево от ближайших городов в нескольких днях пути. Сначала их было немного, но число их быстро увеличивалось, и я представила себе, что это огни островов гигантского Конийского архипелага, который был больше, чем я могла себе представить. Ярче и ярче сияли огни, и вдруг сзади, с плато, поднялась тень чернее самой ночи. Как огромная летучая мышь она накрыла огни. И тьма, опускающаяся сверху, соединилась с мраком, идущим от земли, это было странно и страшно. Стало совершенно темно, словно тлеющие угли накрыли мокрым одеялом. Хотя нет, память изменяет мне. Три или четыре огонька горели еще какое-то время, но потом исчезли и они. Я долго еще стояла там, но больше ничего не увидела. Потом я почувствовала, что дует бриз. Мне стало холодно, и я удивилась, почему не замечала его раньше.

Я пошла вниз по лестнице, снова тихо прошла мимо поста, вернулась в дом и легла в постель. Я так и не заснула, вспоминая увиденное. Я решила спросить Гэмелена, что это все значило, но так и не спросила. То, что сказано одному, становится известно всем, но спрятанное на дне разума остается тайной.

Холла Ий решил, что мы готовы к отплытию. Корабли были починены, и кладовые ломились от припасов. Мы провели совещание по поводу Сарзаны. Впрочем, все было решено так быстро, что вряд ли это можно назвать совещанием. Спор в основном шел о том, на каком корабле он поплывет. Холла Ий очень настаивал, чтобы эта честь была предоставлена ему. Мне было все равно, просто немного не по себе от мысли, что великий правитель – в чьей честности я не имела еще возможности убедиться, хотя разум говорил мне, что я просто придираюсь, – и разбойник будут плыть вместе и, возможно, станут деловыми партнерами. Когда все было решено, мы пошли во дворец Сарзаны и официально предложили отвезти его на родину.

Он растрогался почти до слез и повел себя так, словно был удивлен. Он заявил, что мы приняли правильное решение и останемся в истории как спасители Конии. Что касается его, то он не находит слов, и он, и его потомки, и его народ...

Тут я перестала слушать и переглянулась с Корайс. Кажется, все правители одинаковы – красивые речи и полные достоинства жесты, и это продолжается бесконечно. Идеальная стражница должна обладать многими качествами, и одно из них – стоять неподвижно с заинтересованным лицом, пока какой-нибудь идиот упражняется в красноречии.

Когда запас хвалебных слов Сарзаны иссяк, он выдвинул весьма интересную просьбу: можно ли ему плыть на одном корабле с Гэмеленом? Лицо Холлы Ий злобно исказилось, и Сарзана поспешил объясниться: просто он хочет помочь Гэмелену восстановить его способности, а для этого надо всегда быть вместе, чтобы их сердца бились как одно. На это Холле Ий возразить было нечего, и дело было улажено.

Я ожидала, что у Сарзаны будет много багажа – куча вещей, от бриллиантов до магических книг. Но оказалось, что он берет с собой всего пять коробок, каждую из которых мог поднять один не особенно сильный ребенок.

Очевидно, Сарзана заметил мое удивление и с улыбкой сказал:

– Когда человек владеет всем миром, а потом теряет его, он начинает понимать, что имеет цену, а что – нет. Путешествовать надо налегке.

В ночь перед отплытием Гэмелен спросил Сарзану, собирается ли тот выполнить свое

обещание и освободить слуг. Мне показалось, что я увидела тень гнева на лице Сарзаны, но тут же поняла, что ошиблась. Сарзана улыбнулся и сказал:

– Завтра. С корабля.

Так и случилось. Стоящие на якоре корабли качались от легкой зыби. Сарзана попросил, чтобы фордек нашей галеры предоставили ему, что и было сделано. Он поставил восемь факелов в форме восьмиугольника. Встав в центре фигуры, он сложил руки лодочкой, словно нес тяжелый шар в ладонях, однако там ничего не было. Он начал читать заклинание, но я не понимала слов. Позже я спросила всех, включая Гэмелена, но никто не смог понять, что говорил Сарзана.

У меня перехватило дыхание, когда я увидела поток, захлестнувший улицы деревни. Они спускались с плато. Сначала я подумала, что это – убитые жители, но потом поняла, что вижу полулюдей. Никто из нас не задумывался, сколько их было создано, хотя знали, что много – они были повсюду, где требовалась рабочая сила. Я до сих пор не знаю, сколько их было. Корайс говорит, что около пятисот, Полилло думает – больше, Исмет – меньше. Большинство из них все еще были одеты в странные наряды, которые дал им Сарзана.

Сарзана продолжал читать заклинание, его руки раздвигались, словно то, что было в его ладонях, росло. Он закричал, факелы вспыхнули разноцветными огнями. Над нами кружились ястребы, орлы и другие птицы, спокойное до того море забурлило, из воды выпрыгивали дельфины и рыбы. Сарзана бросил свой невидимый предмет – дар свободы – вперед и вверх, и факелы погасли без единой струйки дыма. Стаи птиц рассеялись, море успокоилось.

А в деревне полулюди с яростью срывали с себя одежду, пока не остались голыми, если так можно сказать про животных.

Подняло, стоявшая рядом со мной, прошептала:

– Кажется, слуги Сарзаны не были такими счастливыми добровольцами, какими мы их считали. Или они чересчур неблагодарны.

Корайс усмехнулась:

– Похоже на демобилизацию после войны.

Мне надо было бы сделать им замечание, но я промолчала. Я вспомнила, что Сарзана использовал магию, чтобы «немного повлиять» на них, и говорил нам, что эти создания были ему очень благодарны.

Но ни зверь, ни человек не могут быть благодарны за цепи, какими бы золотыми они ни были.

Ветер был попутный, поэтому мы шли только под парусами. Наши корабли закачались на крутых океанских волнах, отвешивая поклоны морским богам. Я вдохнула соленый морской воздух. Скоро случилось нечто удивительное – поперек нашего курса проплыла стая лебедей.

– Это добрый знак, – услышала я слова матроса. – Путешествие должно закончиться хорошо, и все мы вернемся домой.

Я машинально скрестила пальцы на счастье, и темные подозрения, появившиеся за последние дни, исчезли.

Мы плыли с попутным ветром при отличной погоде две недели, держа курс зюйд-зюйд-вест. Путешествие было приятным, все, отдохнув на твердой земле, были бодры и рвались работать – и матросы и стражницы.

На пятнадцатый день после отплытия с Тристана мы заметили первые признаки земли. Крик впередсмотрящего раздался, когда я закончила обед и обучала наших молодых солдат, как натягивать тетиву на арбалеты. Мы все бросились к борту, чтобы увидеть землю. Я еще раньше предупредила всех стражниц о том, что Сарзана говорил Гэмелену: мы плыли мимо враждебных островов и должны быть готовы ко всему.

Остров приближался. Из-за тумана мы заметили его довольно поздно. Сарзана уже стоял на капитанском мостике со Страйкером. Я присоединилась к ним.

– Это один из тех трех островов, – сказал он мне. – Не скажу, какой именно из них, но это не имеет значения. На каждом находятся силы врагов, а жители там злобны от природы. Наш курс остается без изменений.

Потом он сказал:

– Капитан Страйкер, не просигналите ли вы остальным? кораблям, чтобы они подплыли ближе?

Были подняты флаги, и галеры подошли к нашему судну, чтобы выслушать слова Сарзаны. Его голос, усиленный магией, не давал громоподобного эха, как обычно происходит от чар такого рода. Звук был спокойный, мягкий и... личный, как будто он стоял рядом с каждым из нас. Он приказал поднять все паруса и молиться, чтобы нас не заметили.

Я пошла на корму и смотрела, как гористый остров исчезает за горизонтом. Он действительно выглядел зловеще.

Три последующих дня мы плыли так, словно за нами кто-то гнался. Сарзана наколдовал нам попутный ветер, но побоялся – по словам Страйкера – прикрыть наше бегство сзади бурями и штормовыми ветрами, чтобы волшебники врагов не почувствовали присутствие Сарзаны.

Манеры Сарзаны изменились. Теперь он большую часть времени проводил в каюте, выделенной ему Страйкером, а когда появлялся на палубе, всем своим видом показывал, что компания ему нужна разве что в особых случаях.

Острова, появлялись и исчезали на горизонте. Некоторые были большие и гористые, как первый. Другие состояли только из голых скал, о которые разбивались волны. Некоторые были покрыты изумрудной зеленью, и мы видели ночью огни деревень. Я думала, что нас в любой момент могут обнаружить, но этого так и не произошло.

Я решила развлечься, изучая записи, сделанные со слов Гэмелена, когда он учил меня магии. Но едва я пыталась сконцентрироваться на чем-нибудь волшебном, как мое внимание моментально пропадало, я начинала зевать и мне становилось скучно. Если мы с Гэмеленом пытались продолжать уроки, либо со мной, либо с ним происходило нечто подобное.

Я стала заниматься упражнениями и гоняла своих стражниц, чтобы те не обленились. Я приказала сержантам с других кораблей ввести такой же режим тренировок. Трудно было избавиться от монотонности упражнений, но я придумала, как это сделать. С помощью других стражниц я привязала веревку с узлами к рее фок-мачты, чтобы залезть по ней с палубы. Оказавшись на рее, нужно было спускаться на руках по другой веревке, к которой через каждые два фута были привязаны петли. Стоило пять раз залезть на мачту и спуститься, как руки начинали так болеть, что хандра сразу забывалась.

В тот день я во второй раз вскарабкалась на мачту и, тяжело дыша, смотрела вниз на матросов на палубе. У них был гарпун и бухта каната, они пытались забить рыбу, их косяки часто проплывали у поверхности воды мимо борта нашего корабля.

Сарзана, который в тот момент тоже был на палубе, заинтересовался и подошел к ним ближе.

Между прочим, я заметила, что матросы не очень жалуют сухопутных людей, особенно если те занимают важный пост.

Один из матросов помахал пальцами у виска – это было что-то вроде отдания чести – и сказал:

– Мы тут рыбу ловим, а эти твари почему-то не хотят к нам на обед. Может быть, вы, господин, побормочете что-нибудь, чтоб они лучше ловились?

Сарзана холодно посмотрел на моряка и сказал:

– У меня нет времени на такую ерунду. И у тебя тоже.

Потом он повернулся и зашагал прочь.

Матросы смотрели ему вслед. Тот, который говорил с ним, сплюнул за борт.

– Ну, разве я не говорил вам, ребята? Колдун-то дерьмовый!

Его товарищ поддакнул:

– Небось старикан позабыл все заклинания. Или не знал никогда. Хвастается-то он

много.

Они заметили меня и замолчали. Я не сделала им замечания. Каждый, кто говорит, что служит благу народа, должен найти несколько минут для помощи простым людям.

Через два дня случились еще более странные вещи, хотя тогда я не придавала им значения. Я стояла у борта и размышляла о том, как наш кок сумел из соленой трески, креветок и сушеных овощей приготовить что-то почти съедобное. Я услышала шаги, повернулась и увидела, что на мостик поднимается Сарзана. Человек за штурвалом не обратил на него внимания, устремив глаза на звезду, на которую он должен был держать курс.

Мы с Сарзаной поговорили немного ни о чем. Потом выражение его лица сделалось серьезным.

– Капитан Антеро, могу ли я вам напомнить о неприятном происшествии? – Я кивнула. – Вы помните нападение на вашего легата?

Как я могла это забыть? Я снова кивнула.

– Тогда я сказал, что не знаю, кто это сделал, и предположил, что это был демон с острова. Сегодня я вспомнил, что было в течение нескольких дней, когда я впервые вступил на Тристан и жителям деревни еще не успели запретить разговаривать со мной. Одна девушка захотела стать моей горничной. Может, в мыслях у нее была не только забота о чистоте комнат, не знаю. Если это так, ее бы ждало разочарование. Человек, потерявший мир, не ищет утешения в плотских радостях. Однажды она складывала мою одежду, а я сам был в другой части здания и не знал, что она еще не ушла.

Конийский офицер пришел ко мне и сказал, что у дверей стоит человек и он ищет свою дочь. Это был отец девушки. Мы быстро нашли ее и привели к отцу. Я думал, он обрадуется, но он дал ей пощечину и запретил оставаться в моем доме после захода солнца. Она с рыданиями убежала. Отец собирался пойти за ней, но я остановил его и принялся уверять, что с моей стороны ей не грозила никакая опасность. Конийские солдаты не стали бы приставать к ней, потому что у них было достаточно побед над другими женщинами в деревне. Он ответил мне, что думал не обо мне или солдатах. Если она захочет спать с кем-нибудь из них, это ее дело. Или, если она станет делить ложе с великим повелителем, он будет только рад.

Но он боялся местного демона. Я попросил его рассказать подробнее. Он поведал мне, что любая женщина острова, особенно девственница, находящаяся вне дома ночью или – еще хуже – спящая под открытым небом, рискует встретиться с ним. Сначала он приходит во сне, а потом появляется наяву. Женщина будет рада, что он пришел к ней, но потом будет ужасная боль и кровь. Чудовище невозможно прогнать. На рассвете люди найдут изуродованное тело. Вот почему он увел дочь домой.

Я сказал ему, что беспокоиться не надо, моя магия защитит любого, кто служит мне. Очевидно, судя по тому, что случилось с вашим легатом, демон – не просто легенда. – Сарзана нахмурился. – И моя сеть чар оказалась не настолько сильной, чтобы защитить моих друзей от этого демона.

Я ждала, что будет дальше, но Сарзана сказал все, что хотел сказать.

– Спасибо. Но почему, – спросила я, – вы говорите это мне сейчас? Дело это уже прошедшее, Корайс забыла о нем, вернее, похоронила в глубинах памяти.

Сарзана странновато посмотрел на меня и сказал:

– Откровенно говоря, я хотел, чтобы никто не подозревал, что мои слуги способны на такое.

Я хотела что-то возразить, но потом решила, что будет благоразумнее поблагодарить его и заверить, что прошлое забыто.

Бросив еще несколько ничего не значащих фраз, он пожелал мне спокойной ночи и ушел.

Два дня спустя мы приблизились ко второму враждебному архипелагу. Он состоял из больших островов, поросших темно-зелеными джунглями, а не изумрудной травой, как

первый. Сарзана сказал, что теперь плыть придется только ночью, днем прятаться за маленькими островками, а сам он при каждом удобном случае будет наколдовывать туман. Мы точно выполняли его приказания. Когда мы ночью проходили мимо островов, было видно, что они гораздо более населенные, чем первый архипелаг. Огней было множество, параллельные линии огней отмечали улицы городов.

Всем нам следовало быть настороже, но большинство участников экспедиции охватила какая-то странная меланхолия. Нам казалось, что мы навечно обречены плыть в бесконечной темноте мимо населенных земель, где мужчины и женщины жили в мире и изобилии, и какая разница, кто правил ими? Увидим ли мы когда-нибудь ОриССу?

Сарзана говорил, что мы доплывем до его родного острова через неделю, может, и быстрее, если ветер будет попутным. Тогда мы сможем плыть открыто, а не красться, как какие-то воры.

Мы молились, чтобы он оказался прав.

Почти каждому когда-нибудь приходилось лежать без сил за несколько часов до рассвета – вокруг только тьма, и кажется, что ты единственный человек на земле. Жизнь представляется бессмысленной борьбой с призраками, и смерть, видится страшной, а после нее ждет забвение.

В то время я чувствовала себя примерно так. Я до сих пор не знаю, как отделаться от таких мыслей, они приходили ко мне и придут снова.

Снова и снова я думала, что я никудышный офицер, что те, кто делает вид, будто подчиняются мне, на самом деле смеются за моей спиной, и к чему бы я ни приложила руку – все обращается в прах. Я пыталась заставить себя думать о другом. Моя семья. Мой брат, Амальрик. Моя мать, Эмили. Женщина с пантерой, чье имя я ношу. Я чувствовала, как плохие мысли стали исчезать. Я облегченно вздохнула, поняв, что депрессия уходит и скоро я засну.

Мой разум освободился, стал чистым как родник, как бриллиант. Я думала о словах Сарзаны насчет нападения на Корайс, потом вспомнила, как узнавала, кто из стражниц виновен в каком-нибудь мелком проступке. Виновной всегда оказывалась та, которая больше всего оправдывалась. Мои мысли снова пришли в смятение. Но я еще помнила внезапную ясность мыслей и пыталась вернуть ее. Постепенно мне это удалось. И я вспомнила.

Я вспомнила, что уже слышала о таком демоне. Или читала? Может, мне рассказывала о нем мать? Хотя нет, я была еще слишком мала.

Ах да, этот рассказ я слышала один раз от солдата, а другой – от старой деревенской ведьмы, которая помогла нашему патрулю, когда мы гнались за бандой в горах. Этот солдат и эта ведьма не могли знать друг друга. И их легенда была не о демоне, а о демонице. Ее звали Карга, она нападала на мужчин, высасывая из них силу, оставляя наутро только высохшую мумию. От нее не было спасения... если только у жертвы не было меча. Карга боялась стали и избегала ее.

Я вспомнила, что Корайс, по ее словам, проснулась с мечом в руке – она всегда спала с мечом под боком, если ночевала не в казармах.

Интересно, зачем Сарзана рассказал легенду именно сейчас?

Тут я подумала о другом – вспышка Сарзаны, когда матрос попросил его о простом рыбацком колдовстве, матрос еще потом заметил, что старик, верно, не умеет колдовать. Я подумала, что Гэмелен на его месте был бы рад подцепить на крючок рыбку. И еще – Сарзана, когда смотрел, как дельфины загоняли для нас рыбу, так неловко вошел по колено в воду! – это вовсе неприлично для человека, выросшего в рыбацкой семье.

И главное, с того дня, когда мы приплыли на Тристан, и до нашего последнего дня на этом острове все ощущали странное чувство безопасности и комфорта. А что мы при этом видели? Пустую деревню, таверну, залитую кровью, казармы, полные трупов, полулюдей, оскверняющих человеческие кости...

Как глупы мы были!

Сарзана – король магов, и едва он сказал, что был сослан на остров плохими

аристократами, как мы мгновенно ему поверили. Еще бы! Мы все поверили, что великий волшебник, способный создавать живых существ, никогда не может быть злым. И, словно мы все водили знакомство с королями, тут же решили, что король-маг не может быть таким, как архонт. Почему?

Идиоты, просто дураки!

А потом мы с радостью согласились вернуть на трон этого человека, которого сверг его собственный народ.

Мы ему верили, не задумываясь почему!

Тут я поняла, почему Сарзана захотел плыть на нашем корабле – ведь на нем был воскреситель, пусть даже потерявший свою силу. Неудивительно, что мои попытки изучать магию с Гэмеленом заканчивались неудачей – Сарзана не хотел, чтобы посторонние заклинания мешали его собственным.

Тьма ночи стала красной – кровь бросилась мне в голову от злобы, от стыда за свою тупость.

Я выкатилась из своего гамака, натянула одежду и пошла к кают-компании, еще не зная, что буду делать. Потом я решила: тихо разбудить Гэмелена и все ему рассказать. Может, я ошибаюсь и эти темные мысли – просто глупость? Но нет! Теперь я чувствовала себя настоящей, а не витающей в розовых облаках на острове Сарзаны. Я вернулась в свою каюту за мечом. Не знаю почему, но мне показалось, что он пригодится мне, пока не наступил рассвет. И в тот момент я услышала приглушенный крик сверху, с палубы, скрип канатов и всплеск.

Я выскочила наверх с мечом в руке. На палубе все было тихо. На мачте, в вороньем гнезде, впередсмотрящий вглядывался в темноту. Две мои собственные стражницы мирно ходили взад-вперед, неся караульную службу. Уж они-то точно не дремали. У борта спали некоторые женщины, которые любили ночевать на открытом воздухе. Меня никто не заметил, и я поняла, что все они заколдованы.

Я посмотрела на капитанский мостик, там все было тихо, ни малейшего движения. Не видно ни рулевого, ни помощника капитана, а ведь они обязаны быть там. Мы сбились с курса, и руль был предоставлен самому себе – это было видно по извилистой кильватерной струе.

Я побежала вверх по трапу на мостик. Рулевой сидел прислонившись спиной к штурвалу. Он что-то бормотал, словно был пьян, но вином от него не пахло. Тут я увидела, что глаза у него открыты и устремлены в одну точку, как будто он видел перед собой что-то ужасное. Рядом с ним лицом вниз лежало тяжелое тело Клисуры, помощника капитана. Из спины у него торчал его же собственный длинный кинжал, пригвоздивший его к палубе. Там, где раньше висела шлюпка капитана Страйкера, теперь болтались только пустые тросы. Я с ругательствами принялась громко звать часовых.

Я ясно представляю себе, что случилось: Сарзана магией заставил Клисуру и рулевого спустить шлюпку на воду. Каким-то образом Клисура нашел в себе силы, чтобы сопротивляться, и был убит. Убийца бежал на шлюпке.

Я посмотрела за борт с обеих сторон. Недалеко темнели острова, но шлюпки не было видно.

На палубе уже было полно проснувшихся стражниц и матросов. Я спустилась с мостика, не обращая внимания на суету, и пошла к одной каюте.

Она была пуста. Сарзана бежал.

И только тогда мы освободились от его чар.

Глава пятнадцатая

ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ ГИГАНТОВ

Как вы понимаете, совет, на котором обсуждалось произошедшее, был невеселым. Мы сообщили на флагман Холлы Ий световыми сигналами о бегстве Сарзаны. Совет капитанов

был назначен на рассвете. Нам повезло – при первых лучах солнца мы заметили песчаную косу – офицерам можно было там посоветоваться без опасности быть подслушанными. Это было важно, так как настроение команды и так упало.

С каждого корабля отправили капитана и помощника. Нам пришлось использовать одну из длинных боевых лодок, не только потому, что капитанская шлюпка была украдена, но и потому, что длинная лодка вмещала больше народу, – а я хотела взять с собой Корайс, Полилло и Гэмелена вдобавок к Страйкеру и Дюбану. Дюбан получил повышение и из начальника гребцов стал помощником капитана вместо убитого Клисурсы. Он не стал лучше и немедленно счел нужным поинтересоваться, позволено ли трем женщинам присутствовать на совете, тем более что две из них по рангу стояли не выше его. Я не стала отвечать, так как любое объяснение содержало бы в себе оскорбление. На самом деле мне нужно было взять с собой на встречу с пиратами хотя бы двух людей, на которых можно положиться.

Страйкер все время бормотал, что не может поверить в то, что случилось. Как, тысяча морских чертей, этот Сарзана нас всех околдовал? Гэмелен напомнил Страйкеру, что тот уже видел еще более могучую магию – ликантианскую стену, которую восстановили за одну ночь, или последнее колдовство архонта, которое забросило нас в эти чужие моря.

– Это другое, – возразил Страйкер. – Вулканы, стены – все это не то. Он водится с духами, помяните мое слово.

– Капитан Антеро тоже обращалась к духам, помните? – заметил Гэмелен.

Страйкер хмуро кивнул.

– Это все так, но к чему нас это привело!

После моего рассказа о том, как бежал Сарзана, на совете сразу вспыхнула ссора, Холла Ий в бешенстве кричал, что виноваты мы с Гэмеленом. Я сказала ему, что все общались с Сарзаной и никто ничего не заподозрил. На это он заревел еще громче:

– Ну и что? Никто из нас и не притворяется, что владеет магией! Никто из нас не проводил столько времени в компании этого проклятого обманщика, как вы двое. Никто из нас...

Тут вмешался Гэмелен:

– То, что вы говорите, верно, адмирал. Но прошлого не воротить. Теперь надо думать, что делать дальше.

– Дальше? Что мы можем делать, – по-змеиному прошипел Страйкер, – зная, что здесь, в чужих морях, выпустили на свободу демона? Что сделает с нами Сарзана, когда окажется среди своих? Может, он наколдует так, чтобы о его побеге не знала ни одна живая душа? Мертвый не выдаст.

– Не думаю, что он станет тратить на это время, – возразил Гэмелен.

– На самом деле все еще хуже, – вставил Дюбан. – Кто-нибудь очень быстро узнает, кто освободил его с Тристана, и тогда они потопят все наши корабли, к чертовой матери.

Другие капитаны тоже что-то кричали. Один из них, Медудут, совсем обезумел от ярости.

– Эта проклятая богами экспедиция приведет всех нас к гибели! – вопил он. – Надо нам было твердо требовать в Ликантии свою долю, а не связываться с проклятым заданием и этими суками стражницами!

Меч с шелестом вылетел из ножен, и Медудут, взвизгнув, отпрыгнул назад. Клинок Корайс уперся ему в горло. Остальные пираты схватились за оружие. Мы с Полилло тоже наполовину обнажили мечи.

– Следующее твое слово, – прошипела Корайс, – будет последним, дерьмо собачье.

– Прекрати! – крикнула я. Корайс отвела меч от горла пирата. – У нас нет времени на это. Сарзана на свободе, и это мы выпустили его. Гэмелен правильно поставил вопрос – что мы будем делать дальше? Адмирал, что вы предлагаете?

Корайс с деланным спокойствием бросила меч в ножны, встала рядом со мной, не отводя взгляда от напуганного пирата.

Я намеренно вовлекла в спор Холлу Ий. Помимо грубости, он, надо признаться,

обладал организаторским талантом и мог повлиять на своих подчиненных. Он заставил всех замолчать. Я знала, что он злится больше, чем все остальные, во-первых, потому что негодяи вроде него считают себя прекрасными знатоками человеческой натуры, а на самом деле их легко обмануть, а во-вторых, он очень рассчитывал перейти под начало Сарзаны. Холла Ий думал, пощипывая бороду, от напряженной работы мысли он даже побледнел.

– Ничего хорошего я предложить не могу. Есть кое-что, о чем я думаю, но это смешно, поэтому я ничего не скажу.

– Никто не станет смеяться, – заверила его я. – Мы все в одинаково дурацком положении.

– Хорошо, – сказал адмирал. – Я думаю вот о чем: каковы шансы у Сарзаны достигнуть гостеприимного для него берега? Если то, что вы говорите, – правда, капитан Антеро, и ваши подозрения спугнули его, – хотя я не понимаю, как вы, черт возьми, смогли раскусить его, – если вы спугнули его, значит, он сбежал с корабля раньше, чем планировал. Может быть, его разбило о камни или, что еще лучше, – он оказался в компании людоедов. – Холла Ий пытался говорить весело, но у него плохо получалось.

– Это вряд ли, – вступил в разговор другой капитан, Кидай. – Этот гад никогда бы не допустил такой ошибки.

Холла Ий мрачно кивнул.

– Согласен. Может быть, капитан Антеро с помощью Гэмелена сможет поколдовать и узнать, так это или нет... – Он оборвал сам себя. – Нет, забудьте об этом. Это все равно что зажечь маяк ночью – мы здесь! Не надо делать ничего, что может привлечь его внимание. – Он поразмыслил минуту и немного приободрился. – Мне кажется, мы сгустили краски. Вряд ли кто-нибудь узнает, что мы освободили его, по крайней мере до тех пор, пока мы не уплывем отсюда, а тогда уже будет все равно.

Гэмелен покачал головой.

– Хотел бы я разделять ваш оптимизм, адмирал. Но, боюсь, вы не правы. Надо признать, что волшебники Конии равны, по крайней мере, Сарзане по могуществу, раз они смогли свергнуть его. Когда он появится в населенных местах, конийские маги сразу почувствуют его присутствие и будут пытаться узнать, кто и как помог ему вырваться на свободу. Нет, мы не можем чувствовать себя в безопасности.

– А что, если повернуть назад? – спросила Полилло. – Мы могли бы пополнить запасы на Тристане и плыть дальше на восток, к знакомым морям. Можно отправиться на юг в надежде, что мы сможем обогнуть рифы и вулканы, а там уже знакомые земли – Джейпур или Лаозия, по побережью мы достигнем Ориссы.

Страйкер и Гэмелен одновременно стали говорить, и Гэмелен жестом показал, чтобы Страйкер первым высказал свою мысль.

– Мне это не нравится, – проворчал тот. – Были бы у нас карты, тогда – может быть. А так это будет слишком долгое плавание. Люди взбунтуются.

Я мысленно с ним согласилась. Пиратские командиры пользуются властью, завоеванной силой и удачей. Бунт мог начаться в любой момент, если матросы потеряют доверие к своим командирам. Они могут решить, что им все равно, где пиратствовать – здесь или в районе Ориссы. И кроме того:

– А сможем ли мы снова отыскать Тристан? – спросила я. – А вдруг те чары, что Сарзана наложил на конийцев, чтобы они не могли найти его остров, подействуют и на нас, так как теперь мы тоже его враги?

– Верно, так и будет, – согласился Гэмелен. – Я только что хотел это сказать. Нет, мы не можем вернуться.

– Но мы, черт возьми, также не можем плыть вперед, не зная куда, – пробурчал Фокас, помощник Холлы Ий.

– Конечно нет, – сказала я. – Но мы и не будем. У нас есть карта, и теперь мы знаем, что она достоверна. Если бы мы могли до конца в ней разобраться, мы бы знали, что нас ждет.

– Все равно плохо, – вздохнул Страйкер.

– Да, нехорошо, – согласилась я. – Но, кажется, ни у кого нет лучшего плана. Я предлагаю плыть дальше – на запад.

Мы будем искать самые цивилизованные страны. Когда найдем, высадимся на берег и расскажем правду... или, по крайней мере, часть ее. Скажем, что мы – исследовательская экспедиция и что мы заблудились. Мы приплыли из огромной богатой страны, которая хочет установить торговые связи с западом. Всякий, кто нам поможет, получит торговые льготы. И мы напомним, что мешать нам будет очень невыгодно, потому что у нас есть могущественные волшебники, которые отомстят за любые неприятности, причиненные нам. Вряд ли в тех землях будет известно о нашей роли в побеге Сарзаны. Может быть, их маги помогут нам найти дорогу домой или – что еще лучше – они дадут нам лоцмана.

Страйкер прошептал что-то одобрительное, остальные тоже не возражали. Холла Ий посмотрел на остальных моряков и кивнул.

– Возможно, – сказал он. – Возможно. По крайней мере, ваш план смел, и нам не придется прятаться. Совсем неплохо для женщины, я почти то же самое и сам собирался предложить.

Корайс и Полилло хмыкнули, но ничего не сказали. Мне было все равно, пусть даже Холла Ий припишет авторство плана себе – если мое сбивчивое предложение можно было назвать планом. Я решила также не обращать внимания на его слова насчет женщин. Холла Ий оставался самим собой.

– Самое важное, – заговорила я снова, – это действовать быстро. Я думаю, Гэмелен прав – рано или поздно наша роль в освобождении Сарзаны будет раскрыта. Лучше нам до того времени убраться из Конии.

На этом и порешили. Мы поплывем дальше. Все встреченные земли будут наноситься на нашу карту, обычную бумажную, так, чтобы потом можно было сравнить с картой из палочек и научиться ее как следует читать.

Когда мы вернулись на наш корабль, Гэмелен подозвал меня.

– Я думаю, Рали, твоя идея была наилучшей, хотя в ней тоже есть недостатки. Но мы не подумали еще об одной серьезной проблеме.

– Сарзана.

– Верно. Я и без всякой магии могу сказать, что он постарается вернуть себе трон, используя магию, убийства, чтобы сделать это как можно скорее. Вот еще одна причина, по которой нам следует отсюда убираться. И кровь, пролитая им, падет на нас.

– Я знаю. – Мысль о нашей – пусть и – ненамеренной – вине тяжело давила на меня. – Но как мы можем исправить содеянное?

– Я не знаю, – вздохнул Гэмелен – Я не знаю. Но я знаю, что нам придется заплатить.

Когда наш корабль снова поднял все паруса, Корайс пришла ко мне на капитанский мостик. Я увидела, что она повязала себе руку яркой шелковой лентой.

– Ты в чем-то поклялась?

Корайс кивнула.

– Я оторвала этот кусок от одежд Сарзаны, которые он оставил. Шелк будет напоминать мне о позоре, который нам всем пришлось пережить из-за этого негодяя. Я клянусь, Рали, тебе, Маранонии и Тедейту, что в следующий раз, когда мы встретимся с ним – а я чувствую, что это случится, – я кровью смою свой позор!

За несколько дней плавания мы не видели больших поселений. Мы проплывали мимо небольших каменистых островов с деревушками, в которых вряд ли стоило искать могучего мага или хорошего навигатора. Несколько раз в море мы встречались с рыбацкими судами и за золото покупали рыбу. Рыбу, конечно, можно было купить и за медную монету, но нам была нужна еще и информация. Я приглашала рыбаков на борт, и мы долго разговаривали о жизни, чтобы незаметно выудить у них то, что нам было нужно.

Нам не много удалось узнать. Каждый остров обладал независимостью и почти не имел контактов с другими островами архипелага, или, как сказал один рыбак, с «людьми света»,

которые жили дальше на юг. Плавание далеко от берега, где не было никакой земли, а только рифы, считалось опасным. Больше всего боялись места, называемого Игральные Кости Гигантов, где мощное течение разбивало корабли о скалы.

Рыбаки говорили, что не имеют контактов с конийцами, живущими на юге, и не желают иметь. Нет, они ничего не знают о могучих волшебниках, и слава богу. Один рыбак сказал, что слышал о войне между аристократами и магами. Это было давно, и маги проиграли. Он божился, что магов победили морские демоны, которых аристократы смогли привлечь на свою сторону. Колдовством у них занимались деревенские ведьмы. В их обязанности входило привлекать рыбу ближе к берегу, насылать попутный ветер или хотя бы хорошую погоду, чтобы лодки не разбивало штормом, и это все.

О навигаторах, умеющих обращаться с картами, астрологией и компасом, здесь и не слыхали. Никто просто не осмеливался отплывать далеко от берега. Полдня в море, полдня назад, даже мальчишки, которым еще не доверяли руль, хорошо ориентировались в море у родного берега. Если лодку бурей уносило далеко в море, иногда она возвращалась. Иногда... И рыбак пожал плечами.

Мы узнали, что то, что мы ищем, мы скорее всего найдем на юге. За Игральными Костями Гигантов, в которые чудовищные создания играли на заре времени – еще до того, как они были побеждены людьми, – находятся другие острова. Но нам надо будет плыть очень осторожно и ждать несколько недель, пока не прекратятся летние штормы.

Но мы не могли ждать. Мы поплыли дальше, и острова встречались нам все реже и реже – маленькие клочки земли, едва покрытые растительностью.

Путь был труден для наших небольших галер, но я узнала, что небольшой корабль может выдержать почти любую погоду. И у нас был опыт – мы испытали на себе ужасный шторм, обрушившийся на нас после гибели архонта. И мы плыли, невзирая на бури, морскую болезнь, поразившую многих, прочь от внешней группы островов к сердцу Конии.

Однажды утром, едва рассвело, впередсмотрящий заметил парус у горизонта. Потом появились еще три. Мы догоняли их. Пришлось спешно собирать совет. Стоит ли обнаруживать себя? Может быть, лучше не приближаться к ним? Холла Ий сказал, что можно смело их догонять. У нас кораблей вдвое больше, мы можем развить большую скорость, и если они окажутся враждебными – что ж, его люди давно хотят смыть морскую соль с мечей, особенно если предвидится добыча. Лучше вызнать положение дел сейчас, чем попасть в засаду где-нибудь в узком проливе.

Мы взяли курс на эти четыре корабля. Теперь мы плыли почти прямо на восток, ветер дул нам в правый борт. Погода портилась на глазах – ветер усиливался, накатывались шквалы дождя. Из-за наступившей полутьмы казалось, что уже вечер, хотя на самом деле было утро.

– Сдается мне, что нас ждут неприятности, – сказал Страйкер. – Эти рыбаки говорили, что летние бури могут быть чертовски опасными.

Дюбан жестом пригласил его подойти к шесту, на котором висела погодная склянка. Я пошла вместе с ними. Страйкер посмотрел на уровень жидкости в сосуде и присвистнул.

– Ого-го! – Дюбану приходилось кричать, чтобы его было слышно из-за ветра. – Меньше чем за три оборота часов уровень упал больше чем на палец. Будет буря, капитан.

– Будет, – согласился Страйкер. – Послать в трюм команду – пусть удостоверятся, что все закреплено. Пусть зажгут сигнальные огни. Шлюпки проверить и тоже укрепить. Проверить весла. – Он посмотрел на меня. – Капитан Антеро, прошу приказать вашим стражницам помочь в трюме закрепить груз. Я пошлю боцмана, чтобы он показал, что делать.

Я крикнула Корайс, чтобы выполняла указания Страйкера. Она кивнула и тут посмотрела через мое плечо. Я видела, как расширились ее глаза.

Я обернулась, и у меня тоже перехватило дыхание. Из-за шторма мы совсем забыли о конийских кораблях. Теперь мы оказались всего в нескольких сотнях ярдов от них, и те, несмотря на дождь, были отчетливо видны. Три из них были небольшими однопалубными –

вдвое меньше наших галер, имели по три мачты с треугольными парусами. Нас поразили размеры четвертого корабля.

Это тоже была галера, но какая! Я думаю, она была вдесятеро длиннее наших, а ширина от борта до борта – как наша галера в длину. У нее был только один ряд весел, но они далеко опускались в воду. Их концы исчезали в отверстиях на нижней палубе, я не могла увидеть, сколько требуется людей на каждое весло, но, должно быть, не менее пяти или шести. Над главной палубой возвышалась средняя, которая была не намного меньше ее, и над ними еще верхняя палуба. Весьма странный вид кораблю придавали три кабинки, покрытые двухскатными крышами, похожие на дома. Все деревянные части украшала затейливая резьба. В кабинах были прорезаны большие круглые окна, точно такие же в один ряд тянулись вдоль борта на уровне главной палубы. Трапы на корабле больше напоминали парадные лестницы с красивыми перилами. Короче, это сооружение напоминало больше двухэтажную виллу или храм, перенесенный в море каким-то могучим волшебником. В середине корабля возвышалась единственная мачта. С реи, сделанной из ствола огромного дерева, свисал зарифленный прямоугольный парус.

– Похоже, черт возьми, на водяного жука, – крикнул Страйкер. Взмахи весел, поднимавшие ветер, действительно напоминали работу ног насекомого.

– Нелегко управлять таким гробом в бурю, – высказался Дюбан. – Смотрите, как он зарывается, а ведь шторм еще не начался как следует. Видно, эта посудина с плоским дном, как баржа.

Не надо было быть опытным экспертом, чтобы понять, что он был прав. Я видела, как десять – нет, четырнадцать – человек налегали на чудовищное кормило; накатившая волна затопила нос судна, при этом корма поднялась почти вертикально. Несколько матросов полезли на мачту.

– Что происходит? – спросила Полилло.

– Не знаю, – ответил Страйкер. – Чертовски неудобно управлять таким кораблем. Видать, на нем – какой-нибудь богатый купец. Хотя народу слишком много для торгового корабля. Может, это и военный корабль. Но как он воюет, черт возьми? Если даже на нем есть таран, при такой качке им ни за что не попасть, разве попросить врага встать на якорь. Думаю, эти идиоты конийцы напиваются перед битвой, а потом встают бортом к борту и дерутся, и на каком корабле не остается больше матросов, тот и проиграл. – Он подумал немного. – Надо прикинуть, что мы можем сделать против него. Получим хорошую добычу.

Я поймала себя на том, что тоже думала примерно так же. Неужели я становлюсь такой же, как люди Холлы Ий? У кораблей ведь есть и другое применение, не только война и грабеж. Но все же... Я представляла себе четыре быстрые галеры, окружающие этого гиганта, как волки, нападающие на медведя. Я решила подумать об этом позднее, когда будет поспокойнее.

Три небольших корабля, очевидно, эскортировали четвертый. Когда мы приблизились, они выстроились клином перед галерой, прикрывая ее от нас.

– Весьма заботливые, – сказал Дюбан. – Я бы отдал год жизни, чтобы избавиться от этой тройки.

На мачтах эскортирующих кораблей взвились флаги. Это был сигнал, который мы не могли прочитать, но могли догадаться – они у нас требовали назвать себя и объяснить свои намерения. Я посмотрела на наш флагман – что предпримет Холла Ий? Он поднял большой белый флаг, который должен был ясно возвестить о наших мирных намерениях даже в этих незнакомых водах. Я приказала Страйкеру сделать то же.

Может, в этой стране белый цвет означал что-то другое, может, нам не поверили, но я увидела, как на палубу выходят вооруженные люди и занимают позицию возле борта. Вокруг легких катапульта на фордеках поднялась суeta.

– Страйкер, – крикнула я, – передай Холле Ий держаться от них подальше. Они думают, что мы атакуем.

– При такой погоде ничего не выйдет, – ответил он, но отдал приказание матросу.

– Попытаемся не терять их из виду, – сказала я. – Когда шторм кончится, выйдем к ним один корабль для переговоров.

– Сообщение от адмирала, – крикнул наблюдатель. – Распустить построение. Направляться на зюйд-зюйд-вест. Потом снова собраться. Конец сообщения.

Теперь нам было не до чужих кораблей – шторм бушевал в полную силу. Дышать стало тяжело от водяной пыли. Ветер оглушающе выл. Какое-то время я видела несколько наших кораблей сквозь пелену, потом потеряла их. Конийцев давно уже не было видно.

– Как ртуть в склянке? – спросил Страйкер.

– Все еще опускается!

Страйкер выругался и принялся отдавать приказания. Матросы убрали паруса. Главная мачта была опущена, я слышала, как Страйкер проклиняет Дюбана за то, что он не сделал этого час назад. Я подумала, что убийство Клисурь нам дорого обойдется, так как Страйкер, кажется, презирает Дюбана настолько, насколько он уважал Клисуру.

Я приказала стражницам сойти вниз. Полилло, бледная как смерть, отозвала меня в сторону и сказала, что пусть ее лучше смоем за борт, чем она полезет в душный трюм. Я сжалилась над ней и разрешила привязать себя к поручням возле рулевых, чтобы в случае чего им помочь. У кормового весла Страйкер поставил уже двоих, но и им было трудно держать корабль на курсе. Я спустилась вниз и приказала Дике и двум другим стражницам позаботиться о Гэмелене, который находился в своей каюте. Я сказала им – боюсь, довольно резко, – что их жизни гораздо менее ценны, чем жизнь волшебника, поэтому в случае катастрофы они должны действовать соответственно. Они, кажется, поняли и не обиделись.

Вернувшись на мостик, я по примеру Страйкера и Дюбана обвязалась куском каната длиной в десять футов, чтобы можно было передвигаться.

Ветер выл все громче и громче. Снасти звенели. Страйкер приказал впередсмотрящему спуститься вниз. Зеленые волны перекатывались через палубу. Мы вовремя сняли мачту – теперь это было бы невозможно, любой, кто осмелился бы появиться на главной палубе, был бы мгновенно смыт. Временами казалось, что мы находимся не на корабле, а на двух плотках – фордеке и капитанском мостике, невидимо связанных между собой под водой.

Самое странное было то, что волны, накрывавшие нас, были теплыми – как кровь. Ручаюсь, вы никогда не слыхали о подобном от старых мореходов, рассказывающих байки.

Мы плыли на юг, подгоняемые ветром, было совершенно невозможно придерживаться курса, предложенного Холлой Ий. С востока нас ударил вал, корабль закрипел, его бросило набок. Полилло была у кормила, я видела, как вздулись ее мускулы, когда она пыталась удержать корабль на курсе. Море стало теперь свинцово-серым, ветер с воем срывал верхушки волн. Трудно было различить, где заканчивался ветер и начиналась бушующая вода. Внезапно наступило затишье. За кормой я успела разглядеть другую нашу галеру, и тут тайфун накрыл нас вновь.

От боковой качки наш несчастный корабль скрипел. Страйкер закричал рядом с моим ухом, что корпус в любой момент может дать течь. Мы попали в океанское течение, которое несло нас с огромной быстротой – словно река Орисса в половодье. Необходимо было выбросить морской якорь. Страйкер прокричал мне, что нужно делать. Я отвязалась, дождалась промежутка между волнами и бросилась вниз, в кубрик.

На мостике был ад, но здесь, внизу, оказалось еще хуже. Тусклый мир, освещаемый только вентиляционными отверстиями, с треском перекатывался с боку на бок. Воняло потом, немытыми телами, гнилым хлебом, пылью, рвотой и калом. Не все успели закрепить – по полу перекатывалась куча вещей, и нужно было вовремя убираться с дороги наиболее тяжелых предметов. Бронзовые тарелки с лязгом кувыркались от стены к стене, у меня под сапогами хрустели черепки разбитых горшков.

Матросы Страйкера находились в самых разнообразных позах. Некоторые разговаривали друг с другом, и я подумала, что у них, верно, бред. Некоторые молились. Другие просто тупо смотрели в пространство, привязав себя к подпоркам. Были и такие, что притворялись, что им все равно, – бросали кости на одеяле, но азарта в их игре не было. Но

один седобородый мореход – я вспомнила, что его имя Бертальф, – перещеголял всех. Он привязал свой гамак к потолочной балке и заснул в нем. И он не притворялся. Подойдя ближе, я услышала его храп. По сравнению с его дыханием даже вонь горелого китового жира показалась бы приятной.

Мои стражницы держались так хорошо, как могли. Я, разумеется, никогда не готовила их к подобной ситуации, но не было никаких следов паники или страха. Я позвала Клигс и Эббо – по силе они не намного уступали Полилло, – и мы пошли наверх.

Мы почти дошли до главной мачты, когда я почувствовала запах дыма! Деревянный просмоленный корабль мог за несколько секунд превратиться в факел. Я слышала немало историй, когда застигнутый штормом корабль погибал не от воды, а от огня из опрокинувшейся печки. Я увидела, или, может, мне только показалось, что увидела, струйку дыма. Дым поднимался из привинченного к полу сундука, где кок хранил свои горшки. Я бросилась к нему, сбила замок и распахнула крышку. Из сундука вылетел клуб дыма. Кто-то крикнул «Пожар!», поднялась паника, все забегали, кто-то меня толкнул, но я не обратила на это внимания. Бешено оглядываясь в поисках воды, я успела осознать всю иронию положения, потом увидела парашу, прикрепленную к балке, схватила ее и выплеснула содержимое в сундук. Зашипел пар, и через секунду я услышала завывание ветра снаружи. Меня затошнило. Но как бы то ни было, огонь был потушен.

Я оглянулась, ища виновного, и увидела его. Кок съежился у переборки. Я подступила к нему, он отпрянул назад, закрываясь руками, словно ожидал удара.

– Это просто... от гнили... Я не хотел... Угли... я хотел сразу развести огонь, когда кончится шторм.

И внезапно он всплеснул руками, как будто молился, и упал лицом вперед.

Длинноносый матрос по имени Сант вытер лезвие своего кортика об одежду трупа. Выпрямившись, он вложил кортик в ножны и посмотрел на меня.

– Если кто-то замышляет убить меня, я считаю справедливым всадить ему нож в грудь первым. – Сант засмеялся. – Кроме того, этот придурок не умел готовить как следует.

Я ничего не сказала. Это было не мое дело. Страйкер или Дюбан могут наказать его, но я не буду в этом участвовать. Интересно, считают ли матросы его поступок преступлением?

Мы втроем вернулись к люку и вышли на палубу.

Я не представляла себе, что буря может усилиться, но это случилось. Во вселенной остался только наш несчастный корабль и бушующее море. Я едва видела мачту сквозь дождь.

По приказанию Страйкера мы привязали конец большого, свернутого в бухту каната морского якоря к кормовой стойке. Потом мы выбросили канат за борт. Я сразу почувствовала разницу – качка уменьшилась. Правда, каждый раз, когда нас накрывала волна и канат натягивался, сердце уходило в пятки.

С кормы нас нагнал огромный вал. Я успела схватить Клигс и уцепиться за стойку. Отчаянно размахивающую руками Эббо бросило на фальшборт. Вода затопила палубу. Бушующий поток пытался оторвать мою руку от стойки. Примерно такие же волны обрушивались на нас возле вулканического рифа после гибели архонта. Но на этот раз все продолжалось лишь несколько секунд. Вода схлынула. Я встала на ноги и вздрогнула, взглянув на фальшборт. Он был выломан на протяжении четырех футов. Эббо исчезла! Я бросилась к корме и выглянула за борт. Мне показалось, что какое-то мгновение я видела блеск доспехов далеко сзади. Потом все исчезло.

Рядом со мной стоял Дюбан.

– Должно быть, морские боги примут ее жизнь как жертвоприношение.

Я хотела ударить его, но какой от этого был бы прок? Может, он был прав. Я прочла короткую молитву Маранонии о копейщице Эббо. Когда мы вернемся в Ориссу, я принесу жертву в ее честь и в честь других погибших женщин. Но сейчас не было времени для скорби, шторм бушевал с новой силой, трясся корабль, как, бывало, терьер моего брата тряс задущенную крысу.

Ветер ревел. Морской якорь помог, но недостаточно. Корабль каждый раз вздрагивал, когда волна ударяла в главную палубу. Я спросила Страйкера, сколько еще выдержит корпус, и он пожал плечами – кто знает?

Я в который раз пожалела, что Гэмелен потерял волшебную силу, – он мог бы наложить на волны заклятье, и вокруг корабля море бы успокоилось. Такое колдовство требовало огромного расхода энергии. Надо было придумать что-нибудь еще. И тут меня осенило. Масло. Страйкер на это сказал, что у нас только несколько бочонков масла для готовки и пара кувшинов минерального масла для смазывания оружия.

Я улыбнулась – этого было достаточно. Один бочонок можно превратить в несколько. Мне вспомнилось детство – я смотрю в книгу, там, где другие видят слова, я вижу бессмысленные значки, и вдруг меня осеняет – и я могу читать. Я вдруг поняла, что имел в виду Гэмелен, когда говорил о «единой силе природы» Яноша Серого Плаща. Если это правда – а я была уверена в этом, – к одной цели может вести великое множество путей, какое только может себе вообразить человек или демон. Так, теперь мне нужно...

Я вспомнила одного из бородатых учителей моего брата. Он говорил:

– Масло, гм-м. Масло – жидкость, а все жидкости имеют некоторые общие свойства, разве не так? Суть в том...

Я знала, что мне делать. Для этого даже не нужно спускаться вниз. Я схватила ковшик от бачка с питьевой водой и выставила его под дождь. Вода мгновенно наполнила его до краев. Я открыла дверцу в стойке нактоуза и нашла на полке небольшой флакончик с маслом, которым смазывали стержень стрелки. Прислонившись к стене, чтобы не упасть, я откупорила флакон и капнула маслом в ковш.

Нужные слова нашлись быстро:

Послушай, вода,
Вот твоя сестра,
Держи ее крепко,
Пусть ее тело будет твоим,
Дышите вместе,
Станьте одним,
Она – ты,
Ты – она...

...и ковш оказался до краев наполнен маслом.

Еще проще было вытряхнуть песок из пожарных ящиков, наполнить их водой, капнуть в каждый масло из ковша и выплеснуть все масло за корму. Полилло изо всех сил держала корабль на курсе, а я и три матроса опорожняли ящики один за другим.

Воодушевленная успехом, я приказала матросам прикасаться каждым ящиком к кормовой стойке, прежде чем выливать масло за борт. Новое заклинание было таким:

Ты рожден кораблем,
Следуй за ним,
Не отставай,
Будь рядом,
Пусть никто не встанет между вами.

Не могу сказать, сработала ли магия на этот раз. Кажется, масло стало течь из корпуса корабля, словно в нем был большой бак, но может, это была иллюзия, созданная течением

воды за кормой. На самом деле я хотела добиться другого – чтобы масло окружило корабль со всех сторон.

Впрочем, кое-что получилось. Масло сделало свое дело. Не то чтобы стало совсем тихо, но волн стало меньше, особенно с кормы. Ветер, однако, продолжал завывать, и корабль постоянно бросало из стороны в сторону.

Появилась новая проблема – корабль с трудом выходил из крена. Может быть, в трюм попала вода или, может, корабельщик, испытывая модель нашей галеры перед ее постройкой, просто не рассчитывал на такой большой крен. Один раз я буквально висела, уцепившись за поручень, а Полилло была у меня под ногами. Она так и не отпустила рулевое весло. Прошла целая вечность, прежде чем корабль, заскрипев, неохотно выпрямился.

Прошло, наверное, несколько часов, потому что я не помню, чтобы наступила темнота. Я помню волны, ветер, качку. Еще помню: я сменила Полилло у руля. Ее лицо было ярко-красным. Я думала, что это просто румянец, но потом поняла, что у нее течет кровь. Ветер резал как ножом. Я приказала ей идти вниз. Она тупо посмотрела на меня, потом кивнула и молча ушла. Потом нас подняла гигантская волна. Я поблагодарила Тедейта за морской якорь. Галера накренилась почти под прямым углом, я невольно взглянула вниз и закричала. Под нами была большая конийская галера. Парус с нее давно сорвало ветром, мачта была сломана, на палубе никаких следов жизни. Я подумала, что нас бросит прямо на нее, разбив все в щепки, но мы проскочили над ней, и огромный корабль исчез из виду.

Снова осталась лишь вода, ветер и страх.

И внезапно все кончилось. Над нами было чистое небо.

– Мы попали в глаз бури! – закричал Дюбан.

При таком небе море должно быть спокойным, чтобы можно было покататься на лодке с любимой, наслаждаясь покоем и солнцем. А на нас со всех сторон обрушились волны, ветер дул со всех тридцати двух румбов компаса. Стаю чаек подхватил бешеный поток воздуха, закрутил, и птицы черными точками исчезли вдали.

Я снова увидела конийскую галеру, захлестываемую волнами. Прямо по курсу я заметила рифы и скалы. Это были Игральные Кости Гигантов. Течение несло и нас и конийцев к смерти. Рифы, как зубы хищника, высовывались из воды. Нигде на скалах – ни клочка земли или травы, только голый камень.

Дюбан и Страйкер приказали свистать всех наверх, гребцы погрузили весла в воду. Гэмелен хотел подняться на палубу, но я ему не позволила, приказав Дике держать его внизу. Гэмелен с ворчанием подчинился.

Каким-то образом матросам удалось поставить мачту и развернуть малый парус. Этого оказалось достаточно, чтобы победить течение, и мы медленно начали уходить от опасности.

Конийскому кораблю спастись было невозможно. Его неумолимо несло к гибели. Он приближался к самым острым скалам. Между камнями были промежутки, но настолько узкие, что и опытному шкиперу вряд ли удалось бы провести между ними судно даже при тихой погоде. Кораблей эскорта мы не видели ни тогда, ни когда-либо впоследствии, думаю, все они затонули.

Сквозь насыщенный водяной пылью воздух я видела конийских матросов, отчаянно пытающихся поднять нечто вроде штормового паруса на обломке мачты. На секунду коричневое полотнище развернулось, я было обрадовалась, но тут же ветер сорвал его. Гребцы на галере поддались панике, и все весла двигались вразнобой. Корабль накренился, едва не черпнул воду бортом, но выпрямился, пронесся стрелой мимо скалы, не задев ее. Весла на той стороне начисто сбрило. Теперь конийское судно стало совершенно неуправляемым.

Полилло, забыв о своей морской болезни, подбежала ко мне с криком:

– Что мы можем сделать?

– Я не знаю.

– Но мы не можем просто смотреть, как они погибают.

Я вопросительно посмотрела на Страйкера.

Он покачал головой.

– Если бы эта калоша была поменьше, а море поспокойнее и проклятое течение послабее, мы могли бы, может быть, приблизиться, бросить им канат и попытаться вытащить их на буксире.

Он смотрел мимо меня на погибающий корабль. Его подтащило уже совсем близко к скалам.

– Якорь, идиот! Бросай якорь!

На конийском корабле, словно услышав его, фигурки засуетились около кабестана. Якорь упал в воду, за ним потянулась цепь. Течение рвануло корабль, созданная человеком ниточка лопнула, обрывок цепи хлестнул по палубе, судно трянуло и бросило к скале.

Волна подняла корабль и швырнула по направлению к полукругу из заостренных камней. Должно быть, перед этими выступающими камнями были еще подводные рифы, потому что судно на мгновение полностью оказалось вне воды, и я увидела его дно, похожее на брюхо огромного животного. Потом волна перекатилась через палубу конийского корабля.

– Не долго он так провисит, – мрачно сказал Страйкер. – Корпус треснет через несколько минут.

Я смотрела на него, он хотел что-то сказать, но только покачал головой.

На галере заметили нас, кричали что-то, отчаянно размахивали руками, моля о помощи.

– Если вы дадите мне матросов, чтобы управлять лодкой, я спасу их, – сказала я.

– И не заикайтесь об этом, – ответил Страйкер.

– А что, если сделать так. – Я показала на ужасный полукруг скал. Течение бурлило вокруг них, но за ними вода была спокойной. – Если мы подведем галеру за эти скалы, потом между ними можно будет подойти к конийцам на лодке.

Дюбан, который давно прислушивался к разговору, вмешался:

– Сумасшествие. Я не позволю никому из своих людей так рисковать.

Страйкер резко повернулся и посмотрел на него в упор. Подумав минуту, он обратился ко мне:

– Вы правы. Надо что-то делать. Если море почует наш страх, оно попытается расправиться с нами. Кроме того, – добавил он, – у них там на борту может быть кто-нибудь очень богатый, который заплатит за спасение своей жизни, или его семья будет очень благодарна, если мы привезем им тело для похорон. Помощник Дюбан, выполняйте ее приказания!

Естественно, пират не может позволить, чтобы кто-нибудь заподозрил в нем человеческие чувства. Я знала это и подумала, что, может быть, боги простят ему хоть часть грехов.

Дюбан с хмурой рожей принялся отдавать приказания. Заскрипели весла, и мы медленно двинулись прочь от рифов. С конийской галеры нам с новой силой замахали руками. Мне показалось, что я слышу проклятия – хотя из-за ветра это было невозможно, – ведь они думали, что мы бросаем их на произвол судьбы.

Мы обогнули рифы и позволили течению нести нас. Потом на веслах зашли за линию рифов. Я была права – здесь было гораздо спокойнее, хотя до полного штиля, конечно, далеко. Впрочем, рассматривать волны особенно было некогда – я была занята превращением воды в масло, которое лили за борт. Страйкер крикнул мне:

– Готово!

Страйкер спросил матросов, есть ли среди них добровольцы. Никто не шевельнулся. Я ничего другого и не ждала. Но тут произошла удивительная вещь – дружок Сайта, тощий, похожий на скелет матрос, чертыхнулся, плюнул на палубу, растер плевков голой пяткой и вышел вперед.

– Ты получишь награду за это, Фин, – сказал Страйкер, и тогда я впервые узнала его имя.

– На черта она мне? – буркнул скелет. – Мне ничего от вас не надо, капитан. – Он

повернулся лицом к матросам и выкрикнул шесть имен, включая Сайта. – По крайней мере, потону вместе с собутыльниками, – сказал он. – Эти бездельники умеют держать в руках весла. – Он выразительно посмотрел на лодку. – Нам нужно четыре, нет – восемь пустых бачков для воды, ребята. Четыре положим под банки, чтобы не потонуть, если вы, лягушачье отродье, пропорете дно о камень. Другие четыре завяжите в гамаки и привяжите к ним лiny. Еще нам понадобится бачок с водой и сухой паек на два дня, на тот случай, если нас унесет в море, а остальные дурни будут чесать затылки и раздумывать, спасать нас или нет.

Он посмотрел на меня.

– Что, берем кого-нибудь из ваших сучек? Могу взять четырех, но чтобы умели плавать.

– Идет, – согласилась я, решив не обижаться. С Фином было все ясно – негодяй и скотина. Я обернулась к стражницам.

– Есть добровольцы?

Вся стража сделала шаг вперед. Я не потрудилась посмотреть, стало ли стыдно людям Страйкера, несомненно, они еще больше укрепились во мнении, что женщинам нельзя позволять плавать на кораблях – иначе мужчины выглядят полными идиотами и трусами. Я выбрала четверых – снова Клигс, Локрис, лучницу, хотела еще вызвать Дацис, прашницу, которая была еще больше накачана, чем Клигс, но Полилло умоляюще посмотрела на меня. Я заколебалась, зная, что неразумно терять сразу двух офицеров.

Рассказывать это долго, писец, но происходило все быстро. Очень скоро лодка была готова. Мы влезли в нее, нас подняли на таях над водой. Я оказалась на скамье вместе с Фином. Он смотрел вниз, на воду, высматривая волну поменьше. Наконец крикнул: «Пошел!» – и с этим маловдохновляющим криком мы плюхнулись в беспокойную воду.

Гребцы мгновенно налегли на весла, стремясь поскорее отойти от корабля. Теперь наше родное судно стало таким же опасным, как и любой из рифов, мимо которых нам предстояло проплыть. Плавание в лодке в шторм – весьма специфическое занятие. Далеко смотреть нельзя, все заслоняют волны, то поднимаешься вверх, то падаешь вниз. Впрочем, все оказалось не таким уж страшным. Солнце и ветер делали прогулку почти приятной.

Я обнаружила, что глупо улыбаюсь. Фин тоже заметил это.

– Бьюсь об заклад, что ты не утонешь. Видать, тебе суждено быть сожранной адским демоном, так что пока мы на море, ты должна приносить удачу. – Он сплюнул за борт. Видимо, плевком он заканчивал каждое высказывание.

Сначала за рифами мы не видели конийской галеры. Волны бились о скалы, и я поняла, что мы попали в скверную переделку. Фин был спокоен.

– Поднять весла. Приготовиться... По моей команде... Гребите!

И мы проскочили между двумя валунами, словно каноэ на летней регате.

По другую сторону рифов нас сразу подхватило водоворотом. Я увидела конийскую галеру и выругалась. Она висела, опираясь на скалы кормой и носом, а середина прогибалась под собственным весом. Волны перекатывались через палубу, нарядные крыши с кабинок были сорваны. Под ударами волн корпус дрожал, деревянные части угрожающе скрипели.

Конийские матросы суетились на палубе. Вокруг галеры в волнах плавали какие-то обломки, я заметила несколько трупов. В этот момент раздался страшный треск, и судно переломилось надвое. Нос судна мгновенно подхватило волной и разбило в щепки о скалы.

Корма осталась на месте в крайне ненадежном положении, за нее еще цеплялись матросы.

– Снимем тех, кого сможем, – приказал Фин, и мы подгребли ближе. Они снова заметили нас и опять принялись кричать и размахивать руками, моля о спасении, хотя мы и не слышали слов. Один матрос залез на фальшборт и, несмотря на то, что мы махали ему руками, прыгнул за борт. Водоворот закружил его, и больше я его не видела.

– Идиот проклятый! – выругался Фин. – Когда подойдем поближе, они смогут бросить нам веревки и перебраться. Или мы кинем в воду бачки на лине. Жалко, что у нас нет лестниц. – Его голос был спокоен, словно он сидел с приятелями в пивной. – Лестница в

таком деле незаменимая вещь.

Я подумала, что почему-то не видно конийских шлюпок. Может, их все сорвало ветром или они отвязались от удара о скалы? Впрочем, одна шлюпка еще болталась на таях.

Мы подошли уже очень близко, я различала лица. Не знаю, сколько матросов было на разбитом корабле. Десять, двадцать, может, тридцать. Но каждый раз, когда волна перекачивалась через палубу, их оставалось все меньше. Я сумела встать, опираясь на спину Полилло, сложила руки рупором и закричала:

– Прыгайте!

Сначала один матрос прыгнул за борт, потом за ним последовали другие. Некоторые бросали в воду деревянные обломки, чтобы держаться за них, другие прыгали так, надеясь удержаться на поверхности или уцепиться за что-нибудь подходящее, пока их не выловят.

Полилло забросила один из бачков на веревке далеко вперед, почти достав до галеры. Примерившись, она забросила три остальных. Я ощутила торжество. Проклятое море забрало корабль и людей, но не всех. Мы спасем, кого сможем. Мы не оставили их погибать, и боги благословят нас за это. Обломок корабля вздрогнул от нового удара волны, и я поняла, что сейчас он сорвется со скал. Мы были совсем близко – корма нависала над нами. Я посмотрела вверх и решила, что весь оставшийся в живых экипаж уже покинул конийскую галеру.

А потом я увидела ее. Не знаю, как я поняла, что это женщина, – это мог быть и мужчина с длинными волосами. Она была одета в белое, и мокрая одежда облепляла ее тело. Хорошо, что вода была теплая, иначе она бы сразу же замерзла. Женщина вышла из разрушенной кормовой каюты и теперь стояла перегнувшись через борт. Она, казалось, не видела нас. Я подумала, что она в шоке или, может быть, ранена.

Мы кричали ей, но она не замечала. Потом она посмотрела вниз и увидела нашу лодку. Клянусь, я видела, как она улыбнулась. Очень медленно и осторожно она перелезла через фальшборт, замерла в красивой позе, словно собиралась совершить показательный прыжок, а потом порыв ветра просто сдул ее за борт. Она сразу же стала тонуть.

Не раздумывая, я головой вперед бросилась в воду. Я попыталась плыть к тому месту, где видела ее в последний раз. Течение бросало меня, несколько раз я чувствовала, что смертоносные камни совсем близко. Соль щипала мне глаза, но я ясно видела под водой коричневые и серые валуны, упирающиеся в пробитое дно галеры, а потом заметила мелькнувший белый кусочек ткани.

Он оказался на поверхности всего лишь на мгновение, потом снова исчез, и я нырнула, стараясь погрузиться глубже, вытягивая руки вперед, и вот мои пальцы наткнулись на шелк. Я схватила его, потянула на себя. Ее руки слабо обвилились вокруг меня, и я с трудом вынырнула на поверхность.

Хватая ртом воздух, я оторвала ее руки от себя – она мешала мне грести. Я крепко схватила ее за шею и подмышки, перевернула на спину и поплыла. Легкие мои разрывались от напряжения, но вот меня подхватили сильные руки, которые могли принадлежать только Полилло, подняли, и яростное море отпустило нас.

Глава шестнадцатая ПРИНЦЕССА КСИА

Затем я помню смуглое, злобно-насмешливое лицо Корайс. Одной рукой она старалась удержать мою голову, а другой – стакан с бренди. В каюте пахло как в грязной таверне.

– Хватит бороться со мной, капитан, – сказала она. – Вы проливаете хорошее бренди.

Я поняла, что сопротивляюсь, и подчинилась. Я открыла рот и послушно выпила содержимое стакана. Бренди обожгло мне горло, слегка закружилась и стала ясной голова.

– Спасибо, – с трудом выдохнула я. – Мне кажется... Я как будто на свет родилась.

Я одернула ночную рубашку, мокрую от пролитого бренди и противно липкую на груди.

– Похоже, в моей груди вместо молока спирт, – рассмеялась я. – Если это так, то, конечно, из-за меня возникла суета в Союзе мокрых нянюшек.

Корайс хмуро усмехнулась.

– Капитан, по-моему, первый раз в жизни я заставляю вас пить. Вы, случайно, не бросили? Может быть, вы стали выше всех нас, сражаясь с волшебниками и им подобными?

– Выбирай выражения, – проворчала я, подхватывая ее тон. – Гэмелен пошел на компромисс, превратив послов с острыми языками в послед сварливой женщины.

– До тех пор, пока они в таком состоянии, у меня не будет повода для беспокойства, – ответила Корайс, снова наполняя стакан.

Снаружи царствовала прохлада. Ласковое солнце заглянуло украдкой в дверь каюты, вслед за ним нежный ветерок принес аромат моря. Нахлынули воспоминания, и я почти вскочила в панике.

– Что случилось с...

Корайс прижала стакан к моим губам.

– Обо всех позаботились, – успокоила она. – Теперь пейте. Это указание Гэмелена. Иسمет он дал два бренди, одобренных восстановителем разума.

Я пила. Корайс в это время рассказывала. Все приказы, которые я отдавала, когда меня переносили на наш корабль, были выполнены. Я не помнила, что отдавала какие-либо приказы, я не помнила ничего, кроме холодных, мокрых объятий Полилло, однако не показала этого Корайс; иначе не миновать мне насмешек. Мы благополучно перенесли шторм, и оказалось, что наши потери незначительны. Мы спасли тринадцать конийцев, некоторые из них были легко ранены. О них хорошо позаботились.

– Еще раз ты доказала, что если ты не самый лучший командир маранонской стражи, то, несомненно, самый удачливый.

– Давай обсудим мои командирские заслуги позже, – сказала я, с трудом сдерживая смех. Острый юмор Корайс еще раз напомнил о том, что все мы вместе выросли, всех одинаково били на учебном поле, все страдали от сквернословящих инструкторов и выполняли одни и те же бессмысленные приказы, отданные безмозглыми начальниками. Одним словом, мы были сестрами по судьбе и по оружию.

– А теперь о будущем, – загорелась Корайс. – О плохих новостях – позже, а сейчас – о хороших. Итак, о великий капитан Антеро, такая же прекрасная, как и умная, такая же умная, как и...

– Замолчите, черт вас возьми, легат! – прервала я. – Расскажи-ка лучше хорошую новость.

– Вы спасли принцессу, капитан. Конийскую принцессу, между прочим.

Я вытаращила глаза.

– Ты хочешь сказать, что женщина...

Корайс кивнула.

– Эта прелестная малышка, которую ты выловила из морской воды, имеет такой же царственный вид, как хозяин таверны накануне раздачи жалованья. Она не кто иная, как принцесса Ксия, дочь одного из членов правящего Совета Конии! Теперь, когда мы приплывем в их воды, мы будем героями и получим все, что захотим!

Я посмотрела в пустой стакан. Вещество, которым Гэмелен одобрил бренди, начало свою работу по оттачиванию ума. Там, где Корайс видела удачу, мне мерещились предвестники беды, но я не знала точно какой. Я поделилась сомнениями с Корайс. Однако мои мрачные предположения не могли испортить ее радужного настроения.

– Возможно, боги услышат каждое твое слово, Корайс, – сказала я и, покачнувшись, с трудом встала. – Я лучше осмотрю нашу королевскую добычу, пока еще светло.

Я сняла испачканную в бренди рубашку и поискала, во что переодеться для встречи с принцессой.

– Еще одно, капитан, – сказала Корайс, – сигнальщик Холлы Ий суетится все утро, как дурак с запором. Адмирал хочет с тобой встретиться. Срочно.

– И он встретится, – ответила я. – Пошли ему поклон и скажи, что я была бы ему очень признательна, если бы он посетил меня в течение часа.

Корайс поспешила уйти. Я переоделась и посмотрела на себя в зеркало.

Прошло достаточно много времени с того момента, когда я последний раз смотрелась в него. Наши приключения могли отразиться на моих нервах, но на внешность не повлияли. Смуглая кожа светилась здоровьем, волосы стали совсем белыми от палящего солнца, но никогда еще они не были такими мягкими и послушными, фигура была стройной, как будто после специальных тренировок. Скулы и щеки горели румянцем, губы стали казаться толще, чем раньше. Глаза, ярко-голубые, с маленькими жесткими морщинками человека, наделенного властью, подтверждали, что меня нельзя было назвать непривлекательной и что я стала более закаленной.

Если ты думаешь, писец, что тщеславие заставило меня так внимательно рассматривать себя в зеркале, ты ошибаешься. С тех самых пор, как Гэмелен начал меня обучать, я с некоторым опасением вспоминала рассказ моего брата о том, как повлияли регулярные занятия практической магией на Яноша Серого Плаща. Амальрик говорил, что магия разрушила тело Яноша, поэтому он заметно состарился. Точнее говоря, Амальрик имел в виду занятия черной магией, но это нисколько не умаляло моих страхов. Поэтому после осмотра своей внешности я почувствовала в большей степени облегчение, чем удовлетворение.

Однако моему тщеславию польстила одна деталь – кожа, которую я всегда считала своим достоинством. Она светилась здоровьем, и это мне бесконечно нравилось. Я думала: «Ничто не придает такой румянец женским щекам, как немного власти».

Я побрызгала тело любимыми духами с запахом цветущего апельсина и надела лучшие доспехи. Пристегнув меч, приколов золотую брошь, указывающую на звание, я надела серьги. В последний раз взглянула в зеркало, чувствуя себя ребенком, играющим в переодевания.

– Они никогда не узнают этого, Рали, – подбодрила я сама себя и вышла навстречу принцессе.

Корабельный плотник – удивительно хороший мастер – создал для нее рядом с каютой Гэмелена удобное жилище. У двери я хотела постучать, но передумала, услышав голоса.

Первый квохтал, как старая болтливая курица:

– Давайте, давайте, девочка моя. Я знаю, что вам противен вкус спиртного, но вы должны выпить это. Старый волшебник, может, и слеп, благословенна его душа, но он знает, как готовить хороший восстановитель. Даже моя покойная бабушка не могла сделать лучше, а уж к ее помощи прибегали все знатные леди того времени, когда им нездоровилось.

Отвечал голос молодой и необыкновенно сладкий:

– О, ну пожалуйста, Астарта! Мне не нужно. Я просто устала. Но ты будешь пилить меня без всякого сострадания, если я не выпью.

Затем последовал шелест, звуки глотания, и тяжелый выдох.

– О боги! Он такой крепкий, что можно задохнуться, но не такой противный, как я думала.

Затем она сделала еще глоток.

– Ммм... Даже хорошо – чем больше пьешь, тем вкуснее. И, надо сказать, день стал более радостным. По-моему, я изменила отношение к спиртным напиткам. Очевидно, раньше мне давали бренди худшего качества.

– Вот видите, принцесса Ксиа, – увещевала старуха, – вы должны слушаться бедную Астарту. Я желаю вам только хорошего. И разве не всегда так было, с того самого дня, когда ваша матушка, благословен ее прах, привезла меня из деревни, чтобы нянчить вас?

Принцесса хихикнула. Это был чудесный звук, похожий на звучание лиры.

– И ты до сих пор думаешь, что я ребенок, которого ты качала. Ты говоришь, что волшебник прописал два стакана этого эликсира. Я с удовольствием выпила бы еще стаканчик.

Бульканье жидкости и снова звуки глотания. Затем:

– Скажи, Астарта, кого мне благодарить за наше спасение? Мы были бы на дне моря вместе с другими беднягами, если бы эти смелые люди не рисковали жизнью ради нас.

– Приказ отдала капитан Антеро, – ответила старуха. – И именно капитан Антеро спасла вас.

– Капитан? – Голос принцессы звучал вопросительно. – Да, я действительно вспоминаю, что меня вытащила из воды женщина, и это показалось мне странным. Жаль, что я не поговорила с ней тогда.

Голос ее звучал разочарованно.

– Жаль, понимаю, что теперь это невозможно. Наверное, она мне приснилась. Это был удивительный сон, Астарта. Она самая красивая женщина из всех, кого я когда-либо видела. Ее руки и ноги одновременно стройны и мускулисты. Ее волосы струятся, как грива золотой лошади, чудесным образом летящей сквозь моря. Самое замечательное зрелище, ты должна со мной согласиться! Но, увы, это всего лишь... сон. Каким бы стал мир, если бы слабые женщины, как мы, стремились бы быть такими смелыми!

– Но, девочка моя, – вмешалась старуха, – это не...

В этот момент постучалась я, прервав ее на полуслове. Молчание, затем Ксиа сказала:

– Вы можете войти.

Я вошла, низко нагнув голову, чтобы не задеть дверь.

– Капитан Антеро, ваше высочество! К вашим услугам.

Принцесса Ксиа, в напряженном ожидании безмолвно уставилась на меня со своих подушек. Я и сама онемела: она была совершенна – смуглая и стройная, как Корайс, она была такой же высокой, как и я, это было видно, хотя принцесса лежала в кровати. На ней была белая рубашка с чужого плеча, благодаря королевской осанке казавшаяся дорогим платьем. Волосы ниспадали длинными черными волнами, которые сверкали, когда на них попадал лучик солнца. Глаза – широкие черные озера – излучали всю энергию, которую только способно вобрать в себя восемнадцатилетнее существо. Темные брови над этими глазами, высокие скулы и аристократический нос. Губы цвета розы, возможно, были немного полноваты, если вы предпочитаете холодную девушку чувствительной.

Ксиа мило покраснела под моим пристальным взглядом. Затем она пришла в себя и радостно хлопнула в ладоши.

– Смотри, Астарта, это был не сон! Это действительно была женщина.

Седовласая служанка покачала в ответ головой, приведя в движение все свои величественные подбородки.

– Я и пыталась это сказать, ваше высочество. Капитан Антеро действительно женщина. Женщина-солдат, да будет благословенно ее сердце. Спасибо богам, она появилась вовремя среди этой толпы пиратов. А иначе от нашего достоинства через секунду не осталось бы ничего.

Принцесса вскочила на ноги, и от резкого движения ее рубашка приоткрылась, и передо мной мелькнула высокая полная грудь с сосками, похожими на спелые ягоды, и розовые нежные губы интимного места, совсем как у девочки. Я представила, что она обнимает меня. Заметив мой жадный взгляд, Ксиа покраснела и запахнула рубашку, но уже не так плотно, как раньше.

Затем она сказала довольно сухо:

– Я обязана вам жизнью, капитан Антеро. И более того, я обязана вам жизнью двенадцати моих соотечественников, включая Астарту, которая мне дороже всех, кроме отца, конечно.

Астарта громко причмокнула губами, очень довольная.

– Вы так добры, принцесса.

Затем она посмотрела на меня, ее карие глаза казались слишком молодыми для такого лица.

– Но я должна сказать вам, капитан, я думала, что мне пришел конец, когда одна из

ваших солдат, такая большая – Полилло, кажется, – схватила меня за волосы, подняла и потащила, словно я какая-нибудь камбала для приманки.

Я снова низко поклонилась.

– Мы поступили так, как поступил бы любой цивилизованный человек в данной ситуации. Мы не делали ничего сверхъестественного. Окажись мы в вашем положении, ваши люди спасали бы нас точно так же.

– Я не уверена в этом, капитан, – сказала Ксиа. – Мы подозрительные люди, и вы нам кажетесь странными.

– Такие, как есть, моя госпожа, – ответила я. – Наши вожди дали нам очень важное задание, мы его выполнили, но заблудились. Когда мы встретились, я уже плыла к вашей земле, чтобы попросить вас помочь нам найти дорогу домой.

Принцесса Ксиа рассмеялась. Это был самый нежный смех, какой только можно представить.

– Вы найдете ее. Я поговорю с Канара, моим отцом. Обещаю, что он будет счастлив помочь, используя свое влияние. В конце концов, вы спасли его единственного ребенка.

Я уже хотела было поблагодарить ее, когда в дверь постучали. Это была Корайс.

– Простите, капитан, – сказала она. – Лодка адмирала на пути сюда.

Когда она говорила, ее глаза скользнули на принцессу, затем на меня, затем опять на принцессу.

– Я присоединюсь к вам через минуту, легат.

Корайс отдала мне честь. Это был ее каприз, однако она хотела, чтобы моя значительность произвела на Ксиа впечатление. По крайней мере, мне так показалось. Затем Корайс еще раз коротко поклонилась.

– Простите, принцесса, – сказала я. – Служба зовет.

Ее взгляд потускнел.

– Конечно, вы должны отправляться к своему адмиралу.

Я рассмеялась.

– Напротив, моя госпожа, адмирал приедет ко мне. На нашем флоте адмирал выполняет мои приказы.

Глаза Ксиа сверкнули:

– Удивительно! Женщина – командир! Мы должны еще поговорить, капитан.

Она протянула руку. Я поклонилась, легко касаясь ее мягкой плоти губами. Она дрожала. Я выпрямилась, с трудом справившись с подступающим к горлу комком, и быстро попрощалась.

Холла Ий вошел в мою каюту. До этого я велела стражницам убрать свои вещи, принести стол и стулья, приготовить легкие закуски. Кроме сердитой поступи адмирала, первое, на что я обратила внимание, – Холла Ий был один. Это означало, что он не хочет свидетелей нашего разговора.

Он посмотрел мне в глаза.

– Вы заварили всю эту кашу, капитан Антеро, – лязгнул его голос. – И, если мы не будем действовать быстро, с нас сдерут шкуру – или того хуже.

Меня возмутило его обвинение.

– Что я сделала?

– Спасли этих конийских ублюдков, вот что вы сделали! И я первым признаю, что это был смелый поступок, но, черт возьми, как это глупо!

– С каких это пор спасение людей считается глупым? Я всегда думала, что один из неписанных законов моря – прийти на помощь другому моряку!

– В ваших морях – возможно. Но не в моем. И особенно не в этих водах!

Я не ответила сразу: я гадала, что так взволновало его. Холла Ий взглянул на меня, глубоко выдохнул остатки гнева и снова взял себя в руки.

– Послушайте, капитан, мы через многое прошли вместе. Я все еще недолюбиваю вас – я достаточно честен, чтобы сказать это. Мне кажется, наши чувства взаимны. Но я глубоко

уважаю вас за ваши действия. Сейчас в наших отношениях кризис, и мне очень жаль. У нас не было времени поговорить после того случая с Сарзаной, в этом причина наших проблем.

Во мне зашевелился червячок беспокойства, которое поселилось в моей душе, когда Корайс разбудила меня. Вдруг все поняв, я опустилась на стул и наполнила два бокала крепким вином. Когда Холла Ий удовлетворенно кивнул, заметив, что я догадываюсь, о чем пойдет речь, и сел напротив, мы осушили бокалы и наполнили их вновь.

– Как мне кажется, – наконец начал Холла Ий, – все сказанное Сарзаной – ложь. Более того, все противоположное сказанному, – правда. Он был настоящий ублюдок, и конийцы ненавидели его. Они не могли убить его из-за проклятия. Вот в чем правда. Любой кониец, убивший монарха, погибнет. Поэтому они не могли придумать ничего лучше, чем бросить его на острове. Затем они собрали всех волшебников и волшебниц королевства, которые заколдовали остров так, чтобы Сарзана никогда не мог выбраться оттуда.

– А мы... мы освободили его, – подхватила я. – Но это не наша вина! Ведь Гэмелена не было рядом, откуда нам знать, что Сарзана накинёт на наши глаза волшебное покрывало?

– Вы думаете, старый волшебник смог бы нам помочь?

– Конечно! Он мог обмануть всех нас, но не Гэмелена, до того, как он был ранен. Об этом говорил раньше капитан Страйкер, и это слишком поздно поняла я сама. А моих способностей недостаточно, чтобы сражаться с таким опытным волшебником, как Сарзана. Как бы то ни было, это уже в прошлом. Нас оставили в дураках, но при помощи сильного колдовства. Нам нечего стыдиться.

– Я и не говорю о стыде. Стать богатым и умереть в старости – это все, что меня волнует. А теперь вы должны сохранить наш разговор в тайне, в противном случае у нас нет шансов дожить до седых волос, если хотя бы одно слово о том, что произошло, достигнет не тех ушей.

– Особенно тех конийцев, которых мы спасли.

– Да, – согласился Холла Ий. – До того, как это случилось, мы собирались обмануть их. Быстро проникнуть в порт, получить от них помощь и убраться к черту, пока они не поняли, что не кто-нибудь, а мы упустили этого дьявола. И наш план – плохо продуманный с самого начала – потерпел крах после того, как вы спасли этих людей. На флоте нет секретов. Мир слишком тесен. Как только мы бросим якорь в их порту, конийцы все узнают, и тогда нам конец. С их точки зрения, нас убить мало.

– Может быть, Сарзана утонул, – предположила я, понимая, что это неубедительно. – Ведь он был в довольно утлой лодочке.

Холла Ий покачал головой.

– Он слишком гадок, чтобы утонуть. Даже рыбы выбросили бы его обратно. У меня есть подозрение, что, пока мы разговариваем, он благополучно добрался до дома и уже воодушевляет чернь.

– Но мы спасли конийскую принцессу! Это что-нибудь да значит!

– Конечно! Они не станут выкалывать нам глаза, после того как снимут кожу. Вот и все, что это значит.

Я погрузилась в молчание, медленно потягивая вино и соображая, как найти выход.

– Мы сможем сделать только одно, – сказал Холла Ий.

– Что же?

Холла Ий помялся.

– Мы бросим их обратно в море. И они утонут, как и должно было случиться во время шторма. А мы как ни в чем не бывало поплывем в Конию с нашей просьбой. И свидетелей не будет, как только старухин рот закроется навсегда.

Я покачала головой.

– Я не буду делать этого.

Из рассудительного Холла Ий превратился во взбешенного.

– О боги! Я утоплю их сам, если вы не можете!

– Я не воюю с мирными людьми. Они не причинили нам вреда.

– Но они все-таки должны умереть! Даже если вам не хочется вмешиваться! – закричал Холла Ий. Его рука судорожно сжала меч. Я встала, пнув в сторону стул.

– Да, я не хочу. И это мое последнее слово. До тех пор, пока я командую здесь, до этих людей никто не дотронется.

Казалось, Холла Ий вот-вот вынет меч из ножен. Я приготовилась дать отпор. Затем он попытался взять себя в руки, и это ему удалось. Я услышала скрип кожи, бросив взгляд назад, я увидела, что дверной проем заполнила собой Полилло. За ней была Корайс. Мы настолько горячо и громко спорили, что они прибежали посмотреть, не нужна ли мне помощь. Помощь была не нужна. В конце концов, убийство Холлы Ий ничего бы не решило. В качестве награды мне достаточно было бы мятежа.

– Мы не должны сражаться друг с другом, – сказал Холла Ий. – Возможно, есть другой выход. Я вернусь на свой корабль и все обдумаю.

– Я и сама поломаю голову.

– Тогда поговорим завтра, капитан?

– Как вам будет угодно, адмирал!

Когда он вышел, я посмотрела на своих легатов:

– Что вы слышали?

– Достаточно много, чтобы войти сюда, – ответила Полилло.

– Половина корабля слышала, нельзя сказать, что вы разговаривали шепотом, – добавила Корайс.

– Выход должен быть, – сказала я. – Надо поговорить с Гэмеленом.

Несколько часов спустя, рассмотрев проблему под разными углами, даже волшебник признал наше поражение.

– Я знаю заклинание, вызывающее забывчивость, – сказал он. – Но оно ненадежно и даже опасно. Если не получится, то для нас лучше будет убить их. Однако я не думаю, что вы сможете сделать это, капитан Антеро.

– Но ведь вы согласны, что было бы неправильным причинять им вред?

– Это был бы поступок труса, капитан, – вмешалась Полилло. – Мне нравится проливать кровь врагов, но не невинных жертв!

– Я испытывала подобные чувства, сражаясь на улицах Ликантии, – сказала Корайс, вспоминая мирных жителей, которых выставили против нас архонты.

Я посмотрела на Гэмелена. Как будто прочитав мой взгляд, он кивнул.

– Когда придет Судный день, на моем счету и так будет достаточно. Поэтому я говорю: нет.

– Единственный способ, – сказала я, – это признать нашу ошибку перед принцессой и молить богов, чтобы она не только простила, но и защитила нас.

Никто больше не мог предложить выход, поэтому я послала за принцессой. Когда она вошла, комната словно осветилась. Ее короткая туника открывала стройные ноги, подчеркивала тонкую талию и высокую грудь. Она взглянула на меня, в глазах ее светилось восхищение. Я не хотела погасить этот взгляд. Но сделала это.

Она замерла в шоке, когда я рассказала о Сарзане. Глаза ее наполнились темным ужасом.

– Лучше бы вы нас не спасали, – сказала Ксиа. – Лучше умереть, чем быть свидетелем того, что сделает Сарзана с моим народом!

– Они хотя бы будут теперь осторожными, – сказал Гэмелен.

Ксиа горько усмехнулась. Когда она заговорила, трудно было поверить, что слова эти принадлежат восемнадцатилетней девушке.

– Вы не можете себе представить, что вы наделали! Сарзана самый страшный злодей из всех живущих на земле. Он поработил нас, он лишил нас чувства собственного достоинства! Целое море крови было пролито за время его правления. И однажды боги ниспослали чудо: нам удалось избавиться от него! Теперь победить его снова будет нелегко. Скорее всего, это будет невозможно. Он обладает огромной силой и, конечно, упражнялся в магии все годы

своей ссылки. И долго ждал того дня, когда такие глупцы, как вы, выпустят его на свободу.

Она посмотрела на меня, слезы гнева текли по ее щекам.

– Когда я сказала, что отец будет благодарен за спасение своего единственного ребенка, я не уточнила, что являюсь единственным оставшимся в живых ребенком. Раньше у меня было четыре старших брата, их уничтожил Сарзана.

Ксиа вытерла глаза и взяла себя в руки, стала холодной и отчужденной.

– В жилах моей семьи течет королевская кровь. Мы произошли от древнего рода конийских монархов. Сарзана истребил всех младенцев мужского пола в семьях, чьими предками были короли.

Она снова склонила голову и заплакала. Я заметила замешательство в ее глазах.

– Зачем вы рассказали это мне? Теперь я знаю... вам же от этого не легче.

Пристально разглядывая ее, как раньше, я рассказала ей о Холле Ий. Я не заметила страха на ее лице даже после того, как рассказала, что, хотя я команду флотом, Холла Ий и его пираты могут взять инициативу в свои руки.

– Ваши женщины лучшие воины, чем его пираты? – спросила Ксиа.

Я ответила утвердительно, но сказала, что не стоит недооценивать людей адмирала. Они были хорошими и бесстрашными воинами, более опытными в бою.

– И вы все-таки отказали ему? – спросила она.

– Да.

– Почему? – с нажимом спросила она. Мне было трудно отвечать.

– Я солдат. Более того, я команду гвардией Маранонии. Мы поклялись защищать домашний очаг. И так было в течение столетий. Каждая из нас готова принять мученическую смерть, но не отступить от этой традиции.

Принцесса подумала немного, и я еще раз удивилась, как такое юное существо способно так глубоко мыслить. Затем она сказала:

– Я помогу вам... если смогу. Около Изольды есть маленькое малонаселенное местечко, и там находится мой дом. Доставьте нас туда тайно ночью и ждите. Я поговорю с отцом и объясню, что вы стали жертвой Сарзаны, как до этого мы.

– Вы думаете, он послушает?

Ксиа пожала плечами.

– Не знаю. И кроме того, есть еще девять человек, входящие в Совет очищения, который правит нами.

Она скорчила гримаску, говоря о Совете, как будто упомянула что-то неприятное.

– Я не знаю, что они скажут. Если они согласятся вас пощадить, я сообщу вам. Если нет, вам придется бежать. И, несмотря на то что вы причинили мне и моему народу страшный вред, я буду молиться, чтобы вы спаслись и добрались до дома.

Ее предложение было великодушным, и мы приняли его.

– Что скажет адмирал? – спросила принцесса.

– Не знаю, – ответила я, – постараюсь уломать его.

– А если он откажется?

Я посмотрела на своих спутников. Они решительно кивнули.

– Тогда мы будем сражаться.

Следующий день наступил слишком скоро. Я спала мало и встала рано. Я приказала своим стражницам подготовиться к худшему и не поднимать шума.

Мы с Гэмеленом пошли прогуляться. Обстановка была напряженной, взгляды команды – откровенно враждебными, даже слепой волшебник чувствовал приближение беды. Капитан Страйкер держался от нас подальше и, по-моему, успел переговорить с Холлой Ий, потому что вместо того, чтобы заставить команду работать, он ходил между ними, о чем-то шептался и время от времени поглядывал в мою сторону. Гэмелен не переставал улыбаться, словно ничего не происходило, и тихо нашептывал мне слова коротких защитных заклинаний.

За два часа до полудня Холла Ий прислал сказать, что он скоро прибудет. Я ждала его

на палубе и видела, как от адмиральского корабля отвалили несколько лодок с вооруженными людьми. Холла Ий не сделал ошибки и не попытался взять своих пиратов на борт нашего корабля. Он приказал им ждать и вскарабкался по трапу в сопровождении нескольких своих офицеров.

Он подошел ко мне мимо группы матросов с одной стороны и стражниц – с другой. Остановившись в пределах досягаемости меча, он пригладил смазанные жиром волосы и заговорил:

– Итак, капитан Антеро, вы подумали о моих вчерашних словах?

– Да, адмирал. Я говорила с принцессой Ксиа, и она обещала нам помощь.

Холла Ий усмехнулся, потом откинул голову и, не сдержавшись, открыто расхохотался.

– Вы поверили девчонке? Да вы еще глупее, чем я думал.

Некоторые матросы подхватили его смех. Со стороны стражниц я слышала угрозы пиратам.

Я улыбнулась Холле Ий и с деланным недоумением посмотрела в сторону смеющихся матросов, как бы удивляясь отсутствию дисциплины у подчиненных славного адмирала.

– Может, я и глупа, – сказала я, – но не настолько, чтобы забыть ваши собственные слова. Когда вы вчера уходили, вы обещали придумать что-то еще, так?

– Я и придумал, – заявил Холла Ий.

– У вас есть план, который сохранит жизнь конийцам?

– Да, – сказал он. – Предлагаю найти остров. Где-нибудь подальше, чтобы их никто никогда не обнаружил. Оставим их там, дадим пищи и воды сколько сможем и поплывем в Конию, словно ничего не случилось. Там будем просить помощи, получим ее и отправимся домой. – Он покачался на каблуках. – Что вы об этом думаете, капитан?

Я покачала головой.

– Тогда гуманнее будет перебить их, чтобы избавить от мук голода. Простите, адмирал, но этот план меня не удовлетворяет.

Холла Ий покраснел от гнева. Его рука упала на рукоятку меча.

– Так что, вы собираетесь драться со мной? – воскликнул он. Среди его людей послышался ропот, как среди стаи шавок, готовых растерзать того, кто негоден их хозяину.

– Я бы хотела закончить дело мирно. Если не удастся, придется воевать.

– Мне нужно только подать сигнал, – прошипел Холла Ий, – и весь флот атакует вас.

Кровь звенела в моих ушах. Я рассмеялась ему в лицо.

– Не весь флот, друг мой. Мои стражницы со мной. И кое-кто из ваших же людей тоже. Но если хотите попробовать стали, получите!

Наши мечи высекли искры, наши люди тоже выхватили оружие. <

Но впередсмотрящий крикнул «Тревога!», и мы все замерли, так как его крик был повторен со всех галер. Мы обернулись к морю и увидели большой боевой корабль, приближающийся к нам. На его палубах было полно солдат, лучники с натянутыми тетивами стояли у бортов и на мачтах. Раздались новые тревожные крики, и все увидели второй корабль, а потом еще и еще, пока мы не оказались окруженными со всех сторон.

Холла Ий с мрачной ухмылкой встал рядом со мной.

– Любопытно, как быстро меняется положение, – сказал он, – когда играешь в кости со смертью.

Принцесса Ксиа выскочила из своей каюты.

– Это конийские корабли! – закричала она.

Холла Ий сразу учуял возможность спасения.

– Давайте я поговорю с ними, – предложила принцесса. – Скажу им, что вы меня спасли, и ни словом не обмолвлюсь о Сарзане. Это, конечно, предательство, но, как говорит отец, иногда в жертву чести приносят правду.

Я посмотрела на Холлу Ий.

– У нас нет другого выбора, – сказал он. – По крайней мере, такого, чтобы остаться в живых.

И мы сложили оружие и подали сигнал другим кораблям, чтобы там сделали то же. Через несколько минут конийские солдаты полезли к нам на борт. Их возглавлял высокий седоволосый человек в военной форме. К нашему счастью, он сразу узнал принцессу и с радостным удивлением приветствовал ее:

– Ваше высочество! Слава богам, вы живы!

– Я жива, адмирал Базана, – сказала она. – И я благодарю богов, что они послали этих людей, которые спасли всех нас.

На лице Базаны появились красные пятна.

– Они заслуживают проклятия, а не благодарности, принцесса! Эти негодяи освободили Сарзану. Он уже успел нанести первый удар. И меня послали, чтобы выследить подонков, отпустивших его!

Он подал сигнал своим солдатам, и они набросились и связали нас, несмотря на протестующие крики принцессы.

– Интересно, как они узнали, – пробормотал Холла Ий, когда нас связанных вели к лодкам.

Во рту у меня скопилось слишком много крови, чтобы я могла ответить, даже если бы знала ответ.

Меня бросили с борта лицом вниз на дно лодки, и я упала на четвереньки, едва не переломав себе все кости. Я посмотрела вверх в тот момент, когда с Гэмеленом обошлись подобным образом. Я немного подвинулась, чтобы он упал на меня, что должно было смягчить удар для него. Кажется, это сработало, потому что мои ребра хрустнули и у меня перехватило дыхание. Я еще долго после этого насильно заглатывала воздух.

– Слезайте с меня, волшебник, – наконец смогла я выдать.

– Это ты, Рали? – Он скатился с меня, и я смогла глубоко вздохнуть. – Я боялся, что они уже тебя убили.

– Думаю, они решили сначала нас немного попытать.

Гэмелен вздохнул.

– Видимо, ты права. Но мы еще живы. Когда доживешь до моего возраста, будешь радоваться только тому, что просыпаешься утром. Каждый день будешь считать хорошим, если не скрутит какая-нибудь новая хворь.

– Гэмелен...

– Да, Рали.

– Сделайте милость... Заткнитесь, пожалуйста.

Глава семнадцатая ТЕМНИЦЫ КОНИИ

Изольда считается самым красивым из сотен островов, составляющих королевство Кония. В легендах говорится, что острова произошли из райских садов, когда волшебный ветер разбросал семена оттуда по западным морям, а Изольда произошла из семечка самого красивого цветка. Конийцы впадают в лирическое настроение, когда заговаривают об этом острове. Во многих песнях поется о героях, покинувших острова и тосковавших по их запахам, пчелам, делающим мед крепче любого вина, птицам, соперничающим с лирами богов, теплому солнцу и ласковым ветрам. Море, чья щедрость неисчерпаема, дарит людям рыбу и мясо нежнее любой молочной телятины, когда либо украшавшей королевский стол.

Через четыре камеры от меня сидел парень, который всегда пел эти песни, когда его одолевала меланхолия, а это было часто, так как он был совершенно сумасшедшим – как подмастерье свинцовых дел мастера. После нескольких дней таких концертов я готова была вырвать ему язык. Помню ужасные ночи, когда мы лежали и слушали его песнопения, Я готова была отказаться от свободы, только чтобы получить, шанс свернуть ему шею.

– Скорей бы уж приходили палачи, – сказала я Гэмелену. – Нет ничего хуже, чем слушать этого сукина сына.

– Признаюсь, – сказал Гэмелен, – когда нас впервые поместили... э-э... в эти комнаты для гостей, я считал его голос прекрасным. Я подумал, какие жестокие эти конийцы, если осмеливаются держать в темнице такого талантливому певца. Он глуп и однажды в пьяном виде спел песню, в которой Совет очищения уподоблялся девяти бородавкам на заднице старухи. В цивилизованных странах к артистам обычно относятся со снисхождением, мы говорим, что боги, создавая их, жалеют вещество, из которого образуется здравый смысл. Но я теперь изменил свое мнение. Клянусь, если когда-нибудь снова смогу колдовать, первым делом превращу его в жирную жабу, которая будет жить среди вечно голодных цапель. Они будут ежедневно пожирать ее и отрыгивать обратно.

Я немного утешилась нарисованной Гэмеленом картиной и снова принялась высасывать костный мозг из крысиной косточки, которую я отложила со вчерашнего дня. Гэмелен всегда знал, как утешить женщину.

Любопытно, мы были обязаны нашими жизнями тому человеку, из-за которого мы попали в переделку, – Сарзане. Он захватил Сеневер – группу островов, которая имела несчастье быть его родиной. С тысячами воинов и постоянно растущим флотом боевых кораблей, он сметал все на своем пути.

– Совет очищения сейчас слишком занят, чтобы разбираться с вами, – объявил нам адмирал Базана, когда нас уводили в цепях. – Но не волнуйтесь, о вас не забудут. Когда придет время, вы испытаете жесточайшие муки за содеянное вами.

Подземелье, в котором мы находились, представляло собой пещеру, выбитую в небольшой горе. На горе были построены террасы, ведущие на вершину, увенчанную дворцом монархов. Во дворце, как нам сказали, жили члены Совета, их слуги, сборщики податей и надзиратели. Городские канализационные трубы, проходящие над нашей тюрьмой, постоянно протекали, поэтому у нас в камерах с изрезанными трещинами стен и потолка все время сочилась вода.

Один заключенный, который благодаря ловкости и таланту к воровству сумел прожить в этой вонючей могиле более сорока лет, – сказал нам, что темницу начали копать первые несчастные, брошенные сюда, последующие поколения узников несколько веков расширили ее.

– Попомните мои слова, скоро трещин в стенах будет еще больше, – хихикнул он. – Так уже было во время войны. Они тут расширяли тюрьму для предателей. Рыли комнату за комнатой. Хорошие времена были для старого Оолумпа. Ведь, когда сажают предателя, надо также посадить и его семью. А старый Оолумп приносил им веревки и еду, да. Это было нелегко, конечно, но я жалел всех несчастных, которые попали сюда, чтобы вскоре помереть с переломанными костями или содранной кожей. – Он оскалился, показывая корешки сгнивших зубов. Видимо, это была улыбка. – Последний раз здесь было весело, когда всем заправлял Сарзана. Когда его свергли, почти никого не сажали. Но теперь все изменится. Кажется, старый Оолумп – единственный, кто рад тому, что вы, ориссиане, сделали.

Он внимательно посмотрел на мои серьги.

– Когда придет время, сестра, я могу замолвить словечко палачу. За одну серьгу он сломает тебе шею до начала пытки, и ты ничего не почувствуешь.

Я просидела в зарешеченной камере четыре дня в одиночестве. На четвертый день по коридору проковылял Оолумп. Он нес в руке тусклый факел, и это был первый свет, который я увидела за много-много дней. Очень долго я ничего не ела и пила из ржавой бочки, где было больше грязи, чем воды. Стены камеры сочились сыростью, для отправления большой и малой нужды в углу была просверлена дыра. Поэтому Оолумп показался мне даже приятным.

Я не отвернулась в ужасе при виде его лица, которое, казалось, сгнило до самых костей. Он был одет в рванину, которая когда-то была роскошным платьем, его пальцы высывались из стоптанных – модных когда-то – башмаков. У меня отняли только оружие и оставили украшения и широкий кожаный пояс, в который были зашиты золотые монеты с изображением Маранонии. Оолумп слезающимися, красными глазами внимательно

рассмотрел мои сережки, потом уставился на мою грудь, внимательно снизу вверх оглядел ноги до того места, где их скрывала туника, и закончил осмотр кожаным поясом. Я спокойно выдержала его взгляд и только улыбнулась, чтобы убедить его в моих мирных намерениях.

Широко раскрытыми глазами он смотрел на мой кожаный пояс, забыв свои похотливые мысли. Я вытащила из пояса монету и подняла ее, чтобы он видел.

Облизав губы, он подошел к решетке.

– Что может старый Оолумп сделать для такой красотки?

Я мгновенно схватила его свободной рукой за волосы и подтянула к решетке. Он завыл от боли, когда я прижала его лицо к прутьям. Сквозь стиснутые зубы я прошипела:

– Если старый Оолумп хочет жить, чтобы дышать этим вонючим воздухом, он должен научиться хорошим манерам.

– Прошу прощения, госпожа, – простонал он. – Виноват!

Я отпихнула его, и он едва не упал. С трудом выпрямившись, насколько позволял ему скрюченный позвоночник, он с яростью посмотрел в мою сторону. Я кинула ему монету. Он поймал ее на лету с ловкостью базарного вора. Его гнев прошел, сменившись интересом.

– Можешь меня выслушать? – спросила я.

– Конечно, госпожа.

– Не госпожа – капитан, – поправила его я. – Капитан Антеро.

– Хорошо, пусть будет капитан Антеро. Или генерал, как вам больше нравится. Мне все равно.

– Для начала мне не очень нравятся мои апартаменты.

Оолумп с готовностью кивнул.

– Понимаю, капитан.

– И мне нужна компания, – продолжала я. – У меня есть друг. Слепой старик. Его зовут Гэмелен.

Оолумп снова закивал.

– Я знаю, где его держат.

– Так, теперь вот что, – сказала я. – Я хочу в просторную камеру, где было бы место для двоих, и чтоб было много одеял. Ну и еда, конечно. И...

– Старый Оолумп знает, что нужно капитану, – перебил он меня. Монету он все еще вертел в руках. – Не надо бояться, я не обману. За это можно купить многое. – Он поднял монету в руке. – А когда придет время платить еще, я скажу. – Еще один долгий взгляд на пояс. – Вам, ориссианам, недолго осталось жить в этом мире. Поэтому не надо беспокоиться, что денег не хватит.

И он заковылял прочь.

Не знаю, сколько времени прошло, до того как явились охранники. Невозможно было сосчитать часы и дни в этой беспросветной тьме. Новая камера казалась дворцом по сравнению с первой. Она была гораздо больше, не такая сырая, в каждую стену было вделано по полке с соломенными матрасами и пыльными одеялами, в которых почти не было вшей. И – верх роскоши – в камере были дрова и дырка в потолке для тяги.

Я занималась выкуриванием блох и клопов из одеял, когда привели Гэмелена. Волосы его были спутаны, кожа серая, но шел он бодро, поэтому я решила, что с ним все в порядке.

– Добро пожаловать в новую квартиру, маг, – сказала я. – Можете погреться у огня.

Гэмелен с облегчением вздохнул.

– Слава богам, это ты, Рали. Я думал, меня ведут ломать кости – или что похуже.

Он осторожно подобрался к огню – я не стала ему помогать, чтобы не обидеть, – и уселся возле него на корточках. Принюхавшись к запаху, идущему от бифштекса, принесенного Оолумпом, он спросил:

– Это что, мясо? Настоящее мясо?

– Это крыса, – ответила я, вылавливая из бульона ножку.

– Я начинаю любить крыс, – объявил он, отхлебывая с ложки. – Неплохо. – Крысиная ножка коснулась его губ. Гэмелен схватил ее и принялся жадно обгладывать.

– Можно достать еще, – сказала я. – Я знаю шеф-повара.

Отряхнув одеяло, я укутала его тощие плечи. Он устроился поудобнее, и сквозь его грязную бороду сверкнула довольная улыбка.

– О, как хорошо сидеть в тепле! Теперь я готов умереть. Что касается пыток, которые сулят нам наши хозяева, не думаю, что смогу терпеть их долго. Не хотелось умирать на голодный желудок и с прострелом в пояснице.

– Вы слишком много говорите о смерти, волшебник. Лучше поешьте и согрейтесь как следует. Нам нужна ваша мудрость, чтобы сбежать отсюда.

– Вряд ли побег возможен, Рали, – возразил он. – Мы так глубоко под землей, тут нужно год делать подкоп, чтобы увидеть солнце. И магия не поможет. Эти конийцы наложили столько чар кругом, что даже сам Янош Серый Плащ не смог бы свести бородавку с носа старухи.

Я не стала с ним спорить. Я сама пыталась поколдовать, но с первой же попытки наткнулась на защитные чары.

– Но все же должен быть выход, – сказала я. – Я не собираюсь сдаваться просто так. Мой брат сбежал из замка архонтов, а это гораздо труднее. И мне надо позаботиться о своих солдатах. Я втянула их в неприятности. Теперь мой долг – их всех вытащить.

В тот момент мы и услышали пение. Жалобная баллада, исполняемая замечательно чистым голосом, раздавалась в темных коридорах. Это была любовная история – рассказ о девушке, которая трагически умерла, и ее кавалер убил себя, чтобы они могли соединиться в мире духов.

Я только хотела восхититься прекрасным исполнением, как голос с другого конца коридора завопил:

– Заткни свою поганую глотку, Аджмер!

Мы с Гэмеленом были поражены столь нелюбезным отношением к талантливому певцу. Песня тем временем продолжалась.

– Слышишь ты или нет, Аджмер? – подхватили другие голоса. – Чтоб ты сдох!

Аджмер не обращал внимания. Он окончил песню и начал другую. В ней говорилось о дереве, которое тысячу лет стояло в одиночестве на берегу реки. Дерево когда-то было прекрасной девушкой, в которую влюбился бог. Он бросил ради нее свою богиню, а та из ревности превратила девушку в дерево.

Угрозы певцу неслись со всех сторон. Аджмер невозмутимо продолжал петь.

– Какие варвары! – сказала я Гэмелену.

– Я сам об этом подумал. У них нет никакого вкуса.

Прошло довольно много времени. В карман к Оолумпу переключалась другая монета. Мы с Гэмеленом день и ночь думали о том, как спастись, но в голову ничего не приходило. Тем временем Аджмер продолжал петь, делая передышки только для сна и еды. Все его песни были про несчастную любовь. Его голос будил во мне горькую память о потерянных любимых людях: Трис, которая ушла от меня к другой, Отаре – от ее смерти я так никогда и не оправилась, принцессе Ксия, которая не принадлежала мне, но воспоминания о ней преследовали теперь меня особенно часто.

Постепенно я начала ненавидеть Аджмера так же сильно, как и остальные. Чтобы не сойти с ума, мы с Гэмеленом начисляли заключенным очки за каждое проклятие в адрес певца. Например, кто-то кричал: «Я вырву тебе сердце, если не прекратишь!» Мы с Гэмеленом считали, что это старо и плоско. А например, один парень сказал так: «Чтоб тебе в суп помочилась сифилитичная шлюха!» Это было здорово, на нашем конкурсе это пожелание заняло первое место. Мы наградили победителя куском крысиного мяса. Вот такие у нас были развлечения.

Через Оолумпа мы узнали, что остальные наши тоже более или менее устроились. Стражницы находились недалеко от нас, у них было достаточно ценностей, чтобы оплатить некоторые послабления в тюремном режиме. Я передала весточку Корайс и Полилло, чтобы поддержать их, приказала им ежедневно упражняться, дескать, у меня есть план. Холле Ий и

его пиратам было не привыкать сидеть за решеткой, так что за них я волновалась мало.

На самом деле ни у меня, ни у Гэмелена не было никакого плана побега. Чем больше мы размышляли, тем безнадежнее казалось дело. Чаще всего мы рассуждали, как конийцы узнали о нашем участии в освобождении Сарзаны.

– Я почти убежден, – сказал как-то Гэмелен, – что только сам Сарзана выдал нас. Все остальные, кто знал об этом, находились на наших кораблях, и никто из наших людей не вступал ни в какие контакты с конийцами, пока они не взяли нас в плен.

– Но какой в этом смысл? Что он с этого получит? Наоборот, если бы его враги считали, что Сарзана настолько могуч, что смог покинуть остров без чьей-либо помощи, они бы больше его боялись, когда он внезапно объявился на Сеневесе.

– Это правда, – согласился Гэмелен. – Надо быть глупцом, чтобы не воспользоваться таким преимуществом. Но Сарзана, как мы уже успели убедиться, вовсе не глуп. Значит, Сарзана или кто-то из его окружения решил, что гораздо важнее будет избавиться от нас.

Слова Гэмелена казались логичными, но как я ни раздумывала, так и не догадалась, зачем Сарзана нас выдал.

Тюремная скука тянулась бесконечно, как песни Аджмера. Мы просыпались каждое утро – если утро бывает без солнца – от бряканья посуды. Оолумп приносил нам завтрак. Меню было такое: несколько жалких овощей, пара неободранных крысиных тушек, иногда – кусок сухого мяса неизвестного происхождения. Если на завтрак были крупа или бобы, из них долго приходилось выбирать песок и камешки. Я сдирала с крыс шкурки и отскабливала от них клочья мяса. Из шкурок и костей мы варили бульон.

Когда был нужен свет, мы делали факелы. Обгоревшие факелы я колола на лучинки для растопки. Мы старались мыться как можно тщательнее. Я постоянно упражнялась, делала наклоны, приседания, устраивала бой с тенью. На дверной решетке я подтягивалась до изнеможения. Таким образом, за время заключения я не только не ослабла, а наоборот, окрепла.

Спалось плохо, даже при усталости после упражнений. Едва только я начинала засыпать, как присутствие чего-то могущественного и злобного будило меня. Я спала урывками – солдаты к этому привычны. Раз в неделю мы окуривали одежду, одеяла и матрасы, избавляясь от насекомых.

Что касается туалета, то пока один из нас оправлялся, другой занимался чем-нибудь, отвернувшись в противоположную сторону.

Гэмелен оказался прекрасным сокамерником. С каждым днем наша дружба росла. Он заменил мне отца и брата. Я доверяла ему свои самые секретные мысли, рассказывала о своих ошибках и неудачах. Он всегда мог дать хороший совет. Однажды я рассказала ему об Отаре, о том, как она умерла, а я так и не смогла забыть ее смерть. Позже это повлияло на мои отношения с Трис. Она очень хотела усыновить младенца, а я этому противилась, сама не знаю почему. Гэмелен объяснил, что я боялась новой привязанности, которая, как мне казалось, будет предательством по отношению к Отаре. Тут я разрыдалась, потому что он был прав, а он обнял меня и утешал, как родной отец.

– Мне кажется, Отара была тебе не столько любовницей, сколько матерью, Рали, – сказал Гэмелен. – Поэтому твоя скорбь по ней сливается с тоской по матери, которую ты любила больше, чем кого-либо.

Я рассказала ему, что мать иногда приходит ко мне, как в тот день в саду, – кажется, сотня лет прошла! – когда Омери пела, и запах сандалового дерева наполнил воздух, а я отвернулась и отвергла ее.

– Послушай, что я скажу, Рали, – тихо произнес Гэмелен, – помнишь, ты рассказывала мне, что тебе приснилось, будто ты убила своего двоюродного брата? – Я кивнула, вытирая слезы. – Так вот, это был не сон, дорогая. И ты это знаешь, иначе это бы не мучило тебя так. Я тогда подумал, что твой магический талант ты унаследовала от матери. Она передала его также твоему брату Халабу, и – в небольшой степени – Амальрику. Тебе досталась львиная доля – наследственные черты лучше передаются от матери к дочери.

– Значит, моя мать была колдуньей?

– Да.

– Не может быть! Она никогда не занималась магией и никогда не общалась с волшебниками.

– Мне кажется, она занималась магией, но отказалась от нее во имя любви к твоему отцу.

Я подумала о жертве, принесенной Гэмеленом, чтобы стать воскресителем, о том, как он теперь сожалеет об этом, и поняла, что он был прав. Тогда я вспомнила легенду о девушке, чьим именем я была названа, и рассказала о ней Гэмелену.

Он долго молчал, а потом сказал:

– Это не легенда, Рали. Это быль.

Внезапно я поняла:

– Значит, та Рали была...

– Твоей прапрабабушкой, – подхватил Гэмелен. – Теперь я понимаю, почему я так настойчиво учил тебя магии. Я чувствовал, что когда-нибудь придет день и придет испытание, которое только ты сможешь преодолеть.

Признаюсь, писец, я разрыдалась.

– Мать всегда говорила, – всхлипывала я, – что «Рали» означает «надежда».

– Да, друг мой, – сказал старый волшебник. – Ты и есть надежда. Наша единственная надежда.

Но дни шли, и надежда тихо умирала. Война с Сарзаной оборачивалась не в пользу Совета очищения. Все их усилия остановить его оканчивались неудачей, и только Оолумп радовался, когда генералы и адмиралы Совета проигрывали одну битву за другой. Тех, кого не убивали во время боя, бросали к нам в темницу, и кошелек Оолумпа толстел с каждым днем.

До нас доходили слухи о зверствах Сарзаны. Он осаждал острова, обрушивал на них магические бури, устрашал жителей ордами демонов, которые совершали неописуемые деяния, а когда острова сдавались, кровь текла рекой. Солдаты Сарзаны убивали, насиловали, грабили и жгли. С каждой новой победой его мощь возрастала, как будто души убитых им служили пищей для его черной магии. Конийские волшебники были так же беспомощны, как и военные. Брошенный в тюрьму генерал рассказал нам, что потерпел поражение, несмотря на то, что шестеро самых могучих магов Конии пытались установить щит для его наступающих войск.

– Они работали над ним несколько дней, а когда он был готов, мне сказали, что ни одна сила, известная богам или людям, не сможет пробить его. Я сам вел в атаку один из флангов. Сначала все было хорошо. Мы отбили их контратаку и снова пошли вперед. Я видел Сарзану на черном коне. С вершины холма он управлял своими войсками. Я приказал лучникам стрелять по нему, посчитав, что если даже они его не убьют, то хоть заставят убраться с холма. Но как только они спустили тетивы, подул черный ветер, и наши же стрелы попали в нас. А мои лучники, вместо того чтобы прекратить стрелять, давали залп за залпом, словно сошли с ума. И ни одна стрела не пропала даром, каждая находила цель – одного из моих солдат.

Битва закончилась, когда войска Совета побежали. По словам генерала, из каждой щели в земле выскакивали волки и рвали на части бегущих.

– Я остался в живых только потому, – сказал генерал, – что подо мной убили коня, и он, падая, придавил меня. Я пролежал под трупом коня всю ночь. – Обе ноги генерала были сломаны.

Потом он рассказал, как ночью приходили волки и пожирали уцелевших. Тут генерал разрыдался. Он всю ночь слышал вопли.

– Несколько храбрых офицеров вернулись, чтобы спасти меня. Ну почему боги не послали мне смерть!

Генерал и сам оказался храбрым человеком. Он не молил о пощаде, когда за ним

пришли. Мы слышали, как палачи мучают его. Он почти не кричал, и он так и не попросил пощадить его.

Через несколько дней Оолумп принес весть о еще большей катастрофе.

– Теперь монета мне понадобится скорее, чем обычно, капитан, – сказал он однажды утром, забирая посуду после завтрака. – На воле цены поднимаются.

Я со злобой выругала жадных фермеров и купцов, которые наживаются, случись только какая беда.

– Это происходит с самого начала, – жизнерадостно заявил он. – Старому Оолумпу кажется, что они оказывают народу услугу, так-то вот. Если бы цены не повышались, все продукты просто сметали бы с полок. А так бедным придется поголодать – ничего, они к этому привыкли. А те, у кого есть золото, поделятся им с нами, кому они нужны больше. Понимаете?

Я была в ярости, но так как он был неисправимый негодяй, переубеждать его было бесполезно. Поэтому я просто бросила ему монету.

– Так, значит, дела идут все хуже?

– Верно, госпожа, – согласился Оолумп. – Я слышал, что неделю назад начал дуть горячий ветер. С тех пор он дует день и ночь. Такой горячий, что пшеница сохнет на корню. Даже старики не видели ничего подобного. Здесь, под землей, его нет.

Я кивнула, машинально натянув на себя одеяло. В подземельях Конии всегда зима.

– Но дело не только в ветре, – продолжал Оолумп. – Люди начали болеть. Что-то вроде чумы, как мне кажется. Говорят, мертвецов так много, что всех не успевают похоронить.

– Сарзана! – прошептал Гэмелен.

– Все так думают, – продребезжал Оолумп. – Выходит, он просто дурак. Нападает на Изольду, используя все, что под рукой.

– Кажется, тебе все равно, кто победит, – заметила я.

Оолумп захихикал.

– Я же говорил вам раньше, для Оолумпа настали хорошие времена. Но когда правил Сарзана, было еще лучше. Я бы солгал, если бы сказал, что мне жаль, что тюрьма снова наполняется.

Он опустил в кошелек монету, которую я ему дала, хорошенько потряс его и ушел по своим делам.

– Неудивительно, что за нами еще не пришли, – заметила я. – Они слишком заняты собственными проблемами.

Гэмелен не ответил. Я посмотрела на него. Он о чем-то напряженно думал, нахмурившись и перебирая бороду.

– Нет, это невозможно, – бормотал он.

– Что невозможно? – спросила я.

Он раздраженно цыкнул на меня, и я оставила его в покое. Остаток дня мы не разговаривали. Я легла спать, а он все еще сидел на краю матраса и теребил бороду. Я хотела спросить его, в чем дело, но решила помолчать.

На этот раз я заснула, едва закрыв глаза. Не было чувства, что за мной наблюдает что-то злое. Мне снилось, что я с огромной скоростью падаю с вершины горы. Мне хотелось закричать и проснуться, но я не могла. Я слышала, как чей-то голос зовет меня по имени. Голос был пронзительный и злобный. Он мне показался знакомым, но я не могла вспомнить, где его слышала. Каменистая земля приближалась ко мне, я ожидала удара, но меня подхватил горячий ветер и понес по звездному безоблачному небу.

Я летела долго. Подо мной было бескрайнее море, лишённое жизни. Потом впереди я увидела остров. На острове дымно горели дома, и множество солдат убивали жителей. Мужчин и юношей они закалывали копьями или рубили мечами. Женщины и девушки подвергались различным издевательствам. По горной дороге спускалась вереница телег, запряженных лошадьми.

Мне хотелось посмотреть на гору, и через мгновение я оказалась там. На ее вершине

стоял прекрасный храм, увенчанный золотым куполом, окруженный садом с прекрасными скульптурами, изображающими богов. Из храма выбегали солдаты, нагруженные награбленным. Некоторые солдаты заставляли жриц храма делать непотребные вещи. Потом я увидела Сарзану в саду. Он сидел верхом на черном боевом коне. Он смеялся и поощрял своих солдат к бесчинствам. Они начали валить статуи, срывая с них все, что казалось им, драгоценным. Несколько жриц бросили на поверженных идолов и изнасиловали. Потом их убили. Я похолодела от ужаса и гнева.

Сарзана поднял голову и посмотрел на меня. Он смеялся, и смех его был как гром. Потом я услышала, как смеется кто-то еще. Смех шел сверху, и мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть, кто там. Надо мной было плотное черное облако, освещаемое молниями. Смех доносился из дыры в облаке, напоминавшей рот. Облако начало принимать форму лица – свирепые глаза, острый нос, желтые клыки. Это был архонт!

Он увидел меня и прошипел:

– Здесь Антеро! Самка хорька!

Он сложил губы трубкой и начал втягивать в себя воздух. Я закричала от страха, когда ветер понес меня к нему. Я чувствовала отвратительный запах архонта.

Кошмар прекратился. Я сидела в постели. Я была вся в поту. Я посмотрела на Гэмелена, и в свете углей увидела, что маг все еще спит. Я прыгнула с полки, все еще тяжело дыша. Засветив факел, я подошла к бадье с водой и умылась. Потом я снова села на свой матрас и принялась ждать утра.

Наконец бряканье мисок возвестило о приходе Оолумпа. Начался новый день. Гэмелен зевнул, просыпаясь.

– Вот ваше, капитан, – сказал Оолумп, передавая еду через отверстие.

Обычно Оолумп был доволен жизнью и по-своему весел. Сегодня он был мрачнее тучи.

– В чем дело, Оолумп? Ты заболел? – спросила я его.

Он отрицательно покачал головой.

– Я здоров. Но лучше мне ничего не говорить. Сегодня несчастливый день.

– Еще бы, если в городе чума! Но почему этот день хуже остальных? – спросила я.

Оолумп помолчал, потом огляделся по сторонам и подошел ближе к решетке.

– Случилось кое-что ужасное. Сарзана зашел слишком далеко. Он вчера разрушил храм в Халцидесе. Осквернил его. Разграбил все, что можно, и изнасиловал жриц.

Я потеряла дар речи. Все это было в моем ночном сне! Раз даже Оолумпа проняло, значит, Сарзана окончательно спятил. Или что похуже.

Когда Оолумп ушел, я рассказала Гэмелену о своем сне.

Он нахмурился.

– Сарзана никогда бы не сделал такого. Он не стал бы осквернять собственных богов. Он знает, что святотатство никогда не прощается народом. – В очаге стрельнуло полено, и я подскочила. – Я боялся этого, Ради, – вздохнул старый волшебник. – Архонт вернулся. И он управляет Сарзаной.

Теперь на карте стояли не только наши жалкие жизни. Если архонт жив, опасность грозила самой Ориссе.

– Его дух следовал за нами от самых рифов, – говорил Гэмелен. – Он ищет путь, чтобы вернуться, и он нашел его. Это – Сарзана. Он теперь не просто смертный маг, но полубог, мощь которого растет с каждой каплей пролитой им крови.

Когда мы гнались за архонтом, мы знали, что он вот-вот создаст заклинание, способное уничтожить Ориссу. Получив новые силы, он сделает это непременно.

– Мы должны остановить его! – сказал Гэмелен.

– Хорошо бы, – согласилась я. – Но ведь теперь побег стал еще более невозможным, не так ли?

– Мы знаем, кто теперь наш настоящий враг, – сказал Гэмелен. – И если боги с нами, этого знания нам достаточно для победы.

И он рассказал мне о своем плане. Для начала мне пришлось достать из моего пояса еще четыре монеты.

Через два дня за мной пришли солдаты. Меня заковали в тяжелые кандалы и повели извилистыми подземными коридорами все вверх и вверх, пока холод не исчез, сменившись жарой. Я слышала вой ветра снаружи – он бесновался, как разъяренный демон. Я чувствовала запах сгнившего винограда и серную вонь чумных факелов. Когда меня вели мимо комнаты охраны, сквозь решетку я увидела солнце. Мы остановились перед большой железной дверью; один из солдат постучал.

– Войдите.

Мы вошли. Солдаты низко склонились перед человеком в капюшоне.

– Снимите цепи, – приказал он. Солдаты, не споря, быстро подчинились. – Можете оставить нас.

Солдаты ушли, дверь за ними закрылась. Я слышала, как снаружи задвинулся засов. Человек в плаще отбросил капюшон, и темные волосы рассыпались у него по плечам. Это была принцесса Ксиа. Ее красота после долгих дней в вонючем подземелье так поразила меня, что я чуть не упала в обморок. Холодный запах ее духов проник мне в самую душу, когда она подбежала, чтобы подхватить меня.

– Мой бедный капитан. – Ее голос был так сладок, что мое сердце ёкнуло.

Она подвела меня к скамье и помогла сесть. Она сунула мне в руки серебряную фляжку, и я почувствовала запах вина. Я сделала глубокий глоток, и по жилам разлилась теплота.

Я смотрела на нее, и время остановилось. словно я вошла в мир, где существовали только принцесса Ксиа и я. Все тревоги и плохие мысли унеслись, когда я смотрела на ее прекрасное лицо. Ее кожа белизной могла соперничать с холодным молоком, губы были красны и звали к поцелую. И я поцеловала ее.

Языком и губами она вдохнула в меня жизнь. Ее груди прижимались к моим, и я чувствовала желание в ее чреслах. Дрожа от страсти, мы отпрянули друг от друга, чтобы вдохнуть воздуха.

– Я думала, что никогда больше не увижу тебя, – сказала я, сдерживая рыдания.

– Ах, Рали! – воскликнула Ксиа. По ее щекам струились слезы. – Я ни о чем другом не думала. Ты снилась мне каждую ночь. Мне кажется, я знаю тебя всю жизнь.

– И мне, принцесса.

Мы снова обнялись. Она упала на скамью и потянула меня за собой...

Принцесса Ксиа и я стали любовницами в отвратительной тюрьме, где могли жить только мокрицы и грибы. Скамья стала нашим любовным ложем. Серая каменная комната – нашими покоем. И ничто до и после того не могло сравниться с тем днем. Она была странно знакома мне – Отара, Трис, другие мои любовницы соединились в ней. И в то же время она была загадочна, незнакома и свежа. Я вложила всю свою тоску в поцелуи, и она отвечала с не меньшей страстью. Когда мы утомились, мы лежали в объятиях друг друга, шепча любовные глупости, словно две одурманенные луной девчонки. Из чужих людей мы так быстро превратились в любовниц, что только богиня – правительница луны может объяснить, как это случилось. За дверью лязгнул металл – произошла смена караула. Мы медленно разжали объятия.

– Я должна скоро уйти, любовь моя, – сказала она. – Быстро скажи мне, чем я могу тебе помочь. Я сделаю все, что могу.

– Я хочу предстать перед Советом очищения.

Ксиа побледнела.

– Это не в моих силах. – В ее глазах блеснули слезы. – Я так надеялась, что у тебя есть план, который я помогла бы тебе осуществить... Но это невозможно. Кто послушает такую, как я?

– Многие, – ответила я. – Девочкам всегда внушают, что у них нет власти, и мы привыкли так считать. Но ты удивишься, когда увидишь, что может сделать женщина,

которая смело идет к цели.

– Но как Совет разрешит...

– Я им помогу. Я могу остановить чуму.

Она с удивлением посмотрела на меня. Потеряв дар речи, она только кивнула, чтобы я продолжала.

Я рассказала ей об архонте и нашей миссии, которую, как мы ошибочно считали, нам удалось выполнить. Я объяснила, что великая опасность грозит нашим народам и я хочу спасти всех.

– Ты действительно надеешься добиться успеха там, где нашим магам ничего не удалось сделать? – спросила она.

– Да. И не потому, что ваши волшебники плохи, а потому, что между мной и архонтом существует связь. Мы связаны ненавистью, а ненависть иногда соединяет сильнее, чем любовь.

В дверь постучали. Ей было пора идти.

– Ты скажешь обо мне отцу? – спросила я.

– Как только доберусь до дома, – пообещала она.

Мы снова поцеловались и с трудом отпустили друг друга, опасаясь, что страсть снова захлестнет нас. Она позвала солдат, засов с лязгом открыли, и дверь распахнулась. Ксиа натянула капюшон, оглянулась на солдат, которые снова надевали на меня кандалы, и выбежала из комнаты.

Не знаю, что Ксиа сказала отцу, но, должно быть, ее слова подействовали не хуже заклинания могучего мага, потому что не прошло и нескольких дней, как я стояла перед девятью неумолимыми членами Совета.

Слуги народа представляли собой сборище аристократов. Двое были так стары, что пускали слюни, у четверых волос было так мало, что не хватило бы и на одного, а оставшиеся трое, включая Канара, отца Ксиа, уже стучались в ворота старости. Если бы я была молодым кенийским солдатом, эти развалины вряд ли вдохновили бы меня на подвиг. Но даже слюнтявые старцы понимали достаточно, чтобы осознать, кто стоит перед ними. Я едва не поддалась панике, когда искала сочувствие на лицах и не нашла его – даже у Канара. Уступив дочери и вызвав меня, он все же не собирался быть орудием в моих руках. В каждом взгляде я читала недружелюбное ожидание. И я поступила как солдат – бросилась в атаку.

– Господа, – начала я, – когда меня вели в этот прекрасный зал из вонючей тюрьмы, я придумывала приличествующую случаю речь. Я хотела отдать на ваше милосердие мою жизнь и жизни моих храбрых спутников. Я собиралась сказать вам, что мы просто мирные странники, которые по несчастью оказались у ваших берегов и ненамеренно причинили вам зло. Но все слова забылись, когда я увидела, что стало с вашим некогда прекрасным городом. Улицы полны трупов. Рынок пуст и заброшен. Двери и окна заколочены досками против чумы, которая бродит по улицам, а горячий ветер, насланный Сарзаной, выжигает жизнь из людей и деревьев. Город близок к смерти, вот что я увидела, господа! И, если вы не согласитесь выполнить мою просьбу, очень скоро все мы окажемся в руках врага.

Ксиа, стоявшая рядом со мной, вздрогнула. Из-за моей спины Гэмелен шепотом сказал, чтобы я была осторожнее.

Один из древних старцев ответил мне, его голос был трескуч и ломался как у подростка:

– Ты – всего лишь женщина. Как ты можешь сделать то, что не смогли сделать наши маги?

– Ну если я такое жалкое создание, – ответила я, – как я вообще попала в вашу страну? Я плыла дольше, чем кто-либо из мужчин или женщин моей страны, прежде чем доплыла до ваших берегов. Я сражалась и победила огромные армии, потопила могучий флот, и именно я победила брата вашего настоящего врага – архонта Ликантии. Сомневаюсь, что кто-либо из ваших может похвастаться тем же.

Старик приложил руку к уху.

– Что ты там говоришь? Архонт? Никогда не слышал о таком. Сарзана – вот причина всех наших бед.

Я обратилась к Канара:

– Спросите ваших магов, почему они ничего не могут сделать против Сарзаны. Конечно, он великий волшебник. Но как он может быть сильнее их всех, вместе взятых? На самом деле он не обладает такой мощью.

Волшебник в черной мантии наклонился к Канара и зашептал ему на ухо. Канара кивнул и обратился к членам Совета.

– Наш главный маг согласен с этим, – сказал он. – Здесь есть какая-то тайна.

– Спросите его, – сказала я, – не думают ли они, что Сарзана заключил союз с темными силами?

Маг снова что-то взволнованно зашептал. Канара выслушал его и произнес:

– Да, это так, капитан. Они думали о такой возможности.

– И они правы, – подхватила я. – Он заключил союз с архонтом.

– Что вы предлагаете? – спросил Канара.

– Первым делом вы должны позволить мне разделаться с чумой. Если мне это удастся, можно будет судить, удастся ли мне выполнить остальное.

– Глупость, – прошепелявил слюнтявый старичок. – Глупость и ересь. Нельзя позволять чужим заниматься магией на Изольде.

– Значит, это ересь? – напрямую обратилась я к главному магу.

Он посмотрел мне в глаза и отрицательно покачал головой.

– Так что же вы теряете тогда, господа? – сказала я. – Если меня постигнет неудача, я пожелаю вам удачи и вернусь в тюрьму. Но если нет, чума прекратится. Игра стоит свеч.

Девять членов Совета тихо принялись совещаться. Я не слышала, что они говорят. В конце концов они посмотрели на меня. Принцесса Ксиа схватила меня за руку.

– Мы дадим вам шанс, – сказал Канара.

– Не ошибитесь, капитан, – встрял старичок. – Наши палачи – мастера своего дела. Никто лучше них не умеет вызвать и продлить боль.

На Совете я говорила смело, но внутри у меня все дрожало от страха. Гэмелен сказал, что чумные чары можно разбить. Я не сомневалась, что он мог это сделать до того, как ослеп, но мои собственные способности вызывали серьезные опасения. Я была всего лишь зеленым новичком. Что я могла сделать против архонта? Многочисленные заверения Гэмелена не успокоили меня, но выбора не было.

Нас отвели в охраняемый каменный дом во дворе замка. Отнятые у Гэмелена магические принадлежности нам вернули, и мы приступили к делу. Два дня мы готовились. Эти дни я не видела принцессы, но ко мне приходила ее портниха снять мерку – мне нужна была новая одежда. Я хотела простую тунику из красного материала, но с золотыми застежками, без рукавов, до середины бедра, чтобы не сковывала движения рук и ног. Гэмелен посоветовал мне ходить босой и не носить никаких украшений, особенно металлических. По волшебной книге Гэмелена – с некоторыми поправками с его стороны – я составила отвратительного вида порошки и смешала пахучие масла. Мы работали безостановочно, а снаружи выл жуткий ветер и разбивался о каменные стены дома. Скоро все было готово.

Аудитории у нас большой не было – только несколько нервничающих охранников, – когда мы устроили испытание в небольшом парке. В центре парка был пруд. Вокруг него по четырем углам к нашему приходу сложили четыре кучи дров из редкого дерева. Когда мы вошли в парк, по вымощенной дорожке загремела колесами повозка. Возница в страхе настегивал лошадей. Он резко остановил повозку, едва не опрокинув ее, потом спрыгнул с облучка, выпряг лошадь, бросил безумный взгляд на свой груз и убежал.

Я вздрогнула при мысли о том, что ждало меня, но смело стянула с повозки первый

труп. Это был ребенок, весь в гнойных бубонах. В повозке была вся его семья – мать, отец и сестра. Я натерлась с головы до ног серебряной мазью. Гэмелен сказал, что она защитит меня от болезни, но мне было ужасно страшно, когда я собственными руками отнесла тело мальчика и положила его на погребальный костер. Потом то же самое я проделала с другими телами.

Гэмелен хранил молчание, пока я работала, – переживал, что не может помочь. Я одела все трупы в богатые одежды, потом аккуратно полила дрова волшебным маслом. Было почти тихо, если не считать вой ветра, я чувствовала, что из окон дворца на меня смотрят сотни глаз. Когда я закончила приготовления, я подошла к Гэмелену. Он вручил мне коробочку черного дерева, в которой лежало сердце убитого архонта.

– Будь очень осторожна, Рали, – прошептал он. – Говори только то, что условлено. Иначе...

Ему не надо было меня предупреждать. Я знала, что произойдет, если колдовство не удастся, – конийские палачи покажут на мне свое искусство, моя душа достанется архонту на обед.

Я подошла к пруду и очень осторожно поставила коробку на игрушечный парусник. Потом я открыла коробку, в ней лежало сердце архонта и драгоценный камень – талисман сердца. Рядом с ним я положила одну огненную бусину, прошептала заклинание и тихонько оттолкнула кораблик от берега.

Громким шепотом я произнесла:

Плыви быстро, брат,
К порту Заката,
Где живут боги
И нет демонов!

Несмотря на сильный ветер, гнавший волны по поверхности пруда, кораблик плыл медленно, его паруса поднимались и опускались, словно на нем была команда. Кораблик остановился в центре пруда. Черное сердце засияло багрово-красным цветом. Я, забыв обо всем, уставилась на него.

Гэмелен крикнул:

– Скорее, Рали!

Я очнулась и крикнула, простирая руки:

– Гори! Гори!

Ударил гром, кораблик вспыхнул. Гром ударил снова, и всю поверхность пруда охватил огонь. Я отскочила.

– Давай, Рали! – кричал Гэмелен. – Не медли!

Пламя становилось все жарче. Не обращая на это внимания, я подошла к краю пруда и вытянула босую ногу над поверхностью горящей воды. Пламя лизнуло ее, и я успела удивиться, почему мне не больно. Сглотнув, я решительно пошла по поверхности воды к кораблику. Я подняла его, он горел, пламя окутывало меня с ног до головы. Я начала читать заклинание, мой голос перекрыл завывания ветра и раскатился эхом до самых облаков:

Где ты, отец, где ты, мать,
Приди, брат, приди, сестра,
Тот, кто убил вас, ждет.
Вы ненавидите его,
Он заставил вас страдать,
Причините ему боль.

Зловонный горячий ветер
Станет благоухать прохладой,
Проснитесь! Проснитесь!

Я взяла из коробки сияющее сердце, поднесла его ко рту и дунула через него в паруса кораблика.

Кораблик замер, потом рванулся вперед, как птица, подброшенная в небо. Пламя внезапно исчезло, а я стояла по колени в кроваво-красной воде. Кораблик проплыл мимо каждого погребального костра, и все они загорелись, выбрасывая клубы черного дыма. Четыре зловонные темные струи соединились в одну колонну, поднимающуюся вертикально в небо. Мгновенно набежали тучи, и в них я увидела свирепые красные глаза и брови.

Голос архонта прогремел:

– Прочь! Прочь!

Клубы черного чумного дыма коснулись его глаз, и он взвизгнул от боли.

Он снова крикнул: «Прочь!», но в его голосе был страх.

Дым становился гуще, заволакивая лицо архонта. Тот снова завыл от боли и... пропал.

Я почувствовала, что смертельно устала. Я посмотрела вниз и увидела, что стою в обыкновенной воде, омывающей мои колени. Откуда-то донеслось щебетание птицы, я оглянулась и увидела маленькую пичужку на ветке дерева. Ветка не качалась, и только тут я поняла, что ветра больше нет. Спотыкаясь, я вышла из воды и подошла к Гэмелену. Он вынул из моей руки сердце архонта и обнял меня.

Я слышала радостные крики из окон дворца, потом к нам бежали люди. Впереди всех мчалась принцесса Ксиа, ее легкая туника развевалась, обнажая ее стройные ноги. Холодный ветер, принесший долгожданный дождь, пронесся над парком.

Чума была побеждена.

Снова я стояла перед Советом очищения, девять пар глаз смотрели на меня, но теперь в них не было презрения. Они по-прежнему были суровы, эти члены Совета, но в их взглядах появилось уважение и любопытство – они хотели знать, что я предприму дальше. Я сразу приступила к делу.

– Я хочу, чтобы мои солдаты и матросы были освобождены. Верните нам наше оружие и корабли, и мы будем сражаться на вашей стороне, пока не будет восстановлен мир.

– А вдруг вы просто убежите? – спросил Канара. – Какая вам выгода драться? Это не ваша война.

Принцесса Ксиа начала протестовать, но я быстро вмешалась, пока она не успела наговорить грубостей отцу.

– Это наша война, господин Канара, – сказала я. – Я уже говорила, что смертельный враг нашего народа заключил союз с Сарзаной. И, чтобы победить его, потребуется очень много сил.

– Но даже тогда останется еще Сарзана. А он опасен и сам по себе.

– Позвольте мне убить его для вас, – усмехнулась я. – Вы не можете этого сделать, не то на вас падет проклятие. Но я – чужестранка, я могу смело расправиться с ним.

Совет принялся таинственно шептаться. Потом Канара обратился ко мне:

– Что конкретно вы предлагаете?

– Я предлагаю наше участие в походе против сил Сарзаны. Мы будем хорошими союзниками. Мы, ориссиане, имеем опыт ведения войны.

Снова короткое совещание, и разговор возобновился.

– Я уверен, что вы, капитан, и ваши солдаты – смелые воины. Но все должно строиться на доверии. Мы вас не знаем. С одной стороны, вы причинили нам ужасное несчастье, с другой – помогли нам. Но во втором случае у вас не было выбора. Как нам знать, что вы предпримете в третий раз?

Принцесса Ксиа вышла вперед.

– Позволит ли Совет говорить мне от имени молодежи Конии?

Ее отец с некоторым сомнением утвердительно кивнул.

– Все страдают в войне, господа, – сказала Ксиа. – Но молодым приходится хуже всего. И, когда правил Сарзана, кому пришлось тяжелее всего? Вашим сыновьям и дочерям! Сколько мы тогда потеряли? И сколько умирают сейчас, пока мы говорим?

Присутствующие молодые аристократы одобрительно зашумели.

Принцесса положила руку мне на плечо.

– Отец, ты сказал, что капитан Антеро только дважды подвергалась испытанию. Прошу прощения, но я должна поправить тебя. Был и еще один раз – когда она спасла меня. Они могли проплыть мимо. Бросить нас. Это было бы даже разумно, потому что их кораблям грозила не меньшая опасность. Но она рискнула своей жизнью ради меня. Ее стражницы тоже рисковали и спасли двенадцать конийцев.

Я боялась, что она расскажет и о моей ссоре с Холлой Ий, когда в опасности были мы все. Это вряд ли пошло бы ему на пользу, а он мне был нужен, проклятый. Но, слава богам, этот подводный камень принцесса миновала. С удивлением я прислушивалась к ее словам.

– Я докажу вам, господа, что я доверяю Антеро. Я прошу позволения – нет, я требую, – чтобы мне разрешили плыть вместе с ней. Ее судьба станет моей. И она не предаст меня, господа. Она не предаст молодежь – будущее королевства Кония.

Ее отец чуть не свалился со стула. Его коллеги тоже были потрясены. В толпе зрителей раздались одобрительные восклицания. Несколько человек выскочили вперед, требуя от Совета согласия.

У Совета не осталось выбора – они разрешили мне участвовать в войне и взять с собой принцессу. Когда Канара объявил о своем решении, толпа завывала от восторга.

Я посмотрела на свою возлюбленную. Ее глаза были пьяными от радости. Но в линии ее подбородка появилась твердость, во взгляде уверенность. Клянусь богами, она выглядела как настоящая королева!

Глава восемнадцатая ЛЮБОВЬ И ВОЙНА

Некоторые люди говорят, что дорога нашей жизни задумана и вымощена богами. Если это так, значит, боги слишком сильно любят крепкие напитки. А как еще объяснить сумасшествие нашего пути – его изгибы и повороты, овраги и ямы, высокие горы, которые приходится преодолевать? Я бы хотела встретиться с богом, который задумал мою жизнь. Не уверена, что не перережу ему горло. В Конии сначала я была обречена на смерть, заживо погребена в темнице, а потом стала героем дня, в мою честь возносили хвалу те самые люди, которые держали меня в тюрьме. Как ты считаешь, писец, если бы тот бог был трезв, смог бы он придумать такой поворот судьбы?

Дни после моего выступления в Совете были совершенно безумными. Нас всех выпустили из тюрьмы и разместили с большой роскошью. Даже у последнего матроса была собственная – очень богатая – комната. Нас хорошо кормили и одевали. На нас так и сыпались приглашения на различные увеселительные мероприятия, но пришлось на все ответить отказом, чтобы ненароком кого-либо не оскорбить. Проще было сказать, что мы очень заняты подготовкой к походу, тем более что это была правда. Конечно, когда надо, я находила свободное время. Ведь мне надо было встречаться с принцессой.

Она выхлопотала мне небольшую виллу с окнами на гавань и одолжила мне своих самых расторопных слуг. В тот день, когда она показывала мне виллу, дул теплый ветер, насыщенный запахом гиацинта. Дом имел толстые белые стены, крыша покрыта голубой черепицей. Вдоль дорожек росли цветы тыквы с таким сладким нектаром, что пчелы сходили с ума. Они без перерыва с гудением носились вокруг, делая огромные запасы. У крыльца, выходящего в сад, цвели розы. В глубине сада бил древний фонтан, в него склонили ветви

ива, на каменном бортике густо рос мох.

Огромная спальня в доме была застлана пушистыми коврами и подушками всевозможных цветов и размеров. Кровать с балдахином по ширине не уступала небольшому полю для строевых упражнений. Дверь из спальни вела на веранду, откуда открывался прекрасный вид на море. Этот дом идеально подходил для любования закатом и наслаждения любовью. Мы завалились в постель сразу же, как только вошли в спальню. Мы не могли насытиться друг другом, как те пчелы в саду – нектаром. Стоны и крики долго раздавались в комнате. Мы часто меняли позиции.

Я смотрю, ты покраснел, писец, а ведь вечер прохладен. Тебя возбуждает мое описание нашей любви? Или ты шокирован? А, вижу, что скорее последнее. Но ты же слышал раньше много подобных историй от мужчин. Или женщинам нельзя произносить такие речи? Или тебе неприятна однополая любовь? Если это так, мне наплевать. Я поклялась говорить правду, а правда такова, что любовь всегда одинакова, в какие бы одежды она ни рядилась. Желание живет во всех созданиях, плавают ли они, ходят или летают. Нельзя отрицать его и утверждать, что полностью понимаешь жизнь, которую боги вдохнули в нас. В конце концов, идя этим путем, ты не сможешь разобраться в самом себе.

Мы с Ксиа занимались любовью до заката. Потом мы отдыхали в объятиях друг друга, из окна нас овеяло прохладным ветерком.

Ксиа первая нарушила молчание.

– До тебя у меня были другие, – сказала она, застенчиво опустив глаза.

Я это и так знала. Для своих лет она была очень опытной. Но я сказала другое:

– Это не мое дело. Твоя жизнь принадлежит только тебе. Лучше ничего не говори.

– Но я хочу рассказать. Чтобы ты знала меня. Я поцеловала ее и приготовилась слушать.

– Я всегда чувствовала себя не такой, как все, – начала она. – Мне казалось, что я чужая в семье, подкидыш, что меня оставили у двери младенцем, а мать, как любая женщина, была настолько добра, что взяла меня в дом.

– Но на самом деле это было не так? – спросила я. Она покачала головой.

– Нет. Подкидыши никогда не становятся принцессами. Но я всегда чувствовала свою обособленность. Я никогда не любила мальчишек, в отличие от моих подружек, которые бегали за ними еще до того, как у них появилась грудь и начались месячные. Именно к своим подружкам я впервые почувствовала влечение. Сначала в этом не было ничего особенного. Хоть они и говорили о мальчишках, мы, в сущности, были еще детьми, часто шалили. Иногда боролись в постелях. Никто ничего плохого не думал. В нашем обществе девственность до брака очень ценится.

– В Ориссе тоже, – вставила я.

Ксиа помолчала и заговорила снова.

– Все продолжалось хорошо, пока не пришло время мне выходить замуж – мне исполнилось шестнадцать. Мой отец очень хотел, чтобы я вышла замуж и принесла ему внука, чтобы наш род не угас.

– А ты не хотела.

– Не хотела. Я не хотела, чтобы мужчина командовал мной, спал со мной в одной постели.

Снова глядя на нее, я подумала, что она выглядит как настоящая королева. Я не хотела бы иметь ее среди своих врагов. Она говорила:

– Мне становилось все труднее сопротивляться отцу. Особенно из-за того, что случилось перед тем штормом, когда ты меня спасла. Меня послали в храм на остров Селен для очищения. Отец узнал, что я стала любовницей женщины, которая была старше меня. Ее имя Фиорна, она – жена одного из наших генералов. Он всегда был в отъезде, что устраивало ее, потому что дома он плохо обращался с ней и с детьми. И еще она любила... нас. Фиорна предпочитала женщин. Тогда скандал едва замяли. Фиорну отослали домой к матери, ее муж получил назначение на далекий остров. Отец решил, что я должна быть очищена, чтобы

избавиться от дурных пристрастий. Мне пришлось отправиться на Селен на корабле.

Я засмеялась, играя ее грудью.

– Очищение, кажется, не очень помогло, – сказала я. Ксиа скривилась.

– Нет, кое-какая польза от этого была. Жрицы научили меня, как быть более осторожной. – Она проказливо посмотрела на меня. От ее прикосновения меня бросило в дрожь. – Они многому научили меня. – Она хихикнула.

– Клянусь богами, – засмеялась я, – я с удовольствием поучилась бы у тебя.

Позже, когда она одевалась, чтобы уйти, она сказала:

– Сделаешь для меня одну вещь?

– Все, что могу, – ответила я.

– Научишь меня сражаться?

Я с удивлением посмотрела на нее.

– Ты – принцесса. Тебе это не нужно.

Она грустно покачала головой.

– Я буду с тобой, когда начнется сражение. Я не хочу быть беззащитным цветком среди других женщин. Я должна, по крайней мере, уметь защитить себя. И не беспокойся, я буду вести себя разумно и не ввяжусь в какую-нибудь ненужную драку. Когда будут писать роман о тебе, я не хочу быть второстепенным героем.

Ее просьба показалась мне разумной. И я сказала:

– Но мы должны быть осторожны, любовь моя. А занятия с тобой будут служить мне чудесным предлогом, когда мне захочется с тобой увидеться.

– Хорошо. Начнем завтра.

И искусству войны она училась так же прилежно, как и искусству любви.

Тем временем конийцы готовились к войне. В Совете продолжались разговоры о том, как победить в схватке, но на Изольде от слов давно приступили к делу.

Каждый день на остров приплывали корабли. Однажды в порт пришел целый флот из двух десятков судов. Они заполнили гавань Изольды, многие корабли находились на рейде. Здесь были представители почти всех островов королевства. Они говорили на разных языках и имели разные обычаи. Общались они между собой на конийском – его знали все аристократы королевства, это было модным, либо на торговом диалекте, или через нас, ориссиан, так как на нас лежали чары заклинания языка.

Корабли были самые разные, некоторые предназначались только для войны, некоторые выглядели как самые обыкновенные торговые суда, наспех переделанные под боевые, были также галеры весьма хищного вида с пиратскими командами, которые решили сражаться под законным флагом, пока есть возможность пограбить.

Мне понравилось, как быстро конийцы смогли подготовиться к войне, и я спросила Ксиа, не имеет ли ее народ особого таланта к кровопролитиям.

– Не знаю, – зевнула она. – Но вообще-то, всегда кто-то воюет с кем-то. Если хочешь, мой слуга покажет тебе верфь.

Я хотела, и на следующий день меня отвели в особый район порта, который был окружен забором и охранялся. Там, внутри, я узнала тайну Конии. Верфь представляла собой ряд пристаней, рукотворных островов со складами. Пристани тянулись одна за другой бесконечной полосой. Всюду было полно суетящихся рабочих. За пристанями на приколе стояли корабли со снятыми мачтами и палубами – только корпуса. Когда Изольде требовались новые суда, начиналась сборка.

Каждый склад имел ворота. В одном хранились мачты, которые с помощью кранов можно было легко установить на корабль, в другом – части палуб, в третьем – канаты и паруса. Слуга принцессы сказал мне, что на Изольде старались строить корабли по одной мерке, чтобы запасные части были взаимозаменяемы.

Сначала корпус корабля буксировали по воде к первому складу, где на него устанавливали мачту, потом дальше – ко второму, где ставили части палубы, потом к третьему и так далее.

Собранный корабль буксировали к выходу, устанавливали на него весла и скамьи для гребцов, загружали запасы солонины, воды и вина. На каждом складе хранился только один вид припасов или запасных частей. Когда корабль достигал конца ряда пристаней, он был полностью собран, оснащен и готов принять команду на борт. Сам процесс был потрясающим, а вот корабли – не очень. Все они были одного типа – огромные одномачтовые галеры вроде той, с которой я спасла принцессу. Конийцы почему-то не жаловали быстрые суда, в отличие от Холлы Ий и жителей внешних островов.

Я посчитала своим долгом поинтересоваться, как конийцы ведут морскую войну, и обнаружила, что в этом они недалеко ушли. Их действия были еще более примитивными, чем тактика, которой обучали моих женщин, когда мы готовились к погоне за архонтом. На корабли конийцы сажали солдат – буквально набивали ими трюм, причем солдаты понимали в морских сражениях меньше, чем я до моего отплытия из Ликантии. У капитана была простая задача – держаться вместе с другими кораблями, пока не встретится враг. Тогда отдавался приказ об атаке рассыпным строем. Противника старались взять на абордаж. Все оружие – от катапульта до вороньих клювов, которые намертво втыкались в палубу вражеского корабля, – было приспособлено только для этой цели. Таран у них считался новшеством. Часто тонул не тот корабль, который таранили, а тот, который производил маневр. Иногда после тарана строй нарушался, что, по конийским понятиям, считалось недопустимым. Так сражались конийцы, а поскольку у Сарзаны корабли и тактика будут точно такими же, исход битвы решит число воинов, магия и справедливость. Последняя, кстати, редко появляется на поле брани.

Я помнила, что Страйкер и Дюбан говорили о конийской галере во время шторма, припомнила и свои собственные мысли насчет стаи волков и медведя. Решив, что ум хорошо, а два – лучше, вечером я устроила совещание, на которое пришли Корайс, Исмет, Дика и Полилло, которая шумно протестовала, заявляя, что она – боец, а не стратег.

На базаре я купила дешевую модель одной из этих чудовищных конийских галер, и мы впятером или вчетвером сидели вечерами вокруг нее, как дети вокруг ванны с корабликами, и думали. Некоторые мысли были дельными, но большинство – глупыми или неосуществимыми. Но я прилежно записывала их все, проклиная свое неумение как следует подбирать слова. Вкратце я расскажу, до чего мы додумались.

Несмотря на протесты Ксиа, большую часть времени теперь ее тренировала Исмет. Я поняла, что такие вещи лучше преподают чужие люди. Друг или слишком требователен, или слишком мягок. Кроме того, нет ничего лучше сурового сержанта, чтобы понять, кто чего стоит. Поэтому Ксиа вместе с остальными стражницами упражнялась во дворе. Она овладела луком, мечом и копьем, словно была рождена с ними. Ее лицо загоралось жестокой радостью, когда она побеждала на мечах партнершу по спаррингу, нанеся удар деревянным оружием. А когда я увидела, как уверенно она посылает стрелу за стрелой в мишень, я порадовалась, что не дала себя уговорить и не осталась ее тренером.

С физической подготовкой все было по-другому. Каждый вечер мы бегали по серпантину, окружавшему центральную холмистую часть Изольды. Дистанция была длиной в добрых пять миль и начиналась у гавани, а заканчивалась у маленькой таверны неподалеку от моей виллы. Около недели принцесса тренировалась, прежде чем оказалась способной пробежать круг один раз. В конце недели она была в ужасе, когда я сказала ей, что придется пробегать этот круг не меньше четырех раз.

– Впрочем, я сомневаюсь, что тебе это удастся, – добавила я. – Осталось слишком мало времени на тренировки, а твои ноги еще слишком слабы.

– Что не так с моими ногами? – возмутилась она. – В постели они тебе нравятся.

– Да, я люблю их, – согласилась я. – И в них достаточно силы, чтобы обвиться вокруг моей шеи. Но для боя выносливости нужно больше, чем для любви. Ноги в сражении бывают важнее оружия. Часто приходится бежать много миль, прежде чем встретишь врага, потом надо выдержать бой, а потом после драки иногда приходится маршировать много миль, прежде чем начальство разрешит отдохнуть.

– Мы будем на кораблях, – сказала она. – Ходить вообще не придется. Мне кажется, одного круга более чем достаточно.

– Ладно, если исполнишь мое желание, – сказала я.

– Какое? – спросила она, озорно прищуриваясь.

Я шепнула ей на ухо. Она хихикнула.

– Это мне нравится. Так, значит, больше бегать не надо?

Наконец был назначен день совещания командиров. Нам должны были представить нового адмирала флота. Я думала, что подготовилась к этому, но, как обычно, когда пытаешься предсказать поведение мужчин, ошиблась.

Несмотря на протесты моих стражниц, я знала, что главой экспедиции против Сарзаны, по крайней мере официально, меня не сделают. Что бы там ни говорил Совет, я знала, что в лучшем случае буду назначена советницей, а в худшем – корабельным украшением на носу. Корайс и Полилло ворчали, что снова женщин зажимают, но я сказала им, что, если бы дело происходило в Ориссе, Магистрат вообще не допустил бы женщин к командованию кораблями.

Мне казалось, что этот аргумент достаточно хорош, но они переглянулись, и Корайс, презрительно скривив губы, сказала:

– Рали, любовь моя, естественно, в разных странах мужчины делают одинаковые глупости, это никого не удивляет, но тут речь идет о том, как им действительно надо поступить, чтобы не оказаться в дураках, как всегда.

Я засмеялась, и это был единственный веселый момент, связанный с совещанием.

Мы с Холлой Ий сидели по обе стороны от нового адмирала на высоком помосте, украшенном высушенными челюстями огромных морских чудовищ. Имя этого нового адмирала было Трахерн, и он невольно внушал уважение. Он был высок – ростом чуть ниже Полилло, его голос гремел как колокол. У него была большая седая борода, аккуратно расчесанная на две части. Ему шел седьмой десяток, но его седая шевелюра, украшенная драгоценными камнями, была по-прежнему густа. На шелковой тунике адмирала бренчало множество медалей – какими только благодарный народ может украсить своего самого храброго воина.

К сожалению, адмирал Трахерн последний раз водил войска в битву двадцать лет назад против варварского населения внешних островов. Потом он ушел на пенсию, жил в своих огромных поместьях, писал мемуары и стал хорошим историком. Его карьера представляла собой яркий пример мужества, чести и благородства. Теперь его снова призвали, чтобы привести Конию к великой победе.

Когда объявили его имя, капитаны несколько раз прокричали «ура!». Я еще заметила, что большинство военачальников были уроженцами Изольды, не важно, с какого острова отряд они вели. Часто бывает, что уроженцы одной местности управляют целой страной. Сарзана, видимо, благоволил к своим землякам с Сеневеса, а аристократы тоже не избежали этого греха. Пока конийцы до хрипоты в голосе приветствовали адмирала Трахерна, я подумала: «Тысяча чертей! Это же второй генерал Джинна!»

Трахерн ответил на приветствия подобающей речью. Он сказал, что счастлив снова служить своей стране, что готов вести войска к победе, что мы не можем не победить, как он рад, что под флагом Конии будут сражаться могучие воины из далекой страны под названием... Тут он замолчал, забыв откуда мы родом, смущенно сказал нечто вроде «Ларисса» и принялся трепаться дальше.

После того как его пронесли на плечах по комнате восторженные офицеры, он встретился со мной и Холлой Ий. Он был полон оптимизма. Естественно, он понимает, что именно мы – настоящие командиры экспедиции, так как мы разбираемся в этой проклятой магии и вообще, особенно дама, хотя он, черт побери, не понимает, как кто-то, будучи убитым, может снова ожить, но разумеется, он не смеет сомневаться в словах великого мага. Он скромно объявил, что надеется по мере сил помогать нам, так как он хорошо знаком с конийскими водами и – что более важно – хорошо знает своих солдат, которые будут

сражаться как герои древности, так что каждый кониец стоит десяти – нет, двадцати! – солдат другой национальности. Мы будем командовать совместно, сотрудничать, доверять друг другу, объединенные одной великой целью.

Для меня все его слова представлялись пустым набором бессмысленностей.

Однажды вечером, перед тем как принцессе было пора уходить, мы прогуливались по саду, и я спросила ее, доверяет ли нам ее отец.

– У него слишком много других дел, – ответила она, – чтобы подозревать вас в чем-то. И даже если у него были бы какие-нибудь сомнения, он бы ни за что не высказал их перед членами Совета очищения.

– Должна сказать, что вид этих людей мало соответствует названию, – заметила я.

– Это верно, – согласилась она. – Если бы они выполнили все, что обещали, все проститутки умерли бы от голода. Зато повезло бы молоденьким служанкам, которым не дают покоя их пожилые хозяева.

– Как бы то ни было, – сказала я, – они придумали странное название для органа управления.

– Это вина одного из моих похотливых предков, – засмеялась Ксиа. – Он дошел до того, что построил храмы – дома разврата на самом деле, – посвященные самым неприличным богам. Он не пропускал ни одной хорошенькой девушки или мальчика. Аристократы восстали и заставили его прекратить безобразия. Тогда и учредили Совет очищения. Его первоначальной функцией было следить за состоянием морали в Конии. Потом, когда свергли Сарзану, по нашим древним законам только Совет мог править страной, поэтому самые знатные аристократы срочно заделались его членами.

– Как ты думаешь, в Конии будет когда-нибудь снова монархия? – спросила я.

Ксиа перестала улыбаться. Она села на край фонтана, опустив ноги в воду.

– Отец надеется на это, – сказала она после паузы. – Может быть, другие аристократы королевского происхождения тоже. Но если это случится, никто из них – даже мой отец – не осмелится объявить себя королем. Это вряд ли понравится народу. Ты ведь знаешь, короли Конии были низложены. Сарзана пришел позже. А мой отец и другие аристократы боятся черни не меньше, чем самого Сарзаны. Поэтому, мне кажется, их поколение не станет добиваться трона. Может быть, их дети попробуют.

– Например, ты...

– Никогда не думала об этом. По-моему, это глупо.

– А в Конии была когда-нибудь королева? – спросила я. Ксиа кивнула.

– Моя прапрабабушка – она давно умерла – была правительницей. А у ее мужа не было никакой власти. Он был всего лишь супругом королевы.

Я хотела еще раз спросить ее, действительно ли она никогда не думала о троне, но поглядев ей в глаза, решила этого не делать. Особы королевской крови не лгут. Они просто иногда меняют мнение.

Одним из последствий участия Ксиа в экспедиции было превращение всей войны в настоящий крестовый поход. Я всегда считала, что войну начинает знать на бумаге, а заканчивают ее кровью простые люди, причем те, кто начинает, войну, стараются держаться от поля битвы как можно дальше. А тут, по примеру Ксиа, молодые аристократы десятками вступали в армию. Но все они были мужчинами, Ксиа оказалась единственной женщиной. Я всегда ворчала, что в Ориссе женщин вечно ставят на вторые роли, но у нас, по крайней мере, была маранонская гвардия! В других землях, как выяснилось, положение было еще хуже.

Я не подозревала, как популярна Ксиа среди аристократии, пока не увидела длинные ряды богато одетых добровольцев, терпеливо ожидающих своей очереди перед рекрутскими конторами на рынке. Тем, кто умел обращаться с мечом или с парусом, найти место было легко, но большинство из них умели только охотиться и тренировать соколов. Но это нисколько не охлаждало их пыла. Они говорили, что готовы служить в любой должности – хоть черпальщиками на галерах. Мы брали их, и в большинстве своем они служили хорошо.

Я была удивлена, так как никак не могла поверить, что молодые аристократы позволят гонять себя по вантам или будут терпеливо выслушивать попреки сержанта Исмет или кого-нибудь из затянутых в кожу конийских офицеров.

Интересно было наблюдать, как здоровенный боцман орет на красивого юношу, словно их разделяет несколько миль.

– Господин Гилмут, ваши неуклюжие извинения нужны мне как рыбе зонтик, в них смысла не больше, чем мозгов у клопа, и, если это еще раз повторится, вам долго не придется сидеть на вашей вонючей поротой заднице, мой господин. Прошу прощения.

С приходом аристократов у нас появилось все, что было нужно, а кроме того, следуя их примеру, потоком принялись записываться в армию крестьяне. Я никогда не могла понять, почему крестьяне, так ненавидя знать, во всем стараются им подражать.

Флот все больше становился настоящей боевой единицей, а не просто сборищем кораблей. Мы были почти готовы сразиться с Сарзаной и его более опасным тайным союзником – архонтом.

Во время подготовки я редко видела Гэмелена, хоть он и жил в той же вилле, что и я. Когда я спрашивала его совета в каком-нибудь неясном вопросе, он обычно отмалчивался или говорил, чтобы я поступала, как считаю нужным. Он даже отказался присутствовать на утреннем бросании костей, говоря, что болен или устал. Я же обычно пропускала вечерние обсуждения событий прошедшего дня.

За все это время я никогда не видела, чтобы он улыбался, он начал шаркать ногами, как старик, а ведь раньше он летал, словно юноша, несмотря на слепоту. Женщины, которые прислуживали ему, говорили, что он мало ест, как бы они ни старались соблазнить его деликатесами, и он совсем перестал пить вино – только воду. И все это человек, который всегда подбодрял нас, когда мы теряли надежду, и не унывал ни при каких обстоятельствах!

Он угасал прямо на глазах, и я решила, что тюрьма подорвала его дух. Я стала бояться, что он скоро умрет.

Однажды вечером я нашла старого волшебника и попросила его помочь мне составить какой-нибудь эликсир, который вернул бы ему прежнюю живость.

– Я просто старею, черт побери! – сказал он, его голос дрожал.

– Но, Гэмелен, друг мой, – сказала я. – Вы мне нужны. Вы нам всем нужны.

– Я устал быть нужным! – закричал он. – Оставьте меня в покое!

Я ушла. А что еще я могла сделать? Я заметила, что чем ближе к отплытию, тем все более усталым он выглядел. Если бы я не была так занята, может быть, я бы разгадала загадку. Нет, не так. Если бы я не проводила так много времени с Ксиа, я бы разгадала загадку.

Она перенесла меня в волшебную страну любви, надеюсь, то же я сделала для нее. Она стала для меня всем. Чем больше мы с ней встречались, тем больше я ждала следующей встречи. Она нашла запрещенные книги по искусству любви, и мы попробовали все, кроме разве вещей, которые вызывают боль. Мы смазывали друг друга вином или медом и часами облизывали друг друга. Мы смазывали друг друга благовонными маслами. Мы боролись, а потом победительница получала право на любое желание, которое проигравшая обязана была выполнить.

И у нас еще были томные дневные часы, когда мы просто разговаривали, делясь секретами, которые доверяют друг другу только любовницы. Она плакала вместе со мной, когда я рассказала ей об Отаре. Но когда я заговорила о Трис и нашей ссоре, она обиделась и отвернулась. Когда я попыталась помассировать ей спину, она вскинулась:

– Не трогай меня!

– Что я сделала? – удивилась я.

– Ты все еще любишь ее.

– Ерунда, – усмехнулась я. – Она бросила меня. Все кончено.

– Нет, не все, – возразила она. – Как ты произносишь ее имя! Она владеет тобой! Шлюха! Как только ты вернешься, стоит ей только мигнуть, и ты снова упадешь в ее

объятия.

– Клянусь, Ксиа, я люблю только тебя.

Она расплакалась и в конце концов позволила мне себя утешить. Я ласково шептала ей на ухо, что только она нужна мне. Когда она успокоилась, мы занялись любовью. Ксиа была прекрасна на этот раз. Потом она ушла домой, ласково улыбнувшись мне на прощание. Больше этот вопрос мы не обсуждали, но, по правде говоря, я не раз думала над ее словами. Неужели я все еще люблю Трис? Удивительно, но я и сама этого не знала.

С каждым новым прибывающим в Конию кораблем до нас доходили вести о новых зверствах Сарзаны. Видимо, он пытался запугать нас и посеять панику в нашей армии. Но добился он прямо противоположного. Его банды сжигали города и порты независимо от того, сопротивлялись они, были нейтральными или вывешивали белые флаги. Неудивительно поэтому, что сопротивление росло с каждым днем. Почти всем было ясно, что никаких соглашений, перемирий или хотя бы пощады ждать не приходится. Даже колеблющиеся, которые считали, что правление Сарзаны было не таким уж жестоким, были вынуждены прикусить языки и проповедовать патриотизм.

Раз или два я слышала, как некоторые выражали удивление, что Сарзана, мол, «изменился, проданся черным силам». Я понимала, что союз с архонтом сделал его более жестоким, но различие между тем, что он делал сейчас и во время своего прошлого правления, было невелико.

Однажды рано утром дежурный офицер вызвал меня на палубу. У меня, по сути дела, было два штаба – один во дворце Совета, для больших и официальных заседаний, а другой – в бывшей каюте Ксиа на галере Страйкера – для секретных совещаний. На галере мне было легче напоминать себе, что я не должна втягиваться в политические дела, проблемы и интриги конийцев. Мои обязанности просты: прежде всего долг перед Ориссой, потом перед гвардией и, наконец, перед наемниками Холлы Ий. Остальное не должно иметь для меня значения.

Дежурный офицер спросил, могу ли я встретиться с человеком, который ждет меня на палубе, и я заторопилась наверх. Ждал меня высокий худой мужчина, лет около пятидесяти. Он был одет в простую свободную тунику и панталоны. На поясе у него висел с одной стороны меч, а с другой – кинжал. Кожаные ножны потемнели от времени, а рукоятки блестели от частого пользования. Значит, он солдат. Одна вещь поразила меня – он не носил колец или других каких-либо украшений, за исключением золотой трубочки четырех-пяти дюймов длиной, заткнутой за ухо.

На пристани я увидела построенный отряд примерно из сотни подобным же образом одетых мужчин разного возраста – от двадцати до шестидесяти. Я приветствовала этого человека, надеясь, что он привел своих людей, чтобы присоединиться к нам. Он назвал свое имя – Нор – и сказал, что это так и есть. Еще он сказал, что на пристани только половина его отряда. Я была рада, так как своих собственных сил, на которые я могла твердо рассчитывать, у меня было маловато – всего лишь сто двадцать пять стражниц.

Я спросила Нору, какое у него звание.

– У меня его нет, – ответил он. – А звание, которое я носил раньше, мне стыдно произносить вслух.

Я пристально посмотрела ему в глаза. Взгляд его был черен и пуст – такой взгляд я видела раньше у тех, кого мы освободили из пыточных камер архонтов, когда захватили замок Ликантии. У этого человека была трудная судьба. Я заметила, что у нас появились любопытные слушатели – некоторые стражницы и матросы, у которых срочно нашлось дело поблизости от нас. Я сказала Нору, что он может распустить свой отряд, чтобы они нашли укрытие, так как собирается дождь.

Он покачал головой.

– Они останутся там, где стоят. От воды они не растают.

Я пригласила его пройти на фордек, где никого не было и можно было укрыться под тентом. Я спросила его, хочет ли он вина. Нор отказался. Что ж, если он сразу предпочитает,

перейти к делу, прекрасно!

– Значит, вы хотите воевать, – сказала я. – Но почему вы пришли ко мне, а не к адмиралу Трахерну или к кому-нибудь из его генералов? Если солдаты ваши сражаются так же хорошо, как и выглядят, они могут получить место на любом корабле.

– Я пришел к вам прежде всего потому, что много слышал о вас и ваших женщинах. Не думаю, что вы принимаете участие в интригах конийцев друг против друга внутри одной армии.

– Нет, конечно, – ответила я. – Я считаю, что война – суровый труд, который нужно заканчивать как можно скорее.

Он продолжал, словно не слыша меня:

– Кроме того, моим людям вряд ли обрадовались бы где-нибудь в другом месте.

Дьявол! – подумала я. Наверно, они преступники. Но я не выдала своего разочарования. Я просто ждала, что он скажет дальше.

– Эти люди – мои братья, – сказал Нор. – Когда-то нас была тысяча человек. Это было около пяти лет назад, и тогда нас называли «преданными Сарзане».

Я была потрясена.

– Да. – Нор прочитал мои мысли. – Мы были телохранителями этого негодяя. Мы охраняли его день и ночь, когда он был в его замке и когда выезжал из него. Наши жизни принадлежали ему, целью нашего существования была его безопасность.

– У большинства правителей есть охрана, – сказала я. – Но обычно они погибают при перевороте, защищая своего господина. Или их убивают позже. Но я никогда не слышала, чтобы телохранители проклинали своего правителя, который осыпал их благами, разве что он был уж совсем негодяем.

Он ничего не сказал и резко спустил панталоны. Я резко отвернулась, решив, что передо мной – сумасшедший. Но я все-таки успела увидеть то, что он хотел мне показать. Меня едва не вырвало. У него не было пениса – только короткий отросток толщиной в палец. Под ним была вполне нормальная мошонка. Я и раньше видела евнухов, но у них либо не было ничего, либо не было только яичек.

Я кивнула – я поняла. Нор надел панталоны, без малейшего смущения. Теперь я поняла, зачем он носил за ухом украшенную золотом трубочку. Я и раньше слышала о таких уродствах, слышала и о жестоких племенах, которые уродуют девочек, чтобы они не могли получать удовольствия от секса.

– Так Сарзана привязал нас к себе, – сказал Нор. – Он хотел иметь очень преданных воинов. Мужчина, который не может удовлетворить своих желаний, становится жестоким, в бою его ослепляет гнев. Сарзана первый попробовал осуществить это, и ему это удалось. Мы были ужасом для людей и убивали всех, на кого он нам указывал, – животных, мужчин, детей.

– Почему вы были верны ему после всего, что он с вами сделал? – спросила я. – Магия?

– Отчасти, – ответил Нор. – Когда его свергли, чары спали с нас. Но дело было не только в них. Он взял нас к себе, когда мы были еще детьми. Мы не знали, кто мы, кто наши родители и где наши дома. Сарзана похитил нас и... изуродовал. Для этого у него были специальные люди – вернее, не люди, а существа, которые работали в пыточных камерах и делали то, что даже мы не осмеливались делать. Никто из них не пережил дня свержения Сарзаны. Нас растили и тренировали отдельно от других, нам всегда говорили, что мы избраны богами для одной цели – служить и умереть за Сарзану. – Нор скривился. – Если ребенку тысячу раз в день с того момента, как он начинает ходить, говорить одну и ту же вещь, из него получается то, что стоит сейчас перед вами.

– Вы хотите отомстить?

– Да, – ответил Нор. – Это наша единственная цель. Большинство из нас сумело пережить день захвата дворца, и мы смогли потом отыскать друг друга. Теперь, пять лет спустя, у нас только одна мечта – отправить Сарзану в худший из адмов, созданных богами. Мы называем себя «сломанные люди». Признаюсь вам, мы хотели устроить заговор, чтобы

выяснить, на каком острове содержат Сарзану. Мы уже купили пять кораблей у конийских корсаров. Эти корабли постройкой напоминают ваши, хотя, может быть, не так легки и на веслах и под парусом. Мы долго тренировались и теперь можем управлять ими в шторм и штиль.

Нам всем плевать на проклятия, грозящие убийце короля Кони. Никакое проклятие не может быть хуже нашего положения – каждое утро мочиться через эту трубку, – он дотронулся до уха, – зная, что ни одна женщина не посмотрит на тебя, ни один ребенок не будет носить твое имя и никто не поможет твоей душе обрести мир после смерти.

Поэтому, когда Сарзана с помощью магии обманул вас, ориссиан, и обрел свободу, в отличие от остальных конийцев, мы были рады – он отправился навстречу своей смерти.

– Вы считаете себя непобедимыми? – спросила я, не заботясь о вежливости.

– Конечно нет. Я солдат, а не идиот. Может быть, ему удастся захватить трон. Но к тому дню никого из нас не останется в живых. Капитан Антеро, я уверен в одном – если во что-то верить и стремиться к этому, не боясь смерти, очень может быть, что ты достигнешь цели.

– Верно, – согласилась я. – Значит, вы хотите служить под моей командой?

– Да. И только при этом условии мы присоединимся к флоту. Если нет – мы будем сражаться отдельно. Мы можем купить еще несколько кораблей или захватить их. Даже такой маг, как Сарзана, не сможет устоять против кинжала, направленного ночью в спину, если не останется другого способа.

Я не сразу ему ответила, думая о сложностях, которые могут возникнуть. Раз Нор был так откровенен со мной, я ответчу ему тем же.

– Я принимаю вас к себе, вы должны подчиняться мне, моим офицерам и сержантам беспрекословно и при любых обстоятельствах.

– Естественно. Мы не грудные младенцы.

– Вы не понимаете. Я хочу сказать, что, если вам прикажут не сражаться, вы должны подчиниться. Если вам прикажут оставаться на месте и не вступать в бой при малейшей надежде подстрелить Сарзану из лука, вы должны подчиниться. Старые солдаты говорят, что плохо иметь в напарниках того, кто храбрее тебя. Храбрее или безрассуднее. Это мое единственное и окончательное условие. Вы все должны будете мне в этом поклясться вашими богами.

Теперь Нор замолчал в раздумье. Нахмурившись, он опустил голову, потом сказал:

– Подчиняюсь. Я не согласен с тем, что вы сказали, – боги благоволят тому, кто не бережет себя в битве. Но... я подчиняюсь. – Он выпрямился и положил правую руку на сердце.

Я отдала ему честь, продолжая сомневаться, искренне ли он согласился выполнить мое условие. «Сломанные люди» вряд ли поколеблются нарушить клятву, если представится возможность для мести, но тут ничего не поделаешь – я решила пока об этом не думать. Теперь у меня вдвое больше воинов, чем час назад, и ради этого стоило пойти на компромисс.

Никогда нельзя полностью подготовиться к битве. Какими бы напряженными ни были тренировки, всегда остается что-то еще, чему можно научиться. Взамен любого оружия всегда можно найти еще лучшее. И корабли можно готовить к плаванию до тех пор, пока море не пересохнет. Но приходит время, когда каждый солдат понимает, что настал час отправиться на врага, потому что с этого момента враг будет становиться все сильнее и опаснее.

Такой день настал и для нас. Ветер был попутный, погода – хорошая, и предсказатели благословили наш путь.

Вся Изольда собралась посмотреть на отплытие. Были речи, и вино, и воскурение ладана. Солдаты обнимались с девушками на пристани, и даже самые стыдливые из них улыбались и говорили на прощание ласковые слова. Трубы ревели, барабаны гремели, по

небу летали яркие воздушные змеи, образуя причудливые узоры. Матери кричали что-то своим сыновьям, садившимся на корабли, отцы с завистью смотрели им вслед, плакали покинутые сестры. Потом швартовы были отданы, паруса подняты, и скоро море исчезло под белокрылыми кораблями, бегущими к своей судьбе.

Я... я смотрела, как уменьшаются фигурки провожающих, и вспоминала, как мы выступали из Ориссы.

Казалось, прошла целая вечность, писец, с того дня, как прощальные речи и добрые пожелания произносились на моем родном языке.

Глава девятнадцатая ЛЕТЯЩАЯ С ВЕТРОМ

Стоило нам только выйти в море, как адмирал Трахерн начисто забыл свои слова насчет равенства. Для себя он твердо решил, кто будет за всех отдуваться – эта почетная роль выпала мне и Холле Ий. Все стало на свои места, когда Трахерн послал к нам курьерскую шлюпку со своим помощником на борту. Он привез нам приказания, оформленные, правда, в виде доклада.

Помощник адмирала сказал нам, что, по сведениям конийских магов, Сарзана нападет на Аластарс – цепь островов в трех неделях пути к югу, – где постарается устроить базу для своего флота. Трахерн предлагал, чтобы мы продолжали вести разведку и корректировали наш курс так, чтобы всегда находиться впереди его кораблей. Это было все – в обязанности помощника не входило спросить наше мнение насчет развития событий.

Любопытно было наблюдать, как взбесился Холла Ий, когда с ним обошлись так унижительно. Я не могла удержаться, чтобы не напомнить пирату, что наглость Трахерна как две капли воды напоминает поведение самого Холлы Ий по отношению к нам, когда мы только отплыли из Ликантии. Мои слова разозлили его еще больше.

Ксиа тоже пришла в ярость, утверждая, что так нельзя обращаться с аристократией. Был сонный полдень, вторая смена дозора, я слышала, как за стеной нашей каюты скрипели доски под сапогами часовых, ходивших над нашими головами туда-суда. Я валялась на постели, она сидела рядом со мной, поджав ноги. Я сказала ей, что она права, но так уж устроен мир – люди одинаковы, что здесь, что в Ориссе. Мужчины остаются мужчинами в любой стране. Может быть, говорила я, ей удастся сделаться королевой и изменить это глупое положение вещей. Она странно посмотрела на меня. Потом нахмурилась и стала говорить что-то, но я не слушала. Я просто чувствовала, что мне тепло, смотрела на нее, как она сидит в пятне тусклого света из иллюминатора. Она заметила мой взгляд, рассмеялась, и ее гнев исчез в нашем объятии.

Сама я отнеслась ко всему спокойно, потому что с самого начала знала, что Трахерн не собирается обращаться с нами как с равными, и заранее обдумала, как и когда с этим бороться. Пока мы находились вдали от врага, это можно было терпеть. У меня и так было достаточно других дел, прежде всего надо было удостовериться, что все в нашем маленьком флоте понимают, что теперь мы будем сражаться по-новому. Для этого надо было многое изменить.

Прежде всего надо было изменить мышление людей. Они должны были понять, что теперь мы – не просто пехота, посаженная на корабли, а – если оперировать сухопутными терминами – скорее кавалерия. Нет худшего для всадника, чем оказаться в бою спешенным, как презренные лапотники. У нас вместо лошадей были корабли. Мы могли «спешиться», то есть перейти на борт другого корабля, только будучи совершенно уверенными, что враг сломлен. Так всадник соскакивает с коня, чтобы добить поверженного противника.

Наша цель – истребление врага, а не захват его территории (его судна). Сожги его, тарань его, разбей его о скалы, сломай ему весла – и битва выиграна.

Естественно, капитаны Холлы Ий подняли шум, утверждая, что моя тактика оставит их без добычи. Проклиная в душе их жадность, я объяснила им, что даже если они не захватят

золото во время боя, они получают его более чем достаточно после победы. Да и во время боя разве не легче захватить корабль с деморализованной или сдающейся командой? Или, по их мнению, лучше брать на бордаж неповрежденное судно, когда велика вероятность их собственного потопления? Я напомнила им о гигантских галерах, которые находились в распоряжении Сарзаны, на которых вдоль бортов подвешены огромные камни, предназначенные для проламывания палубы атакующего противника. Эти камни, без сомнения, отправят нас на дно. С неохотой им пришлось согласиться, что даже неопытная женщина может предложить кое-что новое в морской тактике. Я снова и снова вдабливала им в головы свою теорию, и, если кто-нибудь из них высказывал мою мысль как свою, я делала вид, что восхищена, и немедленно обещала присоединить его «гениальную» идею к общему плану.

В конце концов им стало казаться, что они сами все и придумали. Теперь, когда общие положения были приняты, нам предстояло воплотить идею на практике. Матросы тренировались вести галеры в сплоченном строю, делать наскоки, отходы и, как собаки, облаивающие кабана, никогда не оставаться на месте, уворачиваясь от его клыков.

Мы учились драться парами и тройками, нападать с флангов, с тыла. Мы не будем просить и давать пощады, не будем играть по-честному.

У нас было много времени для тренировок и изменений курса, потому что наши галеры оказались втрое быстрее конийских кораблей.

А еще нам надо было осваивать новое оружие. Я сама построила его тайно во дворе своей виллы и ночью перенесла на корабль. Я сконструировала катапульты с двумя ковшами под немного расходящимися углами. Какой-то человек, случайно видевший погрузку, спросил, не собираемся ли мы выстреливать по два снаряда сразу. Я ответила коротко «да», ничего не объясняя, опасаясь, что у Сарзаны могут быть шпионы по всей Конии или он просто ведет за нами слежку магическим способом. Я волновалась до тех пор, пока Гэмелен не успокоил меня:

– Если кто-то что-то увидел, это еще не значит, что он понял, для чего это предназначено.

Полилло должна была обучить матросов пользоваться этими катапультами, и – самое главное – когда ими пользоваться. Пускать их в ход нужно было в самом разгаре битвы.

Полилло принялась ворчать, что у нее и так полно забот, нужно было проследить, чтобы ее стражницы находились в форме, содержали оружие в порядке, и точить свой топор, который давно не пил крови. Пусть другие возьмется с проклятыми собаками Холлы Ий.

Корайс засмеялась и сказала, что она умывает руки. Она никогда не возьмется обучать мужчину тому, что, по его мнению, он и так знает.

– Это похоже на то, как если бы ты постаралась научить нежности мужчин, пользующихся услугами проституток.

Полилло ухмыльнулась и мечтательно произнесла:

– А это мысль. Может быть, я окажусь достаточно хорошей, чтобы один из матросов представил меня своей матери.

– Будь осторожна, – предупредила Корайс. – У матросов нет матерей, а женятся они только на торговках и смотрительницах маяков.

Я мало прислушивалась к их болтовне, размышляя, как архонт смог зажечь воду во время битвы у рифов. Надо научиться делать то же или придумать защитное заклинание лучше того, которое Гэмелен применил в тот день.

Гэмелен беспокоил меня. Он пытался не быть обузой, но все равно его обычной жизнерадостности как не бывало. Однажды я случайно услышала, как Бодилон назвала его «мрачным воскресителем». Я отвела ее в сторону и сердито спросила, как бы она себя чувствовала, если бы потеряла обе руки. Бодилон ответила, что, если бы это случилось, она бы бросилась с ближайшей скалы, чтобы не наводить тоску на других.

– Вот видишь, – рявкнула я, – кто из вас сильнее духом! Гэмелен ведь не сдается, несмотря на увечье.

Она немного подумала над моими словами, потом поклонилась и сказала, что я права.

Может, я и была права, но с нашим воскресителем надо было что-то делать. Я уже начала беспокоиться, что он изберет способ Бодилон для решения своих проблем, и отрядила двух стражниц, чтобы они постоянно за ним следили.

Потом мне в голову пришла одна вещь. Я долго обдумывала ее и решила, что из этого можно извлечь пользу. По крайней мере, хуже не будет.

Следующий день был солнечным и ясным. Ветер дул с кормы, наполняя паруса, неся нас туда, где нас должен был ждать Сарзана. От теплых испарений линия горизонта немного дрожала. Гэмелен стоял на своем обычном месте – на носу – и смотрел вперед, словно мог видеть. Я кивком головы отослала двух его телохранительниц и поздоровалась с ним.

– Что нового придумала, Рали? – Его голос был глух и безжизнен.

Он здорово сдал за последние дни, как солдат, чьи раны все не заживают. Мы немного поговорили, и я свела разговор на предсказание магов адмирала Трахерна насчет того, что Сарзана близко.

– Скорее всего, они правы, – сказал Гэмелен. – Не потому, что я его чую, нет, а просто логически рассуждая...

– Продолжайте.

– Сарзана одержал первую победу, разбив конийский флот, посланный против него, или, по крайней мере, он так нам рассказал, помнишь?

– Еще бы, – ответила я. – Это ловушка, которой должен опасаться каждый солдат. Если что-то сработало раз, два, пять, то потом в конце концов нарвешься на засаду врага, который изучил твои привычки лучше, чем ты – его.

– И еще, – продолжал Гэмелен. – Сарзане необходимо разбить Совет очищения как можно скорее. Его кровавые выходки не станут долго терпеть, если этому будет хоть какой-то выбор. Но если он останется единственным правителем Копии, народ скорее предпочтет его царствование хаосу. – Гэмелен вздохнул. – Поэтому мы скоро встретимся, я уверен.

Я также уверен – к сожалению, – что встретимся мы на месте, выбранном им или архонтом. Может быть, я пессимист, но поговорив с кенийскими магами, я пришел к выводу, что никто из нас не обладает и половиной мощи Сарзаны, а ведь с ним еще архонт... О боги! – Его голос зазвенел. – В этой битве решится судьба Копии и Орииссы, а я с таким же успехом мог бы лежать в постели с уткой под одеялом! Рали, если б ты знала, как я молюсь, чтобы хоть частичка моих способностей вернулась ко мне!

– Я знаю, – сказала я. Наступило молчание. Потом я тихо сказала: – Прошлой ночью я подумала, Гэмелен, как вам можно помочь...

Он резко обернулся и схватил меня за руки, уставясь мне в лицо незрячими глазами, как будто мог видеть.

– Как? Скажи как! Я больше не могу!

Я подождала, пока он успокоится, и продолжала:

– Я плохо разбираюсь в магии, несмотря на наши уроки. Я не знаю, как к людям приходит дар.

– Он просто приходит, – сказал Гэмелен. – Независимо от того, хочешь ты этого или нет. Как я жалею, что не остался простым рыбаком на берегах нашей реки.

– Вот что пришло мне в голову, – сказала я, не обращая внимания на горечь его слов. – Всегда лучше напасть на врага с тыла, обойти его, чем с победными криками атаковать в лоб.

– Именно этим я и занимался, пытаюсь вернуть мои способности, – прошептал Гэмелен. – Так как же обойти врага, моя хитрая Рали?

– Вы были рыбаком. И тогда люди поняли, что вы будете воскресителем.

– Верно.

– Надо вернуться в то время, в тот образ. Вот здесь леска с крючками. Может, порыбачите? Пусть пальцы напомнят о мыслях, которые были в вашей голове много лет назад, когда вы возвращались с богатой добычей домой.

Гэмелен взволнованно кивнул, потом улыбнулся, и это была его первая улыбка за

много недель.

– Да, да. Пальцы всегда помнят, как завязать узел, хоть ты даже не можешь себе представить, как извивается леска. Может быть... Может быть...

Он замолчал, в уголках его глаз сверкнули слезы, и он отвернулся.

Я жестом подозвала одну из его телохранительниц и приказала ей принести леску, наживку и все, что могло понадобиться для ловли. Я сказала Гэмелену, что мне надо идти по делам, он едва кивнул в ответ. Его губы шевелились, он был уже в прошлом.

Когда поздно вечером я спускалась в каюту, он и его охранницы все еще стояли на носу, их силуэты вырисовывались на фоне неба. Я вспомнила, как звали его любимую – Райана. Она отвергла его. Я где-то слышала, что магия, основанная на любви, может быть очень сильной. На мгновение я пожелала, чтоб хотя бы одна из его телохранительниц предпочитала мужчин, но потом тряхнула головой, отгоняя от себя эту мысль. Это было глупо. Я уже сделала все, что могла.

После вечерней молитвы я поднялась на палубу, чтобы помочь одной из моих лучниц делать стрелы. Я осторожно обрезала петушиные перья под нужным углом под руководством капрала, стоящей надо мной с горшком клея. Корайс работала рядом, обматывая тетиву шелковой нитью. Когда капрал решила, что мы наделали стрел достаточно, чтобы снабдить ими полк лучников, Корайс тоже закончила работу. Мы с ней подошли к борту, чтобы посмотреть на закат – это удовольствие морского путешествия мне никогда не надоедало.

Корайс все еще держала в руках тисовый лук, лениво натирая его маслом. Я вспомнила, что этот лук был у нее еще с тех пор, как мы были новобранцами. Интересно, откуда она его взяла? Я спросила, не был ли этот лук семейной реликвией. Она покачала головой, потом с удивлением посмотрела на меня, поняв, что я до сих пор не знаю ничего о луке.

– Я сделала его сама, – сказала она. – Делала пять лет, а начала над ним работать, когда мне было десять. Один мужчина из моей деревни очень заинтересовал меня.

– Мужчина заинтересовал тебя, – подхватила я. – А ты была слишком рано развившимся подростком. А потом ты изменила свои сексуальные предпочтения, так?

Она смешно наморщила нос.

– Я уже говорила тебе, что моя деревня – скучнейшее место. Кроме праздника середины лета, урожая и зимнего солнцестояния, самым веселым развлечением было смотреть, как растет репа. В деревне жили крестьяне, жрец, продувной лавочник и... этот человек. Его звали Соллертиана, и он был оружейным мастером, делал луки.

– Теперь я понимаю твой интерес.

– Не совсем, – возразила Корайс. – Конечно, у него в мастерской были приятно пахнущие доски, которые сохли и медленно превращались в певцов смерти, были целые кучи перьев серых гусей. Соллертиана привлек меня не своими рассказами и не покупателями из далеких городов, приезжавшими, чтобы заказать лук, который будет готов только через год. Только тогда я начала понимать, что я не такая, как другие девочки, что я не хочу играть в их игры, а потом в один день отдаться мужчине. Я знала, что Соллертиана был тоже не такой, как все. Когда мне исполнилось пятнадцать и мой лук был готов, я поняла, что права, – я видела, как он смотрит сквозь затянутое пузырем окно на проходящих мимо юношей. Я так же смотрела на некоторых деревенских девушек.

Но мне удалось два раза достичь своих желаний, правда, потом одна из них утверждала, что спала, а другая – что была пьяна. Соллертиана же не давал волю чувствам. Наш жрец приказал бы сжечь его вместе с домом, если бы что-нибудь заподозрил.

Корайс фыркнула.

– Естественно, жрец не усматривал ничего дурного, когда муж бил жену или когда хозяин дома приставал ко всем жильцам – от служанок до детей. Жрецы! – Корайс сплюнула за борт. – Раз в год Соллертиана ездил в город, чтобы купить перьев и шелка, надеюсь, там ему удавалось удовлетворить свою страсть. Мне всегда было непонятно, почему он совсем не переедет в город. Однажды я спросила его об этом. Он ответил, что не сможет жить, если

не будет видеть, как солнце путешествует с востока на запад, и что городские здания душат его. – Корайс пожала плечами. – Я отклонилась от темы. Соллертиана не только был, как и я, не такой, как все, он показал мне путь, которым мне предстояло идти. Я знала, что не останусь в деревне, где мне суждено было стать старой девой или всю жизнь притворяться, что мне нравятся потные мужчины.

Этот лук сделан из старого красного тиса, который рос возле святой роши, поэтому достиг такого возраста. В то же время его можно было срезать, потому что он рос все-таки не в самой роще. Когда я сказала Соллертиане, что мне нужен лук, он пристально посмотрел на меня. Я думала, он скажет: «Иди играй, малышка, мне надо работать», – как говорили все взрослые. Он же просто кивнул и занялся своим делом. Через неделю он отвел меня к той роще и показал на тис. Он срезал его ручной пилой, пилил целый час. Потом он аккуратно распилил ствол надвое и выбрал половину без сучков и трещин. Он отнес заготовку на гору, где бежал лесной ручей, и привязал ее так, чтобы она оказалась в воде.

Она находилась там три месяца, пока из нее не вытянуло весь сок. Потом он держал ее больше года подвешенной у потолка в сырой темной кладовке. Может быть, он думал, что я забыла о луке, но я все время помнила. Каждый день приходила в кладовую, мне казалось, что я вижу, как изменяется структура дерева. Постепенно Соллертиана переносил заготовку в более сухие места. Последний год перед обработкой она висела под крышей на открытом ветре.

Все время, пока она сохла, Соллертиана понемногу обтачивал ее, снимал кору. Он обрабатывал ее напильником, стеклом и порошком. Лук принимал форму, и мастер доверял мне все больше работы. Потом началась самая ответственная часть. Он расколол заготовку на две части, и я чуть не умерла, решив, что он погубил всю работу. Но он снова принялся обрабатывать две половинки, подгонял их друг к другу, потом склеил... и это был лук!

Он навошил и покрыл лаком дерево, прикрепил к концам крюки из рога оленя, которого я выследила и убила той зимой. Застрелила прямо в сердце из другого лука. Так он появился у меня. – Корайс погладила излучину. – Это была первая вещь, которая действительно принадлежала мне, если не считать пары кукол, которыми играла когда-то мать, а потом подарила мне.

Скоро после этого Соллертиана умер, а я уехала в Ориссу. Там мы с тобой встретились. Корайс снова погладила лук.

– Иногда я мечтаю о будущем, – тихо сказала она. Мне пришлось изогнуть шею, чтобы ее услышать. – Может, это глупо для солдата, но я представляю себе мастерскую, как у Соллертианы. Буду делать луки и стрелы к ним. Вряд ли я стану таким же мастером, как он, но я буду стараться.

– А где ты будешь жить? – тихо спросила я, чтобы не спугнуть ее грез. – В городе?

– Нет. Я долго жила в городах между Ориссой и Ликантом. Все считают, что я создана для вечеринок и шумной жизни, но на самом деле я осталась босоногой деревенской девчонкой, с пятками, измазанными в навозе. Я перееду в деревню. Не в ту проклятую дыру, где я родилась, конечно. Желая своим землякам пару раз быть ограбленными варварами. Но где-то же люди должны быть терпимы к другим и не задирать нос перед каждым встречным.

Она вздохнула.

– Может быть, та деревня, о которой ты рассказывала, где родилась твоя мать и была девушка с пантерой, подойдет мне. Я буду напоминать им то, чего они не должны забыть.

Когда-то давно я рассказывала ей, как появилось мое имя, а в тот момент я подумала, что иногда то, что кажется одному человеку незначительным, для другого имеет огромную важность.

– Иногда ты будешь навещать меня, – сказала Корайс, усмехаясь, – когда наши кости будут слишком стары для игры в войну. Величавая дама из рода Антеро приедет в глухое захолустье. Мы выпьем все запасы в местной таверне и начнем гоняться за каждой местной девственницей.

Слезы набежали мне на глаза, сама не знаю почему, море затуманилось.

– Мне нравится такой план, – сказала я после паузы. – Очень нравится.

– В общем, так появился мой лук, – голос Корайс внезапно сел, – и вот как я раньше мечтала.

Я посмотрела на нее.

– Мечтала?

Корайс ничего не сказала, только медленно покачала головой и медленно коснулась рукой куска ткани от плаща Сарзаны, повязанного на руку. На ее губах заиграла недобрая улыбка.

Я уже открыла рот, чтобы расспросить ее подробнее, но тут на баке поднялась какая-то суета, и я услышала крики:

– Поймал! Я тащу ее!

Кричал Гэмелен. Восторженная улыбка грозила разорвать ему рот до ушей. Когда я бежала к нему, клянусь, я увидела веселый огонек в его слепых глазах. Одна из его охранниц держала в руках огромную бьющуюся рыбу, треску, как мне показалось. Потом она с силой швырнула рыбу на палубу и убила ее.

– Я чувствовал, что она там, Рали, – возбужденно заговорил Гэмелен, и я удивилась, как он узнал, что я стою перед ним, – и я позвал ее. Она приплыла из глубин, чтобы покормиться, а я все говорил ей, что приманка, дергающаяся перед ее носом, – самая вкусная вещь на свете, и она схватила ее, и я потащил... – Его улыбка исчезла. – Рали... что, это возвращается?

– Да, – твердо ответила я, добавив в голос уверенности и пытаясь поверить в свои слова сама. – Конечно, это так и есть.

Той ночью я пришла в каюту Гэмелена и сказала ему, что опасно так близко подплывать к врагу, ничего про него не зная, вслепую. Как и он, я не очень-то доверяла конийским волшебникам. Нам нужна была информация. Он пощипал бороду, начал что-то бормотать насчет слишком большого риска, потом очнулся и извинился.

Сказал он мне вот что:

– Есть тут одно заклинание, но не знаю, сработает ли оно. Отделить свой дух от тела и выслать его на разведку – это очень опасные чары. Не каждому воскресителю разрешают пробовать это делать. Но сейчас не те времена, чтобы решать, что разрешено, а что нет. Нам нужно существо, чью форму ты примешь. Ты, конечно, понимаешь, что на самом деле ты не превратишься в это существо, если только не верна одна из теорий Яноша Серого Плаща, что все мы – различные проявления одной и той же силы. С этой теорией я всегда боролся, но все-таки в ней есть что-то.

– А почему просто нельзя послать свой дух, отделив его от тела? Так делает архонт. Я бы предпочла быть невидимой, чем находиться в теле какой-то твари.

– Дело в том, душа моя, что, если не придать тебе форму – допустим, что заклинание подействует, – в бесплотном состоянии ты будешь очень уязвима. Нет уж, лучше держаться за реальность. Если ты останешься реальной, это поможет тебе не терять связи с нашим миром и придаст дополнительные силы. Впрочем, я не уверен, это только мои предположения. Но мне кажется, что лучше пусть тебя в обличье дельфина выследит остроглазый матрос и тебе придется уворачиваться от гарпуна, чем почует Сарзана или архонт. Если они настороже, они увидят твой бесплотный дух так же ясно, как полную луну. Мастер магии – а они оба великие волшебники – может в несколько секунд перерезать нить, связывающую твой дух с твоим телом. Тогда ты будешь обречена на вечные скитания и никогда не найдешь покоя.

Я вздрогнула, вспомнив, как мой бедный брат Халаб пытался пройти испытание, чтобы стать воскресителем, попал в ловушку, расставленную Равелином из Далеких Королевств, и погиб. Тела для похорон так и не нашли, а дух Халаба обрел покой только после того, как Амальрик убил Равелина в развалинах заколдованного замка.

Отбросив воспоминания, я спросила:

– А каким существом я стану, Гэмелен? Альбатросом?

– Никогда.

Я скрыла улыбку и сделала вид, что обиделась.

– А почему нет? Разве из меня не получится огромной величавой птицы? Я всегда люблю, как они парят над морями, спускаясь на воду только для сна и еды.

– Ты любишься ими, то же делает каждый начинающий волшебник, – ответил он. – Может, лучше тогда к твоему хвосту мы привяжем плакат с надписью «Я *Рали*, разведчик»? Так мы сэкономим время на защитных заклинаниях.

Я бы и без этого поняла, что он хотел сказать. После небольшого совещания мы разработали план получше, а потом я взяла его телохранительниц и отправилась добывать необходимые предметы для колдовства. Я рассказала Ксиа, что собираюсь делать, она начала отговаривать меня, потом внезапно замолчала. Она смотрела на меня, пытаясь сдержать слезы, и вдруг с рыданиями выскочила из каюты. Я не пошла ее утешать. Иногда труднее любить воина, чем быть им.

Я не объяснила Корайс и Полилло, что собираюсь делать, но сказала, что теперь они командуют гвардией. Ничего больше говорить им не требовалось. Они были солдатами и знали, что это значит и что делать в таких случаях. Полилло нахмурилась и собралась что-то сказать, но потом замолчала, сжав губы. Я знала, что она хочет предупредить меня, чтобы я держалась подальше от магии – ее мой храбрый легат боялась больше, чем полка вражеских солдат.

Было уже за полночь, когда мы собрали все необходимые ингредиенты. Колдовство должно было перенести меня в то место, где, по предположениям, находился Сарзана.

Гэмелену поставили палатку на фордеке, охрана отгоняла от нее любопытных. Я подробнее опишу весь процесс наложения чар, потому что на этом примере хорошо видно, что магия иногда не менее тяжелая работа, чем ручной труд. Часть первая наших чар – мой дух, как Гэмелен это называл, хотя и говорил, что это слово не совсем точное, – это не душа в обычном значении, – так вот мой дух должен будет покрыть расстояние в неделю пути за несколько часов.

– Ученики иногда не понимают некоторых вещей, – сказал Гэмелен. – Короткое заклинание и ты – рыба. И ты погибаешь, потому что находишься на суше. Или тебе удастся свалиться в воду, но плыть надо две недели. Иногда, – его голос звучал обиженно, – меня бесит, что люди считают магию способной осуществить все, что угодно.

Первую часть пути ты пролетишь с ветром. В это время ты будешь почти так же уязвима, как если бы ты была чистым духом. Когда приблизишься к Сарзане, сработает наш хитрый план. То есть я надеюсь, что он хитрый.

Он приказал мне раздеться догола и намазаться мазью, которую я приготовила заранее под его руководством. От мази кожа начала гореть, но Гэмелен сказал, что так задумано – от этого духу становится неуютно в теле, и он хочет выйти. Мазь была сделана из различных трав, в нее входили вербена, имбирь, иссоп, кожа от давно опустевших мешков, где когда-то хранился порошок для вызывания ветра. Я влила также в смесь масло с различными добавками, предназначенными для обеспечения второй части моего путешествия.

В жаровне у Гэмелена горел небольшой огонек, от которого воняло хуже, чем от погребального костра. Гэмелен пояснил, что сжег кусок старого паруса, который поможет мне лететь по ветру. Потом он подбросил в жаровню высушенную мяту, мирру и коноплю.

Я прочитала заклинание. Гэмелен сидел рядом молча. Я бы хотела, чтобы он помог, но он боялся, что его все еще до конца не вернувшийся дар может разрушить чары. Сначала я громко воззвала к десяти местным богам и богиням, которые могли помочь в данной ситуации, – бог бурь, богиня морей, незначительные боги, танцующие с ветром, какая-то нимфа зефира – имя ее припомнила Ксиа – и так далее. Я думаю, я могу вспомнить все десять имен, но перечислять их нет нужды, потому что второстепенные боги не имеют власти вдали от тех мест, где им поклоняются, – так, по крайней мере, утверждают все маги. Если кто-нибудь захочет попробовать это заклинание, нужно использовать имена местных богов или вообще не упоминать никого – суть здесь в их специальности.

Потом я начала читать само заклинание:

Найди ветер,
Коснись ветра,
Отдели душу от тела.
Ветер – твой брат,
Ты будешь свободно парить
В поднебесье.

Произнеся эти слова, я кинула в жаровню маленькие кусочки бумаги, где было записано заклинание. Дым подхватил их, и тут я почувствовала, что у меня кружится голова, как при высокой лихорадке. Потом неведомая сила подняла меня надо мной, я смотрела сверху вниз на свое тело. Затем материальная Ради бессильно села на пол, качнулась и повалилась навзничь. Но меня уже не интересовало мое покинутое тело, потому что потолок палатки внезапно открылся и я услышала шелест веревки, за которую тянул Гэмелен, и надо мной было ночное небо и звезды. И я была свободна.

Я поднималась в небо все выше и выше. Краем глаза я успела заметить расположение созвездий и поняла, что лечу на юг. Ветер не нес меня, я стала ветром, и мое сердце пело от счастья. Тело мое осталось далеко внизу и позади, но я чувствовала, как холодный ночной воздух, который отбрасывал назад мои призрачные волосы, пощипывает мою кожу – словно после горячей бани броситься в снег. Чувство было такое, словно у меня не было тела, но... в то же время было. Мне не нужно было поворачивать головы, чтобы видеть наши галеры далеко внизу и позади, а еще дальше – огоньки конийских кораблей.

Тогда я поняла, что может дать магия. Я больше не считала ее темной силой или бормотанием непонятных слов, чтобы избежать физической работы. Какое-то мгновение я даже почувствовала симпатию к Яношу Серому Плащу, теперь я знала, что заставило его заниматься волшебством и что убило его.

Впереди себя я почувствовала землю, а потом и увидела ее. То была группа островов Аластарс, от десяти до двадцати островов, точно не знаю. Я видела их на выполненной от руки карте. Конийцы думали, что там скрывается Сарзана. Пролетая над первым островом, я почувствовала, что там ждут люди, высматривая наш флот. Я все еще восхищалась своей новой способностью видеть все вокруг себя, но тут же холодный голос воина во мне отметил, что Сарзану трудно будет застать врасплох, раз его часовые настороже. Впрочем, я и не рассчитывала, что будет легко.

По совету Гэмелена, я все время старалась «прочувствовать», что лежит впереди, чтобы не попасть в какую-нибудь магическую ловушку. Вроде бы все было чисто, но я не была до конца уверена – я, как молодой солдат, идущий по лесной тропе, все время опасалась засады, устроенной более опытными воинами.

Впереди вырисовывался главный остров. Настало время осуществить второе превращение, чтобы принять – как я надеялась – менее уязвимую форму.

В тот момент я была ветром, и ветер во мне не хотел превращаться. Я силой выдавливала из себя слова:

Ты должна измениться,
Принять форму,
Теперь ты друг ветра,
Ты – плоть,
Ты – форма,
Ты прилетела.

Я снова почувствовала головокружение, и в следующий момент у меня уже было тело и ветер обдувал его. «Меня» было несколько. Гэмелен предложил мне стать птицей, менее заметной, чем альбатрос, а я еще улучшила его идею. Почему я должна быть одной птицей? Одна птица скорее вызовет подозрение, особенно если будет вести себя не совсем обычно. А если целая стая? Гэмелен с удивлением посмотрел на меня, потом засмеялся и сказал – несколько ехидно, – что в магию приходят молодые умы. Мог бы и промолчать.

Я превратилась в стаю крачек, летящих к берегу. Наверное, правильнее будет говорить о себе «мы», но мой писец странно на меня поглядывает, поэтому лучше я буду стараться излагать попроще. Странно было чувствовать себя во многих телах одновременно. Птиц было десять или, может, пятнадцать. «Я» облетела утес с обеих сторон. Видела я так, словно у меня была одна пара глаз, но я могла видеть одновременно скалу, которую облетала, спереди, сзади и с боков. Ничего странного я не ощущала, никакой растерянности или дезориентации.

Главный остров был гористым, большой залив, глубоко вдававшийся в берег, почти делил его пополам. Я видела несколько городов на побережье. Главный город, расположенный на дальнем берегу залива, назывался Тицино. Даже в этот предзакатный час там светилось несколько огоньков. Я прикинула, что Тицино не уступает по размерам главным городам метрополии.

Флот Сарзаны стоял на рейде. Вдали от берега несколько судов несли патрульную службу. Я знала, что кораблей у него много, но не ожидала увидеть их столько. Я попыталась их сосчитать, но сбилась. Так, на глаз, их было примерно четыреста – столько же, сколько у нас, а может, и больше.

Я быстро приближалась к судам. Оказалось, что большинство составляют тяжелые конийские галеры. Я обрадовалась. Новая тактика, разработанная нами, должна быть эффективной. Были и другие типы судов, стоящие на якорю ближе к берегу. Я полетела к ним. Почему-то я не могла как следует их разглядеть. Зрение мне застилало какие-то точки, словно в глаза попала вода.

Что-то подсказало мне, что приближаться пока опасно. Как я ни пыталась вглядываться, зрение мне застилало дымка.

Внизу, на флоте, никаких признаков тревоги. Матросы на палубах сонно занимались различными утренними делами. Никто не смотрел вверх, а если бы кто и посмотрел, увидел бы лишь стаю серых птиц, без сомнения ищущих, где бы чего поклевать.

Я решила подлететь поближе к городу, откуда исходила опасность от магии Сарзаны и архонта. Но снова в глазах у меня замелькали точки, и я не могла как следует рассмотреть, что происходит внизу, хотя, когда смотрела на море, видела так же зорко, как и обыкновенные крачки. Я, например, легко разглядела стайку рыб, поднявшихся близко к поверхности. Снова я слышала шепот, предупреждающий об опасности, он становился все громче. Я подчинилась и повернула назад, к морю.

Ничего тревожного я не видела, но чувствовала себя так, словно мне грозит настоящая опасность. Я описала три больших круга, поднимаясь выше. Из-за горизонта сверкнуло солнце. На первый раз я высмотрела достаточно.

Флот Сарзаны находился там, где ожидалось, и он, как и флот конийцев, был готов к битве. Но что это были за пятна перед глазами?

Я так и не смогла ответить на этот вопрос, но знала, что в них таится угроза. Впрочем, не важно. На сегодня хватит.

Пора возвращаться.

Позже, уже в собственном теле, я занялась другим, более приятным делом – лежала в постели с Ксиа. Я помню, как возвращалась из далекой страны, куда увели меня ее губы; тело еще помнило пережитую бурю. Я пришла в себя и обнаружила, что ее голова покоится у меня на животе. Я застонала, говорить я не могла. Ксиа хихикнула.

– Ты совсем отключилась.

– М-м-м.

– Я могу снова сделать это с тобой.

Ее пальцы зашевелились. Я отбросила ее руку от своей груди.

– Нет, не можешь. Я – масса сырого шелка. Я струна.

– Ты и есть шелк, – сказала она.

Ее рука осталась лежать на месте. Наступила тишина. Я стала засыпать, и тут она спросила:

– Рали, что будет дальше?

– Дальше я собираюсь уснуть, ты, сексуальная маньячка.

– Нет. Что будет, когда мы расправимся с Сарзаной?

– Люблю оптимистов. Шкуру медведя делят после охоты, знаешь?

– Мы убьем его. Я знаю, – сказала Ксиа, – поэтому отвечай на вопрос.

Я села в постели. Сон пропал.

– Я должна вернуться в Ориссу.

– А как же я? Как же мы? Я не могу отправиться с тобой, по крайней мере надолго. Ведь я последняя из рода Канара.

– Разумеется, я не хочу тащить тебя с собой.

– Так, может, останешься здесь? Будем вместе. Думаю, власти не будут возражать, после всего, что ты для них сделала.

– Нет, не будут, – согласилась я.

Я снова легла, раздумывая. Что будет дальше? Она была Канара, я – Антеро, командир маранонской гвардии. Фамилия Антеро не так уж важна – Амальрик и мои идиоты братья сумеют управлять поместьями. Но гвардия? Ведь я солдат. Готова ли я оставить гвардию и свое ремесло? Готова ли я оставить Ориссу?

– Что я буду делать, если останусь здесь? – спросила я.

– Я тебе покажу, – пообещала принцесса, дотрагиваясь до моего соска, который немедленно затвердел. – Так часто, как мы только сможем.

– Нет, я спрашиваю... – Но слова, которые я хотела сказать, исчезли, растворились. Как странно – восемнадцатилетняя девчонка определяет мою судьбу. Нравится ли мне это? Вот что значит королевская кровь. По крайней мере, она потрудилась спросить мое мнение, – мрачно подумала я. Конечно, Ксиа найдет мне какую-нибудь должность в армии, но я все равно останусь игрушечным котенком. Хотя... аристократам всегда нужна верная рука, способная защитить их власть... И все же...

Я решила поступить, как старый солдат – не думать о завтрашнем дне, пока он не настанет.

Впрочем, даже если бы я захотела думать сейчас, ничего бы не вышло – Ксиа, держа в руке шелковый шарф, лила мне на живот благоухающее масло.

На следующий день я вышла на палубу на рассвете, лениво борясь со сном. Исмет в нескольких футах от меня делала разминку. Потом она подошла ко мне. Начинаясь день был прекрасен, небо – голубым, солнце – ласковым. Легкий бриз сдувал пену с волн, подгоняя наш корабль. За нами шли другие наши галеры, а далеко у горизонта виднелось множество точек – основной флот.

– Странно, – принялась размышлять я вслух. – День чудесный, хочется радоваться жизни, а мы плывем убивать.

– Не знаю насчет радости жизни, – заметила Исмет, – но я не могу расслабиться, видя дымку на горизонте, если не знаю, что за ней скрывается.

– А если бы ты не была воином?

– Если бы я не была воином, я бы здесь не находилась. А теперь, если капитан позволит, пойду вытряхну своих лентяек из гамаков. Им невредно поупражняться. – И она ушла.

Исмет всегда удивляла меня. По моим рассказам кто-нибудь может подумать, что она склонна к тупому солдафонству, но это не так. Однажды я видела, как она состязалась с поэтами в чтении героических баллад – кто больше стрóf вспомнит. Правда, она знать не хотела стихов и песен о любви или о гигантах и феях, живших до появления людей.

Даже сейчас, например, хотела бы я сказать, что понимаю ее. Ее никто до конца не понимал. Самое достоверное объяснение: Исмет была одним из воплощений Маранонии, как я уже говорила.

На следующее утро Гэмелен послал за мной. Я нашла его на баке, где он ловил рыбу. Глаза его блестели от волнения.

– Смотри! – сказал он, как только я подошла. Он сидел на корточках над сетью, разложенной на палубе, и, если бы не одежды воскресителя, можно было подумать, что он – просто обыкновенный рыбак, распутывающий узлы.

Гэмелен вытянул руку ладонью вниз и коснулся сети, потом поднял руку на три дюйма, описывая ею круги. Его пальцы шевелились, как щупальца. Я посмотрела на сеть, она двигалась словно живая, хотя ничто ее не касалось. Вот она замерла и больше не шевелилась. Но теперь она лежала аккуратно сложенная и была полностью распутана.

Стоящие вокруг матросы и стражники одобрительно зашумели, но Гэмелен и так понял, что все получилось.

Улыбаясь, он сказал:

– Я делал это, когда был ребенком. Мой дар возвращается!

Несколько дней спустя я снова вылетела на разведку. Зная, что мне понадобится защита, я создала себе новое тело – если мне придется спастись, я буду не стайкой птичек, а более быстрым и хитрым существом. Для колдовства я использовала два талисмана. Первый – кусок ткани от платья Сарзаны, вроде того, что Корайс носила на руке, а второй – ужасное сердце убитого архонта. Гэмелен пытался возражать, но я не поддавалась.

Я вылетела за час до рассвета. Когда я приближалась к Тицино, все было тихо. Три раза я пролетела над крепостью Сарзаны, но мне не удалось увидеть практически ничего. На этот раз я, правда, поняла, что туман и точки, мешающие видеть, – волшебные. Мне не удалось разглядеть корабли, стоявшие у берега, но я рассмотрела сам город. В нем было не много улиц, а все больше каналы, соединяющие дома, виллы и площади. В центре города была большая сторожевая башня, вернее, замок, окруженный стеной с бойницами и зубцами. Площадь вокруг замка была пуста – ни одного дома, лишь несколько статуй. Войти внутрь можно было, только перебравшись через стены по специальным мосткам. Такую крепость нелегко взять. Оставалось надеяться, что нам удастся захватить Сарзану и архонта, в какой бы форме он ни был, в море, и покончить с этой долгой войной.

Мне надо было увидеть больше, а для этого нужно усилить энергию чар, при этом опасность быть обнаруженной возрастает. Приходилось идти на риск. Сосредоточившись, я вызвала в памяти образ Сарзаны, каким я его видела в последний раз – он стоял, весь в шелках, на носу нашей галеры и был чем-то раздражен. Очень осторожно я начала колдовать. И тут же Сарзана исчез, и я подумала о более опасном враге и почувствовала его.

Я потеряла контроль над собой, и образ архонта, бушующее море, вулканы затопили мой разум. На губах архонта пузырилась кровь, окрашивая красным его бороду. И тут все вокруг меня завертелось. Я была подхвачена вихрем, который потащил меня напрямик к замку.

Потом ветер стих. Я стояла в большой темной комнате, которую едва освещали факелы. На стенах висели ковры. Я больше не была стайей птиц, но и не превратилась обратно в женщину. Я была просто духом, привидением. Человек, находящийся в комнате, смотрел прямо на меня. Это был Сарзана, он сидел за столом, на котором стояла чаша с серебристой жидкостью, напоминавшей ртуть.

Глаза Сарзаны сверкнули.

– Антеро, – прошипел он. Но это был не его голос. Я слышала этот голос раньше из черных облаков, когда мы попытались организовать первую ложную атаку на замок в Ликантии. Это было змеиное шипение, и мне показалось, что я чувствую зловонное дыхание и могильный тлен. Сарзана встал. Он подошел ко мне, двигаясь как-то странно – не как невысокий человек, которого мы вывезли с Тристана. Шаги его были длинны, словно он был высок ростом. Я поняла, что в его теле обитает мой самый страшный враг – архонт.

Сарзана хрипло заговорил:

– Ты еще не покончила с Ликантией, Антеро.

И Сарзана засмеялся смехом архонта.

– Я многому научился. Если бы я знал, какие сокровища найду, я бы предпринял это путешествие раньше. Миров очень много, Антеро. Мы с братом могли взять оттуда силу и богатства и сделать Ликантию могущественней Далеких Королевств и стран, которые упоминаются в сказках. Даже сейчас еще не поздно этим заняться. – Архонт подошел ко мне и крикнул воющим, полным ненависти голосом, как тогда на палубе корабля Симеона: – В битве заплатишь кровью за кровь.

Он щелкнул зубами, как когда-то его брат, но на этот раз между нами не было ни плоти, ни стали.

Какое-то мгновение эти два чудовища – я имею в виду архонта и его раба, Сарзану, – помедлили, и я бросилась прочь, оказавшись за стенами замка. Я была свободна, в мозгу мелькали образы: хорек, лицо Гэмелена, сердце архонта, Амальрик и моя мать, моя любимая мать. Тут я почувствовала, как архонт тянет ко мне щупальца.

Я сумела увернуться и выкрикнула нужные слова:

Лети свободно,
Лети быстро
К морю,
Дальше и дальше.

Мои призрачные пальцы вспомнили прикосновение пера сапсана, и я превратилась в него. Я вихрем неслась над каналами, крылья мои трепетали от напора ветра. К морю, дальше и дальше. Мое соколиное тело звало меня подняться ввысь, к облакам, но я – Рали Эмили Антеро – знала лучше, как избежать опасности. Поэтому и пролетела над отрядом лучников, над гаванью, над галерами. Я чувствовала ярость за своей спиной, словно там была гончая, отслеживающая жертву, но я уже была в безопасности. Архонт и Сарзана опоздали на одно мгновение.

Достигнув устья залива, я снова превратилась в ветер, дующий с берега. Высоко в небе я успела заметить огромного орла – смертельного врага сапсана, который высматривал меня, – а может, мне почудилось. Я не смела даже думать об этом, чтобы не оставлять призрачных следов.

Я вырвала одно мгновение у архонта.

Он больше не повторит своей ошибки.

Гэмелен был в ужасе, когда я рассказала ему, что произошло.

– Архонт не простит тебе этого, Рали. Когда мы встретимся в бою, на тебя падет его первый удар.

– Пусть попробует, – заявила я, тут же почувствовав стыд за свою юношескую бравладу, заметив, как презрительно скривил губы Гэмелен. Но я и без него знала, что каждая наша встреча с архонтом изменяла соотношение не в мою пользу. Я извинилась.

– Теперь возникает вопрос, – продолжал он, – какой защитой мы можем тебя обеспечить, чтобы дать тебе шанс выжить. Я над этим подумаю.

Похоже, он один серьезно отнесся к моему докладу. Адмирал Трахерн проигнорировал все мои упоминания об архонте, да и вообще, похоже, не верил, что магия существует на свете.

– Мы загнали его в ловушку, – вот что заявил Трахерн и приказал поднять все паруса и посадить людей на весла. – На этот раз Сарзана от нас не уйдет.

Во время своих полетов я выяснила, что корабли Сарзаны и не пытаются покинуть гавань, поэтому у меня было свое мнение насчет того, кто попал в ловушку. Кроме того, я считала, что Трахерн зря посадил гребцов на весла. К началу битвы они будут измотаны. Но я ничего ему не сказала, потому что ни по первому, ни по второму вопросу никто не спросил моего мнения.

Через неделю мы почти достигли Аластарса. Путешествие казалось мне бесконечным и утомительным, хотя я и боялась битвы, которая ждала нас после его окончания. Однажды я размышляла и пожелала, чтобы все мужчины и женщины могли посылать свои души туда, куда захотят. Мысль была глупой, но она, по крайней мере, насмешила меня. Остальные мои мысли были очень уж мрачными.

Еще дважды я пыталась послать свой дух на разведку и долго стояла обнаженная, поливая тело маслом и чувствуя себя душой. Архонт – я думала о нем почти всегда как об архонте – твердо запечатал эту дверь.

Но всегда есть другой выход. Мы подплыли на галере поближе, используя для прикрытия ночь и плохую погоду. Взяв несколько матросов и шлюпку, я отправилась на разведку. Мы проплыли мимо двух портовых городов достаточно близко, чтобы увидеть корабли Сарзаны, они были готовы к битве. Они стояли на месте. Сарзана никуда не собирался бежать.

Скоро на рейде около островов собрался весь флот и построился в боевой порядок – тело с двумя крыльями. Адмирал Трахерн приказал всем капитанам собраться на его флагмане, самом большом и самом неуклюжем из всех конийских кораблей.

Я отправилась вместе с Гэмеленом и Холлой Ий. Холла Ий был сильно взволнован.

– Я уже начинаю бояться, – ворчал он, – что хитрый старикашка не даст нам честной доли добычи и захочет присвоить себе всю славу.

Я была с ним согласна в том смысле, что Трахерн сделает какую-нибудь глупость. Так и случилось.

Он приказал одному из своих льстивых помощников, который мастерски умел кланяться, нарисовать на огромном листе бумаге, прикрепленном на стене, набросок плана сражения. Набросок был прекрасен – на нем уместились огнедышащие драконы, русалки, парочка морских демонов, так что мы ни на секунду не усомнились в флотоводческом таланте Трахерна. Вся композиция здорово смотрелась на фоне рыхлого, с золотой искрой бархата, которым были обиты стены адмиральской каюты и вообще всего корабля. И повсюду был блеск драгоценного металла, драгоценный фарфор, на каждом углу – лакеи в синих полосатых туниках с длинными рукавами, белых панталонах, босые, но в белых перчатках.

Трахерн коротко предложил разделить флот на три атакующие группы. Одна ударит слева – с запада, когда мы войдем в горло залива. Ее возглавит адмирал Базана – тот, что настойчиво требовал моей головы, когда нас схватили конийцы. Он, по крайней мере, был опытный вояка. Правый, восточный фланг поведет адмирал Борну, который, как я слышала, был полной бездарностью и больше думал не о кораблях, а о том, с кем ему изменяет его толстая, но богатая жена. Центр и весь флот, естественно, возглавит сам Трахерн.

План Трахерна был прост – пожалуй, единственное преимущество, которое я могу отметить. Наш флот войдет в залив. Где-то на полпути к Тицино мы встретимся с флотом Сарзаны. Потом два флота столкнутся лоб в лоб, и останется только победить. Вот и вся «стратегия».

Я начала заводиться из-за того, что нам в плане места не нашлось. Заставив себя говорить спокойно, я задала ему вопрос о нашей роли в битве.

Адмирал Трахерн, немного нервничая, ответил:

– Э-э... капитан, я, черт побери, давно хотел повысить вас в звании, потому что вы ведь не просто командуете одним кораблем... Так вот, вы и ваши парни будете резервом, готовым вступить в бой, когда в этом возникнет необходимость.

Когда он сказал «парни», раздалась смешки. Смеялись не столько над моими стражницами, сколько над солдатами Нора. Я не обратила внимания на насмешки.

– А когда будет необходимо вступить в бой? – спросила я.

– По моему сигналу, разумеется. Или когда их флот будет разбит, вы сможете нам помочь, добывая остатки неприятеля. Да, эта роль вам больше всего подходит.

Я взбесилась. Мне на секунду показалось, что я смотрю на битву сверху вниз. Я хотела высказать Трахерну все, но тут Холла Ий опередил меня. Он вскочил, отбросив стул. Я резко обернулась и посмотрела ему в глаза. Пират замер с открытым ртом. Клянусь, я не накладывала на него чар, но он все-таки захлопнул рот и, ни слова не говоря, вышел.

Адмирал Трахерн покраснел от гнева и был, видимо, близок к тому, чтобы заковать Холлу Ий в кандалы, но сдержался.

– Приношу извинения за своего соотечественника, – вежливо сказала я. – Он горит желанием уничтожить врага, как и мы все. Можно ли обвинять его за это?

Адмирал Трахерн холодно кивнул.

– Раз уж я начала, позвольте вопрос насчет вашей стратегии. Кажется, вы забыли о проклятии, грозящем тому, кто убьет правителя Конии. Совет очищения согласился слушать меня, – я повысила голос, – и принцессу Ксиа, потому что они хотели, чтобы кровь Сарзаны пала на меня и моих людей. Вы не верите в это проклятие?

Среди капитанов раздался ропот, и я увидела страх на многих лицах. Трахерн закашлялся.

– Я-то не очень хорошо отношусь к этим суевериям, – продолжала я. – Что-то я не видела на улицах Изольды, чтобы демоны гонялись за призраком человека, который перерезал горло вашему предыдущему королю – или что он там с ним сделал?

Трахерн натянуто засмеялся. Остальные молчали.

– На самом деле, капитан Антеро, я не забыл о проклятии. Мы собираемся использовать ваши силы в нужное время и ни в коем случае не нарушим инструкций Совета. – Трахерн немного нервничал, видимо при мысли, что кто-то может нарушить инструкции. – Хочу отметить, что, если Сарзана падет от руки безвестного лучника или просто солдата, какое бы проклятие ни ждало этого человека, оно будет компенсировано вечной памятью и благодарностью конийского народа.

Не думаю, правда, что это произойдет. Поэтому я и оставил ваши галеры в резерве. Когда мы изолируем флагман Сарзаны, я подам сигнал флагом или магическим способом с помощью одного из наших волшебников. Тогда вы должны будете взять его корабль на abordаж и навсегда освободить Конию от тирана.

Рад, что вы задали этот вопрос, капитан. Надеюсь, это маленькое недоразумение прояснилось.

Да уж, недоразумение! Трахерн еще больший осел, чем я думала. Ясно было, что он вознамерился присвоить себе всю славу за победу над Сарзаной и сметет с дороги любого, кто захочет ему помешать. Снова я вспомнила генерала Джинну – тот тоже скорее готов был проиграть битву, чем взглянуть в лицо реальности.

Я поклонилась с каменным лицом, сказав, что мы будем внимательно следить за сигналами. С этими словами я покинула комнату, взяв под руку Гэмелена. Трахерн, должно быть, понял, о чем я думаю, и был рад, что я ухожу.

Когда мы поднялись на палубу, я увидела там ходящего взад-вперед Холлу Ий. Он был один на палубе, все конийцы в страхе разбежались, чтобы не встречаться с этим разъяренным медведем. Его лицо прямо-таки почернело от гнева.

Я хотела подойти к нему, но Гэмелен остановил меня.

– Рали, – сказал он тихо, – есть тут поблизости что-нибудь, что отражает свет?

Я было подумала, что он сошел с ума.

– Да все почти. Адмирал Трахерн считает, что, если что-то может двигаться, оно должно отдавать честь, а если не может – должно быть отполировано.

– Подведи меня к чему-нибудь такому. Лучше, чтоб это был металл.

В трех футах от нас висел бронзовый щит. Я подвела мага к нему.

– Вытащи свой кинжал, – приказал он, – и кольни палец.

– Гэмелен...

– Рали, делай, как говорят!

Как тут было не вспомнить, что он командовал всеми воскресителями Орииссы! Я подчинилась. Он сказал:

– Смажь кровью край этой штуки. Только край, чтобы пятно не было видно. Смотри, чтобы никто этого не заметил.

Я сделала, как он велел. Немногие конийцы, оставшиеся на палубе, смотрели только на Холлу Ий. Я коснулась пальцем края щита.

– Теперь забирай Холлу Ий и пошли отсюда.

– Объясните, в чем дело?

– После.

Холла Ий сидел на задней банке лодки. Он все еще не успокоился. Мы подплыли к его галере, и я зашла вместе с ним в его каюту. Он начал наливать себе вино в бокал, потом резко повернулся ко мне:

– Ну? – вот и все, что он смог сказать. Я рассказала ему, что произошло после его ухода. План Трахерна был идиотским. Сарзана не мог не ожидать нас. Он будет только рад, когда конийцы приплывут к нему. Видимо, кроме небольшого численного преимущества, у него заготовлено что-то еще.

– Конечно! – согласился Холла Ий. – То же самое я и хотел сказать этому пережившему свои мозги старикашке. Ну ладно. Что дальше?

Я сказала, что у нас должна быть одна цель в битве.

– Архонт, – мрачно произнес Холла Ий. – Если только вас, капитан, не провели какими-нибудь хитрыми чарами, он сейчас с Сарзаной.

– Правильно. Как только он погибнет или хотя бы будет взят в плен, война закончится. Так?

– Так.

Я продолжала. Я сказала, что не хочу, чтобы стражницы и матросы Холлы Ий были принесены в жертву интересам конийцев. Эта битва, даже если Сарзана не приготовил никаких неприятных сюрпризов, обещает быть очень кровавой. Холла Ий, естественно, хочет вернуться в Орииссу или остаться здесь, в Конии, со своим флотом, а не лежать с этим флотом на дне морском.

– Верно.

– Поэтому адмирал Трахерн может называть нас хоть резервом, хоть розовыми львами, у нас есть наша цель – мы должны покончить с Сарзаной. Если это нам удастся, победителей не судят.

– Правильно. Да еще у вас есть эта пташка-принцесса, она замолвит за нас словечко, когда мы вернемся в Конию.

– Верно.

Я предложила вот что: мы дадим трем конийским отрядам ввязаться в бой. Я приготовлю заклинание, чтобы вернее найти Сарзану. Когда мы узнаем, на каком он корабле, мы нападём на него, не связываясь с другими судами.

– В сумятице битвы, – Холла Ий заметно повеселел, – такой план, если смело держаться его, имеет все шансы на успех. Если мы ударим клином... Когда мы вернемся с головой Сарзаны, а архонт будет в аду навсегда... Да мы сможем переименовать Изольду в честь меня или назовем остров Антеро, если захотим.

Теперь он налил два бокала и церемонно вручил один из них мне.

– Капитан Антеро, – сказал он. – Я считаю, что ваш план не только покроет нас славой, что означает золото, но и поможет большинству из нас выжить. Вы настоящий воин, капитан.

Он хотел сказать что-то еще, но передумал и пригубил вино. Я тоже выпила, думая, что он не сказал: «Неплохо для женщины». Или: «Вам надо было родиться мужчиной».

Впрочем, не важно. Я допила вино и вернулась на свою галеру.

Никто не спал той ночью.

На следующее утро мы вступили в бой.

Глава двадцатая ЗЛОВЕЩИЙ ПОЛУМЕСЯЦ

Корабли Сарзаны ждали нас. Боевой порядок его флота представлял собой полукруг, полностью перегораживающий залив. Яркое светило утреннее солнце, и я видела сверкание оружия на вражеских судах.

Наши галеры с поднятыми веслами мягко покачивались на волнах, а три отряда конийского флота приближались к полумесцу вражеских кораблей. Мы не убрали мачты, так как во время боя нам могла потребоваться большая скорость для маневрирования. Галера Холлы Ий находилась менее чем в тридцати футах от моей. Я с горечью подумала, что мы всего лишь праздные зрители великой битвы, где награда за победу – жизнь. Рядом со мной на мостике стояла Ксиа в новеньких доспехах. На поясе у нее висел меч. Я хотела дать ей телохранительницу, но она наотрез отказалась. Корайс, Полилло, Гэмелен, Страйкер и Дюбан тоже были тут. Гэмелена охраняли две стражницы. Одна из них – Памфилия – научилась буквально заменять Гэмелену глаза, описывая все происходящие события, и ее шепот стал настолько привычным, что без него никто уже не мог представить себе старого мага.

Стекающая вода сверкнула на веслах, когда корабли Сарзаны двинулись навстречу нашим. Ветер, дувший к Тицино, стих и тут же задул в противоположную сторону, повинаясь вражеской магии. Теперь он наполнял паруса неприятельских кораблей. Конийские маги в ответ наложили свои чары, и паруса врага бессильно обвисли. Ветер теперь беспорядочно дул во все стороны. С флагмана Холлы Ий подали сигнал, и мы медленно двинулись вслед за конийским флотом, соблюдая такую дистанцию, чтобы не пропустить сигнала к атаке и в то же время не оказаться втянутыми в бой.

Мне внезапно страстно захотелось отделиться от своего тела и взлететь, чтобы с высоты наблюдать за битвой. К счастью, я спросила разрешения у Гэмелена. Он нахмурился.

– Рали, мне казалось, что ты умнее. Или я плохо тебя учил? Как ты думаешь, что с тобой случится, если тебя заметит архонт? Ведь у тебя не будет ни прикрытия, ни защиты. Женщина, неужели ты хочешь сама сунуть голову в петлю?

В общем, устроил мне головомойку, и поделом. Не знаю, как это случилось, но мне вдруг показалось, что я парю над скалами на западе и вижу все, что происходит внизу. Флот, Сарзаны, как и конийский, был разделен на три боевые группы. Может быть, все в этих морях пользовались такой тактикой? Хотя вряд ли. Мне это показалось зловещим знаком – видимо, Сарзана следил за нами магическим или каким-нибудь другим способом и подготовился к нашей атаке, разделив свои силы, чтобы каждая группа могла действовать против наших отрядов независимо.

Я постаралась заглянуть за строй вражеских судов по направлению к Тицино, и снова зрение мое затуманилось, скрывая то место, где находился резерв Сарзаны. Я подумала, что Сарзана изобрел какое-нибудь новое оружие и до поры прячет его за туманом. И это было второе зловещее знамение того дня. Потом я заметила, и это показалось мне странным, что на скалах совсем нет людей. А ведь обычно жители окрестных городов наблюдают за морской битвой, поддерживая своих воинов, переживая за них. Интересно, что случилось с жителями Тицино? Может быть, если мы победим сегодня и войдем в город, мы обнаружим,

что он пуст, а улицы залиты кровью его обитателей?

– Они дали залп! – крикнул Страйкер.

Я и сама увидела всплески перед наступающими конийскими кораблями.

– Очень хорошо! – с деланной бодростью сказала Полилло. – Они изведут весь боезапас, поражая волны между кораблями.

Я видела, как натягиваются луки катапульт, как в ковши загружаются камни, потом – выстрел, и пустой ковш ударяется о деревянную перекладину. Мне даже казалось, что я слышу звук удара. Еще до нашего отплытия с Изольды я говорила Трахерну, что на его кораблях маловато катапульт, но он ответил, что в этой войне нет места машинам. Победа, мол, будет завоевана кровью и сталью, а не веревками и деревом. На его кораблях и так вполне достаточно катапульт, и он не собирается копировать странные машины, созданные мной.

Видимо, он никогда не слышал поговорки «на войне никогда не бывает слишком много оружия».

У меня по спине побежали мурашки, мне вдруг показалось, что над нами навис неумолимый злой рок. Я была бессильна, я не умела командовать, приносила больше вреда, чем пользы... Но как знакомо это ощущение! В битве около рифа архонт точно так же пытался подавить нашу волю. Разобравшись, в чем дело, я вполне могла бороться с плохими мыслями. Мне сразу стало легче. В этот момент раздались тревожные крики. Проклятье! Я же предупреждала конийских волшебников о чарах, которыми может воспользоваться архонт, и они заверили меня, что придумают мощные защитные заклинания. Видимо, они не потрудились этого сделать или их защита оказалась бессильной. Я вспомнила одну мрачную фреску на стене нашей казармы в Ориссе. Там была изображена убитая стражница, лежащая на поле боя. Под рисунком была надпись: «Опасно недооценивать врага». Конийцы убеждались в этом на собственной шкуре заново. Но как они могли забыть о том, с какой легкостью Сарзана расправился с их лучшими силами?!

Корабли Сарзаны были теперь совсем близко. Начали стрелять катапульты, заряженные стрелами, которые вонзались в борта, пробивали паруса, иногда убивали конийских солдат. С передовых кораблей Сарзаны протянулись языки огня, «огненные пальцы», как я их называю, и зажгли несколько конийских галер. Я пыталась выяснить, с какого корабля наносятся огненные удары – на нем должен быть архонт, – но огонь шел отовсюду. Видимо, архонту удалось усовершенствовать свое оружие.

Недалеко от нас конийский корабль сбился с курса, его весла беспорядочно двигались, как ножки водяного жука, на которого из глубины внезапно бросился окунь. Я видела, как матросы и солдаты отчаянно с кем-то сражаются на борту, но врага не было видно. Потом я разглядела, с кем они бьются. На палубах было полно змей, которые с дикой злобой бросались на людей. Ни одна катапульта не могла забросить такой груз на корабль, видимо, змеи попали на судно магическим путем.

– Сарзана придумал несколько интересных фокусов, – заметил Гэмелен, когда Памфилия рассказала ему, что происходит. – О таком я первый раз слышу.

– Сарзана или архонт, – тихо сказала Корайс.

Полилло вздрогнула, и я машинально схватила ее за руку, не для того, чтобы никто не заметил ее страха, а просто чтобы успокоить. Полилло взяла себя в руки, снова обретя хладнокровие.

– Не забывайте, – сказала я, – что архонты правили Ликантией благодаря не только своей магии, но и искусству полководцев.

Ксиа была немного испугана, что естественно для новичка.

– Что это значит? – спросила она.

Я замялась, подыскивая слова, Страйкер опередил меня:

– Капитан Антеро хочет сказать, что надо расправиться с медведем, прежде чем он встал на дыбы.

Конийские корабли все еще наступали, медленно, упорно, несмотря на ужасные

потери. Я помню, тоже однажды участвовала в подобной атаке. Это была какая-то пограничная стычка, я вела пехоту против лучников. Стрелы густо сыпались с неба, и солдаты шли, втягивая головы в плечи, как будто шел сильный дождь.

– Смотрите! – радостно закричала Ксиа. – Они прорываются!

Она была права. Вражеский центр отступал. На мачте корабля Трахерна взвились сигнальные флаги, но адмирал Базана уже оценил ситуацию и подал собственный сигнал. Его корабли отделились от основной линии флота, уклонившись от столкновения с надвигающимся восточным флангом, пытаясь зайти во фланг флота Сарзаны. Такой смелый удар мог разорвать вражеский флот, и битва была бы закончена еще до полудня.

– Слишком рано, слишком рано! – застонала Полилло. – Надо было убедиться, что отступление – не ловушка.

А это и была ловушка. Когда корабли Базаны выстроились в новую линию, сильный магический ветер задул им во фланг, подгоняя атакующие с боку корабли Сарзаны.

– Дьявол! – выругался Страйкер. – На них нападут с фланга, как они сами хотели напасть!

Угроза нависла не только над нашим восточным крылом. Центр Трахерна тоже потерял строй. Он тоже пытался использовать ошибку врага, которая оказалась притворством.

Корабли сблизилась, и началась настоящая битва. Но развивалась она не так, как задумал Трахерн. Он собирался брать врага на абордаж, но галеры Сарзаны маневрировали, избегая сближения. Они, правда, были довольно неуклюжи, и им часто не удавалось это сделать. Тогда с конийских кораблей забрасывали абордажные крюки, и начинался штурм. Но даже и в этом случае события развивались не по сценарию Трахерна. Конийский корабль немедленно атаковался с тыла другой галерой, которая держалась на некотором расстоянии, чтобы лучники могли метко расстреливать матросов. Так поступают собаки, когда медведь пытается сцапать одну из них, – кусают его за задние ноги.

Над водой разносились вопли, горели корабли, рушились мачты. Флот Сарзаны одерживал победу. Даже абордаж плохо удавался солдатам Трахерна. Я видела блеск рядов копий на вражеских кораблях, прикрепленных к бортам под углом, направленным наружу и вверх. Такой забор мешал абордажу лучше, чем традиционные сети. Конечно, копия мешали и солдатам Сарзаны, но, видимо, в его планы не входил захват конийских кораблей. Архонт снова показал, что разбирается не только в магии.

Мы приблизились слишком близко к месту сражения, и я крикнула Холле Ий, чтобы он отдал приказ об отходе. В случае опасности мы могли поддержать фланг Базаны, если его прорвут, но пока в этом не было необходимости. Мы заняли новую позицию, с корабля Трахерна по-прежнему не было приказа для нас о вступлении в бой. Нам оставалось только ждать. Битва между тем продолжалась. Люди кричали, умирали, заливая кровью палубы, сверкали мечи, повсюду дымно горели корабли.

Некоторые корабли уже тонули, матросы выпрыгивали за борт, отчаянно цеплялись за обломки, молили о помощи. Некоторые заметили наши галеры и пытались доплыть до них, но было слишком, слишком далеко, их головы одна за другой исчезали в волнах. Ветер относил суда, потерявшие управление, от места боя, на палубах некоторых из них еще не затихла схватка, другие были безжизненны. Большая часть таких неуправляемых кораблей принадлежала конийцам. Потом я увидела, что конийские суда разворачиваются – отступают. Некоторые из них были страшно изуродованы – сломанные мачты тащились за ними на уцелевших тросах, другие горели, третьи были невредимыми.

Полилло, машинально до боли сжимая рукоятку топора, ударяла топором по открытой ладони, которая уже покраснела. Ее лицо было искажено бессильным гневом.

– Сопляки, – сплюнул Страйкер. – Перетрусили, еще не начав драться. Полдня еще не прошло.

Я посмотрела на солнце, которое стояло высоко. Я не заметила, как прошло несколько часов. И тут магия Сарзаны приподняла туманную завесу, и его секретное оружие вступило в бой. Это был маленький флот из кораблей, которых я раньше никогда не видела. Они были

немного длиннее наших, ориссианских галер, несколько шире, с одним рядом весел. Станным их делала не их окраска – цвета крови и смерти, – а отсутствие мачт. Они были полностью закрыты сверху железной крышей и поэтому напоминали многоногих черепах. Взять на abordаж такое судно, учитывая закрытую палубу и маневренность, было почти невозможно. В тот момент я бы не очень хотела оказаться на месте конийского капитана, потому что я не представляла, как можно бороться с этими неуязвимыми кораблями. Их было около тридцати, и они клином ударили в промежуток между центром и флангом адмирала Борну.

Страйкер выругался, а Дюбан застонал.

Корайс была спокойна.

– Не понимаю, чем они будут сражаться. Может, Сарзана их специально выпустил, чтобы нас напугать.

Но уже через несколько секунд мы поняли, что «черепахи» смертельно опасны. У них были тараны, но какие-то особые. Первая «черепаха» ударила конийский корабль и отошла назад, словно ничего не случилось. Таран не завяз в теле врага, что бывает очень опасно, когда поврежденный корабль начинает тонуть. Конийское судно, вздрогнуло от удара, потом завалилось набок, когда вода ринулась в трюм. Через несколько секунд конийский корабль утонул. Я решила, что тараны на «черепахах» или снимаются и остаются в корпусе поврежденного корабля, или – что более вероятно – втягиваются назад в корпус после удара. Но у «черепах» было и другое оружие. Одна из них, проплывая мимо конийского корабля, открыла люки в палубе и дала залп из катапультированных стрелами. Дымные траектории прочертили воздух. Матросы Сарзаны, закрыв люк, в безопасности перезарядили катапульты. Конийский корабль загорелся моментально. Видимо, на стрелах была смола или они несли какое-то магическое зажигательное вещество.

Когда палуба конийской галеры полностью оказалась охваченной пламенем, я услышала, как Ксиа подавила испуганный крик. Никто, кроме меня, этого не слышал. Я с гордостью подумала, что для новичка она вела себя лучше, чем многие. Я во время долгого марша к месту своего первого боя узнала, что ожидание схватки убивает храбрость лучше, чем вид самого страшного врага.

Битва была в полном разгаре. За «черепахами» наступало западное крыло флота Сарзаны – больше сотни обыкновенных кораблей. Я не знала, что делать. Конийский флот погибал на глазах. Слева корабли адмирала Базаны отступали, в центре силы Трахерна были окружены, а справа «черепахи» и следовавшее за ними подкрепление атаковали фланг Борну. Когда корабли Борну начали паническое отступление, я поняла, что сделать ничего не могу. Если бы у меня была тысяча стражниц и сотня галер! Правый фланг отступал, используя магический ветер Сарзаны, который гнал нас в открытое море. По пятам за ними гнались «черепахи» и большие галеры Сарзаны.

Остальные конийцы, должно быть, почувствовали, что правый фланг прорван, и дрогнули. Корабли Трахерна и Базаны начали беспорядочное отступление. Не все могли спастись – некоторым не удалось вырваться из котла в центре, и их ждала неминуемая смерть. Я видела, как корабль Базаны отворачивает от мели, а флагман Трахерна на всех парусах, сгибая весла, спасается с места боя. Сволочь! – подумала я. Привел своих людей на бойню и теперь не имеет мужества разделить с ними их судьбу. Может, в прошлом он и был храбрецом, но с возрастом, видимо, вся храбрость исчезла.

Мимо нас проплыл первый корабль, матросы кричали нам, чтобы мы спасались, потому что битва проиграна, и даже мертвецы поднялись со дна, чтобы сражаться против них. Я подумала, что это они от страха, но тут ветер донес до нашей галеры такую трупную вонь с одного из кораблей, что меня чуть не вырвало.

Я поняла, что у нас нет выбора. Холла Ий тоже пришел к этому решению. Через рупор и флагами он отдал приказ отступать и не ввязываться в безнадежную схватку.

Ксиа закричала в бессильной ярости, что он трус, потом резко повернулась ко мне, когда я отдала такой же приказ Страйкеру.

– Не смейте! – безумно кричала она, плача. – Вы не лучше, чем...

– Молчать! – рявкнула я на нее. – Ты хотела быть солдатом? Смотри, как это бывает!

Она замерла на мгновение, потом поняла, что происходит. Ее плечи поникли, и она отвернулась от меня.

Теперь я видела корабли Сарзаны отчетливо, и у меня перехватило дыхание. Конийские моряки были правы. На палубах вражеских судов я увидела существа, которые когда-то были людьми, – гнилые трупы, мумии, засушенные пустынным ветром, вздутые белые утопленники. Некоторые работали с такелажом, другие обслуживали катапульты или терпеливо ждали с луками или копьями, когда можно будет нанести удар. Я вспомнила рассказ моего брата, в котором говорилось о городе живых мертвецов. Город был расположен далеко на востоке, почти на границе Далеких Королевств, правитель города был тоже мертвецом, и Амальрик едва сам там не погиб. Но с ним был Серый Плащ, а со мной его не было.

Запах тлена окружал нас со всех сторон, и даже наши закаленные пираты стали проявлять признаки страха. Все же, несмотря ни на что, они быстро выполняли команды. Мы начали отступать вместе с остальными.

И тут я поняла, откуда взялись эти трупы. Мои способности к магии сослужили мне службу. Поняв, в чем дело, я тут же придумала защитное заклинание. Я приказала Ксиа сбегать в каюту и принести ее косметический набор. Она с удивлением посмотрела на меня, и я заорала, чтобы она пошевеливалась. Она подчинилась. Через несколько секунд Ксиа вернулась с косметичкой и отдала ее мне. Там я нашла флакон духов, откупила его и понюхала. Запах подходил идеально – тяжелый, сильный, основанный на цветах.

Я подбросила флакон в воздух, он полетел, разбрызгивая содержимое. Я начала читать заклинание, слова сами приходили на ум:

Цветок, найди,
Найди своего врага,
Вцепись в него,
Измени его,
Ты сильнее,
Ты на земле
И из земли,
Он пришел из бездны.
Возьми его,
Измени его.

Запах мертвечины исчез.

– Это обманные чары! – закричала я. – Эти трупы на самом деле обыкновенные люди, как вы и я. Это просто магия архонта!

Мои слова или просто то, что я не впала в панику, разрядили обстановку. По крайней мере, люди нашли в себе силы оглянуться. На кораблях Сарзаны по-прежнему были мертвецы.

– Я разрушу и эти чары тоже! Я... – закричала я, но тут же запнулась.

Битва была окончена, но не для всех. Две галеры плыли назад, навстречу кораблям Сарзаны! Мне не нужно было напрягать зрение, чтобы понять, что это корабли Нора. Меня не восхитил этот порыв самоубийственной храбрости. Я видела и знала стражниц, которые, забыв о своих жизнях, бросались в гущу врага, с наслаждением распевая песню смерти. Но на борту этих двух галер было восемь моих женщин, которые вовсе не хотели умирать. Ну что ж, – подумала я. Значит, Нору придется заплатить за это. Потом настанет очередь Сарзаны и архонта.

Эти две галеры были сразу окружены «черепашками», и больше ни в тот день, ни вообще никогда я их не видела. Но у меня не было времени на сожаления. С запада на нас надвигались большие галеры Сарзаны.

– Полилло! – крикнула я, и мой легат бросилась к волнующимся расчетам катапульт, стоящих по обе стороны от фок-мачты. Катапульты были взведены, в обоих желобах – по стреле, соединенные матерчатой сеткой с железной цепью внутри. Цепи были тонкие, но я наложила на них чары прочности.

Прямо на нас шел огромный корабль, его парус раздувался от магического ветра Сарзаны, и я слышала приглушенные радостные крики солдат на его борту. Они думали, что мы попали в ловушку.

Голос Полилло заглушал их вопли:

– Спокойнее... спокойнее... Немного левее... еще чуть-чуть... Стоп!

– Огонь! – выкрикнула я, и катапульты тренькнули, как колокольчики, по которым ударили железным прутком. Катапульты с левого борта промахнулись, но справа стрелы полетели верно. Как и на испытаниях, цепь между ними натянулась и ударила прямо посередине мачты вражеской галеры, срезав ее как бритвой. Парус, обломки мачты, реи посыпались на палубу.

Это был единственный удар, на который у нас хватило времени и который спас нас от окончательного поражения.

Пришло время спасаться, потому что «черепашки» были близко и нам грозила гибель.

Мы подняли все паруса, и гребцы налегли на весла. Я поблагодарила Маранонию за то, что, готовясь к битве, мы не убрали паруса с мачт, как положено. Теперь, когда часть чар архонта разрушена, будет легче справиться с остальным его колдовством. Может быть, тогда удастся остановить бегство конийцев и они будут сражаться.

Я одновременно думала, какие слова и ингредиенты потребуются для колдовства и как дать сигнал Трахерну. Я подошла к борту и взглянула на залив. Мы почти вышли в открытое море. Конийские корабли в беспорядке отступали, каждый сам по себе, не заботясь о других. Удастся колдовство или нет, сегодня сражаться они не будут.

Слишком поздно мне или кому бы то ни было применять магию.

Хорошо еще, что у кораблей Сарзаны не было преимущества в скорости по сравнению с конийцами, иначе они потопили бы их все. Флот Сарзаны поворачивал назад. Волны открытого моря опасно накрывали «черепашки», и они, неприиспособленные к плаванию в плохую погоду, поспешили вернуться в безопасные воды залива. Они выполнили свою задачу. Через несколько минут весь флот Сарзаны повернул назад. Никакой магии не понадобилось. Сарзана разбил наш флот и одержал победу.

Далеко позади я увидела галеру Трахерна. Он бежал один из первых, но кораблем управляли так неловко, что он безнадежно отстал от остального флота. Не успела я хорошенько рассмотреть флагман, как он вспыхнул ярким пламенем и взорвался! Через несколько секунд до нас донесся гул взрыва.

Не успело погаснуть пламя, как в небе над погибающим кораблем пронесся призрак.

Это был архонт, я видела его лишь мгновение; оскалив зубы, он вылетел, радуясь победе. А потом небо опустело, и мы остались наедине с горечью поражения и скорбью по убитым.

Глава двадцать первая КУКЛОВОД В КРУГЛОЙ БАШНЕ

Только в сумерках конийские корабли замедлили свой бег. Это было не первое паническое отступление, которое я видела, и, думаю, не последнее. Только пораженные страхом солдаты могут бежать так далеко и так быстро. Они останавливаются, только когда падают от усталости, а враг остался далеко позади, или если встречаются с чем-то более страшным, от чего они бежали с поля битвы, где грохочут барабаны победителя.

То же происходило с конийским флотом. Мы были в открытом море, далеко от

Изольды. С каждой пройденной милей опасность попасть в шторм увеличивалась. Кроме того, часть матросов видела, что корабли Сарзаны повернули назад и прекратили преследование. Вокруг уцелевших командирских кораблей стали формироваться небольшие отряды.

Сарзана совершил большую ошибку. Ему нужно было преследовать нас по крайней мере до темноты, чтобы конийцы с наступлением ночи были уверены, что демоны сидят у них на хвосте.

Думаю, тут есть два объяснения. Первое – Сарзана одержал большую победу и ему лень было добивать нас поодиночке. Такова беда многих правителей – они обращают свою энергию на великие цели и игнорируют малые. Кстати, поэтому, если идет война между гениальным генералом и подлыми бандитами, будет разумно поставить на бандитов. И второе – архонт найдет на нас страшную бурю, которая потопит большинство кораблей, так что до дома с вестью о поражении доберутся немногие. Я чувствовала магические флюиды в воздухе, когда мы только отплывали от Тицино вслед за убегающим конийским флотом, подавая им сигналы, которые они игнорировали. К тому времени, когда корабли спустили паруса, все признаки надвигающейся бури были налицо. Холодный ветер дул со стороны Тицино, срывая с волн пену. Барометр падал.

Через несколько часов нам придется бороться с бушующим морем, но пока надо было решить более важную проблему.

Мы приблизились к галере Базаны, которая стала флагманом остатков флота, и просигналили ему, чтобы он пригласил на совещание капитанов всех кораблей, а не только командиров подразделений. Я подумала, что на флагмане места более чем достаточно, так как уцелело менее половины всего флота. Я стала ждать, раздумывая, как поступить, если моим приказам адмирал не подчинится, но потом с облегчением увидела сигнальные флаги на мачте, а потом со сгущением темноты – мигание сигнальных огней. Ближние корабли повторили команду, и к флагману направились капитанские катера.

Я отдала приказ на ближайшую галеру Нора, что он не должен присутствовать на капитанском совещании, а явиться ко мне на галеру, после моего возвращения. Я хотела дать время «сломанным людям» подумать о нарушенной клятве. Потом я сказала Корайс, Ксиа и Гэмелену, что хочу, чтобы они отправились на совещание вместе со мной. Ксиа я приказала надеть доспехи. Она удивилась, но я сказала, что скоро ей все будет ясно.

Полилло я оставила своим заместителем: во-первых, потому, что я хотела, чтобы у меня было сильное прикрытие, а во-вторых, то, что я задумала осуществить, ей мало подходило. Мой легат была по натуре чересчур честной и болезненно переносила несправедливость. В тот момент я была уверена, что нам потребуется применение весьма жестких мер. Я не хотела, чтобы Полилло в этом участвовала.

Сначала я послала на флагман сержанта Исмет с десятью тяжело вооруженными стражниками, корабельным плотником и его помощниками, двумя матросами и некоторым оборудованием. Вслед за ними мы вчетвером отплыли на другой лодке и направились к галере Холлы Ий. Я объяснила ему, что собираюсь предпринять на конференции и что это – единственный наш шанс спастись.

У меня было довольно времени для разработки плана, пока мы бежали с места боя вслед за конийцами. К моему удивлению, Холла Ий слушал внимательно, а потом ворчливо признал, что я права и разработанная мной стратегия верна. Мне кажется, ему не давала покоя мысль, что план придумал не он и не он будет возглавлять операцию. Все-таки пока он был моим союзником. Я не строила иллюзий – рассчитывать на пирата на более длительное время было опасно.

Когда мы подгребли к кораблю Базаны, мой гнев несколько поутих. Он не бежал при первом же выстреле врага. Его галера была серьезно повреждена боевыми машинами Сарзаны. Крыши палубных надстроек и часть борта были снесены. Главная рубка потемнела от гари, подожженная стрелами катапульт, половина весел была сломана. Мачта покосилась, две подпорки были начисто снесены. По палубе сновали матросы, спешно заделывая

повреждения. Они старались не смотреть на ряд прикрытых парусиной трупов на корме, ожидающих погребения.

Мы взошли на борт, капитан галеры отдал нам честь. Я холодно посмотрела на него.

– Я принимаю почести, – громко сказала я, чтобы слышали все, – от солдат, а не от трусов, которые бежали от врага.

Он покраснел и отвел глаза. Это был хороший знак: если бы он разъярился или потянулся к оружию, я была бы уверена, что конийцы и в самом деле трусы.

Я приказала Холле Ий и остальным ждать на палубе, а корабельному плотнику и его помощникам приступить к делу. Капитан галеры повел меня к адмиралу. Он был внизу, в каюте, роскошью почти не уступавшей покоям Трахерна. Он стоял спиной к двери и смотрел через круглый иллюминатор на корму, где лежали погибшие. Не поворачиваясь, он сказал:

– Я идиот.

– Верно, – согласилась я. – И даже хуже. Вы трусили.

Он обернулся.

– Сначала я позволил втянуть себя в эту авантюру, а потом при атаке не мог управлять своими кораблями. – Я молча смотрела на него. – Клянусь, я не трусил. Я видел сигналы с корабля Трахерна, приказывающие мне отступить.

Я все так же молчала, и он поник плечами.

– Вы вряд ли поверите мне. Я прошу только возможности самому заплатить за свою ошибку.

– Как вы это сделаете?

– Отправляюсь на небо. – Его пальцы сомкнулись на рукоятке кортика. – Я хотел сделать это раньше, но капитан Ойрот меня остановил. Он сказал... Впрочем, не важно, что он сказал.

– Однажды вы уже бежали, – презрение стекало с моих слов, как кровь с меча, – вы еще раз хотите бежать? Где ваше самолюбие? – Краска бросилась ему в лицо. – Вы можете убить себя, навесить на себя медали или воткнуть мачту себе в задний проход, но только после того, как выполните мои приказания. Понятно?

Когда честь солдата потеряна, он становится мягким, как размоченная глина. Фокус тут был в том, чтобы не стыдить его дальше, он не должен был быть окончательно унижен. Этого я не хотела.

– Вот что мы будем делать теперь... – И я подробно объяснила ему его задачу.

Через час на флагмане собрались все капитаны. Всего их было сто семьдесят четыре, поэтому они стояли не только на фордеке, но и в проходах вдоль бортов. Среди них был адмирал Борну, который был цел и невредим, как и его корабль. В отличие от Базаны, он не проявлял никаких признаков раскаяния. Я решила, что он должен стоять на палубе вместе с простыми капитанами. Разговоров в толпе почти не было – все были не в лучшем настроении. Кроме того, они внимательно разглядывали конструкцию, сооруженную моими плотниками. Она стояла на возвышении.

Я стояла на трапе, который вел к главной рубке верхней палубы. Рядом со мной были Холла Ий, Корайс, Ксиа, Гэмелен и Базана. За нами стояли стражницы.

Мы молча вышли из полуразрушенной рубки и остановились в ожидании. Нас не сразу заметили, а когда заметили, гул разговора постепенно утих. Молчание тянулось и тянулось, пока не стало невыносимым. Только усиливающийся ветер жалобно скрипел в вантах и волны били в борт галеры.

– Сегодня Сарзана победил нас, – сказала я. – И мы бежали от него, как стайка сельдей бежит от акулы. Можем ли мы вернуться в Конию с таким позором? Что мы расскажем родным? Какими трусами мы были? И посоветуем им подготовиться к ужасному приходу Сарзаны?

– А что еще? – раздался голос из задних рядов. Послышался одобрительный гул. Я снова дождалась тишины.

– Что еще? Мы вернемся в Тицино! Война не закончена.

– Когда? – задал вопрос офицер в переднем ряду. Я его не знала. – Когда придут подкрепления из Конии? Через месяц? Через два?

– Мы вернемся в Тицино завтра. Завтра ночью, – сказала я.

– Это невозможно! – воскликнул Базана.

– Нет ничего невозможного, – ответила я.

– Черт бы вас побрал! – сказал он и закричал, обращаясь к капитанам: – Мы потерпели тяжелое поражение. Нас победили магией и силой оружия. Мы не можем больше сражаться. Нас слишком мало. Вся проклятая война с самого начала обречена на поражение! Вообще не надо было ее начинать. Нужно было дать Сарзане подойти к Изольде и разбить его там, на родной земле, в наших морях!

Одобрительные крики.

– А может, лучше, – ехидно сказала я, – просто сдаться без всяких сражений?

Ответом мне было мертвое молчание.

– Может быть, удастся заключить какое-нибудь соглашение с ним, – нерешительно сказал Борну. – Мы могли бы предложить ему...

– Что предложить? – перебила я. – Ваших дочерей? Жен? Золото? Честь свою вы не можете предложить, потому что, судя по вашим словам, у вас ее нет.

Борну вцепился в рукоятку меча. Я услышала шорох за спиной. Это Локрис или другая лучница доставала стрелу из колчана. Я спустилась на одну ступеньку ниже.

– Ах, адмирал, вы только сейчас потянулись за мечом. Это хорошо, а то он ржавел в ножнах целый день.

– Это безумие, – сказал он, убирая руку с оружия.

– Да ну? Послушайте, вы все. Прислушайтесь к ветру. Разве он не усиливается с каждым часом? Вы что, думаете Сарзана и его союзник-архонт отпустили нас? Теперь, когда они выгнали нас в открытое море, с ослабленной волей, с сердцами, наполненными страхом, неужели они не воспользуются моментом, чтобы нанести окончательный удар? Думаете, они позволят вам вернуться домой, чтобы восстановить силы и снова напасть на них? Если вы в это верите – это и есть безумие!

Впрочем, не важно, что вы думаете. Вы – воины. Вы поклялись защищать Конию до последней капли крови. Те из вас, которые сдержали клятву и не потеряли своей чести, лежат на корме, зашитые в парусиновые мешки, с монетами во рту и чугуном, прикованным к ногам.

А остальные? Что вы сами о себе думаете? Сколькие из вас бежали, не выпустив ни одной стрелы, не метнув ни одного копья? Теперь вы должны выполнять мои приказы! Мы снова нападём на Сарзану. И на этот раз уничтожим его!

– Выполнять ваши приказы? Приказы женщины! Чужестранки! – с насмешкой выкрикнул Борну.

Я обернулась к Ксиа. Она вышла вперед.

– Я принцесса Ксиа Канара. Мой отец – член Совета очищения. Я говорю от его имени. Кто из вас не согласен с этим?

– Вы еще ребенок, принцесса, – ответил Борну. – Я не приносил вам клятвы.

– Но вы будете подчиняться мне. И я приказываю вам беспрекословно выполнять приказы капитана Антеро, которая лучше всех знает врага. Это признал даже Совет. Нам всем должно быть стыдно, что с самого начала ей не доверили командование экспедицией.

На меня это произвело впечатление – я проинструктировала Ксиа, что говорить, но последнюю фразу она включила в свою речь сама.

Борну хотел что-то сказать, но тут вперед выступил адмирал Базана.

– Адмирал, послушайте, обе женщины правы. Сегодня – несчастливый день, но мы должны отомстить. Я знаю, что не выше вас по званию, но вы должны подчиняться принцессе и капитану Антеро.

– Я адмирал Непеан Борну, и мой род сотни лет служил Конии. У меня тоже есть долг. И мой долг – в целостности отвести в Конию оставшиеся корабли, где они будут участвовать в

последней, самой важной битве. Чтобы я подчинялся вам, младшему по званию, чужестранке-волшебнице, которая освободила Сарзану и, может быть, сама сотрудничает с ним? Или я должен слушаться эту девчонку, которой чужестранка вскружила голову? Нет! Я отказываюсь.

– Я приказываю вам еще раз, адмирал. – Голос Ксиа был суров и повелителен не по годам.

– У меня есть долг, который для меня превыше всего.

– Принцесса, – сказала я, – я тоже клялась вашему Совету уничтожить Сарзану. Должна заявить, что слова этого человека – измена.

В толпе офицеров нарастал ропот. Несколько голов повернулись в сторону моей конструкции.

– Это не просто измена, это тягчайшее преступление, потому что он выступил против Совета очищения.

– Это измена, и он будет наказан, – заявила Ксиа.

Борну дико огляделся по сторонам. До того, как он успел опомниться или позвать кого-нибудь на помощь, я крикнула:

– Сержант Исмет!

Мои женщины с обнаженными мечами строем сошли по трапу, выставив вперед копья. Лучницы приготовились стрелять. Исмет и Дацис схватили Борну за руки, прежде чем он успел выхватить меч. На палубе среди офицеров раздались крики, кое-где засверкали мечи.

– Сержант! Повесить его!

Борну вскрикнул и принялся вырываться, но неудачно. Его мгновенно втащили по трапу на площадку к рубке, где стояло мое зловещее сооружение. Это была виселица, построенная на нашей галере. Мои плотники перевезли ее на флагман и установили. Предателя поставили на подножку. Веревка обвила шею Борну, ее перекинули через перекладину, свободная ее часть провисла до колен адмирала, ее подтянули, узел затянули у него за левым ухом.

Я оглянулась на принцессу. Ее губы были крепко сжаты.

– Казнить предателя, – твердо сказала она.

Сержант Исмет выбила подножку у Борну из-под ног, и он повис. Между завываниями ветра я услышала, как трещит его шея. Тело начало дергаться, потом бессильно обвисло и больше не шевелилось.

– Адмирал Борну умер позорной смертью предателя, – сказала я. – Любого, кто не подчинится мне, ждет та же участь. Вы будете подчиняться мне, – я повысила голос, – или, клянусь небом, я уничтожу всех, кто стоит на пути, даже если придется идти в бой с мертвецами на каждой рее.

Я не дала им времени прийти в себя.

– Теперь я хочу, чтобы все командиры подразделений прошли в каюту адмирала Базаны. Я отдам вам распоряжения, которые вы передадите остальным.

Больше я ничего не сказала, повернулась и пошла в каюту. Говорила я смело, но на самом деле внутри у меня все переворачивалось. Меня тошнило. Я не раз встречалась со страхом и паникой, но не в таких масштабах. Я раньше действовала во имя закона и даже участвовала в казни одной стражницы, которая оказалась убийцей и опозорила нас перед всем городом. Ее принесли в жертву в Каменном поцелуе, чтобы искупить грех. Но я никогда не видела такого повешения – без суда, защиты, апелляций.

Но это случилось, и это был единственный выход. В битве нет места колебаниям, и любое проявление слабости должно беспощадно уничтожаться, отсекается, как пораженная гноем конечность, – или погибают все.

Я замечаю, писец слишком прилежно пишет и не поднимает глаз. Вот еще одна часть войны, о которой не рассказывают те, кто хочет забыть, что война – это смерть, а не боевые песни, знамена, парады и сверкание оружия на летнем солнце. Помни, что я сказала, писец, расскажи об этом своим сыновьям и дочерям, прежде чем они попадут в лапы вербовщика.

Я так же сурово говорила с командирами подразделений, отдала приказание, упомянув о шторме, грозящем нам. Капитан Ойрот подтвердил, что штормы в этих водах в это время года – неслыханное дело.

Теперь, когда тела Борну не было видно, у офицеров появилось время подумать. С неохотой они согласились, что Сарзана попытается прикончить нас с помощью магии и шансов спастись у нас так же мало, как если бы за нами гнался весь его флот.

– Хотя, в принципе, мы можем разделиться, – сказал один из них, – и плыть домой поодиночке, пусть этот негодяй гоняется за всеми нами раздельно.

Пока никто не успел обдумать это предложение, я предложила свой план. Завтра я пошлю на корабли своих представителей со схемой боя. Днем мы отправимся обратно в Тицино, проплывем мимо портовых городов в полной тьме и около полуночи тихо приблизимся к стоящим на якоре кораблям у пристани Тицино.

– Ночная атака? – хмуро сказал один офицер. – Наши люди не привыкли сражаться ночью.

– А люди Сарзаны привыкли?

Офицер криво улыбнулся и покачал головой.

– Преимущество всегда на стороне того, кто наносит удар первым, – сказала я. – Разве это не так? Разве удача не улыбнется храброму?

– А как насчет магии? – спросил другой. – Мои ребята держались до тех пор, пока не увидели этих проклятых мертвяков на их кораблях и эти страшные крытые суда.

Я сказала, что при внезапном нападении ни «черепахи», ни магия Сарзаны не будут опасными. Нам же будет помогать ориссианская магия, которая разобьет все их чары, как лед на луже.

Я также приказала им растолковать всем остальным офицерам план, насколько возможно починить корабли, накормить матросов и дать им отдохнуть. На рассвете следует попытаться заново собрать боевые отряды.

Это все было важно, кроме того, я хотела, чтобы конийцы были заняты до утра и у трусости не было времени снова прокрасться в их сердца. Я сказала им, что ориссианские галеры будут плавать вокруг флота, чтобы никто не попытался сбежать.

– Я не буду даже пытаться остановить такой корабль, – сказала я, – а просто-напросто потоплю его, отправив команду непохороненной к морским демонам, чтобы души трусов никогда не знали покоя.

Потом я всех отпустила.

Конийцы подзывали свои лодки, которые дрейфовали на некотором расстоянии от корабля Базаны, и один за другим исчезали в темноте. Многие поглядывали через плечо на болтающийся труп адмирала Борну.

Я подождала, пока все уплывут, потом принялась спускаться в нашу шлюпку. Адмирал Базана попросил меня уделить ему минуту наедине. Я отошла с ним в сторону.

– Они будут подчиняться, – твердо сказал он, – и я тоже.

Я пристально посмотрела на него и пошла к трапу, ничего не сказав.

Я знала, что никому из нас, и особенно мне, не придется отдыхать той ночью. Это была уже вторая моя бессонная ночь, поэтому я решила поспать час или два днем, чтобы освежиться перед битвой.

На некоторое время из военачальника мне предстояло стать воскресителем. Нужно было предотвратить надвигающийся шторм, который настигнет нас, вероятнее всего, ночью. Но тут начались сюрпризы.

– Ты не можешь просто наложить чары, – заявил Гэмелен.

– Почему? Он, конечно, сильный волшебник, сильнее, чем мы, но...

– Ты не понимаешь? – В голосе Гэмелена было удивление.

– Что не понимаю?

– Я думал, что ты все знаешь и поэтому решила напасть на них снова. Архонт считает, что ты мертва.

– Что? Как? – Я была так же поражена, как, помню, однажды, когда мой командир сказала мне, что не проверенная мной ночью стражница, стоявшая на часах, позволила двум виноторговцам проникнуть в винный подвал, после чего они поделились с ней добычей.

– Ты все еще продолжаешь оставаться всего лишь путешественницей, – вздохнул он. – Помнишь, я приказал тебе мазнуть твоей кровью что-нибудь блестящее на корабле Трахерна? Я прочитал тогда короткое заклинание, понадеявшись, что часть моих сил вернулась. Это заклинание такое простое, что даже начинающий воскреситель может им пользоваться, особенно если наблюдатель далеко.

– А! Так бронза должна была отражать... меня?

– Конечно! И, когда архонт рыскал вокруг в суматохе боя, моя магия, дым помешали ему все хорошенько рассмотреть, и ему показалось, что он видит тебя на борту корабля Трахерна. Ты же не думаешь, что он хотел уничтожить этого никчемного адмиралишку? Почему бы ему трудиться и использовать такое мощное колдовство, что несчастная посуда разлетелась на куски, как дыня, сброшенная с башни? В тебя он метил и теперь думает, что попал и ты мертва. Честно говоря, я думаю, что поэтому и погони нет, и шторм все откладывается. Сарзана, может, и мечтает потопить этот флот, но архонту все равно. Он знает, что может уничтожить Конию, когда захочет, раз ты мертва.

Кажется, теперь разрешается еще одна загадка. Помнишь, мы не могли понять, почему Сарзана позволил конийцам узнать, кто освободил его с острова, вместо того чтобы убеждать всех в том, что это он сотворил великое чудо?

Это была не его идея, а архонта. Архонт с помощью магии разнес по Конии слух, и все знали, что ориссиане освободили Сарзану, хотя и не могут теперь вспомнить, откуда они это знают.

Он умен и, в отличие от жестоких негодяев вроде Нису Симеона и Равелина, позволяет другим таскать для него каштаны из огня.

– Он поступает так, словно я – великая волшебница вроде вас, Гэмелен, и за мной стоит вся гильдия воскресителей. Значит, он трус. Или дурак.

– Не суди опрометчиво, Рали. Встань на его место. Если бы ты и твой брат были в союзе с величайшими магами востока, а все ваши планы были бы разрушены кем-то по имени Антеро, а потом твой родной брат убит этой самой Антеро, которая, выходит, весьма могущественна, что ты предпримешь? Ему вполне ясно, что у тебя необычайные, но еще не развившиеся способности.

Я помолчала, раздумывая, потом выбросила грустные мысли из головы.

– Забудем это, воскреситель, нам нужно еще придумать заклинание. Надо сделать так, чтобы он считал меня мертвой. Мне не хочется, чтобы этот подонок снова пугал меня своим сверлящим взглядом.

Через час заклинание было готово – простое и мощное. Оно не противодействовало буре, а растягивало ее во времени. Шторм начнется, но достигнет полной силы только через два дня. Мы решили, что так архонт не почувствует никакого противодействия, особенно если Гэмелен был прав и он не очень интересуется остатками флота.

Второе заклинание было более рискованным и могло выдать архонту, что я жива. Но игра стоила свеч. Я взяла несколько капель ртути из коробочки компаса, в которой плавала стрелка. С ртутью и мазью для летания я сидела одна в каюте Гэмелена. Я засветила свечу, сожгла на ней несколько высушенных трав, побрызгала ароматическим маслом из набора Гэмелена и глубоко вдохнула дым. Потом поставила возле свечи стальное зеркало и полностью сконцентрировалась на отражении свечи. Расстояние должно помешать архонту обнаружить меня, как я надеялась. Но в тот момент я не думала об архонте, не думала о Сарзане, я стала пламенем, всего лишь пламенем, и ничем другим.

Огонь, огонь,
Простой огонь,

Больше нет ничего,
Больше нет ничего,
Ты один на свете,
Тебе никто больше не нужен,
Ты – время,
Ты – огонь.

Существо по имени Рали Антеро исчезло, его не было, остался только небольшой огонек, освещающий темноту. Огонек съел фитиль, пропитанный маслом, и вспыхнул, и стал чем-то новым, и обнаружил, что может лететь над водой и над землей – своими самыми страшными врагами. Он увидел свое отражение в капле ртути и вспомнил слова, которые знал, когда был человеком:

Теперь ты изменился,
Теперь ты – его брат,
Огонь ищет,
Огонь найдет.

В следующее мгновение я превратилась в каплю ртути и потянулась к своему брату. И я нашла его, и в моей душе был лед, а вокруг меня кольцами собиралась холодная темнота. И в то же время я оставалась огнем, я была одна, я была свечой, я летела прочь от корабля, и капля ртути привела меня к большой чаше с этим металлом, которая стояла на столе Сарзаны. Там я могла найти его.

На этот раз мы не поплывем слепо в битву. Но схватка будет жестокой – Сарзана спрятался в самом безопасном месте Тицино. Потребуется много крови, чтобы выкурить его.

Ночь почти прошла. Последний час перед рассветом я провела, рисуя точную карту Тицино и наших целей. Потом я разрежала ее на две сотни кусков, произнесла простое размножающее заклинание, и мой стол сломался под весом двух сотен карт. Больше делать мне было нечего, поэтому я передала командование Корайс, а сама уснула мертвым сном.

Проснувшись, я приказала натянуть ширму на четвердеке и приняла душ, обливая себя морской водой из ведер, которые наполняла для меня стражница. Мне хотелось не этого. Мне хотелось лежать и отмокать в ванной размером с целую палубу – такие были на нашей семейной вилле, – чтобы вода была горячей как из гейзера, мягкой как поцелуй, насыщена самыми дорогими маслами и солями. Я позволила себе минутку помечтать. Ванна, а потом долгий массаж. И массажисткой чтобы была Ксия, хотя непонятно, как она попадет в ОриССу, но это не важно, потому что мы обе будем обнажены и она будет медленно втирать масло в мою кожу, ее соски затвердеют, когда коснутся моей спины, и потом...

...Потом Корайс попросила у меня прощения и сказала, что с галеры Нора получен сигнал. Я отложила мечты о том, что будет дальше – хорошо подобранная еда, шелковая постель с нежным переплетением тел, а потом долгие часы спокойного сна и запах любви, и забыть о проклятой войне, магах, приказах.

Я велела проигнорировать его сигнал и приказать ему явиться на нашу галеру немедленно. Я тщательно вытерлась, кожа начала зудеть от соли, но мне пришлось все-таки надеть доспехи.

Я приказала всем, кроме дежурного офицера и рулевого, уйти с палубы, и отправила за Норм двух вооруженных стражниц. Я еще не решила, что я ему скажу, – он был суровым человеком, не чета Базане и его капитанам. Он знал, что его офицеры нарушили клятву, когда покинули строй, и напоминать ему об этом не было нужды. Я просто сообщила ему, что в следующей битве ни он, ни его люди участвовать не будут, поэтому его не пригласили

на совет. Он заметно вздрогнул, потом сказал сквозь зубы, что мне не удастся остановить его.

Я ответила, что не колеблясь прикажу трем кораблям Базаны атаковать три его галеры. Конийцы боялись и ненавидели «сломанных людей». Кроме того, конийские солдаты и матросы будут рады показать, что они все-таки настоящие воины, поэтому будут яростно сражаться.

Он ничего не ответил, и говорить-то ему было нечего – он знал, что я права. Вздохнув, он сказал:

– Может быть, вы измените ваши приказания? Я не прошу прощения за то, что сделали Яанно и Насби, но они нарушили нашу общую клятву. Я не могу надеяться, что вы мне поверите, но этого больше не произойдет. Все мои люди видели, как погибли их братья, не успев причинить ни малейшего вреда Сарзане.

Теперь я знала, что делать. Я сказала ему, что у него есть только один выбор, только одна возможность участвовать в битве и отомстить. И я сказала ему, что он должен для этого сделать. Он начал было спорить, но тут же понял, что спор бесполезен, своего мнения я не изменю, а они все-таки получают ту возможность, о которой мечтали, – сражаться.

Поэтому он согласился, правда неохотно. Я дала ему два часа, чтобы его люди приготовились пересечь на большие поврежденные галеры к тому времени, как на воду спустят лодки.

Так и было сделано. Его людей перевезли на другие, полуразрушенные корабли и взяли их на буксир, предварительно сняв с них каменный балласт, который можно было использовать в качестве зарядов для катапульта.

Наш флот взял курс на Тицино. Мы продвигались медленно из-за буксируемых галер, которые в нормальных обстоятельствах проще было бы пустить ко дну, но я намеревалась использовать их – как и людей Нора – на самом остром атаки.

По ходу дела между плывущими кораблями сновали шлюпки, перевозя доски на поврежденные корабли, людей, припасы туда, где они требовались.

Я была занята. Я сказала Базане, что мне нужны пять кораблей с самыми храбрыми матросами. Он подумал минуту и сказал, что я могу взять эскадру капитана Йезо. Экипаж этой эскадры – сплошь уроженцы островов, полностью разграбленных Сарзаной, а семью самого Йезо Сарзана казнил много лет назад, еще в годы своего первого правления.

Я слишком много слышала разговоров о храбрости этих людей, но видела ее мало, поэтому сказала Базане, что прежде посмотрю на эту эскадру сама. Я посетила каждый корабль капитана Йезо. В тот момент я не очень доброжелательно относилась ко всем конийцам, но мне показалось, что эти парни-добровольцы подходят, хотя, конечно, судить можно было только после битвы. Хорошо бы иметь батальон стражниц или хотя бы разместить на каждом корабле по небольшому отряду для моральной поддержки, но такой возможности не было.

Я удостоверилась, что каждый матрос знает, что должен делать, и понимает, что скорее всего никто из них не увидит следующего дня. Никто не отступил. Люди Нора на больших галерах составят острый таран, а эти ребята окончательно распахнут дверь для всего флота.

Я вызвала к себе самого искусного плотника и дала ему инструкции. Кстати, это был убийца Сайт, земляк Фина. Я начала объяснять, почему я хочу того, чего я хочу, но он уже и так это знал.

– Этот сын чумной шлюхи наслал на нас свою магию, – сказал он. – Будет только справедливо, если она обернется против него.

Он взвесил в руке кусок мягкого дерева, потом пробормотал что-то неразборчивое и приступил к работе.

Позже у себя в каюте Гэмелен попробовал использовать свои возвращающиеся способности. Я помню, с каким удовольствием он простер руки надо мной, нахмурил брови и прочитал заклинание:

Отвернись,
Отвернись,
Твои глаза устали,
Тут нечего видеть.

Потом он коснулся моей головы и плеч веткой лиственницы и вздохнул.

– Если ко мне вернулись способности и если я хорошо помню это детское заклинание, ты получила некоторую защиту от архонта, по крайней мере от его чар.

Он сам улыбнулся своей шутке, а я засмеялась, не столько от его слов, сколько от радости, что Гэмелен становится прежним, таким, каким был до Конии. Хорошо бы его способности вернулись поскорее, иначе он снова может впасть в депрессию.

Его улыбка исчезла, и он спросил тревожно:

– Что ты ощущаешь, Ради?

Его заклинание было совсем простое, но я подумала, что оно очень толково составлено. Он внес небольшие изменения в чары архонта, которыми тот скрыл в тумане «черепах», и теперь новое колдовство требовало гораздо меньше материалов и энергии. Оно делалось невидимым только для магического зрения, что еще больше упростило его. Если воскреситель будет смотреть в то место, где нахожусь я, его глаза станут болеть и их будет щипать, словно в них попала вода. Гэмелен, когда придумывал заклинание, побрызгал водой в глаза Памфилии. Волшебнику будет легче и приятнее смотреть куда-нибудь в другую сторону, и он быстро забудет про боль в глазах.

– Как я могу сказать? Я не очень хорошо умею видеть. Может быть, найти архонта и спросить его? – развеселилась я.

– Ну, ну, чары должны работать. Кстати, не перепишешь ли завещание на меня, на тот случай, если это не так?

Мы расхохотались и приступили к следующему этапу. Я спросила, на что был бы похож мир, где совсем бы не было магии.

– Это невозможно, – фыркнул Гэмелен. – Легче вообразить мир без воды или без воздуха.

Следующая моя мысль была не менее странной.

– Большая часть боевой магии не работает или работает плохо в неразберихе защитных заклинаний с обеих сторон. Что, если идти в битву без всякой магии?

– Ты никогда не нагревала пустой винный бочонок на огне, а потом, прежде чем он остынет, не затыкала его пробкой?

– Я сделала так однажды, бочонок взорвался, и отец отправил меня в мою комнату, оставив без обеда. Амальрику больше повезло, он потом рассказывал, что пробку втянуло в бочонок с громким звуком.

– Именно это и произойдет, если начнешь битву без воскресителей и без их магии, хоть она и кажется неэффективной. Огонь забирает что-то из бочонка, и образующаяся пустота втягивает пробку. Так и вражеская магия будет притянута пустотой – отсутствием защиты, и твои войска уподобятся стае миног, на которых накинута сеть.

– Значит, будут заклинания, и контрзаклинания, и контрконтрзаклинания, и...

– Рали, нам надо работать.

И мы начали работать. Но я все раздумывала, на что будет похож мир без магии. Война была бы гораздо проще, если бы приходилось рассчитывать только на ум, мышцы и меч. В таком мире, наверное, не было бы армий, они оказались бы не нужны, а мужчины и женщины решали бы споры, как наши первобытные предки, – в простом бою один на один.

Когда мы все подготовили, мы пригласили оставшихся в живых конийских магов на свою галеру. Их осталось всего четверо – остальные погибли при взрыве галеры адмирала Трахерна. Мы получили четырех подмастерьев, потому что конийцы в магии здорово

отстали от Ориссы. Мы отыскивали четыре не открытых еще мешка с ветром и наложили на них чары, чтобы ветер из них не только был попутным, но и управляемым и чтобы его направление и силу можно было контролировать.

Для этого я предложила положить у горловины каждого мешка по маленькому шлюпочному компасу. Заклинание произносили конийцы, а я закрутила стрелки пальцем, придав им быстрое вращение. Один из конийцев сказал, что в результате ветер будет дуть во всех направлениях или будет циклон. Я не обратила на выскочку внимания.

По мере того как мы приближались к Тицино, ветер, насланный архонтом, стихал, и это было хорошо – если бы он следил за нами магическим способом, он бы передвинул шторм вслед за кораблями.

Был уже полдень, когда мы заметили первый остров. Я снова превратилась в стаю крачек и полетела на разведку. Опасности быть обнаруженной даже в этом знакомом врагу образе не было, так как я держалась далеко от главного острова. На маленьких островках большинство наблюдательных постов были сняты, людей, наблюдавших за нашим бегством, отправили назад в Тицино. Оставшиеся наблюдатели вряд ли ревностно несли службу. Чтобы полностью обезопасить себя, мы применили еще одно заклинание. Никаких случайностей и расчетов на удачу быть не должно. Хорошо, что день был облачный, хотя, думаю, я справилась бы, даже если бы небо было чистым. На палубе мы установили пять жаровен на высоких треножниках по углам пентаграммы. В жаровнях сожгли ароматные порошки, чтобы ублаготворить конийских богов воздуха, потом в огонь бросили лавр, монастырник и горицвет, которые должны были добавить нам магической силы, что бы там ни решили насчет нас боги.

В середине пентаграммы Гэмелен нарисовал мелом волшебные символы. Я развела маленький костер на углях в пентаграмме и встала возле него на колени. В огонь я бросила корень одуванчика и подорожник, а потом поставила котелок кипятиться. Когда вода забулькала, я прочитала по бумажке какие-то имена, пользуясь написанными там же инструкциями по произношению. Я не знала языка, на котором они были написаны. Гэмелен, к моему удивлению, – тоже.

– Это одно из тех заклинаний, которые передаются из поколения в поколение воскресителей, поэтому я и не знаю языка – он слишком древний. Кого бы я ни спрашивал – никто не знал точного перевода, говорили только, что оно призывает облака, которые скрывают мага. В основном им пользуются ведьмы в деревнях, чтобы уменьшить потери от засухи ранним летом.

Мы немного изменили заклинание для наших целей. Я читала слова, запинаясь в сложных местах. Взглянув вверх, я увидела, что облака очень медленно собираются над нами, повинаясь призыву. Мы прекратили колдовство, потому что туман вокруг нас был настолько густ, что я с трудом различала соседние корабли. Было бы глупо переусердствовать, а потом перетопить друг друга.

Потом конийских магов отвезли на флагман Базаны, чтобы они не мешали, кроме того, там было безопаснее. Одному из них я поручила поддерживать чары, наложенные на ветер. Гэмелен вслух подумал, что, вероятно, ему следует позаботиться о них и перейти на корабль Базаны тоже. С некоторой горечью, напомнившей мне его настроение после тюрьмы, он сказал:

– По крайней мере, здесь я не буду путаться под ногами.

Я хотела резко возразить ему, но Памфилия опередила меня:

– Господин, вы должны быть с нами во время нашей победной высадки. Кто-то из нас ведь должен быть способным к изнасилованию, что, по слухам, является любимым делом всех победителей.

Гэмелен фыркнул, но его хандра прошла.

Ксиа была в нашей каюте, когда я вошла. Мне нужно было надеть доспехи. Принцесса уже облачилась в форму маранонской стражницы. Доспехи лежали рядом с ней, она сидела на кольчуге и рассматривала свой меч – которым она уже недурно владела, – словно видела

его впервые.

– Принцесса, – официальным тоном сказала я. В тот момент я хотела говорить с ней как командир, а не как любовница и хотела добиться своего с помощью логики, а не любви. – Мы идем в бой...

Ксиа перебила меня:

– Когда мы будем сражаться, я буду рядом с вами, капитан. Я опешила.

Я ожидала, что она будет возражать, когда я попрошу ее перейти на галеру Базаны, или, по крайней мере, не сходить на берег во время десантирования в Тицино. К этому я подготовилась. Но она выбила у меня почву из-под ног, воспользовавшись моим титулом. Наш разговор перешел еще в более официальное русло.

– Никто из нашего рода не прятался в палатке во время боя. Я не опозорю семейную традицию.

– Хорошо, – сказала я. – Это достойно восхищения, принцесса. Но вы последняя в роде Канара. Что, если...

– Тогда мой отец усыновит кого-нибудь из своих внебрачных детей и, возможно, женится на одной из своих наложниц, – быстро ответила она. – И эти слабовольные дети его похоти промотают его состояние в десять лет.

– В общем, речь не об этом, – сказала я. – Мне плевать, что было до моего рождения и что будет после моей смерти. Я знаю одно, и только это меня волнует – когда меня заберет тот, кого вы называете Жнецом жизней, мир вспыхнет и исчезнет, как догоревшая свеча. Может быть, все, что я вижу вокруг, было создано для моего развлечения.

Я хотела развить эту нахальную мысль, но тут заметила, что Ксиа прячет улыбку, а в глазах ее ехидный блеск. Она положила меч на пол и встала.

– В моей семье есть и другая традиция, – сказала она хрипло, подходя ко мне. Я была одета только в военные ботинки, короткую тунику выше колен и опоясана оружейным ремнем. Ремень с глухим стуком упал к моим ногам, и она стянула с меня тунику до пояса, положила руки на плечи, а потом она положила меня на пол, а сама легла сверху.

Ксиа не разделась сама, она взяла меня, как воин берет девственницу, доставшуюся ему в бою. Ее губы и пальцы были везде, ласкали, гладили, и я чувствовала, что погибаю, доски палубы впились мне в спину, я пыталась не стонать громко, когда она заставила меня взлететь выше, чем я взлетала с помощью магии.

Постепенно, через день, неделю, год, я вернулась и увидела, что Ксиа лежит на боку рядом со мной, нежно поглаживая мою кожу ноготками.

– Восхитительная традиция, – еле сумела выговорить я. – Думаю, Антеро тоже примут ее.

– После боя, Рали. После того, как мы уничтожим его. Тогда придет время любви.

В полной темноте наши корабли тихо вошли в залив. Мы плыли, не зажигая огней. Я не слышала никаких тревожных криков, когда мы проплывали самое узкое место. Я пожалела только, что все не случилось так два дня назад. Тогда бы несколько тысяч человек еще дышали и мечтали о своих домах и о славе, вместо того чтобы гнить на дне океана, где их трупы медленно тащит прилив.

Мы выстроились в боевой порядок до входа в гавань. Теперь полуразрушенные корабли с людьми Нора и добровольцами составляли авангард. Наши семь галер шли непосредственно за ними вместе к пяти кораблям капитана Иезо. За нами плыл флагман адмирала Базаны и остальной флот. Я отдала только один приказ – уничтожить все встречные корабли противника. Я надеялась, что командиры отрядов достаточно компетентны, чтобы разобраться в остальном. Я сказала им, что ночью врагу вряд ли удастся избежать ближнего боя, тем более что у нас в союзниках будет внезапность. В конце я сказала, что ни один корабль не имеет права выйти из битвы, пока не получит от меня, и только от меня, приказа об отступлении, а всякого, кто ослушается, пустят на дно морские демоны.

Решив не заканчивать инструктаж такой наглой ложью, я подумала минутку, потом

сказала:

– Да будет благословлен плывущий на звук битвы. Сегодня боги на стороне Конии!

Потом долгое время мне было нечего делать – только ждать и молиться, чтобы нас не обнаружили.

Корайс стояла на баке вместе со мной. Мы глядели на огни прибрежных деревень, которые исчезали позади по мере того, как наш флот приближался к Тицино. Я повернулась, чтобы отправиться обратно на мостик. Она положила руку мне на плечо и остановила меня.

– Когда вернешься в Ориссу, – сказала она, – в первый день лета устрой, пожалуйста, в честь меня турнир лучников. И пусть он будет для всех, особенно для девочек, желающих вступить в гвардию.

Я начала говорить что-то, потом сказала совсем другое:

– Хорошо. А ты будешь главным судьей и принесешь жертву Маранонии.

– Принеси в жертву ранние летние цветы, – перебила она меня. – Розы, лилии и глицинии. И пусть над этой жертвой не проливают кровь.

– Хорошо, – сказала я. – Но одно условие – ты не будешь приставать к лучницам, по крайней мере когда их матери смотрят.

Корайс улыбнулась и коснулась рукой повязки на руке.

– Спасибо, – только и сказала она.

Огни Тицино светили сквозь тьму. Теперь станет ясно, сработает ли мой план. Больше всего я беспокоилась, не обнаружили ли нас. Может быть, мы плывем прямоком в ловушку. Еще у меня были некоторые сомнения насчет того, смогут ли конийцы хорошо биться во второй раз.

Я приказала флоту вернуться в Тицино немедленно не потому, что хотела отомстить, и не для того, чтобы оправдать старый совет конников – если тебя сбросит конь, нужно немедленно снова вскочить на него, если хочешь ездить без страха. Нет, просто я знала солдат. После такой сокрушительной победы солдаты врага наслаждаются жизнью – пьют, едят, спят с женщинами.

Самое лучшее – если бы нам удалось контратаковать предыдущей ночью, но это было невозможно. Хотя, вероятно, ко второму дню пиршества солдаты Сарзаны упьются сильнее. Мы проверим, так это или нет, через несколько минут. Я видела очертания заякоренных кораблей на фоне ярких огней Тицино. До нас доносился праздничный шум, звуки военных маршей, пьяные песни; на гондолах, плавающих по каналам Тицино, заменявшим улицы, светились факелы. В самой гавани была почти полная темнота, даже на мачтах кораблей сигнальные огни не горели.

Я отдала приказ, и сержант Исмет посветила фонарем – длинный сигнал, короткий, снова длинный. Воскресители на флагмане должны были усилить чары. Я почувствовала, как посвежел попутный ветер. Гэмелен, стоящий рядом со мной, сказал:

– По крайней мере, они умеют выполнять приказы. Пока.

– Им придется это делать, – проворчала Полилло. – Или я сама научусь магии и наколдую так, что у них отвалятся остатки их мужских достоинств.

Она посмотрела на Корайс, ожидая, что та поддержит шутку, но Корайс лишь грустно улыбнулась и промолчала. Полилло озабоченно посмотрела на нее еще раз, потом пожала плечами и пошла на свой пост – к катапультам.

Наши паруса наполнились ветром, и Дюбан громким шепотом приказал взять риф. Ветер предназначался не нам – он должен был помочь другим, более медленным судам. Огромные туши конийских галер со скрипом, словно их заставляли нестись неведь как, поплыли быстрее. От их тупых носов отбегали белые бурунчики. Корабли капитана Йезо прошли мимо нас – они должны были вступить в битву раньше.

Пока все шло по плану. Я начала беспокоиться, вспомнив старую поговорку, что если все идет по плану, значит, тебя завлекают в засаду. На вражеской патрульной лодке сверкнул огонь, послышался тревожный окрик. Через секунду корабль Йезо с треском прошел прямо по лодке, развалив ее на куски. Крики тонущих быстро заглохли. На поврежденных

конийских галерах, следуя плану, зажгли факелы. Эти суда я хотела принести в жертву, они были брандерами – их загрузили горючими веществами, бочки с маслом привязали к мачтам, в трюмы напихали пропитанные воском паруса. Когда конийские маги усилили ветер, «сломанные люди» Нора выбили днища у бочек и зажгли их.

В ночи заревело пламя, раздались крики очнувшихся караульных с кораблей Сарзаны. На фоне красных и желтых языков на брандерах были видны человеческие фигурки с факелами, они спасались, бежали к шлюпкам, привязанным за кормой. На одном брандере они не успели, и пламя пожрало их. Освещая все вокруг, брандеры плыли к стоящим на якоре вражеским кораблям.

Там царил хаос, матросы Сарзаны толпились на палубе, разбуженные ото сна или оторванные от выпивки. Представляю, как эти бедняги пытались понять, что происходит и каким из множества выкрикиваемых приказов подчиняться. Некоторые, кто соображал побыстрее, перерубали канаты, и их корабли под действием ветра отплывали в безопасное место. На одной галере этого сделать не успели, и брандер столкнулся с ней. Пламя перекинулось на галеру и столбом взвилось к небу. Через несколько мгновений в факелы превратились еще несколько кораблей Сарзаны.

За нашими спинами я слышала глухие удары – это немногочисленные катапульты на конийских кораблях открыли огонь. Расстояние было слишком большим, и камни только всплескивали воду и выращивали водяные столбы, не долетая до цели. Но вот несколько глыб проломили палубу галеры. Огненные стрелы ярко прочерчивали ночное небо, поджигая новые суда.

Первый из конийских кораблей ударился борт о борт с вражеским судном, абордажные крюки крепко соединили их. Штурмовые группы с кровожадным боевым кличем бросились на врага. Второй корабль подошел с другой стороны, а третий – с кормы. Даже неуклюжие конийские галеры смогли научиться нашей тактике и окружать врага, как стая гончих.

Мои катапульты тоже открыли огонь по мачтам. В мачты кораблей Сарзаны было легко попадать, они отчетливо вырисовывались на огненном фоне. В принципе, было не важно, попадают ли наши стрелы в мачты или поражают кого-нибудь в городе, – главное, они усиливали панику. Судя по радостным восклицаниям и воплям с бака, Полилло нравилась эта забава, помогающая забыть о горечи недавнего поражения.

На нашей стороне было самое страшное оружие – неожиданность, и я не собиралась выпускать его из рук. Весь бой был только прелюдией к главной цели – схватке с архонтом. Но у меня было еще одно дело, прежде чем я могла отправиться на его розыски. Ближе к берегу стояли «черепахи». Без сомнения, их экипажи составляли элитные части. Сейчас на большинстве из них не было весел, некоторые стояли на приколе.

Я вытащила из коробки модель такой галеры, которую искусно вырезал из дерева Сайт. Я наложила на нее чары и дотронулась до нее острием вражеской стрелы, чтобы она узнала своих старших сестер и нашла их. Я опустила модель в котел с водой – но не для того, чтобы имитировать море, а чтобы обеспечить безопасность нашего корабля. Я откупорила флакон и вылила на маленький кораблик лампадного масла.

Масло, возьми жизнь,
Масло, расти,
Масло, возьми ветер,
Масло, возьми огонь.

Я коснулась лучинкой горящего факела и поднесла ее к пропитанной маслом модели.

Теперь ты – огонь,

У тебя есть власть,
Ты сильнее ночи,
Ты убьешь ее.
Никто не выстоит,
Все сдадутся.
Приди и возьми,
Все станет твоей пищей.

«Черепахи» взорвались. Я с мрачным удовлетворением подумала, что оружие архонта, которое он применил против нас в битве возле вулканов, теперь усовершенствовалось и обернулось против него. Все до одной «черепахи» были охвачены огнем. Броневые пластины на палубах, которые делали их неуязвимыми, превратили их в ловушки. Всего лишь несколько матросов успели выскочить из люков, прежде чем «черепахи» обуглились и затонули. Магический огонь, пожиривший их изнутри, был гораздо прожорливее любого обыкновенного пламени.

В гавани было светло как днем. В просыпающемся Тицино зажигались окна, но меня это не беспокоило. В запасе у нас было еще одно заклинание. Оно было не так уж и необходимо, но конийцы уже однажды бежали от воображаемого противника, и я не хотела рисковать.

Гэмелен уже подготовил жаровню, и в нее я насыпала порошок высушенных трав, среди прочих – пастушью сумку и пустынный против магии и маргаритки, защищающие от смерти.

Смотрите, глаза!
Вы ведь не слепы,
Смотрите на мир,
Смотрите на мир,
Вы увидите правду,
Через дымку,
За туманом,
Вас не обмануть.

Маленькое облачко дыма росло и росло, накрыло нас, наш корабль, весь наш флот, а потом исчезло. Я предупредила адмирала Базану, что мы наложим заклятье против иллюзии живых мертвецов и посоветовали ему сообщить об этом его матросам, но даже несмотря на все предупреждения, я услышала тревожные крики, и два корабля свернули с курса. Я выругалась, но сейчас было не до них, потому что пять кораблей капитана Йезо приближались к целям – к пяти морским воротам, отделяющим океан от каналов Тицино. Обычно их закрывали, чтобы уменьшить эффект прилива. Я видела, как по набережной бегут солдаты, осыпая корабли стрелами и копьями, но было уже слишком поздно.

Теперь пришло время мне сбросить плащ воскресителя и заняться более знакомым делом. С мечом в руке я спрыгнула с четвертого этажа и подбежала к своей штурмовой группе, которая выстроилась у abordажного мостика. Ксиа улыбалась жестокой улыбкой, сама не осознавая этого. Мы приближались к причалам Тицино.

Пять кораблей Йезо – пять морских ворот... Я приказала им ударить прямо в ворота в том месте, где вода глубже. Один из них сбился с курса – видимо ранило рулевого – и ударился о пристань. Солдаты Сарзаны не поняли истинной цели атаки и, оставив без внимания остальные четыре корабля, сосредоточили огонь на поврежденном. До столкновения остались секунды, и я увидела, что дисциплина среди матросов Йезо железная

— как он и говорил. Невзирая на поток стрел, они бросились к корме, где на импровизированных держателях висели якоря, и обрубили удерживающие их канаты, как уже делали на наспах устроенных вчерашних тренировках. Якоря с всплесками погрузились в темную воду гавани.

Четыре корабля ударили в ворота. Громкий треск заглушил шум битвы, матросы на кораблях Йезо попадали от толчка, но тут же вскочили и бросились к кормовым лебедкам, оттягивая засевшие в воротах корабли назад на якорях.

Я слышала, как Страйкер командует «полный вперед», как Дюбан кричит, чтобы гребцы «налегли», но смотрела я только на корабли Йезо. Медленно-медленно три из них отошли назад, освобождая проходы в каналы. На четвертом якорный трос порвался и со взвизгом, блеснув, хлестнул по палубе, сбивая людей с ног. Но трое ворот были открыты — путь к сердцу города, и на флагмане ревел Холла Ий, и я кричала, и наши галеры убрали весла, движимые только силой магического ветра. Я услышала душераздирающий скрип, когда один корабль зацепил за выложенный камнем берег, но это уже было не важно, потому что наша галера еще двигалась.

Канал расширился, и мы снова могли плыть на веслах, что резко увеличило нашу скорость. Архитекторы Тицино построили город очень логично — каналы шли от окраин прямо в центр, к площади. Эта любовь к порядку определила судьбу города. Впереди нас была пустая площадь, и над ней возвышался замок Сарзаны с круглой башней. Я бросила взгляд назад, услышав звон мечей: люди Йезо покидали корабли вплавь или по заранее припасенным длинным доскам. Теперь их задача была проста — устроить в городе панику мечом и огнем. Им приказали не трогать жителей и не грабить дома, но я мало надеялась, что они выполнят приказ. Если битва на рейде закончится, как предполагалось, остальные конийские суда тоже высадят десант.

Мне были нужны хаос и паника в городе, чтобы наши настоящие враги не заметили моих женщин и пиратов, подбирающихся к их горлу.

Дюбан закричал как от боли, когда наша галера врезалась в каменную пристань на краю площади, но что с того? Если мы останемся в живых, конийцы сто раз починят нам галеры перед отплытием домой. Сходни со стуком ударились о камень, и мы бросились на берег, на площадь Тицино. С других кораблей тоже сбегали люди, но времени оглядываться вокруг не было, и я изо всех сил бежала по лестнице, ведущей к замку. На лестнице было пять — нет, шесть часовых, но они уже были мертвы, они лежали со стрелами в ребрах, пробившими броню словно холстину.

Внешние ворота были открыты, и я увидела за ними внешний двор. Мы ускорили бег, чтобы попасть внутрь, пока ворота не закрылись. Впереди на стене были лучники. Передо мной в камень ткнулась стрела и с жужжанием отскочила. Наши луки тренькнули, стрелы со свистом полетели к стене, и лучников не стало.

Я слышала боевой клич стражи. Крик Корайс «яп-яп» напоминал звуки, издаваемые разъяренной лисой. Волна радости накатила на меня. Для этой минуты я тренировала своих женщин, и теперь я вела их в бой. Они стали моим сверкающим лезвием, которым я нанесу смертельный удар. Мы были едины в ту минуту, пробегая мимо окровавленных трупов врагов. В этом смысл моей жизни, а не в бесконечной муштре и караулах, не в сгорбленном бормотании заклинаний над огнем.

Мы были уже в нескольких ярдах от прохода, который вел сквозь стену во внутренний двор замка, когда сверху со скрежетом начала спускаться ржавая решетка с заостренными зубцами вниз. Полилло и Локрис подскочили к ней и задержали спуск. Четверо других стражниц — не помню всех, но одна из них была легат Невстрия, обогнав меня, воткнули в пазы свои копыя, замедлив движение. Локрис куда-то убежала, и Полилло нечеловеческим усилием удерживала решетку. Локрис появилась вновь, таща бревно. Бревно поставили стоймя, уперев в решетку. Путь был открыт.

Сзади подбегали стражницы с других галер и наемники Холлы Ий. Далеко внизу на площади я увидела три фигуры — это был Гэмелен и две его телохранительницы. Вдоль

лестницы лежали тела моих убитых стражниц. Их было слишком много, чтобы я могла долго на них смотреть. Из бойницы вылетела смертельная стрела и ударила Локрис в бок, погрузившись почти по оперение. Локрис вскрикнула, вцепилась в стрелу рукой, сделала еще два шага и умерла. Из-за моей спины в бойницу выстрелила моя лучница, но, кажется, ни во что не попала, по крайней мере, мы не слышали звука попадания.

Мы снова бежали через туннель в стене к внутреннему двору, где возвышалась круглая башня. Ее огромные ворота были зарешечены, а перед ними стоял отряд арбалетчиков.

Я крикнула «ложись!», и мы упали, как делали тысячи раз на тренировках. Ксиа ткнулась в землю рядом со мной, в этот момент громко, как рвущиеся якорные канаты, зазвенели тетивы арбалетов, стрелы свистнули у нас над головами., Были убиты двое людей Холлы Ий, которые не привыкли мгновенно падать лицом вниз.

В пяти ярдах от меня Дика вскочила на ноги.

– Вперед! Пока они не перезарядили! – закричала она и побежала, подняв меч, и я не успела крикнуть, чтобы остановить ее. Первый ряд лучников опустился на колени, и выстрелил второй ряд. Дику скрючило ударом, она подбросила свой меч в небо и упала.

Ночь стала красной – не от огня, а от крови. Гвардия бросилась вперед, вопя от ярости, заполняя пространство перед башней как ртуть. Исмет была рядом со мной, когда мы оказались среди арбалетчиков, рубя их топорами и мечами. Никто из них не успел перезарядить оружие, и все они погибли на месте. В тот страшный момент Жнец взял вместе с арбалетчиками Невстрию и Ясену.

Я лишь секунду скорбела по Дике. Конечно, она совершила ошибку, бросившись на арбалетчиков, но она умерла в бою, и смерть ее была честной. Сколько стражниц заколебались бы на ее месте, и первый ряд успел бы выстрелить второй раз, и жертв было бы гораздо больше, если бы не нечаянное самопожертвование Дики. Так лучшие среди нас отправляются со Жнецом, и маранонская гвардия хоронит очень много своих людей.

Огромные зарешеченные ворота были закрыты, но наш безумный натиск не оставил солдатам времени закрыть маленькую дверь в воротах, и мы оказались внутри.

Полилло опередила меня. На нее бросились сразу трое. Наверное, им она казалась молнией, машиной убийства, но мне ее движения казались медленными, отточенными и точными, когда она обухом топора отбросила одного солдата на другого и сделала выпад, словно у нее в руке была рапира, и кончик топора пробил горло третьему. Даже не встав в позицию, она с силой выдернула топор из трупа, обернувшись к двум первым. Легко выбив меч у одного из них – словно котенка отшвырнули ногой, – она обратным движением крюком лезвия зацепила шею второго. Первый воин, оставшись безоружным, с криком попытался убежать, но Полилло, двигаясь все так же изящно, как будто показывала пораженным рекрутам приемы искусства топора, обрушила лезвие ему на спину, и тот распростерся на земле, как пробитая гарпуном рыба.

На нас выскочил солдат с длинной алебардой. Он сделал выпад, Ксиа увернулась и разрубила древко вместе с его рукой. Вопя от боли, он упал, обливаясь кровью.

В тот момент я почувствовала, что защитные чары, наложенные Гэмеленом, исчезли, архонт видит меня как на ладони. Я слышала яростный удивленный крик, и мы все почувствовали, как дрогнули под нашими ногами камни – словно землетрясение. Это было еще одно проявление ярости обманутого архонта, и только через секунду я поняла, что все еще жива.

Я снова выкрикнула боевой клич, и мы побежали по длинным извилистым коридорам. Из дверей выскакивали солдаты, мелькали в воздухе копья и стрелы, но охрана Сарзаны не могла остановить нас, их либо оттесняли назад в их комнаты, либо они погибали. Потом коридор закончился, и мы оказались в тронном зале. Купол потолка возвышался в сотне футов над нами, до противоположной стены было около двухсот футов. Стены были завешаны гобеленами и боевыми знаменами, факелы и огромный очаг освещали зал.

В комнате никого не было кроме моих солдат и на возвышении в центре – Сарзана. Так, по крайней мере, показалось моим стражницам и нескольким не отставшим от нас воинам

Холлы Ий.

Я увидела кое-что еще.

Над Сарзаной стоял, как кукловод над марионеткой, архонт. Он был огромен – тридцать футов ростом, и сквозь его полуматериальное тело я видела противоположную стену. Его руки тянулись ко мне.

Лук Корайс, стоящей рядом со мной, был натянут до ее уха, наконечник стрелы искал цель. Она была спокойна, как на стрельбище. Ее рука дернулась назад, и стрела полетела в Сарзану. Он протянул руку – клянусь, она двигалась медленно, как муха в варенье, – перехватил стрелу на лету и сломал ее двумя пальцами. Я услышала треск рядом с собой, и лук Корайс, который она с такой любовью сделала, сломался точно так же, как и стрела, отброшенная Сарзаной в сторону, – пополам.

Мы, очнувшись, бросились к Сарзане, который в этот момент поднял правую руку, сложив пальцы наподобие змеиной головы, и из нее ударил зеленый огонь – такой я видела на мачтах кораблей во время шторма. Огонь охватил Корайс, она, извиваясь, упала. Я думала, она мертва, но она вскочила на ноги, с залитым кровью лицом, словно ее били. Зеленый огонь ударил снова, и в ту же секунду Корайс выхватила кинжал, провела лезвием по повязке на руке и метнула его. Корайс никогда не была волшебницей и не хотела ею быть, но, верно, талисман впитал в себя ее ненависть к тому, кто чуть не изнасиловал ее, – к Сарзане.

Бросок был точен, и оружие погрузилось в грудь Сарзаны, как раз под ребрами. Он взвыл в агонии, как раненый кабан, потом вдруг радостно вскрикнул:

– Я свободен!

В ту же секунду я почувствовала, что архонт исчез.

Сарзана вытащил кинжал из своего тела и метнул его в Корайс. Лезвие – как ядовитая змея – ударило ее точно под сердце. Не знаю, был ли Сарзана мертв в тот момент или его огромная магическая энергия еще поддерживала в нем жизнь, но это не важно. Я подскочила к нему и с яростью рубанула мечом. Лезвие разрубило ему плечо возле шеи и разделило его надвое почти до грудины. Кровь брызнула фонтаном, и он мягко упал навзничь, когда я выдернула меч.

Но я не успокоилась, и вместе с Исмет мы рубили и рубили труп, а потом она вырвала его трепещущее сердце и швырнула его в гаснущий камин. Может быть, стоило сохранить его для колдовства, но я не могла этого сделать ценой жизни Корайс. Пламя в камине взревело, словно в него вылили масло. Комнату словно осветило молнией, пол дрогнул, и я услышала далекий вой, когда демоны потащили прочь душу Сарзаны или то, что когда-то было душой и больше не вернется в этот мир.

Но тогда я об этом не думала. Корайс лежала на полу, ее голова покоилась на коленях Полилло.

Корайс все еще была жива, хотя я видела, что Жнец заберет ее через несколько минут. Она посмотрела на меня, попыталась улыбнуться, но не смогла.

– Все равно... я бы была... противной... старухой, – сказала она, потом изо рта у нее пошла кровь, и она умерла.

Полилло посмотрела на меня.

– Ее убила магия, – прошептала она так, что слышала только я. – И я когда-нибудь погибну от этого же.

Я встала. Ксиа подошла ко мне, но я не хотела утешения от нее.

Я знаю, что все мы умрем, и Корайс, когда избрала жизнь воина, избрала и судьбу воина тоже. И она убила Сарзану. Но я бы отдала его жизнь и все, что есть в этой проклятой Конии, за то, чтобы вернуть ее.

Глава двадцать вторая ПУТЬ НА РОДИНУ

В большинстве стран бог победы крылатый, на его лице – выражение свирепого благородства. Но я считаю, что идол победы должен быть волком, воющим над выпотрошенной добычей. После битвы победа никогда не казалась мне ни благородной, ни радостной. Нет, какая-то радость, конечно, может быть – пьяное хвастовство товарищам, как ты обманула и убила особенно хитрого врага. Но радость маранонки скоро улечивается, когда она понимает, что только благодаря везению она стоит на ногах, а многие ее подруги, которым не повезло, мертвы.

В тот день было много жертв, и не только среди стражниц. Фокаса убило стрелой, когда галера Холлы Ий плыла по каналу. Из пиратов еще погиб капитан Медудут. Убили адмирала Йезо, Нора – я молюсь, чтобы после смерти он нашел покой, – и еще много сотен конийских матросов и солдат, чьих имен я не знаю. Пройдет много лет, прежде чем эта победа потеряет свой траурный оттенок.

Мы вернулись на Изольду героями. Корабли и лодки отплывали от каждого встречного острова, чтобы приветствовать нас. Люди трубили в горны и били в барабаны. Вершины гор казались живыми из-за тысяч конийцев, машущих нам руками. Но в трюмах стонали раненые, а на палубах воскресители отпевали труп за трупом, клали монету им в рот, чтобы умиловить Жнеца, который должен отнести их в загробное пристанище. Я ни с кем не говорила, даже с Гэмеленом и Ксия, целыми днями лежала на постели, оплакивая Корайс и других стражниц, которых я принесла в жертву демонам войны. Нас осталось пятьдесят. Пятьдесят! Из сотен, которые я вывела из Ориссы. Я не плакала, горе заморозило меня. Когда я просыпалась утром, я долго не открывала глаза, молясь о том, чтобы, когда я их открою, кошмар исчез и Корайс смотрела на меня со своей ехидной улыбкой. Я скучала по ней. Я все еще скучаю по ней. И если после смерти есть жизнь, я молюсь, чтобы мы могли снова маршировать вместе под одним знаменем.

За два дня до прибытия на Изольду в мою постель залезла Ксия. Наша любовь была медленной и полной сладкой горечи. Потом мы дремали в объятиях друг друга, прислушиваясь к ударам волн в борт корабля. Перед рассветом Ксия проснулась и пристально посмотрела мне в лицо. Ее глаза постарели – в них были боль и знание, полученное дорогой ценой.

– Я люблю тебя, Рали, – сказала она.

Прежде чем я успела ответить, она ушла.

Я встала, не отдохнув, без особой радости, но почувствовала, что какая-то рана во мне затянулась. Скорбь исчезла за повседневными заботами. Мне казалось, что нас ждет что-то плохое, но что – я не знала.

Гэмелен ждал меня в своей каюте.

– Я уже собирался послать за тобой, Рали, – сказал он, – мне нужно поговорить с тобой.

– Об архонте, так? – Я сразу догадалась, о чем он хотел разговаривать. – Он не ушел, он еще с нами. Или мы – с ним.

– Я не уверен, – ответил волшебник. – Я рассылаю чары во всех направлениях и не нахожу его. Правда, мои познавательные способности еще вернулись далеко не до конца. Но все же каждое мое заклинание наталкивалось на какое-то препятствие. Нет, не просто препятствие – это было не похоже на стену, а скорее – на закрытую дверь. И это меня тревожит.

– Как я могу помочь? – спросила я, усаживаясь рядом с ним. – Что я могу сделать такого, чего не можете вы?

– Я считаю, что между тобой и архонтом была – или есть – связь. Вас соединяет ненависть сильнее, чем стальные цепи. Наверное, это началось с тех пор, как твой брат обманул архонтов. Нечаянно Амальрик оказался в центре страшного черного круга – Серый Плащ, Равелин, архонты. Потом появляешься ты – тоже Антеро, – да еще в тот момент, когда могучие силы приходят в действие. Я знал еще в Ликантии, когда Джинна не смог удержать – не то что бросить – магические кости, что боги говорят с тобой одной. Когда ты убила одного из архонтов, оправдались их самые худшие опасения насчет семьи Антеро. И в конце

концов, когда архонт, издыхая, проклял тебя – а потом сумел обмануть смерть, бежав в другие миры, – это проклятие связало вас крепче всего.

Вот и ответ на твой вопрос, Рали, о том, что можешь ты и чего не могу я. По крайней мере, надеюсь, что это так. Кажется, Рали Эмили Антеро владеет ключом от потайной двери.

– Что я должна делать?

– Найди архонта, – ответил Гэмелен. И он вытащил ларец с сердцем другого архонта.

Я не стала спорить, но плохое утреннее предчувствие превратилось в пульсирующую боль в висках, когда я приняла ларец из его рук.

– Держи его в ладонях, – посоветовал Гэмелен. – Сконцентрируй все мысли на нем. Надо сосредоточиться. Тебе не нужно отвлекаться на заклинание – я скажу его сам.

Я сглотнула.

– Минутку, мне надо подготовиться.

Я глубоко вздохнула, выбросив из головы все мысли. Я тряхнула плечами, чтобы расслабиться, и повертела головой, чтобы потянуть мышцы шеи. Потом я решительно открыла ларец, крепко сжала его ладонями и сказала:

– Я готова.

Гэмелен начал говорить нараспев:

Забрось сеть,
Мать-судьба,
Приветствую ловлю.
Твоя дочь ищет
На восток от ворот,
Где ждут старые боги,
Они будут судить того,
Кто ненавидит.

Раздался громкий хлопок, и в комнате стало темно. Воздух стал душным и горячим. Я почувствовала запах сандала – запах духов моей матери. Он был сильнее, чем когда-либо прежде. Голос прошептал: «Рали». Это был голос матери, и мне захотелось заплакать, я так любила ее, я так скучала по ней. Она снова прошептала мое имя, и я почувствовала ее дыхание щекой – легкое, как касание крыла бабочки. Я задрожала.

Ларец наклонился у меня в руках. Я сжала его крепче. Внутри его я увидела багровый свет.

Из ларца выпрыгнул двухголовый лев – символ архонтов. Лев оскалил зубы, потом прыгнул к дальней стене каюты. Потом я услышала громкое шипение, и появилась огромная черная пантера. Она рычала, показывая клыки, яростно хлеща себя хвостом по бокам. Лев стал расти, его головы испускали громкий рык, дергаясь на толстой единственной шее. Но это только еще больше разозлило пантеру. Она снова зашипела и припала еще ниже к полу, выпустив когти. Ее задние лапы напряглись для прыжка. Еще один громкий хлопок, и за зверем архонтов в стене открылось отверстие. Головы снова взревели, и чудовище исчезло в стене. Пантера бросилась за ним.

Голос моей матери сказал: «Иди за ней!»

И я мгновенно оказалась посреди урагана. Я падала с огромной высоты во тьму, мимо меня вихрем проносились огни. Уши мои лопались от воя, лая, бесконечных страдальческих воплей. Пахло серой, и страхом, и потом, и калом. И было холодно, очень холодно. Холод, как ножом, пронизывал до костей. Такой холод приходит с дождем смерти раз в сто лет, когда умирают леса, поля и люди. Потом я больше не падала, а бежала через обгорелый лес. Тропа была узкой, усеянной камнями, и я едва не упала, когда наступила на жирного белого червя, ползущего через тропинку. Мне было страшно, но я знала, что я охотник, а не дичь. Я

увидела впереди пантеру, исчезающую за поворотом, и побежала еще быстрее. На ходу я видела демонов, хохочущих среди голых ветвей. Я видела воронов, клюющих раненых солдат, которые кричали и молили меня о помощи. Но я не могла остановиться, не осмеливалась остановиться, изо всех сил пытаюсь догнать пантеру, скачками несущуюся по тропе.

Из мертвого леса я выбежала на снежную, освещенную луной равнину. Тропа превратилась в разбитую дорогу. Я перепрыгивала через камни и кучи мусора. Вдали кипела битва. Воины убивали друг друга топорами и мечами, и снег был темным от их трупов и крови. Далеко впереди я увидела пантеру и еще дальше – архонтского зверя. Они бежали к черной горе, и вершину горы беспрерывно освещали молнии.

Скользкая от намерзшего льда дорога вела на ту гору, подъем был крутой. Я начала уставать. Но пантера теперь была не впереди, а рядом со мной, и она хотела, чтобы я бежала дальше. Я заставила себя не останавливаться. Дорога исчезла. Перед нами был замок из черного железа. Он походил на череп демона: башни – рога, переходы – брови, освещенные факелами решетчатые ворота – рот. Я видела, как лев проскочил через ворота, и они начали закрываться за ним. Пантера бросилась вперед, но было поздно, и ворота захлопнулись. Пантера взвизгнула и принялась царапать решетку. От ее ярости кровь ударила мне в голову, и я вместе с ней принялась бить кулаками в решетку, испуская боевой клич.

Я увидела архонта. Он был за воротами, двухголовый лев сидел рядом с ним. На этот раз он не казался огромным облаком, а был человеческого роста, но от этого не менее страшен. Увидев меня, он ткнул в мою сторону скрюченным пальцем и закричал:

– Изыди!

Из его пальца вылетел огонь и ударил по решетке. Я закричала от боли и ярости, когда раскаленное железо обожгло мне пальцы. Я еще крепче вцепилась в перекладину ворот, решив ни за что не отпускать ее. Я чувствовала запах своего собственного горелого мяса, и тогда кто-то закричал мне на ухо:

– Рали! Рали!

Это был Гэмелен. Я отпустила решетку и упала на спину. Я была в каюте, все еще отчаянно крича. Ларец с талисманом валялся на полу там, где я уронила его. Черная масса сердца лежала рядом с ним. Гэмелен поднял меня, обнял и сказал:

– Все в порядке, Рали, все порядке.

Я вздрогнула и окончательно пришла в себя.

– Я вернулась, волшебник.

В левой ладони пульсировала боль. Я разжала кулак и увидела, что на ладони у меня выжжено клеймо архонта – двухголовый лев.

– Он все еще преследует нас? – спросил Гэмелен. – Он все еще угрожает?

– Да, – ответила я. – Он здесь.

После того, как я рассказала Гэмелену все, что видела, он заявил:

– Все это очень серьезно, друг мой. Архонт сумел создать основу для своей мощи в одном из призрачных миров. Видимо, он и правда стал очень сильным.

– Но мы только что победили его, – сказала я. – Значит, он не так уж силен.

– Зло порождает зло, Рали, – сказал маг. – Серый Плащ невольно доказал это. Архонт питается пролитой кровью, страхом и горем. Поражение только временно остановило его. А когда он пожрал душу Сарзаны... это было все равно что убить сотню обыкновенных людей.

– Что ему нужно? – спросила я.

– На это легко ответить, – сказал Гэмелен. – Я знаю своего врага. Прежде всего, он хочет отомстить. Потом, он хочет могущества, чтобы создать королевство в нашем мире. Не думаю, что Орисса, Ликантия и даже Далекое Королевство удовлетворят его теперь. Он злой полубог – вот с кем мы имеем дело.

– Как мы можем остановить его? – спросила я.

– Надо как можно скорее вернуться в Ориссу, – ответил Гэмелен. – Если все наши воскресители будут действовать сообща, мы сможем победить его. А пантера? – вспомнил

он. – Она тревожит меня.

– Я считаю, это был добрый знак, – сказала я. – Без сомнения, это та пантера из сказки моей матери. На ней моя тезка въехала в деревню.

– Да, я знаю, – сказал Гэмелен. – Но... когда я удерживал тебя... перед тем как ты вернулась... ты кричала.

– Да? И что?

– Ты кричала как пантера, – ответил маг.

На Изольде нас встречал весь остров. В море было полно кораблей и лодок, приветствующих нас, поэтому войти в гавань было трудно. Толпы запрудили набережные и улицы, ведущие к порту. Для извлечения шума использовалось все, что можно: трубы, барабаны, дудки, горшки и банки. Город начисто вымыли, на каждом возвышении висели флаги и знамена. Фейерверки с ароматными дымами с треском взрывались в небе. Цветы тысячами сыпали нам под ноги, когда мы строем шли от кораблей к террасной горе, чтобы официально доложить правителям Конии о нашей победе. Первыми шли пятеро оставшихся в живых конийских офицеров. За ними – я, мои женщины и люди Холлы Ий. Принцесса Ксиа шла рядом со мной, и толпа истерично рыдала, завидев ее, выкрикивала ее имя. Многие падали в обморок.

Когда мы наконец дошли до дворца монархов, нам пришлось выстоять несколько часов, пока каждый из членов Совета не произнес длинную речь. Их голоса были усилены магически, и они превозносили нашу победу. В конце концов толпа обезумела и народ потребовал, чтобы меня и Ксиа поставили на возвышение. Когда нас увидели, раздались истеричные крики, мужчины и женщины рыдали, махали руками, теряли сознание.

Когда они устали, Канара потянул меня за рукав. Мы с принцессой ушли с ним. Канара привел нас в небольшую, богато обставленную комнату во дворце. Там стоял столик с едой и питьем. Отец принцессы пригласил нас поесть, но мы отказались – слишком устали.

– Но я налью себе немного бренди, отец, если ты не возражаешь, – сказала Ксиа.

Я сказала, что тоже выпью. Канара наполнил три хрустальных бокала и пригласил нас сесть.

– Дочь моя, – сказал Канара, – я горжусь тобой.

Ксиа скромно поклонилась.

– Я просто выполняла свой долг, отец, – сказала она смиренно, но по выражению ее лица я видела, что все это притворство.

– Как бы то ни было, – сказал ее отец, – это была великая битва. Ты вписала свое имя в историю, девочка моя.

Ксиа скривилась, когда он назвал ее девочкой, но сказала:

– Другие были гораздо храбрее меня. Но все равно спасибо.

– Тебе окажут великие почести. Некоторые я с удовольствием дарю тебе лично.

Ксиа скромно улыбнулась.

– Благодарю, отец, – сказала она искренним голосом, но я снова увидела ее лицо. Клянусь, она оценивающе холодно смотрела на отца. Видимо, он казался ей меньше ростом, чем был.

– А перед вами, капитан Антеро, – сказал Канара, – мы в неоплатном долгу.

– Тогда я прошу, чтобы нам дали карты и помогли вернуться домой.

– Вы получите все, о чем просите. Карты уже готовы. Над ними трудилась команда наших лучших навигаторов.

– Благодарю вас, господин Канара, – ответила я.

– Вы также получите награду, – продолжал он. – Мы решили наполнить ваши корабли таким количеством сокровищ, какое они могут выдержать. Когда вы вернетесь домой, даже последний ваш матрос будет богачом.

Я еще раз поблагодарила его. И он сказал:

– Может быть, вы хотите что-нибудь еще? Чем мы можем вам помочь?

Я взглянула на Ксиа. Но мне не нужно было видеть выражения ее лица, чтобы понять, что не стоит просить о том, что первое пришло мне на ум. Поэтому я попросила о том, что пришло мне на ум во вторую очередь.

– Простите всех заключенных, томящихся в вашей тюрьме, ваша милость. Я ведь долго... гостила там, если помните. И я подружилась с многими тамошними обитателями.

Канара нахмурился и стал замечательно похож на свою дочь. Потом он улыбнулся.

– Это будет сделано, – сказал он, отпивая бренди.

Я видела, что он собирается с духом, чтобы что-то сказать. И вот:

– А теперь я, капитан, хочу обратиться к вам с просьбой.

– Сделаю все, что смогу.

– Я хочу, чтобы вы, ориссиане, немедленно и тайно покинули Конию.

– Отец! – воскликнула пораженная Ксиа. – Как ты можешь...

Я подняла руку.

– Все в порядке, ваше высочество. Я не обижаюсь. – Потом я обратилась к ее отцу: – Вы все еще боитесь Сарзану. И проклятия, связанного с его смертью.

– Я думаю, что все это – суеверная чепуха, – возразил Канара. – Но другие так не считают. Они боятся, что проклятие поразит всех, если вы останетесь тут надолго.

– Тогда мы отплывем так быстро, как только сможем, – сказала я. – Кроме того, у меня есть собственные причины торопиться домой.

Канара облегченно откинулся на спинку стула и поднял бокал с бренди.

– За Ориссу, – сказал он. – Пусть благословят ее боги, за то, что она послала нам своих дочерей в трудную минуту.

– За Ориссу, – повторила я.

Когда я выпила, тоска по родному городу охватила меня. Не спрашивая позволения, я снова наполнила свой бокал.

Следующей ночью я последний раз увидела принцессу Ксиа. Она пришла на мою виллу, и мы тихо прогуливались по саду, наслаждаясь тишиной и запахом цветущего гиацинта. Внизу, у моря, лира играла старую мелодию об обретенной и потерянной любви. Мы обнялись, и я поцеловала ее. Ее губы были мягкими и хмельными как вино. Я отстранилась, почувствовав, как затвердели ее соски, прикоснувшись к моим грудям. Я смотрела в ее темные глаза, потом на ее черные волосы, теперь увенчанные золотой тиарой, поблескивающей в лунном свете.

– Я буду скучать по тебе, – сказала я ей.

Она беспокойно вздрогнула и сказала:

– И я.

Потом Ксиа подошла к фонтану и села на бортик. Я удобно поставила одну ногу на камень и посмотрела на нее.

– Я думаю, ты поступаешь правильно, – сказала она.

– Это слова человека с большими планами, – усмехнулась я. – С планами, в которых мне нет места.

Принцесса кивнула.

– За последнее время я поняла множество вещей, – сказала она. – И за это я благодарна тебе и твоим стражницам.

Я ничего не ответила. Она подняла голову и посмотрела на меня. Ее лицо идеально бы подошло для портрета королевы.

– Я хочу, чтобы ты знала, – сказала она. – Когда через несколько лет ваши купцы захотят торговать с нами, им будут рады. Я обещаю.

– Кто это говорит – отпрыск знатного рода или будущая королева? – улыбнулась я.

Она коротко рассмеялась. В ее смехе было мало веселья, он скорее был вежлив, как смех политика, пытающегося быть на одной ноге с чернью и смеющегося их шуткам.

Потом она лукаво сказала:

– Вы разгадали мой секрет, о мудрый капитан.

– Так ты хочешь быть королевой? – с улыбкой спросила я. – Не нужно особенной мудрости, чтобы видеть это. Мне кажется, я всегда это знала. Из тебя выйдет хорошая королева. Могу побиться об заклад. Но как насчет твоего отца?

– Не думаю, что будет трудно убедить его поддержать меня, – ответила она. – И если он будет вести себя разумно... Посмотрим... Посмотрим... – Она скрыла угрозу в своих словах, но я заметила ее и пожалела Канара, если он встанет у нее на дороге. – И еще одно, Рали, – тихо произнесла она. – Надеюсь, ты не обидишься... Я не хочу причинить тебе боль. Но если когда-нибудь захочешь вернуться, пожалуйста, не надо.

– Это из-за проклятия Сарзаны? – спросила я, зная, что это не так. Но я хотела, чтобы она солгала.

– Я – дочь своего отца, – ответила она. – Все это чушь, но мои планы требуют, чтобы я вышла замуж. Мне нужен муж, чтобы у меня были наследники. Род Канара должен продолжаться.

– Неудивительно, что я могу помешать, – заметила я.

Она вскочила с бортика и схватила меня за руку. Ее дыхание было прерывистым, в глазах светилось желание.

– Я хочу тебя, Рали. Сейчас! Пожалуйста!

И я резко ответила:

– Сними корону!

Мои слова испугали ее. Она заколебалась, потом кивнула. Осторожно сняв корону с черных волнистых волос, она вручила ее мне. Я швырнула корону в фонтан, потом подхватила Ксиа на руки и отнесла в дом, в спальню.

Когда настал рассвет, она разрыдалась.

– О, Рали, – стонала она. – Мне так жаль.

Она плакала долго и горько, сотрясаясь от рыданий.

– Не надо, любовь моя, – сказала я. – Со мной все будет в порядке. Я никогда не забуду тебя... но со мной все будет хорошо.

Она взглянула на Меня прекрасными глазами, полными слез.

– Я плачу не о тебе, Рали, – сглотнув, сказала она. – Я плачу о себе.

Мы отплывали с Изольды. Дождь лил как из ведра. Никто не пришел на пристань попрощаться с нами. Но семь наших галер – все, что осталось от флота, – низко сидели в воде, нагруженные золотом и другими драгоценностями. Самым ценным подарком были карты, хранящиеся в каюте Холлы Ий. Карты конийские навигаторы и маги нарисовали, чтобы мы могли найти дорогу домой.

Нас, стражниц, осталось очень мало, и я разместила всех моих женщин на галере Страйкера. Я не доверяла наемникам, особенно теперь, когда трюмы их были набиты золотом, и не хотела рисковать, размещая своих сестер вдали от себя. Нам хотелось быть вместе – маранонская гвардия предпочитает зализывать раны среди своих.

Дождь был холодным, и отплытие с волшебного острова было невеселым, но западный ветер дул уверенно и сильно, неся нас к Ориссе. Дождь и ветер не ослабевали, но они были не опасны, и те из нас, кто не участвовал в управлении кораблем, погрузились в одуряющую рутину еды и сна без сновидений. Так прошло много дней без всяких происшествий, и довольно скоро мы оказались у пролива, который был помечен конийцами на картах, – через него мы должны были проплыть за рифы.

Тот день был так же сер и ветрен, как и остальные. Видимость была плохой, но далеко на севере мы заметили странное свечение неба, а потом до нас донеслось отдаленное рокотание вулканов. Как и предсказывали конийцы, на юге была земля. Нам посоветовали плыть вдоль ее берегов, чтобы не наткнуться на северные рифы. Но мы также не должны были задерживаться там – конийские маги сказали, что при разработке карты в тех местах их чары наткнулись на злобное противодействие. Мы осторожно, корабль за кораблем, пробирались по проливу, и, хотя ничего не видели, ощущали присутствие чего-то недоброго.

Когда мы проходили самый узкий участок пролива, я почувствовала, что волосы у меня встают дыбом, словно за мной наблюдает множество глаз. Краем зрения я увидела, что к палубе низко припала пантера. Зубы ее были обнажены, хвост подергивался. Но когда я повернулась, чтобы рассмотреть ее получше, она исчезла.

Мы облегченно вздохнули, только когда прошли узкое место. Выйдя на простор, мы развернули парус и на полной скорости поплыли оттуда. Ночное небо очистилось от облаков, и мы с восторгом наблюдали за родными звездами. Рассвет следующего дня был теплым и ярким, и, хотя впереди еще был далекий путь, все почувствовали, что мы действительно возвращаемся домой.

Через несколько дней я отправилась на корабль Холлы Ий на совет. Несмотря на то, что мы уже плавали в этих водах, они оставались малознакомыми нам, а так как наш флот заметно поубавился, я считала, что нужно опасаться тамошних пиратов. У галеры Холлы Ий был привязан ялик – значит, у него кроме меня еще один посетитель. Я приказала моим гребцам привязать нашу шлюпку к ялику и оставаться в ней, чтобы не давать ей биться о борт галеры.

Я взшла на палубу как раз в тот момент, когда сменялись часовые. Никто не приветствовал меня, и я усмотрела в этом еще одно доказательство, что дисциплина у нас падает. Разводящий офицер казался испуганным, увидев меня, и отдал честь. Я тоже отдала честь, а когда он собрался проводить меня к каюте Холлы Ий, я приказала ему оставаться на месте.

– Я бы на вашем месте лучше проверяла караулы, – сказала я. – Если они не заметили меня, то что вообще они могут заметить?

Он стал извиняться, а я пошла своей дорогой.

У двери я остановилась, услышав бряканье костей в стакане – которое не спутаешь ни с чем, – а потом звук броска. Кто-то выругался с досадой. Это был Страйкер, который покинул нашу галеру, не предупредив меня.

– Никогда не видел такого везения! Если бы эти кости не принадлежали мне, я бы потребовал проверить их.

Холла Ий расхохотался.

– Шесть удачных бросков. Не хочешь ли поставить остаток своей доли? Я брошу хорошо и седьмой раз.

Я улыбнулась. Даже имея набитый драгоценностями трюм, Холла Ий все еще не удовлетворился этим, обдирая как липку своих же подчиненных. Как тут не вспомнить выражение «пиратская жадность»!

Страйкер натянуто засмеялся в ответ.

– Как это у вас получается, адмирал? Продали душу демонам?

Холла Ий мгновенно вышел из себя.

– В чем ты меня обвиняешь?

Страйкер сказал примирительно:

– Ни в чем. Абсолютно ни в чем, адмирал. Я просто проклинал вашу вечную удачу.

Холла Ий расслабился и весело фыркнул.

– Ты так же плохо владеешь стаканчиком, как и луком. Я помню, как у тебя была такая возможность, и ветер в нужную сторону, и все были слишком заняты, чтобы видеть, в кого ты метишь. И ты стреляешь – и мажешь!

А Страйкер сказал:

– В этом не моя вина. И вовсе это не было так легко. Тогда здорово качало. Тысяча дьяволов! Кроме того, тут такое везение, что... Я хочу сказать, что ваше везение – ничто по сравнению...

– Придержи язык, – перебил его Холла Ий. – На корабле никогда нельзя быть уверенным, что тебя не подслушивают.

Я покраснела – не в бровь, а в глаз. Раздумывая, спасся ли бедняга, о котором они говорили, я постучала.

– Войдите, – гаркнул Холла Ий.

Когда они увидели меня, они резко покраснели и вскочили. Я едва не расхохоталась. На этом корабле увидеть виноватое выражение лица было труднее, чем достать лед летом.

Холла Ий пробормотал приветствие:

– Я... э-э... рад видеть вас, капитан Антеро. Мы со Страйкером... э-э...

– Решили немного развяться игрой, – встрял Страйкер, выручая адмирала. – Он, конечно, играет получше, понимаете?

Они были похожи на мальчишек, которых застали за баловством. Я рассмеялась.

– Ради всего святого, господа! – сказала я. – Я не какая-нибудь зануда. На самом деле я и сама люблю иной раз зстряхнуть стаканчик с костями.

Они натянуто засмеялись.

– Чему обязан вашим посещением, капитан? – вежливо спросил Холла Ий, одновременно одарив Страйкера таким взглядом, что тот немедленно выскочил из каюты.

Мы с Холлой Ий сели за стол, налив по бокалу бренди. Он быстро согласился со всеми моими предложениями, и дело было закончено. Тогда он заново наполнил наши бокалы и поднял свой.

– У нас было неплохое путешествие, капитан, – заявил он. – Я почти жалею, что оно подходит к концу.

Я отпила бренди.

– Вышло ведь не так, как ожидал Джинна, верно?

Лицо пирата помрачнело.

– Что вы имеете в виду? – зло спросил он.

Я была удивлена сменой его настроения.

– Не надо обижаться. Я думала, всем очевидно, что Джинна хотел отделаться от меня, чтобы ему не пришлось делиться славой. Он никогда не желал нам успеха.

– Джинна обманул меня и моих ребят, лишив законной платы, – проворчал Холла Ий. Почему-то сегодня он решил припомнить все старые обиды.

– Ну, так за вами осталось последнее слово, – сказала я — Мы осели по ватерлинию от золота. Вы получили бы гораздо меньше, если бы не поплыли.

Холла Ий не хотел успокаиваться.

– Я отплывал с пятнадцатью хорошими кораблями, – возразил он. – Теперь у меня осталось их семь, да и те так потрепаны, что никуда не годятся. Это несправедливо. Меня надули.

Я не стала ему говорить, что за горстку конийского золота он сможет возместить все убытки. Наше путешествие подходило к концу, и я хотела плыть вместе со счастливым пиратом. Нет смысла обострять отношения.

– Я прослежу, чтобы справедливость была восстановлена. – пообещала я. – Если потребуется, заплачу вам из своей доли.

– Вы что, думаете, меня интересуют только деньги? – взорвался Холла Ий. – А уважение? Заплатить мне – и коленом под зад? Когда я нужен, адмирал то, адмирал се, да почему бы вам не сплавать, чтобы умереть ради наших интересов... А когда война окончена, я и мои ребята – всего лишь кучка негодяев, по их мнению.

Мне уже надоело. Кажется, он не хочет сохранять хорошие отношения между нами.

– Вы так много раз напоминали мне, что вы – наемник и что воюете только ради золота. Я уважаю такой взгляд на жизнь. Кроме того, я уважаю вас как флотоводца – если это что-нибудь для вас значит. А что касается остального – что ж, такую жизнь вы сами себе выбрали, друг мой.

Я кинула кости в стакан и тряхнула его.

– Если вам не нравится ваш ход, винить некого, кроме себя.

Я опрокинула стакан. Холла Ий машинально посмотрел на кости и остолбенел. Я тоже посмотрела – семерка тарасилась на меня! Любимица Фортуны.

Холла Ий был бледен и потрясен. Одним глотком он допил бренди и сказал:

– Простите мне мою вспышку, капитан Антеро. – Он потер лоб. – Я уже давно не высыпаюсь. И в голове у меня так стучит, что я с удовольствием срубил бы ее.

Мне было плевать, но я постаралась изобразить сочувствие.

– И я прошу прощения. Я должна была заметить, что вы нездоровы. Чем я могу помочь? Может быть, принести эликсир нашего мага?

Холла Ий покачал головой – категоричное «нет». Потом он улыбнулся, снова обретая свой бандитский шарм.

– Мне нужен только такой эликсир, – сказал он, показывая на бренди. Допив бокал, он вытер бороду. – Я прослежу за защитными мероприятиями, которые мы обсудили.

Деловая часть разговора подошла к концу. Мы поболтали еще несколько минут, и я ушла.

Выйдя из каюты, я услышала за дверью бряканье костей, потом их дробный стук по столу. Холла Ий выругался. Видимо, остался недоволен результатом.

Что все это означало, я не знала.

Полилло оплакивала Корайс еще горше, чем я. Они так много лет всегда были вместе, что трудно было вообразить одну без другой. Характер, оттенок кожи и телосложение у них были разными. Полилло вносила в их тандем силу и отчаянную храбрость, а Корайс могла похвастаться ловкостью и мудрой хитростью. Вместе они были ужасны для того, кто осмеливался вставать против них в битве или кабацкой драке. Полилло не плакала, когда Корайс умерла. Вместо этого она набросилась на работу. Она постоянно находила, чем занять своих подчиненных, обучала их новым фехтовальным приемам, которые сама выдумывала, или просто помогала и утешала их в несчастье. И характер ее изменился.

Однажды она отрабатывала выпады деревянным мечом. Один матрос, из любопытства, наблюдая за упражняющимся женским мясом, подошел слишком близко, и Полилло в падении сделала выпад в него.

Он вскрикнул от боли и заорал на нее:

– Чтоб ты сдохла, корова!

Все на палубе замерли. Полилло медленно поднялась на ноги. Возвышаясь над матросом, который побледнел как смерть, она спросила:

– Как ты назвал меня, коротышка?

Матрос сглотнул. Я знала, что он проклинает демонов, потянувших его за язык.

Тут я вспомнила одного человека, который тем же словом назвал Полилло в портовой таверне в Ориссе. Мы мирно пили и флиртовали друг с другом, а тот человек обиделся, потому что дочь хозяина таверны предпочла компанию Полилло, отвергнув его. Ну, он и ударил Полилло сзади стулом, крича: «Получай, корова!» Полилло очень чувствительна ко всяким намекам на ее габариты. Она обиделась. Мы не успели пошевелиться, как она сгребла неприятеля и разбила ему лицо в кровь о свою грудь, а потом, приговаривая «Муму», принялась его душить. Если бы Корайс не вмешалась, она бы убила его.

Я уже предвкушала что-то подобное здесь и побежала к ним, но Полилло, к моему удивлению, внезапно ухмыльнулась и взъерошила волосы бедняги матроса. Потом она фыркнула, наморщив нос.

– Написал в штаны?

Тот кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

– Тогда иди постирай их, – посоветовала Полилло. – Нет ничего хуже, чем сыпь от мочи.

Когда она отвернулась, матрос немедленно упал в обморок.

– Купить тебе выпить, красотка? – спросила я, когда она принялась выколачивать свою тунику.

– Лучшее предложение за сегодняшний день, – сказала она, просовывая руку мне под локоть. Мы отправились в мою каюту, чтобы распить бесцветный конийский ликер, который свалил бы с ног лошадь.

– Сегодня ты продемонстрировала настоящий образец милосердия, – заметила я, когда мы выпили первую порцию.

Полилло пожала плечами.

– Корайс всегда говорила, что вспыльчивость – худшая моя черта. Теперь, когда ее нет, мне приходится самой сдерживать себя. – Ее глаза затуманились. – Я зависела от нее во многом. Но я такая стерва. Не знаю, как она терпела меня. – Она зло вытерла слезу.

– Она любила тебя, Полилло, – сказала я. – Как и мы все. А что касается твоих недостатков, я лично считаю, что боги дали их тебе, чтобы компенсировать твои достоинства. Иначе бы ты была слишком уж совершенной.

Она фыркнула.

– Достоинства? Я большая и страшная. Какие уж тут достоинства!

Я была потрясена.

– Страшная? Полилло, нет на свете женщины, которая не позавидовала бы твоей красоте.

И это была правда. Как я уже говорила, Полилло была прекрасно сложена. Ни одна унция жира не портила ее совершенной фигуры. Ее ноги были грациозны, как у балерины, а лицо с огромными сияющими глазами так и просилось на полотно.

– По крайней мере, я не разбиваю зеркала по утрам, – проворчала она. – Но ты ведь не станешь спорить, что мои сила и размеры чудовищны.

– Тебе дарована сила героев, а не чудовищ, – возразила я. – И когда-нибудь, когда наше время останется далеко в прошлом, о тебе будут петь песни, дорогая. В легендах будут рассказывать о прекрасной женщине, обладавшей силой десяти рослых мужчин. Придется тебе с этим смириться. Ты войдешь в легенды.

Полилло хихикнула.

– Вместе со своим стервозным характером.

– Вместе с ним, – согласилась я.

Она отпила из бокала.

– Я и правда за свою жизнь отлупила нескольких негодяев, которых стоило отлупить.

– Без сомнения, – согласилась я.

– А начала со своего отца...

– Ты говорила мне, что он был негодяем, – сказала я, – но никогда не объясняла почему. Он ведь был владельцем постоянного двора, верно?

Полилло кивнула.

– Отчасти владельцем двора, отчасти кузнецом. Он был велик и силен, сукин сын. Если бы ты видела мою мать, ты бы поняла, что я не зря называю его так. У него был постоянный двор – страшная дыра, но на перекрестке нескольких дорог – и кузница, где он подковывал лошадей путешественников. И он пропивал все вырученные деньги, а мы ходили в синяках и носили лохмотья, пока я не выросла. Иногда мне кажется, что именно поэтому я и выросла такой большой. С тех пор как я себя помню, он нас лупил. Сломал руку моему старшему брату, а тот был – мухи не обидит, добрая душа. Мать всегда хромала, и лицо у нее было в синяках. Я так ненавидела его, что однажды огрела его кочергой, когда он лег спать. Мне было тогда шесть лет, и он страшно выдрал меня.

Больно было дьявольски, но я не кричала. Решила, что этого он от меня не дожидается. Тогда я и решила, что вырасту большой и сильной, и он тогда побоится трогать кого-либо из нас. Я стала поднимать вещи, все, что было тяжелое. И стала бегать и бороться. Когда мне исполнилось десять, я могла поднять его наковальню. И я принялась ждать. Но прошло несколько недель, прежде чем он снова проявил свой характер. Я чуть не взбесилась от ожидания. Я уже начала бояться, что он решил исправиться. Я так ненавидела его, что молилась, чтобы этого не случилось. Вот как я хотела отомстить ему! Но мне был нужен повод.

– И ты получила его в конце концов? Полилло невесело улыбнулась.

– Разве собака пробежит мимо падали? Конечно, я его получила. Он напал на мать. А я

остановила его. – Тут Полилло ударила кулаком по открытой ладони. Я моргнула от костедробительного звука удара. – Один удар. Свернула ему его уродливую челюсть. Зубы разлетелись во все стороны. Даже в суп попали. Потом я вытолкала его, а матери сказала, что отныне таверна принадлежит ей.

– Ты больше его не видела?

– Никогда, – рассмеялась Полилло. – Как он мог оказаться у нас, когда все знали, что его десятилетняя дочь отлупила его? Вот она, мужская гордость! Если мужчина один раз ломается, то это навсегда.

– Как матрос, который сегодня намочил штаны? – спросила я.

Полилло нахмурилась.

– Нет, он не так уж плох. Я видела, как он работает – не отлынивает, как другие. И в бою дрался хорошо. Я просто застала его врасплох. Он не хотел оскорбить меня. Это у него просто вырвалось. Когда я смотрела на него сверху вниз, я сказала себе: «Полилло, старушка, сколько раз ты сама попадала в неприятности и открывала свой рот, когда его нужно было держать на замке?» А потом я подумала, что Корайс бы не понравилось, если бы я убила его. Вот я и не стала.

Она начала наполнять свой бокал, но потом резко остановилась, нахмурившись.

– Как ты думаешь, люди теперь подумают, что я стала мягкотелой?

– А тебя это волнует? – спросила я.

– Да нет, не особенно, – ответила она, немного подумав.

Когда Полилло поняла, что сказала, на ее лице появилась великолепная улыбка.

– Корайс гордилась бы мной, правда?

– Обязательно, дорогая, – сказала я.

И мы провели чудесную ночь, допивая ликер, смеясь и рассказывая небылицы, как когда-то давно, когда мы были молоды и наши надежды были ярки, как непроверенная сталь наших новеньких мечей.

Когда мы взяли курс на восток, я каждый день заставляла себя просыпаться затемно, чтобы видеть рассвет. От этого зрелища я никогда не уставала – когда розовые блики отражались в светящейся воде. Гэмелен, как и все старики, вставал рано, поэтому он обычно присоединялся ко мне, и я описывала ему пейзаж, а он ловил рыбу.

– Когда я был мальчишкой, – сказал он однажды, – мне больше нравились закаты. Все разочарования прошедшего дня исчезали, и багровый свет солнца сулил много радостей завтра. Но когда я состарился, уходящее солнце... напоминает мне о... бренности, черт бы ее побрал! Теперь я уже не уверен, будет ли завтра. А на рассвете легче убедить себя, что до вечера-то ты дотянешь.

– Но вы же маг, – удивилась я. – Разве маги не чувствуют, когда придет смерть? Я думала, что, если Черный Искатель стоит рядом, маг чувствует это.

Гэмелен засмеялся.

– Единственным магом, который правильно предсказал свою смерть, был мой старый учитель. Каждый день он говорил нам, что мы, его тупоумные ученики, сведем его в могилу. И, представь себе, однажды это случилось. Ему было девяносто два.

– Вы его переживете, друг мой, – сказала я. – И лучше не разочаровывайте меня. Или я вас отругаю.

Вместо того чтобы вежливо рассмеяться моей неуклюжей шутке, Гэмелен внезапно серьезно взглянул на меня.

– Вчера мне приснилась пантера, – сказал он.

– Да?

– Ничего особенного. В моем сне она была в моей каюте и хотела выйти. Она волновалась – ходила взад-вперед. Но когда я подошел к двери – ведь я во сне зрячий – и попытался выпустить ее, я не мог отодвинуть засов. Я позвал на помощь, но никто не пришел.

– А потом?

– Это все, – сказал Гэмелен. – Я проснулся. – И он спросил: – А тебе снилась пантера, Рали?

– Мне вообще ничего не снится, – ответила я. – С тех пор как я увидел архонта и первый раз увидела пантеру.

– А обычно ты видишь сны?

– Всегда, – ответила я. – Даже если я не помню, о чем был сон, когда я просыпаюсь, я помню, что мне что-то снилось.

Гэмелен вздохнул.

– Это о чем-то говорит? – спросила я.

– Не знаю, Рали. Серый Плащ считал, что сны могут быть реальностью и когда тебе снится что-то, ты находишься в другом мире. И тот мир похож на твой, за исключением одной маленькой – или большой – детали. Когда ты видишь это, она начинает тебе сниться.

– Этот проклятый Янош имел собственное мнение насчет всего на свете, – проворчала я. – Почему все должно быть взвешено, измерено и залеплено ярлыком? Почему наши сны не могут быть просто снами?

– Может, и так, – согласился волшебник, – но все же в словах Яноша что-то есть. А мне интересно было узнать про пантеру. Ты говоришь, что видела ее иногда наяву?

– Только краем глаза. И всегда в тени. Может, это мне казалось.

– Да, – сказал Гэмелен. – Наверное, казалось.

Той ночью я изо всех сил старалась, чтобы мне что-нибудь приснилось. Я пыталась думать о Ксиа – все время представляла ее себе, пока не увидела ее отчетливо. Но потом она исчезла, хотя я пыталась ее удержать. Но она исчезла окончательно, как только я закрыла глаза. Я заставила себя проснуться и попробовала снова, но опять неудачно. Я попыталась сосредоточиться на других образах – приятных и неприятных, но все они уходили, когда я начинала засыпать. Потом я вообще не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок. Меня попеременно бросало то в жар, то в холод.

И все время мне казалось, что я слышу царапанье когтей и мягкие шаги. Я знала, что это пантера – ходит, ходит...

В конце концов я вышла на палубу. Ночь была тихой, море спокойным. Я подошла к каюте Гэмелена и приложила ухо к двери. Мне показалось, что я слышу изнутри царапанье когтей.

Я попыталась отодвинуть засов снаружи. Он не поддавался. Я нажала сильнее, и засов отодвинулся. Дверь тихо открылась. Волшебник мирно спал.

Тут я почувствовала движение воздуха и отступила. Что-то прошло мимо меня. У него не было формы. Я даже не была уверена, было ли там что-нибудь вообще. Но я отчетливо почувствовала бархатное прикосновение к моей коже и уловила резкий запах большой кошки. Я оглянулась и ничего не увидела. Я снова посмотрела на Гэмелена, потом закрыла дверь и вернулась в свою каюту. Едва я легла, как тут же заснула.

И мне приснился сон. Мне снилась черная пантера. Она бежала через лес, а я ехала у нее на спине.

Глава двадцать третья МОРЕ ДЕМОНОВ

Шли дни, ветер по-прежнему дул с запада или юго-запада, и мы вошли в воды, которые на наших картах были обозначены как принадлежащие Ориссе.

Погода все так же была теплой, и тяготы длительной погони стали потихоньку забываться. Экипажи наших кораблей можно было назвать почти счастливыми. Мои женщины рассказывали друг другу байки и мечтали о том, что будут делать с сокровищами, после того как Орисса и воскресители возьмут свою законную долю. Две стражницы независимо друг от друга тайно попросили меня, как самую красноречивую, выступить перед Магистратом и попросить премии – ведь столько наших погибло за город, поэтому

Орисса может, по крайней мере, отказаться от своей доли.

Я ответила каждой одно: «Жадность губит солдата».

Одна из них – Памфилия – нахально сказала, что жадность не затупила мечи Холлы Ий и его людей. Видимо, она слишком много общалась с Гэмеленом, разболталась и совсем забыла о дисциплине. Я приказала ей явиться к сержанту Исмет и попросить поручить ей какую-нибудь особенно грязную работу по выбору Исмет в наказание за нарушение субординации. Втайне, впрочем, я была довольна, что мои женщины после тягот похода и тяжелых боев не потеряли интерес к жизни.

Вторая – Гераса – пришла ко мне с той же просьбой, но когда я ответила ей то же самое, что и Памфилии, она пристально посмотрела на меня и попросила разрешения говорить. Я ей разрешила. Она спросила меня, почему я так уверена, что она останется в гвардии после возвращения.

На это я ничего не ответила и отпустила ее, сказав, что закон есть закон и не мне и не ей решать, что Орисса сделает с золотом.

Однако ее ответ задел меня. Я поняла, что никогда не задумывалась особенно над будущим. Я всегда считала, что я как стражница получу от города медаль, банкет с вином, особенно почетное – ведь я женщина! – генеральское звание и уйду на пенсию, доживая свой век в семейной усадьбе. Либо это, либо, скорее, погибну в какой-нибудь мелкой пограничной стычке. Я не представляла себе Жизнь вне гвардии. С юных лет я была себе и мать, и отец, и любовница больше, чем кто-либо из моей семьи, больше, чем Отара, Ксиа и даже Трис, как бы сильно я их ни любила.

Я пыталась отбросить эти мысли – нехорошо для солдата думать о будущем, потому что если на посту стражница размахнется о теплых тавернах и мягких постелях, скорее всего она промечтает свою смерть от кинжала убийцы или шпиона. Но полностью перестать думать о своей жизни я не могла.

Я, вообще-то, прекрасно знала, что ждет нас в будущем. Архонт. Первым делом после возвращения мы с Гэмеленом пойдем к магистрам и воскресителям и расскажем им, чего мы опасаемся.

Все это здорово угнетало меня, хоть я и старалась не подавать виду. Спала я после этого плохо и часто просыпалась. То было жарко, то холодно. Я знала, что мне снились сны, и были они о чем-то плохом, но о чем – после пробуждения вспомнить не могла.

Один из этих ночных кошмаров спас мне жизнь. Я проснулась, резко сев в гамаке, пытаясь стряхнуть остатки сна. Мое тело хотело спать, снова лечь, но я сопротивлялась, зная, что, если я не встану, не похожу немножко, кошмар, каким бы он там ни был, вернется. Я прикинула, что до рассвета недалеко. Среди звуков поскрипывания корабельных балок и шума волн я услышала другой звук – поскребывание, кто-то пытался отодвинуть засов моей двери. Дверь открылась, на пороге стояла тень, которая скользнула к моему гамаку, вытянула руку с оружием – длинным обоюдоострым кинжалом – и ударила в то место, где я лежала.

Но меня-то в тот момент там не было.

Не успел убийца опомниться, я выскочила из темного угла и бросилась на него, накинув ему на голову наспех сдернутое с постели одеяло. Не давая ему передышки, я ударила его коленом в живот. Убийца согнулся. Было очень темно, и я почти не видела, где мой противник.

Я знала, что он еще не побежден, и тут долгие часы тренировок оказали услугу моим мышцам – я швырнула его на пол и ударила в лоб основанием ладони. Он стукнулся затылком об пол. Я ударила его еще раз – в висок и едва удержалась от последнего смертельного удара – в горло. Тело врага обмякло. Я слезла с него и нащупала подвесную лампу. Открыв крышку, я принялась дуть на тлеющий фитиль, пока не вспыхнул огонек. Я собралась вызвать караул, но потом решила с этим повременить. Нападавший поднимался, опираясь на руки, трясая головой, чтобы обрести ясность мысли после удара. Я подхватила его кинжал, опустила рядом с ним на колени и оттянула его голову за волосы.

Это был Страйкер.

Он мигнул и уставился на кинжал, который я держала у его подбородка.

– Твоя идея? Или Холлы Ий? – спросила я.

Он поджал губы. Я сделала неглубокий разрез у него на шее. Потекла кровь.

– Значит, Холлы Ий, – решила я, зная, что, если бы это была вспышка собственного гнева Страйкера, он бы немедленно попросил суда его начальника. – Зачем?

Страйкер упрямо сжимал губы, и я сделала новый надрез.

– Ты ведешь нас к гибели, – торопливо ответил он. – Что-то ждет нас впереди. Холла Ий сказал, что чувствует это, и я чувствую. И мы знаем, кто это.

– Архонт?

– А ты не глупа.

– Какая вам польза меня убивать?

Выражение лица Страйкера мне не понравилось, и я опять порезала его.

– Говори лучше. Или я кликну Полилло с ее топором, и она будет расплющивать тебе пальцы один за другим. Что вы хотели выгадать от моей смерти?

– Можно мне сесть?

– Нельзя. Говори, или опять пущу кровь.

– Холла Ий объяснил мне, что происходит. Сказал, что у него бывают видения. Как у воскресителя. Сказал, что к нему приходил архонт, хоть он и не видел ни его лица, ни тела, – это был он. Архонт сказал, что погоня не окончена, а мы никогда не доберемся до Ориссы, если он не захочет. И магистры не заплатят нам наших денег, даже если доберемся. Он сказал, что те, кто с ним, получают все, а те, кто против него, будут разорваны демонами.

– И вы... и Холла Ий поверил архонту?!

– Я знаю, это звучит не очень благородно, – ответил Страйкер. – Но Холла Ий сказал, что с таким волшебником спорить нельзя. Особенно если он что-то обещает и говорит, что ему в помощь нужны люди, живые люди, чтобы вернуть трон. Трон и еще кое-что. Холла Ий сказал, что теперь архонт получил настоящую власть. Вы с этим проклятым Гэмеленом тоже об этом говорили, когда думали, что никто вас не слышит. Я думаю, архонт почти стал богом, – продолжал Страйкер. – Человек не может воевать с богом. Разумнее попытаться договориться с ним. Может, если служить ему хорошо, он поделится с тобой добычей.

Страйкер скривился.

– Я должен был знать, что так кончится, когда на корабле выбросил двойку – «глаза смерти» – в костях, а все потому, что ты была рядом. Я должен был понять, что проклят еще с того первого раза, когда мы встретили архонта у вулканических рифов. Мне тогда не удалось выполнить то, что задумал.

– О чем ты говоришь?

– Я тебе скажу. Теперь уже все равно. Помнишь, как вы с этой черной стервой стояли на фок-мачте корабля архонта?

Я вспомнила все очень отчетливо, и дыхание у меня перехватило. Я инстинктивно отпрянула от Страйкера. Тогда мы с Исмет взобрались на мачту корабля архонта и между нами воткнулась стрела, поцарапав Исмет руку. Лучника никто из нас не видел. Неудивительно, что мы не видели его, ведь стрела прилетела с нашей же галеры.

– Я помню, – сказала я.

Страйкер с трудом сел. Пощупав рукой порезы на обеих сторонах шеи, он поморщился.

– Значит, это выстрелил ты?

– Я. И промахнулся. Почти попал в черномазую, но если бы попал, было бы тоже неплохо.

– Это Холла Ий приказал?

– Никто ничего не приказывал. Холла Ий просто сказал, что генерал Джинна намекнул, что ты – его враг, и, когда мы вернемся, он будет сидеть в Магистрате, и, если ему не придется возиться с тобой, наши счета будут оплачены гораздо быстрее и лучше. А с архонтом мы можем разобраться сами.

– Идиоты! А почему, кстати, вы не делали новых попыток до сегодняшнего дня? – спросила я.

– Потому что на самом деле я не такой уж идиот. После тех рифов мы с Холлой решили, что нам нужен каждый меч. Он сказал, что насчет Орииссы и Джинны можно будет подумать попозже, когда мы будем возвращаться.

– Вы оба – тупицы, – сказала я. – Вы поверили, что архонт подыщет вам теплое местечко? Вспомните Сарзану! Он тоже думал, что сможет договориться с ним. Я никогда не видела еще... – Тут я оборвала сама себя, понимая, что говорю чушь. Дух архонта, или там демон, или кто бы он ни был, не стал бы ни о чем просить, не воспользовавшись чарами убеждения.

– Ладно, – сказала я. – Будем разбираться с проблемами по мере их поступления. Сначала ты, потом – Холла Ий.

Я до того момента не знала, что делать со Страйкером, и только начала думать об этом. Но он решил, по моим словам, что его минуты сочтены. Я не заметила, как он подтянул под себя ноги, и тут он бросился на меня, пытаясь одной рукой схватить кинжал, а другой выцарапать мне глаза.

И снова мои мышцы сработали прежде, чем я успела опомниться. Я плашмя упала на спину, выставив вверх кинжал, и Страйкер напоролся на собственное оружие. На меня хлынула кровь, он громко застонал, дернулся и умер. Я вылезла из-под его тела и встала на ноги. Надев тунику, я схватила свой пояс с мечом. Потом я крикнула через дверь на нижнюю палубу, вызвав стражниц. Мои женщины мгновенно вскочили, а я побежала по трапу на главную палубу, и мой меч отразил бледный свет восходящего солнца.

Галера Холлы Ий оказалась в семидесяти футах от нашей, на ее борту у абордажных мостиков стояли вооруженные люди. Во главе их был сам Холла Ий в полном боевом облачении. Он увидел, что я жива, и злобно завопил. За его кораблем подходили еще два – одна галера Кидая, не помню капитана второй. Видимо, он решил, что для того, чтобы расправиться с нами, ему достаточно трех судов, или ему не удалось убедить капитанов остальных кораблей участвовать в восстании.

Стражницы высыпали на палубу, на ходу надевая шлемы и пристегивая мечи. Среди них были матросы Страйкера, до конца не разобравшиеся в происходящем. Очевидно, опытный в заговорах Холла Ий посвятил в тайну ровно столько людей, сколько было необходимо. Если бы меня убили в каюте, у Страйкера было бы достаточно времени убедить своих матросов напасть на стражниц. Но теперь...

– Убейте их! – закричал Холла Ий. – Убейте этих сук! Всех! Они продались архонту!

Несколько матросов посмотрели на нас... потом посмотрели на наши мечи.

– Всякий, кто нападет на нас – умрет! – закричала я в ответ. – Холла Ий – предатель! – Тут я тихо обругала себя. Нужно было выражаться яснее. И так никто ничего не понимает. Я изменила тактику: – Все матросы, спускайтесь в трюм! Или умрете! Не лезьте в это дело!

Некоторые направились к люкам, но другие остались на месте. Дюбан, видимо, что-то знал, потому что выхватил кортик из ножен. Прежде чем он успел метнуть его, Исмет зарубила его мечом. Матросы завопили от ярости.

Но мне было не до них – корабли Холлы Ий уже были очень близко.

– Отразить абордажников, – приказала я. – Гераса! Стреляй в рулевого и в Холлу Ий!

Моя лучшая лучница, которую я сделала сержантом, несмотря на ее протесты, приказала своему отделению выстроиться у борта и открыть огонь. Но было уже поздно. Я видела, как стрела ударила пирата, стоявшего рядом с Холлой Ий, выругалась – лучнице надо было целиться получше. А в следующее мгновение галера Холлы Ий ударилась о наш борт, зубастые абордажные мостики впились в дерево, и два корабля оказались связанными. Другой корабль заходил слева, но наши пращницы метнули камни, и трое пиратов, включая рулевого, упали с раздробленными черепами. Неуправляемый корабль отнесло от нашей галеры.

Третий корабль приближался с кормы, но у меня появились другие проблемы, потому

что матросы Холлы Ий перескочили на нашу палубу, и началась свалка.

– Клином! – закричала Полилло, и четыре стражницы выстроились за ней. Матросы, крича от страха, пытались убраться с их пути. На меня напали два пирата. Они думали, что преимущество на их стороне, но я отпрыгнула в сторону, и они столкнулись. Я отбила неуклюжий удар одного, полоснула мечом по его предплечью, перерезав сухожилия. Он выронил меч. Я молниеносно убила второго, а потом прикончила раненого прежде, чем он успел прийти в себя.

– Убивайте их! – ревел Холла Ий. – Убивайте! Убейте их чертову капитаншу.

Передо мной вырос пират, держа перед собой окровавленную секиру. Он парировал мой удар, сделал выпад, но я успела увернуться. Он мгновенно снова принял боевую стойку. Он был опытным бойцом. Я сделала пару нырков в стороны, пытаюсь запутать его, сделала ложный выпад, его глаза расширились, а я упала на бок, перекатилась и выбила его оружие, которое воткнулось в палубу.

Сайт – это был он – вскрикнул от страха, я ударила сверху вниз, снося половину его лица. Его отбросило назад к фальшборту, он перевалился через него и упал за борт. Другой пират ударил меня сбоку секирой, но не попал, оцарапав лишь кожу на ребрах. В боку загорелась боль. Я схватила древко секиры свободной рукой, дернула ее на себя вместе с владельцем, насадив его на мой меч. Его глаза закатились, и я выдернула меч из обмякшего тела.

Схватка кипела на палубе, и было непонятно, чья берет. Способ покончить со всем этим был очевиден, и я принялась прорубаться к Холле Ий. Благодаря его высокому росту, я хорошо его видела, он рубил мечом, его намащенные волосы сверкали в солнечном свете.

Но Полилло опередила меня. Я видела, как Холла Ий замахнулся на нее мечом, Полилло отпрыгнула, меч прошел мимо. В ту же секунду Полилло ударила его топором в грудь. Холлу Ий отбросило назад. Но крови не было, на его лице не было следов агонии – он носил панцирь под туникой. Они с Полилло принялись танцевать друг против друга. Каким-то образом все поняли, что их поединок решит исход битвы, и схватка прекратилась. Никто не шевельнулся, чтобы помочь одному из них.

Огромный двуручный меч Холлы Ий был отлично сбалансирован, поэтому он мог рубить и одной рукой, образуя перед собой веер сверкающей стали. Полилло наступала, поигрывая топором, заставляя его отступать к борту.

Увидев возможность, Полилло ударила. Кто-то – наверное я – застонал, когда она промахнулась, открывшись для смертельного удара Холлы Ий. Он и ударил слева направо, но Полилло каким-то образом остановила свой топор на полпути, парировав удар. Холла Ий на секунду потерял равновесие. Пират атаковал снова, возвращая меч назад, теперь уже справа налево, но снова его удар был отбит, и Полилло рубанула его без замаха с такой силой, что я не смогла бы так ударить и сплеча. Лезвие погрузилось в бок Холлы Ий, пробив его броню, брызнула кровь, вылезли кишки, и Холла Ий завыл в агонии и упал назад с черным от предсмертного гнева лицом.

Я пришла в себя и напала на матроса, но он бросил меч и поднял руки, моля о пощаде. Его примеру последовали остальные, и мечи зазвенели о палубу. Мои глаза застлало кровью, когда я увидела трех, нет, четырех убитых стражниц, и, может быть, я бы приказала не давать пощады, но увидела Гэмелена, стоявшего на капитанском мостике. Его по-прежнему охраняли верные приказам Памфилия и ее напарница.

– Остановитесь! – могучим голосом крикнул Гэмелен. – Он идет! Он идет! Я вижу его!

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, о чем говорит Гэмелен. Его глаза были чисты, они смотрели на меня, на мир, а не внутрь себя, как раньше.

Море вскипело, и на нас напал архонт.

Мы так и не увидели его, потому что он атаковал не просто магией, а напустил на нас морских демонов и чудовищ океанских глубин.

Вода потемнела, как от чернил, и из воды к соседнему кораблю протянулись щупальца, схватили матроса, потом другого и потащили их к огромным, лишенным век глазам, под

которыми щелкал загнутый клюв. Крики несчастных быстро смолкли. Из глубин поднялось еще одно чудовище – чешуйчатая саламандра в три человеческих роста. Ее чешуя была черного цвета с красными полосками. Каждый раз, когда она открывала пасть, из нее вылетал огонь. Она неловко вскарабкалась на галеру Кидая, матросы начали метать в нее копьа, но она опалила их огнем, и они превратились в вопящие и мечущиеся факелы.

Чуть поодаль я увидела других существ, некоторые были, без сомнения, демоны вроде Элама, но намного меньше по размерам, чем тот. Они лезли на корабли, их когти по остроте не уступали мечам. Они хватали, рвали на части, обвивали телами и душили, как удавы. Чудовище, превосходящее размерами первого спрута, обвило одну из галер щупальцами и погрузилось вместе с ней. Галера исчезла бесследно, на поверхности остались только деревянные предметы с палубы, которые недолго кружил водоворот.

Я думаю, в ту минуту все потеряли контроль над собой, видя ужасающих чудовищ страшнее смерти, которых не бывает даже в ночных кошмарах. Некоторых парализовал страх, и они погибли. Другие храбро сражались, но погибали тоже.

Битва не была совсем односторонней. Огненная саламандра раскрыла пасть, и в эту секунду Кидай метнул в нее копье, попав прямо в отверстую пасть. Кидай сгорел, а саламандра взревела в агонии, покатила по палубе, сбивая людей и круша мачты, упала в черную воду и исчезла. Поврежденная галера дала течь и стала тонуть.

Вскарабкавшийся на борт нашего корабля демон наткнулся на Полилло, которая топором снесла ему полчерепа. Чудовище не умерло – ослепнув, оно вылезло на галеру, прошло ее поперек и упало с противоположного борта.

Из глубин поднялся другой монстр. Он был длиной футов двадцать и напоминал змею грязно-серого цвета, но без ноздрей и без глаз. Его воронкообразная пасть была утыкана клыками. Тварь бросилась на меня, я отскочила в сторону, заметив при этом секиру, принадлежавшую убитому мною пирату. Я бросила свой меч и схватила ее. На конце секиры был острый наконечник, как у копья. Чудовище снова бросилось на меня, и я ударила изо всей силы, пригвоздив его к палубе. Оно какое-то время извивалось, как червяк на крючке, потом издохло.

Над носом галеры появился чудовищный морской змей. На его морде, под рогом, блестели длинные зубы. Он схватил одну из стражниц и ужасно зашипел, когда несколько стрел пробили ему голову. Моя ярость прошла. Я снова обрела способность мыслить.

Магия вызвала из глубин это отродье, и только магия могла загнать его обратно. Я попыталась придумать подходящее заклинание, но безуспешно. Я побежала к Гэмелену. В этот момент на мостик вылез демон. Он был похож на водяного лемура, но был полосат и вместо рук имел несколько кос. Он набросился на Гэмелена, но тот увидел его и повернулся. Волшебник увидел гарпун, прикрепленный к стене, и схватил его. Памфилия встала между монстром и Гэмеленом, выполняя свой долг. В тот момент, когда коса перерубила ее надвое, она воткнула свой меч в сердце чудовища.

Я избежала на мостик, но Гэмелен поднял руку.

– Нет, Рали, – спокойно сказал он, как будто мы сидели в его уютной каюте, обсуждая теорию магии. – Не подходи близко.

Я поняла, что должна подчиниться, и остановилась.

Гэмелен улыбнулся мне доброй, дружеской улыбкой и попрощался, глядя уже не на меня, а в черное море.

Порывшись в складках одежды, он вытащил ониксовый ларчик с сердцем архонта. Подняв его обеими руками, он заговорил очень тихо, но его голос разнесся над океаном как ураган:

Сила осилит силу,
Темнота победит темноту,
Она не выстоит.

Темноту пожрет огонь,
Огонь убьет ночь.
Вот и все,
Пришел конец,
Сила осилит силу.

Пока он говорил, его руки двигались странным образом, кругами, словно он рисовал невидимые символы. Из ниоткуда раздался вопль боли, затем еще какой-то звук, больше всего похожий на треск ломающегося льда.

Мне трудно описать, что было дальше, скорее всего, зрелище напоминало облако тумана, разорванное ветром. Из Гэмелена полетели какие-то клочки. Когда они попадали в демонов, те корчились, визжали, умирали или просто тонули. Ветер оглушающе ревел, выл, но наши паруса висели безжизненно.

Я услышала торжествующий крик, громом раскатившийся по небу; мне показалось, что кричал Гэмелен. Настала тишина.

Море было спокойным, как деревенский пруд.

Все чудовища архонта исчезли.

Но кровь и внутренности все еще усеивали нашу палубу; везде валялись трупы и стонали раненые.

Гэмелен стоял неподвижно, в руках у него ничего не было. Я рванулась к нему, и он покачнулся. Я поймала его, не дав упасть. Его глаза были ясными, зрячими, но смотрели сквозь меня.

Он улыбнулся еще раз и умер.

Я почувствовала, что его нет, я почувствовала пустоту. Ушло что-то живое, теплое, доброе.

Я положила его и стояла, не сдерживая слез.

Гэмелен умер и унес с собой наш единственный талисман – сердце архонта.

Присутствия самого архонта я больше не ощущала.

Он чуть не уничтожил нас с помощью предательства и своей магии. Из семи кораблей на плаву осталось два – наш и флагман Холлы Ий.

Мы перевязали раненых и похоронили мертвых. Их было много, почти столько же, сколько после битвы с Сарзаной. Памфилия. Клигс. Дацис. Другие. Матросов погибло больше, чем стражниц, но что с того? Иногда для прощальной церемонии, чтобы духи усопших нашли покой, у нас было тело, иногда только обрывок одежды, флакон духов или – как в случае с Клигс – только ее любимая фляжка.

Потом мы наскоро починили все, что можно, и снова взяли курс на восток.

Через два дня мы встретились в море с кораблем из Ориссы.

Книга третья ОРИССА

Глава двадцать четвертая ВСЕ ПРИВЕТСТВУЮТ ГЕРОЕВ

Чем ближе подходил корабль, тем больше мы убеждались, что он – не игра света и не плод потрясенного битвой воображения.

– Он прямо из дома! – в восторге завопила Полилло, долбя меня по спине.

Некоторые радостно кричали, некоторые плакали, все были счастливы, когда матросы с приближающегося корабля окликнули нас на родном языке. О, как любили мы каждый дюйм того корабля, его знакомую форму, дерево, из которого он был сделан, – оно выросло в

благоуханных загородных лесах. И слова наших земляков текли так радостно и легко, как наша родная река. Мы знали улицы, на которых жили портные, сшившие им костюмы, – там всегда пахло краской для одежды, которая придавала тканям солнечные ориссианские цвета. Форма их бород, модели башмаков и сандалий, даже кольца и шейные платки – все это пело о доме.

Еще большую радость доставил нам их капитан. С его слов выяснилось, что карты неточны, и нам оставалось плыть до Орииссы не несколько недель, а несколько дней. Огромный груз свалился с наших плеч. Теперь всеми нашими проблемами и неудачами мы сможем делиться с земляками. Даже если архонт снова нападет, ему придется встретиться с тысячами ориссиан. Больше нам не придется в одиночку нести эту ношу. У нас будет помощь друзей, возлюбленных и родственников.

Я легко избежала на борт ориссианского корабля, как изношенную одежду сбросив с себя печали и страхи. О наших раненых позаботились, о мертвых будут молиться родственники, чтобы облегчить им переход в другой мир. На торговом корабле было мало места, но нас осталось только двадцать, поэтому нас легко разместили всех. Без дальнейших проволочек мы поплыли домой, взяв наши галеры на буксир – они были гораздо меньше встреченного нами торгового корабля, – это было легче, чем переносить на «купца» все наши сокровища. Думаю, что в тот момент никто из нас не думал о золоте – оно досталось нам слишком дорогой ценой.

Меня поселили в одной комнате с Полилло. Как только мы разместились, к нам пришел капитан, чтобы проверить, удобно ли нам. Капитана звали Вазанно.

– О вас так давно не было слышно, капитан Антеро. Мы считали вас погибшей. – Он налил нам по бокалу красного вина, которое мы не пили уже два года. Я живо представила себе напоенные солнцем лозы, из которых оно было сделано.

– И слишком много раз, куда больше, чем мне хотелось бы, вы были очень близки к истине, – ответила я.

– Самый страшный бой был за два дня перед встречей с вами, – сказала Полилло. – На нас напали морские чудища, и демоны, и еще бог знает кто.

– Да неужели? – удивился капитан. – Расскажите мне как-нибудь о своих приключениях, когда выдастся минутка.

Полилло фыркнула.

– Потребуется очень много времени и полдюжины бутылок. Рассказывать долго. Мы почти проплыли вокруг света и вернулись назад. Видели такое, что у вас кровь в жилах застынет, когда мы начнем рассказывать.

Вазанно направился к двери и сказал, уходя:

– Я очень хочу послушать вашу историю. Но, боюсь, вряд ли найдется время. Такой уж я капитан, что везде люблю держать все под контролем.

И он зевнул.

– Простите. Я почти не спал в этом рейсе. Нам долго пришлось возиться с размещением балласта.

С этими словами он ушел.

– Хладнокровен как рыба, – вслед ему сказала Полилло. – А воображения вполтину меньше, чем у рыбы.

Я вздохнула.

– Он один из тех, на чей счет все время проходится мой брат. С тех пор как были открыты Далекое Королевства, все время не хватает опытных моряков. Этот хоть разбирается в морском деле.

– По крайней мере, он оставил вино, – заметила Полилло, наполняя наши бокалы.

Она подняла свой:

– Добро пожаловать домой.

– Добро пожаловать домой, – эхом отозвалась я.

Когда мы прибыли в Ориссу, нас приветствовали как героев. Были музыка, танцы на улицах, речи магистров, магическое представление, данное воскресителями. Перед нами прошли парадом солдаты в нарядной униформе, впереди них генерал Джинна – да, этот проклятый Джинна, и – чудо из чудес – он толкнул речь, в которой сказал, какие мы храбрые и благородные – и особенно я! Я только хлопала глазами от такой циничности – мой самый страшный враг из смертных приветствует меня! Джинна закончил свою речь, и военные музыканты сыграли на своих трубах нечто вроде «ура!». Потом так же быстро, как и появились, Джинна с солдатами ушли. Тут и толпа начала расходиться, ориссиане отправились по домам заниматься своими делами.

Все приветствие оказалось натянутым, искусственным. Видимо, для остальных ориссиан война была давно закончена, а мы оказались всего лишь напоминанием о мелком незавершенном деле. Я представляла себе, что будут говорить в тавернах через несколько недель: «Капитан Антеро? А-а, помню вас. Ведь вы из маранонской гвардии, кажется. Девочки Джинны. Вы вроде какой-то подвиг совершили, но вот хоть убей, не помню какой. Я бы вам купил выпить, но в кошельке у меня отлив. Приходите в следующий раз, тогда я вас угощу». Я не чувствовала особого разочарования, не жалела себя, я просто забыла обо всей этой ерунде – ведь так обращались с солдатами всегда, с начала времен. Мы были солью земли, когда били барабаны войны, но когда наступал мир, от нас старались побыстрее отделаться. И вообще Я была слишком рада снова оказаться дома, чтобы огорчаться.

Я отдала команду «смирно» и, согласно протоколу, повернула строй лицом к сержанту Исмет. Мне, как и всем другим стражницам, хотелось поскорее попасть домой, но когда Исмет гаркнула «разойдись» и мои женщины, дважды топнув кожаными башмаками, разбежались и смешались с толпой, я подозвала Исмет к себе.

– Сержант, – сказала я, – насколько мне известно, у вас нет семьи.

– У меня есть гвардия, капитан. Чего еще мне желать?

Я в который раз удивилась. Неужели эта женщина и впрямь – земное воплощение Маранонии? Снова заговорив, я тщательно подбирала слова.

– Я просто подумала, что в казармах теперь будет одиноко, когда все в отпусках. Не хотите ли погостить у меня? Места более чем достаточно, а мы, Антеро, не чувствуем себя счастливыми, гели у нас не обитают шесть-семь друзей.

Исмет замялась, и я поняла, что она с трудом поддерживает разговор на невоенную тему.

– Прошу прощения, капитан, но я не очень понимаю, что такое одиночество. Остаться одной в казармах – что ж? С нетерпением жду этого. У меня будет возможность расслабиться, вспомнить, кто я такая, и восстановить силы. Если захочется с кем-нибудь поговорить – за воротами полно таверн. Когда я устаю, я возвращаюсь в казармы и слушаю там тишину, хотя ее обычно нарушают бряцание оружия, разговоры и переключка часовых. Не знаю, что бы я без этого всего делала. Стража – вот моя семья. Я знаю, другим женщинам нужно что-то еще. Мне – нет. Может быть, это оттого, что я не отсюда родом.

Она замолчала. В первый раз я слышала от Исмет упоминание о ее прошлом до службы.

Я думала, что сказать, чтобы закончить этот неловкий разговор, когда Исмет снова заговорила:

– Спасибо за приглашение, капитан. Но я думаю, вам будет лучше, если старая вояка не будет путаться под ногами, когда у вас появятся важные дела. Может быть, как-нибудь встретимся, закажем выпить и вспомним наш последний поход, если захотите. Я думаю, кое-что у нас надо изменить до того, как мы получим новое задание.

Такой вот была Исмет. Я сказала, что, конечно, мы встретимся, она отдала честь и ушла.

Полилло и другие стражницы попали в объятия друзей и родственников. Все мои женщины заслуживали хорошего отдыха. Я поискала в редющей толпе своих, и сердце у

меня упало, когда я не нашла Амальрика. В горле сразу встал ком разочарования. Потом я увидела Порсемуса и других братьев с женами. Они шли ко мне. Я пошла им навстречу, предчувствуя их холодные приветствия.

Вообразите мое удивление, когда Порсемус повис на моей шее, крича: «Ты вернулась, Рали, слава богам!» Потом он поцеловал меня. Я посмотрела ему в лицо. Оно было полно эмоций, в глазах стояли слезы.

Потом остальные окружили меня, говоря, что гордятся мной и всякую другую чушь. Кажется, они говорили искренне. Братья обнимали меня и хлопали по спине, а их жены рыдали навзрыд, приговаривая, что не было на свете женщины храбрее меня. Я тоже раскисла и плакала, и все такое.

– А где Амальрик? – спросила я сквозь слезы.

– Он будет так жалеть, что не встретил тебя! Они с Омери еще двух дней не прошло, как отплыли в Далекие Королевства. Мы ему немедленно пошлем сообщение. Он тоже очень беспокоился.

Мне был нужен Амальрик не только потому, что я соскучилась по нему. Нужно было что-то делать с архонтом – немедленно! Теперь, когда Гэмелен мертв, у меня не осталось покровителя в высоких сферах. И тут я увидела беспечную фигуру, идущую по улице – это был Маларэн, наш с Амальриком общий друг. Он, как и его отец, был магистром – получил этот пост незадолго до того, как я отправилась в Ликантию.

Извинившись, я разорвала цепкие объятия моей семьи и побежала вслед за ним. Я догнала его, когда он заворачивал за угол.

– Маларэн! Подожди! – крикнула я.

Он остановился, увидел меня. На его щегольски красивом лице появилась кислая улыбка.

– Какая радость видеть вас, капитан Антеро. И он протянул руку.

Я засмеялась, отбросила его руку и стиснула его в медвежьих объятиях, мельком заметив испуганное выражение его лица.

– К чему эти формальности, Маларэн? Последний раз, когда мы говорили, ты хотел, чтобы я стала тебе сестрой, которой у тебя никогда не было, и мы собирались поменять тебя на Порсемуса, чтобы ты мог присоединиться к нашей семье. Ясное дело, мы тогда слишком много выпили, но для лежащего на полу таверны парня ты рассуждал здраво.

Маларэн нервно рассмеялся и тоже обнял меня – чересчур сильно.

– Да, э-э... Ради, дорогая, ты ведь знаешь, я тебя люблю больше всех.

– Как ты жил-поживал, старый сердцеед? Жена тебя еще не выгнала?

Снова нервный смешок.

– Ну ты же знаешь нас, Ради. Ссоримся и миримся. В конце концов все прощаем друг другу.

– Не знаю, как это у вас получается. Либо ты хитришь, либо твоя жена с кухонным ножом в руке заставляет тебя во всем с ней соглашаться.

Опять хихиканье.

– Весьма остроумно, – сказал он. А потом: – Теперь, когда ты вернулась, ты должна отобедать с нами.

– Ты потерял разум или чувство юмора? – удивилась – я. – Ведь твоя жена ненавидит меня. Она думает, что я – твоя тайная любовь.

– Да, верно, – слабо согласился он.

Он снова деревянно обнял меня.

– Извини, – сказал он, – но мне надо бежать. Магистрат, понимаешь.

Я остановила его.

– Послушай. Я догнала тебя не только затем, чтобы полюбоваться на твою красивую мордашку. Есть более важная причина.

Я держала его за рукав, а он вежливо пытался высвободиться.

– Правда, дорогая, – говорил он. – Мне надо идти.

Я устала и была раздражена. Мне хотелось накричать на него, объяснить, что судьба Ориссы в опасности, но тут подошла моя семья, и я внезапно почувствовала, что все это глупо, ненужно. И я сказала:

– Маларэн, ну пожалуйста! Прошу тебя ради нашей дружбы. Найди время повидать меня. Это вопрос жизни и смерти.

– Очень хорошо, – сказал тот со вздохом. – Завтра я пришлю за тобой паланкин.

Он вырвался как раз в тот момент, когда подошел Порсемус и остальные, и я снова оказалась погребенной под горой необъятной семейной любви.

Маларэн так и не прислал обещанных носилок ни на следующий день, ни когда-либо вообще. Я послала ему несколько записок с просьбами о встрече – каждая новая отчаяннее предыдущей. Он отвечал неуверенными отговорками, словно старался избегать меня. В те дни семья носилась со мной как с младенцем. Мы все поселились на вилле Амальрика и заполняли мои часы бесконечными торжествами и пирами в мою честь. Еда и вино поглощались в невообразимых количествах. Удивительно, передо мной стали маячить весьма соблазнительные молодые женщины. В отличие от Амальрика, мои братья всегда презирали мои сексуальные увлечения, а их жены просто терпеть меня за это не могли. Но в свете нашей новой семейной любви все было забыто. Я слишком устала, чтобы поддаваться на соблазны, но все-таки испытывала радость – ведь столько лет я была изгоем в семье. Я не переспала ни с кем из тех женщин – во мне тогда умерло желание, особенно после того, как я спросила о Трис и мне ответили, что она вышла замуж и родила ребенка, которому сейчас чуть меньше года.

Теперь я понимаю, что превратилась в настоящий вулкан эмоций, которым не было выхода. Каждый раз, когда я чувствовала приближение взрыва, я отступала назад, боясь, что не справлюсь с последствиями. А причиной всему был Гэмелен.

И не только потому, что он отдал жизнь за меня – как будто этого было недостаточно. Он проявил неслыханное мужество. Он был слеп, слаб, почти начисто лишен дара. Удивительно, как он сумел найти силы для последнего боя. Я кое-что знаю о магии, но мои знания – песчинка в пустыне. Он, должно быть, опустился до самых глубин знания, чтобы победить архонта. Я переживала его смерть и свое незаслуженное спасение каждую ночь, каждый час одиночества. Если не считать матери, я оплакивала Гэмелена больше, чем все остальные мои потери – даже больше, чем Отару, даже – я должна быть честной – больше, чем отца.

Я пыталась заглушить боль алкоголем, но каждый раз, когда я достигала грани, за которой кончается трезвость, я ставила стакан на стол. Я боялась потерять контроль, почему – не знаю сама. Иногда мне казалось, что за мной наблюдает кто-то невидимый – только за мной, а не за моей семьей, хоть они и постоянно крутились вокруг меня, выполняя мои малейшие желания. Я часто чувствовала чье-то присутствие. Ночью, как ни странно, мне казалось, что меня испытывают на слабость. Я не стала рассказывать семье об архонте, как ни любили меня сейчас братья, они очень нервничали, когда речь заходила о магии.

А еще я скучала по стражницам, с которыми мы вместе провели два года. Все они были в отпусках, и я не могла их разыскать. Однажды я вышла ночью, чтобы поискать их в наших любимых тавернах. Еще было не очень поздно, но огни почти не горели, было тихо. Вы, должно быть, знаете, что в Ориссе обычно кипит ночная жизнь. Но именно в тот вечер даже крыс на мусорных кучах не было.

Только храм Воскрешения был освещен огнями. Аура магического света окаймляла здание. Нижний этаж был ярко освещен, а воздух потрескивал, как случается, когда работают маги. Вот и ответ – подумала я. Видно, сегодня какая-то религиозная церемония, про которую я забыла, – поэтому и город такой тихий.

Но все же даже в святые дни, хоть какие-то таверны должны быть открыты. По Хлебной улице я срезала дорогу и пошла к постоялому двору, где выпивка всегда считалась важнее, чем боги. Но улица как-то странно извернулась, и, даже не поняв, в чем дело, я оказалась в том же месте, с которого начала свой путь. Я с удивлением посмотрела вокруг –

эту часть города я знала очень хорошо. Вот дворец гильдии хлебопеков, напротив него склад, куда мельники привозят муку, потом ее доставляют в многочисленные хлебные печи, расположенные на этой же улице. Снова я направилась к таверне и снова очутилась на прежнем месте, откуда вышла. На этот раз я пожала плечами. Амальрик всегда говорил:

«Как часто подводит память, когда возвращаешься после долгого путешествия». Ладно, я пойду длинным путем. Я свернула в Бочарный переулок, потом прошла мимо любимой москательной лавки Амальрика. Через три дома я нашла таверну на том самом месте, где она должна быть. Я застонала, увидев, что она темна и пустынна, как и весь город. У входа в таверну была доска, где завсегдатаи оставляли записки для друзей. Я увидела несколько свежих бумажек, припиленных к ней, оказалось, все они были написаны моими стражниками, ищущими друг друга. На одной бумажке я увидела знакомые каракули. Вот что там было написано:

«Уехала повидать мать. Вернусь в полнолуние. Капитан должна поставить
выпивку всем стражникам. С любовью и слюнявыми поцелуями,
Полилло».

Я ухмыльнулась, зная, что это записка для моих глаз и для моего кошелька. День свидания должен был наступить уже скоро. Чувствуя себя гораздо лучше, я отправилась домой.

Мое хорошее настроение, однако, исчезло к утру. Я проснулась с ощущением, что время уходит. Не жалея лошади, я поскакала к дому Маларэна. Чем ближе я подъезжала, тем больше крепла моя решимость заставить его принять меня. Никому не докладываясь, я постучала в дверь. Вышедший слуга пытался сказать, что хозяина дома нет, но я отпихнула его с дороги и стала громко звать Маларэна, пока он, моргая, не вышел из своего кабинета. Не утруждая себя извинениями, я втолкнула его назад в комнату, заставила сесть и рассказала все с начала до конца. На это ушло несколько часов. Когда я наконец замолчала, он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

– И ты хочешь, чтобы я повторил все это перед магистрами? – ужаснулся он. – Сказать им, что, несмотря на все доказательства, один из архонтов выжил? И что мне поведала об этом женщина, которая никогда не была магом и вдруг заявляет, что у нее появился великий талант к волшебству?

Он вздохнул, качая головой.

– Я не могу сделать этого, дорогая. Это повредит твоей репутации.

– К чертовой матери мою репутацию! – взорвалась я. – Я поклялась умереть за Ориссу, если необходимо. А теперь, когда городу грозит страшная опасность, почему я должна бояться оскорблений? Я хочу слушаний! Я требую, чтобы мне позволили выступить на слушаниях перед магистрами и Советом воскресителей. Мое право и долг как командира маранонской гвардии – доложить о задании. Нас послали по их приказу. И благодаря их приказам нас вернулось только двадцать.

Он сдался и сказал:

– Ладно, я попробую что-нибудь сделать.

Я пришла в ярость.

– Не попробуешь! Тебе придется сделать кое-что большее! Ты, кажется, не понимаешь, что архонт теперь сильнее, чем когда-либо. Будь здесь Гэмелен или Амальрик, вы бы забегали.

– Да, да, – сказал он. – Успокойся, Рали. Я немедленно займусь этим.

Прошло еще некоторое время. Потом наконец от Маларэна пришло сообщение – магистры и воскресители согласились выслушать меня, но сначала им нужен письменный доклад, чтобы детально его изучить. Как все эти бюрократы любят выражение «но сначала»! Его не используют только сборщики налогов. Я корпела над докладом несколько дней,

переписывала свои аргументы несколько раз, пока все не стало абсолютно ясным. Отправив доклад, я приготовилась долго ждать, но, к моему удивлению, ответ пришел быстро – я должна была выступать в первый день полнолуния, то есть через неделю. В семье никто не обсуждал со мной подготовку доклада. Когда я сказала Порсемусу, что буду выступать, и, возможно, это вызовет неприятности, он сказал: «Тебе виднее, Рали». Этот ответ меня так обрадовал, что я даже подумала, не заболел ли он.

Когда настал день выступления, я привела себя в порядок с особой тщательностью. Сначала я долго мылась в пенной ванне. Потом остригла и подкрасила ногти, подстригла под шлем волосы, для блеска натерла маслом ремни формы, отполировала все металлическое, что на мне было, к ножнам прицепила новый ремень. Когда я оделась, все на мне блестело – от девственно белой туники до натертых башмаков. Даже мои обнаженные ноги и руки блестели золотисто-коричневым загаром.

Выходя из виллы, я заколебалась, подумав, что неплохо было бы посетить могилу матери – на счастье. Но когда я вошла в ворота, я уже знала, что что-то не так. Сад был раньше милым и родным, теперь он казался холодным совершенством. Камни были покрашены белой краской, трава аккуратно подстрижена, деревья посажены по линейке, и если встать за одним, другие были не видны. Цветы тоже как будто сеял геометр. Я стояла там, потрясенная, и думала, что Амальрик сошел с ума, раз решил разрушить наш старый фамильный сад, в котором мы играли детьми. И еще я заметила, что в саду больше не было никакого запаха. Воздух был теплым, но где аромат роз, сандала и фруктовых деревьев? И здесь всегда было полно птиц, а теперь чирикает только одинокая пичуга, и где-то жужжит единственное насекомое. Я ускорила шаги, приближаясь к повороту, за которым находилась гробница. Там меня ждало еще большее уродство. Простой неотесанный камень исчез. Исчезли и розовые кусты, бросавшие на него тень, и маленький музыкальный фонтан. Вместо этого там стояла большая статуя моей матери. О да, статуя очень была похожа на оригинал, а мать была красавицей, поэтому я не могу назвать этот памятник уродливым. Но в ее взгляде было что-то мученическое, а мать ненавидела такие вещи.

Я принялась звать Порсемуса, и он прибежал рысцой. Я яростно спросила:

– Что вы наделали?

– В чем дело, Рали? – испугался он.

– Могилы матери нет, – крикнула я, – а вместо нее эта страшная штука.

Порсемус тупо уставился на статую, словно видел ее в первый раз.

– Амальрик знает об этом?

Порсемус уже пришел в себя и улыбнулся.

– Конечно, знает. Ведь это его дом.

– Не могу поверить, чтобы он позволил это сделать, – говорила я. – Наверное, вы сделали это, когда его не было.

– Да, так и было, – согласился Порсемус, почему-то явно чувствуя облегчение. – Мы хотели преподнести ему сюрприз. Ему понравилось. Жаль, что ты недовольна.

Я больше не стала его слушать, развернулась и вышла из сада, шепча ругательства под нос. Мне предстояло ехать все на той же бедной лошади, которую я немилосердно гнала к Маларэну. Я ожидала, что лошадь будет бояться меня, когда я возьму повод из рук конюха. Но она отреагировала вполне спокойно, что еще больше меня взбесило. Я хотела пришпорить ее, чтобы она бежала галопом, но потом поняла, что хочу сорвать гнев на бессловесной твари. Поэтому я дала ей шенкелей, и лошадь понесла меня гладкой рысью прочь от виллы. Я попыталась успокоиться – этот день был для меня очень важен. Оставалось надеяться, что утренняя неприятность будет единственной. Час спустя меня ввели в главный зал Цитадели Магистрата, я наблюдала, как правители города входят один за другим и занимают свои места. Больше никого не было, так как заседание объявили закрытым. Всего их было семь – пятеро магистров и два молодых представителя Совета воскресителей, которых я видела впервые. Магистров я знала всех. Маларэн, севший с краю, дружески улыбнулся мне.

Сердце у меня ушло в пятки, когда я увидела, как до боли знакомая фигура занимает почетное место главного магистра в центре. Это был Джинна! О боги, как этот негодяй смог пролезть в Совет? Но сделать уже ничего было нельзя. Оставалось рассчитывать на здравый смысл остальных. Я сосредоточилась и начала речь.

— Милостивые государи! Я принесла вам дурные вести. Миссия, которую вы мне поручили, осталась невыполненной, несмотря на отчаянные усилия маранонской гвардии. Чтобы выполнить нашу задачу, мы долго плыли на запад и побывали в таких местах, куда ориссиане раньше не заплывали. Мы сражались с дикарями и другими враждебными силами. От вашего имени и от имени Ориссы мы установили дружеские отношения с далеким королевством Кония, где ждут наших эмиссаров, чтобы начать торговлю. Конийцы — богатый и добрый народ, и запад теперь открыт для нас, но я вынуждена с горечью вам сообщить, что этот успех — ничто по сравнению с нашей неудачей.

Архонт Ликантии ускользнул от нас. Нас вернулось только двадцать, господа! Двадцать из всех тех, кто отправился в погоню два года назад. Я осталась в живых только потому, что мои сестры стражницы не колеблясь отдали жизнь за наше общее дело.

Господа, Орисса стоит перед лицом величайшей опасности. В данный момент архонт разрабатывает план, чтобы уничтожить нас. Великий Гэмелен — самый выдающийся из воскресителей Ориссы — отдал свою жизнь для того, чтобы я могла предстать перед вами. Я сожалею, что боги не оставили его в живых — он бы лучше донес до вас весть о том, какая опасность нам всем грозит. Так знайте же, господа, мирные дни еще не настали! Наш величайший враг жив, и очень скоро он нападет.

Я так сконцентрировалась на своей речи, что не следила за реакцией слушателей. Но закончив, я посмотрела на них и увидела пустые лица. словно я не говорила ни слова!

После длинной паузы Джинна кашлянул. Одарив меня своей хищной улыбкой, он сказал:

— Отличный доклад, капитан Антеро. Вас можно поздравить. Разрешите мне первым выразить соболезнования по поводу смерти благородных женщин, погибших за Ориссу.

Остальные члены Магистрата издали какие-то скорбные звуки. Я почувствовала, как во мне закипает кровь, гнев молотом бил в висках. Джинна поднял копию подготовленного мною доклада.

— Мы основательно изучили это, капитан, — сказал он. — Поэтому можете не углубляться в подробности. Должен сказать, что мы были очень встревожены. Правда, господа?

Он повернулся к остальным, которые одобрительно забормотали. Маларэн даже головой кивнул.

— Мы были так встревожены, что не стали дожидаться слушаний, — продолжал Джинна. — Паши благородные воскресители немедленно приступили к действиям.

Я с облегчением вздохнула. Слава Тедейту, хоть что-то было сделано. Но моему облегчению не суждена была долгая жизнь.

— Были наложены чары, — говорил Джинна. — Чары, которые, как меня заверили, весьма могущественны и изощренны. Я рад сообщить вам, капитан, что для ваших опасений нет оснований.

— Что?! — вскричала я. — Что вы говорите?

Джинна недоуменно поднял брови.

— Я говорю, что, несмотря на ваши горькие слова, ваша задача была выполнена. Ваши солдаты умерли не напрасно. Великий Гэмелен тоже. Архонт мертв. Благодаря вам Орисса сейчас наслаждается миром и безопасностью. Угрозы нет.

Можешь ли ты представить себе этот кошмар, писец? Этот человек доказал, что циники действительно правят миром. Он послал маранонскую стражу в погоню не из заботы об Ориссе, а для достижения своих подлых целей. Его подручные злоумышляли против жизни командира гвардии, поставив под угрозу всю экспедицию. Этот дурак теперь держал судьбу Ориссы в своих жадных до славы руках.

– Вы совершаете ужасную ошибку, – закричала я. – Гэмелен сам говорил, что угроза есть.

Джинна улыбнулся и посмотрел на двух молодых воскресителей, у которых хватило наглости хихикать.

– Это только ваши слова, капитан, – сказал Джинна. – Но вы ведь сами признали, что Гэмелен был слеп и наполовину потерял свои способности. И кроме того – хоть я и ненавижу говорить дурно о мертвых – он был глубокий старик. Время его расцвета давно прошло. – Он посмотрел на воскресителей. – Это так, господа?

Один из молодых магов, все еще смеясь, кивнул головой. Потом он попытался говорить серьезно.

– Боюсь, все, что вы сказали, – правда. Гэмелен был не только стар, он не мог приспособиться к новым открытиям в области магии, которые привез из дальних стран брат уважаемого капитана. Гэмелен цеплялся за старые способы, отказывался от новых теорий Яноша Серого Плаща, которого он не признавал. Как ни горько мне это говорить, вынужден заключить, что Гэмелен не может считаться компетентным.

Это была полная ерунда! Гэмелен боялся, что старость затуманит ясность его мышления, но из долгих разговоров с ним я поняла, что этот страх только заставил его думать над теорией магии глубже и больше. Сколько раз я слышала, как он толковал теории Серого Плаща и объяснял, куда они могут привести. Я сказала им все это, я защищала Гэмелена изо всех сил, но что бы я ни говорила, я не могла стереть улыбки с их дурацких рож.

Потом Джинна снова вступил в игру.

– Может, это и так, капитан Антеро. Но в вашем докладе сказано, что именно вы навели чары и именно вы обнаружили свидетельства угрозы архонта. Вы, а не Гэмелен. Это так?

– Да, – ответила я. – Но Гэмелен научил меня этим чарам, он постоянно меня направлял.

– Значит, вы хотите сказать, что стали волшебницей? – спросил Джинна. – Такой великой волшебницей, что ваши опыты в магии превосходят заключения лучших воскресителей Ориссы? – И он показал на двух молодых магов.

– Я говорю только то, что знаю, – ответила я. – Я ни на что не претендую. Я говорю правду. Посмотрите, вот на моей ладони метка архонта! Пожалуйста, поверьте мне. Архонта надо остановить!

– Простите, капитан Антеро, – сказал Джинна, – но я вынужден прекратить слушания. Не могу видеть, как величайшая героиня Ориссы унижает себя. Вы немало пережили. Думаю, вы все еще не отдохнули и не пришли в себя. Вам нужен отдых, капитан. Позже, когда вы обдумаете все еще раз, приходите ко мне. Моя дверь всегда для вас открыта в знак уважения к вашим великим свершениям.

И пока я недоуменно таращилась на них, не веря своим глазам и ушам, они встали и вышли из зала. Часовой закрыл за ними дверь и встал перед ней.

Я выскочила из зала. На улицах почти никого не было. Я мчалась прочь от дворца. Мне нужно было место, чтобы остаться одной и подумать. Обычно ориссиане в таких случаях идут к реке. Она – наше последнее утешение, когда нас покидают друзья, поэтому неудивительно, что ноги сами привели меня на берег. Кораблей на реке не было, только на середине одинокий рыбак забрасывал сеть. Я уселась на землю и принялась осмысливать, что произошло. Вроде бы я сделала все правильно и нигде не допустила ошибки. Вопрос в другом – что делать теперь? Так я долго сидела бесцельно, пока мне не стало холодно. Я очнулась и поняла, что наступает ночь. Рыбак в лодке поднялся и снова забросил свою сеть. Я глядела на него и поняла, что хочу вернуться на виллу. Моя семья утешит меня. Я встала и пошла к конюшне за лошадь. Когда я подошла ближе, то увидела, что конюшня – единственное открытое на улице заведение. Все остальные – и таверны тоже – были закрыты. Я заплатила груму и забрала лошадь. Как только я выехала, грум запер дверь

конюшни.

Все это было очень странно. Таверны редко закрывались на главных улицах, а конюшни – никогда. И странно, что рыбак занялся ловлей в это время. Потом я снова подумала о мирной вилле Амальрика и пришпорила лошадь. Но когда я уже приближалась к окраине, я вспомнила записку Полилло. Она обещала быть в таверне около москательной лавки в полнолуние, а это было сегодня. Я повернула своего вороного назад в город, забыв о вилле.

Орисса полностью погрузилась во тьму к тому времени, когда я достигла лавки москательщика. Единственным источником света, кроме яркой луны, была аура стоящего на холме храма Воскрешения. Я завернула за угол и увидела, что таверна закрыта. Я уже собиралась слезть с коня и проверить доску объявлений, когда услышала крик:

– Берегись, Исмет!

Я едва успела понять, что это голос Полилло, когда услышала ужасный рев. Я выхватила меч и направила коня к аллее, откуда донесся этот звук.

Там я увидела Полилло и Исмет, бьющихся не на жизнь, а на смерть со страшным демоном. Демон прижал их к стене. Он был похож на жабу с массивными мохнатыми ногами и длинными безволосыми руками. Демон здесь, в сердце Ориссы! Вот цена болтовне Джинны и его воскресителей о защите!

Когда я ворвалась в аллею, демон повернулся и увидел меня. У него было лицо жирного человека, толстые губы и большие челюсти. Он завизжал на меня, показывая ряд зубов. Мой конь встал на дыбы от лещающего визга, и я тяжело рухнула на землю, едва успев вырвать ноги из стремян.

Я вскочила и меч не выронила. Демон снова напал на Полилло и Исмет. Не успела я подбежать, как он сильно ударил задней лапой, вынудив их отскочить. Огромная лапа ударила по стене, посыпался каменный порошок. Стражницы контратаковали, демон замахнулся передней лапой с острыми когтями на Исмет, она прокатилась по земле, и удар прошел выше. Но оказалось, это был финт, и демон с удивительной скоростью мгновенно ударил второй лапой, разорвав Исмет живот.

Уже на бегу я знала, что рана смертельна. Я слышала крик Полилло, полный ярости и боли. Издав свой боевой клич, я бросилась в атаку. Я сделала выпад, но чудовище высоко подпрыгнуло в воздух, и я едва не врезалась в стену. Мне пришлось сделать кувырок, чтобы погасить скорость. Я вскочила на ноги, но на мгновение открылась, и демон с ревом бросился ко мне.

Из ниоткуда появилась Исмет, зажимая руками страшную рану на животе, изо рта у нее текла кровь. Она вложила последние силы в удар своим длинным мечом. Лезвие раз-другой рубануло по задней лапе демона, приготовившегося добить меня.

Чудовище вскрикнуло... и исчезло.

– Вот он! – закричала Полилло.

Демон стоял на крыше таверны, с его ноги стекала кровь. Мы с Полилло встали в боевую стойку, ожидая, что он спрыгнет вниз, чтобы продолжать схватку. Но чудовище издало ужасный вой и исчезло у нас на глазах.

Мы с Полилло подбежали к лежавшей навзничь Исмет. Она все еще была жива, но умирала. Увидев меня, она слабо улыбнулась.

– Я знала, что ты придешь, – сказала она. И умерла.

Мы долго стояли над ее телом. Эта странная женщина-воин, олицетворявшая дух стражи больше, чем любое знамя, больше, чем статуя богини, ушла от нас.

Я знаю, что больше не встречу никого, кто был бы похож на нее. Она была моей правой рукой и моей подругой.

Я вспомнила, как она присоединилась ко мне, нарушив мой приказ, тогда в замке, когда мы убили архонта. «Мы были все время вместе и умрем вместе», – сказала она тогда. Но вместо этого она умерла за меня.

Я чувствовала, что виновата в ее смерти. Если бы я тогда настояла, чтобы она провела

отпуск со мной. Если бы... Если бы... Но времени для таких мыслей не было.

– Нам лучше идти, – сказала Полилло. – Он может вернуться.

Я так не думала, но ничего не сказала. Лошадь моя давно убежала, поэтому мы пешком направились к реке. Полилло отвела меня в укромное место в порту. Это было что-то вроде каморки. Она пошептала над огненными бусинами, зажгла лампу. Стало немного светлее. Я огляделась. Удивительно, но в этом месте кто-то жил! Там был небольшой матрас и бутылка, которую Полилло откупила. Хорошенько глотнув, она передала ее мне. Я чуть не захлебнулась неочищенным бренди, но оно хорошо промыло мне глотку.

– Кажется, ты уже живешь здесь какое-то время, – сказала я. – Расскажи-ка, что происходит.

– Я так и не добралась до дома матери, – принялась рассказывать Полилло. – Если ты помнишь, мой брат должен был встретить и отвезти меня.

Я кивнула, смутно припомнив высокого худого юношу, который ласково обнял Полилло, а когда она в суматохе представила его мне, очаровательно покраснел.

– Так вот, я потеряла его в толпе потом. Я искала его больше часа, потом поняла, что он, верно, ждет меня на перекрестке за городом. Я направилась к восточным воротам, но там были солдаты, которые отказались меня выпустить. Я принялась спорить, но эти тупоголовые болваны не уступали. То же самое случилось и у других ворот.

– Но я проходила через западные ворота уже несколько раз с тех пор, как мы вернулись, – удивилась я. – И там не было никаких солдат, не говоря уж о том, чтобы кто-нибудь меня останавливал.

Полилло удивленно хмыкнула.

– Может быть. Но такая же неприятность приключилась с другими стражниками, с которыми мне удалось поговорить. Никому не разрешили покинуть город.

– Где ты жила?

– Я провела несколько ночей в казарме с Исет, – ответила Полилло.

Я покраснела при нападении на этот. Надо было приглашать Исет более настойчиво. Полилло поняла, о чем я думаю.

– Исет – не единственная, – сказала она. – Я знаю, что демоны убили еще трех наших.

У меня упало сердце. Вот так приехали домой!

– Днем все было не так плохо, – продолжала Полилло. – Можно было получить выпивку и еду в таверне. Но ночью все закрыто, и тогда на нас нападают демоны. Сначала никто из нас не понимал, что происходит. Потом я прочитала записки на доске у таверны.

– Я видела твою записку.

– Я надеялась, что увидишь, – ответила Полилло. – Каждый раз, когда я пыталась добраться до твоей виллы и поговорить с тобой, меня не пропускали. Но я решила, что хоть иногда ты должна появляться в городе. Я молилась, как выживший из ума жрец, чтобы ты догадалась взглянуть на доску. – Она слабо улыбнулась. – Я знала, что ты всегда готова угостить подругу вином, поэтому надеялась, что мы встретимся.

– Где остальные? – спросила я. Полилло пожала плечами.

– Прячутся по городу. Можно всех собрать, но на это уйдет время.

Она рассказала, что на них с Исет демон нападал несколько ночей подряд. Потом они узнали, что с остальными происходит то же. Они решили держаться вместе с другими стражниками и ждать ночи, когда можно будет встретиться со мной. Несколько ночей прошли спокойно.

– Но проклятый демон каким-то образом узнал, где мы тебя ждем. Он устроил нам засаду. Загнал нас в аллею.

– Вот еще одна странная вещь, – вспомнила я. – С каких это пор эта аллея заканчивается тупиком? Разве она не вела раньше на Хлебную улицу?

– Ясное дело, вела, – согласилась Полилло. – Не знаю, что произошло. Я чуть не взбесилась. Но это еще ничего. Я тут бродила по городу. Некоторые здания совсем исчезли. Улицы ведут не туда, куда раньше. Я иногда ночью глядела в окно, и, клянусь, мне казалось,

что из Ориссы ушли все жители, чтобы подшутить над нами. Такая тишина! Ни тебе ссорящихся супругов, ни плача детей, которых заставляют идти спать, даже старики не храпят.

Она отпила из бутылки еще.

– И я могу задать тебе тот же вопрос, что ты задала мне, капитан. Какой бог проклял нас?

– Что бы это ни было, – ответила я, – наши мудрые руководители считают, что это не архонт.

Полилло поперхнулась. К тому времени, когда я рассказала ей, что происходило на слушаниях, ее рот открылся очень широко.

– Не надо быть Серым Плащом, – сказала я, – чтобы понять, кто, кроме архонта, может наводнить город демонами! Кто, кроме архонта, хочет расправиться со всем участниками экспедиции. Не знаю, что еще происходит, но за всем стоит архонт.

– Почему же воскресители его не чувствуют? – спросила Полилло.

– Не знаю, – ответила я. – Но каждую ночь огни горят только у воскресителей. Поэтому я предлагаю немного прогуляться под луной, милая Полилло. И если мы случайно побродим рядом с их храмом, в этом ведь нет ничего плохого?

Полилло шаловливо ухмыльнулась.

– Минутку, капитан, дай-ка я достану топор.

Она вытащила его из-под матраса. Сталь мертвенно сверкнула, отражая огонь светильников. Полилло грустно посмотрела на свое оружие.

– Я-то думала, что он отдохнет. Что воинам, возвращающимся с войны, дадут отдохнуть. Все приветствуют героев! Ура!

Глава двадцать пятая ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАМОК

И я сама не знаю, что ожидала найти в храме Воскрешения той ночью. Мои нервы были напряжены до предела, как перетянутые струны лиры. Храм возвышался над нами, сверкая окнами, но никаких других признаков жизни в нем не было, только равномерный машинный стук, шедший из-под земли.

На холме было трудно спрятаться, мы перебегали от дерева к дереву. Я уже начинала жалеть, что мы пришли. Можно было бы с помощью магии притушить наши ауры, чтобы демонам, если они рыскают вокруг, было трудно нас найти, но со зловеще-ярким лунным светом ничего поделать было нельзя. Даже когда мы наконец оказались в тени храма, я не почувствовала облегчения. В воздухе серно пахло магией, по коже у меня бегали мурашки, волосы стояли дыбом. Меня почему-то даже не обрадовало, что, хоть главные ворота окружавшей храм стены и были закрыты, никто их не охранял.

Мне стало еще более неудобно, когда мы скрючились за большой клумбой маргариток и я попыталась прощупать, нет ли впереди магического полога. Я ничего не обнаружила. Наши воскресители славились своей замкнутостью и осторожностью; думаю, если бы я почувствовала впереди хоть какое-то противодействие, я бы немедленно повернула назад. Защиты у храма никакой не было, но это только усилило мои подозрения. Я все не могла решиться.

Полилло шепнула мне на ухо:

– А что, если нас поймают?

Еще бы недавно – до того, как Амальрик изменил порядки среди воскресителей, – нас бы предали ужасной смерти. Однажды они ложно обвинили моего брата Халаба в ереси и казнили его, поэтому у Антеро были причины опасаться воскресителей. Но новое поколение наших магов должно было придерживаться тех же законов, что и простые люди. Что они могут сделать с героиней Ликантианской войны, победителем архонтов? Разве что публично осудить ее? По крайней мере, мне хотелось на это надеяться. Поэтому в ответ я пожала

плечами – откуда я знаю? Я все еще рассуждала как законопослушная гражданка. Я думала, что на следующий день я могу представить магистрам и воскресителям новые доказательства – убийство Исмет и других стражниц. Некоторые из нас собственными глазами видели демонов, которые их убили. Или говорить с нашими руководителями – безнадежное дело?

И тогда я увидела пантеру. Она затаилась у главного входа, вглядываясь сквозь решетки ворот. Потом она повернула голову и посмотрела на меня, ее глаза сверкнули в лучике лунного света, прорвавшегося сквозь тень. Я почувствовала внутренний импульс – как телепатическое послание. Пантера встала, прошла сквозь ворота и пропала из виду. По молчанию Полилло я поняла, что она пантеру не видела. Я толкнула ее локтем, и мы поползли к воротам. Остановившись около них, мы еще раз осмотрелись – нет ли где часовых, – но все было спокойно. И тут я заметила, что на решетке зацепился клочок черного меха. От него сильно пахло кошкой. Я сняла его и хотела выбросить, но потом что-то заставило меня опустить его в карман. Затем я кивнула Полилло – пора.

Она подняла меня, и я забралась на ворота. Пока я балансировала там, она подпрыгнула, ухватила за верхнюю перекладину, подтянулась и ловко перевалилась на другую сторону. Восхищаясь необычайной силой подруги, я спрыгнула к ней. Она поймала меня и мягко опустила на землю. Я улыбнулась ей – все как в старые времена! Она подавила смех, стукнула меня по спине, и мы осторожно пошли по дворцу.

Сбоку я снова увидела пантеру. Она притаилась около небольшой арки, скрытой за колонной. Когда я повернулась к ней, она исчезла внутри. Полилло была удивлена не меньше, чем я, когда, подойдя к арке, мы увидели, что там нет двери – только дверная коробка, – словно плотник забыл доделать работу. Мы долго ждали снаружи, опасаясь засады. Я пыталась прочувствовать, что было впереди, но никакой магической угрозы не обнаружила. Полилло приготовила свой топор, а я вытащила меч. Потом я ей кивнула, и мы вошли в длинный темный коридор. В этот момент у меня мелькнула мысль, что, если нас поймут, надо будет притвориться пьяными. Кто станет сомневаться в словах солдата, если она скажет, что слишком много выпила?

Стены коридора были гладкими, сделанными из какого-то темного металла. Мы шли осторожно. Странно было то, что ни дверей, ни других каких-либо отверстий в стенах не было. Понимая, что отступать в случае чего можно только назад, мы нервничали.

Коридор привел в огромный зал, освещенный только холодным лунным светом, лившимся из высоких окон. Я оглядывалась в поисках опасности и одновременно думала, почему здесь так темно, ведь снаружи храм ярко освещен! Я еще больше удивилась, поняв, что зал пуст – ни стульев, ни картин на стенах, ни даже камина, чтобы погреться зимой. Из зала был второй выход – как раз напротив дыры, через которую мы вошли, – он таращился на нас как глазница черепа. Мы направились к нему, прижимаясь к металлической стене. Когда мы проходили под окном, Полилло внезапно схватила меня за плечо. Я остановилась, приготовившись либо бежать, либо драться за свою жизнь. Полилло ткнула пальцем в окно. Я видела, как расширились от удивления – или от страха – ее глаза. Я поняла, что она хочет, чтобы я выглянула наружу. Я не могла – было слишком высоко, Полилло доходило до подбородка. Она сцепила руки стремянем, я встала на эту надежную опору, и она подняла меня.

Сначала я не поняла, на что смотрю. Потом я едва не вскрикнула от ужаса, когда я поняла, чего я не вижу перед собой. За окном должна была быть мирно спящая Орисса под неусыпным оком возвышающегося на холме храма Воскрешения. А вместо этого я увидела мертвый пейзаж. Передо мной был пустой двор замка, за ним – высокие ворота из черного железа. Высунувшись из окна подальше, я увидела высокие черные стены, а с каждой стороны – знакомые ужасные башни. Я едва не закричала, когда поняла, где мы очутились. Это был не храм Воскрешения – снаружи был просто фасад, обман. Мы вообще были не в Ориссе, мы попали в черный замок архонта.

Я спрыгнула на пол и прислонилась к стене. Полилло с удивлением смотрела на меня, не понимая, что происходит. Я не могла ей объяснить, кроме того, я была слишком

потрясена, чтобы говорить. А потом я услышала стук когтей и подняла голову как раз вовремя, чтобы увидеть приближающегося к нам демона.

Мы с Полилло прыгнули в разные стороны. Он завыл от разочарования – легкого убийства не получилось. Демон повернулся ко мне, его массивное жабье тело двигалось на удивление легко. Полилло забежала сзади, но он лягнул назад своей массивной мохнатой ногой, попав ей в грудь. Полилло отлетела к стене и бессильно сползла на пол. Но ее атака дала мне преимущество, и я проскочила под его передней лапой и воткнула меч ему в живот. Лезвие ушло глубоко. Демон отчаянно завизжал и отпрыгнул назад, размахивая когтистой лапой. Один коготь зацепил мой меч с такой силой, что вырвал его у меня из руки. Чудовище снова напало на меня, пока я пыталась нашарить меч на полу. Но теперь тварь двигалась медленно, из глубокой раны на брюхе текла кровь. Я едва успела схватить меч, когда демон приблизился на расстояние удара. Я стояла очень неловко и не могла увернуться от его атаки, но, зная, что надежды нет, все-таки приготовилась к схватке. Но его лапа так и не достала меня. Я услышала шлепок, треск, и демон без звука рухнул на пол. За его спиной стояла Полилло. Ее топор увяз в черепе чудовища. Уперевшись ногой в труп, она выдернула свое оружие и обтерла его о мех демона.

Коснувшись груди, куда попал удар, она поморщилась и сказала:

– Отныне всякий, кто будет восхищаться моей грудью, получит взбучку. Она только мешается.

Я облегченно засмеялась, забыв, какое громкое эхо должно быть в стальном зале. Полилло тоже засмеялась, и мы обнялись.

– Я люблю тебя, Полилло, – смеясь, сказала я.

– Ты небось говоришь это каждой девчонке, которой удалось подшибить демона.

Наше веселое настроение быстро улетучилось.

– Он знает, где мы, – сказала я.

– Отлично, – заявила Полилло, помахивая топором. – Давай найдем этого гада и прикончим его.

Мы смело направились к другому выходу, наши башмаки громко стучали по железному полу. Снова мы оказались в коридоре, как и первый, длинном и темном. На этот раз мы пошептали над огненными бусинами и высоко подняли их, освещая себе путь. Чем дальше мы шли, тем становился громче странный машинный шум. Коридор непредсказуемо поворачивал, но все время вел нас вниз. Несколько раз мне показалось, что я вижу, как за поворотом исчезает силуэт большой кошки. Потом моя рука, в которой был меч, начала гореть. Я посмотрела на ладонь. Выжженный на коже шрам в виде льва архонтов налился кровью: мы были близки к цели.

Я остановила Полилло. Нужно было подумать. Мы могли выставить против архонта смехотворное оружие – меч, топор и мышцы. И с нами не было Гэмелена с его огромным опытом, знаниями и набором волшебных порошков. Потом я вспомнила, как Гэмелен говорил, что Серый Плащ презирал всякие магические порошки и снадобья. Он говорил, что они только помогают сконцентрировать волю. Легко было говорить Серому Плащу, – подумала я. Оказался бы на нашем месте этот подлый сукин сын! И я прокляла его, прокляла наше невезение, прокляла себя, свои смешные магические умения. И тут я вспомнила пантеру. Ведь в кармане у меня клочок ее меха!

Полилло, должно быть, подумала, что я сошла с ума, когда я вытащила его из кармана, упала на колени и принялась бормотать вполголоса, – мысли бурей кружились в моей голове. Потом я придумала нужные слова – вернее, надеялась, что придумала. Я прижала мех к шраму на ладони.

Дочь темноты,
Ты убиваешь ночью,
Охоться со мной,

Выследи двухголового зверя,
Который ждет в логове,
Выследи черного мага,
Куда бы он ни спрятался.

Ладонь стала гореть еще сильнее, боль была такая, что я с трудом сдерживала крик. Я разжала кулак и увидела, что рубец и клочок меха исчезли. Но ладонь все еще горела, и я машинально лизнула ее. В то же мгновение боль исчезла. Я поднялась на ноги, мозг работал четко, как никогда. Словно я напилась воды из магического ручья разума. Я зашагала дальше, наслаждаясь уверенностью.

Не прошла я и нескольких шагов, как волна магии оглушила меня. Я едва не упала, но всей своей волей ударила в ответ. Волна отступила, но я знала, что она вернется. Тогда я представила себе волнорез, и ударившая снова волна разбилась о него. Я засмеялась как сумасшедшая и повернулась к Полилло, чтобы вместе с ней пойти и убить архонта.

Она стояла у меня за спиной, ее лицо превратилось в сплошную маску боли. Она посмотрела на меня и застонала:

– Рали, я...

Ее снова скрутил приступ боли, она упала. Я рванулась помочь ей, но она внезапно встала и выпрямилась во весь рост. В ее лице не было больше боли – оно было искажено гневом. Она заговорила, и голос принадлежал архонту:

– Теперь ты умрешь, Антеро!

Полилло со страшной силой обрушила топор на меня. Я отскочила. Топор свистнул мимо моего уха и со звоном ударился в металлическую стену. Сила удара была такова, что в стене осталась рваная дыра. Полилло вытащила топор и замахнулась снова.

– Не надо, Полилло! – крикнула я, хоть и знала, что не она нападает на меня.

Я упала на спину и перекатилась. Топор на этот раз оставил вмятину в полу. Вскочив на ноги, я заметила брешь в ее защите. Даже в руках Полилло топор медленнее меча. И мой меч был быстрее, гораздо быстрее. Мне оставалось только сделать выпад и заколоть ее. Мой опыт, натренированная рука – все побуждало меня сделать это. Но я не могла, я не могла убить свою сестру. Лучше я умру сама. И я чуть не умерла от нового удара. Отчаянно нырнув под ее руку, я спаслась и побежала по коридору. Полилло бросилась за мной, проклиная меня громовым голосом архонта и пытаясь достать меня топором. Металлические стены отражали эхо наших шагов.

Я снова увидела брешь в ее защите. На этот раз я напала, перекинув меч в другую руку, и изо всей силы ударила ее кулаком в бок. Но ребра Полилло были стальными, я едва не сломала себе кисть. Она засмеялась грохочущим смехом архонта и подняла меня за шиворот, словно я ничего не весила. Я снова ударила – метясь не в свою подругу, а в смеющегося архонта. Я почувствовала, как под моим кулаком треснула кость, и рот – прекрасный рот Полилло – превратился в кровавое месиво. Она плюнула в меня кровью и обломками зубов и принялась трясти меня, как свинья, убивающая змею. Я была беззащитна перед ее безумной силой. Потом она отшвырнула меня. В полете я попыталась извернуться, чтобы упасть на ноги, но мне помешал меч, который я так и не выпустила из рук, – я упала на колени.

Страх заставил меня вскочить. Я упала лицом к светлому выходу из коридора. Я слышала, что Полилло приближается сзади, и помчалась вперед. Но ярость заставила ее бежать быстрее, и я знала, что она догоняет. В любую секунду мне на спину мог обрушиться топор. Я выбежала из коридора, и меня ослепил яркий свет. Я едва не наткнулась на невысокую загородку, перекрывающую дорогу. Я распласталась на полу, успев услышать удивленное восклицание Полилло. В ту же секунду она споткнулась о меня и перевалилась через загородку.

Я начала подниматься и тут услышала ее крик. Это не был голос архонта, это был голос Полилло, моей Полилло, кричащей от страха. Она цеплялась за верхнюю балку загородки и

кричала: «Рали!» Внезапно ее крик прервался. И стало слышно, как работает огромная машина за загородкой – что-то перемалывается, перемалывается...

Я со стоном посмотрела вниз.

Изломанное тело Полилло лежало на огромном зубчатом колесе – детали чудовищного механизма.

А еще ниже была Орисса!

Там была ночь, и я видела полную луну над спящим городом. Я видела Цитадель Магистрата, центральную площадь со статуями героев. Вот Большой Амфитеатр, с рядами каменных скамей, каскадом спускающимися к арене. Я не сразу поняла, что весь город движется. Я отпрянула назад, поняв, что я смотрю на гигантскую модель города, вращающуюся над странным механизмом.

И тут меня осенило, что это и есть оружие архонта, которого мы так боялись. Архонт все-таки сумел построить его, а когда Гэмелен победил его в последней битве, ликантианский маг перенес меня внутрь модели. Все – начиная с ориссианского корабля, который встретил нас после битвы, – до блестящего парада, которым нас приветствовали в день прибытия, – все было подделкой, плодом магии.

Приглядевшись снова, я заметила некоторые несоответствия в модели. Некоторые дома стояли не на месте или их не было, улицы заканчивались тупиками, а за стенами города была пустота. Впрочем, не совсем. Я видела дорогу, ведущую к вилле Амальрика, с насаженными по ее сторонам деревьями и кустами. Я поняла, что плохое знание города архонтом привело не только к изменениям улиц. Он сделал Джинну главным магистром, потому что его он знал как генерала, который с ним сражался в Ликантии, – не очень успешно, правда. Он также не знал, что Маларэн – мой друг, поэтому автомат, замаскированный под него, так странно себя вел. И самая большая странность – любовь моей семьи. Он и представить себе не мог, как Порсемус и остальные относятся ко мне. Среди живых Антеро только Амальрик любил меня, а я – его. Я вспыхнула от стыда – эти создания обманули меня, воспользовавшись моей слабостью. Я так хотела, чтобы семья не отвергала меня, мне даже в голову не пришло, что их любовь – подделка.

Зубчатые колеса внезапно протестующе закрипели, и весь механизм вздрогнул, когда тело Полилло попало в зубец.

Я почувствовала чье-то присутствие и взглянула вверх, прикрыв глаза от яркого света, лившегося со сводчатого железного потолка. Я стояла на мостках, огибающих яму, в которой была расположена машина архонта. На противоположной стороне я увидела дверь. Я пошла по мосткам к ней и тут споткнулась обо что-то. Это был топор Полилло. Я сунула меч в ножны и подняла его. Он был тяжел, и я перехватила его, чтобы мои пальцы лежали в углублениях, протертых на рукоятке хваткой Полилло. Я почувствовала, что теперь топор стал послушен в моих руках, как и в руках моей подруги.

Я шепнула ему:

– Отомсти за нас, брат.

Я подошла к двери и без колебаний вошла. В комнате был архонт.

Он стоял у окна, по пейзажу снаружи я поняла, что мы находимся в главной башне замка. Его глаза сверкнули, губы презрительно скривились, обнажая длинные желтые зубы. Но на этот раз он не смеялся, не высмеивал мой пол, не тыкал пальцем с криком «Изыди!». Я должна была испугаться, покориться могучему волшебнику. Но вместо этого я оглядела его с ног до головы, чувствуя себя сильной, очень сильной. В комнате было полно магических предметов – черепа, когти демонов, человеческие органы в бутылках/небольшие каменные статуэтки страдающих от боли существ. Было жарко и воняло калом и гнилью. Сбоку краем глаза я заметила какое-то движение, но не отпрыгнула в страхе. Я знала, кто это. У моей ноги припала к земле пантера и зашипела на архонта.

Я почесала ее за ухом и посмотрела на своего врага.

– Все кончено, – сказала я.

Подняв топор, я шагнула вперед, пантера скользнула вслед. Архонт шевельнулся, и

воздух передо мной затуманился. Я натолкнулась на невидимую стену. Но я ударила стену своей волей, и поверхность ее стала податливой. Архонт усилил напряженность своей магии, стена опять затвердела, но я знала, что разрушу ее – это только вопрос времени.

– Чей ты демон? – прохрипел архонт.

– Демон? Я не демон! – удивилась я.

– Для меня ты – демон, – ответил он. – Ты самка хорька, которая разрушила мое королевство. Ты убила брата и охотишься за мной повсюду.

Что ж, по-своему он был прав. Я усилила натиск на стену и почувствовала, как она поддается. Пантера довольно заворчала. Еще немного – и я достану архонта.

Архонт засмеялся, разом обретя свою прежнюю уверенность.

– Со мной еще не покончено, Антеро, – сказал он. – Ты слаба против моей силы. Твой дар – это просто причуда крови. Семя было брошено твоей матерью, которая отвергла наше искусство. В такой магии нет величия.

Настала моя очередь смеяться.

– Так почему же ты боишься меня? Как такое ничтожество, как я, могло причинить тебе столько вреда?

– Я совершил единственную ошибку – когда проклял тебя, – сказал архонт. – Ты должна была убить меня, и я подумал, что проклятие – единственная оставшаяся мне месть. Но когда я умер, я увидел другой путь и бежал в этот мир. А это проклятие продолжало связывать нас, не давало мне добиться того, о чем только может мечтать маг, – получить мощь и власть богов.

Я презрительно посмотрела на него.

– Ты думаешь, что способен стать богом?

– Я уже стал им, сука, – сказал архонт. – В битвах с тобой я только копил силу. Я питаюсь вашими несчастьями, я пью кровь ваших мертвых. И я пожираю убитых врагов. Антеро, тебе бы лучше повернуть назад. Тебя должен был предостеречь страх, который я внушаю тебе в твоих снах. Да, ты заставила меня страдать, но я заставил тебя страдать больше. Я убил всех твоих солдат, я убил всех твоих друзей, твоя последняя подруга набросилась на тебя с топором. А когда она умерла, я выпил ее страх и чуть не опьянел от вкуса ее предательства.

– Она не предала меня, колдун, – сказала я. – Ты овладел ею. Это ты, а не Полилло пытался убить меня.

Архонт оскорбительно засмеялся.

– Большая разница. Тебе стало от этого легче?

Мне действительно стало легче. Полилло – не Серый Плащ, который предал моего брата. Она осталась верной мне до конца. Я улыбнулась, и он увидел по моей улыбке, что я сильна. Архонт нахмурился. Моя улыбка пугала его. Пантера зарычала, я снова налегла на стену, и на этот раз архонт отбросил нас изо всей силы. Мы были вынуждены отступить на несколько шагов, прежде чем я снова восстановила равновесие.

Архонт не замедлил воспользоваться своим преимуществом.

– Должен признать, что ты испугала меня, сука. Я долго пытался выяснить, почему Антеро причиняют мне столько хлопот. Никто не спорит, что в вашей семье есть какая-то сила – особенно у тебя. Пантера – в этом я не сомневаюсь – ее посланница. Как еще можно объяснить твои победы? Как еще ты могла так долго оставаться в живых? Но знай это, Ради Антеро, дочь Эмили, кто бы ни помогал тебе, он делает это только ради собственной цели. Он больше не сможет и не станет оберегать тебя от бед.

Ты знаешь, что мне остается только расправиться с тобой, чтобы стать богом. Ты умрешь, и умрет Орисса. Механизм готов, и ему нужна лишь твоя кровь для смазки. Когда падет Орисса, настанет очередь Далеких Королевств. Скоро весь мир будет моим. А когда я получу его силу, все миры, в которых я побывал, спасаясь от смерти, тоже падут.

Я вполуха слушала эту безумную болтовню, вспоминая размышления Гэмелена по поводу одной теории Серого Плаща.

– Магия потребляет энергию, Рали, – говорил он. – Даже мельничному колесу нужен вол, чтобы оно вращалось. И урожаю нужно зерно, которое потребляет энергию солнца. И только боги знают, чью энергию берет солнце. Но энергия не может быть бесконечна. И чем больше ее берут, тем меньше ее остается.

Это правда, подумала я. Так можно объяснить, почему архонт стоит передо мной в слабом человеческом облике, а не превратился в могучее небесное сияние. Вся его сила уходит на то, чтобы поддерживать этот странный мир, в котором мы находимся. Все здесь – башня, сам железный замок – только основа для его страшной машины. А сама машина потребляет большую часть его энергии.

Я погладила пантеру против шерсти, и она свирепо зарычала.

– Что случится, колдун, – спросила я, – когда мы с сестрой прорвемся сквозь твою стену? Ты знаешь, что это произойдет. Ты ведь слабеешь, а мы становимся сильнее.

Пантера взревела, и в глазах архонта что-то мелькнуло. Я надеялась, что это был страх. Я подняла топор.

– Ты не боишься сражаться со мной в этом теле, колдун?

Я изо всех сил ударила топором, раздался звон как от лопнувшей бутылки. Мерцающая стена ослепительно вспыхнула и исчезла. Я шагнула к архонту, пантера тоже двинулась вперед.

– Чтобы убить меня, – сказала я, – тебе придется разрушить все остальное.

По его потускневшим глазам я поняла, что попала в точку. Ярость охватила его, и он взревел, и воздух затрещал от насытившей его магии. Я швырнула топор. Он ударил его в грудь острием. Архонта отбросило назад, и он ударился о стену. После такого удара он должен был умереть. О, вернее – умереть во второй раз – ведь я уже убивала его. Но он не сдавался. Топор торчал из его тела. Я выхватила меч, чтобы прикончить его, но не успела сделать и шага, как из его тела повалил красный дым. Он наполнил комнату до потолка. И из этого дыма доносился рев архонта.

Двухголовый лев зарычал на меня, каждая морда скалила зубы длиной с копье. Пантера тоже зарычала в ответ. Она бросилась на чудовище и вцепилась в его переднюю лапу. Лев завизжал от боли и отбросил пантеру. Но та, оказавшись в воздухе, извернулась и стала расти. Когда она упала на лапы, ее голова была вровень с моей. С прощальным гневным воем архонт в обличье зверя пробил стену башни, расправил крылья и полетел.

Замок содрогнулся. Со стен потекло разжиженное железо. Потом замок, машина – все начало рушиться. Пантера взвизгнула, этот звук заставил меня очнуться. Откуда-то я знала, что мне надо делать. Когда начал осыпаться пол, я прыгнула на пантеру и вцепилась руками в мех. Я почувствовала, что она прыгнула, и мы пролетели через дыру, пробитую архонтом при бегстве.

Мы не упали, а летели все выше и выше. Я устроилась поудобнее у нее на спине. Посмотрев вниз, я успела увидеть, как железный замок взорвался яркой вспышкой. Потом я посмотрела вперед и увидела красные крылья удирающего архонта.

Пантера летела все быстрее и быстрее. От ветра у меня слезились глаза. Я крепче прижалась к ней, чувствуя, как мы сливаемся. Ее бугристые мускулы стали моими, острые зубы и когти – моими тоже. Ее сердце билось у меня в груди, по моим нервам пробегала яркая кошачья ненависть, в моей душе ожила жажда погони и убийства. Я стала пантерой, я рычала от силы и ненависти, преследуя архонта. Я прыгала с облака на облако, презирая всяких крылатых тварей, мясо которых скоро буду рвать.

Первый раз я настигла его на вершине горы. Из пастей зверя вылетали молнии и огонь. Но рефлексy пантеры помогали мне с легкостью уклоняться от его молний. Когда я приблизилась, он снова бросился бежать. Теперь я преследовала его по пятам, но тут в небе открылась черная дыра и лев проскочил в нее. Я бросилась за ним, зная, что мы переходим в другой мир, но в сердце пантеры не было страха, ее разуму было все равно – и я обнаружила, что по-прежнему в обличье пантеры бегу по огромному ледяному полю.

Оно было ярко-голубым, и его пересекали толстые красные вены. Я выпустила когти,

цепляясь за лед, и издала боевой крик пантеры, чтобы слышал убегающий лев. Мне не нужно было размышлять, почему никто из нас не может подняться в воздух в этом мире, я просто знала это и приняла как закон, который управляет здесь всеми созданиями.

Потом мир снова изменился, и я оказалась в другом месте. Там был огонь и густой дым. Я слепо неслась вперед, лапы мне обжигала горячая земля, легкие разрывались от жары. Архонту, видимо, тоже приходилось несладко, потому что скоро адский мир растаял вокруг меня, и я очутилась в узком ущелье с высокими стенами.

Ядовитые змеи выползали на дорогу и десятками бросались на меня, но я перескакивала через них, прыгая с валуна на валун. Ущелье, изогнувшись, как эти змеи, повернуло к огромной скале. Высоко на ее вершине стоял дворец с изумрудным куполом. Отчего-то я знала, что, если лев успеет укрыться в нем, все будет потеряно. Скала под моими когтями превращалась в уступчивую глину.

Я снова закричала голосом пантеры, и мой крик остановил его. Лев повернулся, чтобы сражаться. Он стал расти, пока снова не превратился в архонта. Теперь его рост был футов двадцать или больше, и у него остались длинные львиные когти и огромные желтые зубы. Он вызывающе завыл, и ущелье ответило ему эхом. Я бросилась на него, чувствуя, как близко от меня его когти, стремящиеся разорвать мою плоть.

В прыжке я прокусила его бороду, почувствовала горячее, мягкое горло и сжала свои сильные челюсти. Кровь, которой я так жаждала, рванулась наружу. Когти его разжались. Архонт рухнул, но я не ослабила своей смертельной хватки, продолжая трясти его, пока кровь не перестала течь и пока не остановилось его сердце.

Только тогда я разжала челюсти и подняла голову. Я стояла над трупом архонта. Маленький черный росток поднялся из его груди, я знала, что это то, что осталось от его души. Я прихлопнула его лапой и раздавила.

Архонта больше не было.

Мой победный крик отразился эхом от самой луны.

Потом архонт, дворец, ущелье и луна исчезли, и я больше не была пантерой. Я была Рали – чересчур смертной женщиной и воином.

Я лежала на палубе корабля, мои многочисленные раны кровоточили. Это был мой корабль. Вокруг лежали тела стражниц. Рядом лежали Гэмелен и Полилло. Я с трудом встала и посмотрела вдаль.

Я знала, что живой не покидала эту палубу. Я сражалась на ней. И моя душа продолжила битву в других мирах и победила. Я встала на одно колено и поблагодарила Маранонию за благородную смерть, посланную ее дочерям.

Я посмотрела на свою ладонь. Шрам исчез навсегда.

И тогда я заплакала. Я оплакивала Полилло, Гэмелена, Корайс, Исмет и остальных. Я оплакивала себя. Я была жива и знала, что жизнь станет отныне тяжелой ношей.

Глава двадцать шестая КРИК ЧАЙКИ

Я плохо помню, что было дальше. Я долго добиралась до дома. Думаю, я голодала. Кажется, я страдала от холода и жары. Каким-то образом я справилась с парусом, сумела закрепить руль и продолжала плыть на восток, к дому. Почему-то ветра были добры ко мне и не сорвали парус с мачты. Почему-то море сдержало свой гнев. Может быть, боги решили больше не испытывать меня, поняв, что все, что можно, у меня уже отнято.

В конце концов я увидела корабль – это был ориссианский корабль из флотилии Амальрика. На этот раз он был настоящим, и капитан, увидев меня, ужаснулся, когда узнал мое имя и услышал, что со мной произошло.

Как вы уже знаете, когда я прибыла домой, меня чествовали как героиню. Встреча была искренней и теплой, и радость затопила меня. Народ Ориссы устроил мне овацию, и меня на руках понесли по улицам к Большому Амфитеатру, где в мою честь говорились хвалебные

речи, а потом вино текло рекой в тавернах и на настоящих ориссианских пирах.

Амальрик так обнимал меня, что я думала, не обойдется без перелома ребер. Омери поцеловала меня, и мы обе расплакались от счастья. Порсемус и другие братья были холодны и далеки, как и ожидалось. Я была рада постоянству их неприязни почти так же, как любви Амальрика.

Я с большим восторгом узнала, что Джинна не добился таких почестей, какими одарил его архонт в фальшивой Ориссе. Когда войска вернулись из Ликантии, он был осужден магистрами и воскресителями за бестолковое ведение осады и за то, что послал гвардию в погоню за архонтом вместе с пиратским сбродом. Его лишили всех званий – даже его семья отеклась от него – и выгнали из города. Последний раз о нем слышали, что его похитили работорговцы и он ворочает весло на дырявой барже в пиратских водах Джейпура.

Пока мы отсутствовали, о нас постоянно тревожились, молились и приносили в нашу честь жертвы. Перед моим возвращением в Ориссе случилось сильное землетрясение, а его эпицентр был под холмом, на котором стоит храм Воскрешения. К счастью, повреждения были минимальны. Воскресители потом вычислили, что землетрясение случилось как раз тогда, когда я сражалась с архонтом в других мирах в теле пантеры.

Что касается этого священного животного, то я вижу его теперь только в тревожных снах.

Моя личная жизнь могла бы теперь быть очень напряженной, если бы я захотела. Многие женщины хотят находиться со мной ночью и днем. Как и предсказывала принцесса Ксиа, Трис примчалась ко мне сразу после моего возвращения. Она, конечно, не вышла замуж, а наоборот, клялась, что хранила все это время любовь ко мне. Она сказала, что между нами просто произошло недоразумение, и иногда мне кажется, что это правда. Но тогда... в общем, мне просто хотелось остаться одной.

Писец спрашивает, что я буду делать дальше. Какая разница? Книга закончена, история рассказана.

Ладно, писец, я попытаюсь сказать тебе.

Неделю назад Амальрик пригласил меня на свою виллу. Мы хорошо провели время, попивая вино и болтая, а Омери играла нам на флейте. Сад остался прежним – запутанные полустарые тропы, благоуханные цветы и плодоносящие деревья. Мы с братом бродили по тропинкам, взяв с собой вино, а потом присели отдохнуть возле фонтана, рядом с простым камнем на могиле моей матери.

Амальрик задал мне тот же вопрос: что я буду делать дальше?

Я засмеялась.

– Я-то думала, что тебе приятно просто болтать со мной, братец. Но теперь вижу, что ты пригласил меня неспроста. Не можете оставить солдата в покое? Значит, мне сразу после возвращения надо приниматься за дела? Не хотите, чтобы я стала лентяйкой. – Я многозначительно подняла пустой бокал. – Вот что я хочу делать сейчас. И еще немного солнца и песен. Разве это неправильно?

Амальрик понял намек и снова наполнил бокал. Потом он сказал:

– Знаешь, сейчас заново создают маранонскую гвардию.

Я вздохнула.

– Знаю. Магистры уже предлагали мне возглавить ее. Я насколько возможно вежливо отказалась.

Амальрик весело одобрил меня, улыбнувшись своей мальчишеской улыбкой.

– Так они мне и сказали. И они попросили оказать на тебя небольшое давление, чтобы ты согласилась.

Я покачала головой.

– Скажи им, что умолял меня на коленях, но я отвергла все предложения.

– Но что изменилось, Рали? – спросил он. – Ведь маранонская стража когда-то была твоей жизнью. Ты с детства мечтала стать воином.

Я еще отпила вина и сказала:

– Я устала водить молодых женщин на смерть. Ко мне приходит и так слишком много духов погибших. С меня хватит.

– Значит, ты покончила с военной службой?

– Еще не знаю. Но пока Ориссе не грозит опасность, не думаю, что я захочу взять в руки оружие.

– Так чего же ты хочешь? – не отставал он.

И тут мне неожиданно на глаза навернулись слезы.

– Чтобы меня оставили в покое, – прошептала я, стараясь не разрыдаться.

Амальрик обнял меня.

– Этого никогда не случится, сестренка. Такая уж у тебя несчастливая судьба – быть непогибшей героиней.

Я прекратила жалеть себя и вытерла слезы.

– Еще у меня несчастливая судьба потому, что я умею только воевать.

– Это не так, – усмехнулся брат. – Ты можешь приносить пользу не только мечом. Я знаю это с тех пор, когда мальчишкой бегал за тобой, чтобы постоянно находиться в твоём обществе.

Я посмотрела на поросший мохом камень на могиле матери. Наверное, ждала совета. Но не получила его. Колеблющийся образ не появился. Не было аромата сандалового дерева, не было ласкового шепота.

Подул мягкий ветерок, принесший запах реки. И с ним пришло воспоминание о палубе галеры, парусах, соленых волнах и убегающем горизонте – дразнящем, как закрытое вуалью лицо девушки.

– Через месяц отправляется экспедиция, – сказал Амальрик.

И я подумала: да!

– Ходят слухи о возможности хорошей торговли далеко на юге, где никто еще не был.

И я подумала: да!

– Не буду обманывать тебя – экспедиция будет опасной, – сказал брат. – Будут холод и голод, и шансы на успех невелики. Но это будет приключение, Рали. Новые земли. Новые люди. Новые надежды. Это я обещаю.

И я подумала: да!

– Экспедиции нужен воскреситель, – сказал он.

Мое сердце упало.

– Но мне никогда не позволят! Ни одна женщина не была воскресителем с начала истории Ориссы.

– Значит, пришло время начать, – сказал Амальрик. – Ведь ты – Рали Эмили Антеро. И ты можешь делать все, что захочешь. Так что скажешь, дорогая сестра? Ты согласна?

И я сказала:

– Да!

Вот так, писец. Вот и конец истории женщины, которую глупцы называют героиней. Ты почти все записал, и скоро книга появится в лавках.

Интересно, что подумают люди, когда прочтут книгу? Иногда я представляю себе девочку, лежащую ночью в постели, она переворачивает страницы, прячась с фонарем под одеялом, чтобы нянька не ругала ее. Что подумает эта девочка? Может, она захочет променять своих кукол на меч? Если она так сделает, одобрю ли я ее выбор? Честно говоря, не уверена. Мне кажется, лучше всего ей быть собой – женщиной, равной мужчинам в любом деле, какое бы она ни выбрала.

И может быть, писец, когда эта девочка услышит крик чайки, она вспомнит меня.